ТУРКЕСТАН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ИСТОРИИ ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

968.4
Т-880

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ТУРКЕСТАН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ИСТОРИИ ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

ТАШКЕНТ
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО
КОНЦЕРНА «ШАРК»
2000

Руководитель проекта

доктор исторических наук

Д. А. Алимова

Научный редактор

доктор исторических наук

Р. Я. Раджапова

Рецензенты:

доктор исторических наук

Д. Х. Зиявева

доктор исторических наук

В. Л. Гентшке

Т 88

Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости // Коллектив авт.: Р. М. Абдуллаев, С. С. Агзамходжаев, И. А. Алимов и др./.— Т.: «Шарк», 2000.— 672 с.

В надзагл.: АН Республики Узбекистан. Институт истории.

ББК 63.3(5У)

© Главная редакция издательско-полиграфического концерна «Шарк», 2000 г.

Посвящается 10-летию независимости Республики Узбекистан

ВВЕДЕНИЕ

В свете исторических свершений, происходящих в настоящее время в независимом Узбекистане, вполне обосновано возрастание общественного интереса к истории Туркестана начала XX столетия. Выдвинутые в тот период его патриотическими силами идеи и лозунги антиколониализма, национальной независимости, реформирования общественного устройства на принципах демократии и общенациональных ценностей, широкое национально-освободительное движение, охватившее представителей всех социальных слоев, всех коренных народов края, сотни тысяч из которых отдали жизни во имя свободы своей Родины, являют собой доказательства объективной закономерности свободного, независимого демократического развития, устремленности узбекского народа к обновлению и прогрессу на принципах сохранения своих национальных ценностей и традиций, а также интеграции в мировое сообщество.

Учитывая актуальность и практическую значимость обращения к этим героическим и трагическим страницам многовековой летописи узбекского народа, несущим в себе огромный заряд воспитательного воздействия на решение задач национального возрождения, духовного обновления общества и человека, авторский коллектив предпринял многоплановое комплексное исследование истории Туркестана в 1917—1924 гг. В соответствии с этой целевой установкой определены конкретные задачи: всесторонне проанализировать основные аспекты общественно-политической и социально-экономической жизни Туркестана изучаемого периода; выявить их основные тенденции и процессы; изучить ведущие социальные и политические силы общества; проследить динамику их развития и влияния на ход общественного развития; осмыслить их программные заявления; воссоздать политические портреты их лидеров и идеологов; обобщить и оценить их практическую деятельность; переосмыслить ис-

торию Бухары и Хорезма, выявить сущность «революционных» преобразований в них.

Научная новизна монографического исследования определена:

Во-первых, обновлением теоретико-методологических основ научного познания исторического прошлого. Широкие познавательные возможности открыл примененный к изучению истории исследуемого периода историко-культурный, цивилизационный подход. Признание им самобытности каждой цивилизации как целостной, устойчивой системы с присущими ей стилем, способом жизни народов, свойственными ей комплексом знаний, философией жизни, системой ценностей и культурно-исторических традиций, в соответствии с которыми эти народы стремятся строить свою жизнь, свои социальные и политические институты, высветили потребность в более углубленном познании национальных приоритетов и ценностей узбекского народа, его устремлений. Благодаря этому подходу произошла переориентировка исследовательских позиций, а именно изучения всей совокупности событий и фактов исследуемого периода сквозь призму национальных приоритетов и ценностей, осмысления на этой основе сущности и направленности основных тенденций и процессов в общественно-политической, социально-экономической и духовной жизни народа в изучаемый период.

Для разработки методологических основ и концептуальных установок исследования определяющее значение имели сформулированные в трудах Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова теоретико-мировоззренческие оценки среднеазиатской цивилизации, ведущие приоритеты менталитета узбекского народа, принципы национальной идеологии и стратегии суверенного национального развития, характеристика колониально-имперской сущности советского режима и поставленных им перед исторической наукой актуальных задач.

Во-вторых, обогащением источнико-информационной базы исследования. В научный оборот введен новый массив исторических и историографических фактов. В их ряду особого внимания заслуживает публикация произведений и творческих биографий М. Бехбуди, А. Фитрата, Чулпана, Мунаввара Кары и других лидеров джадидской национальной интеллигенции; публикация исторической, политической, мемуарной литературы представителей туркестанской политической эмиграции; издание в рес-

публике и за рубежом программных документов туркестанских национально-демократических партий и движений начала XX века; возвращение к жизни запрещенных ранее книг; новые извлечения из бывших советских архивов (государственных и партийных, комитета государственной безопасности) и прежде всего документов, связанных с национально-освободительным движением: листовки, воззвания, обращения его руководителей, воспоминания его участников и их родственников; переосмысление множества традиционных исторических и историографических источников советской исторической науки; широкий охват данных национальной прессы за 1917—1924 гг. (арабская графика).

В-третьих, углубленным осмыслением историографического наследия, созданного туркестанской политической эмиграцией, а также зарубежными советологами. Дальнейшее поступательное приращение знаний по истории Узбекистана может идти только с учетом накопленных знаний обо всех потоках научной мысли. Изучение всего многообразия научных концепций, как отечественных, так и зарубежных, оказало воздействие на расширение горизонтов познания, оплодотворило научный поиск новыми фактами и сюжетами.

Вышеназванные направления научного поиска предопределили основательное обновление исследовательской лаборатории исторического знания и вывели его на новый уровень осмысления основных событий и процессов в жизни народа в изучаемый период.

Ведущей, все определяющей тенденцией общественной жизни народов Туркестана в изучаемый период являлось стремление реализовать свое неотъемлемое право на самоопределение и обустройство своей жизни в соответствии со своим мировоззрением и миропониманием, своими общественными, духовно-религиозными, нравственно-моральными нормами и принципами. Пронизанность этой тенденцией мирного автономистского движения, зародившегося и организационно оформившегося в послефевральский (1917 г.) период, возглавленного джадидскими национально-демократическими лидерами, идеологическая и политическая устремленность которых нашла практическое воплощение в провозглашенном в ноябре 1917 г. Туркистон мухторияти — первом опыте национально-демократической государственности на территории края; вооруженного всенародного движения — Истиқлолчилар ҳаракати (называемого в советской ис-

ториографии «басмаческим движением») в период 1918—1924 гг.; национальной оппозиции, оформленной в эшелонах большевистской власти, — убедительно свидетельствует о том, что все эти движения представляли собой отдельные звенья единой цепи национально-освободительного движения народов Туркестана, являвшегося в изучаемый период решающим фактором развития общественной жизни.

Воссозданная в монографии на обширной, вновь введенной в научный оборот документальной базе история каждого из этих движений подтверждает объективную обусловленность их появления на арене общественной жизни Туркестана со свойственными им организационными формами, движущими силами, лидерами, программными документами, практическими действиями. Каждое из этих движений внесло свой вклад в развитие идеологии и программы национально-освободительной войны в Туркестане в целом, в ее организационные формы, в политическое воспитание и консолидацию народа, всех его социальных слоев и национальностей в борьбе за свободу и независимость Родины.

Научная разработка этих и других новых в узбекистанской историографии сюжетов вывела на иной уровень научного познания истории этого периода, позволила раскрыть остроту, противоречивость, трагичность протекавших здесь общественных процессов, незатухающее противоборство национально-патриотических сил насаждавшемуся извне большевистскому режиму с его централизаторскими, колонизаторскими устремлениями, осуществляемыми в основном при опоре на вооруженные силы Центра и при сосредоточении всей власти в крае в руках полномочных представительных органов Центра — Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, Туркбюро (позже Средазбюро) ЦК РКП, РВС и штаба Туркфронта.

Исследование с позиций национальных приоритетов проведенных большевиками мероприятий по социализации экономической, социальной, духовной сфер края высветило всю глубину кризисной ситуации, порожденной стратегией «военного коммунизма», порочность которого не смогла изменить попытка большевистского руководства реформировать его путем разработки «новой экономической политики» (нэп). Катастрофическое падение промышленного и сельскохозяйственного производства, голод вкупе с масштабной практикой революционного насилия, повсеместным игнорированием национальных

интересов вызывали острое неприятие советской власти в разнообразных слоях туркестанского общества, стремление их представителей с оружием в руках противостоять ее притязаниям. Этим вызывалось длительное, несмотря на огромные человеческие жертвы, незатухающее пламя национально-освободительной войны в крае.

Новым прочтением характеризуется история Бухары и Хорезма в изучаемый период. Документально обоснована мифичность декларированных большевиками «народного восстания и победы демократических революций в Бухаре и Хорезме». Это был чистейший экспорт революции.

Закрепление имперских отношений с Бухарской и Хорезмской республиками, так же, как и с Туркестанской, нашло свое окончательное завершение в изучаемый период в осуществленном большевиками Центра акте национально-территориального размежевания Средней Азии. Претворение в жизнь этого акта явилось удачно осуществленным большевиками тактическим маневром. Центру удалось направить внимание народов региона с внешнего врага, каковым для них являлся он сам, на внутренние проблемы, что не замедлило сказаться на временном затухании национально-освободительного движения в крае.

И самое главное, этой акцией большевики добились существенных успехов и в своих стратегических замыслах. Вовлечение в национально-территориальное размежевание одновременно с Туркестанской автономной республикой в составе РСФСР также Бухарской и Хорезмской республик — юридически независимых государств,— их передел и образование на их основе новых национально-территориальных образований в составе СССР привело к исчезновению с политической карты мира этих двух древних среднеазиатских государств. Большевики еще раз подтвердили свою верность имперской политике царизма, его геополитическим притязаниям на среднеазиатский регион.

Новая концепция истории Туркестана этого периода, предложенная авторским коллективом, однозначно свидетельствует о ее фальсифицированном, тенденциозном, одностороннем освещении советской историографией, заложенным генетически порочным подходом к изучению событий и процессов туркестанской действительности с классовых позиций при полном игнорировании местных особенностей общественно-политического и социально-экономического уклада народов края, их быта, нравов,

социальной психологии, традиций, духовной культуры, религиозной приверженности.

Предпринимая попытку создания новой концепции истории Туркестана начала XX столетия, в которой в совокупности рассматриваются проблемы общественно-политического и социально-экономического развития, авторский коллектив не мог не понимать сложности такой задачи. Решение многих вопросов — и дискутируемых, и новых — возможно лишь при наличии коллективных усилий ученых, требует последующего поиска новых источников, еще более глубокого осмысления многих аспектов истории изучаемого периода, дальнейшего накопления исследовательского опыта. Отстаивая свою точку зрения на поднятые в монографии проблемы, авторский коллектив не строит себе каких бы то ни было иллюзий относительно окончательности ответов на них и не стремится создавать подобные иллюзии у читателей. Отклики и замечания по поводу высказанных в книге суждений будут приняты с благодарностью.

Монография «Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости» написана авторским коллективом в следующем составе: доктора исторических наук Р. М. Абдуллаев (раздел I: гл. I), С. С. Агзамходжаев (раздел I: гл. I; § 3, 4 гл. II), И. А. Алимов (раздел I: § 4 гл. VI), А. А. Голованов (раздел II: § 2, 3, 4 гл. I; гл. II; § 2, 3 гл. III; § 2 гл. IV), Р. А. Нуруллин (раздел I: § 1, 2 гл. II; § 1, 2 гл. V; § 1, 2, 3 гл. VI), Р. Я. Раджапова (введение, раздел I: гл. I; гл. IV; раздел II: § I гл. IV; заключительная глава); кандидаты исторических наук В. А. Иванов, Е. А. Прилуцкий (раздел I: гл. III), К. К. Раджабов (раздел I: гл. IV; раздел II: § 1 гл. I, § I гл. III), В. А. Семенюта (раздел I: § 3 гл. V), М. К. Хасанов (раздел I: § 3, 4 гл. II).

В монографии использованы материалы кандидатов исторических наук Л. П. Дядюры (раздел I: гл. I), С. Н. Шакировой (раздел I: гл. II). Научно-вспомогательная работа по подготовке монографии к печати выполнена кандидатом исторических наук Л. П. Зотовой.

Институт истории АН РУз выражает искреннюю признательность Государственному комитету по науке и технике за помощь в подготовке к изданию этой монографии.

Раздел I

ТУРКЕСТАН В 1917—1920 гг.

Глава I

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

1. ТУРКЕСТАН НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Начало XX столетия совпало с одним из острейших переломных периодов в истории Туркестанского края[1]. Зревшие в его недрах на протяжении предшествующих десятилетий процессы выплеснулись на поверхность общественной жизни, раскрыв глубины кризиса, охватившего ее устои. Эти процессы, порожденные внешними и внутренними факторами, были неоднозначны по своей природе, но едины по своему разрушающему воздействию.

В первом ряду факторов, приведших к длительной стагнации, сопровождавшейся снижением жизненного уровня большинства населения и его обнищанием, стояла насильственная модернизация туркестанского общества на западный лад. Осуществленная извне, колониальными методами, эта модернизация превратилась в фактор, постоянно реанимирующий отсталость. Во-первых, созданные за годы экономической экспансии новые очаги народного хозяйства Туркестана: усиленно развивающееся хлопководство, хлопкоочистительная,

---

[1] В начале XX столетия территория современного Узбекистана входила в состав трех государственных объединений: Туркестанского генерал-губернаторства, образованного после завоевания Средней Азии Россией и включенного в ее состав в качестве колонии, а также Бухарского эмирата и Хивинского ханства, формально самостоятельных, но находившихся под протекторатом России. Наиболее крупным по территории и населению было Туркестанское генерал-губернаторство, именовавшееся тогда также Туркестанским краем, Туркестаном. В его состав входили Самаркандская, Сырдарьинская, Ферганская, Закаспийская и Семиреченская области. Основную преобладающую часть более чем пятимиллионного населения края составляли узбеки, таджики, киргизы, казахи, туркмены и другие коренные народы. Все они были приверженцами ислама, мусульманами. Но понятия «мусульманин», «мусульманское население» приобрели тогда не только религиозное, но и этническое содержание и использовались для различения коренного населения и русскоязычных переселенцев из России, общая численность которых составляла менее десятой части всего населения края.

хлопкомаслобойная, горнодобывающая промышленность, железнодорожный транспорт и другие отрасли — не являлись неотъемлемой частью национального хозяйственного комплекса края. Они были связаны с потребностями центральных промышленных районов России, и вывоз их продукции за пределы Туркестана лишал его прибылей и подрывал тем самым возможности перехода к расширенному воспроизводству. Во-вторых, насаждение очагов капиталистического производства деформировало экономику края, создавало хаотическую многоукладную общественную структуру, лишенную внутреннего организующего центра, несостыкованность ее современных и традиционных секторов. Причем последний, представленный в основном ремесленно-кустарным производством, из-за конкуренции промышленных товаров метрополии все больше приходил в упадок, разрушался. И последнее: аграрно-сырьевая ориентация хозяйства края, работавшая на экономику России, сокращение посевов зерновых, упадок ремесленно-кустарного производства усиливали его экономическую зависимость. Всю тяжесть губительных последствий этой зависимости испытали на себе народные массы в годы первой мировой войны: из-за срывов в работе перегруженных железных дорог продовольственный кризис и голод приобрели хронический характер.

Экономическая отсталость еще более усугублялась политическим бесправием коренных народов края при привилегированном положении всех слоев пришлого населения, неограниченном господстве установленного царизмом колониально-административного аппарата, управляющего краем при опоре на штыки оккупационной армии.

В сфере культуры процесс модернизации, навязанный извне, нес с собой угрозу разрушения национального культурного наследия, утраты жизнеспособных традиционных ценностей народа.

Колониализм, подрывая традиционную структуру хозяйства Туркестана, вместе с тем лишал его возможности самостоятельной трансформации в буржуазном направлении на национальной основе, содействовал застою, регрессу, отсталости, росту безработицы, падению жизненного уровня людей. Все это создавало повышенную конфликтность общественной жизни, политическую нестабильность, конфронтацию сил. Свидетельством этому были многочисленные стихийные

народные восстания, которые постоянно сотрясали край.

В противовес процессу навязанной извне модернизации в недрах туркестанского общества назревал противоположный процесс, основная тенденция которого выражалась в нарастающем актиколониализме. Существовавший колониальный режим все больше осознавался как угроза самобытности коренных народов края, подрыва их традиционного образа жизни. И естественно, антиколониалистские настроения, свойственные всем социальным слоям и группам туркестанского общества, нашли свое выражение в стихийном стремлении туркестанцев к общетуркестанской консолидации на традиционных принципах и нормах общественных отношений, приверженности национальным образцам поведения человека. Тяга к защите своей национальной самозначимости находила выражение в стихийных протестах народных масс. Сотрясавшие устои колониального режима народные выступления, восстания, от узколокальных до крупных, охватывающих весь регион, вызванные разнообразными поводами, неизменно проходили под лозунгами защиты независимости и свободы. Яркую страницу в историю освободительной борьбы народов края вписало восстание 1916 г.

Оно было одним из наиболее массовых проявлений национально-освободительной борьбы народов Туркестана против колонизаторского насилия. Будучи общенародным движением, охватившим представителей различных слоев населения, оно преследовало общенациональные интересы — национальное освобождение, восстановление национальной государственности, что ярко проявилось в Джизакских событиях 1916 г. Благодаря непосредственным усилиям таких представителей прогрессивной интеллигенции Туркестана, как Мустафа Чокаев, Убайдулла Асадуллаходжаев, Мунавар Кары, их обращению к Государственной Думе России события 1916 г. в Туркестане получили широкий политический резонанс и в России. Вопрос о восстании 1916 г. был рассмотрен на закрытом заседании Государственной Думы России 13 и 15 декабря 1916 г. Предварительно депутаты Думы в августе 1916 г. провели опрос среди участников восстания в наиболее крупных городах Туркестана и собрали их показания и свидетельства. Информация, оглашенная на данном

заседании Думы, основанная на непосредственных показаниях повстанцев, как и выступления депутатов Думы, а также личные оценки и суждения отдельных представителей российской администрации в Туркестане показали, что восстание 1916 г. даже его современниками воспринималось и осознавалось как великое пробуждение туркестанцев и оценивалось как резкий протест народов Туркестана против колониального гнета[1]. Восстание 1916 г. оставило неизгладимый след в национальном самосознании коренного населения, в упрочении в нем идей борьбы против колониализма за независимость и незыблемость народных устоев.

Исторически обусловливалось, что консолидирующую роль в этом процессе играло мусульманское духовенство. Уламо всех рангов (проповедники, преподаватели в религиозных учебных заведениях, религиозные судьи, управляющие благотворительными учреждениями и др.) через находящуюся в их распоряжении разветвленную сеть институтов воспитания, просвещения и образования — мечети, мактабы, медресе, семью, махаллю — вели регулярную работу по укреплению позиций ислама, сохранению незыблемости его догматов и норм, традиционных связей и исламских ценностей.

Однако охранительная политика по укреплению позиций ислама, шариата, независимо от намерений возглавлявших ее сил, объективно вела к консервации общественных и социальных структур мусульманского общества, оборачивалась для него застоем производительных сил, постепенным усилением закрытости общества, его обособленности и отчужденности от всего остального мира.

Внутри туркестанского общества все явственнее назревало осознание опасности изоляционизма, отсталости. Тенденции к застою, обнищанию народных масс не могли не волновать передовых представителей края. В общественном сознании все большую силу набирали идеи реформации, модернизации общества, его развития по пути прогресса, науки, образования, во взаимосвязи с реалиями современности, с использованием лучших научных, технических и культурных достиже-

---

[1] См.: З и я е в а Д. Х. Национально-освободительное движение в Туркестане в историографии XX века (проблемы изучения истории восстания 1916 года и движения «истиклолчилик» 1918—1924 гг.). — Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Ташкент, 1999. С. 26, 49.

ний других цивилизаций. Основываясь на позициях необходимости сохранения гуманистических ценностей ислама, его укрепления как одного из основных элементов общественной жизни, интеллектуальные силы Туркестана высказывались за его реформирование, необходимость современной трактовки его догматов, смягчение норм шариата в повседневной жизни.

Сознательными выразителями этих устремлений выступила определенная группа интеллигенции, представители которой неоднократно бывали за границей, получили там современное образование, находились под влиянием личных контактов с лидерами реформистского движения, развившегося в странах Востока с середины XIX века.

Джадидизм, выступивший на арену общественной жизни Туркестана как культурно-просветительное движение, ставившее своей целью реформирование схоластического образования, в начале XX века оформился в широкое общественное движение. Оно объединяло в своих рядах выходцев из различных слоев: представителей зарождающейся национальной интеллигенции, передовых элементов мусульманского духовенства, купечества, преподавателей и студентов духовных школ, мелких чиновников, прогрессивных издателей, писателей, журналистов и др. Его наиболее видными представителями были М. Бехбуди[1], Абдурауф Фитрат[2], Абдулла Кадыри[3], Убайдулла

---

[1] Махмудходжа Бехбуди (1875—1919) — виднейший представитель узбекской интеллигенции начала XX столетия, один из лидеров джадидского движения. Родился в Самарканде, в семье муллы, учился в Самаркандском и Бухарском медресе, там же изучал арабский, персидский языки. Много путешествовал. Долгое время жил в Турции, Египте, где досконально ознакомился с состоянием народного образования — новометодными школами, высшими учебными заведениями. Свое пребывание в Петербурге, Москве, Казани, Оренбурге он совмещал с изучением опыта работы новометодных школ, их учебно-воспитательной системы, образцов литературы и печати. Вернувшись в Самарканд, он разворачивает активную деятельность: открывает новометодные школы, пишет новые учебные пособия, начинает издание газеты «Самарканд» и журнала «Ойина». В эти годы раскрывается его литературный талант. Он пишет пьесу «Падаркуш», которая ставится на сценах многих городов Туркестана. Бехбуди активно сотрудничает во многих джадидских изданиях — газетах и журналах: «Садойи Туркистон», «Садойи Фаргона», «Хуршид» и др. В своих статьях: «Бухорода усули жодид» (Новый метод в Бухаре), «Ёшларга мурожаат» (Обращение к молодежи), «Туркистонда мактаб жарида» (Школьный фонд Туркестана), «Туркистон идораси» (Управление Туркестана), «Саёхат хотиралари» (Очерки путешествий) и др. — с позиций реформатора-просветителя Бехбуди критически оценивает патриархальные обычаи, старое схоластическое обучение в медресе, суеверие и невежество, безграмотность местных правителей. Единственный путь освобожде-

Ходжаев[4], Мунаввар Кары[5], Тавалло[6] и многие другие.

ния от невежества он видел в подготовке новой национальной интеллигенции, обогащенной передовым опытом и знаниями и способной внедрить их среди своего народа.

После февральской революции принимал активное участие в общественно-политической жизни Туркестана. С апреля 1917 г. — член Президиума краевого совета мусульманских депутатов, член редколлегии газеты «Хуррият». С именем М. Бехбуди связано создание первых национальных политических организаций в Самарканде. Он был участником I—IV краевых мусульманских съездов. После разгрома Туркистон мухторияти (Кокандской автономии) он отошел от активной политической деятельности. Вплоть до трагической гибели в 1919 г. Бехбуди работал инспектором отдела народного образования Самаркандского совета.

[2] А б д у р а у ф Ф и т р а т (1886—1938) — ученый, писатель, виднейший представитель туркестанского джадидизма, идеолог и лидер бухарских джадидов. Родился в Бухаре, здесь же обучался в медресе. Крупнейший знаток политического, общественного, экономического, научного положения Бухары. Судьба Фитрата тесно связана с джадидизмом. Автор «Путеводителя спасения» — выдающегося памятника литературы, общественной и философской мысли народов Туркестана дооктябрьского периода, в котором намечался вывод народов края из невежества и косности на путь прогресса и дальнейшего развития. После февральской революции он стал секретарем центрального комитета младобухарской организации, созданной в Бухарском эмирате. Фитрат был автором проекта реформ, предусматривавших введение в Бухаре государственности, замену средневековой деспотии просвещенной монархией европейского образца, ратовавший за радикальные культурные и экономические нововведения. В 1920 г., после свержения власти эмира, Фитрат занимал в бухарском правительстве должность заведующего вакфным управлением, назира иностранных дел и просвещения. В 1923 г. после обвинения его в злоупотреблении властью он отошел от политики и посвятил себя научной, преподавательской деятельности. В эти же годы он создает ряд художественных произведений: «Судный день», «Абдулфаизхан», в которых беспощадно развенчивает зачатки тоталитаризма. В 1938 г. Фитрат был репрессирован.

[3] А б д у л л а К а д ы р и (псевдоним Джулкунбай, 1894—1938) — основоположник узбекской романистики, представитель туркестанского джадидизма. Кадыри родился в Ташкенте, в махалле Эшонгузар, учился в старометодной школе, окончил с отличием русско-туземную школу, в медресе изучал арабский и персидский языки, произведения восточных классиков. Уже первыми своими произведениями — стихами «Наши обстоятельства», «Моя нация» — заявил о своей приверженности идеям туркестанского джадидизма. Эту приверженность он пронес через все свое творчество. В многочисленных рассказах, сатирических произведениях, литературно-критических работах, романах «Минувшие дни», «Скорпион из алтаря» воссоздавал недавнее прошлое своего народа, выступал с острой критикой изжившей себя системы управления страной, деспотизма хана и его ближайшего окружения, действовавших в ущерб интересам нации и общества. Он был глубоко озабочен политической отсталостью народа. Своими произведениями Кадыри сеял в народе семена патриотизма, любви к родине, звал к укреплению национального единства. Он сыграл важную роль в возрождении массового национального самосознания. В 1938 г. Кадыри был арестован, объявлен «врагом народа» и казнен, в 1956 г. — реабилитирован.

[4] У б а й д у л л а Х о д ж а е в (полное имя — Убайдулла Хужа Асадулла-хужа угли, 1879—1938) — один из первых узбекских адвокатов, журналист, один из лидеров джадидского движения в Туркестане. Родился в Ташкенте в махалле Корегди в семье садовода. Учился в русско-туземной

школе, работал переводчиком в адвокатской конторе, получил высшее юридическое образование в Саратовском университете. Его деятельность на адвокатском поприще в Ташкенте принесла ему среди общественности широкую известность как видного правозащитника. Человек неравнодушный к судьбам своей родины и своего народа, он стал активным участником джадидского движения в крае. Своей деятельностью на посту редактора газеты «Садойи Туркистон», корреспондента газеты «Туркестанский голос» он оказал решающее влияние на становление и развитие джадидской организации «Тараккий парварлар», в которой играл видную роль. После февральской революции избирался председателем Ташкентского «Шурои Исламия», членом Президиума краевого совета мусульманских депутатов, делегатом I и II Всероссийских съездов мусульман, членом Всероссийского исполкома мусульман («Милли Шуро»). Участник всех четырех краевых съездов мусульман, У. Ходжаев избирался председателем президиума этих съездов. В составе Временного правительства Туркистон мухторияти занимал посты министра внутренних дел и военного министра, был одним из авторов его программных документов. В советский период неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В последний раз он вернулся из ссылки весной 1937 г., однако в 1938 г. он снова был арестован и приговорен в ссылке, где вскоре умер.

[5] Мунаввар Кары (полное имя — Мунаввар кары Абдурашидхан угли, 1878—1931) — писатель, педагог-просветитель, один из лидеров туркестанских джадидов. Родился в Ташкенте, в семье мударриса (преподавателя медресе) Абдурашидхана. Обучался первоначально в школе домлы Усмана, затем в ташкентском медресе Юнусхон, с 1898 г. — в бухарском медресе, по возвращении в Ташкент был одно время имамом в мечети Дархон. С первых шагов своей самостоятельной деятельности он вошел в ряды зарождающегося движения прогрессистов-патриотов (джадидов) и за короткий срок стал одним из его лидеров. Безоговорочно восприняв идеи Исмаила Гаспринского о реформе школьного образования, просвещении народа и его выводе на путь прогресса, он всецело посвятил свою жизнь их осуществлению в Туркестане. С его именем связано открытие новометодных школ, подготовка и издание для них учебников и учебных пособий, создание благотворительного общества, оказывавшего материальную помощь учащимся, организовывавшего отправку лучших из них в высшие учебные заведения России и Турции. Он был издателем и редактором газеты «Хуршид» (1906 г.), позже — главным редактором газет «Нажот» (1917 г.), «Кенгаш» (1917 г.), «Хуррият» (1917 г.), «Осиё», «Сурат», «Хакикат», «Турон»; редактором отдела в «Садойи Туркистон» (1914—1915 гг.); автором редакционных статей и очерков в этих изданиях. Он стоял у истоков зарождения национального театра и драматургии, внес значительный вклад в подготовку артистических сил, был духовным наставником многих представителей национальной литературы и драматургии.

Мунаввар Кары — видный общественный деятель, политическая деятельность которого активизировалась в связи с событиями 1916 г. и особенно после февральской революции. Он был одним из основателей и руководителей «Шурои Исламия», участником I—IV краевых съездов мусульман. После октябрьского переворота отошел от активной политической деятельности, работал на ниве просвещения. В 1929 г. в возрасте 51 года он вместе с группой бывших джадидов (78 человек) был арестован и подвергся длительному следствию. В архивах КГБ материалы этого следствия значились как дело «Мунаввар Кары и других».

[6] Тавалло (полное имя — Тулаган Хужамиеров, 1882—1939), узбекский поэт и публицист, активный участник джадидского движения. Родился в Ташкенте, в семье интеллигента. В период обучения в медресе Беклярбеги увлекался узбекской и персидской литературой, изучал творчество крупнейших классиков восточной литературы, овладел арабским и персидским языками. Горячий приверженец джадидизма, Тавалло своим творчеством содействовал пропаганде и распространению его идей. Постоянно сотрудничая в «Садойи Туркистон», «Туркистон вилоятининг газетаси», «Садойи Фаргона», «Тараккий» и других газетах и журналах, он в своих стихах выступал за развитие экономики, науки и культуры края, просвещение народа.

Преодолевая сопротивление кадимистов, царского режима, не останавливаясь перед угрозой физического уничтожения, прогрессисты-патриоты (тараккийпарварлар), как именовали себя джадиды, своей просветительской деятельностью, открытием сети новометодных школ, в которых преподавались основы естественных наук, изданием газет и журналов и распространением печатной продукции, своими художественными произведениями, налаживанием связей с народными массами, укреплением каналов этих связей будили в народе стремление к прогрессу, знаниям, способствовали его включенности в жизнь всего человечества.

Исподволь развивавшиеся в течение десятилетий процессы, новые тенденции и явления, как внешнеполитического, так и внутриполитического порядка, вышли и на арену общественно-политической жизни начала второго десятилетия XX столетия других государственных объединений Средней Азии — Бухарского эмирата и Хивинского ханства.

Решающим внешнеполитическим фактором явился все углубляющийся кризис монархического режима, который в первом десятилетии XX столетия приобрел взрывной характер в крупных, соседних с Бухарой и Хивой, государствах — царской России и Турции. Под воздействием государств Европы и Америки, демократическое устройство которых обусловило прогрессивное, ускоренное развитие их производительных сил и производственных отношений, в этих монархических государствах реформаторское движение за модернизацию общества начало приобретать все более радикальный характер. Эхо событий революции 1905—1907 гг. в России, младотурецкой революции 1908 г. против собственной монархии докатилось и до среднеазиатских ханств. Здесь на политической сцене появились силы, заявившие, хотя еще и не столь решительно, о своей приверженности реформированию общества. Джадидизм Бухары и Хивы, возникнув одновременно с джадидизмом Туркестана как культурно-политическое, просветительское течение, в этот период стал приобретать политическую окраску. Но в отличие от туркестанских джадидов, видевших свою конечную цель в освобождении своего народа от колониализма, завоевании независимости и свободы, бухарским и хивинским джадидам приходилось противостоять монархам собственных государств. Политическим идеалом более

радикальных элементов джадидизма была Турция с ее конституцией, народным образованием и уважением к исламу. В своей тактике они оставались умеренными реформистами. Их конечной целью была конституционная монархия, они добивались проведения реформ в рамках существующего строя. Но даже эти умеренные требования джадидов встречали яростное сопротивление. Они вынуждены были действовать в глубоком подполье.

Позиции монархических режимов ханств были еще прочны. Бухарский эмират и Хивинское ханство, хотя и находились под протекторатом царской России, формально оставались самостоятельными государствами. Главы этих государств — эмир Саид Алимхан в Бухаре, Асфендиархан и родоплеменные туркменские вожди в Хиве — обладали неограниченной властью. Они были верховными властителями, распорядителями всех земель, назначали и смещали всех крупных чиновников, правителей бекств и уездов. Монархический режим поддерживался достаточно влиятельными консервативными силами — правителями бекств, чиновничьим аппаратом и т. д., не желавшими считаться с новыми веяниями и отстаивавшими абсолютную монархию как исконно бухарскую или хивинскую ценность. Надежной опорой режима являлось мусульманское духовенство. Значительное по численности и по влиянию на народные массы, оно занимало господствующее положение в мусульманском обществе, являясь прочным связующим звеном между монархом и народом, поддерживая в последнем убеждение в святости и божественном предназначении власти монарха.

Не имея широкой поддержки, социальной опоры внутри бухарского и хивинского общества, джадиды вынуждены были искать себе союзников вовне — в России и особенно в соседнем Туркестанском военном губернаторстве, а также среди российских подданных самих ханств.

Полувековой протекторат России над Бухарой и Хивой ознаменовался усилением здесь российского присутствия. Укрепление внешнеторговых связей с Россией, расширение ввоза российского капитала, строительство Закаспийской и Среднеазиатской железных дорог явились достаточно действенным импульсом для зарождения здесь буржуазных отношений. Но развитие последних приобрело в ханствах специфический

характер. Появление фабрично-заводских предприятий, банков, торговых фирм, сосредоточенных в большинстве случаев в руках российских капиталистов, было связано не только с удовлетворением потребности российской экономики в сырье, но и привело к усиленной миграции сюда российских подданных — чиновников, промышленников, купцов, рабочих, офицеров, солдат царских гарнизонов, христианского духовенства и т. д., селившихся обособленно в русских поселениях. Эти поселения, возникшие по линии железных дорог и речных пристаней, выросли очень быстро в крупные города, наиболее значительными из которых были Новая Бухара, Новый Чарджуй, Керки, Новый Термез, Новый Ургенч. Русские поселения, пользовавшиеся правами экстерриториальности и являвшиеся форпостами российского присутствия в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, в миниатюре повторяли присущую России внутриполитическую ситуацию с ее социальным расколом общества, противостоянием политических сил.

Среди определенных либеральных и демократических кругов этих русских поселений, находившихся в ведении российских императорских политических агентств, оппозиционные силы Бухары и Хивы и находили негласную поддержку, содействие и убежище. Успехи демократических кругов России вдохновляли бухарских и хивинских джадидов, вселяли в них надежду и веру в достижение своих целей.

В обстановке крайне напряженной и нестабильной внутренней общественной жизни региона, где антиколониализм в Туркестанском крае, антимонархизм в Бухаре и Хиве, поиск пути развития на собственной национальной основе являлись ведущими векторами зреющих тенденций общественной борьбы, коренные народы Туркестана оказались втянутыми в революционные события 1917 г., охватившие всю Российскую империю.

2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ

– 28 февраля 1917 г. захватом Петропавловской крепости и Зимнего дворца, арестом министров царского правительства завершились революционные события в Петрограде. Под напором стачек рабочих, общенародных демонстраций, кровавых боев с полицией, брата-

ния солдат с восставшими пали бастионы царского самодержавия. В столице Российской империи победила демократическая революция, которую поддержала вся страна.

2 марта на основе соглашения Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов с Временным комитетом Государственной Думы, состоявшим из представителей партий и организаций, объединенных под названием «прогрессивный блок», было образовано Временное правительство[1]. В России возникло двоевластие — своеобразное переплетение двух диктатур: демократической диктатуры в лице Временного правительства и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице советов. Это явление отразило своеобразие победоносной февральской революции, ее движущих сил и причин и наложило характерный отпечаток на последующее развитие событий в стране.

В опубликованных Декларации (3 марта) и Обращении к гражданам России (6 марта) Временное правительство изложило свою программу. Оно торжественно заявило о введении политических свобод — свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек; отмене всех сословных, религиозных и национальных ограничений; немедленной подготовке к созыву Учредительного собрания, призванного установить форму правления и принять конституцию страны; выборах в органы местного самоуправления; замене полиции народной милицией; полной политической амнистии.

События в Петрограде, создание новых властных структур, первые законодательные акты возвестили всему миру, что Россия порывает с многовековым господством монархического самодержавия и вступает на путь демократии и социальной справедливости. Громадное большинство населения страны, ее многочисленные народы, различные классы, социальные группы, политические партии и общественные движения с воодушевлением восприняли революцию и встали на ее сторону. Эйфория победы, лозунги свободы, равенства, независимости подняли общественное настроение, возродили надежды народов, раскрепостили их самосознание, активизировали их социальное творче-

---

[1] См.: История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. — М., 1991. С. 8—9.

ство по демократическому переустройству своей жизни, непосредственному участию в управлении государством.

Весна 1917 г. стала переломным моментом в политическом пробуждении коренного населения Туркестанского края, выходе на политическую арену новых сил, заявивших о своем стремлении возглавить развертывающиеся демократические процессы. Ядром нарождающихся национально-демократических сил стали джадиды, подготовленные к этой роли своей предшествующей деятельностью. Связывая воплощение своих идеалов о прогрессе и независимости коренных народов края с победоносной демократической революцией в крае, они активно занялись претворением в жизнь объявленных ею принципов. Защита, отстаивание приоритета политических интересов коренных народов в разворачивающихся демократических процессах определили основную направленность их деятельности на политической арене с первых февральских дней. С наибольшей полнотой она проявилась при формировании местных властных структур.

В процессе строительства местных органов власти, принявшем в Туркестане с первых дней февраля массовый стихийный характер, вначале явственно проглядывалась тенденция к установлению двоевластия, подобного российскому.

С одной стороны, по призыву Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов начали создаваться советы рабочих депутатов и советы солдатских депутатов. Застрельщиками этого строительства стали рабочие и солдаты Ташкента. 3 марта был образован Ташкентский совет рабочих депутатов, а 4 марта — Ташкентский совет солдатских депутатов. Вскоре они объединились в единый Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов. По его призыву начали создаваться советы в городах и рабочих поселках Туркестана. К концу марта 1917 г. на территории края насчитывалось 75 советов рабочих и солдатских депутатов. Классовый принцип формирования советов сразу сказался на их национальном составе. Избранные депутаты советов преимущественно были представителями европейских национальностей.

Одновременно с образованием советов начались выборы исполнительных комитетов общественных организаций и комитетов общественной безопасности. Пре-

тендуя на роль органов Временного правительства на местах, эти комитеты выступили как объединители всех демократических организаций. Это обеспечило им более широкую социальную и национальную основу. Правомочность этих органов была повсеместно признана национальной общественностью края, которая активно включилась в кампанию по выборам исполнительных комитетов на местах.

Национальная демократия в целях обеспечения представительства коренного населения в формирующихся исполнительных комитетах общественных организаций приложила значительные усилия к объединению всех социально разнородных слоев населения, пробуждению в их сознании потребности в сплочении, укреплении единства коренного населения. Это с наибольшей полнотой раскрылось на проведенных 6, 9, 13 марта многотысячных собраниях жителей «старого» города Ташкента, созванных по инициативе джадидов[1]. Активным участием, горячими выступлениями об открывающихся в судьбе народов края перспективах в связи с революцией джадиды создали атмосферу доверия и единства участников собраний. Были единодушно избраны делегаты от местного населения в исполнительный комитет общественных организаций города Ташкента[2]. Ими стали Убайдулла Ходжаев, Ташпулат Норбутабеков, Зайнуддинходжа Саримсакходжаев и Абдусафихон Ганиев.

Принципиально важным решением, принятым на одном из этих собраний, явилось постановление о ликвидации прежней полицейской системы и создании вместо нее института выборных мухафизов из лиц местной национальности. Большинством голосов комиссаром старого города был избран Исламбек Худойханов, а его заместителем — Мусахан Мирзаимов[3].

Наиболее знаменательным событием этих дней явилось образование на этих собраниях расширенного по составу, представительного органа от всех частей старого города Ташкента. Он и составил ядро вновь рожденной организации. 14 марта состоялось первое заседание этого органа, в состав которого после пополнения его представителями от татарской и казахской ча-

---

[1] Нажот, 1917, 23 марта.
[2] Избран 6 марта 1917 г. на заседании Ташкентской Думы.
[3] Нажот, 1917, 9 апреля.

сти населения входил 61 человек. Он получил название «Шурои Исламия» («Совет ислама» или «мусульманский совет») и мыслился как представительный орган коренного населения[1]. На этом же заседании было принято решение о создании правления этой организации из 15 человек. В состав правления вошли Абдувахид Кары, Мунаввар Кары, Каттаходжа Бобоходжаев, Мулла Ризо Охунд Йўлдошходжаев, Абдусами Кары Хидоятбаев, Убайдулла Ходжаев и др.[2]. Состав «Шурои Исламия» и его правления свидетельствовал о наличии в их рядах представителей различных мировоззрений, объединенных идеей национального и мусульманского единства. Но душой «Шурои Исламия», ее активной силой стали известные лидеры джадидского движения, такие, как Убайдулла Ходжаев, Мунаввар Кары, Абдулла Авлони. Их влияние сказалось на деятельности и программных документах организации.

Во Временном положении, принятом на одном из первых заседаний правления, основными целями «Шурои Исламия» провозглашались распространение реформаторских идей и укрепление единства мусульманского населения Туркестана. В соответствии с этими целями в Положении были детально расписаны организационная структура, членство, функции и финансы «Шурои Исламия». Делегаты, избранные большинством голосов на общих собраниях жителей, а также от различных комитетов, обществ, союзов и партий, состав-

---

[1] Появление термина «шуро» до недавнего времени связывалось с практикой строительства советской государственности. Отсюда выбор названия организации «Шурои Исламия» объяснялся приверженностью его учредителей лозунгу «Вся власть Советам» — как органу, выражающему власть и волю народа. Возможно, этимология слова «шуро» восходит к традициям суннитской государственно-правовой концепции. В соответствии с основными принципами этой концепции наряду с центральным институтом — халифом (главой государства и общины правоверных, наделенным решающими светскими — политическими и духовными — полномочиями) — важное место отводилось принципу совещательности (аш-шура). Исторический опыт развития мусульманской концепции государства свидетельствует о широком использовании демократически толкуемого исламского принципа совещательности. Обычно к институту аш-шура обращались в целях идеологического обоснования проводимых демократических политических преобразований. Исследователь мусульманского права Л. Р. Сюкляйнен в качестве наглядного примера называет Ливию, «где данный принцип был использован при создании так называемой джамахирии — своеобразной республиканской формы правления, важным элементом которой выступают избираемые народные конгрессы и комитеты» (см.: С ю к л я й н е н Л. Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. — М., 1986. С. 113—115).

[2] Нажот, 1917, 9 апреля; Улуғ Туркистон, 1917, 25 апреля.

ляли общее собрание «Шурои Исламия». Для исполнительной и организационной работы членами общего собрания избиралось правление общего собрания. Положение признавало необходимым создание «Шурои Исламия» во всех городах и кишлаках Туркестана. В документе они назывались подотделами Ташкентского «Шурои Исламия». Состав общего собрания «Шурои Исламия» в крупных городах определялся в 100 членов, а в малых городах и кишлаках — в 50; состав правления общего собрания — соответственно в 20 и 15 членов. Все местные подотделы подчинялись центру, которым по Положению являлся Ташкентский «Шурои Исламия», его постановления были обязательны для них.

В соответствии с Временным положением «Шурои Исламия» представлялся как демократический представительный орган мусульманского населения. В его обязанности входило систематическое проведение в городах, кишлаках и аулах митингов с целью политической, научной и общественной пропаганды; разъяснение населению необходимости отставки старой администрации и выдвижения новой; осуществление работы по преодолению разногласий и подозрений между различными национальностями края и определению мер по их сближению и объединению; налаживание связей с различными национальными комитетами и партиями, доведение до них воли мусульманского населения, подготовка проектов реформ общественной, политической, научной, религиозной жизни, воспитание и вовлечение туркестанцев в новое управление; созыв Всетуркестанских съездов мусульман для их идейного и политического сплочения; укрепление связей с Всероссийским союзом мусульман через отправку своих представителей в его представительные органы[1].

Таким образом, выдвинутые во Временном положении цели и функции «Шурои Исламия» свидетельствовали о стремлении национальной демократии Ташкента консолидировать, объединить мусульманское население края, развить его политическое сознание, привлечь его к активному участию в общественно-политической жизни страны.

Эти устремления ташкентцев получили широкую поддержку в крае. Уже 8 апреля на шестом заседании правления «Шурои Исламия» отмечалось, что получе-

[1] Нажот, 1917, 28 апреля.

ны известия о создании подотделов «Шурои Исламия» в Оше, Андижане, Скобелеве, Туркестане, Мары. Было принято решение выслать в адрес этих подотделов Временное положение и другие документы «Шурои Ислама»[1]. В апреле же по инициативе местных джадидов «Шурои Исламия» были созданы также в Намангане, Самарканде, Коканде и других городах Туркестана.

Одновременно по инициативе джадидов в апреле-июле 1917 г. создавались и другие национальные политические организации: в Самарканде — «Клуб Исломия», в Коканде — «Мирважул ислом», в Андижане — «Озод халқ», в Каттакургане — «Равнақул ислом», в Ходженте — «Муайин ат-толибин» и др. Этот процесс обусловил заметное повышение роли мусульманского населения края в демонтаже старых властных структур. Одновременно с европеизированными советами, рабочими и солдатами в ликвидации аппарата царского самодержавия, сломе сопротивления его защитников и дальнейшем углублении обновленческих процессов приняли самое деятельное участие национальные организации и движения. В результате к началу апреля 1917 г. генерал-губернаторство было ликвидировано, интенсивно обновлялся прежний аппарат управления.

Образование «Шурои Исламия» стало знаменательным событием в политической жизни Туркестана. Оно внесло серьезные коррективы в расстановку политических сил, в строительство властных структур в крае. С развитием института «Шурои Исламия» была прервана наметившаяся тенденция установления в Туркестане двоевластия, подобного российскому. На политической арене Туркестана налицо было троевластие:

— туркестанские советы как органы европейских рабочих и солдат, выражающие волю революционной демократии, обладающие реальной силой воздействия на общество и вследствие этого претендующие на право контроля над действиями государственных учреждений Временного правительства;

— исполнительные комитеты общественных организаций — представители более широких, чем советы, социальных и национальных групп населения (в их состав делегировали своих представителей разнообразные партии — меньшевики, эсеры, — советы, обще-

---

[1] Наж от, 1917, 21 апреля.

ственные организации, в том числе и национальные), выступавшие как объединители всех демократических организаций и претендовавшие на роль органов Временного правительства на местах;

— «Шурои Исламия», находясь еще в стадии организационного становления, сразу же оформлялись как представительные органы мусульманского населения, выражавшие его волю и защищавшие его интересы.

Программные и тактические установки этих трех политических сил с наибольшей полнотой выявили их краевые съезды, проведенные в апреле 1917 г. В центре внимания работы всех съездов были вопросы об отношении к войне, к Временному правительству, о подготовке к созыву Учредительного собрания, о будущих формах правления в России, вопросы управления краем, продовольственный и другие. Но их осуществление и принятые по ним решения несли на себе отпечаток специфики созвавших их организаций.

Первым начал работу I Туркестанский краевой съезд советов рабочих и солдатских депутатов[1]. Он проходил с 7 по 15 апреля 1917 г. в Ташкенте. На нем присутствовали 263 делегата. Все они были представителями европейских национальностей, так как из пяти мусульман-делегатов четверо были солдатами и, по всей вероятности, татарами.

И все же, несмотря на отсутствие на съезде представителей коренного населения, при обсуждении вопроса о сущности краевой власти в выступлении ряда делегатов прозвучало предупреждение, что при назначении высшей краевой власти должно быть учтено стремление мусульман к созданию единой, выражающей интересы местного и пришлого населения, власти (В. А. Чайкин, эсер), и даже, что съезд не правомочен решать этот вопрос, так как он по своему составу не представлял всего населения края и прежде всего его коренных народов (А. Грудницкий, делегат от Кушкинского совета солдатских депутатов). Делегат от солдатского комитета С. Юсупов, выразив сожаление, что на съезд не были приглашены представители коренного населения, отмел предложение о разделении власти и высказался за единую власть в Туркестане, безраз-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 399, л. 187; ГА Ташкента, ф. 10, оп. 1, д. 28, лл. 2—3.

лично, в какой форме, но под контролем русских и мусульман[1].

И тем не менее, выступив за учреждение в России демократической республики с сильным центральным органом, съезд не высказал своего отношения к таким важным для народов Туркестана вопросам, как автономия края, ликвидация национального неравенства, оставив их решение Учредительному собранию.

Эти вопросы оказались в центре внимания съезда исполнительных комитетов общественных организаций Туркестанского края (9—16 апреля 1917 г.), на котором из 171 делегата 99 были представителями европейского населения и 72 — коренного[2].

Бурное обсуждение вопроса о будущей форме правления в России выявило обилие мнений и позиций. Выдвинутая идея федеративного республиканского устройства как формы, дающей «всем народам России возможность самоопределения», была неоднозначно воспринята как ее сторонниками, так и противниками.

Высказываясь против непригодности централизованной республики для России, одна часть сторонников федеративного устройства вместе с тем связывала вопрос о предоставлении автономии с определенным уровнем культурного и политического развития народов, в связи с чем признавала, что народам Туркестана «должна быть предоставлена возможность воспользоваться автономией впоследствии»; другая же часть считала, что автономия должна быть территориальной, а не национальной.

Противники федеративного устройства также не были едины: одни, стоя на классовых позициях, утверждали, что «интересы рабочих всего мира — едины и нет надобности разделять государство на отдельные части, вводя федеративное устройство»; другие, напротив, отстаивая якобы интересы мусульманского населения, заявляли, что «при введении в России федеративной республики мусульмане только проиграют, так как они еще не подготовлены к самоуправлению на автономных началах... попадут в руки ишанов и мулл, которые всегда против прогресса».

---

[1] Туркестанские ведомости, 1917, 12 апреля.

[2] См.: Протоколы съезда делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края. — Т., 1917.

В целом, каковы бы ни были эти оттенки мнений, все они по сути сводились к игнорированию интересов многомиллионного коренного населения края, пренебрежительному отношению к его праву на самоопределение. И это с горечью констатировали выступавшие на съезде лидеры национальной демократии. Встав на защиту интересов народов края, М. Бехбуди с гордостью говорил о них как о народах древнейшей истории и культуры, достижения которой вошли в сокровищницу всего человечества, народах, давших миру известных ученых, правоведов, высокие образцы архитектуры, народах, имевших свой уклад жизни, высокую культуру земледелия, садоводства, ремесла, и вину за современное состояние народа, его невежество и темноту он возложил на царизм[1].

В принятой по обсуждавшемуся вопросу резолюции съезд признал «наиболее соответствующим установление в России демократической республики на принципах широкой автономии отдельных областей государства, с предоставлением в отдельных случаях полной федеративности с ограждением прав меньшинства»[2]. То есть съезд своей нечеткой, расплывчатой формулировкой высказался скорее за территориальную, чем за национальную автономию.

Еще более углубились противоречия на съезде при обсуждении доклада Н. Т. Маллицкого о реформе городского самоуправления в Туркестанском крае. Свой проект о разделении городского самоуправления на два самостоятельных органа — для европейского населения и отдельно для коренного населения — он аргументировал необходимостью ограждения прав европейского населения, которое якобы из-за малочисленности могло быть подавлено представителями местного населения. Проект Маллицкого был критически воспринят почти всеми выступавшими. Некоторые из них увидели в нем опасность противопоставления, разъединения национальностей, усиления национальной розни. Отстаивая единство городского самоуправления, они видели выход в его формировании на принципе пропорционального представительства в нем всех проживающих в Туркестане народностей. Особенно не-

---

[1] Протоколы съезда делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края. — С. 8.

[2] Там же. С. 9.

примиримую позицию заняли представители национальной демократии. Ахмад Заки Валиди Тоган квалифицировал этот проект как линию на обособление русских от местного населения, продолжение колониальной политики. Бехбуди, настаивая на создании единого городского самоуправления, видел в нем орган, воспитывающий народы в понимании друг друга, орган усиления влияния более развитой культурной части населения на менее развитую. В целях защиты интересов меньшинства, т.е. европейской части населения, он предлагал компромиссное решение: при формировании органов самоуправления взамен пропорционального принципа предоставить европейскому населению одну треть всех мест[1].

Значительным большинством съезд высказался за систему единого самоуправления.

Ход работы краевого съезда советов рабочих и солдатских депутатов и съезда исполнительных комитетов общественных организаций, характер обсуждения вопросов повестки дня, четко обозначившаяся позиция политических сил и течений несколько отрезвили, умерили эйфорию представителей национальной демократии Туркестана, раскрыли перед ними реальную сущность складывавшейся политической ситуации. На это в немалой степени оказал воздействие и приезд членов Туркестанского комитета, назначенного постановлением Временного правительства от 7 апреля 1917 г. «в целях установления прочного порядка и устроения Туркестанского края на основах, всенародно объявленных Временным правительством 6 марта 1917 г., и для разрешения на месте возникающих вопросов управления краем»[2].

В первом составе Туркестанского комитета из 9 членов 4 были представителями тюркских национальностей: член Государственной Думы 1-го созыва А. Букейханов, член Государственной Думы 2-го созыва Мухамеджан Тынышпаев, член Государственной Думы 3-го созыва Садри Низамович Максудов и генерал-майор Абдель Азиз Азизович Давлетшин[3]. Очевидно,

---

[1] Протоколы съезда делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края. — С. 28—29.

[2] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Т. 1. — Т., 1963. С. 57—58.

[3] Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел 1-й, № 79, 13 апреля 1917 г. С. 673.

введением их в состав Туркестанского комитета Временное правительство желало подчеркнуть стремление учитывать интересы коренного населения. Однако почти все они давно оторвались от Туркестана, слабо знали происходящие здесь процессы и поэтому не оказали решающего влияния на развитие событий в крае[1]. Да и другие члены Туркестанского комитета, и его председатель — член Государственной Думы, кадет Н. Н. Щепкин — также плохо знали местные условия, что и сказалось на их дальнейшей работе.

Тем не менее на следующий день после приезда Н. Н. Щепкин выступил с программной речью на краевом съезде исполнительных комитетов общественных организаций[2]. Огласив декларацию Временного правительства, Щепкин заявил, что «основными положениями, на которые будет опираться Туркомитет, являются Свобода, Равенство, Братство и соблюдение демократических принципов управления применительно к Туркестанскому краю»[3]. Однако приведенная им схема устройства управления краем показала весьма своеобразное понимание этих «демократических принципов управления». «Комитет держится того мнения, — подчеркивал Щепкин, — что организация должна идти с самого низа, переходя до следующих ступеней, чтобы между этими ступенями была деловая связь. Попутно мы организуем аульные, волостные, участковые и уездные управления... Что же касается до областного управления и до управления всем краем, то таковое останется за Туркестанским комитетом». Далее он предложил создать при Туркомитете совещание из представителей местного населения, имея в виду все население края.

Первые выступления Щепкина и других членов Туркомитета с разъяснением своих задач по управлению краем уже тогда посеяли некоторые сомнения в рядах общественности Туркестана. Это с наибольшей полнотой отразилось в реплике М. Бехбуди на выступление Елпатьевского на съезде делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края. «Кто издает ин-

---

[1] См.: Мустафо Чокай. Истиқлол жаллолари (1917 йил хотиралари). Тошкент, Гафур Гулом номидаги нашриёт-матбаа бирлашмаси, 1992. С. 34—35.

[2] Протоколы съезда делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края.— С. 15—16.

[3] Там же.

струкции? — вопрошал Бехбуди. — Мы или Туркестанский комитет? Демократическое начало исчезло и не понятно, для чего мы сюда собрались и с чем вернемся на места? Члены Туркестанского комитета говорят, что они нашей жизни не знают и хотят создавать инструкции для управления»[1].

По сути Временное правительство сменой Туркестанского генерал-губернаторства на Туркестанский комитет изменило только внешнюю вывеску колониального управления краем, а сущность его оставалась прежней. И это, несомненно, не осталось незамеченным и вскоре породило противостояние между Туркестанским комитетом и местными общественными организациями.

В этой обстановке нарастающей напряженности в Ташкенте с 16 по 21 апреля 1917 г. проходил I Всетуркестанский съезд мусульман, созванный по инициативе «Шурои Исламия». На нем присутствовало 150 делегатов, представлявших все коренные народы края. В президиум съезда вошли Мунаввар Кары, Убайдулла Ходжаев, Шерали Лапин, Мустафа Чокаев[2], Ташпу-

---

[1] Протоколы съезда делегатов исполнительных комитетов Туркестанского края.— С. 28.

[2] Мустафа Чокаев (Мустафо Чокай оглу, 1890—1941) — известный борец за независимость Туркестана. Родился в г. Кзыл-Орде в семье волостного начальника, принадлежавшей к аристократическому казахскому роду. Учился в мектебе, затем в русской гимназии в Ташкенте, закончил с отличием юридический факультет Петербургского университета. После окончания университета работал секретарем по делам Туркестана в Мусульманской фракции Государственной Думы, обязанности которого исполнял до февраля 1917 г. После возвращения из Петрограда в Туркестан активно включился в политическую деятельность: был избран председателем Краевого совета мусульманских депутатов, являлся сотрудником редколлегии «Улуғ Туркистон», главным редактором казахской газеты «Бирлик Туи». М. Чокаев — один из основателей и руководителей Туркистон мухторияти, созданного в Коканде,— вначале был избран заместителем председателя и министром обороны Временного правительства, после отставки Тынышпаева стал его председателем. После разгрома Туркистон мухторияти он бежал из Коканда, присоединился к повстанцам. В 1919 г. покинул Туркестан, жил до 1920 г. в Грузии, затем эмигрировал. В эмиграции жил в Турции, Берлине, около Парижа. В изгнании Мустафа Чокаев был признан неоспоримым национальным лидером мусульманской эмиграции. Издавал два журнала: «Ени Туркистон» (Новый Туркестан) в Стамбуле ежемесячно с июля 1927 г. по сентябрь 1931 г. и «Яш Туркистон» (Молодой Туркестан) в Берлине с 1919 по 1939 г. Регулярно сотрудничал в других изданиях, в том числе таких, как «Журнал Королевского общества Средней Азии», «Азиатское обозрение» (Лондон) и др. Им было опубликовано большое количество статей и монографий по истории Туркестана XX столетия, в том числе «Туркестан под властью Советов» (на русском языке, Париж, 1935). Умер в Берлине.

латбек Норбутабеков, Ахмад Заки Валиди Тоган[1], Садык Саттаров, И. Шаахмедов, Абдурахман Уразаев, Мулла Абдулмажид Махмудов, Серекбай Акаев, Ахмадбек Куйбакаров, Собиржон Юсупов. В повестку дня были включены многие вопросы: отношение к Временному правительству, о форме правления в России, о подготовке к созыву Учредительного собрания, о местных гражданских и духовно-шариатских учреждениях в Туркестане; о школах медресе и вакфах; финансовые дела; обновление учреждений, оставшихся от прежних времен; о создании духовного исламского управления по руководству всеми туркестанскими мусульманами; продовольственный вопрос; об отношении к войне, о ты-

---

[1] Ахмад Заки Валиди Тоган (1890—1970) — родился в Башкирии в семье интеллигента. После окончания местной религиозной мусульманской школы он поступает учиться в Казанский религиозный педагогический институт. В 1910—1913 гг. в упомянутом институте давал студентам уроки по истории тюркских народов и арабской литературе. Одновременно начал заочно обучаться в Казанском университете. С первой книгой «*История тюрков и татар*» *(1912 г.) к нему пришли слава, внимание известных* ученых современности. В 1913 г. общество по истории и археологии Казанского университета направляет его в научную экспедицию в Ферганскую долину для изучения восточных рукописей и памятников старины. Точно с такой же целью он в 1914 г. посетил Бухарский эмират. Внимание проницательного ученого привлекали история, быт и культура тюркских народов Приволжья и Центральной Азии.

Авторитет Заки Валиди среди мусульманских народов все более возрастал. Глубокое проникновение в жизнь тюркских народов, осознание тяжести их судеб после захвата их территорий царской Россией привели его к политике. В 1916 г. башкиры избирают его депутатом в Санкт-Петербургскую думу. В эти годы он, возглавляя различные конгрессы мусульман, проявил способности крупного организатора. В 1917 г. туркестанцы избирают его своим делегатом в Москву на конгресс российских мусульман. В 1917—1919 гг. он, исполняя обязанности руководителя и военного министра в Башкирском правительстве, проявляет самоотверженность в освобождении родной страны от гнета завоевателей. Не достигнув в этой борьбе ожидаемых результатов, он связывает свои надежды с другими тюркскими народами. С этими намерениями он прибывает в Баку для участия в Конгрессе народов Востока (1920 г.). И хотя он непосредственно не участвует в его работе, однако получает более полную информацию, встречается с авторитетными среди народов Востока руководителями. Сразу после окончания работы конгресса он прибывает в Хиву. Побывав в Бухаре, Карши, Шахрисабзе, Самарканде, Ташкенте, оказывает посильную помощь движению сопротивления туркестанцев, призывает, отставив в сторону мелкие внутренние конфликты, к объединению в борьбе против советской власти. В 1923 г. Заки Валиди по совету друзей уходит за границу для того, чтобы привлечь внимание мирового сообщества к проблемам Туркестана. Проживая за границей, он верит в достижение тюркскими народами свободы и прилагает к этому все свои силы.

В Европе он избирается членом ряда научных обществ, становится известен миру в качестве крупного тюрколога. Последние годы жизни он провел в Турции, где продолжил свою научную деятельность, выполняя обязанности профессора на кафедре всеобщей тюркской истории в Стамбульском университете. Умер А. Валиди 26 июля 1970 г.

ловиках; об объединении в краевом масштабе «Шурои Исламия» и отношении «Шурои Исламия» к исполнительным комитетам; о выборах делегатов на Всемусульманский съезд России; земельно-водный вопрос.

В центре внимания съезда оказались вопросы о будущей форме управления в России и организационной консолидации коренного населения Туркестана. Признав Временное правительство и его программу, съезд единодушно поддержал идею утверждения в России федеративной демократической республики с предоставлением широкой автономии всем областям, в том числе и Туркестану.

На последнем заседании съезда было принято решение об образовании центрального руководящего органа — Туркестанского краевого мусульманского совета (Краймуссовет). Образование Краймуссовета предполагало объединение разрозненных, не связанных друг с другом мусульманских обществ, комитетов и союзов для того, чтобы придать национальному движению организованный и централизованный характер. 12 июня 1917 г. на заседании Краймуссовета был принят устав, согласно которому все городские, уездные, волостные мусульманские советы и другие общественные организации, такие, как «Шурои Исламия», «Равнакул Ислом», «Мирважул Ислом», «Муаллимлар жамияти», «Талабалар жамияти», несмотря на национальные и классовые различия, должны объединиться в волостные, областные, уездные и городские советы мусульманских депутатов, а все они вместе взятые должны подчиниться Туркестанскому центральному совету мусульманских депутатов (по-узбекски — Марказий Шуро). Устав давал четкое разъяснение о том, что Краймуссовет не является органом какого бы то ни было класса, партии или племени, а создается как представительный общемусульманский руководящий орган, осуществляющий законодательную власть.

Председателем Краймуссовета был избран видный общественный и политический деятель Туркестана Мустафа Чокаев, секретарем — Ахмед Заки Валиди, членами президиума — Мунаввар Кары, Махмудходжа Бехбуди, Убайдулла Ходжаев, Ташпулат Норбутабеков и др.

В состав организационного отдела Краймуссовета вошли: Заки Валиди, Фарид Тохири, Толибджон Мусабой, Ибн Ямин Янбаев, Мухаммад-амин афандизоде, Низомиддин Асоми, Абдусами Коры Зиёбой,

Шокиржон Рахими, Абдулло Авлони, Мухаммедхон Пошшаходжаев и др.

При Краймуссовете был образован также отдел просвещения, в состав которого избрали Мунаввар Кары, Заки Валиди, Пулатхона Пошшабекова, Абдулкосима Амин-заде, Абдусали Кори, Рустамбека Юсуфбека, Иброхима Тохири и др.

Таким образом, весной 1917 г. был сделан важный шаг по консолидации туркестанских народов: созван первый в истории съезд мусульман общерегионального масштаба, на котором было заявлено о твердом стремлении народов к автономии, защите своих обычаев, уклада жизни; организационно оформлен центральный орган выражения этих интересов — Краевой совет мусульманских депутатов во главе с президиумом, который воспринимался прогрессивной общественностью Туркестана как Национальный центр (Миллий марказ).

Вместе с тем уже в то время четко проявились разногласия в позициях населения Туркестана. Если подавляющее большинство европейского населения, при всей дифференциации политических пристрастий и настроений, в конечном итоге связывало будущее с сохранением державных позиций Центра в крае, то местное население консолидировалось на платформе идей национальной свободы, желании самим определять свою судьбу. Несомненно, в этом большую роль сыграли прогрессивные силы национального общества. Однако развертывающиеся события потребовали от них большей мобильности, решительности в совершенствовании форм и методов работы, изменения программных и тактических установок.

3. ЗАРОЖДЕНИЕ И ОФОРМЛЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ ЗА АВТОНОМИЮ ТУРКЕСТАНА

Дальнейшая судьба столь успешно начавшихся консолидационных процессов в туркестанском обществе сразу же столкнулась с серьезной угрозой. Общественно-политические и социально-психологические сдвиги, которые успели произойти к этому времени в туркестанском регионе, внесли существенное изменение в социальную и политическую расстановку сил и сделали весьма проблематичной их дальнейшую консолидацию.

С одной стороны, за сравнительно короткий срок

(май-август 1917 г.) во многих городах и поселках Туркестана — в Ташкенте, Коканде, Андижане, Самарканде и др. — были образованы советы мусульманских рабочих депутатов, Союзы трудящихся мусульман (Ислам мехнаткашлари), среди коренного населения начали создавать профсоюзные организации. Инициаторами их создания выступили около 100 тысяч возвратившихся туркестанцев, мобилизованных в 1916 г. на тыловые работы. Бывшие поденщики, чернорабочие (мардикеры) в период своей работы на заводах, предприятиях России вплотную столкнулись с практикой классовой борьбы, восприняли лозунги и идеи леворадикальных сил революции и привнесли их в слабо дифференцированное туркестанское общество. Из их рядов вышла новая формация политических лидеров: в Ташкенте — Муфти-заде, С. Асфендиаров, Мирзо-заде Ходжаев, Тюрабаев, Рахматуллаев, Саид Арифходжаев, Абдурашитов, Саидходжаев и др.; в Андижане — Мусадык Мулла Арипов, Акбар Али Уразаев, Сулейман Тохтабеков, Мулло Абдурахман Алимкулов, Мухамеджан Таджибеков и др.; в Коканде — Арифджан Мирпулатов; в Самарканде — Мирзо-Абдулкаюм Ширинбаев, Саид-шах, Саидахмат-ходжа Сиддикки, Мулла Акабир Шомансуров и др.

С первых дней в деятельности этих новых объединений возобладала сугубо социальная направленность. С. Асфендиаров признавался в те дни: «На плечах Совета мусульманских рабочих депутатов лежит чрезвычайно тяжелая задача организации темной массы туземного пролетариата, находящегося в рабской зависимости от всемогущих баев. Верным союзником последних является духовенство, имеющее огромное влияние и играющее на самой темной стороне несознательной массы — на фанатизме и невежестве, что усугубляет тяжесть нашей задачи»[1]. Рождающееся осознание единства классовых интересов рабочих всех национальностей обусловило тяготение молодых организаций местных рабочих к советам рабочих и солдатских депутатов и усиление их влияния. Повсеместно шел обмен представителей между советами рабочих и солдатских депутатов и советами мусульманских рабочих депутатов, последним предоставлялась защита и помощь.

---

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Т. 1. — С. 281.

С другой стороны, появление на арене общественной жизни края нового движения, хотя еще и слабого, но уже открыто заявившего о собственных социальных приоритетах, своей конфронтационности с силами «власть имущих и их духовными наставниками», вызвало ответную волну со стороны последних, их стремление закрепить свои пошатнувшиеся позиции. Организационно это выразилось в выходе духовенства и их сторонников в июне 1917 г. из организаций «Шурои Исламия» и образовании организации под названием «Шурои Уламо» (Совет духовенства).

На сепаратистские устремления духовенства оказали влияние и наметившиеся новые тенденции в самом консолидационном движении, возглавляемом джадидами, шуроисламистами. Последние, добиваясь сплочения туркестанцев, искали себе опору в общероссийском демократическом движении мусульман, его руководящих органах, в поддержке его политических лидеров.

Значительный резонанс в жизни туркестанцев вызвал I Всероссийский съезд мусульман, состоявшийся в Москве с 1 по 11 мая 1917 г. На нем присутствовали представители почти всех политических течений — от правых консерваторов до левых радикал-социалистов, в том числе делегаты от Туркестана, Бухары и Хивы. Впервые на столь представительном форуме была сделана попытка выразить отношение мусульман России к происходящим в стране событиям и заявить о своих проблемах и целях. В принятых съездом постановлениях и решениях были выдвинуты требования о заключении мира без аннексий и контрибуций, введении 8-часового рабочего дня, создании рабочей мусульманской секции, прекращении выселения коренного населения с земель в степных областях и Семиречье, расширении сети национальных школ с преподаванием на родном языке, создании для удовлетворения духовной потребности мусульман Временного духовного управления, учета во внутренней политике Временного правительства интересов мусульманского населения. Последнее нашло отражение в специальной резолюции съезда, адресованной Временному правительству. Она гласила:

«1. В местности с мусульманским населением комиссары Временного правительства и вообще все чиновники должны назначаться из лиц, пользующихся

доверием местного мусульманского населения, по указанию местных мусульманских организаций.

2. Все пожелания местного мусульманского населения, не затрагивающие интересы какого-либо другого населения, должны немедленно проводиться в жизнь...

5. Разрешение земельного вопроса должно быть отложено до Учредительного собрания, а до того времени всякое одностороннее разрешение земельного вопроса, хотя бы и частичное, недопустимо.

6. Временное положение о местном самоуправлении для мусульманских окраин должно быть выработано при участии представителей местного населения»[1].

Серьезные разногласия выявились по вопросу о форме национально-государственного устройства России. Его обсуждение привело к расколу форума на две большие группы: одна из них стояла на принципах централизма и выступала за экстерриториальную культурную автономию мусульман в составе демократической Российской республики, а другая — за территориальную автономию в составе Российской федерации. Позиция первых была изложена в резолюции Ахмеда Паликова, а вторых — в резолюции М. А. Расула-заде.

После бурных и продолжительных дебатов большинство (446 — за, 271 — против) была принята резолюция Расула-заде. Она признавала, что: «а) ...формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориальных федеративных началах; причем национальности, не имеющие определенной территории, пользуются национально-культурной автономией;

б) для регулирования общих духовно-культурных вопросов мусульманских народностей России и солидарных их выступлений учреждается центральный общемусульманский орган для всей России с законодательными функциями в этой области. Форма, состав и функции этого органа определяются первым учредительным съездом представителей всех автономных единиц»[2].

В соответствии с этим решением для координации деятельности всех региональных партий и организа-

---

[1] Программные документы мусульманских политических партий (1917—1920 гг.). — Оксфорд, 1985. С. 33 (рус. яз.).

[2] Там же. С. 11—12.

ций и осуществления руководства мусульманами России до созыва Учредительного собрания съезд избрал Всероссийский мусульманский совет (Милли Шуро). В Исполнительный комитет совета от Туркестана входил Убайдулла Ходжаев.

I Всероссийский съезд мусульман послужил мощным стимулом для дальнейшего развития национального движения на «окраинах» империи. Сила эмоционального воздействия съездовских лозунгов, пронизанных идеей единения и независимости, была настолько велика, что они во многом определили этнополитическую ситуацию в этих регионах в период между Февралем и Октябрем.

Выработанные съездом решения послужили платформой для объединения мусульманского движения во всероссийском масштабе. При всей их заостренности на проблемах мусульманского населения, они отличались последовательным демократизмом и современностью. С наглядностью это проявлялось в решении съезда об уравнении в политических правах мусульманок с мужчинами, в ослаблении некоторых норм шариата в сторону эмансипации, равноправия женщин. Эта тенденция к полевению мусульманского движения была воспринята духовенством не только Туркестана, но и всей России как угроза их позициям и породила ответную волну, стремление обособиться и встать на защиту и сохранение в неприкосновенности всех норм и установлений ислама. Результаты не замедлили сказаться: уже в июле в Казани проводятся обособленно три съезда: II Всероссийский мусульманский съезд, съезд мусульманского духовенства (уламо) и мусульманский военный съезд.

На II Всероссийском мусульманском съезде приняли участие более 260 делегатов от всех мусульманских народов, в том числе и от Туркестана в лице Собиржана Юсупова, представлявшего в Казани туркестанскую военную организацию[1] (создана в апреле 1917 г.), и Убайдуллы Ходжаева, который был избран в президиум съезда.

По большинству рассматриваемых вопросов делегаты солидаризировались с решениями первого всероссийского съезда мусульман.

По мере приближения сроков выборов в Учреди-

[1] Кенгаш, 1917, 20 августа, № 10.

тельное собрание, на которое, как известно, возлагались огромные надежды, особо актуальной представлялась выработка тактики в период предвыборной кампании. В этой связи съезд отмечал, что: мусульмане на выборах в Учредительное собрание составляют один список; допускается (в случае важности) выступление в блоке с другими социалистическими партиями; подготовка списка кандидатов предоставляется губернским национальным советам или заменяющим их другим национальным организациям[1].

Не менее злободневными были вопросы, касающиеся военно-организационной проблематики. Делегаты поддержали идею создания всероссийского центрального мусульманского военного Совета (Харби Шуро) и утвердили целый пакет предложений, выработанных мусульманским военным съездом, который проходил с 17 по 24 июля 1917 г. в г. Казани[2].

Обсуждая вопрос об организации отдельных мусульманских войсковых частей, делегаты пришли к выводу, что в случае, если постоянное войско будет сохранено и не будет заменено народной милицией, оно должно быть переформировано по национальному признаку. Причем предлагалось немедленно отправить делегацию в Петроград для решения данного вопроса, а при отрицательном ответе приступить к образованию мусульманских частей явочным порядком[3].

К концу работы съезда делегатами было принято решение о проведении объединенного заседания трех вышеназванных мусульманских форумов, на котором были приняты специальные обращения к Временному правительству и народам России.

Примечательно, что на II Всероссийском мусульманском съезде с обстоятельным докладом о положении коренных народов Туркестана выступил Убайдулла Ходжаев. Впервые туркестанские проблемы были выставлены на суд широкой общественности. С болью он говорил о бесчеловечных условиях, в которых находились коренные народы края в результате хищнической политики царизма и российского капитализма, ничем не прикрытого грабежа их природных ресурсов,

---

[1] См.: Программные документы мусульманских политических партий... С. 42.

[2] См.: Улуғ Туркистон, 1917, 30 июля, № 19.

[3] См.: Программные документы мусульманских политических партий... С. 36—38.

ежегодного присвоения более чем стомиллионной прибыли только от вызова хлопка. Но и революция, которую радостно приветствовали туркестанцы, отмечал докладчик, не оправдала их надежд на возрождение края. Управление продолжало оставаться в руках пришлых, представлявших всего 5% от населения края. Докладчик выразил резко критическое отношение к деятельности советов рабочих и солдатских депутатов, заявлявших на словах о своей приверженности демократии, а на деле продолжавших творить прежнюю политику игнорирования интересов коренных народов. С гневом он говорил о продолжающейся трагедии в Семиречье.

Под впечатлением доклада Убайдуллы Ходжаева в одной из докладных записок, посланных 8 августа с делегацией из Казани в Петроград, обращалось внимание Временного правительства на то, что мусульманское население Туркестана, составлявшее 95% от всего его населения, по-прежнему «лишено решающего влияния в вопросах краевого управления местной жизнью»[1].

Вообще борьба за власть, наметившаяся внутри политических сил Туркестана в связи с образованием Туркомитета Временного правительства, приобрела остро конфронтационный характер. Конфликт начался с протеста Ташкентского совета и Сырдарьинского областного съезда советов рабочих и солдатских депутатов против назначения Туркомитетом областного и уездного комиссаров без согласования с соответствующими советами. Эти и целый ряд других решений Туркомитета депутаты определили как «единоличные и безответственные и вследствие чего часто противоречащие интересам революции». Туркомитету было предложено отозвать назначенных лиц, а Краевому совету рабочих и солдатских депутатов — установить контроль за действиями Туркомитета.

Сразу же после принятого 3 мая Ташкентским советом и Сырдарьинским областным съездом советов постановления о безответственных действиях Туркестанского комитета Временного правительства и о необходимости установления над ним контроля председатель Туркомитета Щепкин срочно телеграфировал Временному правительству в Петроград, прося создать

[1] Туркестанский курьер, 1917, 12 августа, № 180.

Комитет в новом составе[1]. На эту телеграмму министр — председатель Временного правительства князь Львов ответил, что «выражает благодарность Туркестанскому комитету за его деятельность и подтверждает ему свое полное доверие. Принимая меры к тому, чтобы пополнить состав Туркомитета соответственно преобразованному составу Временного правительства, оно настоятельно просит Вас продолжать нести возложенные на Вас обязанности»[2]. Однако Щепкин, сославшись на усталость и больное сердце, настоятельно просил отозвать его. В своем письме от 13 мая на имя князя Львова он писал: «Комитет, как коллегия, теперь излишен, а члены его мусульмане даже вредноваты... Мы здесь создали краевое совещание, которое легко превратить в Совет при будущем Комиссаре Временного правительства и в деловой орган. За время нашего пребывания удалось произвести фактически децентрализацию, и центральному Комиссару и Совету остается почти одна организационная работа и сношение в подлежащих случаях с Временным правительством. Все учреждения государственного характера остались неразрушенными и весь этот аппарат продолжает действовать. Будущий комиссар умненько и осторожно подскажет Временному правительству, кого из лиц, стоящих во главе этих учреждений, надо переменить, и дело пойдет ровненько. Все остальное отойдет к городским управлениям и областным комиссарам. Я бы постановил, что в областях комиссары в сфере гражданского управления пользуются правами генерал-губернаторов... Мне представляется, что представительство мусульман в Совете при Комиссаре совершенно гарантирует интересы мусульман, если он проявит активность. До сих пор державное племя свысока относилось к мусульманам, а те молчали. Теперь времена изменяются, и мусульмане начинают чувствовать свое численное превосходство, моральное превосходство русских слабовато, больше страх штыков действует»[3]. 1 июля 1917 г. первый состав Туркомитета Временного правительства, возглавляемый кадетом Щепкиным и целиком связанный в своих действиях Центром, сложил свои полномочия.

---

[1] ГАРФ, ф. 1800, оп. 1, д. 29, л. 33.
[2] Там же, л. 24.
[3] Там же, л. 36.

Лидеры национальной демократии к этому времени уже начинали более трезво оценивать сущность Туркестанского комитета. Состоявшееся еще в конце апреля совещание при Туркомитете своим признанием невозможности «введения в Туркестане политической автономии» подорвало у них веру в демократичность Туркомитета. И все же в разгоревшемся конфликте они не поддержали его отставки и в своем обращении в Туркомитет и в письме к Временному правительству указывали на нежелательность отставки из-за неблагополучного положения края в связи с продовольственным кризисом. Действительно, угроза этого кризиса была налицо. Но была и другая причина. Она заключалась в ясно обозначившейся в это время несовместимости позиций Краевого мусульманского совета и советов рабочих и солдатских депутатов. Под воздействием российских событий туркестанские советы рабочих и солдатских депутатов все более радикализировались. Их жестко классовый подход ко всем проблемам общественной жизни края, усиливающаяся претензия на власть, игнорирование общенациональных интересов коренных народов отталкивали национальную демократию от советов, усиливали противостояние между ними.

Это противостояние с наибольшей силой проявилось после того, как Временное правительство приняло отставку первого состава Туркомитета. Краевой мусульманский совет в своем послании к Временному правительству признавал необходимым в новом составе Туркомитета предоставить половину мест мусульманам, кандидатуры которых должны быть согласованы с общемусульманскими организациями. Ожесточенная борьба развернулась вокруг кандидатуры на пост председателя Туркомитета. Краймуссовет поддержал кандидатуру известного политического деятеля Туркестана, пользовавшегося авторитетом среди масс коренного населения, эсера Вадима Чайкина. Но в результате решительных демаршей и даже угроз, выявивших имперское мышление представителей советов рабочих и солдатских депутатов, бывших в то время в Петрограде, В. Чайкин, назначенный Временным правительством председателем Туркомитета, был вынужден отказаться от назначения.

19 июля председателем Туркомитета был назначен В. П. Наливкин — член II Государственной Думы,

бывший вице-губернатор Ферганской области, лидер меньшевиков. Несколько позже в состав Туркомитета были введены выдвинутые местными национальными демократическими организациями М. Чокаев и бывший ташкентский городской голова И. Н. Иванов.

Но в самом движении за расширение прав коренных народов в управлении краем, которому придавали решающее значение лидеры национальной демократии, появились новые нюансы. Умеренно либеральная тактика этих лидеров, их надежды путем убеждения склонить Временное правительство на уступки в решении национальных проблем края уже не отвечали реалиям туркестанского общества. Происходившая в нем поляризация сил показывала неоднозначность их позиции. Организационно оформившиеся к этому времени, эти силы («Шурои Исламия» во главе с Краевым мусульманским советом, «Шурои Уламо», советы мусульманских рабочих депутатов) к проблемам сущности власти, ее целям подходили с позиций своих интересов.

Показателен в этом плане состоявшийся 12—14 июля в г. Скобелеве съезд мусульманских организаций Ферганской области. На нем присутствовали 137 уполномоченных от разных мусульманских организаций области, представлявших интересы различных социальных слоев местного населения. Это не могло не вызвать разногласий на съезде. Представители союзов трудящихся мусульман, убедившись в преобладании на съезде представителей имущих слоев, оказывавших определенное влияние на его работу, в знак протеста покинули съезд[1]. Но значение этого съезда состояло в том, что впервые была сделана попытка объединить на политической платформе представителей всех местных национальностей края. Съезд, избрав Организационное бюро, положил начало образованию первой мусульманской партии — партии туркестанских федералистов. Основным пунктом утвержденной съездом платформы было провозглашение Туркестанского края в составе Ферганской, Сырдарьинской, Закаспийской и Семиреченской областей «автономной единицей, федеративно связанной с Российской республикой».

Ряд положений — незыблемость права собственности на землю и правил водопользования, упразднение

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 1. С. 174.

нотариата и утверждение суда казиев — свидетельствовал об утверждении общества на началах шариата и адата. Вместе с тем включенные в программу положения о признании наряду с судом казиев суда мирового, введении бесплатного начального народного образования на языке большинства учащихся, создании высших учебных заведений местной краевой думой с передачей расходов на общегосударственные средства, установлении восьмичасового рабочего дня на фабриках и заводах, замене всех косвенных налогов и податей с недвижимости одним основным подоходным налогом[1] свидетельствовали о демократической сущности выдвинутых установок будущего устройства общества. Эта платформа получила обоснование и развитие в изданных в сентябре в Ташкенте типографией Гуляма Арифджанова литографическим способом Программе и уставе партии туркестанских федералистов (Турк адами марказият (федералист) фиркаси). В составлении этих документов принимали участие видные духовные законоведы, преподаватели медресе, купцы, писари Коканда, Андижана, Скобелева, Ташкента, Самарканда, в том числе Мунаввар Кары Абдурашидханов, Махмудходжа Бехбуди, представитель мусульманского духовенства Кавказа.

Программа партии туркестанских федералистов (Турк адами марказият (федералист) фиркасининг маромномаси) состояла из введения и 10 разделов: организация государства и автономии, национальные вопросы, религиозные вопросы, права человека, вопросы экономики и финансов, земельные вопросы, частная собственность на землю, рабочие вопросы, юридические вопросы, народное образование. Внимательное изучение всех статей этих разделов, в которых детально расписывались государственное и автономное устройство, нормы человеческого общежития, принципы организации всех сфер общественной жизни, свидетельствует о глубоком обосновании идеи создания в Туркестане демократической республики на принципах национально-территориальной автономии в составе Российской демократической республики. Вместе с тем самим фактом возможности появления подобного документа подчеркивалось рождение и оформление таких общественно-политических сил, которые, ставя

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. I. С. 193—194.

выше всего национальные интересы проживающих на территории Туркестана народов, заложили фундамент для оформления в крае идеологии национальной демократии.

Но на этом этапе противостояние сил внутри туркестанского общества продолжало усиливаться. Это с очевидностью проявилось в разгоревшейся летом 1917 г. предвыборной борьбе за места в городские думы. Каждая из них, оценивая борьбу за власть в местном самоуправлении как важный этап в борьбе за управление краем в целом, вышла на предвыборный марафон со своей платформой и своим списком.

На выборах в Ташкентскую городскую думу было выдвинуто 16 списков от различных партий и общественных объединений, начиная от социал-демократической, эсеровской партии до общества туземных евреев, Ташкентского казачьего круга. От коренного населения Ташкента было выдвинуто 3 списка: от организации «Уламо», союза строительных рабочих-мусульман и от объединенных мусульманских организаций старого и нового города (последнее было представлено в основном «Шурои Исламия»). Итоги выборов показали победу «Шурои Уламо»: она получила из 112 мест — 62, социал-демократы — 5, эсеры — 24, «Шурои Исламия» — 11; всего от коренного населения прошло 74 гласных, а от европейского — 38[1].

Результаты выборов в Ташкентскую городскую думу вызвали большой резонанс по всему краю. Победа «Уламо» на выборах, развернутая их представителями в Ташкентской городской думе борьба за выбор городским головой бывшего губернатора Лыкошина была воспринята однозначно отрицательно всеми демократическими кругами Туркестана из европейского населения от умеренно либеральных до леворадикальных. Они открыто заявляли о политической незрелости основных масс коренного населения, господстве над ними реакционных сил, открыто вставших, по утверждению Г. Цвилинга — члена Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, «на путь контрреволюции». Все это не лучшим образом сказывалось на межнациональных отношениях, углубляя национальное размежевание населения края. Среди европейского населения, политических лидеров всех направлений снова

[1] Кенгаш, 1917, 6 августа.

стали рождаться проекты не только о разделении городских дум по национальному признаку, но и о раздельном выдвижении кандидатов от отдельных национальных общин Туркестана на предстоящих выборах во Всероссийское учредительное собрание.

Нараставший межнациональный антагонизм превращал Туркестан в бурлящий котел. Власти, политические силы проявляли полную неспособность не только снять остроту национальных отношений, но и понять всю губительность влияния их последствий на судьбу края. Его захлестывали многочисленные конфликты на национальной почве как местного локального характера (волнения по поводу ущемления политических прав при выборах местных властных структур, социальных прав при распространении продуктов и т. д.), так и охватывающих целые регионы края. Незаживающей раной общественной жизни народов Средней Азии стали кровавые столкновения в Семиречье между русскими крестьянами-переселенцами и киргизами и казахами, возвратившимися после февральской революции из Китая, куда они бежали после подавления восстания 1916 г. Серьезными обострениями в национальном плане грозили в связи с голодом и дороговизной продовольственных товаров все учащавшиеся случаи самочинных обысков и реквизиций товаров местных торговцев, грабежа коренного населения и насилия над ним, особенно со стороны несознательных рабочих и солдат.

В условиях полной политической, национальной, социальной нестабильности туркестанского общества, усиливающихся процессов поляризации его сил идея национальной консолидации, выдвинутая национальной демократией, начала терять свою привлекательность и сдавать свои позиции под напором политических интересов отдельных социальных слоев и групп.

И только события в Петрограде в конце лета и осенью 1917 г., эхом отозвавшиеся в Туркестане, снова выдвинули в повестку дня проблемы национальной консолидации, но этот процесс приобрел иное содержание и иную социальную основу.

Попытка Верховного главнокомандующего Корнилова с преданными ему войсковыми частями совершить военный переворот и свергнуть Временное правительство и его разгром силами вооруженных рабочих и солдат под руководством Петроградского совета

круто изменили ход революционного процесса в России. Решительные действия петроградских большевиков в дни корниловского мятежа подняли их авторитет в рабочей массе как защитников революции. Снова лозунг «Вся власть Советам» был подхвачен ими на всей территории страны.

Уже 28 августа Туркестанское краевое бюро РСДРП выступило с воззванием к населению края с призывом о передаче власти советам. Со свойственным им максимализмом туркестанские социал-демократы и особенно большевики заявляли, что «в революционной России вся власть должна принадлежать революционному народу и созданным им органам — советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[1]. На крупных предприятиях, в Главных железнодорожных мастерских, в коллективах железнодорожников и воинских частях под воздействием развернувшейся агитации большевиков принимались предложенные ими резолюции о передаче власти советам[2]. Однако отношение к этому лозунгу даже среди демократических кругов европейского населения Туркестана было неоднозначным. Резолюция, предложенная большевиками, была отклонена в Ташкентском совете, Краевом совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Ташкентской городской думе и в ряде других общественных организаций.

Решительно отрицательную позицию заняли представительные органы мусульманского населения края. С 7 по 11 сентября в Ташкенте работал II краевой мусульманский съезд, созванный по инициативе «Шурои Исламия». В резолюции по вопросу о сущности республиканской власти заявлялось: «Второй туркестанский краевой общемусульманский съезд высказывается против передачи власти советам рабочих и крестьянских депутатов. Власть должна быть коалиционной и опираться на все силы страны, т. е. — всенародной»[3]. В принятых в развитие этой резолюции дополнительных резолюциях национальная демократия впервые твердо заявила о принципиальных основах своей позиции: мусульмане могут и должны при-

---

[1] Муравейский С. Материалы по истории Октябрьской революции в Туркестане. — Т., 1922. С. 35.

[2] Наша газета, 1917, 12 сентября.

[3] Туркестанские ведомости, 1917, 13 сентября.

нимать участие в краевом правительстве лишь при условии демократичности его политики и учета их интересов как преобладающей части населения края; приоритетным для населения Туркестана является право свободного самоопределения народа; Краевой мусульманский совет является законным общемусульманским органом, действующим от имени всего мусульманского населения и защищающим его интересы[1].

Идея формирования краевой власти на принципах коалиции всех политических сил Туркестанского общества нашла отклик и со стороны Туркестанского Краевого совета рабочих и солдатских депутатов. В эти дни он предпринял ряд мер по консолидации всех демократических сил края.

8 сентября на заседании совета было решено созвать в целях координации действий краевых демократических организаций совещание, в работе которого должны были принимать участие по 4 представителя от Краевого совета солдатских и рабочих депутатов, Краевого совета крестьянских депутатов, Краевого совета киргизских депутатов, по 2 представителя — от Краевого совета партии социал-демократов, Краевого совета партии социалистов-революционеров, Краевого совета мусульманских депутатов и по одному представителю от Почтово-телеграфного союза, Краевого кооперативного бюро, железнодорожников. Состоявшееся 11 сентября заседание туркестанских краевых демократических организаций, на котором присутствовали М. Чокаев, Шагиахмедов, У. А. Ходжаев (представители Краевого совета киргизских депутатов и Общемусульманского совета), бурно обсуждало вопрос о конструировании краевой власти. Совещание единогласно постановило: «Принципиально признавая необходимым немедленное пополнение Туркестанского комитета Временного правительства лицами, выдвинутыми на должности членов комитета краевыми демократическими организациями, вопрос о количестве кандидатов и личностях таковых оставить открытым до следующего заседания данного совещания, которое назначить на 6 часов вечера 13 сентября»[2].

Но начавшиеся сентябрьские события прервали этот процесс.

---

[1] Туркестанские ведомости, 1917, 14 сентября.

[2] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 1. С. 285, 303—305.

К этому времени экономический и социальный кризис, разросшийся за годы первой мировой войны, приобрел катастрофические масштабы. Продовольственный вопрос встал вровень с политическим. Туркестан, ставший регионом хлопковой монокультуры, давно зависел от привозного хлеба: он обеспечивал себя хлебом лишь на 30%, остальное ввозилось из внутренних губерний России. Однако из-за войны, развала железнодорожного транспорта привоз хлеба в край резко сократился уже с конца 1916 г. Положение усугублялось усиливающейся хозяйственной разрухой, нарушившимися экономическими связями. Из-за трудностей с вывозом хлопка-сырца, его затоваривания неуклонно сокращались площади под хлопком. Катастрофически уменьшалась общая посевная площадь. Причиной послужили общий упадок крестьянского хозяйства, мобилизация мужского населения, русско-киргизские столкновения в Семиречье как отблески восстания 1916 г. Приходило в упадок скотоводство: из-за убоя на мясо, массового уничтожения скота в Семиречье в 1916 г., реквизиций для фронта.

К общим бедствиям как последствиям военного времени в Туркестане добавилась морозная зима и страшная, «небывалая» засуха весной 1917 г. Огромные стада кочевников были обречены на верную гибель из-за бескормицы. Богарные посевы зерновых погибли совершенно. В критическом положении оказались плодоводство, виноградарство, пчеловодство. «В истории русского Туркестана более тяжелого года еще не было», — характеризовали обстановку современники»[1]. Урожай зерновых в крае летом 1917 г. составил четверть от обычного. Это был «страшный» неурожай. Даже в земледельческих районах массами забивали скот из-за отсутствия кормов.

С весны 1917 г. правительственные и общественные организации Туркестана засыпали Временное правительство телеграммами о крайней остроте продовольственного вопроса в крае. В телеграммах, отправленных из Туркестана в адрес Временного правительства в августе-октябре, речь шла уже о критическом положении всего края. Туркестан стоял «на краю гибели»[2].

---

[1] Туркестанские ведомости, 1917, 29 апреля.

[2] ГАРФ, ф. 1783, оп. 4, д. 303, лл. 20, 21, 28, 30, 31; ЦГА РУз, ф. 31, оп. 1, д. 8, л. 2.

Карточная система на хлеб и другие продовольственные продукты, введенная еще до февраля, не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Это стало ясно уже к апрелю 1917 г. В конце апреля краевой уполномоченный по продовольствию обратился к представителям областных продорганизаций «с настойчивым призывом» соблюдать самую строгую экономию продуктов. Рекомендовалось сократить норму выдачи по карточкам. С 3 мая нормы выдачи хлеба в Ташкенте по постановлению городской думы были уменьшены с 2 ф. до $1^1/_2$ ф. и с $1^1/_2$ ф. до 1 ф. Уменьшить выдачу муки до 3/4 ф. на человека вынужден был Голодностепский продовольственный комитет. В Сырдарьинской области в мае пришлось по 4 ф. муки на душу в месяц[1]. Еще тяжелее было положение в Фергане, где высшая норма пайка была меньше 1/10 ф. муки в день, а во многих уездах выдача хлеба была прекращена совершенно[2].

Летом продовольственное положение продолжало ухудшаться. В августе краевой продовольственный комитет решил урезать $1^1/_2$-фунтовый паек до 3/4 ф., а $1^1/_2$ ф. хлеба выдавать только работающим на оборону. По сути для значительной части рабочих норма уменьшалась вдвое[3]. В первую очередь карточным снабжением было охвачено население новых городов и промышленные рабочие. Население же старых городов в большинстве случаев оставалось на самообеспечении. Только в мае по требованию представителей местного населения городской продкомитет принял решение о введении карточной системы и для населения ст. Ташкента. Но и после ее введения не все население ст. Ташкента было обеспечено хлебом. При общем сокращении количества продовольствия в крае цены безудержно росли. Цена на хлеб с 1916 по 1917 г. поднялась с 2 р. 50 к. за пуд до 81 руб.[4]. Дороговизна товаров первой необходимости вызывала постоянные выступления рабочих и служащих: они требовали повышения зарплаты, установления твердых цен на продукты и товары первой необходимости. На местах нередко развязывалась самочинная борьба со спекуля-

---

[1] Туркестанские ведомости. 1917, 19 мая.

[2] Хроника событий Октябрьской революции в Узбекистане. Февраль-ноябрь 1917 г. — Т., 1962. С. 56.

[3] Там же. С. 108.

[4] История Узбекской ССР. Т. 3. С. 57.

цией. В Самарканде, Каттакургане, Ташкенте задерживались незаконно провозившиеся товары первой необходимости. Участились случаи «продовольственных» грабежей, разгром фруктовых и овощных лавок, разграбление арб с овощами и фруктами по пути с бахчи.

Советы рабочих и солдатских депутатов, профсоюзы, различные общественные организации поддерживали требования рабочих и солдат об установлении таксы на продукты. Это повлекло за собой то, что на местах стали произвольно устанавливать низкие цены. В случае отказа торговцев продавать по таким ценам лавки грабились. «Самоуправные действия толпы» стали обычным явлением. Лозунгом дня стала реквизиция, и лозунг этот становился все популярнее по мере того, как на шее населения затягивалась петля голода. Проведения обысков и реквизиций силами советов рабочих и солдатских депутатов требовали участники митингов. Леворадикальное крыло революционной демократии решительно поддержало это требование. Оно было записано в «Городской программе РСДРП», подготовленной ташкентскими социал-демократами к выборам в думу летом 1917 г. Это требование расходилось с обычаями и представлениями коренного населения: делегаты Ферганского областного съезда мусульманских организаций (май 1917 г.) сняли с повестки дня продовольственный вопрос «ввиду различного понимания и толкования шариата по вопросам реквизиции хлебных злаков»[1].

Осенью теоретические разногласия по поводу стратегии и тактики преодоления продовольственного кризиса перешли в практическую плоскость. Именно продовольственные затруднения стали детонатором сентябрьского взрыва в Ташкенте.

Туркестанские, особенно ташкентские, рабочие и солдатские массы под воздействием большевистской пропаганды все более радикализировались. Резко ухудшавшиеся из-за продовольственного кризиса и дороговизны жизненные условия, страх перед наступающим голодом, паника, разнообразные слухи совершенно подорвали социальную устойчивость этой массы, превратили ее в стихийную толпу, легко воспламеняющуюся от любой агитации. Таким было начало стихийного митинга солдат и рабочих Ташкента 12 сентября.

---

[1] Хроника событий... С. 83.

Но начавшись с проблем продовольствия, он под влиянием большевиков приобрел политический характер. В принятой митингующими по предложению большевиков резолюции заявлялось о переходе власти к советам, создании Временного революционного комитета, немедленной реквизиции у капиталистов, баев и кулаков запасов продовольствия, национализации промышленности и банков, передаче помещичьих земель крестьянам, установлении революционного рабочего контроля над производством. В избранный на митинге Временный революционный комитет вошли 5 левых эсеров, 4 большевика, 2 меньшевика-интернационалиста и 2 анархиста. В состав ревкома не вошел ни один представитель коренного населения.

По окончании митинга рабочими-железнодорожниками был поднят вопрос об организации отряда Красной гвардии. В тот же день был переизбран исполнительный комитет Ташкентского совета, и его возглавил левый эсер, полковник Н. И. Черневский.

События в городе развивались драматично, и властям поначалу не удалось овладеть ситуацией. Революционный комитет отстранил генерала Черкеса от командования округом и назначил командующим войсками эсера поручика Е. Л. Перфильева. Были сделаны и другие перемещения в военном командовании, а также разоружена школа прапорщиков[1].

Развитие событий осложнило процесс объединения, на котором все больше стал сказываться классовый подход. Определенную роль в этом сыграли сентябрьские события, о чем свидетельствует заседание Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов (15 сентября 1917 г.). При обсуждении вопроса о перевыборах Исполнительного комитета, избранного при известных обстоятельствах 12 сентября, предметом горячих прений стал вопрос о составе будущего Исполнительного комитета. Выступивший в прениях Цвилинг настаивал на избрании в Исполнительный комитет одних социалистов, ибо все остальное, по его мнению, шло бы вразрез с принятой 12 сентября на митинге социалистической резолюцией. Эта точка зрения в основном возобладала. Во вновь избранный Исполнительный комитет вошла 16 социалистов-революционеров, 11 социал-демократов и 3 беспартийных.

---

[1] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 1, д. 4, лл. 23—24.

Все они также были представителями европейского населения[1]. С этого момента начинается размежевание между краевыми советами и Ташкентским советом. Это подтверждается решениями экстренного заседания президиума объединенных краевых организаций Туркестана, состоявшегося 19 сентября. Было принято решение образовать при Туркестанском комитете Временного правительства Временное совещание в составе объединенных краевых организаций: Краевого совета рабочих и солдатских депутатов, Краевого совета крестьянских депутатов, Краевого совета киргизских депутатов (представитель М. Чокаев), Краевого общемусульманского совета (представитель У. Ходжаев). Но цель этого совещания была уже иная. В резолюции по этому поводу отмечалось: «Совещание это образовывается нами ввиду исключительных обстоятельств, переживаемых краем, имеет целью внедрение законного правопорядка и предотвращение гражданской войны...»[2].

Несколькими днями ранее Краевой совет рабочих и солдатских депутатов послал местным советам телеграмму с призывом не подчиняться новому исполкому Ташкентского совета, Ревкому и распоряжениям поручика Перфильева. Краевой совет рабочих и солдатских депутатов 14 сентября переехал в город Скобелев, откуда послал Керенскому телеграмму о посылке в Ташкент войск для наведения порядка[3].

Глава Временного правительства в ответной телеграмме потребовал от «захватчиков власти» полного подчинения Временному правительству, освобождения всех арестованных и сообщал о высылке войск и пулеметов для установления порядка[4]. Такая поддержка дала возможность Туркомитету перейти к активным действиям.

20 сентября началась всеобщая стачка рабочих Ташкента в знак протеста против предстоящей карательной экспедиции. Карательная экспедиция прибыла в Ташкент. Ею руководил только что вступивший в должность Генерального комиссара Временного правительства по управлению Туркестанским краем и команду-

---

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 1. С. 332—333.
[2] Там же. С. 384.
[3] ЦГА РУз, ф. 1613, оп. 1, д. 1а, лл. 114—116.
[4] Там же, ф. Р-1760, оп. 1, д. 8, л. 14.

ющего войсками Туркестанского военного округа генерал П. А. Коровиченко.

Туркомитет объявил город на военном положении, были запрещены митинги, собрания, демонстрации под угрозой суда над зачинщиками[1]. В приказе от 26 сентября Коровиченко грозил привлечением к военному суду всех «виновных в произведенном мятеже» против Временного правительства и потребовал от всех «мятежных» частей немедленной сдачи оружия и демобилизации[2].

В обстановке продолжавшейся забастовки рабочих, возраставшего влияния большевиков среди солдат генерал-майор П. А. Коровиченко был вынужден отказаться от попытки расформировать по-боевому настроенные части Ташкентского гарнизона. Только после этого Исполком Ташкентского совета вынес решение о прекращении забастовки, которое и было осуществлено 27 сентября[3].

Необходимо отметить, что большинство советов края во главе с Краевым советом рабочих и солдатских депутатов выступили с осуждением событий в Ташкенте. Ферганский областной совет, городские советы Намангана, Коканда, Самарканда, Пишпека, Оша и других городов вынесли резолюции протеста против действий Ревкома и Ташкентского совета. Краевые демократические организации (Краевой совет рабочих и солдатских депутатов, Краевой мусульманский совет, Исполнительный комитет Краевого совета крестьянских депутатов и Исполнительный комитет Краевого совета киргизских депутатов) выступили единым фронтом. Они постановили не признавать ни за Революционным комитетом, ни за какой-либо иной организацией, не получившими санкций краевых съездов, власти краевой организации[4].

Предприняв попытку реализации революционного плана петроградских большевиков, ташкентские большевики толкнули рабочие и солдатские массы на захват власти и поставили край перед угрозой гражданской войны.

Сентябрьские события показали, что революционные устремления ташкентских большевиков и сагити-

---

[1] ГАРФ, ф. 406, оп. 6, д. 176, л. 47.
[2] Там же, л. 28.
[3] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 3, л. 23.
[4] Туркестанские ведомости, 1917, 14 сентября.

рованных ими рабочих и солдат города не были поддержаны даже радикальными силами края. Оказавшись в изоляции, участники сентябрьских событий вынуждены были отступить. 28 сентября генеральный комиссар края Коровиченко издал приказ, в котором известил население о снятии военного положения в городе в связи с окончанием забастовки на предприятиях Ташкента. Начала работу комиссия по расследованию событий 12 сентября в Ташкенте[1].

В ответ на постановление Краевой конференции областных советов рабочих и солдатских депутатов от 26 сентября 1917 г. об установлении товарищеских отношений с Исполкомом Ташсовета при условии его отказа от «самочинного вмешательства в дела общественных организаций края и управления ими»[2] Исполнительный комитет Ташкентского совета направил конференции разъяснительное письмо. В нем это условие принималось и давалось заверение, что Ташсовет впредь будет добиваться проведения мероприятий общекраевого характера «в сотрудничестве с демократией всего края»[3].

Сентябрьские события оставили глубокий след в общественной жизни Туркестана. Обострив политическую поляризацию общества, углубив водораздел между леворадикальными и либеральными силами демократии, они совершенно развели дальнейшие пути рабочего, социалистического и национального движения в крае.

Уже в первые дни сентябрьских событий представители «Шурои Исламия», «Шурои Уламо», Краевой мусульманский совет и другие национальные организации осудили Революционный комитет за узурпацию власти и признали, что его действия полностью игнорируют интересы и права мусульманского населения. Мусульмане «оставляют за собой свободу действий»,— эти слова, сказанные представителем «Шурои Ислама» П. Пулатхановым, оказались пророческими.

Национальное движение в крае вступило в новый этап своего развития. Активизировались консолидационные процессы, в которых все более заметно стала возрастать роль «Шурои Уламо». По его инициативе в

---

[1] Туркестанские ведомости, 1917, 1 октября.
[2] ГА Ташкентской области, ф. 10, оп. 13, д. 21, л. 125.
[3] Там же, л. 138.

Ташкенте был проведен съезд туркестанских и казахских мусульман (17—20 сентября). На нем присутствовало более 500 представителей областей Туркестана, а также Уральской и Тургайской областей. На повестке дня съезда стояли вопросы: 1) будущее политическое устройство Туркестанского края; 2) продовольственный вопрос; 3) землепользование и водопользование; 4) суд; 5) школьный вопрос; 6) о заведовании мечетями; 7) вакфный вопрос; 8) о земстве; 9) об установлении норм гражданской жизни мусульман вне зависимости от учения ислама; 10) женский вопрос; 11) образование мусульманской политической партии; 12) привлечение мусульманского населения к административному управлению краем; 13) реорганизация Мусульманского краевого совета; 14) Учредительное собрание и др.

Вся работа съезда была пронизана объединительными тенденциями, стремлением установления единства в региональном масштабе в подготовке к выборам в Учредительное собрание, в выдвижении в него «достойных людей из российских мусульман без различия идей и течений».

На съезде настойчиво проводилась мысль о необходимости выступления единым фронтом при выдвижении кандидатур в Учредительное собрание. При этом учитывался опыт участия в выборах в Ташкентскую думу, когда «Уламо», «Шурои Исламия», «Туран» и другие общественные организации выступали со своими списками. «Учредительное собрание, — декларировалось на съезде, — не Ташкентская дума. Здесь решается судьба мусульман всей России. Посему в это высокое учреждение надо выдвинуть без различия идей и течений достойных людей из российских мусульман. А это можно сделать только при наличии единства»[1].

Несмотря на долгие, бурные споры между «улемистами» и «шуроисламистами», съезду удалось найти компромиссные пути и принять важные для судеб края решения. Было решено создать единую для всего Туркестана и Казахстана политическую партию под названием «Иттифоки-и-муслимин» (Союз мусульман) путем объединения «Шурои Исламия», «Турон», «Шурои Уламо» и других.

Главным в работе съезда стал вопрос о будущем

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 1. С. 444—446.

политическом устройстве Туркестанского края. В принятой резолюции была выдвинута идея образования территориальной автономной федерации в составе демократической Российской республики, организованной на началах национально-культурного самоопределения всех народностей, населяющих области края. Дав автономии наименование «Туркестанская федеративная республика», съезд определил основные принципы и нормы будущего государственного устройства на началах парламентской республики. Основные властные органы республики — законодательный (Туркестанский парламент), исполнительный (Секретариат и республиканское правительство), Сенат под наименованием «Махкама-и-Шария» (палата Законов) с основной функцией надзора за исполнением законов и требований шариата — избираются на основе всеобщего, прямого и тайного голосования с обязательным пропорциональным представительством в нем всех народностей, населяющих Туркестанский край.

В резолюции были определены полномочия, передаваемые правительству Российской республики, а также права, предоставленные Туркестанской федерации: иметь свои таможни, казначейство, федеративный банк, заключать торгово-экономические договоры с сопредельными государствами, посылать своих представителей на различные международные конференции и т. д.

Съезд своими решениями внес важный вклад в начавшийся несколько ранее процесс программного обоснования целей и задач национально-освободительного движения. Создание национальных политических партий, принятие ими программных документов свидетельствовало об определенной степени зрелости, достигнутой национальным движением в Туркестане. За период с февраля по октябрь 1917 г. оно прошло тернистый путь организационного оформления — от отдельных обществ, организаций, движений до образования политических партий, программного обоснования своих целей и задач. За это время выросли и окрепли свои политические лидеры, которые смогли самостоятельно выработать модель развития для своего народа, накопили определенный опыт политической борьбы. Они являлись сознательными выразителями стихийного стремления туркестанцев к национальной консолидации, питающегося антиколониали-

стскими настроениями, свойственными в основном всем классам и социальным группам общества. Но различное понимание конечных целей национально-освободительного движения лидерами либерально-демократического (джадидского), кадимистского (возглавляемого «Шурои Уламо») и только еще нарождающегося радикал-социалистического направления осложняло консолидационный процесс, порождая в нем центробежные и центростремительные тенденции. Это в конечном счете определило будущую судьбу национально-освободительного движения в крае.

И все же идея национальной автономии, рожденная февральской революцией, наполнилась в послефевральский период определенным содержанием, обрела осязаемые формы государственного устройства. Лозунг «За национально-территориальную автономию в составе демократической России!» приобрел самодовлеющее значение в подходе ко всем проблемам общественно-политической жизни края. Характерной чертой движения за автономию и на этом этапе оставалась вера в возможность мирных, конституционных путей ее достижения. Мусульманские лидеры всех направлений оставались горячими сторонниками Учредительного собрания, связывали с его созывом достижение автономии, решение будущей судьбы своего народа. Поэтому вопросы подготовки к созыву Учредительного собрания, выборов в него своих представителей всецело поглощали их внимание. Особенно эта работа активизировалась с получением в первых числах октября извещения о назначенных на 12 ноября выборах в Учредительное собрание.

Но сторонники «Шурои Уламо» игнорировали решение созванного по их же инициативе съезда туркестанских и казахских мусульман (17—20 сентября) о необходимости выступить сплоченным фронтом при выдвижении кандидатов в Учредительное собрание. 8—11 октября они проводят в Ташкенте Сырдарьинский областной съезд мусульман, представлявший преимущественно их сторонников. Представителей шуроисламистов на съезде были единицы. В повестку дня были включены два вопроса: составление списка кандидатов в делегаты Учредительного собрания от Сырдарьинской области и выбор двух членов от области в Краевой совет мусульманских депутатов.

Ожесточенный спор, разгоревшийся при обсуждении первого пункта повестки дня, по сути вылился в вопрос о сущности будущего государственного устройства края. Доводы шуроисламистов о необходимости добиваться в Учредительном собрании осуществления решений всероссийских съездов мусульман о федеративном устройстве России и национальной автономии Туркестана не устраивали сторонников «Шурои Уламо». Их лидер Шер Али Лапин, неоднократно выступавший на съезде, настаивал на признании приоритетности и верховенства в общественном устройстве края законов шариата и проводящих их органов. Съезд поддержал позицию Шер Али Лапина, и ему удалось провести свой список кандидатов[1]. 18 октября газета «Улуғ Туркистон», анализируя итоги работы съезда, с горечью констатировала, что, по представлению его участников, будущая власть в Туркестане может быть только властью «Уламо».

Другим поляризующим фактором в тот период был не менее злободневный вопрос — военный. Актуализация данного вопроса объяснялась тем, что в создавшихся условиях фактического безвластия и политического хаоса ставка на военное решение кризиса становилась все более реальной и вполне допустимой. Сознавая данную реальность, мусульманские организации края заявили, что в соответствии с решениями военных (всероссийских, краевых) и общемусульманских съездов в регионе начинается формирование отдельных мусульманских воинских частей.

Так, уже к середине октября в самостоятельные мусульманские отделения стали выделяться солдаты-мусульмане 1-го и 2-го Сибирских полков Ташкентского гарнизона, организовав 2 роты[2].

Этот факт сразу же стал трактоваться оппонентами как сепаратистская затея нескольких лиц. Указывалось, что формирование отдельных частей по национальному и религиозному признаку «будет способствовать развитию шовинистических настроений»[3].

В ответ на критику лидеры мусульманских организаций говорили о своем несогласии с пребыванием в Туркестане воинских контингентов, совершенно не свя-

---

[1] Туркестанский курьер, 1917, 15 октября; Туркестанские ведомости, 1917, 21 октября.

[2] Улуғ Туркистон, 1917, 18 октября.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-1613, оп. 1, д. 1, л. 120.

занных с населением, не знающих местных условий и чуждых ему по духу. Данное явление характеризовалось ими как дискриминационное, унижающее человеческое и национальное достоинство местного населения. Подозрения противников идеи создания самостоятельных национальных мусульманских воинских подразделений вызывали естественную, адекватную реакцию[1].

Но, невзирая на все эти взаимные претензии, процесс организации новых мусульманских частей уже шел.

С 18 по 26 октября в Ташкенте проходил очередной краевой съезд воинов-мусульман, на котором присутствовало 25 делегатов со всех концов края[2]. В повестку дня были включены 5 вопросов, среди которых и доклад о ташкентских событиях. В докладе, зачитанном Собиржоном Юсуповым, давалась отрицательная оценка как «революционному комитету, так и действиям отдельных членов Туркомитета». Выражалось также сожаление по поводу неприятия некоторыми организациями, в том числе Краевым советом, идеи формирования мусульманских воинских частей[3].

По вопросу о создавшемся политическом положении съезд подтвердил, что «будет поддерживать Временное правительство, работающее в контакте с демократическими организациями и его представителями в Туркестане, доколе оно будет проводить в жизнь начала, возвещенные в декларации 8 марта»[4]. Было отмечено, что «съезд категорически протестует против всяких неорганизованных выступлений, вносящих смуту в жизнь края»[5].

В других принятых постановлениях говорилось: об организации мусульманских рот и батальонов; о тактике во время выборов в Учредительное собрание, где солдатам-мусульманам рекомендовалось голосовать за список, выдвинутый мусульманами-прогрессистами; о создании Ташкентского центрального военного совета.

---

[1] См.: Шоахмедов И. Мусульманские полки и революция // Туркестанские ведомости, 1917, 6 октября.

[2] Туркестанские ведомости, 1917, 20 октября.

[3] Там же.

[4] Там же, 21 октября.

[5] Там же.

Тут же на съезде были избраны первые девять членов этого совета[1].

Пока мусульманское население втягивалось в предвыборный марафон, различные его политические силы выясняли свои позиции, стихийное ожесточение европейских рабочих и солдатских масс в городах края явственно перерастало в революционные настроения. Во главе революционизирующихся масс шел Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов. Идеи, лозунги большевиков, стоящих во главе совета, все сильнее овладевали рабочими и солдатами, являясь платформой их сплочения.

Все попытки генерала Коровиченко сбить нараставшее революционизирование масс кончались провалом. В октябре солдаты отказались выполнить несогласованные с Ташкентским советом приказы генерала Коровиченко о расформировании и выводе из Ташкента некоторых воинских частей. Более того, эти действия генерала еще более усилили революционный накал. Город во второй половине октября захлестнула волна митингов и собраний. Рабочие и солдаты однозначно оценивали действия Коровиченко как наступление против революции и демократии, требовали передачи власти советам.

[1] Улуг Туркистон, 1917, 4 ноября.

Глава II

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ. ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

1. ВООРУЖЕННЫЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ТАШКЕНТЕ

25 октября 1917 г. большевики совершили в Петрограде государственный переворот. Временное правительство было арестовано. Вечером открылся II Всероссийский съезд советов, среди делегатов которого были и туркестанцы — большевики А. Ф. Солькин, Ф.И. Колесов, А. И. Фролов и Д. Т. Деканов, левый эсер Л. И. Гриневич. В утвержденном съездом воззвании «Рабочим, солдатам и крестьянам» заявлялось о взятии им власти в стране в свои руки и переходе власти на местах к советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Съездом были приняты декреты о мире и земле, образовано большевистское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным и избран Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). ВЦИК состоял из большевиков и левых эсеров. В него от советов Туркестанского края вошел Ф. И. Колесов.

Октябрьский переворот в Петрограде, свержение Временного правительства и приход к власти партии большевиков придали новые силы туркестанским большевикам в борьбе за установление власти советов в крае во главе с ними несмотря на то, что абсолютное большинство населения Туркестана и его политических партий, организаций и движений было открыто настроено против этого. Бескомпромиссную позицию в этом вопросе заняли мусульманские организации. Они заявили о поддержке Временного правительства и его представительства в крае, высказавшись против перехода власти к советам во главе с большевиками. Краевой мусульманский совет послал по всему краю телеграммы с призывом энергично поддерживать Временное правительство, действуя в случае надобности силой[1]. На заседании 27 октября 1917 г. Краевой му-

[1] Туркестанский курьер, 1917, 27 октября.

сульманский совет, выразив «полное доверие» П. А. Коровиченко и Г. И. Дорреру, заверил их, что он будет оказывать генеральному комиссару Временного правительства «всемерную поддержку». В тот же день последний получил телеграмму от Ферганского областного совета мусульманских депутатов с обещанием ему «всемерной помощи при подавлении попыток захвата власти»[1]. С категорическими заявлениями в печати против установления власти советов в стране и крае выступали в эти октябрьские дни многие мусульманские общественные деятели. Так, Ислам Султан Шагиахметов 27 октября 1917 г. писал в «Туркестанских ведомостях», что большевистский мятеж в Туркестане неизбежно потерпит крах, «ибо население этого не допустит и сумеет дать отпор силой, если понадобится».

В вопросе об отношении к Временному правительству, большевистскому перевороту в Петрограде и переходе власти к советам позиция мусульманских краевых и местных организаций совпадала с позицией многих демократических организаций некоренного населения края. Так, против перехода власти к советам высказался II Туркестанский крестьянский съезд, проходивший в Ташкенте с 20 по 26 октября 1917 г. Вначале против этого решительно выступил и Краевой совет рабочих и солдатских депутатов, заявивший, что он «против перехода власти к советам, а тем более в руки большевиков», что «власть до созыва Учредительного собрания должна оставаться в руках Временного правительства как в центре, так и в Туркестане»[2].

Накануне октябрьского переворота в Петрограде движение за передачу власти советам находилось в Туркестане в зачаточном состоянии. С этим требованием стали выступать главным образом рабочие некоторых предприятий Ташкента и солдаты частей его гарнизона, а также Ташкентский совет. При этом в движении за переход власти к советам участвовали преимущественно представители некоренного населения из числа рабочих и солдат. Что касается других городов, областей и уездов края, то документы не засвидетельствовали каких-либо активных выступлений тех

---

[1] Знамя свободы, 1917, 3 ноября.

[2] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 1. Сб. док. — С. 529, 590.

или иных слоев населения с требованием перехода власти к советам. Наоборот, в них содержались призывы в поддержку Временного правительства, против захвата власти советами, за созыв Учредительного собрания. Что касается советов, во главе подавляющего большинства которых накануне октябрьского переворота находились эсеры и меньшевики, в своей основной массе они даже не ставили вопроса о передаче власти советам.

Позиция большинства туркестанских советов в вопросе о власти стала коренным образом меняться только после октябрьского переворота, когда в центре установилась власть советов и в них повсеместно были проведены перевыборы, в результате которых эсеры и меньшевики были вытеснены из советов и их руководящих органов, и они стали по составу большевистско-левоэсеровскими. В этом состояло одно из основных отличий туркестанских советов от российских, в большинстве своем следовавших за большевиками под их лозунгами о передаче всей полноты власти советам. Другая особенность советов рабочих и солдатских депутатов края заключалась в том, что в них в основном было представлено европейское население и в гораздо меньшей степени — коренное население края. Последнее вообще отсутствовало в составе руководства этих советов не только до октябрьского переворота, но и в первые месяцы после него.

Несмотря на указанные выше обстоятельства, большевики Туркестана, прежде всего его социально-экономического и политического центра — города Ташкента, вели лихорадочную подготовку к захвату власти. В этой связи помощник генерального комиссара Временного правительства граф Г. И. Доррер писал в неотправленном докладе А. Ф. Керенскому: «К 27 октября в руках генерального комиссара сосредоточен был ряд весьма веских данных, доказывающих, что исполнительным комитетом Ташкентского совета солдатских и рабочих депутатов организован обширный заговор, направленный к вооруженному захвату власти. Заговор был несомненно связан и согласован с всероссийским заговором большевиков»[1].

Чтобы упредить готовившееся Ташсоветом под большевистским влиянием вооруженное выступление, ге-

[1] Красная летопись Туркестана, 1923, № 1—2. С. 75—76.

нерал П. А. Коровиченко издал приказ о введении военного положения в Ташкенте и уезде, дабы предотвратить «новую попытку к захвату власти, направленную к поддержке петроградских большевиков»[1]. Одновременно им было дано указание областным комиссарам: «Все попытки присоединиться к большевикам, призывы к этому населения предписываю подавлять всеми находящимися в вашем распоряжении силами, не останавливаясь перед вызовом войск и применением оружия»[2].

27 октября 1917 г. в Ташкенте было получено сообщение о государственном перевороте в Петрограде и свержении власти Временного правительства. В ночь с 27 на 28 октября состоялось объединенное заседание Ташкентского совета с участием полковых, ротных и командных комитетов. Обсудив создавшееся положение, заседание пришло к выводу, что необходимо самим перейти в наступление. Для руководства вооруженным выступлением был избран ревком во главе с железнодорожным рабочим большевиком В. С. Ляпиным. Было решено начать вооруженное выступление согласно разработанному плану утром 28 октября. Во время заседания юнкера и казаки, ворвавшись в Дом Свободы, где оно проходило, арестовали около 60 его участников, в том числе некоторых членов Краевого совета рабочих и солдатских депутатов во главе с левым эсером К. Я. Успенским. Это привело к тому, что Краевой совет решительно перешел на сторону противников свергнутого Временного правительства и его генерального комиссара в Туркестане и его члены активно включились в борьбу с П. А. Коровиченко. Избежавшие ареста участники объединенного заседания Ташсовета укрылись в Главных железнодорожных мастерских под защитой вооруженных рабочих. В то же самое время по распоряжению генерала П. А. Коровиченко была предпринята попытка разоружить некоторые революционно настроенные части Ташкентского гарнизона. Казакам и юнкерам удалось в ночь с 27 на 28 октября разоружить 2-й Сибирский запасной стрелковый полк, попытка же сделать это с 1-м полком потерпела неудачу. Солдаты полка были уже предуп-

---

[1] Туркестанские ведомости, 1917, 28 октября.

[2] Ташлиев Ш. Установление и упрочение Советской власти в Туркестане (1917 — июнь 1918 г.). — Ашхабад, 1957. С. 34—42.

реждены о готовящемся нападении правительственных войск и встретили казаков и юнкеров огнем, вынудив их отступить.

Ко времени решающей схватки противоборствующих сил на стороне Ташкентского совета были: рабочая дружина, состоявшая из 2500 человек (из них только 1000 вооруженных), 1-й и 2-й Сибирские запасные полки, мортирная батарея, 27-я и 28-я легкие батареи, две запасные дружины и другие мелкие команды. На стороне генерала П. А. Коровиченко имелись: школа прапорщиков, военное училище, 17-й казачий полк, 6-й оренбургский казачий полк, конные сотни семиреченцев, два броневика и так называемый мусульманский батальон[1]. На вооружении правительственных войск находилось 18 орудий. Вследствие этого они имели значительное превосходство в технике, не говоря уже о живой силе.

В октябрьские дни в Ташкенте вооруженное противостояние по существу было между различными социальными слоями европейского населения города. Одни из них выступили на стороне Временного правительства и олицетворявшего тогда его власть в Туркестане чрезвычайного комиссара П. А. Коровиченко, другие же — на стороне «революционной демократии» и ее оплота — Ташсовета. Что касается узбекского населения, то оно не было захвачено этими событиями, если не считать, что на стороне Ташсовета и стоявших за ним вооруженных сил выступил сформированный старогородским советом из строительных рабочих отряд в 150—200 человек, который 30 октября, т.е. на третий день восстания, с боями пробился в Главные железнодорожные мастерские. На стороне же генерала П. А. Коровиченко сражалась небольшая часть населения старого города, использованная для защиты военной крепости[2]. Основная масса коренного населения, в том числе в Ташкенте, рассматривала происходившие события как явление, имеющее прямое отношение лишь к пришлому, европейскому населению. Лидеры же национальной демократии серьезно опаса-

---

[1] Мусульманский батальон был сформирован на I съезде мусульманских военных организаций, состоявшемся 15 октября 1917 г. в Ташкенте. Батальон был укомплектован солдатами-мусульманами (главным образом татарами и башкирами) из разных воинских частей // В а х а б о в М. Г. Ташкент в период трех революций. — Т., 1957. С. 251—252.

[2] Наша газета, 1917, 8 ноября.

лись того, что в случае прихода к власти большевиков могут произойти коренные перемены в государстве, в результате которых могут не оправдаться их чаяния о получении автономии края от Учредительного собрания, а учитывая воинствующий атеизм большевиков, нависнет серьезная угроза над вековыми народными обычаями, традициями, религиозными верованиями и обрядами — всем образом жизни и устоями мусульман. Вследствие всего этого они не питали особых иллюзий и надежд в отношении власти советов, за которую вели бои на улицах Ташкента большевики[1].

К утру 28 октября в Главные железнодорожные мастерские отовсюду стали стекаться отряды вооруженных рабочих и солдат. Мастерские превратились в штаб восстания. В руках восставших находились Привокзальная площадь, товарные склады, железнодорожное депо и казармы 1-го Сибирского запасного стрелкового полка. Рабочими отрядами были заняты также некоторые прилегающие улицы. Остальная же часть нового города была в руках войск, оставшихся верными Временному правительству[2].

Рано утром 28 октября по условленному гудку Главных железнодорожных мастерских началось вооруженное выступление ташкентских рабочих и перешедших на сторону Ташсовета солдат. Четыре дня с переменным успехом на улицах города шли упорные кровопролитные бои, завершившиеся победой восставших.

Генерал П. А. Коровиченко и члены Туркомитета Временного правительства были арестованы. Так в Ташкенте 1 ноября 1917 г. победила советская власть. Но ее победа очень дорого обошлась населению города. Во время кровопролитных уличных боев только со стороны приверженцев советской власти имелось 79 убитых. И повинен в этом был прежде всего находившийся под большевистским влиянием Ташкентский совет рабочих и солдатских депутатов, еще с сентябрьских событий вставший на путь решительной борьбы

---

[1] Очень точно охарактеризовал отношение коренного населения и его лидеров к октябрьскому перевороту председатель ЦИК Туркреспублики Абдулла Рахимбаев в докладе на IX съезде советов края в сентябре 1920 г. «Мусульманское население, — говорил он, — боялось всяческого новшества. Принципы социалистической революции были ему непонятны, а так как они исходили от европейской части населения, то и подозрительны...» // ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д. 40, лл. 14—19.

[2] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Т., 1967. С. 362.

за власть и в конечном итоге узурпировавший ее в результате развязанной им гражданской войны, стоившей многих человеческих жизней. До сформирования новых краевых органов власти взамен свергнутого Туркомитета Временного правительства Ташкентский совет фактически выполнял роль краевой власти. 1 ноября 1917 г. по его распоряжению всем советам края была направлена телеграмма, в которой говорилось: «Всю власть приняли советы. Возьмите власть в свои руки»[1].

В тот же день Краевой совет рабочих и солдатских депутатов, исполком Ташкентского совета и Военный совет обратились к населению края с воззванием, в котором сообщалось о «победе демократии» и переходе власти в городе к подписавшим воззвание организациям «впредь до решения вопроса о власти в общероссийском масштабе»[2].

В Туркестане, в отличие от центра, после победы вооруженного восстания сложилась своеобразная обстановка. Если в Петрограде вопрос о власти в стране был сразу же решен на II Всероссийском съезде советов, то в Туркестане еще предстояла напряженная борьба за нее как между партиями и организациями, участвовавшими в октябрьском перевороте в Ташкенте (большевиками, левыми эсерами, меньшевиками-интернационалистами, Ташсоветом, Краевым советом рабочих и солдатских депутатов и др.), так и выступившими против перехода власти к советам.

Национальная демократия (джадиды, шуроисламисты) с самого начала отнеслась резко отрицательно к свержению большевиками Временного правительства и его Туркестанского комитета, в состав которого входили и ее представители. О позиции Краевого мусульманского совета по данному вопросу уже говорилось выше. Она приняла еще более решительный характер после октябрьского переворота в Ташкенте. Видные представители национальной демократии Убайдулла Ходжаев, Султанбек Ходжанов от имени общемусульманской и казахской национальных демократических организаций выразили решительный протест против

---

[1] Житов К. Е. Победа Великой Октябрьской революции в Узбекистане.— Т., 1957. С. 133.

[2] История Узбекской ССР. Т.III. — Т., 1967. С. 98—102; Вахабов М. Г. Ташкент в период трех революций.— С. 254—258.

захвата власти большевиками в Ташкенте. Они твердо заявляли, что власть в крае должна быть в руках членов Туркомитета — Шкапского, Тынышпаева, Иванова и Чокаева[1]. Деятели национальной демократии считали, что народы Туркестана должны взять свою судьбу в собственные руки. Довольно четко выразила в те дни их позицию по вопросу о власти газета «Улуғ Туркистон», которая писала, что необходимо воспользоваться подходящим моментом и не допускать образования автономии края силами «пришлых» (т. е. европейского населения). Газета призывала джадидов и улемистов взять власть в свои руки[2]. Члены Краевого совета мусульманских депутатов, выехавшие после победы вооруженного восстания в Ташкенте в Коканд, были настроены к большевикам непримиримо и считали абсолютно неприемлемым соглашение с ними по вопросу о власти.

Несколько своеобразную позицию заняли лидеры «Шурои Уламо». Они предприняли попытку сплотить противостоявшие большевикам силы движения. С этой целью они созвали в Ташкенте с 12 по 15 ноября 1917 г. «объединенное совещание различных мусульманских групп». На нем присутствовали представители двух областей — Самаркандской и Сырдарьинской, причем преимущественно сторонники «Уламо». Председательствовал на совещании Шер Али Лапин. На нем был рассмотрен лишь один вопрос — «Об организации власти в Туркестане». На совещании выступил председатель Краевого мусульманского совета Мустафа Чокаев, который предостерег мусульман от объединения с большевиками и призвал создать особое управление мусульман, которое контролировало бы деятельность большевиков.

Совещание твердо встало на позиции создания коалиционного правительства. Оно приняло по обсуждаемому вопросу резолюцию, в которой указывалось, что краевая власть должна состоять из так называемого «Туркестанского правительственного комитета» в количестве 12 человек и контролирующего его органа — «Туркестанского краевого совета». В состав правительства предусматривалось ввести по 3 представителя от советов рабочих и солдатских депутатов и городских

---

[1] Свободный Самарканд, 1917, 25 ноября.
[2] Улуғ Туркистон, 1917, 11 ноября.

самоуправлений и 6 — от Краевого съезда мусульман. Туркестанский же краевой совет должен был состоять из 10 представителей съезда мусульман и по 5 — от советов и органов городского самоуправления[1]. Как видно из этой раскладки мест в краевых органах власти, явное предпочтение в них отдавалось представителям коренного населения. В то же время совещанием не ущемлялись и интересы европейского населения, которым отводилось в краевых органах власти в несколько раз больше мест, чем составлял его удельный вес среди жителей Туркестана.

Пока представители коренного населения края строили свои планы государственного устройства, поставив во главу угла желания и интересы коренного населения, не забывая при этом и пришлое население, общественно-политические организации европейского населения Туркестана за спиной коренных народов и их общественно-политических организаций и деятелей разработали свой план государственного устройства края, в основу которого были положены интересы малочисленного некоренного населения, и приступили к практической его реализации.

2 ноября 1917 г. Туркестанский краевой совет рабочих и солдатских депутатов, возглавлявшийся умеренными социалистами и эсерами, отказался от единоличного взятия краевой власти. В этом наглядно проявилась присущая демократам нерешительность. Состоявшееся в тот день под председательством левого эсера К. Я. Успенского заседание, заслушав вопрос «О переходе власти Совету», вынесло постановление: «Отказываясь взять единолично краевую власть в свои руки, Краевой совет предлагает впредь до созыва съезда организовать Краевой Туркестанский исполнительный комитет из 9 лиц: три от КРАС (Краевой совет рабочих и солдатских депутатов. — *Ред.*), два от Краевого совета крестьянских депутатов, один от Краевого совета киргизских депутатов, один от Краевого совета мусульманских депутатов, один от Краевого комитета партии С.-Р. (социалистов-революционеров. — *Ред.*), один от Центрального бюро партии С.-Д. (социал-демократов. — *Ред.*)— и при нем Краевое совещание из представителей всех краевых организаций, думы и исполнительного комитета Ташкентского совета рабочих

[1] Туркестанские ведомости, 1917, 21 ноября.

и солдатских депутатов»[1]. Как видно из этого документа, создавался коалиционный орган по руководству краем, в котором представителям коренного населения, составлявшего более 9/10 жителей Туркестана, выделялось только два места из девяти. Состоявшееся в тот же день под председательством меньшевика-интернационалиста А. П. Демидова совещание краевых демократических организаций одобрило это постановление Краевого совета рабочих и солдатских депутатов. На совещании был избран временный Туркестанский исполнительный комитет во главе с поручиком эсером В. А. Подпаловым[2]. При временном Туркестанском исполнительном комитете было сформировано коалиционное по своему составу Краевое совещание из 20 человек, из которых лишь 4 были представителями коренного населения.

7 ноября 1917 г. Туркестанский исполнительный комитет разослал на места телеграммы о созыве 15 ноября краевого съезда демократических организаций и городских дум для решения вопроса о власти. В свою очередь Краевой совет рабочих и солдатских депутатов на эту же дату объявил созыв по данному же вопросу краевого съезда советов рабочих и солдатских депутатов. В своем извещении о созыве III Краевого съезда советов Краевой совет сообщал, что «одновременно созываются съезды советов крестьянских, киргизских и мусульманских депутатов». Таким образом, борьба за власть в Туркестане вступила в решающую стадию.

2. III КРАЕВОЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ. УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ НА МЕСТАХ

В такой довольно сложной обстановке 15 ноября 1917 г. в Ташкенте открылся III краевой съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Его открыл председатель КРАСа левый эсер К. Я. Успенский. На форуме советов края участвовало 114 делегатов. Основными фракциями съезда являлись: объединенная фракция большевиков и максималистов — самая мощная по числу членов и наиболее решительно настроенная, левых эсеров и объединенных социал-демократов, т. е. меньшевиков всех оттенков. 16 ноября с III Краевым

[1] Туркестанские ведомости, 1917, 8 ноября.
[2] Наша газета, 1917, 9 ноября.

съедом советов рабочих и солдатских депутатов соединился проходивший в то же время Краевой съезд крестьянских депутатов, целиком влившийся в левоэсеровскую фракцию, намного усилив ее и левое крыло съезда, благодаря чему меньшевики и правые эсеры оказались в значительном меньшинстве. Но в отличие от II Всероссийского съезда советов представители указанных партий не покинули III краевой съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (так он стал называться после слияния с ним Краевого съезда крестьянских депутатов), а остались на нем и вели напряженную борьбу за проведение своей линии, используя колебания левых эсеров, вследствие чего съезд проходил в острейшей борьбе.

На повестке дня съезда стояли вопросы: организация краевой власти, создание власти на местах и выборы в Учредительное собрание. Учитывая исключительную важность вопроса об организации краевой власти для всех слоев населения Туркестана, правый эсер Зимин предложил допустить на съезд для участия в обсуждении представителей городских органов самоуправления. Однако по настоянию фракции большевиков и максималистов это предложение съездом было отклонено.

Меньшевики и правые эсеры настойчиво ратовали на съезде за передачу власти в крае коалиционному правительству, состоявшему из представителей всей туркестанской «революционной демократии». А меньшевик Гапеев, выступая от имени фракции объединенных социал-демократов, высказался за включение в состав краевой власти также представителей «младомусульман» (надо полагать, джадидов. — *Ред.*) и органов самоуправления. Таким образом, меньшевики и правые эсеры выступали за создание коалиционного правительства из представителей всех партий и организаций, независимо от участия их в октябрьском перевороте и отношения к советской власти.

Единым фронтом против правых эсеров и меньшевиков выступили на съезде большевики и временами поддерживавшие их левые эсеры. Большевики с самого начала решительно настаивали на создании краевой власти на тех же принципах, на которых была организована новая власть в центре, — на строго пролетарской основе. «Победили солдаты, рабочие и крестьяне, — говорил в своем выступлении большевик

Ф. И. Колесов. — И они должны взять власть в свои руки... Мы требуем всей власти советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[1].

На съезде вопрос о том, какую власть установить в Туркестане, решали представители различных партий и организаций, представлявших европейское население, по существу без участия коренных народов края и без учета их мнения. В архивах не сохранилось документов, точно указывающих на то, сколько делегатов местных национальностей и кто именно персонально был на съезде. В них встречаются лишь два диаметрально противоположных выступления представителей коренного населения, выражавших разные направления национально-освободительного движения народов края: лидера «Шурои Уламо» Шер Али Лапина и делегата от Ходжентского совета мусульманских рабочих депутатов Абдуллы Рахимбаева. Причем первый не был делегатом III Краевого съезда советов, присутствовал на нем по поручению краевого совещания (съезда) мусульман и выступил от его имени.

Шер Али Лапин 18 ноября 1917 г. огласил на съезде резолюцию совещания мусульман об организации краевой власти. Затем он заявил, что мусульманам должно быть предоставлено в ее органах 3/4 мест. «Основываясь на принципе самоопределения... мусульманство могло бы потребовать себе и всей власти, — сказал Шер Али Лапин, — но оно делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти... Путь мусульман самостоятельный. Он указывается им Кораном и правилами шариата, поэтому они не могут примкнуть ни к одной из русских политических партий, но будут поддерживать ту власть, которая, опираясь на все народные организации, приведет к Учредительному собранию... Мусульмане верят в обещание русской революции о самоопределении»[2].

Выступление Лапина было опротестовано председателем Ходжентского совета мусульманских рабочих депутатов Абдуллой Рахимбаевым. Он предложил съезду не считаться с мнением «Объединенного совещания различных мусульманских групп», не являвшегося, по его мнению, выразителем настроений всего мусульманского населения, каковым может быть только об-

---

[1] Наша газета, 1917, 18 ноября.
[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1, лл. 1—2.

щемусульманский съезд, созыв которого назначен на 25 ноября[1].

Не получив понимания и поддержки, Шер Али Лапин покинул съезд. Так съездом был отвергнут предложенный совещанием (съездом) мусульман компромисс в формировании краевой власти из представителей различных партий и организаций края с предоставлением при этом преимуществ коренному населению, составлявшему более 9/10 жителей Туркестана.

По окончании прений, 19 ноября 1917 г., съезд перешел к практическому решению вопроса о конструировании краевых органов власти. Накануне на фракционных совещаниях были выработаны альтернативные проекты резолюций по данному вопросу: левых эсеров, объединенных социал-демократов, большевиков и максималистов, а также проект резолюции краевого съезда крестьянских депутатов, — которые и были представлены вниманию делегатов съезда.

В проекте фракции левых эсеров указывалось, что вся власть в крае должна принадлежать Совету Народных Комиссаров в составе 18 человек, причем 3 места в нем отводилось «представителям мусульманского пролетариата». Предусматривалось также создание наряду с исполнительным органом (СНК) контролирующего его органа — Краевого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «из всех национальностей, перед которыми был бы ответственен СНК».

В представленном съезду проекте резолюции объединенных социал-демократов предлагалось создать Краевой исполнительный комитет из 10 человек, который должен был работать под контролем Краевого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избираемого на съезде из 25 человек. К участию в управлении краем привлекались все демократические организации и советы, муниципалитеты и представители коренного населения, которым предоставлялась половина мест в Краевом исполнительном комитете[2]. Таким образом, проект объединенных социал-демократов шел гораздо дальше левоэсеровского проекта в части представительства коренного населения в органах краевой власти — им отводилась половина мест. В проекте краевого съезда крестьянских депутатов выдвигался воп-

---

[1] ААП РУз, ф.60, оп.1, д.1, лл. 1—2.
[2] Там же, лл. 3—5.

рос о создании в Туркестане автономной республики. Для управления регионом предусматривалось избрать Краевой совет в составе 34 человек, 10 из которых — от Краевого совета мусульманских депутатов[1]. Как видно из анализа всех этих проектов, в них в той или иной степени предусматривалось представительство коренного населения в краевых органах власти. Однако все они были заблокированы большевистско-максималистским большинством съезда.

На съезде 97 голосами при 17 воздержавшихся прошел проект резолюции объединенной фракции большевиков и максималистов, который был оглашен одним из лидеров туркестанских большевиков И. О. Тоболиным. В нем указывалось, что высшим органом власти считается «Краевой Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, который ныне именуется Советом Народных Комиссаров Туркестанского края». В Совнарком не допускались представители оборонческих групп, «так как они активно боролись, отстаивая власть Временного правительства». Наряду с ними в него не получали доступа и представители коренного населения. «Привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, — гласил проект большевиков и максималистов, — как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе высшей краевой власти фракция приветствовала бы»[2].

Из приведенной выше выдержки видно, что большевики Туркестана совершенно не учитывали интересы коренного населения края и абсолютно игнорировали его. Они, подобно всей своей партии, выдвигали партийно-классовые факторы в качестве главного и определяющего критерия формирования краевых, а также местных органов власти и участия в них представителей тех или иных партий и социальных групп и слоев населения.

Ущербный по своей внутренней сущности, этот антигуманный большевистский принцип, ставивший клас-

---

[1] Вахабов М. Г. Указ. соч. С. 263.
[2] ААП РУз, ф. 60, оп.1, д. 1, лл. 5—6.

совые интересы пролетариата выше интересов других слоев населения и общечеловеческих ценностей, был абсолютно неприемлем в конкретно-исторических условиях Туркестана, где почти не было национального рабочего класса и не могло быть чисто пролетарского движения. Большевики, пользуясь нерешительностью демократических партий, самочинно взяли на себя право решать судьбу народов края, слепо следуя своему партийно-классовому принципу, волевым решением лишили прямого участия в управлении Туркестаном многомиллионное коренное население, среди которого были национальные организации со своими программами, отвечающими интересам народов края, имелось немало передовых людей, настоящих лидеров, особенно из числа национальной демократической интеллигенции, могущих и искренне желающих верой и правдой служить своему народу. Однако большевики Туркестана с присущим им радикализмом не посчитались с существующими реалиями, интересами и волей коренного населения, выступили за примат интересов пролетариата, составлявшего менее одного процента населения края, над интересами громадного большинства населения региона, совершив тем самым грубейшую политическую ошибку великодержавно-шовинистического характера. Не на высоте оказались и представители других партий. Хотя они и выступили с альтернативными проектами резолюций по организации краевой власти, в которых предусматривалось представительство в ней коренного населения, однако ни один из них решительно не отверг великодержавно-шовинистический по своей сути большевистско-максималистский проект резолюции, ни один голос не был подан против него, в том числе и делегатами коренных национальностей.

Великодержавно-шовинистическая, имперская резолюция большевиков и максималистов была точно реализована при формировании съездом состава Совета Народных Комиссаров Туркестанского края. Как гласили документы съезда, «в силу состоявшегося соглашения между большевиками и левыми эсерами» в составе правительства 8 мест предоставлялось левым эсерам и 7 — большевикам и максималистам[1]. Председателем Совнаркома был избран большевик Ф. И. Ко-

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1, лл. 7—28.

лесов. Советское правительство Туркестана было строго выдержано в партийно-классовом отношении. В него вошли 8 левых эсеров, 5 большевиков и 2 максималиста. Из 5 большевистских наркомов 4 были рабочими и 1 — железнодорожным служащим. В состав первого советского правительства Туркестана не был допущен ни один представитель коренного населения[1], тем самым по отношению к нему была допущена вопиющая несправедливость. В части представительства коренного населения в органах власти III краевой съезд советов сделал громадный шаг назад по сравнению с царскими временами, когда представители народов Туркестанского края избирались в Государственную Думу, и кратковременным периодом существования Временного правительства, при котором они входили в состав его Туркомитета.

Правда, в Наказе Совету Народных Комиссаров, принятом 20 ноября 1917 г., была предпринята попытка как-то сгладить уж больно бросающийся в глаза этот шовинистический акт. В нем говорилось, что «Совет Народных Комиссаров образуется из большинства партий съезда с включением в него представителей от организованных мусульманских пролетарско-трудовых слоев, которым будет отведено (пропорционально) соответствующее количество мест»[2]. В Наказе была сделана еще одна уступка коренному населению. В нем указывалось, что СНК ответственен перед съездом советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Туркестанского края и «Советом представителей мусульманских пролетарско-трудовых организаций, входящих в состав съезда советов, созываемого в Ташкенте не реже одного раза в 2 месяца»[3]. Но как показали дальнейшие события, положения Наказа в отношении участия коренного населения в краевых органах советской власти Совнарком не торопился выполнять[4].

Одной из отличительных черт первого состава краевой советской власти от центральной являлось то, что на III краевом съезде советов не был образован ЦИК, хотя в проектах левых эсеров и объединенных социал-демократов, как уже отмечалось, предусматри-

---

[1] ЦГА РУз, ф.Р-25, оп. 1, д. 6, л. 1.
[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1, л. 7.
[3] Там же.
[4] Лишь на V краевом съезде советов в состав Совнаркома Туркестана были введены 3 представителя коренного населения.

валось создание контролирующего Совнарком органа — Краевого совета, но эти предложения были отклонены съездом. В принятой же им резолюции большевиков и максималистов образование ЦИК или другого контролирующего исполнительную власть органа не намечалось. По всей видимости, это было вызвано опасением большевиков, что «контролирующий» Совнарком орган, куда могли пройти представители оппозиционных к ним партий, будет мешать большевикам, занявшим ключевые позиции в СНК, проводить строго выдержанную партийно-классовую политику. ЦИК в Туркестане был образован значительно позднее, на V краевом съезде советов, проходившем с 20 апреля по 1 мая 1918 г.

На своем последнем вечернем заседании 22 ноября 1917 г. съезд рассмотрел вопрос об организации власти на местах. В принятой резолюции указывалось, что вся полнота власти на местах переходит в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Был намечен порядок организации власти на местах. В специальном пункте резолюции указывалось, что «мусульманские рабочие советы, где они существуют, остаются автономными, но объединяются с общими советами в исполнительном комитете и отделах советов». Местным советам предстояло «принять меры к организации советов мусульманских рабочих депутатов там, где их нет»[1].

Таким образом, на III краевом съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором почти не было представителей коренного населения, по примеру центра в Туркестане была провозглашена советская власть, образовано строго выдержанное в классово-партийном отношении правительство — Совет Народных Комиссаров Туркестанского края из представителей только европейского населения из числа большевиков и левых эсеров, т. е. тех партий, которые пришли к власти в Центре в результате совершенного большевиками октябрьского переворота; в состав правительства не были допущены представители основной массы населения — коренного, мусульманского. Так в Туркестане был установлен советский государственный строй без участия в этом самих народов края.

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1, лл. 28—29.

23 ноября 1917 г. председатель Совнаркома Туркестанского края Ф. И. Колесов направил главе советского правительства В. И. Ленину телеграмму, в которой, сообщив об организации краевой власти и ее составе, подчеркнул: «Совет Комиссаров поставил своей задачей проведение в жизнь всех Ваших декретов... Просим рассчитывать на нашу полную поддержку»[1].

Октябрьский переворот, совершенный большевиками в Петрограде и Ташкенте, образование советского правительства в центре и Совнаркома Туркестана ускорили переход власти к советам на местах. Причем установление советской власти проходило не одновременно и не одинаковым путем, хотя в подавляющем большинстве мест этот процесс протекал без вооруженных столкновений противоборствующих сторон. Быстрота и пути перехода власти к советам зависели от соотношения противостоящих сил в областях, уездах и городах края, от степени отдаленности последних от Ташкента, а также от влияния тех или иных политических партий и организаций в советах и т. д.

30 октября власть в свои руки взял Перовский совет, 31 октября — Чарджуйский совет. 1 ноября власть перешла к советам в Каттакургане и Термезе. 8 ноября постановление о переходе власти в области в его руки принял Сырдарьинский областной совет. 25 ноября власть перешла к советам в Новой Бухаре, 28-го — в Самарканде, 30-го — в Джизаке. 5 декабря о переходе власти к советам на территории русских поселений Бухары объявил областной съезд советов этого региона. 13 декабря решение о переходе власти в руки областного совета принял съезд советов Самаркандской области. В течение декабря власть советов была установлена в Закаспийской области[2].

В упорной борьбе с правыми эсерами, меньшевиками и представителями национально-освободительного движения протекало установление советской власти в Ферганской области. Здесь было очень сильно влияние в советах мелкобуржуазных партий. Большевикам удалось получить в советах области большинство мест и повести их за собой только после проведения перевы-

---

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. I. С. 578.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп.1, д.4, лл. 140—150; Наша газета, 1917, 10 ноября; Житов К. Е. Указ. соч. С. 191; Иноятов Х. Ш. Победа Советской власти в Узбекистане. — Т., 1967. С. 143; История Туркменской ССР. Т. II. — Ашхабад, 1957. С. 66—67.

боров, в ходе которых был, по существу, перекрыт доступ в них правым эсерам и меньшевикам. Став таким образом «большевистскими», советы Ферганы один за другим брали власть в свои руки. 6—7 декабря 1917 г. на IV Ферганском областном съезде советов, подавляющее большинство делегатов которого оказалось большевиками, было объявлено о переходе власти в области в руки советов. Вслед за этим 20 декабря взял власть в свои руки Андижанский совет, в начале января 1918 г.— Наманганский и Скобелевский советы, в середине января — Ошский совет. Что касается Кокандского совета, то его власть почти до конца февраля 1918 г. распространялась лишь на русскую часть города. В Семиреченской же области установление советской власти затянулось до весны 1918 г.[1].

Так в течение нескольких месяцев советская власть распространилась по всем городам Туркестанского края. Решающую роль в этом процессе сыграли руководимые большевиками и поддержавшими их левыми эсерами рабочие и солдаты из числа европейского населения. В то же время весьма незначительное участие приняло в нем коренное население, которое было далеко от идей советской власти и выступало в своей основной массе за национальную автономию Туркестана. Что касается советов, взявших власть в свои руки, то они на первых порах состояли главным образом из представителей некоренного населения — рабочих, солдат, служащих, принадлежавших к правящим партиям большевиков и левых эсеров, удельный вес представителей мусульманского населения в них был весьма незначителен, а среди руководителей местных советов тогда их вообще не было.

По мере перехода власти к советам упразднялись органы власти свергнутого Временного правительства, создавались советские управленческие структуры, прежде всего карательные органы. И это не случайно. Власть большевиков могла удержаться лишь путем насилия не только над свергнутыми классами, но и несогласной с большевиками значительной частью коренного населения. 28 ноября 1917 г. Совнарком Туркестана принял постановление о создании в крае отрядов Крас-

[1] ЦГА РУз, ф.Р-25, оп. 1, д.16, лл. 3,4; История коммунистических организаций Средней Азии. — Т., 1967. С. 209; З и м а А. Г. Октябрьская революция в Киргизии. — Фрунзе, 1966. С. 197—204; Наша газета, 1918, 16 января.

ной гвардии, которые приняли активное участие в подавлении первых антисоветских выступлений. С начала 1918 г. началось формирование в крае частей Красной Армии. Повсеместно были образованы органы ЧК и революционные трибуналы. Эти карательные органы диктатуры пролетариата стали важными инструментами подавления инакомыслия, свободы и демократии и вписали множество мрачных страниц в историю возникшего в результате октябрьского переворота советского режима.

Советы и их карательные органы повели непримиримую борьбу с партиями и организациями, не принявшими власть большевиков. Были распущены городские думы, большинство мест в которых занимали мусульмане, организации «Уламо» и «Шурои Ислами», закрыты их журналы и газеты. Такая же участь постигла общероссийские буржуазные и мелкобуржуазные партии, действовавшие в крае, и их печатные органы.

Захват власти большевиками, не пользовавшимися тогда особым влиянием среди населения края, прежде всего коренного, стал возможен благодаря недостаточной решительности в борьбе за власть туркестанских организаций общероссийских партий, а также организаций и общественных движений коренного населения, считавших, что этот вопрос должно решить Учредительное собрание Туркестана. Пользуясь этим, а также тем, что в результате октябрьского переворота в России к власти пришла их партия, туркестанские большевики, опираясь на поддержку левых эсеров, с которыми им пришлось поделить власть, широко используя демагогию и насилие, не только узурпировали власть, но и удержали ее на протяжении многих десятилетий.

Так в результате октябрьского переворота в Туркестане была установлена власть советов, утвердилась двухпартийная политическая система, олицетворяющая диктатуру пролетариата в крае, где почти не было рабочего класса.

3. IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ КРАЕВОЙ МУСУЛЬМАНСКИЙ СЪЕЗД. ОБРАЗОВАНИЕ ТУРКИСТОН МУХТОРИЯТИ

Решения III краевого съезда рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вставшего на позиции туркес-

танских большевиков в вопросах формирования краевой власти, шли вразрез с принципами советской власти, провозглашенными целым рядом законодательных актов Совета Народных Комиссаров Российской республики. «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 г. торжественно объявила «право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». В соответствии с этим правом в специальном обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (20 ноября) Совет Народных Комиссаров призывал: «Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете на это право. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[1].

Отказав мусульманскому населению Туркестана в праве на управление краем, правящие партии — туркестанские большевики и левые эсеры — отвергли возможность компромиссного решения вопроса о власти и предопределили тем самым будущую конфронтацию сил в политической жизни края. Решения съезда окончательно развеяли иллюзии у тех, кто до него еще надеялся на создание коалиционного правительства, и еще более утвердили в своей позиции тех, кто еще до съезда твердо заявлял о своем отмежевании от большевиков.

Эти настроения сказались на работе IV Чрезвычайного краевого мусульманского съезда, созыв которого был объявлен лидерами национальной демократии еще в первые дни после вооруженного переворота в Ташкенте. Он начал работу 26 ноября 1917 г. в Коканде. Из-за затяжной забастовки почтово-телеграфных служащих не все желающие сумели прибыть на съезд, однако свое отношение к нему они выразили в письмах и телеграммах, поступивших в адрес съезда[2]. Забастовка стала главной причиной переноса открытия съезда с 25 на 26 ноября. Член Организационного бюро съезда Мустафа Чокаев объявил об его открытии. На нем к тому моменту присутствовало: от Ферганы — 150 человек, от Сырдарьинской области — 22, от Са-

---

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. I. С. 571.
[2] Улуғ Туркистон, 1917, 8 декабря.

маркандской — 21 человек, Закаспий был представлен одним делегатом, а Бухара — четырьмя. В дальнейшем количество участников достигло 203 человек. Кроме делегатов от областей на съезде присутствовали представители «Шурои Исламия», «Шурои Уламо», совета воинов-мусульман, краевой еврейской организации (Паолей-Сион), а также туземных евреев.

При формировании рабочих органов съезда делегаты высказались за включение в их состав представителей всех народов, проживающих в крае. В президиум съезда вошли: М. Чокаев, У. Ходжаев, Ю. Агаев, С. Акаев, С. А. Герцфельд (Гершфельд), О. Махмудов, И. Шоахмедов (Шагиахмедов) и др. Также было решено пригласить на съезд с правом совещательного голоса «сведущих лиц из европейского населения».

В утвержденной съездом повестке стояли вопросы: формы управления Туркестаном, о вступлении Туркестана в Юго-восточный союз «войск горцев Кавказа и вольных народов степей», выборы Исполнительного комитета, содержание наказа ему, перевыборы Туркестанского совета мусульманских депутатов, доклады с мест, текущий момент, о Туркестанском Учредительном собрании, милиции, финансах и др.

В центре внимания съезда встал вопрос о форме управления Туркестаном. Большинство выступлений при его обсуждении отличалось резко критической направленностью против политики туркестанских большевиков, противодействующих объявлению Туркестана автономной республикой, против их вмешательства во внутреннюю жизнь коренного населения. Всеми поддерживалась идея объявления автономии и независимости. Участники съезда убежденно продемонстрировали стремление защитить свою веру, обычаи, национальные права.

За три дня работы участники съезда окончательно определили свое видение будущего политического устройства Туркестанского края. В единодушно принятой 27 ноября 1917 г. в 12 часов ночи резолюции указывалось, что съезд, «выражая волю населяющих Туркестан национальностей к самоопределению на началах, возвещенных великой Российской революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Российской республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому Учредительному собранию». Причем съезд, как особо

отмечалось далее, «торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охраняться»[1].

28 ноября было дано название формирующемуся государственному образованию — Туркистон мухторияти (Туркестанская автономия)[2]. Съезд определил структуру власти: до созыва Учредительного собрания вся полнота власти сосредотачивалась в руках Туркестанского Временного Совета и Туркестанского Народного (национального) собрания. Правительство формировалось из членов Временного Совета в составе 12 человек. Численность Туркестанского Временного Совета была определена по количеству ранее делегировавшихся депутатов от Туркестанского края во Всероссийское Учредительное собрание — 32 человека[3].

В составе Народного собрания (его численность была определена в 54 места) 18 мест (одна треть) выделялась представителям от различных краевых европейских организаций. Фактически в основу предлагавшейся схемы государственного устройства предполагалось положить принцип пропорционального представительства крупнейших этнических групп[4].

Утвержденные съездом принципы государственного устройства свидетельствовали о победе демократически настроенной части интеллигенции. Включенные по ее настоянию в программные документы идеи несли в себе значительный заряд демократического потенциала. И это при том, что достигнуть согласия между различными политическими группировками на съезде вообще было очень непросто. Убайдулла Ходжаев позже, вспоминая об этих днях, рассказывал, что атмосфера была настолько накаленной, что в какой-то момент даже «были изгнаны со съезда улемистские делегаты во главе с их лидером Шер Али Лапиным. Борьба шла между улемистской частью и радикальными элементами. Но потом путем переговоров было достигнуто соглашение, и улемисты с Лапиным во главе вновь были допущены на съезд»[5].

В конечном счете участникам съезда удалось преодолеть противоречия, раздиравшие ведущие полити-

---

[1] Улуғ Туркистон, 1917, 8 декабря.
[2] Туркестанский вестник, 1917, 1 декабря.
[3] Там же.
[4] Новый путь, 1918, 24 ноября.
[5] Аъзамхужаев С. Туркистон мухторияти. Тошкент, 1996. Б.33.

ческие группировки. В сформированное Временное правительство[1] вошли: М. Тынышпаев — премьер-министр, министр внутренних дел, бывший член Государственной думы 2-го созыва, член Туркестанского комитета Временного правительства, инженер-путеец; Ислом Султан Шоахмедов (Шагиахмедов) — заместитель премьер-министра, член Центрального комитета Всероссийского мусульманского совета, юрист; Мустафа Чокаев — министр иностранных дел, бывший председатель Туркестанского Центрального Комитета Мусульманского Совета, юрист; Убайдулла Ходжаев — военный министр, член ЦК Всероссийского мусульманского совета, юрист; Юрали Агаев — министр земледелия и водных ресурсов, агроном; Обиджон Махмудов — министр продовольствия, бывший заместитель председателя Кокандской городской думы, общественный и политический деятель; Абдурахмон Уразаев — заместитель министра внутренних дел, юрист; Соломон Абрамович Герцфельд (Гершфельд) — министр финансов, юрист. Остальные четыре места остались вакантными и предназначались для замещения кандидатурами от европейской части населения Туркестана.

В состав Временного Народного Совета (Национального собрания), избранного съездом, вошли: Убайдулла Ходжаев, Мустафа Чокаев, Ташпулатбек Норбутабеков, Садритдинхон Шарифхожаев, Кунгирходжа Ходжинов, Исматулла Убайдуллин, Саиднасыр Мирджалилов, Саид Жаъфарбой Саидов, Ислом Шоахмедов, Абдурахмонбек Уразаев, Хидоятбек Юрали Агаев, Носырхон Тура Комолхонтураев, Миродил Мирзаахмедов, Тошходжи Ашурходжаев, Абдулкадыр Кушбегиев, Обиджон Махмудов, Жамшидбай Корабеков, С. А. Герцфельд (Гершфельд), Абдусамад Абдусалимов, Убайдулла Дербисалин, Муса Акчурин, Мустафа Мансуров, Махмудходжа Бехбуди, Ибрагим Долшин, Мухаммаджон Тынышпаев, Халил Ширинский, Толибджон Мусабаев, Алихонтура Шокирхонтураев, Сабиржон Юсупов, Одилжон Умаров[2]. В состав Совета первоначально был включен и лидер «Шурои Уламо» Шер Али Лапин, но он отклонил свою кандидатуру[3].

---

[1] Улуғ Туркистон, 1917, 13 декабря.
[2] Т а м ж е, 18 декабря; Эль Байрак, 1917, 9 декабря.
[3] Улуғ Туркистон, 1917, 13 декабря.

После шумных и продолжительных дискуссий было принято решение о вступлении Туркистон мухторияти в Юго-восточный союз[1]. Не последнюю роль в этом сыграло предложение Юго-восточного союза: «помочь краю во время голода хлебом на условиях обмена его на хлопок, шерсть и мануфактуру или по заготовительной цене»[2]. Это было заманчивое обещание для Туркестана, население которого уже тогда вступило в полосу страшного голода.

1 декабря члены Временного правительства приняли специальное обращение к населению. В нем извещалось, что Чрезвычайный краевой общемусульманский съезд объявил Туркестан автономной частью Российской федеративной демократической республики, избрал Туркестанский Временный Народный Совет и Временное правительство, на которое возложили обязанности: «в возможно кратчайший срок созвать Туркестанское учредительное собрание, принять меры к обеспечению населения продовольствием и предметами первой необходимости, для чего вступить во временные договорные отношения с Юго-восточным союзом, приступить к созданию финансового фонда автономного Туркестана, организовать народную милицию и принимать все меры к ограждению прав населяющих наш край национальностей». Торжественно заявляя о приверженности автономного Туркестана демократическим свободам и принципам интернационализма во имя обеспечения благосостояния, культурного развития и тесного содружества всех населяющих край народностей, Обращение призвало «всех граждан Туркестана — мусульман, русских, евреев, рабочих, солдат и крестьян, все населяющие Туркестан племена и народы, городские и земские самоуправления, политические, общественные и профессиональные организации и союзы, все государственные, общественные и частные учреждения сплотиться вокруг туркестанской народной власти и помочь ей воплотить в жизнь возложенные на нее трудные задачи»[3].

---

[1] Юго-восточный союз (полное название «Юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей») — антисоветская организация, создана на Северном Кавказе (ее Учредительный съезд состоялся 20 октября (2 ноября) 1917 г. во Владикавказе) по инициативе войскового правительства Донского казачества; имела связи с национально-демократическими правительствами Закавказья, Крыма, Украинской Центральной радой и др.

[2] Туркестанский вестник, 1917, 9 декабря.

[3] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. II. С. 39—40.

Политический пафос провозглашения съездом автономии Туркестана и формирования государственных структур наиболее рельефно выразила газета «Улуғ Туркистон». Комментируя это событие, газета отметила, что «даже вождь большевистского правительства Ленин в своем последнем декрете объявил автономию для всех народов России, в том числе казахам и мусульманам Туркестана, заявив об их праве на устройство жизни по своему образу и подобию. Исходя из этого, объявление Туркестанской автономии съездом не противоречит желанию народа и центрального правительства»[1].

Бурную реакцию вызвали решения общемусульманского съезда в Ташкенте. В Соборной мечети 6 декабря 1917 г. прошел митинг. Общее количество его участников достигло 60 тысяч человек. По сообщению газеты «Улуғ Туркистон», «внутренняя площадка и крыша мечети, а также расположенные поблизости дома были заполнены людьми». Митинг состоялся под председательством Саидгани Махдума. Его заместителями были Мунаввар Кары, Мулло Одил, Шер Али Лапин и другие. Присутствующие, по утверждению газеты, «единогласно поддержали автономию и приняли решение: впредь в Туркестанском крае не признавать какой-либо власти, кроме Временного правительства».

Выступившие на митинге высказались и в отношении советской власти. Они осудили, как сообщила газета «Улуғ Туркистон», приказ Совета народных комиссаров о роспуске городской думы — «на сегодняшний день недопустимо вместо избранной от имени 30 тысяч человек на основе демократического четырехзвенного закона о выборах Ташкентской думы назначение 4—5 так называемых комиссаров, которых избрали 700—800 солдат и рабочих, собравшихся в Александровском парке»[2].

В то же время на митинге были осуждены те рабочие и профсоюзы мусульманских рабочих, которые выступили против Туркестанской автономии и потребовали «реквизиции излишков мануфактуры (шелка), имеющейся у мусульман». По мнению выступавших, «сближение мусульманских рабочих с русскими большевиками противодействует интересам мусульман»[3].

---

[1] Улуғ Туркистон, 1917, 8 декабря.
[2] Там же, 10 декабря.
[3] Там же, 1917, 8 декабря.

В поддержку Туркистон мухторияти прошли многотысячные митинги, собрания и демонстрации в других городах и селениях края: в Намангане (1 декабря), кишлаке Ханабад Джалалабадской волости (6 декабря), Коканде (7 декабря), Самарканде и др.[1]. На страницах национальной прессы с горячей поддержкой в адрес автономного Туркестана выступали известные в крае просветители, политические и общественные деятели: М. Бехбуди, Мирмухсин Шермухаммад, А. Чулпан, И. Шаахмедов, Мунаввар Кары. Примечательно, что А. Фитрат, приветствуя провозглашение Туркистон мухторияти, в то же время провидчески призывал: «Независимость необходимо взять и удержать. Съезд свое дело сделал. Остальное — долг всей нации. Для взятия независимости нужна сила. Для удержания независимости нужны средства. Нация к этому должна быть готова»[2].

13 декабря в Ташкенте началась праздничная мирная манифестация под лозунгом «За автономный Туркестан». Ей предшествовало решение Временного правительства Туркестанской автономии день религиозного праздника «Мавлод Шариф» — 13 декабря — «назначить днем всенародного сбора денег в национальный фонд автономного Туркестана» для закрепления, как отмечается далее, самостоятельности и свободы[3].

В эти же дни в Ташсовет от жителей старого города поступила заявка на проведение митинга-манифестации[4].

Одновременно по каналам военной контрразведки была получена, как позже отмечал военный комиссар города, информация о том, что «в старый город съезжается много военных, которые затевают тайный заговор с целью сорвать мусульманский праздник и воспользоваться этим для своих политических интриг»[5]. Причем сами жители старого города ничего не подозревали о готовящейся провокации. Ташсовет оказался в крайне сложном положении. И все же было решено санкционировать демонстрацию. Более того, И. О. Тоболин —

---

[1] Улуғ Туркистон, 1917, 13, 20 декабря; 1918, 7 января.
[2] Там же; Хуррият, 1917, 5 декабря.
[3] Туркестанский вестник, 1917, 9 декабря.
[4] Наша газета, 1917, 12 декабря.
[5] Там же, 16 декабря.

фактический лидер большевиков края, занимавший в то время пост заместителя председателя Ташсовета, счел необходимым особо заявить, что «Совет народных комиссаров вместе с Исполнительным комитетом *решили принять участие в манифестации, быть на митинге*, приветствовать собравшихся, объяснить отношение Совета к автономии края»[1].

Принятое Ташсоветом решение санкционировало проведение митинга и манифестации в старой части города и запрет на проведение их в новой его части. Тем самым, как разъясняла «Наша газета», Ташсовет «имел в виду не допустить, чтобы широкие массы мусульманского населения стали слепым орудием в руках интригующей контрреволюционной русской буржуазии»[2].

13 декабря в 5 часов утра, якобы с целью предотвратить возможные беспорядки в городе, воинские части в районе Урды перекрыли основные проходы в старый город.

Утро 13 декабря 1917 г. в старой части Ташкента было праздничным. Со всех сторон по улочкам и переулкам к Шайхантаурской мечети начали стекаться многочисленные колонны и группы людей. К 12 часам здесь собралась многотысячная толпа. В 12 часов к митингу присоединились лидеры партий правящей коалиции и члены Совнаркома[3].

Оживленно было и в русской части города. Отсюда рано утром в старый город также двинулась большая группа людей с флагом, на котором значилось: «Автономию Туркестанскому краю». Это была делегация общественности русской части города, направлявшаяся к Шайхантаурской мечети для приветствия мусульман. Она была пропущена военными.

В 9 часов 30 минут около Урдинского моста появилась еще одна толпа. На сей раз численностью в 2—3 тысячи человек. Военные, не желая кровопролития, пропустили и этих людей[4]. Они также влились в состав участников митинга у Шайхантаурской мечети.

В газете «Улуғ Туркистон» так рассказывается об этих событиях: «На демонстрацию, кроме мусульман,

---

[1] Наша газета, 1917, 12 декабря.
[2] Там же, 15 декабря.
[3] Там же, 16 декабря.
[4] Там же.

вышли русские, евреи, армяне, а также представители различных общественно-политических организаций, кроме большевиков. На митинг собралось около 200 тысяч конных и пеших. Шествие двинулось со всех сторон старого города и собралось у Шайхантаурской мечети. Над головами собравшихся развевались около 100 красно-синих и зеленых флагов. Митинг открыл Мунаввар Кары. Он поздравил всех собравшихся со знаменательным днем... Присутствовавшие здесь же муллы зачитали суры из корана и произнесли поздравительные речи. На митинге выступили представители различных организаций и обществ. В своих речах каждый из выступавших выразил недовольство действиями большевиков, назвавших себя народными комиссарами»[1].

В этот момент выступили провокаторы, которые «в зажигательных речах стали призывать собравшихся пойти в тюрьму и освободить А. И. Доррера[2] и других заключенных и захватить власть»[3].

Поддавшись на эти призывы, часть участников митинга отделилась от общей массы и, перейдя Урдинский мост, по Московской улице направилась в русскую часть города[4]. Мунаввар Кары позже, вспоминая об этом трагическом дне, рассказывал: «Я старался не допустить старогородское население в новый город, но мне не удалось уговорить Низаметдина Ходжаева[5] — предводителя демонстрации, которая тянулась от Шайхантаура до Урды. На Урде, потеряв надежду на успех, я расстался с демонстрацией».

Воинские части Ташсовета, стоявшие на охране, стремясь избежать столкновения, вынуждены были пропустить колонну. Однако на территории русской части города шествие начало быстро терять характер мирной манифестации. Группа офицеров и чиновников, шед-

---

[1] Улуғ Туркистон, 1917, 16 декабря.

[2] А. И. Доррер — бывший военный комиссар Туркестанского комитета Временного правительства.

[3] Наша газета, 1917, 15 декабря.

[4] Там же, 16 декабря.

[5] Ходжаев Н. (1885—1942 гг.) — в 1917 г. один из лидеров общества «Туран». В мае 1918 г. вступил в ряды КПТ. Впоследствии занимал посты секретаря старогородского комитета партии, председателя исполкома старогородского совета, члена и зам. председателя ТуркЦИК. В 1919 г. — председатель Ферганского ревкома. После образования УзССР — член Президиума Госплана УзССР, Председатель республиканского комитета по охране исторических памятников.

шая в колонне с демонстрантами, в качестве заложника захватила начальника охраны города Гудовича[1]. После этого толпа направилась к тюрьме. А. И. Доррер и полковник Бех-Иванов были освобождены. Они были посажены в автомобиль и в сопровождении толпы направились к Кауфманскому парку. Когда солдаты попытались остановить машину, в которой ехал Доррер, из толпы раздались выстрелы[2]. Цепь солдат, как позже вспоминал Д. И. Манжара, «не выдержала и открыла сначала оружейный, а потом пулеметный огонь». 16 жителей старого города были убиты во время этого инцидента. Доррер и Бех-Иванов были схвачены и расстреляны[3].

Лидеры Туркистон мухторияти отреагировали на эти события специальным обращением. В нем особо отмечалось: «Мы, члены Народного Совета и Временного правительства Туркестанской автономии, от всего сердца выражаем сожаление и выступаем против этих событий, которые нанесли оскорбление сокровенным чувствам туркестанских мусульман. По этому случаю мы приложим все усилия для принятия необходимых мер, чтобы в стране установился порядок и спокойствие. А пока просим туркестанский народ проявить выдержку и спокойствие. В эти важные дни мусульманам сохранение спокойствия очень необходимо»[4].

Сразу же после случившегося в Петроград в адрес Совнаркома ушла телеграмма с информацией о том, что «в Коканде съездом мусульман, подготовленным буржуазным реакционным классом, провозглашена была в принципе автономия Туркестанского края» и что «образовавшееся автономное правительство, не признаваемое пролетарскими массами Туркестана, всеми силами подготавливается к провозглашению автономии в отдельных городах края. 13-го сего декабря в день рождения Мухаммеда в Ташкенте провозглашена автономия». Ф. Колесов, занимавший в то время пост Председателя краевого Совнаркома, просил директив Центра[5].

16 декабря 1917 г. вопрос о положении в Туркестане стал предметом обсуждения на заседании Совнар-

---

[1] Наша газета, 1917, 17 декабря.
[2] Там же.
[3] ЦГА РУз, ф.Р-1747, оп.1, д.1, л.65.
[4] Улуғ Туркистон, 1917, 20 декабря.
[5] Наша газета, 1917, 15 декабря.

кома. В нем участвовал В. И. Ленин[1]. 27 декабря народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин, выступая на заседании ВЦИК с докладом о взаимоотношениях с Центральной Радой, особо отметил, что «областные центры, построенные по типу Советов народных комиссаров (Сибирь, Белоруссия, Туркестан), обращались в Совет народных комиссаров за директивами. Совет народных комиссаров ответил: «вы сами власть на местах, сами же должны выработать директивы»[2].

Выражая отношение большевистского правительства Туркестана к событиям 13 декабря, «Наша газета» в эти дни сообщала: «...Мы не только принципиально стоим за автономию, не только обещаем освобождение и раскрепощение угнетенного и обездоленного мусульманского народа, но мы искренне стремимся к возможно скорейшему прозрению и осуществлению национальных чаяний мусульман», в связи с чем «Совет народных комиссаров постановил и исполнительный комитет подтвердил его постановление о созыве Туркестанского Учредительного собрания, которое только одно правомочно провозгласить автономию Туркестанского края»[3].

Однако ни пулеметный огонь, ни обещания в будущем решить вопрос автономии не могли уже приостановить начавшийся процесс волеизъявления самого народа и поддержки объявленной IV общемусульманским съездом автономии края.

25 декабря 1917 г. в Коканде начал работу I Чрезвычайный съезд рабочих, солдатских и дехканских депутатов-мусульман. По замыслу его организаторов, он должен был окончательно определить «форму власти и управления в Туркестане. Поэтому, — как сообщила газета «Улуғ Туркистон», — каждый с нетерпением ожидал итогов работы съезда».

Всего на нем присутствовало около 200 делегатов. Участники съезда молитвой почтили память погибших 13 декабря 1917 года. После этого делегаты приступили к избранию президиума. В его состав вошли Абдулла Авлони, Санджар Асфендиаров и др.

---

[1] В. И. Ленин. Биографическая хроника (1870—1924 гг.). Т.5. — М., 1974. С.137.

[2] Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. 1. — М., 1941. С. 56.

[3] Наша газета, 1917, 15 декабря.

После дискуссий, длившихся несколько дней, съезд принял решение поддержать правительство, сформированное на общемусульманском съезде в ноябре 1917 г., и ввести в его состав нескольких представителей от съезда рабочих, солдатских и дехканских депутатов-мусульман.

На съезде в качестве варианта обсуждалось предложение об отправке для встречи с В. И. Лениным специальной делегации для того, чтобы глава советского правительства лично разъяснил представителям Туркестана вопросы автономии. Однако в конечном счете съезд пришел к решению отправить телеграмму в адрес Петроградского Совнаркома. Это было сделано 28 декабря 1917 г. В телеграмме сообщалось, что туркестанский народ на двух съездах единогласно провозгласил автономию Туркестана, которая поддержана различными организациями городов и селений края на манифестациях и в резолюциях. «Сообщая резолюцию, принятую на I чрезвычайном съезде рабочих и солдат-мусульман Туркестана, — подчеркивалось в телеграмме, — просим вас, как высшую власть Российской демократической республики, отдать распоряжение Ташкентскому Совету народных комиссаров о сдаче власти Временному правительству Туркестана во избежание анархии и двоевластия, могущего привести Туркестан к величайшей катастрофе»[1].

Краевые органы советской власти внимательно наблюдали за событиями в Коканде и пытались повлиять на их ход. Выступивший на этом съезде большевик П. Г. Полторацкий, сообщив о предстоящем съезде советов Туркестанского края, который должен был рассмотреть и вопрос об автономии Туркестана, заявил: «Мы не против автономии бедноты, но мы против байской автономии. Мы боролись за автономию и взяли власть из рук буржуазии не для самих себя, а в интересах рабочего класса и бедноты. Мы взяли власть из рук буржуазии не для того, чтобы вручить ее в руки мусульманской буржуазии. Власть мы взяли для советов рабочих и солдатских депутатов. Мы работали и работаем для привлечения трудящихся мусульман на свою сторону»[2].

---

[1] ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 48, л. 22.

[2] История гражданской войны в Узбекистане. Т. I. — Т., 1964. С. 126—127.

После выступления Полторацкого съездом было принято специальное постановление. В нем указывалось: «Обсудив создавшееся положение в крае по случаю объявления общемусульманским съездом 27 ноября автономии Туркестана, краевой съезд заявляет, что брошенное некоторыми группами обвинение, что таковой съезд был буржуазным, не соответствует действительности, ибо съезд 27 ноября был общемусульманским, в котором участвовало все население.

Настоящий съезд выражает полное доверие существующему Совету и правительству автономного Туркестана. Их состав — есть наша передовая безукоризненная интеллигенция, служащая защите интересов рабочих и крестьян, и наши религиозные воспитатели — революционные муллы, обучающие священной книге Коран».

Считая неприемлемым вмешательство в свои внутренние дела, съезд призвал «русских демократов» делом доказать свою приверженность идеям и лозунгам, декларированным в обращении к народам Востока[1].

После принятия делегатами решения о поддержке автономного правительства П. Г. Полторацкий и часть присоединившихся к нему делегатов покинули съезд.

Газета «Улуғ Туркистон» в эти дни писала: «До этого большевики объявили съезд съездом баев и мулл и по этой причине решили не передавать власть Временному правительству. Теперь наверное нет места подобным доводам. Потому что сейчас Туркестанская автономия получила подтверждение со стороны рабочих, дехкан и солдат, и они на демократической основе избрали представителей в состав автономного правительства. Какой же довод выдвинут большевики после этого для того, чтобы противостоять автономии?»[2].

Требование автономистов о признании их как руководства формирующегося государственного образования поддержал исполком «Милли Шуро» Всероссийского мусульманского Совета. 12 января 1918 г. в специальном послании, адресованном в Народный комиссариат по делам национальностей, сообщив, что он «в качестве единого высшего представителя интересов всех российских мусульман» обращается с предложением «принять самые решительные и неотлож-

---

[1] ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 48, л. 22.
[2] Улуғ Туркистон, 1918, 4 января.

ные меры к тому, чтобы во исполнение величайшего из принципов — самоопределения, были бы немедленно и в корне прекращены в Туркестанском крае двоевластие и конфликты между уполномоченной общемусульманским съездом демократической властью в лице Временного правительства автономного Туркестана с одной стороны и Ташкентским советом народных комиссаров, избранным русским населением, составляющим всего 2% местного населения, с другой»[1].

При всей важности решений в поддержку Временного правительства Туркистон мухторияти отношение к нему продолжало оставаться неоднозначным. И если туркестанские левые эсеры на своем втором съезде, состоявшемся 8—10 января 1918 г., приняли решение не только поддержать Временное правительство, но и делегировали в состав Народного собрания своего представителя[2], то на митинге, состоявшемся в Соборной мечети «Джомеъ» в Ташкенте, местные представители «Уламо» выступили с критикой Временного правительства и решили «не признавать его ввиду того, что оно ничего не сделало в наших интересах». Эта весть, как сообщил корреспондент «Улуғ Туркистон», распространилась среди мусульман и явилась причиной различных толков. Часть людей возмущалась: «Как же так! Сначала «Уламо» заставила нас поклясться в верности автономии, а теперь призывает к непризнанию ее?» Удивляться было чему, если учесть, что на этом митинге «было решено объявить в Ташкенте особую автономию и впредь действовать от ее имени».

Однако 8 января на своем специальном заседании общество «Фукахе» «сочло действия «Уламо» противоречащими разуму и шариату»[3].

В те же дни «Наша газета» — печатный орган советской власти, — рассказывая о состоявшемся многотысячном митинге мусульман в мечети «Джомеъ», с удовлетворением утверждала, что в принятой резолюции вообще заявлено, что «собравшиеся не признают власти самозванного Временного правительства»[4].

По данным газеты «Свободный Туркестан», киргизы (казахи. — *Ред.*) Семиречья вообще отказались при-

---

[1] ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 48, л. 210.
[2] Улуғ Туркистон, 1918, 19 января.
[3] Там же, 11 января.
[4] Наша газета, 1918, 10 января.

соединиться к Туркистон мухторияти, предпочтя делегировать своих представителей в Семипалатинск на Всекиргизский (Казахский. — *Ред.*) съезд «Алаш»[1].

4. РАЗГРОМ ТУРКИСТОН МУХТОРИЯТИ

После съезда со стороны Временного правительства Туркистон мухторияти были предприняты попытки вступить в диалог с краевыми властями. Подтверждением этому служит телеграмма из Коканда, полученная в Ташкенте в начале января 1918 г. В ней сообщалось, что «в Ташкенте предполагается мусульманский съезд» и что его «инициаторы просят отложить съезд советов до 25 сего месяца дабы явилась возможность слиться с этим съездом». И. О. Тоболин отрицательно отнесся к этому предложению[2].

В Ташкенте к тому времени сложилось окончательное убеждение в глубокой враждебности процессов, происходивших в Коканде. Еще в конце ноября — начале декабря, информируя Моссовет и Московский военный округ о положении в Туркестане, Ташкентский совет сообщил: «Контрреволюционные элементы пытаются опереться на мусульманскую буржуазию и темные массы мусульманства. Съезд буржуазно-чиновничьих элементов совместно с мусульманскими националистами в Коканде провозгласил автономию Туркестана, постановил вступить в Юго-восточный союз казаков; возможность выступления на национальной почве не исключена в зависимости от положения в европейской части России, в частности в Оренбурге»[3].

К этому времени появились и другие причины для столь настороженного и враждебного отношения. Дело в том, что позиция центра в вопросе об автономии обрела еще более четкие очертания. Это произошло в ходе работы, развернутой советским правительством по прекращению войны с Германией, завершившейся, как известно, подписанием мирного договора в Брест-Литовске. На первом пленарном заседании 22(9) декабря 1917 г. советская делегация огласила декларацию, суть которой заключалась в том, что переговоры

---

[1] Улуғ Туркистон, 1918, 19 февраля.
[2] Наша газета, 1918, 18 января.
[3] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. II. С. 42.

должны вестись на основе принципов, вытекающих из Декрета о мире и признания, что «национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или своей государственной самостоятельности путем референдума». В декларации отмечалось, что решение данной проблемы «предусматривает вывод войск с территории, готовящейся к государственной самостоятельности. Причем колониальные вопросы должны решаться при соблюдении указанных выше условий»[1].

Из изложенного видно, что сторонники Туркистон мухторияти, приняв участие в работе съезда советов, могли потребовать немедленной практической реализации положений этого, да и других документов Центра, о существовании которых они были осведомлены. Во всяком случае, об упомянутой выше декларации[2].

Краевые власти также знали о них. Причем каждая из сторон, обосновывая свою позицию, апеллировала к основным положениям этого документа. Это с наибольшей очевидностью продемонстрировал IV краевой съезд советов Туркестанского края (19—26 января 1918 г.). Одним из основных вопросов, стоявших в повестке дня, был вопрос об автономии края. Выступивший в прениях И. О. Тоболин, особо подчеркнув, что «мы заботимся не столько о России, сколько о классе трудящихся, классе пролетариата», далее отметил, что «если воля народа, выявленная посредством референдума, будет за то, что этот край должен быть отделен от России, мы оставляем за ним право отделения. Но говорить о проведении в жизнь автономии сейчас же, немедленно, нельзя. Ибо первым условием автономии был бы вывод войск из края. Если же мы исполнили бы это основное положение, вытекающее из понятия автономии, то мы этим самым нанесли бы удар в спину революции», а край «очутился бы опять во власти контрреволюции». Поэтому, «принимая во внимание нахождение страны на положении войны, мы приступим к подготовительным работам, необходимым для создания автономной или даже самостоятельной страны».

Выступивший вслед за Тоболиным представитель

---

[1] Документы по истории гражданской войны в СССР. Т. I. С. 82.
[2] Красная летопись Туркестана, № 1—2. — С. 85.

фракции интернационалистов-меньшевиков Павлюченко высказался в том же духе, отметив при этом, что «референдум применим лишь в странах с сильным пролетариатом, для отсталых же масс мусульманского народа референдум приведет лишь к реакции и торжеству контрреволюции».

После дебатов Тоболин от имени фракции большевиков IV краевого съезда советов предложил следующий проект резолюции: «Партия революционных социал-демократов стремится к созданию пролетарской автономии края». Важнейшей задачей объявлялась работа по организации мусульманских пролетарских масс «в профессиональные союзы и советы депутатов для поднятия среди мусульманского пролетариата классового самосознания»[1]. Сам же вопрос о провозглашении автономии фактически отодвигался на неопределенное время.

Большинством голосов проект резолюции, предложенный Тоболиным от фракции большевиков IV съезда советов, был принят. В то же время было решено ввести в состав совета трех депутатов-мусульман[2].

В дни работы IV краевого съезда советов правительство Туркистон мухторияти прислало в его адрес телеграмму о намерении созвать 20 марта 1918 г. Учредительное собрание «на основах всеобщего, прямого, равного, тайного голосования с предоставлением немусульманскому населению 1/3 мест с применением принципа пропорционального представительства для каждой курии». При этом было подчеркнуто, что «Туркестанское Учредительное собрание, призванное разрешить все чаяния и надежды народов, проведет в жизнь в автономном Туркестане демократические начала, обеспечивающие права меньшинства населения края и трудового народа в полном соответствии с демократическими принципами, выдвинутыми великой Российской революцией»[3].

Однако IV съезд советов Туркестанского края принял решение «Кокандское автономное правительство и его членов объявить вне закона и арестовать главарей»[4].

---

[1] Наша газета, 1918, 25 января.
[2] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. II. С. 127.
[3] Новый путь, 1918, 24 января.
[4] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — С. 587.

О резонансе, вызванном решениями IV съезда советов среди мусульманского населения, свидетельствовала опубликованная в газете «Улуғ Туркистон» за 28 января статья «Политическое положение». Анализируя прозвучавшие на IV съезде советов призывы, выступления, резолюции, автор статьи пришел к выводу: большевики Туркестана в открытую дали приказ к открытой войне против мусульман края. Как предостережение прозвучало заключение статьи: принявшие это решение большевики должны понять, что за членами Временного правительства и Национального собрания автономного Туркестана стоят 10 миллионов туркестанцев, от простого рабочего до крупных баев, уламо, интеллигенции. Начать войну против членов Временного правительства — это значит открыть войну против всех мусульман Туркестана.

Тогда же, в конце декабря 1917 — начале января 1918 г., в Ташкенте было принято решение поручить П. Г. Полторацкому реквизировать денежные средства на счетах Временного правительства и кругов, поддержавших его[1].

Всего в Кокандском городском отделении Госбанка и других частных банках П. Г. Полторацким было конфисковано свыше 8 млн рублей. Особо важным для понимания причин последующих событий является, видимо, то, что не все изъятые П. Г. Полторацким деньги были вывезены в Ташкент. Свыше 212 тыс. рублей были оставлены Кокандскому совету рабочих и солдатских депутатов и более 81 тыс. рублей сданы под охрану в Кокандскую крепость[2].

Операция по изъятию денег в банках города вызвала бурную реакцию. Разногласия в кабинете министров Туркистон мухторияти и деловых кругах, поддержавших его, резко обострились и в конечном счете привели к смещению Тынышпаева с поста премьера и назначению на этот пост М. Чокаева, обещавшего реализовать программу «более решительных мер в деле защиты мусульманских интересов».

В результате кадровых перемещений М. Тынышпаев стал министром внутренних дел, И. Шоахмедов — заместителем министра финансов, С. А. Герцфельд во-

---

[1] История гражданской войны в Узбекистане. Т. I. С. 127.
[2] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. II. С. 118—119.

обще оставил свою должность[1]. Казначеем правительства был назначен Саид Насыр Мирджалилов[2].

Новое руководство действительно начало действовать более активно. М. Чокаев, заняв пост главы Временного правительства, стремился консолидировать узбеков, казахов и киргизов под эгидой возглавлявшегося им правительства. Однако лидеры «Алаш Орды» прохладно отнеслись к этим попыткам.

В то же время не исключено, что уход в отставку М. Тынышпаева был вызван и скромностью результатов деятельности правительства: был подготовлен проект основного закона, утвержденный Народным Советом, а также начат выпуск нескольких периодических изданий на узбекском, казахском, а также на русском языках. В частности, с 13 декабря 1917 г. начали выходить «Известия Временного правительства автономного Туркестана». В собственность правительства перешла также типография Обиджана Махмудова[3].

Предпринимались усилия и по созданию собственной финансовой базы. Был выпущен 30-миллионный заем. В поисках средств члены правительства выезжали в города и районы Туркестана. Однако полученные средства в качестве заема и различных пожертвований не решали проблемы.

На финансовые затруднения правительства косвенно указывает и забастовка наборщиков типографии, где печатались «Известия Временного правительства автономного Туркестана». Сообщение о ней помещено в том же номере, что и информация об агитационной поездке М. Чокаева в Наманган по вопросу о получении займа[4].

Затрат требовала и армия. В литературе называют разные данные о ее численности. А. Алексеенков приводит цифру 60 человек[5]. Если верить газете «Улуғ Туркистон», то к началу января число аскеров было равно 1000 человек. Причем после маневров, проведенных в этот месяц под руководством военного министра Убайдуллы Ходжаева, и митинга по случаю создания национальной армии в ее ряды влилось еще

---

[1] Улуғ Туркистон, 1918, 7 января.
[2] Там же, 31 января.
[3] Там же, 1918, 7 января.
[4] Там же, 31 января.
[5] Алексеенков П. Кокандская автономия. — Т., 1931. С. 45.

1000 человек. «Тем самым численность регулярной национальной армии достигла 2000 человек»[1].

Однако помимо аскеров, обучением военному делу которых занималась группа антисоветски настроенных русских офицеров под руководством прапорщика М. Мансурова, среди автономистов были люди, способные носить оружие. Они были представлены начальником Кокандской милиции Кичик Эргашем[2], имевшим под своим началом до 4 тысяч человек, хотя эта цифра, приводимая П. Алексеенковым, является, по его мнению, безусловно преувеличенной[3]. Появление Эргаша на политическом небосклоне изначально предопределило расклад сил среди группировок в составе Временного правительства и кругов, поддерживавших его. Милиционеры находились под сильным влиянием сторонников более решительных действий.

После конфискации большевиками денежных средств в кокандских банках состоялось чрезвычайное заседание Кокандского городского совета «Шурои Исламия», где обсуждался вопрос о штурме Кокандской крепости. Было решено ее захват возложить на отряды под командованием М. Мансурова.

При этом сторонники жесткого курса были хорошо осведомлены, что силы Кокандского Совдепа были незначительными — численность гарнизона крепости была равна примерно 16 чел.[4]. Еще 8 солдат были задействованы на охране 8 тысяч военнопленных чехов и словаков, лагерь которых был расположен неподалеку от города. В случае возникновения кризисной ситуации поведение этой массы людей предсказать было невозможно[5].

Концентрация оружия в руках сторонников Временного правительства, а также, видимо, еще ряд других обстоятельств предопределили то, что на пленуме Кокандского совета солдатских и рабочих депутатов было принято решение потребовать от правительства Туркистон мухторияти немедленного разоружения и роспуска военных формирований. Был определен и состав группы для практического решения этой задачи[6].

---

[1] Улуғ Туркистон, 1918, 21 января.
[2] Об Эргаше см. с. 170—171.
[3] Алексеенков П. Указ. соч. С. 45.
[4] Там же. С. 56.
[5] Красная летопись Туркестана, № 1—2. — С. 90.
[6] За Советский Туркестан. — Т., 1963. С. 87.

Однако автономисты опередили совет. В ночь с 29 на 30 января (11—12 февраля) с их стороны была предпринята попытка овладеть ключевым военным объектом города — крепостью. Однако она не удалась. События той ночи не ограничиваются попыткой завладеть крепостью. В ту же ночь несколько офицеров — сторонников Временного правительства, прибыв на телефонную станцию, заставили перепуганных телефонисток отключить телефонную сеть нового города[1].

Тогда же сторонники автономистов, ворвавшись в здание Кокандского совета и нейтрализовав часового, начали осаду квартиры председателя Кокандского совета Е. А. Бабушкина. Бабушкину удалось продержаться до утра. Когда нападавшие отступили, он перебрался на станцию, где уже собирались рабочие. Здесь собравшимся активом было принято решение образовать чрезвычайный орган городской власти — ревком под руководством Бабушкина[2].

До сих пор точно не известно, кто был инициатором этих нападений. С уверенностью можно лишь утверждать (и это подтверждается источниками), что в каждой из групп нападения присутствовали русские офицеры, поведение которых не оставляло сомнений, кто был руководящей силой в этих акциях. Предпринятые ими действия не увенчались успехом, но они спровоцировали последующие трагические события.

С утра 30 января в крепости началась концентрация рабочих-железнодорожников, созванных колокольным звоном и несколькими выстрелами. Тогда же была начата выдача им оружия.

Эта работа велась в крайне напряженной обстановке. По городу циркулировали упорные слухи, что Коканд блокирован чуть ли не десятками тысяч человек, что городские власти долго не продержатся. Ползли слухи о якобы предстоявшей кровавой резне европейской части населения и т. д.[3].

Тревога подогревалась и характером событий — 30 января под Кокандом было подожжено два моста. Между городом и станцией Серово разобран железнодорожный путь, а также перерезаны телеграфные провода.

---

[1] Красная летопись Туркестана, № 1—2. С. 89.
[2] Алексеенков П. Указ. соч. С. 60.
[3] Там же. С. 61.

30 января Временному правительству уже Кокандским ревкомом был предъявлен новый ультиматум — в течение трех часов освободить арестованных и выдать всех организаторов нападения. Вместе с тем ревком предпринял ряд действий, которые, несомненно, свидетельствовали о намерении покончить с автономистами силовыми методами. Член ревкома Сазонов позже вспоминал, что он, находясь в тот момент уже в крепости, получил от Бабушкина записку: «Зигеля, Чокаева и секретаря арестуйте». Взяв двух солдат, вместе с Николаенко Сазонов выехал в старый город. Арестовать удалось лишь секретаря. Последний выдал списки членов правительства и русских офицеров, сотрудничавших с автономистами. После этого уже по телефону удалось связаться с канцелярией Временного правительства. После переговоров представителям совета был прислан экипаж с проводником. Далее Сазонов вспоминает: «Кокандское правительство расположилось в самом большом европейском доме старого города — в бывшем помещении «Проводника». Встретил нас Чокаев очень любезно, осведомился, кто мы и зачем. Затем распорядился о чае, угощении. В общем принял как гостей. Когда мы рассказали, что за события произошли ночью, он побледнел, взволновался и вызывает помощника: «Я — глава правительства, и без моего ведома проделывают такие дела. Ведь было же постановление миром договориться с Советской властью...» «Тут, — рассказывает далее Сазонов, — я вмешался: договориться не поздно». Однако переговоры не увенчались успехом. По свидетельству Сазонова, они были прерваны вмешательством Юсуфа Давыдова: «Вот я, как официальное лицо, говорю вам тоже официально: «Мириться мы не станем». Я заявляю: «Фактически, значит будем вести гражданскую войну. Ведь и ваша беднота не за вас»[1].

Впрочем, несмотря на категоричность обеих сторон, диалог не прерывался. По свидетельству непосредственного участника событий тех дней Усмана Алиева[2], из старого города прибыла делегация Временного правительства в составе Камол Казы и Мулла Ота

---

[1] Красная летопись Туркестана, № 1—2. С. 89—90.

[2] Усман Алиев — один из первых бойцов, а затем и взводный командир Кокандской партийной дружины. Впоследствии работник Кокандского горторга.

мингбаши. С белым флагом они подъехали на извозчике к крепости. Однако допущены в нее не были. Красногвардейцы отвели парламентариев к зданию госбанка. Прямо на его ступенях и состоялись переговоры.

Камол Казы, по словам У. Алиева, от имени автономного правительства заявил: «Крепость, в которой вы сейчас находитесь, досталась нам от хана Худояра. Даем вам три дня сроку на то, чтобы вы ее освободили и вывели свою армию»[1]. Члены ревкома ответили отказом.

Если верить Усману Алиеву, то получается, что к тому времени в старом городе в распоряжении автономистов находилось 5—6 тысяч солдат[2].

Кокандский ревком успел все же отправить сообщение о происшедшем с просьбой об экстренной военной помощи в Ташкент, Скобелев, Андижан и Наманган.

Краевые власти отреагировали на него решением о переводе области на военное положение. Это означало, что «митинги, шествия как вооруженные, так и невооруженные», запрещаются, а «нарушение настоящего постановления будет встречено пулеметным и ружейным огнем»[3].

Однако Ташкент в тот момент не мог оказать сколько-нибудь действенной военной помощи Коканду. Практически все воинские части, находившиеся в его распоряжении, были брошены на подавление мятежа казачьих полков в Самарканде или находились на Оренбургском фронте. Видимо, поэтому первым из откликнувшихся на это сообщение из Коканда был Скобелев. Посланный им отряд, возглавляемый командиром Скобелевской военной дружины К. Осиповым, прибыл в Коканд в ночь на 31 января (13 февраля по новому стилю). Всего отряд Осипова насчитывал 120 человек[4], по другим данным — 140. Отряд имел на вооружении 4 пушки и 4 пулемета[5].

На станции после короткого совещания Осипов был назначен командиром всех вооруженных сил города,

---

[1] В боях за Советскую власть в Ферганской долине. — Т., 1957. С. 126—127.

[2] Там же. — С. 127—128.

[3] Наша газета, 1918, 19 февраля.

[4] Красная летопись Туркестана, № 1—2. С. 90.

[5] За Советский Туркестан. С. 91.

стоявших на позиции защиты советской власти. Тогда же было решено отряд Осипова направить в крепость.

После прибытия Скобелевского отряда военно-революционный комитет и штаб вступили в переговоры с советом мусульманских депутатов. Причем в воззвании, выпущенном 31 января, требования Кокандского совета рабочих и солдатских депутатов существенно расширены. Они потребовали выдачи уже всего оружия, имевшегося в старом городе, и ареста участников нападения на крепость и на телефонную станцию. Совет мусульманских рабочих, солдатских и дехканских депутатов нашел требование властей невыполнимым и ответил отказом.

Переговоры велись и с Временным правительством. Их участник Сазонов рассказывает о них следующее: «Опять встретил нас Чокаев. Все так же любезно предложил чай и угощение. Конечно, от угощения отказались. Вручили ему конверт. Он вскрыл, прочел и говорит, что передаст Совету министров. Ибо сам не уполномочен решать такие вопросы, но, думает, мало надежды на выполнение их автономным правительством. Мы сверили часы и вернулись. Чокаев опять любезно дал нам проводника»[1].

Ревком так и не получил ответа. После этого было решено поручить К. Осипову арестовать Временное правительство. Однако военным это решение выполнить не удалось. Сами участники операции в старом городе в течение дня неоднократно подвергались беспорядочному обстрелу[2].

При этом не прекращались попытки захватить крепость штурмом. В этой крайне напряженной обстановке военные требовали от Ревкома санкционировать применение артиллерии. Однако Е. А. Бабушкин отказался, полагая, что это приведет к неоправданным жертвам среди гражданского населения и вызовет в городе большие разрушения[3]. Однако 31 января около 3 часов дня из крепости было произведено около 10 выстрелов из пушек, а на следующий день — еще 20. «Снаряды,— как отмечается в одном из документов того времени, — ложились в разных частях старого города, производя разрушение построек и убивая мирное сартовское население».

---

[1] Красная летопись Туркестана, № 1—2. С. 91.
[2] Там же.
[3] За Советский Туркестан. С. 89.

После этого в старой части города к войскам автономного правительства примкнула и часть населения, вооруженная топорами, палками и прочим. Здесь в те дни творилось что-то невообразимое. На старый город начали нападать банды, которыми кишели окрестности Коканда. Их единственной целью было, пользуясь паникой, пограбить жителей.

Второго февраля группа жителей европейской части города, «желая прекратить бессмысленную бойню», проникла в крепость и предложила возобновить мирные переговоры. Солдаты встретили их враждебно, но потом согласились направить делегацию в старый город. Однако в условиях непрекращающихся столкновений желающих идти с белым флагом не нашлось.

Тогда же начались пожары — были сожжены цирк и здание кинематографа, так как «означенные здания мешали обстрелу и способствовали продвижению противника. Затем начали гореть и другие здания, которые, по словам солдат, также мешали обстрелу. В этот же день сгорели базарные постройки перед крепостью, школа на Урдинской площади... Начались также пожары на Комитетской улице. Ночью огромное зарево освещало несчастный Коканд».

Одновременно с пожарами начались грабежи. «Вооруженные лица врывались в частные квартиры и приказывали жильцам покинуть их ввиду якобы продолжающегося боя, что нельзя было взять, ломали и приводили в негодность. Тогда же начались грабежи магазинов»[1].

Жертвами войны в Коканде становилось не только коренное население, но и жители европейской части города.

4 (17) февраля противоборствующие стороны возобновили переговоры. Они были начаты под давлением на кабинет Чокаева Совета мусульманских рабочих, солдатских и дехканских депутатов. Значительная часть не хотела кровопролития. Причем это настроение было настолько сильным, что Временное правительство не могло не считаться с ним. Как, впрочем, и с другим крылом, сторонниками более радикальных действий, требовавших вообще отказаться от контактов с военно-революционным комитетом и активизации боевых действий. Но перевес оказался на стороне

[1] Улуғ Туркистон, 1918, 12, 14, 19 марта.

последних. Радикально настроенные силы автономистов выступили против Временного правительства. Кабинет Чокаева был свергнут. Вся власть перешла к Эргашу[1].

Переворот произошел 5(18) февраля. В ночь же с 5 на 6 (18 на 19) на запасные пути станции Коканд начали прибывать эшелоны с советскими воинскими частями[2]. Всего сюда прибыло 11 эшелонов с кавалерийскими, артиллерийскими и пехотными частями[3]. Из Ташкента прибыл и военный комиссар Туркестанского края Перфильев, бывший поручик. Он и возглавил операцию по ликвидации правительства Туркистон мухторияти[4].

Прибывшими войсками город был блокирован с трех сторон[5]. В полную боевую готовность приведены и расчеты 12 артиллерийских орудий. Переговоры, окончательно зашедшие в тупик, были прерваны.

6(19) февраля в 10 часов 15 минут Эргашу был отправлен ультиматум. Ему предлагалось сложить оружие и сдаться. Срок ультиматума истекал в 1 час дня. В 12 часов был получен ответ. Эргаш отказался выполнить условия советской власти[6].

Перфильев отдал приказ артиллеристам открыть огонь. Обстрел города начался в час дня. С небольшими перерывами он продолжался дотемна[7].

По словам военкома, в какой-то момент из старого города прибыли парламентарии, заявившие ему следующее: «Мусульмане объявляют вам национальную войну за то, что в ответ на их требования открыли огонь по ним». Перфильев на это заявил, что «войны этой не боюсь» и «наши батареи дали 9 выстрелов по городу». По словам Е. Перфильева, после этого у него побывали делегации и от жителей старого города, «белым флагом заявляя, что они не виноваты в происшедшем и что они сами были терроризированы той же вооруженной шайкой, которая была единственной виновницей кровавого столкновения».

---

[1] Алексеенков П. Указ. соч. С. 64–65.
[2] Там же. С. 68–69.
[3] Зевелев А. Из истории гражданской войны в Узбекистане. — С. 127.
[4] За Советский Туркестан. С. 562–563.
[5] Там же. С. 95.
[6] Алексеенков П. Указ. соч. С. 68–69.
[7] Там же. С. 69–70.

Однако командование оставило без внимания эти просьбы. Перфильев утверждал: «Необходимо было во что бы то ни стало преследовать те остатки вооруженных мятежников, которые уцелели от нашего огня»[1].

После артобстрела в бой вступила пехота и отряд боевиков «Дашнакцутюн»[2]. Очевидец рассказывает об этих часах следующее: «Постепенно борьба из нового города перешла на территорию старого... Возбужденные духовенством толпы фанатиков, подталкиваемые «автономистами», ни одного здания, ни одного склада, ни одного торгового предприятия и караван-сарая не сдавали без ожесточенной борьбы. Вооруженные отряды Эргаша окружили старый город и не давали уйти населению»[3].

Однако перевес сил был уже на стороне перфильевских отрядов. После того, как войска оппозиции отступили, красногвардейцы, красноармейцы и дашнаки «двинулись по улицам старого города — расстреливая не успевших убежать мирных сартов и выжигая все на своем пути». По сообщению «Улуғ Туркистон», в ночь с 6 на 7 февраля усилились пожары: «Горели Воскресенская, Ходжентская, Комитетская улицы, а также вся торговая часть старого города. Видны были пожары в Парадизовском кишлаке. Мусульмане уже не сопротивлялись. Каждый из них старался спастись бегством». В те дни не прекращались и грабежи: «Толпы вышедших из повиновения солдат, красногвардейцев, чернь и мелкая буржуазия бросились грабить и тащить что только можно было... В старом городе разграблены были все магазины, торговые фирмы, торговые ряды, банки, более менее приличные квартиры... Грабители складывали награбленное имущество на арбы и свозили его на вокзал и в крепость. Там шел дележ чужого имущества».

В те же дни начались и аресты. Причем «арестовывали и отправляли в крепость тех, кто имел хоть какое-либо отношение к Временному правительству. Аре-

---

[1] Наша газета, 1918, 26 февраля.

[2] «Дашнакцутюн» — армянская политическая партия. Созданные ею военные (дашнакские) дружины входили первоначально в состав вооруженных сил советского Туркестана. Своей особой жестокостью, разгулом мародерства и насилия над мирным населением вызывали повсеместно в свой адрес всенародный гнев и возмущение. Эта партия, как и ее дружины, была распущена несколько позднее постановлением ТуркЦИК.

[3] За Советский Туркестан. С. 89—90.

стовывали без ордеров и с ордерами. Многие аресты признаны были «самочинными». Некоторых арестованных расстреливали без суда и следствия»[1].

По имеющимся данным, члены правительства Туркистон мухторияти Хидоятбек Юрали Агаев, Миродил Мирзаахмедов были убиты, из оставшихся в живых были арестованы: Носырхон Тура в Намангане, С. Герцфельд в Самарканде, Обиджон Махмудов в Бухаре[2].

В панике устремились из города и его жители. «Страшную картину представлял из себя Коканд. 1/3 старого города уничтожена в полном смысле слова. Везде горы трупов. Часть из них обгорела»[3]. По данным английского разведчика майора Блэккера, вообще весь город «был разрушен до основания бомбардировкой, взрывчатыми веществами», а погибло в те дни до 3000 человек[4]. По свидетельству современников, пожары в Коканде продолжались на протяжении трех последующих суток[5].

После разгрома автономистов и бегства Эргаша из старого города прибыла делегация с предложением возобновить переговоры. В здании Русско-Азиатского банка, что расположен на Розенбаховской улице, 9(22) февраля 1918 г. был подписан договор. Согласно ему все гражданское население должно было сдать оружие, признать власть Краевого совнаркома и его местных органов, выдать ей участников кровавых событий. Кроме того, местное население обязывалось оказывать полное содействие гражданским и военным властям в восстановлении разрушенных железнодорожных путей и телеграфных линий, а также в их охране и вообще в восстановлении нормальной жизни. Со своей стороны власти обещали помочь беднейшему населению, пострадавшему во время военных действий[6].

Сразу же после этих событий военные покинули Коканд. При этом солдаты и красногвардейцы «увезли с собой целые вагоны награбленного имущества», а также «несколько вагонов с арестованными пленными»[7].

---

[1] Улуғ Туркистон, 1918. 12, 14, 19 марта.
[2] Ч ў к а е в М. Истиқлол жаллодлари. Б. 49.
[3] Улуғ Туркистон, 1918. 12, 14, 19 марта.
[4] ЦГА РУз, ф. Р-1747, оп. 1, д. 22, л. 5.
[5] За Советский Туркестан. С. 95.
[6] Х а с а н о в М. Альтернатива. Из истории Кокандской автономии// Звезда Востока, 1990, № 7. С. 116.
[7] Улуғ Туркистон, 1918. 19 марта.

В городе согласно решению Военного Совета были «оставлены мощные силы с артиллерией»[1].

В те же недели специальным приказом Совнаркома Туркестанского края за подписью Ф. Колесова все руководители «контрреволюционного» выступления, имевшего место в Коканде, были объявлены вне закона. Их собственность была национализирована с целью передачи бедному мусульманскому и русскому населению[2].

В отношении Саиднасыра Мирджалилова были приняты особые меры. Все его финансовые средства и имущество, включая хлопкозавод в городе Туркестане, были национализированы[3].

Политический резонанс кокандских событий был крайне громким. Как позже отмечал народный комиссар внутренних дел Туркреспублики, именно характер средств, использованных при ликвидации Туркистон мухторияти, «нанес незаживающую рану сознанию населения»[4]. Д. И. Манжара в своих мемуарах также признает, что «при самой ликвидации «Кокандской автономии» мы допустили вторую ошибку. Вместо того, чтобы тесным кольцом окружить старый город, где засели автономисты, и заставить всех их сдаться... мы открыли артиллерийский огонь по старому городу, а потом пустили вооруженных дашнаков и другие отряды. В результате начались грабежи и насилия, от которых пострадало население, не только ничего общего не имевшее с автономистами, но даже являвшееся их противниками»[5].

В последующие после разгрома Туркистон мухтории месяцы советские руководители стали объектом самой жесткой критики. В частности, бывший Скобелевский городской голова В. Дориомедов в марте 1918 г. в газете «Знамя свободы» вообще заявил, что причиной всему происшедшему является «демагогическая и двуличная политика Петроградского Совета народных комиссаров, который с одной стороны предлагает всем народам отделиться от России, говоря о полном само-

---

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т.I. С. 150.
[2] Там же. С. 162.
[3] Улуғ Туркистон, 1918, 23 февраля.
[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 127.
[5] Там же, ф. Р-1747, оп. 1, д. 1, л. 67.

определении, а потом, когда зерно, посеянное им, взойдет, так устраивает кровавые бойни»[1].

Газета «Бирлик туйи» прокомментировала ликвидацию Туркистон мухторияти следующим образом: «Недавно она (власть) окропила человеческой кровью улицы Коканда, сравняла с землей населенный мусульманами старый город, погубила тысячи жизней беззащитных мусульман, разграбила все имущество их... но только не под своим обычным знаменем, а под красным, не с обычным своим лозунгом, а именем свободы и революции»[2].

Неоднозначно оценивали кокандские события и сами руководители советской власти в Туркестане. Бурный характер носило обсуждение итогов кокандской операции на заседании Ташсовета, состоявшемся 23 февраля 1918 г. Большевик Г. Цвилинг поспешил заявить, что «фракция вынесла порицание факту захватов, имевшихся среди наших отрядов». Лидер фракции меньшевиков-интернационалистов Х. Л. Вайнштейн, исходя из того, что в Оренбурге и Самарканде контрреволюционные выступления «были ликвидированы более или менее нормально», далее задал вопрос: «Куда девалась классовая борьба, во имя которой мы подняли свое красное знамя? Из доклада мы слышали о вражде между русскими и сартами, армянами, персами. Мы слышали о том, как бы защитить себя от мусульман. Вместо классовой борьбы, таким образом, мы имеем борьбу национальную». «Из доклада, — отмечал далее Вайнштейн, — мы видим лишь одно, что национальная рознь, которую поддерживало монархическое правительство и которая является злейшим врагом социализма, расцвела при господстве социалистической власти». Было отмечено также, что «власть, прибегающая к приемам, на которые не могло рискнуть царское правительство, оказывается бессильной охранить русских людей». Вайнштейн подверг также сомнению заявление о том, что трудовое мусульманство не хотело автономии, поскольку у Перфильева «основания те, что после того, как мусульмане были обстреляны из пушек, они изъявили готовность к подчинению. Но разве они таким же образом не изъявили своей покорности Куропаткину? И товарищ Перфиль-

[1] Алексеенков П. Указ. соч. С. 6.
[2] Новый Туркестан, 1918, 7 марта.

ев, рассуждающий и поступающий таким образом, является в таком случае преемником Куропаткина». В заключение Вайнштейн потребовал «немедленного создания комиссии для расследования дела и привлечения к строгой ответственности всех — от рядового красногвардейца до руководителей отрядов, кто виновен в образовании темного пятна на красном знамени революции».

И. О. Тоболин, или, как называл себя он сам, «туркестанский Ленин»[1], вступил с ним в полемику. Предваряя ее, он отметил, что «речь самого критика рассчитана не на высокое собрание, а на невежественную публику». Далее Тоболин заявил буквально следующее: «Этой партии можно лишь сказать — спрячьте свою критику в карман. Ибо критиковать может лишь тот, кто творит. И не вам, трусам, сидеть в следственной комиссии. Ибо вы сами должны сидеть на скамье подсудимых». Обозвав меньшевиков-интернационалистов «кликушами русской революции», Тоболин заявил, что «вообще смешно говорить о жестокости в такой момент и в такой борьбе». Оценив факты грабежей и насилий как «позорные», Тоболин фактически попытался оправдать их, поскольку «никогда в истории не существовало столь организованных масс, чтобы не происходило подобного захвата». Предложение о создании комиссии по расследованию преступлений части военных и отряда боевиков «Дашнакцутюн» И. О. Тоболиным было заблокировано «ввиду того, что оно не подано в письменной форме»[2].

В конечном счете большинством голосов была принята резолюция: «Приветствовать революционные войска за стойкость и энергию в борьбе с контрреволюцией»[3].

Осудив имевшие место грабежи и насилие, участники заседания приняли решение: разбор имевших место инцидентов передать непосредственно в те организации и предприятия, откуда были призваны бойцы[4].

Были приняты меры и в отношении «Шурои Уламо». 13 мая 1918 г. Совнарком постановил распустить

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 12, л. 2а.
[2] Наша газета, 1918, 26 февраля.
[3] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Т. II. С. 154.
[4] Наша газета, 1918, 26 февраля.

Ташкентскую организацию «Уламо» «как не отвечающую интересам рабочего класса». Все имущество этой организации было национализировано. Был закрыт и журнал «Аль-Изах» за публикацию статей, якобы «натравливающих одну часть населения на другую»[1].

Свержение правительства Туркистон мухторияти было воспринято туркестанцами как новое свидетельство наличия агрессивных планов России, ее посягательства на их неотъемлемое право свободного самоопределения.

События 1917 г. однозначно свидетельствовали, что ни Временное правительство, ни пришедшие к власти после октябрьского переворота большевики не хотели предоставления народам края реальных суверенных прав. Несмотря на многообещающие декларации о национальном самоопределении, администрация Центра, какой бы политической окраски она ни была, неизменно оставалась заинтересована в консервации колониального статуса Туркестана.

В образовании Туркистон мухторияти нашла конкретное воплощение программа национальных демократов, предусматривавшая предоставление Туркестану территориально-национальной автономии с широкими суверенными полномочиями. Провозглашение Туркистон мухторияти стало практическим шагом на пути становления национально-демократической государственности и в то же время ответом на откровенно шовинистическую политику туркестанского большевистского руководства. Самоопределение «снизу» встретило острую реакцию как туркестанских, так и «управителей» центра. Туркестанская автономия, несмотря на широкую поддержку мусульманских масс, была насильственно подавлена. Это послужило толчком к возникновению вооруженного сопротивления советской власти, к вооруженной борьбе за независимость, воплотившейся в истиқлолчилик ҳаракати.

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Т. II. С. 265.

Глава III

ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ТУРКЕСТАНЕ

1. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ ТУРКЕСТАНА

К началу 1918 г. на проблеме автономии Туркестана скрестились векторы политической борьбы между сторонниками советской власти и огромной массой коренного населения края. Перед правящими партиями — большевиков и левых эсеров — во весь рост встала задача: как в чрезвычайно сжатые исторические сроки совместить советскую власть с реализацией права наций на самоопределение в бывшей колонии русского самодержавия. Более того, как показали кокандские события, они столкнулись с реальной угрозой политической изоляции от коренного населения.

Классовый подход, как единственный метод решения политических проблем, к тому же питаемый шовинистическими настроениями некоторых партийных и советских работников, закономерно привел к неопределенности сроков образования автономии края, декларированной в качестве своей цели краевой советской властью. Естественно, в условиях Туркестана такая позиция не содействовала решению этой задачи и, более того, обостряла политическую ситуацию прежде всего в области национальных отношений.

В политической жизни края проблема автономии Туркестана оставалась главной и наиболее острой. Инициативу в разработке принципов советской автономии взял на себя Наркомнац РСФСР. 22 марта 1918 г. он утвердил положение о Татаро-Башкирской Советской республике. Его основное содержание стало известно СНК Туркестана уже 26 марта из полученной из Москвы телеграммы за подписью наркома по делам национальностей И. В. Сталина и комиссара по делам мусульман внутренней России Нур Вахитова. Положение о Татаро-Башкирской республике определяло территорию республики и те национальные районы Поволжья и Южного Урала, которые должны были войти в ее состав. В ней также сообщалось, что аналогичные по-

ложения комиссариат вырабатывает для азербайджанцев, грузин, армян, киргизов, сартов, текинцев и других народов России, и предлагалось революционным организациям этих народов представить свои конкретные планы создания федерации[1].

Принятое в апреле 1918 г. обращение Наркомнаца РСФСР «Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбурга, Совнаркому Туркестанского края и другим (об очередной задаче советской власти)» содержало развернутую характеристику принципов и сущности вводимой большевиками автономии. Указание Наркомнаца о том, что власть на восточных окраинах не может стать действительно народной без автономии этих окраин, справедливое по своей сути, было обставлено рядом условий: автономия должна быть основана на базе местных советов и обеспечивать власть не верхам нации, а ее низам; не допускать деления на национальные курии с представительством от национальных групп, ибо «такое деление только обострит национальную вражду, укрепляя перегородки между трудовыми массами национальностей и закрывая пути отсталым народностям к свету, культуре»[2]. Таким образом, «советская автономия», построенная в соответствии с классовой сущностью советской власти, изначально пренебрегала национальными интересами проживающего на ее территории народа и сводилась по своей сути к признанию только территориальных показателей национальных районов.

Административная сущность разработки и декретирования принципов «советской автономии» сверху была закреплена при ее реализации на местах, в том числе и в Туркестане.

Для «оказания содействия в подготовке» образования Туркестанской автономной республики в Туркестан в начале апреля 1918 г. прибыли чрезвычайный комиссар советского правительства П. А. Кобозев и работники Наркомнаца РСФСР Х. Ибрагимов и А. Ш. Клевлеев. В «целях повышения эффективности работы» краевых органов советской власти П. А. Кобозев принял экстраординарные меры — 10 апреля 1918 г. был опубликован его приказ о вступлении в общее управление краем и реорганизации СНК, которую на-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 4, лл. 383, 385.

[2] История Советской Конституции (1917—1956). — М., 1957. С. 121—122.

мечалось осуществить на съезде советов Туркестана. Краевой Совнарком на время лишался всей полноты власти. Предполагалось, что в новом правительстве «организацией мусульман» специально будет заниматься один из его членов — И. Габитов, а «национальным делом» — другой член правительства — П. В. Чегодаев[1]. П. А. Кобозев, Х. Ибрагимов, А. Ш. Клевлеев развернули широкую пропагандистскую кампанию среди коренного населения, агитируя за советскую власть и поддержку ее национальной политики. В свете деятельности этих посланцев Центра предложения И. В. Сталина революционным организациям народов Туркестана представить свои планы создания федерации выглядели не более чем формальность.

В марте-апреле 1918 г. в связи с подготовкой созыва V краевого съезда советов прошли перевыборы местных советов, а также волостные, уездные и областные съезды советов. Из-за противодействия ряда советских работников, считавших невозможным привлечение коренного населения к управлению, в ряде мест участие последних в этих акциях ограничивалось зачастую лишь волостным уровнем[2].

С 20 апреля по 1 мая 1918 г. проходил V краевой съезд советов, реализовавший принципы большевистской программы организации «советской автономии» в Туркестане. В принятом съездом 30 апреля по предложению большевиков «Положении о Туркестанской Советской Республике» Туркестан объявлялся советской республикой Российской Советской Федерации, управляющейся автономно и координирующей свои действия с правительством РСФСР.

В состав Туркреспублики входил весь Туркестан в его географических границах за исключением Хивы и Бухары. Высшим законодательным органом республики объявлялся съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских и мусульманско-дехканских депутатов, высшим постоянным законодательным органом — Центральный Исполнительный Комитет; исполнительные функции и управление краем сосредотачивались в Совете Народных Комиссаров. Властью на местах являлись советы и их исполнительные комитеты. Учитывая многонациональный состав населения Туркестана,

---

[1] ЦГА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 1, л. 15.
[2] Алексеенков П. Указ. соч.— С. 11.

V краевой съезд советов образовал в составе правительства Комиссариат по национальным делам, вслед за этим были созданы его отделы на местах, которым вменялась организаторская и политическая работа среди отдельных национальностей и отстаивание их интересов в органах власти.

Положение предусматривало образование комиссии из пяти человек «для определения взаимоотношений с центральным правительством», которая должна была выехать в Москву[1].

Таким образом, в соответствии с «Положением о Туркестанской Советской республике» она создавалась как государственное образование, в основу которого легли строго классовые принципы. Властные функции на всех уровнях государственной системы принадлежали исключительно советам и их органам. Автономия Туркестана (которая имела пока всего лишь декларативный характер) включала в себя только территориальные принципы и не содержала каких-либо моментов, допускавших ее интерпретацию в качестве национально-территориальной автономии населяющих край народов[2]. Положение признавало существование в Туркестане советов мусульманских и дехканских депутатов, но лишь интегрированных в общую систему края и подчиненных советам рабочих и солдатских депутатов. Наконец, что еще более важно, провозглашение Туркестана советской республикой ни юридически, ни политически не опиралось на демократическое выражение воли народа, формой которого мог быть референдум, что предусматривал, например, декрет СНК РСФСР о «Турецкой Армении»[3].

Краевой съезд избрал ЦИК и СНК республики. Из 26 членов ТуркЦИК лишь 7 являлись лицами корен-

---

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Т. II. — С. 251—252.

[2] Позже, в 1924 г., ответственный секретарь ЦК КПТ И. Варейкис более точно определил характер созданной Туркестанской Советской республики. По его мнению, она была «скорее территориально-экономическим самоопределением, а не национальным» // Туркестанская правда, 1924, 27 июня.

[3] 31 декабря 1917 г. СНК РСФСР принял декрет «О «Турецкой Армении». Совнарком считал, что осуществление права народа оккупированной Россией «Турецкой Армении» на самоопределение вплоть до полной независимости возможно лишь при условии соблюдения ряда предварительных гарантий, абсолютно необходимых для свободного референдума среди армянского населения. Первой среди таких гарантий назывался вывод войск из пределов «Турецкой Армении» // История Советской Конституции (1917—1956). С. 97—98.

ной национальности. Председателем ЦИК Туркреспублики был избран чрезвычайный комиссар центрального правительства большевик П. А. Кобозев. Впервые в состав Совнаркома (16 членов) вошло 3 представителя местных национальностей. Его председателем остался большевик Ф. И. Колесов. Поставленной съездом перед правительством Туркестана задачей привлечения «широких масс мусульманского пролетариата к участию в созидательной работе края...»[1] было по сути признано, что коренное население, как и прежде, не управляло краем.

Объявление советской автономии края способствовало дальнейшему проникновению советов в сельские районы. В середине — второй половине 1918 г. во многих волостях, аулах, кишлаках и селах Семиреченской, Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской областей были избраны волостные, аульные, кишлачные и сельские советы[2]. Однако события в Ферганской долине внесли коррективы в процесс создания советской государственности на местах. Там, где велись военные действия, организация советов приостанавливалась, а представителями власти оставлялись старые волостные управители и сельские старшины, находившиеся под контролем уездных советов, или же назначались чрезвычайные комиссары. Более активно шло образование городских советов и их исполкомов, уездных исполкомов. В середине 1918 г. были окончательно упразднены бывшие Совет и канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, еще действовавшие при комиссариате внутренних дел и Совнаркоме[3]. Мусульманские советы создавались путем переименования общества «Иттифок» (Самаркандский уездный совет рабочих и дехканских депутатов)[4].

Классовый подход краевого правительства к вопросам национальной политики сказывался на ее направленности и после провозглашения советской автономии Туркестана. Показательна в этом отношении судьба такой специфически особой формы советского государ-

---

[1] См.: Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Т. 2. — С. 252—253.

[2] Нуруллин Р. А. Советы Туркестанской АССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. — Т., 1965. С. 95—96; ЦГА РУз, ф. Р-36, оп. 1, д. 12, л. 92.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 3, лл. 41—42.

[4] Голос Самарканда, 1918, 30 мая.

ственного строительства в Туркестане, как комиссариат по национальным делам. По положению о Наркомнаце республики, утвержденному ТуркЦИК 10 августа 1918 г., он был призван представлять и защищать интересы «социального быта отдельных наций», населяющих край. В задачи комиссариата входило изучение численного состава наций в республике, объединение трудовых масс каждой нации в профессиональные и политические союзы, издание и перевод «красной литературы», организация военных отрядов из представителей различных национальностей края и т. д.[1].

Летом 1918 г. на местах начали образовываться отделы по национальным делам. Но лишь Сырдарьинский областной комиссариат по национальным делам смог заметно развернуть свою деятельность в 1918 г. Основные усилия комиссариата были сосредоточены на образовании партийных большевистских ячеек — они были созданы в 39 аулах и кишлаках восьми волостей и во всех населенных пунктах Перовской волости Ташкентского уезда[2].

Среди всех структур советской государственности в Туркестане в наиболее неблагоприятных условиях находились мусульманские советы. Отдельные советы рабочих и солдатских депутатов устанавливали неравноправные отношения с советами мусульманских рабочих депутатов. По свидетельству Наманганского районного мусульманского совета, представлявшего интересы 220 тыс. местных жителей, он вообще был «бесправен что-либо сделать без санкции» новогородского совета[3]. Мусульманские советы не только ущемлялись в правах, но в ряде мест просто распускались, затем создавались заново, и только в некоторых местах пользовались влиянием[4].

Закономерным итогом недооценки краевой властью муссоветов явились приказы СНК и комиссариата по национальным делам Туркреспублики от 9 сентября 1918 г. о переименовании мусульманских советов в районные советы, а их исполкомов — в райисполкомы ввиду того, что «в советском Туркестане, как в рабо-

---

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сб. док. Т. II. С. 421.
[2] Ташоблгосархив, ф.2, оп.1, д.54, л.174.
[3] Ташгосархив, ф.10, оп.1, д.44, л.135.
[4] ЦГА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 4, л. 91.

че-крестьянской (дехканской) республике, не может быть деления на русских и мусульман...»[1].

Непрекращавшаяся перестройка органов власти еще более усиливала организационную нестабильность советской системы, порожденную нечеткой разграниченностью функциональных обязанностей отдельных ее звеньев. Особенно это сказывалось в верхних эшелонах власти — при разграничении компетенции между ТуркЦИК и Совнаркомом республики. Взаимоотношения между ними порою принимали конфликтный характер. Особую остроту он приобрел с завершением организационного оформления коммунистической партии Туркестана. До середины 1918 г. роль большевистского Центра в крае выполнял Ташкентский комитет. Всего же в Туркреспублике к этому времени имелось немногим более 20 партийных комитетов и крупных парторганизаций, насчитывавших около 2 тыс. членов партии[2].

Объединение большевиков края в единую коммунистическую партию Туркестана произошло в июне 1918 г. на I съезде КПТ (начался он как конференция). Из 43 его делегатов только 6 являлись представителями коренных национальностей[3].

С образованием КПТ советская государственность в Туркестане приобрела новую характерную черту — значительную зависимость от партийной большевистской верхушки. В утвержденной I съездом КПТ инструкции членам фракции ЦИК и СНК республики вменялось в обязанность вносить на рассмотрение и обсуждение ЦК партии доклады по различным вопросам государственной жизни до их представления в ЦИК и СНК. Члены фракции были подчинены всем приказам, распоряжениям и требованиям ЦК КПТ[4]. Большевистская часть правительства жестко привязывалась к руководству партии, ставилась под ее контроль. Подобная тенденция являлась очевидным расхождением с демократическими принципами построения государства.

Остановился I съезд КПТ и на национальном воп-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 3, л. 7; д. 15, лл. 40—41.

[2] История коммунистических организаций Средней Азии. — С. 266.

[3] Наша газета, 1918, 19 июня.

[4] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. — Т., 1988. С. 12—13.

росе. Подтверждая свою приверженность классовому принципу, коммунисты Туркестана уделили особое внимание «мусульманскому пролетариату», назвав его «главной опорой Советской власти в Туркестане». В специальной резолюции съезд первейшей задачей признал необходимость внедрения идей классовой борьбы в широкие массы мусульманского пролетариата. В связи с этим, указав, что провозглашенная автономия «до сего времени имеет мало реальных проявлений», съезд подчеркнул насущную потребность проведения в жизнь мероприятий по ее реализации: признание тюркского языка как языка местного населения государственным наряду с русским; образование при советах всех уровней комиссариатов по национальным делам; подготовка пропагандистских кадров для работы среди мусульманского пролетариата, издание партийной литературы на местном языке[1].

Процесс правового оформления государственной автономии Туркестана — важнейший в политической жизни республики — шел трудно и замедленно. Согласно решению краевого съезда советов ТуркЦИК направил в Москву делегацию в составе В. А. Троицкого, С. В. Теодоровича, С. Юсупова и С. И. Килячкова, которая вошла в специально выделенную ВЦИК РСФСР комиссию по взаимоотношениям с центром. Задача ее заключалась в выработке конституционных основ Туркестанской республики, и прежде всего положений о взаимоотношениях республики и РСФСР. В итоге возникшей в комиссии дискуссии по вопросу о статусе Туркестана было решено именовать его республикой, а не «областным союзом»[2], что существенно ограничило бы суверенные права его народов. Вместе с тем вопрос о пределах автономии Туркреспублики в этот период не был окончательно урегулирован правительствами РСФСР и Туркестана, и VI краевой съезд советов осенью 1918 г. независимо от центра приступил к конституционному оформлению правового статуса республики, взяв за основу Конституцию РСФСР 1918 г.

Легитимность VI съезда советов, например, по срав-

---

[1] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. С. 11—12.

[2] Лебедева С. В. Первая советская конституция народов Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1988, № 10. С. 25.

нению со съездом большевиков, заметно расширилась — 40% его делегатов представляли коренное население края. Инициированная левым эсером В. Черневским в рамках обсуждения текущего момента дискуссия по вопросу о самостоятельности республики закончилась одобрением резолюции коммунистической фракции. Опасаясь возможности принятия населением Туркестана той или иной иноземной ориентации вследствие сложной международной обстановки, съезд заявил, что для Туркестана приемлема лишь одна советская ориентация[1].

15 октября, в последний день своей работы, съезд заслушал доклад председателя ТуркЦИК А. Ф. Солькина по проекту конституции Туркреспублики. Комиссия, созданная до этого съездом, исходила из того, что край и федерация (РСФСР) в общегосударственном отношении связаны, и определила несколько особенностей геополитического положения Туркреспублики, дающих основания для более широкой трактовки ее прав: во-первых, республика отрезана от Центра, во-вторых, она отдалена от него географически. Статус «областной союз», которому не отводилось право законодательства, не соответствовал этому положению Туркестана. «Мы же здесь,— говорил А. Ф. Солькин, — сталкиваемся с необходимостью изменять до некоторой степени законы, а быть может и издавать законы...»[2].

Дебаты на съезде помимо прочего велись и о судьбе Наркомнаца. Левоэсеровская фракция предложила упразднить Наркомнац, так как он дублирует комиссариат внутренних дел, и все его дела распределить по соответствующим ведомствам. От имени фракции большевиков А.Ф.Солькин предложил внести в текст конституции примечание о том, что советы должны быть едины и не должны разделяться по национальному признаку. Наркомнац же, считали большевики, необходим для защиты прав и поднятия культурного уровня трудящихся местных национальностей[3].

Проект Конституции Туркреспублики был принят съездом единогласно. В основу первой Конституции республики была положена «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая III Все-

---

[1] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сб. док. 1917—1922 гг. Т. I. — М., 1959. С. 263—266.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 5, л. 1.

[3] Там же, л. 2—3.

российским съездом советов. Съезд подтверждал, что автономная Туркестанская республика является членом Российской Советской Федеративной Социалистической республики. Съезд закрепил за республикой ряд прав, подлежащих федеральному управлению: права на изменение военной организации, непосредственное сношение с прилегающими странами, установление и изменение границ и компетенции областных и национальных союзов, входящих в состав Туркестанской республики, принятие в состав республики новых членов в пределах РСФСР и утверждение выхода ранее вошедших в нее членов и др. Одновременно вопросы обороны, внешних сношений и ряд других были отнесены съездом к компетенции федеральных властей[1].

Вся власть на территории Туркестана принадлежала советам рабочих, солдатских, крестьянских (дехканских, казачьих) депутатов и общим собраниям избирателей в городах, деревнях, селах, станицах, местечках, аулах, кишлаках. Высшим органом власти Туркестанской республики являлся съезд советов Туркестана. Конституция устанавливала полновластие и верховенство ТуркЦИК. Однако Совет Народных Комиссаров, осуществлявший общее управление делами республики, получил право законодательной инициативы.

Право избирать и быть избранными в советы предоставлялось гражданам РСФСР обоего пола независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., достигшим возраста 18 лет и добывающим средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также занятым домашним хозяйством. С согласия центральной власти Туркестанской республики местные советы могли понижать установленную возрастную норму. Избирательного права лишались лица, прибегающие к наемному труду или живущие на нетрудовые доходы, духовенство и некоторые другие категории населения.

В избранный съездом состав Центрального Исполнительного Комитета Туркреспублики вошли 20 (из 75) представителей коренного населения.

Таким образом, идея свободного союза свободных наций в реальной жизни вступала в противоречие с классовой направленностью советской государствен-

---

[1] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Сб. док. — С. 279.

ности и политики РКП(б) и, подчиненная целям политической борьбы, становилась ее жертвой. В силу этого Конституция Туркреспублики 1918 г. получила ярко выраженный классовый характер и не допускала отражения национальной специфики социально-политической и культурной жизни народов края и ее правовой защиты. Расширение прав республики, как и само конституционно оформленное провозглашение автономии, были скорее территориального порядка, чем национально-территориального, и не вели к укреплению политического суверенитета коренных народов Туркестана, а следовательно, и к их национально-государственному самоопределению.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Во второй половине 1918 г. политическая ситуация в Туркестане резко осложнилась. Политика подавления демократических свобод, ограбления имущих слоев населения, разрушения сложившегося хозяйственного комплекса, узко классового, с элементами шовинизма, подхода к решению национального вопроса вызывала ответное сопротивление большевистской диктатуре.

Еще весной 1918 г. в Ташкенте возник «Туркестанский союз борьбы с большевиками», который вскоре стал называться «Туркестанская военная организация» (ТВО). В нее входили бывшие офицеры царской армии и колониальные чиновники, представители русской и национальной буржуазии Туркестана, интеллигенция. Во главе ТВО стояли бывший помощник Туркестанского генерал-губернатора Е. Джунковский, генерал-лейтенант Л. Кондратович, полковники Н. Корнилов и И. Зайцев, инженер П. Назаров и другие. Почти во всех крупных городах Туркестана, таких, как Самарканд, Аулиэ-Ата (Джамбул), Ашхабад, Красноводск, имелись филиалы — «очаги борьбы». Они были связаны между собой с центром в Ташкенте. Вооруженное выступление против большевиков намечалось на август.

Политика большевиков активизировала и тех, кто был против антидемократизма, преобладания методов насилия, революционного авантюризма, способствовала, в частности, возникновению группы В. Агапова — П. Цветкова. Большевик В. Е. Агапов с декабря 1917 г.

до апреля 1918 г. возглавлял комиссариат по внутренним делам. Служащим этого комиссариата был и полковник П. Цветков. Неприятие политики, проводимой большевистским руководством, стало причиной выхода Агапова из партии и отказа от поста комиссара. Ташкентские рабочие-железнодорожники избрали его на пост председателя комиссариата Главных железнодорожных мастерских. Встреча Агапова, Цветкова и А. Тишковского — правого эсера, секретаря бюджетно-финансовой комиссии ТуркЦИК — положила начало формированию конспиративной организации, ставящей своей целью подготовку и осуществление переворота. Лозунг движения — созыв Учредительного собрания и установление новой демократической власти.

Большую заинтересованность в состоянии Туркестана стали высказывать представители государств — союзников России в первой мировой войне. С мая 1918 г. в Туркреспублике находился американский консул Р. Тредуэлл, установивший контакты с лидерами национальных организаций, с эсерами, меньшевиками, «Туркестанской военной организацией». В августе 1918 г. в Ташкент прибыла английская «военно-дипломатическая миссия» в составе майора разведслужбы Ф. Бейли, капитана Блэккера и бывшего консула в Кашгаре Маккартнея. Официальной целью приезда миссии являлось установление дружественных отношений с Советским Туркестаном и знакомство с его новым общественно-политическим строем. Но в действительности Великобритания, опасаясь распространения большевистских идей на Ближнем и Среднем Востоке и зная о планах большевистского руководства Туркреспублики экспортировать революцию в сопредельные страны Азии, в первую очередь в Иран, старалась противодействовать этой тенденции.

Главной сферой деятельности английской миссии являлись сбор информации о положении Туркестанского края, организация антисоветских сил и подготовка вооруженного восстания против советской власти. Это предполагало снабжение антиправительственных отрядов «деньгами и оружием из ближайших к Туркестану английских баз (Мешхед, Кашгар, Афганистан)»[1], а также координацию деятельности и фи-

[1] Соловецкие острова, 1926, № 1.

нансирование подпольных антиправительственных групп, в первую очередь ТВО.

С руководителями этой организации представители миссии заключили соглашение, согласно которому англичане должны были снабжать боевые отряды ТВО оружием, боеприпасами, деньгами и оказывать им вооруженную поддержку из Ирана. ТВО же обязывалась после свержения большевистского режима содействовать образованию «Туркестанской демократической республики» и включению ее в сферу влияния Британской империи. Но, соглашаясь формально на вовлечение Туркестана в орбиту британского влияния, лидеры ТВО предполагали после победы воссоединить Туркестан с «восстановленной Россией».

Туркестан в 1918 г. привлекал внимание не только бывших союзников России по антигерманскому блоку, но и представлял немалый интерес для Германии и Турции, которые, продолжая оказывать сопротивление странам Антанты, стремились нейтрализовать активность Англии на Среднем Востоке и использовать Туркестан в качестве плацдарма для продолжения борьбы со своим главным противником. Наличие в Туркреспублике большого числа военнопленных из германской, австро-венгерской и турецкой армий в случае вооруженного вторжения в Туркестан со стороны Баку, оккупированного в сентябре 1918 г. Турцией, могло бы способствовать утверждению Германии и ее союзника Турции в Средней Азии[1]. Для большевиков, опасавшихся возможности широкого национального движения в крае, даже попытка вторжения представлялась немалой угрозой[2].

Все это осложняло политические позиции большевиков в Туркестане. Экономический, продовольственный кризис усугубился политическим кризисом, кризисом власти. Одним из ведущих его проявлений было нарастание неудовлетворенности политикой большевистского правительства среди рабочего класса — главной социальной опоры советской власти.

Участие рабочих, составлявших основной костяк первых красногвардейских отрядов, в военно-политических акциях туркестанского правительства — ликвидации белоказачьих войск Дутова под Оренбургом (де-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-1291, оп. 1, д. 10, л. 3.
[2] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 175, л. 120.

кабрь 1917 — январь 1918 г.), казачьих отрядов Зайцева под Самаркандом (январь-февраль 1918 г.), разгроме Туркистон мухторияти (январь-февраль 1918 г.), военном демарше под руководством председателя СНК Туркреспублики Ф. Колесова против Бухарского эмирата (февраль-март 1918 г.) и др. — вместе с нараставшей усталостью, озабоченностью бесчисленными жертвами, тревогой в связи с ухудшающимися жизненными условиями, страхом перед голодом столкнуло их с реалиями политики и стратегии большевистского руководства. Среди рабочих явно проявлялось недовольство нараставшим милитаристским духом этой политики, разочарование и отчуждение от большевиков.

Эти настроения были ведущими в совокупности причин, вызвавших движение рабочих крупных городов Закаспийской области за смену большевистского руководства в советах и перевыборы их на многопартийной основе. Но вернувшиеся с фронта красногвардейцы во главе с большевистским руководством вновь создали большевистские советы и ревкомы.

Наиболее остро население, уставшее от первой мировой войны и революционных потрясений, реагировало на военные приготовления властей. 17 июня 1918 г. в Ашхабаде, в связи с объявлением приказа военного комиссара Туркреспублики о взятии на учет мужского населения в возрасте от 18 до 35 лет, собрался митинг. Во время митинга между окружившими городской сад красноармейцами и железнодорожниками возникла перестрелка. Были убитые и раненые. В Ашхабад из других городов области приехали вооруженные отряды рабочих и красногвардейцев. Обстановка в городе стала напряженной.

Такой поворот событий не устраивал большевистское руководство Закаспия и Туркестана. 20 июня в Ташкенте на экстренном заседании ЦИК Туркреспублики было принято решение послать в Закаспийскую область Чрезвычайного комиссара, наделив его особыми полномочиями. Им был назначен председатель Самаркандского совета А. И. Фролов, которому предложили принять самые решительные меры для подавления каких бы то ни было выступлений против советской власти. Вместе с отрядом красноармейцев, состоявшим в основном из бывших военнопленных венгерской национальности, Фролов отбыл в Закаспий. По прибытии в Ашхабад (24 июня) Фролов объявил город

на «военно-осадном положении»[1], распустил мандатную комиссию по подготовке и проведению выборов.

Между тем в Кизил-Арвате в ходе выборов большевики и левые эсеры терпели поражение и просили Фролова о помощи. Глава правительства Туркреспублики Ф. Колесов предложил чрезвычайному комиссару выехать в Кизил-Арват и применить силу в отношении противников большевиков и левых эсеров[2]. 9 июля Фролов с отрядом отбыл на запад[3]. Около Кизил-Арвата он расстрелял несколько рабочих-парламентеров — членов делегации, посланной ему навстречу для выяснения цели прибытия отряда. После этого, вступив без боя в город, Фролов приступил к разоружению рабочих. Известие о жестокостях комиссара стало причиной стихийного восстания. Стачечный комитет Ашхабада выслал на помощь кизиларватцам 2 эшелона с вооруженными людьми. 12 июля в Кизил-Арвате отряд Фролова был почти полностью уничтожен, погиб и он сам. Расстреляли также членов ревкома[4].

В ходе двухдневного боя в Ашхабаде немногочисленные отряды большевиков были разбиты и власть перешла к стачкому. В телеграммах, которые рассылались из Ашхабада по линии железных дорог Туркестана, восстание объяснялось непрекращающимся произволом со стороны большевиков, содержались призывы «сбросить узурпаторов» и примкнуть к восставшим[5]. События в Закаспии вызвали широкий отклик в Туркестане. Рабочие и служащие Ташкента, Катта-Кургана, Андижана, Коканда, Мерва и других городов и железнодорожных станций проявили солидарность с восставшим пролетариатом, выступая за гражданский мир и согласие[6].

Вскоре власть стачкомов распространилась по территории всей Закаспийской области, за исключением крепости Кушка и Чарджуя. Движение, приведшее к свержению большевиков, было стихийным, имело своей причиной не только ухудшение условий жизни, но и неприятие антидемократического характера политики, которую проводили комиссары Ташкента и их став-

---

[1] ЦГА РУз, ф.Р-25, оп.1, д.62, л.10.
[2] Там же, д. 66, л.66.
[3] Там же, д. 62, л. 45.
[4] Там же, л. 54.
[5] Там же, лл.47—50.
[6] Там же, лл. 58—59, 70, 72—73, 74.

ленники. Кроме того, огромное значение имела устойчивость антисоветских настроений. Последним обстоятельством воспользовались лидеры правых эсеров, меньшевиков, русской и национальной туркменской буржуазии, а также родо-племенных верхов туркменского общества, решительно настроенные на борьбу с большевизмом. Они быстро захватили руководство движением.

Хотя рабочие многих городов Туркестана высказались за мирное разрешение конфликта, против войны, туркестанские власти выбрали войну. 13 и 14 июля на заседаниях ТуркЦИК принимается решение «изолировать Ашхабад самыми крутыми мерами и подавить контрреволюционное выступление»[1]. Для руководства действиями по ликвидации мятежа был создан военно-политический штаб, который вскоре прибыл в Чарджуй. Сюда же подтягивались красногвардейские отряды и части Красной Армии. Так был открыт Закаспийский фронт. Военные приготовления Ташкента были на руку эсеро-меньшевистскому руководству стачечных комитетов, предпочитавшему форсировать события. В Мерве прибывшими туда ашхабадцами был схвачен комиссар труда П. Г. Полторацкий и в ночь на 22 июля расстрелян. Через сутки в областной тюрьме отрядом эсеров были захвачены 9 ашхабадских комиссаров, которых вывели за город и между станциями Анау и Гяуре расстреляли.

Гражданскай война в Закаспии, спровоцированная действиями туркестанского руководства, была длительной, окончательно она была завершена лишь в феврале 1920 г. с введением в боевые действия войсковых частей Туркфронта.

По подобному же сценарию была развернута гражданская война и в Семиреченской области. Неразрешенность сложнейших социально-политических, национальных проблем области, порожденных последствиями политики царизма, превратили этот отдаленный от административных центров Туркестанской республики регион в бурлящий котел, полный социальных, национальных конфликтов. Ситуация усугублялась противоправными, антидемократическими действиями областных органов советской власти. Областной совет и Военно-революционный комитет (ВРК), которые в

[1] ЦГА РУз, ф.Р-17, оп.1, д.175, лл.49—51.

основном состояли из представителей крестьян-переселенцев, оказались проводниками интересов лишь этой социальной группы.

В волостях области, которые в 1916 г. были охвачены восстанием коренного населения, крестьяне-переселенцы противились расселению казахов и киргизов, возвращавшихся на родину из Китая. Областное руководство не предприняло никаких существенных шагов для разрешения проблемы беженцев и смягчения межнационального конфликта. Более того, под воздействием крайне экстремистского крыла большевиков, делавшего ставку на углубление социального раскола, областное руководство приняло 11 апреля 1918 г. постановление о ликвидации областного комитета партии «Алаш», нацеленное на внесение раскола в традиционное казахское и киргизское общество и разжигание в нем классовой борьбы.

Одновременно сословная вражда крестьян-переселенцев к казачеству Семиречья обусловила и антиказачью направленность политики советской власти в области. 30 марта ВРК принял постановление о роспуске войскового совета, что обозначило курс властей на конфронтацию с казачеством, хотя последнее в начале марта решительно высказалось за переход всей власти к советам и сыграло решающую роль в ее утверждении в Семиречье[1].

В середине апреля красногвардейцы Верного выступили против казачьих станиц с целью изъятия хлеба и проведения разоружения[2]. Это выступление явилось началом гражданской войны в Семиречье. Так возник Семиреченский фронт.

Спровоцированная политикой советской власти гражданская война вовлекла в свою орбиту все социальные группы населения. Долгое, вплоть до лета 1920 г., гражданское противостояние в Семиречье носило особо ожесточенный характер из-за участия в нем, с одной стороны, белогвардейских войск Сибирского правительства, с другой — многочисленных воинских формирований, присланных советским руководством Ташкента и Центра.

В этой войне сильно пострадало казачество Семиречья — были разорены и ограблены их станицы, мно-

[1] ЦГА РУз, ф.Р-17, оп.1, д.215, л. 31 об.
[2] Там же, л. 11; д. 238, л. 131 об.

гие казаки расстреляны. Но наибольшие потери понесло коренное мусульманское население, оказавшееся под двойный огнем. В обстановке гражданской войны, когда экономика области пришла в полный упадок, торговля и промышленность замерли, воцарился всеобщий хаос, широкий размах приобрели грабежи и убийства, от которых особенно сильно страдало киргизское население. Крестьяне-переселенцы постоянно нападали на киргизов, отбирали у них скот и землю. Голод и смертность среди коренного населения достигли неимоверных размеров[1]. Следствием многочисленных эксцессов явилось новое бегство в Китай казахов, киргизов, не выдержало насилия и таранчинское население Джаркентского уезда, которое также бежало в Китай[2].

Несмотря на многочисленные сигналы о кризисном положении коренного населения в Семиречье, туркестанское руководство не предприняло в первые годы каких бы то ни было серьезных шагов по его изменению. И только к началу 1920 г. в позиции ташкентского руководства наметился некоторый перелом. ТуркЦИК и Крайком КПТ наконец-то утвердились во мнении, что в Семиречье нет «истинной» советской власти. С целью упрочения позиций советской власти, расширения ее социальной базы было признано необходимым опираться на бедноту, подавляющее большинство которой составляли представители коренных национальностей Семиречья. Первоначальными задачами объявлялись вовлечение бедноты в структуры власти и улучшение ее экономического положения[3].

В феврале 1920 г. ТуркЦИК принял постановление по семиреченскому вопросу, которое обязывало исполнительные власти принять все меры к возвращению на родину «мусульман Семиречья», бежавших в Китай в 1916 и 1918 годах, и поселению их на своих землях. Вскоре началось формирование национальных воинских частей.

Гражданская война затронула и наиболее удаленный от Ташкента район — Амударьинский отдел, расположенный на правобережье нижнего течения Амударьи. Хотя советская власть в центре Амударьинского

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д.99, л. 69 об.; д.106, л.4.
[2] Там же, д.764, лл.4—4 об.
[3] Там же, д. 63, лл. 106—108.

отдела — Петроалександровске — была установлена 12 декабря 1917 г., а на большей части территории Отдела — к началу 1918 г., ее позиции были весьма шаткими. Это в значительной степени объяснялось постоянными набегами вооруженных отрядов туркменских племен соседнего Хивинского ханства.

Для всего населения Амударьинского отдела угроза грабительского нашествия была постоянной реальностью, а туркменский фактор определял в целом ход событий на правобережье Амударьи. В сентябре 1918 г. Совнарком Туркестана принял решение послать в Петроалександровск «особую миссию с вооруженным эскортом»[1]. Главой миссии, получившей обширные полномочия, был назначен левый эсер В. П. Коноплев. Он с небольшим отрядом переправился на левый берег, взял новый Ургенч и вывел остатки русской колонии в Петроалександровск. Им были предприняты меры по организации обороны — вокруг административного центра начались возведение крепостной стены и организация вооруженных сил. Из казаков-уральцев, а также горожан Петроалександровска, как европейцев, так и коренного населения, были сформированы отряды. На острова Муйнак, Заир и в другие места отправились вербовщики для набора добровольцев.

В ноябре 1918 г. территория Амударьинского отдела подверглась нападению значительных сил из Хивинского ханства под руководством Джунаидхана. Ими были захвачены волости Шураханского участка, началась осада Нукуса, Петроалександровска. Осаждавшие Петроалександровск, около 5 тысяч всадников и более 6 тысяч пеших, действовали в его окрестностях: занимались грабежами и насилием над мирным населением — мужчин убивали, а женщин, хлеб, скот и имущество вывозили в Хиву. И лишь с приездом в Чарджуй председателя ТуркЦИК В. Д. Вотинцева ситуация изменилась. В Петроалександровск был послан отряд, который обратил в бегство осаждавшие город силы. Посланный затем из Петроалександровска отряд 13 декабря снял осаду Нукуса[2].

Но положение Отдела оставалось тяжелым. Продолжавшиеся набеги хивинцев на правобережье, тер-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 25, оп.1, д. 28, лл. 49—49 об.

[2] Подробное освещение вопроса о дальнейшем развитии взаимоотношений между Хивой и советским Туркестаном дается в главе VI, § 2.

рор, грабежи и убийства мирных жителей в условиях приближающейся весны и необходимости организации весенних полевых работ, особенно важных в условиях угрозы всевозрастающего голода, вносили нервозность в общественную жизнь Отдела, дестабилизировали ее политическое равновесие. Положение еще более усугубилось в связи с наметившейся активизацией большевистской организации Отдела. С начала 1919 г. она приступила к укреплению своих позиций, увеличению своих рядов и подчинению Исполнительного комитета Амударьинского совета. Прежде всего коммунисты устранили Коноплева, а 25 февраля ими было принято решение о реорганизации исполкома. Большинство в нем теперь получили коммунисты[1].

Подписание в начале апреля 1919 г. Тахтинского соглашения между Туркреспубликой и Хивинским ханством позволило большевистскому руководству Отдела приступить к активному проведению политики социалистических преобразований. Сопровождавшие их поборы, конфискации и произвол властей, особенно воинских начальников, порождали враждебное отношение жителей Отдела к органам власти[2]. Постоянная угроза, исходившая с левого берега, позволяла властям оправдывать политику ограничения прав граждан агрессивностью режима Джунаидхана в Хиве. И все же активизация коммунистов на Чимбайском участке привела к вспышке гражданской войны и на территории Отдела. Религиозные гонения, которые начали проводиться в отношении казаков-уральцев, и запрещение ловить рыбу стали причиной стихийного выступления казаков, к которому присоединились и каракалпаки.

1 августа 1919 г. по постановлению Амударьинского комитета компартии Туркестана и исполкома совета в Чимбайский участок выехала Чрезвычайная комиссия во главе с членом ТуркЦИК, полномочным представителем РСФСР при хивинском правительстве А. Н. Христофоровым. Ей было поручено провести разоружение казаков-уральцев. В помощь комиссии из Петроалександровска был отправлен отряд интернационалистов (80 бойцов — венгров и австрийцев). Чрезвычайная комиссия распустила Чимбайский исполком советов, создав вместо него ревком Чимбайского участ-

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп.1, д. 203, лл. 1, 9.
[2] Там же, д. 280, 1—1 об.

ка, и потребовала от казаков немедленно сдать оружие. В ответ на последовавший отказ комиссия пригрозила применить силу.

Восстание быстро охватило весь Чимбайский участок. Численность повстанцев к 20 августа 1919 г. превышала 3 тысячи человек — 500 казаков и около 3 тысяч бойцов из отрядов Максумхана (Убей-хана Багавуддинова) и Балабия[1]. Восставшими были заняты Чимбай, Нукус и остров Муйнак. Главой правительства участка избрали атамана Фильчева. Джунаидхан признал новую власть правобережья[2] и послал Фильчеву и Максумхану своих представителей для переговоров о дальнейших совместных действиях против Петроалександровска. Отряду Красной армии под командованием Н. Шайдакова удалось после тяжелых боев 2 сентября отбить Нукус, но вскоре он был вытеснен из города казаками и подошедшими им на помощь каракалпаками Максумхана.

В сентябре вся власть на территории Отдела, контролируемой коммунистами, перешла к вновь созданному ревкому, председателем которого стал Н. Шайдаков, а заместителем — уполномоченный Краевого бюро мусульманских организаций РКП(б) Ш. Хасанов. 19 сентября ревком издал приказ, запрещавший реквизиции, конфискации, самочинные обложения контрибуциями и обыски без его ведома.

В Ташкенте знали о напряженной обстановке в Отделе. 26 октября объединенное заседание Реввоенсовета, ТуркЦИК и крайкома КПТ постановило «немедленно послать в Петроалександровск подкрепление, чтобы окончательно ликвидировать восстание уральцев и примкнувших к ним каракалпаков»[3]. Одновременно поступили сведения о возможном объединении казаков с Джунаидханом для наступления на Петроалександровск[4].

В ноябре Шайдаков с отрядом численностью до 800 бойцов выступил на север. После ожесточенных

---

[1] По другим данным, эта цифра доходила до 9 тыс. В одном из донесений советской разведки указывалось по этому поводу: «В районе Чимбай уральцев до 250 человек при одном орудии и трех крепостных пулеметах. К уральцам присоединились вооруженные каракалпаки, киргизы (казахи) и туркмены в числе 9 тыс.». — ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 1192, л. 33.

[2] История Узбекской ССР. Т.III. С. 261.

[3] РГВА, ф. 110, оп. 1, д. 26, л. 6.

[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1192, л. 9.

боев 27 ноября им был взят Нукус. 11 декабря 1919 г. в Петроалександровск прибыл назначенный ТуркЦИК новый ревком под председательством Н. Солдатова. Один из членов ревкома Г. В. Скалов в качестве уполномоченного Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР имел мандат, который свидетельствовал о том, что руководство Туркомиссии достижение мира в Амударьинском отделе напрямую связывало с разрешением хивинского вопроса.

Действительно, только после ввода красноармейских частей в Хиву и свержения Джунаидхана началось осуществление мероприятий по «наведению порядка» в низовьях Амударьи. Г. В. Скалов принял решение ликвидировать восстание казаков мирным путем, устранив его причины: было торжественно заявлено, что та политика, особенно налоговая, которая проводилась прежде и стала одной из причин восстания, не была настоящей советской политикой[1]. В марте 1920 г. был подписан мирный договор, по которому прекращались военные действия между советской властью и казаками и каракалпаками. Восстановление экономики Амударьинского отдела, постановлением ТуркЦИК от 10 октября 1920 г. преобразованного в область, проходило в очень сложных условиях сильной отсталости и удаленности от Центра.

Таким образом, развернутые в середине 1918 г. на территории Закаспийской и Семиреченской областей военные действия были спровоцированы антидемократической политикой большевистского правительства. Гражданская война в Туркестане в основном охватывала европейское население, но ее огонь не обошел и коренное население края — узбеков, туркмен, казахов, киргизов, таджиков, каракалпаков и др., заставляя их делать свой выбор. Об этом свидетельствовали события в Ферганской долине. Она была охвачена массовым вооруженным движением за независимость[2].

Положение советской власти заметно пошатнулось. Европейские рабочие и крестьяне, составлявшие ее опору в Туркестане, начинали отказывать ей в доверии. Об этом 15 июля 1918 г. с тревогой сообщал в Москву председатель СНК Туркреспублики Ф. Колесов: «Туркестанская республика во вражеских тисках.

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 721, л. 11 об.

[2] Подробнее об этом движении см. в главе IV.

Фронты Оренбург — Асхабад — Верный. Атмосфера накалена. Рабочие массы спровоцированы, антисоветское движение растет. Часами опереться не на кого, армия без снарядов, оружия, деморализована, денег нет. Положение катастрофическое...»[1].

Противники советской власти активизировали свои действия, пытаясь воспользоваться сложившейся ситуацией. Штаб «Туркестанской военной организации» развернул деятельность по расширению сети своих филиалов, усилению агитации среди населения. В конце августа им был принят план вооруженного выступления, разработанный генералом Кондратовичем совместно с английской миссией, было решено также обратиться за помощью к национально-освободительному движению Ферганы. В октябре в кишлаке Аим состоялось совещание с участием полковников Корнилова и Зайцева, Эргаша и других курбаши. Была достигнута договоренность о снабжении Англией отрядов курбаши всем необходимым для борьбы с советской властью. Но разрозненность антисоветских сил, отсутствие единства в целях и методах борьбы помешали им сформировать регулярное войско и реализовать намеченные планы.

Сыграло роль и ужесточение советской властью методов борьбы со своими противниками. Покушение в Москве 30 августа 1918 г. на Ленина позволило большевикам объявить беспощадный «красный террор» врагам революции и недовольным советской властью. 5 сентября на объединенном заседании ТуркЦИК, Совнаркома и Главного железнодорожного исполкома было принято постановление об учреждении чрезвычайной следственной комиссии республики «с самыми широкими полномочиями»[2]. Приказом ТуркЦИК от 9 сентября предлагалось всем советам депутатов провести в срочном порядке тщательную регистрацию буржуазных и контрреволюционных слоев населения Туркестана, зарегистрировать также все правосоциалистические, «соглашательские» элементы, взять на учет офицеров старой армии и лишить свободы не только «всех открытых спекулянтов», но и заподозренных в специ-

---

[1] Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Сб. док. Т.1.— Алма-Ата, 1963. С.53.

[2] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 172, л. 109 об.

ляции[1]. Для осуществления указанных мероприятий учреждались чрезвычайные комиссии на местах (ЧК). Позже, в ноябре, при ТуркЦИК организуется краевая ЧК, председателем которой стал И. П. Фоменко[2]. ТуркЧК стала объединяющим и руководящим органом чрезвычайных комиссий всей республики.

Большевики предложили Ташсовету создать особый карательный орган диктатуры пролетариата — комитет красного террора. Террор должен был стать массовым[3]. Однако начало деятельности комитета — «тщательная чистка» Ташкента — вызвало столь сильный резонанс, что ТуркЦИК вынужден был принять решение о ликвидации комитета, просуществовавшего только три дня.

Уже в сентябре 1918 г. Чрезвычайная следственная комиссия имела в своем распоряжении данные, которые свидетельствовали о связях миссии Бейли с антисоветским подпольем. Ввод английских войск в Закаспий усилил подозрительность и неприязнь властей Туркреспублики в отношении представительства иностранных государств. В октябре органам безопасности удалось напасть на след ТВО. В Ташкенте и Фергане было арестовано более 50 человек, в том числе ряд руководителей организации.

28 октября 1918 г. ТуркЦИК по указанию Центра издал приказ об интернировании всех подданных бывших союзных с Россией государств[4]. На основании этого приказа подданные стран Антанты, проживавшие в Туркестане, объявлялись заложниками. Американский консул Тредуэлл был подвергнут домашнему аресту. Главе английской миссии Бейли удалось перейти на нелегальное положение.

Не последнюю роль в стабилизации политической обстановки сыграла запущенная в ход машина большевистской пропаганды, усиленно внушавшей трудящимся края извращенные представления об истинной сущности полыхавшей гражданской войны, квалифицировавшей выступления восставших рабочих и крестьян в отдельных регионах республики происками, провокациями свергнутых классов, белогвардейских сил.

---

[1] Сборник декретов, приказов и распоряжений центральной власти Туркестанской республики Российской Советской Федерации. — Т., 1919. С. 17.

[2] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 171, л. 64.

[3] ГАТО, ф. 10, оп. 13, д. 35, л. 109.

[4] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 171, л. 64.

С ее помощью удалось заручиться поддержкой рабочих центральных районов Туркестана, выступивших в *братоубийственной войне на стороне советской власти*.

Однако самая серьезная угроза исходила из среды самой большевистской партии, вернее, от ее руководства. КПТ постоянно сотрясалась от групповой борьбы, склок, вызванных претенциозными амбициями теоретически и политически незрелых, а порою просто малограмотных лидеров партии. Вся вторая половина 1918 г. по сути прошла в КПТ под знаком борьбы между так называемыми «старыми коммунистами» (И. О. Тоболин, Ф. И. Колесов и др.) и «молодыми» — *группой партийных работников, приехавших из Центра*. И. Тоболин и Ф. Колесов, отстраненные на VI съезде советов Туркестана от ключевых постов в руководящих органах власти, и их сторонники развернули ожесточенную борьбу против «молодых». По сути это была борьба за власть между лидерами КПТ, но конфликт из руководящих эшелонов партии переметнулся на ее местные организации, в армию, обострил политическую ситуацию не только в Ташкенте, но и во всей Туркреспублике. Для разрешения этого конфликта была создана Чрезвычайная следственная комиссия, слушанию этого вопроса было посвящено несколько заседаний II съезда КПТ (декабрь 1918 г.).

Падением престижа КПТ, нестабильностью советской власти попытались воспользоваться военные силы. В условиях нарастания милитаризации общественной жизни Туркестана, роста влияния на общественные процессы вооруженных сил республики все явственнее стали усиливаться претензии военного руководства на власть.

Военный комиссар Туркреспублики К. Осипов и его идейные сторонники, опираясь на вверенные им воинские части, предприняли попытку военного переворота и установления военной диктатуры в Туркестане.

В декабре 1918 г. состоялось объединенное заседание группы Агапова — Цветкова — Тишковского, сумевшей избежать полного разгрома «Туркестанской военной организации», а также оформившейся к концу 1918 г. армейской группы, возглавляемой военным комиссаром республики К. Осиповым. На нем был создан «временный комитет рабоче-крестьянской орга-

низации», сформировавший в свою очередь Президиум. Началась разработка плана свержения большевистского правительства в Туркестане. Если группа Агапова, ориентировавшаяся в основном на рабочую массу, предполагала осуществить бескровный переворот, то военные, возглавляемые К. Осиповым, делали ставку на армию и насильственные методы.

В конце декабря члены «временного комитета» встретились в старом городе Ташкента с лидерами национальных партий, обещавших оказать поддержку готовившемуся перевороту, который намечался на март-апрель 1919 г. как одновременное восстание в Ташкенте, Фергане и Семиречье. Но поскольку туркестанская ЧК в конце 1918 г. арестовала некоторых заговорщиков и властям стало известно о готовящемся восстании, руководителям заговора пришлось перенести его срок на январь 1919 г. Краевая власть хорошо понимала опасность положения, и ею были предприняты некоторые упреждающие меры. 27 декабря 1918 г. республика была объявлена военным лагерем. Однако это не смогло предотвратить выступления.

Мятеж начался ночью 19 января 1919 г. К утру почти весь город, за исключением Дома свободы, военной крепости и Главных железнодорожных мастерских, оказался под контролем восставших. Были арестованы, а затем расстреляны 34 большевика, в том числе 14 членов правительства во главе с председателем ТуркЦИК В. Д. Вотинцевым и председателем Совнаркома В. Д. Фигельским. В воззвании к населению военком К. Осипов изложил свою программу: «Советская власть свергнута, и этот акт должен явиться решительным поворотом в жизни Туркестана, ибо это знаменует собой уничтожение всего того, что было игом на плечах всех, и призыв к законному пользованию всем тем, что добыто революцией. Голодным и измученным нравственно и физически мы говорим: для вас готов уже хлеб, который не могла вам дать советская власть... Вам возвращается забытая и поруганная свобода слова, собраний, обществ. Вам гарантируется неприкосновенность личности и жилища...»[1]. До созыва Туркестанского учредительного собрания в республике объявлялось создание Временного комите-

[1] Хасанов М. К. Смертельный гамбит. Из истории осиповского мятежа // Звезда Востока, 1991, № 10. С. 122—142.

та, которому вменялось «нормирование общественной жизни в самых насущных ее проявлениях, как-то: налаживание продовольственного дела, восстановление железнодорожного и трамвайного движения, восстановление свободной торговли, урегулирование денежного обращения и приведение в движение засоренного административного аппарата».

Но рабочие Ташкента опять спасли положение большевиков. Образованный в Среднеазиатских железнодорожных мастерских Временный военно-революционный совет взял на себя руководство защитой краевой власти. Вооруженную борьбу с мятежниками возглавил левый эсер Колузаев. В поддержку из Самарканда, Перовска, Коканда и других городов прибыли рабочие отряды и воинские части. Мятеж не перерос в широкое восстание, что и предопределило его разгром. Советы и их опора — армия — не хотели расставаться с властью, рабочих отпугнула диктатура и опасность нового насилия, а коренное население, как и в октябре 1917 г., осталось в стороне.

Попытка переворота обернулась лишь новым террором и репрессиями. Приказом Временного военно-революционного совета всем органам власти на местах предписывалось «самыми беспощадными мерами уничтожать вспышки контрреволюции, под какими бы лозунгами» они ни возникали[1]. Объявлялась чистка партий и советских учреждений. Буржуазия облагалась денежной контрибуцией и привлекалась к трудовой повинности. Специально назначенной Чрезвычайной следственной комиссии по делу участников мятежа было дано право выносить и исполнять приговоры.

3. СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В РУКОВОДСТВЕ ТУРКРЕСПУБЛИКОЙ

Предпринятые в первые дни после разгрома антисоветского мятежа Осипова меры по стабилизации и упрочению власти привели к еще большему ограничению демократии, подрыву слабых ростков самодеятельности народных масс. Высшие законодательный и исполнительный органы республики, конституция фактически не действовали. Организованный после подавления мятежа Краевой временный военно-револю-

[1] Иностранная военная интервенция... С. 105.

ционный совет во главе с большевиком А. А. Казаковым получил права верховного органа республики. Произошла резкая концентрация государственной власти.

25 января 1919 г. по получении известия о подавлении мятежа из Москвы в Ташкент была направлена группа большевистских партийных и советских работников; еще одна группа направлялась в Туркестан по указанию ЦК РКП(б). 12 февраля российский Совнарком образовал временную комиссию, получившую в советской литературе название «Особой». Комиссии центральным правительством были приданы надзирательные, судебные и распорядительные функции государственной власти. В мандате Совнаркома Туркестан называется не иначе как краем, в нем отсутствует какое-либо упоминание о туркестанской государственности, а главное — нет ни малейшего намека на его автономию, провозглашение которой почти год назад приветствовала центральная власть.

Комиссия, однако, не доехала до Ташкента в полном составе. Ш. З. Элиава и А. С. Киселев остались в Оренбурге и принялись за решение военных вопросов. Из членов комиссии в Ташкент 5 марта прибыл один П. А. Кобозев. С ним приехала группа партийных работников[1].

Назначение «Особой» комиссии в Туркестан было проведено в соответствии с утвердившимися к тому времени тенденциями централизма в политике российского большевистского правительства. Крепнущее в нем убеждение в необходимости сильной центральной власти, способной восстановить разорванные экономические связи, контакты с деревней, нормализовать финансовую систему, навести порядок и дисциплину и т. д., ознаменовалось, начиная с весны 1918 г., переходом в практической деятельности правительства к чрезвычайным методам и формам управления. Однако ориентация на единоличное управление, не санкционированное никакими юридическими нормами, практика фактического наделения отдельных лиц, групп чрезвычайными, диктаторскими полномочиями по сути сводили на нет самодеятельность народа. Чрезвычайшина открывала дорогу конструированию особых органов управления (чрезвычайных комиссий, чрезвы-

[1] ААП РУз, ф.60, оп.1, д.87, л.1.

чайных комиссаров, комитетов бедноты, чрезвычайных троек, продовольственных отрядов и т. д.), призванных компенсировать сиюминутные слабости местных советов, при известных обстоятельствах превращавшихся в параллельно существующие структуры власти и порождавших опасность утверждения «личной диктатуры» как формы реализации пролетарской власти.

Чрезвычайщина не ускорила процесс стабилизации и упрочения власти, а, наоборот, ослабила его. На место «самостийности» и «неуправляемости» местных советов, которые были главной проблемой весны 1918 г., пришла самостийность и неуправляемость чрезвычайных комиссаров, особых комиссий, комбедов, «чрезвычаек», продовольственных отрядов[1]. Такое положение сложилось и в Туркестане. С приездом П. Кобозева ситуация в Туркестане не стабилизировалась, более того, сложившиеся отношения между ними и некоторыми членами туркестанского правительства привели к еще большему ее обострению. Уже VII краевой съезд советов (март 1919 г.) обнаружил новое проявление кризиса власти — на съезде начал развиваться открытый конфликт между правительством, руководством крайкома КПТ и самостоятельно образовавшейся секцией съезда по национальным делам под руководством П. А. Кобозева. Секция заседала отдельно, обсуждая вопросы, не вынесенные организаторами съезда в повестку дня, но остававшиеся больным нервом всей ситуации в Туркестане, а именно: бесправного положения коренного населения края.

Полемизируя с некоторыми руководителями Туркреспублики, П. А. Кобозев обвинял их в том, что они поняли автономию только для себя, но не для широких масс коренного населения. Он призывал немедленно приступить к реализации права наций на самоопределение, положив его в основу новой конституции, которую, как он полагал, следовало принять на VII краевом съезде советов.

В принятой секцией резолюции остро критически была оценена деятельность Наркомата за его почти полную бездеятельность, особенно в отношении «многомиллионного туземного пролетариата». По мнению секции, Наркомнац «должен был играть видную роль

---

[1] См.: История отечества: люди, идеи, решения...— С. 57—61, 72—73.

в жизни республики»[1]. Относительно выборов нового состава ТуркЦИК секция нашла тактику руководителей крайкома КПТ неправильной и даже выражающей их стремление обезличить «мусульманский» пролетариат.

Внутрисъездовская борьба получила продолжение на II краевой конференции КПТ, проходившей с 14 по 31 марта. В марте 1919 г. при краевом комитете КПТ было образовано Краевое мусульманское бюро (Краймусбюро), на которое конференция возложила организацию работы среди коренного населения. В его состав входили Т. Рыскулов (председатель), А. Мухитдинов, Н. Ходжаев и др.

Таким образом, VII съезд советов, как и попытка переворота, приоткрыл пугающую глубину противоречий общественно-политического развития республики, имеющих не только социальный, но и национальный характер.

Деятельность VII краевого съезда советов ознаменовалась еще одним важным для политической системы Туркестана актом — он принял решение ликвидировать и распустить партию левых эсеров в Туркестане. Этому решению предшествовало длительное противоборство между двумя правительственными партиями — большевиками и левыми эсерами.

Войдя с большевиками в правительственный блок, левые эсеры оставались верными народнической идеологии, видя свою основную задачу, как партии крестьянской, в социализации земли. В Туркестане у левых эсеров была своя программа, довольно свободно интерпретируемая членами партии. Советы для левых эсеров являлись органами, представляющими весь народ, но не органами диктатуры пролетариата. Они выступали за большую самодеятельность на местах и меньшую зависимость от Центра в государственном устройстве. Не имея четких ориентиров в национальной политике (хотя в их рядах было значительное число представителей коренного населения), они часто скатывались в обыкновенный шовинизм, когда вставал вопрос о реализации права коренного населения на самоопределение.

Желание остаться у власти заставляло местных левоэсеровских лидеров (прежде всего К. Я. Успенского) трансформировать важнейшие программные установ-

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп.1, д.99, л.82.

ки — признать диктатуру пролетариата, а уж затем диктатуру трудящихся, называть себя партией рабочих[1].

Зреющие противоречия внутри большевистско-левоэсеровского правительственного блока проявили себя еще на VI краевом съезде советов, когда левые эсеры отказались войти в Совнарком. Вместе с тем в сельской глубинке они продолжали расширять свои ряды[2].

Однако стечение целого ряда обстоятельств — осиповский мятеж и его разгром, а главное — левоэсеровский мятеж в Москве и последовавший за ним развал советской коалиции в Центре — предопределили дальнейшую судьбу партии левых эсеров Туркестана.

В феврале на прошедших собраниях крупных профсоюзов рабочих Туркестана (собрании союза почтово-телеграфных служащих, II краевом съезде железнодорожников, общем собрании Среднеазиатских и Бородинских мастерских и др.) между большевиками и левыми эсерами развернулись острые дебаты по теоретическим и программным установкам обеих партий. Но главной подоплекой этих дискуссий был заговор ЦК партии социалистов-революционеров в Москве. Коммунистическая фракция II краевого съезда железнодорожников, начавшего работу 20 февраля 1919 г., предъявила левым эсерам свою декларацию, в которой в ультимативной форме требовала ответить на вопросы об их отношении к заговору ЦК левых эсеров в Москве. В итоге съезд поставил вопрос о ликвидации и фракции, и партии левых эсеров[3].

25 февраля общее собрание Среднеазиатских и Бородинских мастерских приняло решение о «слиянии» двух партий в одну коммунистическую партию. Собрание центральной почтовой конторы приветствовало слияние партий в «Коммунистическую рабоче-крестьянскую партию», произошедшее на съезде почтово-телеграфных служащих. 26 февраля за объединение партий выступило общее собрание ташкентского гарнизона[4].

---

[1] Туркестанский коммунист, 1919, 21, 24 февраля.

[2] В сентябре-октябре 1918 г. в левые эсеры в некоторых местах Аулиеатинского уезда «записывались» чуть ли не целыми аулами. — ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 660, лл. 1—93.

[3] Туркестанский коммунист, 1919, 27 февраля.

[4] Там же, 4 марта.

«Слияние» партий, а точнее, растворение левых эсеров в большевистской партии, началось. Процесс охватил руководство партий, в него активно включились лидеры; большевики разрабатывали организационные формы слияния, 4 марта крайком КПТ призвал все партийные организации «открыть широко двери партии для рабочих, крестьян и красноармейцев, состоящих до сих пор в партии левых эсеров...»[1].

Объединились фракции коммунистов и левых эсеров VII съезда советов. Руководство левоэсеровской партии обратилось к ее членам с призывом полностью слиться с коммунистической организацией[2]. II краевая конференция КПТ также приняла решение о полном слиянии «посредством коллективного приема товарищей бывших левых социалистов-революционеров в Компартию»[3].

Но тем временем продолжавший работу VII краевой съезд советов постановил ликвидировать и распустить партию левых эсеров в Туркестане. Двухпартийная коалиция, существовавшая в крае с ноября 1917 г., рухнула. Большевики добились желанного единовластия.

В эти дни по сути была решена судьба еще одной партии, работавшей в тесном сотрудничестве с большевиками, — армянской национальной партии «Дашнакцутюн». Решающую роль в этом сыграла секция по национальным делам VII съезда советов. При рассмотрении 16 марта национальной секцией «текущего момента», который был сведен к обсуждению положения коренного населения Ферганы, выступавшие делегаты вскрыли многочисленные случаи вопиющих злодеяний вооруженных отрядов партии «Дашнакцутюн»[4]. Уступая высказанным на секции требованиям о роспуске этой партии, правительство республики в мае 1919 г. принимает решение о разоружении отрядов дашнаков во всем Туркестане и ликвидации организаций партии «Дашнакцутюн».

VII съезд советов, узаконив слияние левоэсеровс-

---

[1] Туркестанский коммунист, 1919, 4 марта.

[2] Назаров М. Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции. — Т., 1969. С. 121.

[3] Цит. по: История коммунистических организаций Средней Азии. — С. 332.

[4] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 99, лл. 68—69, 86.

партии с большевистской, открыл дорогу для массовой самоликвидации эсеровских организаций в Туркестане. Слияние левых эсеров и большевиков произошло в большинстве мест Ферганской, Сырдарьинской, Закаспийской и Семиреченской областей. Однако не все организации были с этим согласны. Например, Самаркандский обком КПТ отказался объединяться с левыми эсерами, разрешив принимать рабочих левых эсеров только персонально[1].

Монополия на власть «рабочей» партии большевиков предельно ограничила социальную базу советской власти в Туркестане, ослабив, в свою очередь, ее легитимные основы. Еще больший урон этим основам наносила продолжавшаяся практика создания чрезвычайных органов. К полной организационной неразберихе, фактически усилившей нестабильность власти, привело исполнение решения VII съезда советов о ликвидации облисполкомов. Положение усугублялось продолжающимся процессом создания союзов и комитетов бедноты. Они возникали почти во всех областях Туркестана. Широта предоставленных им полномочий (вплоть до наблюдения за состоянием дорог и мостов, заботы о росте школ в своем районе) затрагивала компетенцию местных советских органов. Не удивительно, что в отдельных уездах (Скобелевский, Пишпекский) союзы одно время несли функции волостных и сельских исполкомов советов[2].

Весной 1919 г. в республике, прежде всего в прифронтовых и освобожденных советскими войсками районах (в Закаспии, Ферганской области и др.), появились временные революционные комитеты. Они создавались чаще всего по инициативе политических отделов РВС фронтов. Не остались в стороне от этих процессов Краевое мусульманское бюро и его местные органы. При их активном содействии в мае 1919 г. в Андижане, Намангане, Маргилане вместо мусульманских советов были созданы временные национальные ревкомы, которые действовали под контролем уездногородских исполкомов как чрезвычайные органы государственной власти на местах[3].

---

[1] История коммунистических организаций Средней Азии. — С. 332.
[2] Нуруллин Р. А. Указ. соч.— С. 111.
[3] Шамсутдинов Р. Т. Советы и образование национальных республик Средней Азии (1917—1925 гг.)//Вопросы истории, 1986, № 6. С. 32.

В середине 1919 г. особые отделы (отделы ЧК) стали возникать не только при областных советах, как это было предусмотрено положением о чрезвычайных комиссиях, но также в городах и уездах Туркестана. Они подчинялись непосредственно Туркестанской ЧК, что позволяло им в свою очередь, как и армейским отделам, превышать свои полномочия и брать на себя функции органов власти, игнорируя права местных советов[1].

Все эти факты, характеризующие разгул чрезвычайщины, свидетельствовали о фронтальном наступлении на ту область демократии, которую еще несли в себе советы. По сути разворачивался процесс ограничения и разрушения конституционных основ советской системы государственной власти.

Местнические настроения, доходящие до откровенного сепаратизма, углубляющийся бюрократизм, отрицательно влиявший на механизм управления государственными органами, приводили к несогласованности в действиях различных уровней исполнительной власти. Многие советы, особенно уездно-городские, засоренные более всех шовинистическими элементами чиновничества, и даже ТуркЦИК оказались оторванными от широких слоев населения, главным образом коренного. Деятельность правительства Туркестанской республики была окружена правовым вакуумом: Конституцию республики 1918 г. ВЦИК РСФСР не утвердил[2]. Правовая вакханалия не замедлила сказаться на отношениях Туркестана с федеративным центром. Признавая республику членом Российской Социалистической Советской Федерации, А. А. Казаков, К. Я. Успенский и некоторые другие руководители края высказывались в пользу создания таможни между Туркестаном и Россией, предоставления республике права своего представительства в зарубежных странах[3].

Стремление к максимальной государственной самостоятельности Туркестана, которое отчетливо просматривалось в руководстве республикой, не было ориентировано на укрепление суверенитета коренных народов края. Противоречия большевистско-государствен-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 33, лл. 291—294.

[2] Ишанов А. И., Файзиев М. М. Конституционное развитие Узбекской ССР. — Т., 1986. С. 11.

[3] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 99, л. 83.

ной системы к этому времени сконцентрировались на давно назревшей, но не находившей выхода проблеме привлечения трудящихся местных национальностей к государственному управлению.

В 1919 г. в деятельности местных советов республики имело место вполне характерное явление: на съездах нередко большинство делегатов представляли трудящиеся местных национальностей, однако в исполкомы советов, как правило, их избиралось 50 и менее процентов. Подобная же ситуация сложилась и в центральных советских органах Туркестана. Но даже избранные в советы и их исполкомы депутаты коренных национальностей не всегда имели возможность реализовать свои права. Нередкими были случаи давления на делегатов местных национальностей на заседаниях исполкомов и съездах[1]. Чаще всего находившиеся у власти лица ссылались на отсутствие национальных кадров или их теоретическую и практическую неподготовленность. Подготовка же национальных советских *кадров на специальных и очень малочисленных курсах* практических результатов не давала.

Идеологическая выдержанность, выступая критерием кадровой политики, в конкретных условиях Туркестана неизбежно служила живительной почвой для крепко укоренившегося шовинизма, вела к отстранению большинства от управления государством и его оправданию. Такая практика не могла решить проблемы ликвидации остатков колониализма и ставила непреодолимые преграды движению к подлинной демократии. I краевая конференция мусульманских коммунистов, проходившая в июне 1919 г., прямо заявила о недоверчивом отношении «многих ответственных товарищей» к местным пролетариям, развитии национального антагонизма «бывшими царскими чиновниками, втершимися в советские органы», неучастии «мусульманского пролетариата во многих местах в надлежащей степени в государственном строительстве»[2].

ЦК РКП(б) был информирован о растущем недовольстве мусульманских коммунистов Туркестана. Теоретические постулаты большевиков о классовых приоритетах пролетариата вошли в неразрешимое противоречие с реальными историческими условиями Тур-

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 4, л. 52.
[2] Там же, д. 4, л. 53.

кестана. Потребностью смягчения сложившейся ситуации было продиктовано решение ЦК РКП(б) о введении принципа пропорционального представительства национальностей в органах власти. 10 июля 1919 г. Центральный Комитет РКП(б) направил ТуркЦИК и крайкому КПТ радиограмму, в которой говорилось: «На основании принятой восьмым съездом программы Коммунистической партии, в интересах политики рабоче-крестьянской власти на Востоке необходимо широкое пропорциональное населению привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями...»[1]

Радиограмма была получена 12 июля. 16 июля по инициативе Краймусбюро в старогородской части Ташкента, в местности Шайхантаур был созван общенародный митинг, на котором присутствовали члены крайкома партии, Краймусбюро, представители ТуркЦИК, мусульманских коммунистов старого города и профсоюзов; в нем приняли также участие представители национальных коммунистических секций. На митинге выступили П. А. Кобозев, Н. Ходжаев, М. Алиев и другие. В резолюции, принятой митингом, восторженно приветствовалась радиограмма Москвы. Для осуществления предложений ЦК РКП(б) митинг признал необходимым предоставить полную свободу «планомерной организации всего трудового населения Туркестана... под лозунгом Советской власти...»[2].

Руководство ТуркЦИК, прежде всего А. А. Казаков, К. Я. Успенский, Г. А. Темлянцев, председатель Совнаркома К. Е. Сорокин, некоторые руководители столичной партийной организации увидели в радиограмме отступление от классовых принципов большевистской политики. В адрес ЦК РКП(б) и СНК РСФСР ТуркЦИК направил радиограмму, в которой подчеркивалось, что постановление ЦК «о пропорциональном представительстве Туркестана... вызывает недоразумения и затруднения, так как в правительство войдут по этому принципу все деклассированные элементы и явные... противники советской власти»[3].

---

[1] Туркестанский коммунист, 1919, 16 июля.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 34, лл. 216–218.
[3] Известия ТуркЦИК, 1919, 28 сентября.

Крайком и ТуркЦИК вновь резко разошлись, теперь в оценке положений радиограммы. Позиция руководителей краевых советских органов во многом детерминировалась их оценкой мусульманских организаций РКП(б). Как следует, например, из письма К. Е. Сорокина в ташкентскую партийную организацию, даже саму постановку местными коммунистами вопроса о более широком привлечении коренного населения к советскому строительству он считал национализмом[1].

Но Краймусбюро не сдавалось и вело бескомпромиссную борьбу. В сентябре 1919 г. в докладе на II краевой мусульманской партконференции председатель Краймусбюро Т. Рыскулов сформулировал вполне определенную позицию: «пролетариат Туркестана активно должен принимать участие в советском строительстве, для чего должен вливаться в аппарат управления...» В резолюции по текущему моменту конференция категорически высказалась против соответствующей политики «постепеновщины» по вопросу привлечения мусульманского пролетариата в советы. «Согласно нашей коммунистической программы, — утверждала резолюция, — обучение и революционизирование пролетарских масс должны осуществляться немедленным и непосредственным привлечением их в государственное управление и строительство»[2].

Итак, крайком КПТ и прежде всего Краймусбюро взяли на себя инициативу реализации решения ЦК РКП(б) о пропорциональном представительстве национальностей края в государственных органах. Авторитет Краймусбюро и его местных отделений заметно возрос; они фактически контролировали и обеспечивали движение национальных кадров в советах.

Оказавшись летом и осенью 1919 г. в центре политической жизни республики, директива ЦК РКП(б) о пропорциональном представительстве задала основной тон в подготовке и проведении VIII съезда советов (сентябрь). Среди делегатов съезда 41,8% составляли представители коренных национальностей. Параллельно с VIII съездом советов проходил IV съезд КПТ, поэтому отдельные заседания проводились совместно. Крайком КПТ желал подчинить своему влиянию и контролю не только «бунтовавшее» правительство, но

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 87, лл. 34—39.
[2] Там же, оп. 3, д. 16, л. 28.

и съезд советов. Мало того, в те же дни состоялась краевая чрезвычайная конференция коммунистов-мусульман, выдерживавшая свою линию поведения.

Обе стороны — руководство ТуркЦИК и крайкома КПТ — решили использовать возможности съезда для борьбы друг с другом, которая, как и следовало ожидать, происходила главным образом вокруг радиограммы о пропорциональном представительстве. Назвав себя «активной группой», А. А. Казаков, К. Я. Успенский, К. Е. Сорокин, Беленко и ряд других партийцев и совработников заявили об искажении основных политических принципов РКП в работе IV съезда КПТ, ведущих, как они считали, к уродливым формам мелкобуржуазной ориентации, краху советской власти и «учредилке»[1]. Возлагая главный «грех» на П. А. Кобозева, они апеллировали к рабочим и солдатским массам. «Активная группа» направила В. И. Ленину телеграмму, в которой утверждалось, что П. А. Кобозевым проводится «настойчивая националистическая политика» среди преобладающих на съездах «несознательных мусульманских представителей»[2].

Очевидная отчужденность руководства ТуркЦИК и Совнаркома от политических реальностей Туркестана, его плохо скрываемый шовинизм предопределили поражение «активной группы» на съезде. Не последнюю роль в этом также сыграли решения II краевой мусульманской партийной конференции и поддержка лидерами мусульманских коммунистов П. А. Кобозева. Отбросив взаимоисключающие позиции ТуркЦИК и Краймусбюро в вопросе о выполнении радиограммы ЦК РКП(б), съезд выбрал «золотую середину» и выступил за осуществление пропорционального представительства трудящихся коренных национальностей в советах республики.

Отчет ТуркЦИК завершился актом почти полного осуждения его деятельности. С докладом Комиссариата по национальным делам республики выступил Турсунходжаев. Съезду предлагалась новая концепция деятельности комиссариата. Основной задачей его, как органа краевой власти, представляющего и защищающего «трудящихся всех национальностей республики», наряду с осуществлением классовых идеологических

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 287, лл. 4—5.
[2] Назаров М. Х. Указ. соч. С. 216—217.

принципов определялось «устранение межнациональных трений и борьба с проявлением национального шовинизма, уничтожение привилегий и ограничений для отдельных национальностей и устройство жизни республики на началах их равенства и суверенности народов...». Концепция не была чужда гегемонистским и мессианским вожделениям: комиссариат не ограничивал свои задачи территорией Туркестанской республики, а перебрасывал свою деятельность «в сопредельные страны в целях использования национального движения в борьбе труда с капиталом...»[1].

И все же судьба Комиссариата по национальным делам республики была предрешена. Съезд принял решение о его упразднении[2]. В постановлении по этому вопросу отмечалось: «При интернационалистских лозунгах советской власти не может быть и речи об отдельных учреждениях, ставящих себе целью защиту отдельных народностей...»[3]. Съезд игнорировал интересы истинного большинства — многонационального населения Туркестана. Ликвидация Наркомнаца привела к усилению унифицирующих тенденций в республике и игнорированию национальной специфики края.

Невероятные административные решения принимались съездом с удивительной легкостью. Съезд пришел к выводу, что Совет Народных Комиссаров не является самостоятельным органом управления; он лишь законосовещательный орган при ТуркЦИК. Взамен Совнаркома съезд наметил создать три отдельных органа: Совет обороны, Совет культуры и Совет народного хозяйства, объединяющие однородные по своей деятельности комиссариаты.

Итоги съезда, который подвел черту под целым периодом политической борьбы в Туркестане, на первый взгляд, выглядели благоприятными. Группировка А. А. Казакова лишилась власти, позиция «интернационалистов» и особенно Краймусбюро укрепились. Однако позитивные результаты съезда были чересчур незначительны и не могли радикально изменить ситуацию в крае. До предела идеологизированное и бюрократизированное советское государство катастрофичес-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-36, оп. 1, д. 21, лл. 4—8.
[2] Т а м ж е, ф. Р-17, оп. 1, д. 34, лл. 452—454.
[3] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Т. 1. С. 390—391.

ки ослабило свою связь с массами. Советы, государственные структуры контролировались партией. Рост авторитета Краймусбюро обернулся своей тыльной стороной — оно, как и крайком КПТ, почти командовало ТуркЦИК[1]. Закономерно, что как только встал вопрос о привлечении большинства населения края — мусульман — к власти, так началось новое возрождение идеи Учредительного собрания. Обнаружилось, что социальные возможности советов резко сужаются, когда им придают узкоклассовый смысл. Не последнюю роль в ограничении свободы играли карательные органы. До демократии и законности было так же далеко, как и год назад.

После прорыва блокады Туркестана в сентябре 1919 г.[2] воздействие ЦК РКП(б) и советского правительства на развитие событий в Туркестане усилилось. Исключительную роль в этом сыграла Туркомиссия ВЦИК и СНК РСФСР. В состав комиссии вошли Ш. З. Элиава, Ф. И. Голощекин, Г. И. Бокий, Я. Э. Рудзутак, В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе. 4 ноября 1919 г. Туркомиссия, за исключением М. В. Фрунзе и Г. И. Бокия, прибыла в Ташкент.

До окончательного соединения Туркестана с центром страны в сентябре 1919 г. российское руководство не имело достаточно ясного представления о политической обстановке в республике. Проанализировав взаимоотношения социальных и национальных групп в крае, Туркомиссия поддержала группу партийных и советских работников во главе с председателем Краймусбюро Т. Рыскуловым[3], ориентированную на активную борьбу с остатками колонизаторства в крае. Следствием этой поддержки стало избрание Т. Рыскулова в январе 1920 г. председателем ТуркЦИК. Именно в этот период им выдвигается идея «Тюркской Советской республики РСФСР». Ее появление было обусловлено рядом обстоятельств:

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, л. 19.

[2] Летом 1918 г. в связи с военными действиями белоказаков в районе Оренбурга Туркестан был отрезан от РСФСР. Первый раз блокада Туркреспублики была прорвана 21 января 1919 г. после занятия войсками Восточного фронта Оренбурга. Однако в апреле 1919 г. войска атамана Дутова вновь отрезали край от РСФСР. И лишь 13 сентября 1919 г. после соединения войск Туркреспублики с войсками Туркфронта под командованием М. В. Фрунзе была окончательно ликвидирована блокада Туркестана и восстановлена связь с РСФСР.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, лл. 20—21.

— сохранением в республике колониального неравенства в положении коренного населения, несмотря на провозглашение советской автономии края и принятие конституции;

— практикуемым руководством республики узкоклассовым подходом, ограничивающим участие коренного населения в государственных органах власти;

— стремлением коммунистов местных национальностей сделать советский Туркестан своеобразным катализатором революционного национально-освободительного, антиимпериалистического движения народов Востока.

17 и 20 января 1920 г. на объединенном заседании крайкома КПТ, Краймусбюро и Туркомиссии по предложению Т. Рыскулова были обсуждены и приняты его тезисы о «Туркестанской автономии». Т. Рыскулов исходил из того, что, во-первых, в Туркестане существуют расхождения по национальному вопросу, а партийное и советское строительство никак не налаживается, и, во-вторых, что «Туркестан по своему этнографическому и многим другим положениям является Тюркской национальной республикой». Члены Туркомиссии в принципе не возражали против возможности создания национальной автономии Туркестана[1].

На V краевой партконференции (январь 1920 г.) Т. Рыскулов попытался теоретически обосновать идею «Тюркской коммунистической партии» и «Тюркской советской республики». В начале февраля на III краевой мусульманской партийной конференции в докладе «Об автономии и конституции Туркестана» он изложил основные положения проекта «Тюркской республики РСФСР»: конституция Туркреспублики как не соответствующая духу автономии края должна быть отменена; республика из-за отсутствия своих опытных теоретиков и практиков в «общих делах, как военных, так и других», оказалась в жестком подчинении Центру; со дня объявления автономии все приказы и распоряжения советской власти должны соответствовать местным условиям жизни; для избежания розни между тюркскими народами следует объединить их под одним знаменем тюрков[2].

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 405, лл. 48—49, 53—54.
[2] Известия ТуркЦИК, 1920, 4 февраля.

Резолюция конференции, принятая по докладу Т. Рыскулова, гласила: «В интересах интернационального объединения трудящихся и угнетенных народов провести путем коммунистической агитации идею уничтожения стремления тюркских народностей делиться по существу и названию: на татар, киргиз, башкир, узбеков и т. д. и составлять отдельные мелкие республики, а объединить в целях сплоченности и привлечения других тюркских народностей, не входящих в состав РСФСР, вокруг Тюркской Советской республики...»[1].

Идея «Тюркской республики» вызвала неоднозначную реакцию в Туркестане. Вокруг нее велись оживленные дискуссии, не было единства мнений и в Краймусбюро[2]. После приезда 23 февраля 1920 г. в Ташкент М. В. Фрунзе отношение Туркомиссии к проекту Т. Рыскулова резко изменилось. Комиссия по предложению М. В. Фрунзе высказалась за сохранение прежнего положения в государственном устройстве Туркестанского края как автономной республики в составе РСФСР[3]. С другой стороны, благодаря комиссии в республике начался новый этап борьбы за вовлечение местных трудящихся в советы. По ее инициативе из Туркестана в распоряжение ЦК партии были откомандированы туркестанские работники, не избавившиеся от великодержавно-шовинистических взглядов. В Туркестан прибыли сотни новых партийных и политических работников.

Возглавлявший ТуркЦИК Т. Рыскулов, а также группа поддерживавших его партийных и советских работников начали принимать активные меры по вовлечению в советские органы представителей местного населения, но игнорировали при этом социальные принципы формирования кадрового состава советских органов. Большое число советских работников европейского происхождения были заменены лицами коренных национальностей. В результате в советские органы, в том числе на высшие должности, были привлечены в основном представители национальной интеллигенции, чиновничества и торговцев, отчуждение же значительной части беднейшего населения от государ-

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1920, 5 февраля.

[2] ААП РУз. ф. 60, оп. 1, д. 405, л. 53.

[3] Турсунов Х. Т. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане. — Т., 1971. С. 193.

ственного управления по-прежнему не было преодолено[1].

Руководство ТуркЦИК и крайкома КПТ разошлись с Туркомиссией в подходах к проблеме привлечения коренного населения Туркестана к государственному управлению. Довольно жесткий обмен мнениями между Т. Рыскуловым и членами Туркомиссии произошел 1 и 3 марта 1920 г. на объединенном заседании крайкома КПТ, Туркомиссии и Президиума ТуркЦИК. Туркомиссия, пользуясь своими большими полномочиями, предоставленными ей СНК РСФСР, производила кадровые перестановки, не всегда считаясь с ТуркЦИК[2]. Более того, некоторые члены комиссии, прежде всего Я. Э. Рудзутак, сводили значение общих принципов кадровой политики в Туркестане к чисто практическим результатам и несколько недооценивали политическое значение привлечения представителей коренного населения к государственному управлению в крае[3]. Несхожесть во взглядах, тем не менее, не мешала Туркомиссии поддерживать кандидатуру Т. Рыскулова на посту председателя ТуркЦИК.

В эти месяцы несколько новое направление развития получает идея «Тюркской Советской республики». «Чрезвычайщина» как принцип укрепления центральной власти, глубоко укоренившаяся в практической деятельности ЦК РКП(б), СНК и ВЦИК РСФСР, подрывая правовой механизм государственной машины, порождала дополнительные трудности и противоречия в национально-государственном строительстве Туркестана. Советское правительство, предоставив значительные полномочия Временной комиссии СНК РСФСР, наделило еще большими Туркомиссию ВЦИК и СНК РСФСР. Согласно утвержденной им 8 октября 1919 г. специальной инструкции, на комиссию возлагались реорганизация советских учреждений в Туркестане «в соответствии с общими интересами РСФСР», осуществление высшего руководства экономической и политической жизнью края и т. д., с другой стороны, органы власти Туркестанской республики обязывались сноситься по всем вопросам государственного, экономического, военно-политического характера с цент-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 40, лл. 24—26.
[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 413, лл. 10—11.
[3] Там же, лл. 130—132, 137—138.

ральным правительством «не иначе как через» Туркомиссию[1]. По постановлению ВЦИК от 8 октября комиссия действовала от имени ВЦИК и СНК РСФСР «в пределах Туркестана и сопредельных с ним государств»[2].

Позиция Туркомиссии, основывающаяся на том, что советская власть в Туркестане может функционировать только при помощи российского пролетариата, неизбежно вела к усложнению системы взаимоотношений федеративного центра и автономного государственного образования — Туркреспублики. Между ними появлялись новые организационные связи, которые нуждались в правовом обосновании. Отсутствие четкого разделения компетенции комиссии и правительственных органов ТАССР привело в первые месяцы ее работы к подчинению ей ТуркЦИК и других республиканских учреждений, а следовательно, и определенному ущемлению самостоятельных прав автономной республики. Т. Рыскулов с тревогой отмечал, что прибывшие с Туркомиссией работники игнорируют ее автономию. Считая, что авторитет ТуркЦИК подорван, он заявил: «Если мы из мусульман хотим сделать авангард революции на Востоке, то нужно, чтобы сами мусульмане научились управлять собою, а не приезжие управляли ими». Ряд членов Туркомиссии явно принижали значение правовой стороны проблемы автономии республики, а в целом автономия сводилась комиссией к территориальному, классовому пониманию[3].

Т. Рыскулов и часть членов крайкома КПТ 24 февраля 1920 г. обратились в ЦК РКП(б). 8 марта 1920 г., положив в основу подготовленный Туркомиссией проект, ЦК РКП(б) принял постановление, названное в республике «Положением об автономии Туркестана». В нем Туркестан признавался автономной республикой населяющих его основных народов — туркмен, узбеков и киргизов, и подтверждалось название республики «Туркестанская автономная республика РСФСР». Но в постановлении ничего не было сказано о взаимоотношениях ТуркЦИК и Туркомиссии[4].

Постановление ЦК РКП(б) не исчерпало конфликт-

---

[1] Ишанов А. И., Файзиев М. М. Указ. соч. С. 14—15.
[2] В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. — Т., 1960. С. 455—456.
[3] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 406, лл. 130—136, 137—140.
[4] Известия ТуркЦИК, 1920, 24 марта.

ной ситуации. Разногласия между Туркомиссией и Т. Рыскуловым сохранялись. Крайком КПТ признал необходимой поездку в Москву Туркомиссии и Т. Рыскулова совместно с членами ТуркЦИК Н. Ходжаевым и Г. Бех-Ивановым[1].

По прибытии в Москву Т. Рыскулов направил в ЦК РКП(б) докладную записку. 23 мая он, Н. Ходжаев и Г. Бех-Иванов предоставили в ЦК «Проект положения Туркестанской автономной Советской Республики Российской Социалистической федерации». Туркестанская делегация исходила из того, что суверенитет ТАССР попирается Реввоенсоветом Туркфронта и Туркомиссией, в результате чего в крае сложилось двое- или даже троевластие. Считая такое положение ненормальным, она выступала согласно конституции за передачу всей полноты власти трудящимся коренных национальностей и ограничение прав РВС Туркфронта. Вопросы внешних сношений, внешней торговли, финансов, обороны, а также железные дороги и связь члены делегации требовали передать в ведение ТуркЦИК[2]. В целом предложения Т. Рыскулова и его единомышленников сводились к предоставлению Туркестану статуса суверенной советской республики, строящей свои отношения с РСФСР на договорной основе, как, например, Украина, хотя в наименовании республики и сохранялось название «автономия».

Во второй докладной записке, посланной в ЦК РКП(б) в конце мая, туркделегация изложила доводы этнографического порядка в пользу создания единого государственного образования тюркских народов. Доказывая, что узбекский, казахский, туркменский, киргизский и другие народы представляют собой одну тюркскую нацию, члены делегации считали разделение Туркестана на отдельные национальные образования недопустимым, в том числе по политическим и экономическим соображениям[3].

Основные посылки проекта «Тюркской Советской республики» несли в себе определенный позитивный заряд:

во-первых, самим появлением проект демонстри-

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 404, л. 30.

[2] Назаров М. Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции. — Т., 1969. С. 401-402; ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 413, л. 10—12; ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 39, л. 11—15.

[3] Назаров М. Х. Указ. соч. С. 402—403.

ровал попытку национального самоопределения «снизу» в обстановке складывавшейся большевистской партийно-государственной системы;

во-вторых, он предусматривал создание национальной советской республики народов Туркестана. Такая постановка вопроса обуславливалась важнейшей особенностью начального периода советского национально-государственного строительства в Туркестане: колониальным статусом края до революции и фактическим неравноправием коренного населения в ряде сфер общественной жизни после революции;

в-третьих, в проекте по существу была высказана идея государственного суверенитета Туркестанской республики как необходимого условия и средства достижения равенства народов края с народами развитых стран.

Некоторые идеи Т. Рыскулова и его единомышленников оказали определенное влияние на процесс выработки основ национально-государственного строительства в Туркестане. Хотя, ознакомившись с проектом Т. Рыскулова, В. И. Ленин и отклонил его, однако внесенные им поправки в проект комиссии ЦК свидетельствовали о том, что предложения Рыскулова не были им полностью проигнорированы. В частности, это сказалось на предложении комиссии предоставить национальным группам Туркестана возможность организоваться в автономные республики (вопрос о возможности образования национальных республик в крае — Туркменской, Узбекской и Киргизской — Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало 25 мая), а до этого произвести областное разделение края в соответствии с его территориально-этнографическим составом. В. И. Ленин счел возможным не форсировать осуществление этих территориальных преобразований и предложил предварительно составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию, Туркмению и детально выяснить условия слияния или разделения трех частей[1]. В предложенном им проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в Туркестане прямо указывалось: «...(3) не давать права Туркомиссии изменять декреты без запроса ТуркЦИКа и ТурСНК и запроса центра; (4) систематически обдумать, подготовить, провести пере-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 435—436.

дачу власти — постепенно, но неуклонно — местным советам трудящихся, под контролем надежных коммунистов; (5) деления республики на 3 части не предрешать; (6) общей задачей ставить свержение феодализма, но не коммунизм»[1].

29 июня Политбюро ЦК РКП(б) приняло несколько постановлений, объединенных общим названием «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане». К ним ЦК РКП(б) отнес нормализацию отношений, сложившихся между пришлым европейским населением и народами коренных национальностей в результате колониальной политики царизма в крае, и ликвидацию патриархально-феодального наследия, сохранившегося в общественных отношениях местного населения[2].

В этот период ЦК РКП(б) полностью взял на себя функции законотворчества, самостоятельно решая, какой правовой статус должна иметь Туркреспублика, отражая этим усиливавшуюся в стране тенденцию к идеологизации государственной системы. В постановлении «Об организации власти в Туркестане» указывалась необходимость существования в Туркестане постоянного представительства ВЦИК, Совнаркома РСФСР и ЦК РКП(б), определялась сфера компетенции федеральной власти и органов государственной власти Туркреспублики[3]. Не ограничиваясь принятием постановлений, ЦК РКП(б) образовал комиссию по делам Туркестана, членами которой стали В. В. Куйбышев, Г. Бокий, М. В. Фрунзе. Таким образом, национально-государственное самоопределение народов края фактически было осуществлено «сверху» партийным руководством РСФСР. Демократический процесс был заменен внутрипартийным решением.

В июле 1920 г., возвратившись в Ташкент, Т. Рыскулов не нашел необходимой ему поддержки. Он сложил с себя обязанности председателя ТуркЦИК. «Ушли» в отставку и другие члены крайкома КПТ, президиума ТуркЦИК и Совнаркома. 19 июля комиссия ЦК РКП(б) по делам Туркестана приняла решение о роспуске крайкома и образовании Временного ЦК КПТ. 4 августа пленум ЦК КПТ утвердил новый

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 153.

[2] История коммунистических организаций Средней Азии. — С. 428—429.

[3] Известия ТуркЦИК, 1920, 27 июля.

президиум ТуркЦИК, в который вошли И. Е. Любимов, В. П. Билик, К. С. Атабаев, А. Рахимбаев, Х. А. Ширинский, Б. Ходжаев, Бисеров[1]. Председателем ТуркЦИК был избран Бисеров, а затем А. Рахимбаев.

Летом ВЦИК РСФСР принял постановление «О Туркестанской республике», которое целиком исходило из постановления Политбюро ЦК РКП(б) «О взаимоотношениях центра и Туркестана», развивая некоторые правовые аспекты статуса Туркреспублики как автономной части РСФСР. Коренными народами Туркестана признавались киргизы, казахи, узбеки и туркмены. Республике присваивалось название Туркестанской Советской Социалистической Республики РСФСР. Государственная власть Туркреспублики организовывалась согласно конституции РСФСР. К исключительной компетенции федеральной власти относились внешние сношения, внешняя торговля, военное дело. В целях упрочения федеративных связей учреждалась комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана, на которую возлагалось непосредственное управление теми отраслями, которые составляли компетенцию федеральной власти[2].

Однако противоречия и непоследовательность в методах государственной политики продолжали обнаруживать себя почти везде. Политическая система Туркестана, особенно ее государственные структуры, нуждались в существенной перестройке. Сохранявшийся «дух партизанщины» на местах, вновь организованный под руководством Я. Э. Рудзутака Совнарком республики, не установивший нормальных правовых отношений с ТуркЦИК, серьезно дезорганизовали работу государственных органов. Вследствие усилившейся «партизации» государства происходило его умаление как самостоятельного субъекта политики.

Главное противоречие политической системы в Туркестане — противоречие между демократическими и партийно-тоталитарными тенденциями — ярче всего запечатлела выборная кампания, развернутая для подготовки IX съезда советов.

По предложению Туркомиссии Краевой избирательной комиссией на места были посланы специальные уполномоченные; им было предоставлено право

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 413, л. 3.
[2] Известия ТуркЦИК, 1920, 27 июля.

...смотреть состав советского аппарата, ревкомов и партийных комитетов. В кампании по подготовке к выборам, кроме того, участвовал весь аппарат политуправления Туркестанского фронта. Идеологическое обеспечение выборной кампании играло исключительную роль в активной пропаганде «нового направления» политики ЦК РКП(б) в Туркестане. В отличие от прежних лет к выборам 1920 г. помимо среднего дехканства были привлечены взрослые члены трудовых семей, объединенные в профсоюзы, а также не пользовавшиеся наемным трудом кустари. Таким образом партийно-правительственная власть старалась расширить, насколько это было для нее возможно, социальную базу этого направления.

Нужная «почва» к сентябрю была подготовлена, и 12 числа открылся V съезд КПТ (теперь съезд советов можно было начинать только после окончания партийного съезда). IX съезд советов Туркестана проходил с 19 по 25 сентября. На съезде присутствовало 211 делегатов, 106 из них (50,2%) были представителями коренных национальностей края[1]. Принципиальных разногласий на съезде не было — безраздельно господствовала одна точка зрения, одно видение — ЦК РКП(б).

20 сентября председательствующий на съезде Каганович предоставил слово для доклада председателю ТуркЦИК А. Рахимбаеву, который предварил свое выступление изложением доклада на узбекском языке. А. Рахимбаев сделал упор на том, что «весь период работы ТуркЦИК 8-го созыва проходил под знаком сближения с центром Советской России, под идейным руководством Туркомиссии». В то же время трудности советского строительства в Туркестане он видел в том, что «до сих пор не изжиты остатки царского колониального наследия». Мусульманские верхи во главе с Т. Рыскуловым, пользуясь поддержкой полномочного представительства ВЦИК и СНК РСФСР, выдвинули, по его мнению, явно националистический лозунг «Туркестан — Республика Тюркских Народов». Группа Рыскулова «не выражала собой настроений мусульманского населения...»[2], — заявил А. Рахимбаев. Председатель ТуркЦИК не сумел отличить действи-

[1] Известия ТуркЦИК, 1920, 30 сентября.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, лл. 11—15; д. 40, лл. 20—28.

тельно националистическое от подлинно национального в деятельности Т. Рыскулова.

В специфических социальных условиях Туркестана помощь Центра в докладе председателя СНК И. Е. Любимова была признана решающей — работа советских органов республики могла проходить успешно только при опоре на всю мощь и силу российского рабочего класса и широкие «низы» коренного населения[1]. По докладам ТуркЦИК и Совнаркома съездом была принята резолюция. Съезд одобрил направление работы высших государственных органов республики и отметил, что она «должна проходить в соответствии с основной интернациональной линией РСФСР и бытовыми и политическими особенностями Туркестана»[2].

После довольно активного обсуждения на заседании организационной секции делегаты IX съезда советов утвердили новую конституцию Туркреспублики. Необходимость принятия новой конституции была вызвана в первую очередь «недостаточной систематичностью постановлений, отсутствием логического... разделения компетенции центра и местной власти...»[3]. Конституция 1920 г. закрепила за ТуркЦИК всю полноту власти в пределах республики, кроме вопросов внешних сношений, внешней торговли и обороны, принадлежавших к исключительной компетенции федеральных органов. Ряд вопросов подлежал совместному решению Центра и республиканской власти[4].

Узаконив новую конституцию республики, съезд лишь утвердил принятые в центре решения о государственном устройстве Туркестана. Идеологический, классовый характер советского права сохранялся в неприкосновенности. В новую конституцию не было включено положение постановления ВЦИК РСФСР «О Туркестанской республике», согласно которому киргизы (казахи), узбеки и туркмены признавались коренными народами Туркестана.

Свое заключительное заседание съезд провел в старогородской части Ташкента. Съезд выбрал новый ТуркЦИК в составе 75 членов и 30 кандидатов, 2/3

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, лл. 27—28, 31.

[2] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Т. I. С. 431—433.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д. 39, лл. 51—52.

[4] Съезды Советов РСФСР и автономных республик РСФСР. Т. I. С. 450—451.

членов которого были местных национальностей. IX съезд советов в некотором отношении был, пожалуй, переломным событием. Съезд (и подготовка к нему) в целом ускорил процесс вовлечения коренного населения в государственные органы. На все высшие государственные должности Туркреспублики съезд избрал лиц местных национальностей: председателем ЦИК Туркреспублики был избран Н. Т. Тюракулов, а председателем СНК утвержден К. С. Атабаев. Наконец, во второй половине 1920 — начале 1921 г. в соответствии с решением съезда в большинстве местных советов прошли перевыборы с заменой ревкомов демократическими органами — выборными исполкомами. Вместе с тем трансформируемая в советы трудящихся местная власть становилась инструментом идеологического и политического воздействия РКП(б) на общественные процессы в крае.

11 апреля 1921 г. декрет ВЦИК РСФСР об образовании Туркестанской ССР завершил начатый в 1918 г. мучительно противоречивый путь правового оформления автономной республики. Доктринальный характер советской демократии, каковой она стала после октября 1917 г., определил «руководящую роль» партии в обществе и неизбежное подчинение государства партии. С принятием ЦК РКП(б) постановлений, регулировавших государственные взаимоотношения РСФСР и Туркреспублики, произошла подмена законодательной власти центральными партийными органами.

К концу 1920 г. сложилась жесткая, идеологически выверенная система власти, ядром которой стала партия большевиков. Ядро это, как вся система, обрели в конечном итоге самодовлеющий, недемократический, антинародный характер. Но именно тогда, материализовавшись через деятельность РКП(б), идеология коммунизма определила судьбу народов Средней Азии на целые десятилетия.

Глава IV

ИСТИҚЛОЛЧИЛАР ҲАРАКАТИ — ДВИЖЕНИЕ БОРЦОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ТУРКЕСТАНА

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ БОРЦОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ЕГО СУЩНОСТЬ

После разгрома Туркистон мухторияти оставшиеся в живых 200 джигитов Кичик Эргаша[1] продолжали в течение 4 дней (21—25 февраля 1918 г.) изнурительную борьбу. Но, не выдержав натиска превосходящих сил Красной армии они вынуждены были отступить в село Бачкир, находившееся в 20 км от Коканда. Здесь, укрепив оборону, они продолжали сражаться против красногвардейских отрядов. Так, в последнюю декаду февраля 1918 г. было положено начало почти двадцатилетней вооруженной борьбе туркестанцев против советской власти и большевистского режима. Вслед за Кокандским уездом с центром Бачкир, ставшим первым опорным пунктом вооруженного сопротивления туркестанцев, факел борьбы подхватил в Скобелевском уезде бывший начальник Маргиланской милиции Мухаммад Аминбек Ахмадбеков — Мадамин бек.

К марту 1918 г. в Ферганской долине действовало свыше 40 отрядов самостоятельных курбаши[2]: в окрестностях Маргилана — Шермухаммадбек и Нурмухаммадбек; в Наманганском уезде — Аман Пахлавон, Кабул, Сотиболды Казы, Рахманкул; в окрестностях Оша — Халходжа; в Андижанском уезде — Ахунжон; в окрестностях города Андижана — Парпи; в селе Бувайда Кокандского уезда — Ишмат, в селе Урганжи —

---

[1] В соответствии с новыми данными можно отметить, что в советской исторической науке смешивалась информация о двух личностях под именем Эргаш. В действительности в Кокандском уезде действовали однофамильцы, которых для различения в соответствии с их ростом само население называло Кичик Эргаш (Маленький Эргаш) и Катта Эргаш (Большой Эргаш). Более полные сведения о двух Эргашах даны в работах Б. Хайита и Ш. Яссавия.

[2] В прошлом так называли начальника местной полиции. В освободительном движении «курбаши» стали именоваться руководители отрядов ополченцев. Причем если первоначально это звание присваивалось руководителям крупных боевых формирований, то очень скоро так стали называться и предводители более малочисленных отрядов.

мар Чоли, в селе Найманча — Айбола, в Узгене — жанибек Казы, в Наукате — Мухиддинбек и др.[1].

Уже осенью 1918 г. под предводительством Кичик ргаша действовало 70 отрядов курбаши численностью от 20 до 1800 джигитов в каждом. В октябре того е года войско курбаши Эргаша насчитывало 15 тыс. еловек[2]. Как отмечает Б. Хайит, в 1918 г. под началом Эргаша было 18 тыс. джигитов (в некоторых источниках — 20—24 тыс.), Мадаминбека — 5 тыс., Нермухаммадбека — 6 тыс., Халходжи — свыше 3 ыс., Амана Пахлавона — свыше 2,5 тыс., Парпи — ,6 тыс., Мухиддинбека — 4,5 тыс., Нурмухаммадбе-а — 3,8 тыс., Джанибека — примерно 5,7 тыс. джигитов[3]. Таким образом, под началом 9 крупных предводителей в движении участвовало свыше 52 тыс. человек.

С самого возникновения этого движения официальными кругами советского Туркестана и России были редприняты решительные меры по его очернению. ервоначально оно оценивалось как проявление бандитизма. В советских официальных документах и прессе 918 — середины 1919 г. участники вооруженного сопротивления именовались не иначе как «банды», «шайки разбойников и бандитов». К середине 1919 г. в фициальных советских кругах сформировалось стойкое понимание этого явления как цельного контрреволюционного антинародного движения свергнутых революцией классов, движения баев и мулл. С этого ремени сначала в прессе, а затем и в официальных окументах стали широко использоваться термины «басачи», «басмачество». Эти термины фальсифицировали сущность и природу этого движения, принижали го значение и были направлены на его дискредитацию, ставили вровень с такими понятиями, как «бандитизм», «разбойничество»[4]. Традиция воспринимать басмачество» как бандитизм ведет свое начало еще с арских времен. Архетип «злого преступника», «вора и

---

[1] Валидий Тугон. Бугунги Турк эли (Туркистон) ва якин рихи. — Стамбул, 1947. С. 388.

[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 49, л. 3 об.

[3] Хайит Б. Басмачи. — Кельн, 1992. С. 88 (на нем. яз.).

[4] Слово «басмачи» происходит от древнетюркского «босмок» (нападать). рмином «басмачи» среди населения назывались преступные элементы, не меющие никакого отношения к военным группировкам. Вместе с тем не отиворечит логике обозначение этим термином захватчиков чужих земель.

грабителя», родившийся в то время, был усилен советской пропагандой. В то же время в самом туркестанском обществе так называемые «басмачи» всегда воспринимались как народные мстители и заступники, о них слагались легенды и песни[1].

Сами участники движения идентифицировали себя как борцы за свободу, освободители своей Родины от завоевателей, защитники своей земли, веры, народа. «Это — движение истинных патриотов, — с гордостью отмечал один из ведущих руководителей движения за независимость в Ферганской долине Шермухаммадбек, — возникшее как борьба за независимость всего Туркестана. Это движение — за освобождение родины Тимура, Улугбека, Навои от господства Москвы»[2].

Лозунги вступивших на путь вооруженной борьбы: «Туркестан — родина туркестанских народов. Изгоним врага с родины»; «Подлый враг должен быть изгнан из страны. Туркестан — наша родина!»; «Туркестан освободят от врага туркестанцы!»; «Богатство, жизнь жертвую за веру и родину» и многие другие[3] — отражали не только этнические стереотипы восприятия туркестанцами власти большевиков, но и раскрывали сущность возникшего движения — вооруженного движения за освобождение своей родины, ее независимость и самостоятельность — истиклолчилар харакати.

Несомненно, что движение за независимость «началось с разгрома правительства Туркестанской автономии»[4]. Но это событие, определив начало движения, было лишь его поводом. Основные причины его возникновения были более глубокими и коренились в

---

[1] До 1917 г. в Ферганской долине самостоятельную борьбу против царского правительства в крае вели небольшие отряды под руководством К. Эргаша, Мадаминбека, Шермухаммадбека, Азима, Махкамходжи и др. Хотя они и не были так знамениты, как Намаз Ботир, действовавший в Самаркандской области в начале века, однако приобрели известность среди народа своей отвагой. Большинство этих народных мстителей, пройдя через тюрьмы и ссылки царской России, уже в начале 1918 г. (еще в период правительства Туркистон мухторияти) были в оппозиции к советской власти и вели против нее вооруженную борьбу. Пронизанные духом ислама и национальной идеей, политические и социальные мотивы выступлений этих соединений по своей сути отличались от действий небольших групп, существовавших до 1917 г. — Подробно об этом см.: ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 336, л. 224—228; ф. 149, оп. 1, д. 108, л. 161—164.

[2] Эрк, 1992, 19—26 февраля.

[3] Я с с а в и й Ш. Туркистон аччиқ ҳақиқатлари. — См.: Эрк, 1992, 6—13 февраля.

[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 20, л. 329.

последствиях завоевательной политики царизма и установленного на земле Туркестана колониального режима. До 1917 г. на земле древнего Турана национально-освободительное движение оставалось постоянным фактором его общественной жизни. Насильственная ликвидация национального правительства Туркистон мухторияти была воспринята туркестанцами как еще одно проявление попрания их национальной гордости. Они, получив доказательства отсутствия возможности мирным путем осуществить свое право на самоопределение и независимость, вынуждены были взяться за оружие, встать на путь вооруженной борьбы, чтобы защитить свое естественное право на свободу.

Утверждения же, запущенные в ход советскими официальными кругами Туркестана и России с конца 1919—начала 1920 г. и всецело воспринятые советскими историками, о том, что причинами этого движения являлись первые «социалистические» преобразования советской власти Туркестана и России в экономической, политической и духовной сфере, ошибочная политика ферганских и туркестанских большевиков в первые годы советской власти, а также развязанная в ответ на возникновение движения за независимость политика террора советских органов и воинских формирований против мирного населения в Фергане — не соответствовали истине, фальсифицировали истинную сущность движения. В действительности названные факты лишь придавали движению за независимость на отдельных этапах особую остроту и массовый размах. Незыблемой идеей, пронизывающей движение на всем его протяжении (февраль 1918 — середина 30-х годов) была идея борьбы за национальный суверенитет и независимость Туркестана. Несмотря на его подъемы и спады, изменение состава его участников, привнесение вторичных интересов в движение и целую совокупность объективных и субъективных факторов, влиявших на расстановку его сил, основная цель движения оставалась неизменной — независимость Туркестана.

Как по своим движущим силам, так и по организационным основам оно было общенародным движением, охватившим все социальные слои и группы населения. Основной движущей силой движения за независимость в Ферганской долине были дехкане, поденщики, чайрикеры, ремесленники и сапожники.

По утверждению одного из советских руководителей Туркреспублики, в движении за независимость «участвовали дехкане и ремесленники», к ним присоединилось большинство жителей городов: выходцы из состоятельных слоев — торговцы, баи, духовные лица — ишаны, муллы, дервиши[1]. В состав участников движения входили и представители интеллигенции — общественные деятели Туркестана, политики с практическим опытом борьбы за независимость Родины. В основном это были выходцы из джадидского движения.

Борцы за независимость в основном были представлены коренным населением — узбеками, киргизами, таджиками, казахами, каракалпаками, туркменами, а также уйгурами, персами, цыганами. Но в рядах движения было немало и русских.

Социальная база движения постоянно расширялась. В результате непродуманной политики советского правительства, не учитывающей самобытности жизненного уклада, духовных, морально-нравственных устоев коренного населения, непрекращающегося разгрома мирных селений и все усиливающегося в рядах красногвардейцев мародерства у отрядов курбаши появлялась поддержка там, где ее не было раньше. Это вынуждены были констатировать и сами руководители советского Туркестана. В частности, в одном из документов того времени утверждалось: «В Фергане казии, улемы были арестованы; борьба с религиозными предрассудками выражалась в том, что священный для мусульман коран в Маргелане был сожжен представителями советской власти; соборная мечеть «Джами» в Андижане была превращена в казармы... Наши отряды нападали на мечети и бросали бомбы в молящихся ишанов, улемов. В результате весь класс улемов и ишанов ушел к басмачам»[2].

«...Два с лишним года житница Туркестанского края — Фергана является ареной кровавой борьбы... Местная советская власть первое время своего существования сделала все возможное, чтобы оттолкнуть от себя трудовое население вместо привлечения к власти широких кругов рабочего и крестьянского населения... Вместо национализации производства шел от-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 89, л. 95.
[2] Там же, д. 90, л. 330.

крытый грабеж не только буржуазии, но и средних слоев населения... Действовавшие здесь части красноармейских войск в руках некоторых руководителей превращались из защитников революции и трудового народа в орудие насилия над ним. На этой почве и создалось то движение, которое известно под именем басмачества. Басмачи не просто разбойники. Если бы было так, то понятно, с ними давно было бы покончено»[1], — так характеризовал причины разрастания движения командующий Туркфронтом М. В. Фрунзе в январе 1920 г., в самом начале своей деятельности в Туркестане, однако в последующем санкционированная им тактика политических и военных действий в Фергане обернулась еще большими бедствиями для туркестанцев, вызвав их массовый отток в ряды повстанцев.

Об общем числе участников движения приводятся противоречивые сведения. По данным исследований советских историков, их численность колебалась от 6 до 30 тыс. человек. Английский историк Г. Фрезер, ссылаясь на воспоминания бухарского эмира Саида Алимхана, пишет, что в ноябре 1922 г. численность красноармейских сил в Туркестане доходила до 100 тыс. человек. Против них действовали 60 тыс. джигитов, в том числе в Ферганской долине — 26 тыс.[2]. Эти данные близки к истине, они подтверждаются советскими документами. Как отмечал председатель ТуркЦИК Ф. Хидиралиев, численность борцов за независимость в сентябре 1920 г. «по некоторым сведе-ниям составляла 30 тыс. человек и порождала панику»[3].

Движение вышло из недр народа, даже в своей организационной структуре оно отражало традиционные особенности организации туркестанского общества. Одним из важных элементов движения, оказывавшим определенное консолидирующее влияние на него, стал институт курултаев курбаши. Всего за 1918—1923 гг. прошло более 10 курултаев курбаши, действовавших в Ферганской области. Они явились определяющей организационной формой движения: на них избирались его руководители, определялись дислокация

---

[1] РГВА. ф. 110, оп. 3, д. 234, лл. 4—5.
[2] Фрезер Г. Басмачи. — Оксфорд, 1987. С. 7—31 (англ. яз.).
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 336, лл. 224—240.

и сферы влияния отрядов курбаши, вырабатывалась тактика действий и др.

Вообще у тюркских народов издревле была традиция проводить курултаи. Эта традиция структурно и организационно определилась еще во времена Амира Темура, и несмотря на то, что прошло пять веков, она сохранилась почти без изменений. Задолго до начала военных походов наши отцы и деды созывали курултаи и избирали на них своих полководцев-курбаши открытым голосованием. По негласному уставу курултая каждому участнику давалось право высказываться о той или иной кандидатуре. Честный и порядочный мужчина имел право объявить любого претендента или кандидата, представлять его. Затем того, кто побеждал на выборах, саиды — люди, считавшиеся близкими к пророку, — приводили на белый ковер. Здесь претендент на пост «Амир-ал-Муслимин» — главнокомандующего войсками — должен был заключить духовное соглашение с народом и принять клятву о соблюдении законов шариата. Такая форма выбора содействовала выдвижению на обсуждаемый пост наиболее авторитетных, имеющих определенный опыт в доверяемом им деле, личностей, пользующихся уважением народа. На курултаях курбаши — сначала Кичик Эргаш и Катта Эргаш, а в последующем Мадаминбек, Шермухаммадбек, Ислам-Пахлавон — были избраны лидерами движения и получили звание главнокомандующего повстанческими войсками — «Амир-ал-Муслимин»[1]. И, конечно, ярлыки, приклеенные к ним советской официальной пропагандой и широко использованные в *советской исторической науке, как-то: «бандит», «преступник»*, «казнокрад», «грабитель»[2] и т. п. — не соответствовали действительности и являлись злобными клеветническими измышлениями. И это убедительно подтверждают ставшие сегодня известными данные их биографий.

Кичик Эргаш в течение 7 лет до 1917 г. вместе с 30 джигитами в пределах Коканда вел борьбу против завоевателей: совершал нападения на официальные учреждения, торговые сети. По свидетельству современников, Кичик Эргаш был справедливым мусульманином и дехканам никогда не приносил вреда. Как пи-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 336, лл. 224—240.
[2] См.: За Советский Туркестан. — Т., 1963. С. 535.

шет Б. Хайит, он и его джигиты не убили ни одного мирного человека[1]. Однако царская полиция взяла его под строгое наблюдение. В 1913 г. Кичик Эргаш был приговорен к 20 годам тюрьмы. В 1915 г. он убегает из андижанской тюрьмы и включается в народно-освободительную борьбу, участвует в восстании 1916 г. В апреле 1917 г. он возвращается в кишлак Бачкир вблизи Коканда, откуда он был родом.

В ноябре 1917 г. городской совет мусульманских депутатов Коканда предложил Кичик Эргашу пост начальника городской милиции. Эти полномочия Эргаша в декабре 1917 г. были признаны правительством Туркестанской автономии, и ему присваивается звание курбаши. Первое столкновение отряда Кичик Эргаша с красногвардейским эскадроном произошло 10 января 1918 г. близ Хакента (Андижанский уезд)[2]. Ожесточенные бои с красногвардейцами велись джигитами Эргаша 11—12 января в селах близ Коканда[3]. 12 января бой в селе Ташат продолжался более трех часов[4]. В это время правительство Туркестанской автономии еще продолжало свою деятельность в Коканде. После его разгрома Кичик Эргаш вместе с оставшимися в живых джигитами, как об этом говорилось выше, продолжал борьбу в окрестностях Коканда. 27 февраля 1918 г. в одном из боев близ села Бачкир Кичик Эргаш погиб[5]. «Кичик Эргаш — курбаши из Коканда. Его борьба против врагов — справедлива. «Туркестан — родина и земля туркестанцев», — говорил Кичик Эргаш», — так пишет о нем Шахобиддин Яссавий[6].

Катта Эргаш, также родом из села Бачкир, был одним из самых известных мулл Коканда. Во время его богослужений в самой большой мечети Коканда собиралось до 20 тыс. мусульман. Мулла Эргаш, он же Катта Эргаш — патриот, истинно верующий мусульманин, заявил о себе как откровенный противник захватнических устремлений царизма, не смирившийся с

---

[1] Хайит Б. Указ. соч. С. 68.

[2] Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области. Вып. I. — Андижан, 1957. С. 6.

[3] Наша газета, 1918, 19 января.

[4] Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. — Т., 1930. С. 74.

[5] Хайит Б. Указ. соч. С. 68—70.

[6] Яссавий Ш. Туркистон аччиқ ҳақиқатлари // Эрк, 1992, 6—13 февраль.

утвердившимся режимом, царской, а позже большевистской политикой угнетения туркестанцев, попрания их религиозных чувств.

Активный участник борьбы за независимость Туркестана задолго до создания Туркестанской автономии, он с ее объявления входит в число наиболее радикальных ее сторонников, признававших единственный путь — вооруженную борьбу. Примечателен факт, приведенный в труде Мухаммада Мусо Туркистоний. Как он свидетельствует, в 20-х числах февраля 1918 г.— последние дни автономистского правительства в Коканде — к автономистам пришли двое офицеров, предложивших 4-часовое перемирие для проведения мирных переговоров. Несмотря на то, что многие улемисты и муллы согласились на это, Катта Эргаш выступил категорически против. По его утверждению, враг находился между жизнью и смертью; «если дать ему 4 часа времени, то он воспользуется моментом и успеет обеспечить себя необходимым оружием — тогда он уничтожит нас, и вы станете виновниками бессмысленного кровопролития»[1]. Вопреки его доводам, бой был прекращен на 2 часа. Однако начавшаяся затем невиданная бойня, получившая в народе название «Кокандской трагедии», подтвердила пессимистические прогнозы Катта Эргаша. Позиция, занятая им в этих событиях, не явилась проявлением его провидческого таланта, она продемонстрировала его умение трезво, реально оценивать сложившуюся ситуацию, его дальновидность как военного деятеля.

После поражения в Коканде, вернувшись в село Бачкир, он вместе с Кичик Эргашем продолжал борьбу против красноармейцев. Со смертью Кичик Эргаша руководство вооруженными джигитами перешло к Мулле Эргашу — ему было присвоено звание «курбаши». Его авторитет среди народа признавали и его враги. Как сообщал один из советских осведомителей, «его появление среди мусульманского и русского населения вызывает приветствия и наилучшие ему пожелания ввиду того, что все население видит в нем единственного своего спасителя от всяческих насилий, чинимых как представителями власти, так и частями со-

---

[1] Туркистоний Мухаммад Мусо. Улуғ Туркистон фожиаси. — Стамбул, 1981. С. 152 (на узб. яз. арабским шрифтом).

ветских войск, расположенными в Андижане и Коканде»[1].

Под знамя борьбы, поднятое Муллой Эргашем, встали сотни и тысячи людей. Село Бачкир вблизи Коканда стало одним из крупных опорных пунктов расширяющегося вооруженного движения за независимость Туркестана.

С целью объединения сил повстанцев и централизации руководства движением в конце марта 1918 г. в селе Бачкир по инициативе членов «Шурои Уламо» и «Шурои Исламия» был созван первый курултай — съезд курбаши Ферганы. В нем приняли участие свыше 40 крупных курбаши (Эргаш, Мадаминбек, Халходжа, Шермухаммадбек, Ислам Пахлавон и др.)[2]. Руководителем движения за независимость в Ферганской долине избрали Муллу Эргаша вместо погибшего Кичик Эргаша, и ему было присвоено звание «Амир-ал-Муслимин». Заместителями Эргаша были назначены Мадаминбек и Шермухаммадбек.

Плодотворность стремления участников курултая к налаживанию сотрудничества была подтверждена успехами совместных выступлений джигитов Эргаша и Мадаминбека в боевых акциях. Им удалось в первом же сражении вблизи Коканда обратить в бегство отряды Красной армии[3].

И все же объединительные тенденции дали слабые ростки. В развертывающемся движении курбаши возобладали сепаратизм, обособленные действия, соперничество. Это с новой силой сказалось во взаимоотношениях между двумя крупными деятелями движения — Муллой Эргашем и Мадаминбеком. Как Мадаминбек в бытность заместителем Эргаша, так и последний после перехода власти к Мадаминбеку всячески демонстрировали свое нежелание подчиниться централизованному руководству и продолжали самостоятельные боевые действия. Это соперничество отрицательно сказывалось на общем состоянии движения, ослабляло его. Тем не менее каждый из них своими боевыми действиями вносил неоценимый вклад в развертывание повстанческого движения.

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 49, л. 3.

[2] Шамагдиев Ш. А. Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине. С. 61—62.

[3] См.: ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 105, л. 7; ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 79, лл. 19—20.

Джигиты курбаши Эргаша в ожесточенных боях с марта по май 1918 г. отражали беспрерывные атаки красноармейских отрядов на Бачкир и в свою очередь предприняли более 50 атак на расположения частей Красной армии[1]. И впоследствии Эргаш, терпя с весны 1920 г. военные поражения и теряя влияние крупного курбаши, продолжал свою борьбу.

О смерти курбаши Эргаша в работах советских и зарубежных исследователей приводятся противоречивые сведения. По утверждениям: Ш. А. Шамагдиева — Эргаш сдался в июне 1920 г.; А. И. Зевелева — сдался 3 июля 1919 г., а убит в январе 1920 г.; Жантурова — взят в плен в феврале 1920 г. и затем расстрелян; Никитина — покончил с собой; Гинзбурга — сдался 27 февраля 1919 г. По воспоминаниям Р. Мадаминова, Эргаш погиб в Кураме в 1921 г. Заки Валидий свидетельствует, что Эргаш в мае 1919 г. соглашается на мир с Красной армией, а Б. Хайит утверждает: Катта Эргаш в начале 1921 г. попал в плен и расстрелян. Имеющаяся в нашем распоряжении телеграмма, отправленная из Коканда в декабре 1921 г., позволяет внести уточнение. В ней сообщалось: «Планы наши оправдываются. Наш отряд совместно с Кокандским гарнизоном пошел в ночь на 16 декабря в наступление на логовище Иргаша (русская транскрипция имени Эргаш. — *Ред.*) Ханабад. Укрепленный Иргашем кишлак-крепость разрушен... убитыми и ранеными потери Иргаша исчисляются свыше 250 человек. Взято два знамени, по показаниям участников, знавших Иргаша, последний убит»[2].

Яркой личностью, признанным вождем движения за независимость был Мадаминбек. Настоящее имя Мадаминбека — Мухаммад Аминбек. Родился Мадаминбек в 1892 г.[3] в селе Сукчилик вблизи Маргилана (территория теперешнего Ташлакского района). Отец Мадаминбека — Ахмадбек, по утверждению маргиланцев, был искусным ремесленником и владельцем дукона. В семье кроме Мадаминбека были еще один сын и две дочери. Это была семья среднего достатка. Однако по воспоминаниям жены Мадаминбека — Са-

---

[1] Хайит Б. Указ. соч. С. 38.

[2] РГВА, ф. 28113, оп. 7, д. 4, л. 11; ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 79, л. 17.

[3] До сих пор нет единого мнения о дате рождения Мадаминбека. В работах приводятся разные сведения: 1889, 1890, 1892 и др.

одатхон-ая и старожилов села Сукчилик эта семья по происхождению была из рода беков. Хотя после завоевания Ферганы род Мадаминбека потерял свое положение, в именах мужчин его семьи продолжало сохраняться указание, что они родом из беков[1].

Родители Мадаминбека, пользовавшиеся уважением и признанным авторитетом среди родственников и земляков, определили формирование его личности. Он рос честным, совестливым, верным своим друзьям. Вместе с тем его физическая сила, мужественность, бесстрашие снискали ему смолоду славу вожака среди сверстников.

Мадаминбек рано встал на путь борьбы против царской администрации в Туркестане. За противоправные действия он был арестован и отправлен в Сибирь на каторгу; в 1914—1917 гг. находился в Нерчинске. После февральской революции 1917 г. он как политический осужденный был освобожден и вернулся в Маргилан. Тогда же, в 1917 г., руководители общества «Шурои Уламо» рекомендовали Мадаминбека на пост курбаши — главы городской полиции[2].

На этом посту он оставался и после прихода к власти большевиков. Даже после объявления Туркистон мухторияти он продолжал служить советской власти, считая «власть большевиков самой хорошей и полезной для народа». Отмечая это позже в одном из своих обращений к народу, Мадаминбек признавался: впоследствии убедился, что деятельность большевиков ознаменовалась грабежами не только баев, но и бедняков, и потому оставил пост курбаши Старого Маргилана и встал в ряды вооруженного сопротивления[3].

К Мадаминбеку первоначально примкнули джигиты Маргилана и Ташлака. Постепенно в группу Мадаминбека, опорным пунктом которой стал кишлак Гарбуа Яккатутской волости, стала стекаться молодежь и из других селений. Весной 1918 г. под его руководством было уже 1000—1500 джигитов[4]. Известия о первых успешных военных операциях Мамаминбека, победоносных молниеносных атаках его джигитов на административные центры, железнодорожные станции,

---

[1] Эти воспоминания хранятся в личном архиве К. Раджабова.
[2] ГАФО, ф. 121, оп. 1, д. 89, л. 158.
[3] Там же, д. 219, л. 34; д. 31, л. 155.
[4] Там же, д. 219, лл. 34—35.

коммуникации и т. д. широко распространились по всей Ферганской долине, подняв его авторитет и славу. Под начало Мадаминбека встали такие крупные курбаши, как Солих Махдум, Исмаил Пахлавон, Усманбек, Фаез Махдум, Казакжонбек, Хошим Пахлавон. Заместителем и основным сподвижником Мадаминбека был курбаши Солих Махдум.

Среди курбаши стала все более крепнуть мысль о передаче общего руководства движением от Эргаша Мадаминбеку. В начале ноября 1918 г. в селе Ойим Андижанского уезда (в 14 км северо-западнее от Карасу) состоялся очередной курултай курбаши[1]. Курбаши, подводя первые итоги своей борьбы, признали настоятельную потребность в налаживании и укреплении взаимодействия между отдельными отрядами. Этому и был посвящен намеченный курултаем план боевых действий в условиях приближавшейся зимы. Достигнутое на курултае соглашение о более четком установлении зон дислокации и действия формирований крупных курбаши было свидетельством пробивающихся ростков осознания ими себя частью единого движения за свободу и независимость. Не менее значительным событием явилось избрание Мадаминбека главнокомандующим повстанческими войсками вместо курбаши Катта Эргаша.

К концу 1918 г. Мадаминбеку удалось взять под свое руководство действия крупных сепаратистски настроенных курбаши. Сплочение таких видных курбаши, как Шермухаммадбек, Нурмухаммадбек, Халходжа, Махкамходжа, Рахмонкул, Амон Пахлавон и лидер киргизских повстанцев Мухиддинбек, потребовало от него значительных усилий. Мадаминбеку удалось также сломить сопротивление и анархизм курбаши из бывших беков, отстаивавших право на независимость своих действий в кишлаках и районах, находившихся в сфере их влияния. Долгую, изнурительную борьбу ему пришлось вести с высокомерным и политически близоруким Халходжой[2]. Непростыми оставались взаимоотношения Мадаминбека и с курбаши Эргашем.

Но даже в этих условиях Мадаминбек, проявив недюжинные способности организатора и военного деятеля, сумел за короткий срок объединить под единым

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 49, л. 4.
[2] См.: ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 336, лл. 234—240.

руководством основные силы курбаши, ввести единые принципы формирования и организации войск повстанцев, повысить воинскую дисциплину. Мадаминбековцы сами ловили насильников и воров. Так, в начале 1919 г. «в Ташлаке бывшие хозяева завода, Исхак-управляющий и Таджибай-кунжутник за создание мелких групп насильников были расстреляны людьми, посланными Мадаминбеком»[1].

В вооруженных отрядах Мадаминбека были представители всех социальных слоев Туркестана: кроме джигитов, составлявших костяк войска, здесь можно было встретить представителей исламского духовенства — ишанов, мулл, а также торговцев, служащих, работавших ранее в учреждениях царской администрации, а позже — в органах советской власти, белогвардейских офицеров. «Мадаминбек, — отмечалось в разведданных большевиков, — встречал с радостью и распростертыми объятиями контрреволюционера и всякого человека, — недовольного советской властью, независимо от национальной принадлежности и вероисповедания»[2].

За короткий срок Мадаминбек собрал вокруг себя опытных советников, с их помощью подготовил людей, которых направил во все уголки Ферганской долины в качестве своих представителей. Во всей Ферганской долине действовало введенное им альтернативное органам советской власти управление. По признанию одного из советских работников, «он умело использовал наши недостатки и ошибки руководства. У него был свой «аппарат управления», свой трибунал, свой «генштаб», он издавал законы»[3].

В личности Мадаминбека — несомненно, талантливого человека — удачно сочетались незаурядные качества крупного военного стратега, серьезного политика, искусного дипломата. С его именем связано образование Ферганского временного автономистского правительства — Фарғона муваккат мухторият хукумати (22 октября 1919 г. на курултае в Иркиштаме), заключение договора о совместных действиях против советской власти между силами повстанцев и русской крестьянской армией под командованием К. Монстрова (1 сентября 1919 г.).

Мадаминбека вынуждены были признать и его про-

[1] ГАФО. ф. 121, оп. 1, д. 219, л. 34 об.
[2] РГВА. ф. 149, оп. 1, д. 108, лл. 163—164.
[3] Война в песках. М., 1935. С. 202.

тивники. «Мадаминбек, поставивший своей целью свержение советской власти и установление Ферганской Автономии, имел качества умелого политика и инициативного организатора», — отмечалось в одном из документов[1].

Несмотря на большевистскую пропаганду, десятилетиями очернявшую личность Мадаминбека, в памяти народа он остался как истинный патриот, признанный лидер и вождь движения за независимость в Ферганской долине. Выдвинутый им лозунг: «Моя нация — моя душа!» — всегда оставался основным смыслом его жизни и деятельности.

Длительный этап движения за независимость (май 1920—1923 гг.) связан с именем Шермухаммадбека[2] — четвертого по счету Верховного главнокомандующего повстанческих войск. На этот пост он был избран после подписания Мадаминбеком в марте 1920 г. мирного договора с командованием Красной армии, на курултае ферганских курбаши, состоявшемся в мае 1920 г. в кишлаке Гарибота Алтыарыкского района.

Шермухаммадбек родился в 1893 г. в многодетной семье Кушакбая-ходжи[3], выходца из рода беков в кишлаке Гарбуа (в нынешнем Ташлакском районе Ферганской области). Предки по отцовской линии служили в должностях везиря и беков при Кокандском хане, а его мать — Ойдин оғача — была родом из Кашгара[4]. Начальное образование Шермухаммадбек получил в родном кишлаке, затем обучался в Маргилане. Увлекавшийся чтением, стремившийся к знаниям, он с детства впитал в себя царивший среди туркестанцев дух ненависти к завоевателям. Уже в молодости он зарекомендовал себя боевым джигитом.

В 1916 г. Шермухаммадбек был мобилизован на тыловые работы на Польском фронте[5].

Шермухаммадбек встал в ряды борцов за национальную независимость с самого возникновения этого движения. Его клич: «Туркестан — родина туркестан-

---

[1] РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 108, лл. 161—162.

[2] В советских документах и исторической литературе чаще использовалось его прозвище — Куршермат (он был слеп на один глаз).

[3] У Шермухаммадбека были братья: старшие Тошмухаммадбек и Рузимухаммадбек и младший — Нурмухаммадбек, а также сестра Сарвинисо.

[4] А л и ш е р Б е к, А з и м Д а р е. Буюк жиҳод, буюк мужоҳид. — Ёзевон, 1992. Б. 21.

[5] А х м а д З а к и В а л и д и й. Туркийлар ва миллий истиқлол// Узбекистон адабиёти ва санъати. 1994, 7 январь.

цев, никто другой не имеет права властвовать над ней!»— был безоговорочно поддержан многими его соплеменниками. По свидетельству ферганских старожилов, Шермухаммадбек был глубоко религиозным человеком, справедливым и скромным в быту.

Деятельность Шермухаммадбека — крупного военного деятеля, талантливого организатора — была высоко оценена современниками и историками[1]. Ш. Яссавий в своем труде называет его великим военачальником, героической личностью[2]. Это вынуждены были признать его противники: в 1922 г. в одном из документов штаба Туркестанского фронта отмечалось: «Куршермат (Шермухаммадбек. — *Ред.*), по национальности — сарт (узбек. — *Ред.*), является самым деятельным и настойчивым из всех курбаши. Очень храбрый в бою, строг к своим подчиненным и жесток к русским. Пользуется большой популярностью и авторитетом среди населения»[3].

В начале 1923 г., после непрерывной пятилетней борьбы, Шермухаммадбек вместе со своим братом Нурмухаммадбеком вынужден был сложить оружие и уйти в Афганистан.

Но и в эмиграции Шермухаммадбек оставался патриотом своей Родины[4]. А. Заки Валидий, встречав-

---

[1] См.: Зухриддин Мирзо Обид угли Туркистоний. Анда жоним колди менинг. — Т., 1992. Б. 14.

[2] Яссавий Ш. Туркистон аччиқ ҳақиқатлари.

[3] Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане. По данным к 1-му марта 1922 г. — М., 1922. С. 32.

[4] Шермухаммадбек и сопровождавшие его боевые соратники и в эмиграции продолжали испытывать постоянное давление со стороны советского государства. Афганское правительство под нажимом Москвы предложило Шермухаммадбеку покинуть территорию Афганистана. Безрезультатные обращения к правительству Великобритании о предоставлении политического убежища в Индии вынуждали его на неоднократные попытки возвращения на Родину (весной 1924 г. с войском в 20 тыс. человек он пытался перейти через Кашгар в Фергану; в 1929 г. им предпринималась попытка перейти через реку Вахш в Восточную Бухару).

Шермухаммадбек считается одним из основоположников подпольной организации туркестанских эмигрантов в Афганистане «Освобождение Родины». Через своего младшего брата Нурмухаммадбека и муфтия Садриддинхана он поддерживал постоянную связь с лидером бухарских эмигрантов эмиром Саидом Алимханом. Во время второй мировой войны германская разведка пыталась использовать деятельность этой организации против СССР. В марте 1943 г. правительство Афганистана арестовало руководителей и активистов организации, в том числе и Шермухаммадбека. Около двух лет он просидел в тюрьме, затем проживал некоторое время в Индии, в 1951—1959 гг. — в Пакистане, с 1959 г. — в турецком городе Адане. Умер Шермухаммадбек в Адане 10 марта 1970 г. в возрасте 77 лет. В изгнании Шермухаммадбек написал воспоминания о своем участии в освободительном движении в Фергане. Однако найти эти воспоминания не удалось.

шийся с Шермухаммадбеком в Кабуле летом 1923 г., позже в своих мемуарах тепло отзывался о нем и характеризовал его как «личность, верную своему народу»[1].

В начале января 1923 г. на курултае курбаши Ферганской долины, состоявшемся в городе Шахрихане, вместо Шермухаммадбека, ушедшего в Афганистан, пятым по счету главнокомандующим повстанческими войсками избирается Ислам Пахлавон[2]. В начале 1923 г. ему подчинялись 20 крупных и 73 мелких курбаши, 1723 джигита, как отмечалось в докладной на имя начальника особого отдела советских воинских формирований в Фергане[3]. В Кокандском уезде, родом из которого был Ислам Пахлавон, непосредственно ему подчинялись более двадцати курбаши[4].

Ислам Пахлавон, с 1909 г. вступивший на путь борьбы с завоевателями, имел авторитет не только среди курбаши, но и среди мирного населения. Командиры Красной армии, которым пришлось изведать силу его оружия, отмечая, что «он до крайности беспощаден», признавали также, что он «обладает политическим сознанием» и что к нему «население, в частности, муллы *относились с большим благоговением*»[5]. «Наиболее деятельным из них (из курбаши. — *Ред.*) следует признать Исламкула, держащегося все время особенно непримиримо по отношению к советской власти»[6], — говорится в другом советском источнике.

В конце 1923 г. Ислам Пахлавон был взят в плен и вместе с несколькими сподвижниками казнен[7].

Среди крупных курбаши, действовавших в Наманганском уезде, особо выделялся курбаши Рахманкул.

Рахманкул родился на территории нынешнего Таджикистана — в кишлаке Ашаба Аштского района. «Рахманкул, — извещает советский источник, — по происхождению — таджик, совершенно неграмотный человек, бывший конный караульщик Ашабинской волости, а затем помощник арычного *аксакала. Очень хит-*

---

[1] А. З а к и В а л и д и й. Хотиралар//Узбекистон адабиёти ва *санъати*, 1994, 7 январь.

[2] В документальных источниках он именовался также как Исламкул эмир-косначальник, или просто Исламкул.

[3] ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 115, л. 320 и об.

[4] РГВА, ф. 28113, оп. 7, д. 84, лл. 129—136; д. 90, л. 19.

[5] Т а м ж е, лл. 107—114.

[6] Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане... С. 33.

[7] См.: ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 323, л. 332.

рый и вероломный человек, ненавидит русских...»[1] Курбаши Рахманкул построил в родном селении прочное укрепление и отсюда в течение 6 лет беспрерывно вел борьбу против советской власти. В одном ряду с ним до конца боролись пятеро его братьев, более десяти курбаши и несколько тысяч джигитов[2].

Не выдержав натиска превосходящих сил красноармейцев, курбаши Рахманкул вместе с 40 джигитами и 4 помощниками в октябре 1923 г. вынужден был сдаться в плен. Его укрепление в Ашабе было разгромлено советской авиацией. По решению суда, состоявшегося в Коканде, Рахманкул и 10 его сподвижников были приговорены к расстрелу[3].

Приведенные портреты Кичик Эргаша, Катта Эргаша, Мадаминбека, Шермухаммадбека, Ислама Пахлавона, Рахманкула убедительно свидетельствуют о том, что во главе движения за независимость стояли авторитетные и популярные среди населения личности, истинные патриоты, с беззаветным мужеством и героизмом отстаивавшие право туркестанцев жить в соответствии с традициями и образом жизни своих предков, их духовными устоями, отдавшие свои жизни за свободу и независимость Туркестана.

Воссоздание политических портретов вождей движения во многом опиралось на данные официальных советских документов[4].

Сохранившиеся в архивах материалы свидетельствуют о том, что специальные органы советских вооруженных сил на протяжении всех лет борьбы скрупулезно и тщательно отслеживали деятельность не только вождей движения, но и всего состава курбаши. В одном «совершенно секретном» документе, составленном осенью 1923 г. сотрудниками особого отдела советского командования, даны характеристики курбаши, боровшихся против советской власти, в том числе 181 курбаши в Ферганской долине (в районе Коканда — 33, Маргилана — 66, Намангана — 46, Андижана — 24, Алайском оазисе — 6, Ошском уезде — 7)[5]. В

---

[1] Краткий очерк... С. 33.

[2] См.: РГВА, ф. 278, оп. 4, д. 493, л. 193; ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 145, лл. 60, об., 65.

[3] См.: ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 209, лл. 2—3, 4 «а—з».

[4] Краткий очерк... С. 32.

[5] РГВА, ф. 28113, оп. 7, д. 84, лл. 107—114.

характеристиках отмечались сильные и слабые стороны курбаши, отношение к ним населения. Много информации содержится в описании 230 курбаши, побежденных в период с 11 июня по 4 ноября 1923 г.[1].

Неоценимый вклад в воссоздание портретных характеристик курбаши внесли наши зарубежные соотечественники. Тукель в книге «Ферганские моджахеды» приводит имена 65 курбаши, действовавших под руководством 8 региональных руководителей, подчинявшихся Шермухаммадбеку. По утверждению автора, среди ферганских борцов, удостоившихся звания «генерал», было 125 курбаши. В исследованиях Б. Хайита приводятся имена 9 полководцев и 69 курбаши, действовавших в Ферганской долине. Ш. Яссавий в своей книге «Горькая правда Туркестана» дает ценнейшие сведения о 114 курбаши Туркестана. Кроме того, в книге подробно описана деятельность 66 курбаши из Ферганской долины.

Интересный информационный материал о курбаши дал аналитический подход к их именам. Анализ традиционно прибавляемых к собственному имени человека различных определений, содержащих его качественные характеристики, позволил более полно воссоздать социальный портрет курбаши: их национальность, физический облик, общественное положение, социальную значимость, профессию. Так, определения «бек», «хон», «мир», «саид», «бой», «бойбача», «бий», «абдул», «кул» свидетельствовали о социальном происхождении курбаши, а «амир-ал-муслимин», «амир-лашкарбоши», «лашкарбоши», «курбаши», «понсад», «тўқсабо», «тўпчибоши», «мингбоши», «юзбоши», «додхох», «девонбеги», «қоровулбеги», «амин», «кўмондон», «саркор», «пошшо», «човуш», «парвоначи», «мирохур» указывали на их воинское звание или гражданский чин. Если к именам курбаши, которые являлись религиозными деятелями, добавлялись указания об их духовном сане: «мулла», «эшон», «домулла», «сўфи», «кози», «муфтий», «хўжа», «хужайин», «хожи», «тўра», «авлиё», «пир», «мирза», «охун», «қори», «халифа», «маҳдум», «маҳсум», «афанди», — то к тем из них, кто удостаивался почитания народа своей отвагой, непременно присоединялось «паҳлавон», «полвон», «фидойи», «баҳодир», «ботир», «қаҳрамон», «ғозий», «дев». Добавления к имени слов «деҳ-

[1] ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 218, лл. 117—118 об.

қон», «мироб», «қассоб», «мешкобчи», «еғчи», «симчи», «бахши», «табиб», «милтиқсоз», «уста» определяли профессиональный статус курбаши в мирное время. К некоторым именам присоединялись определения национальности и рода человека: «ўзбек», «қирғиз», «қозоқ», «турк», «карлук», «қалмоқ», «нўғай», «митан», «лоқай», «евмут», «ўрис», «лўли»; их места в семье и обществе: «бола», «ака», «дада», «ота», «бува», «чол», «тоға», «сағир», «гадой», «кичик», «катта», «жўра»; их физического облика: «кўр», «кал», «чўлок», «пучуқ», «кўтир», «девона», «чувак», «букок», «дардак», «гажак», «сокол», «қулоқ», «ок», «қора», «сариқ» и т. д.

Благодаря обобщению всего материала по определениям, прибавляемым к именам (а их, по наблюдениям, было более 100), можно заключить, что состав курбаши отражал всю социальную палитру туркестанского общества. В основном это были состоятельные люди — беки, священнослужители, выходцы из средних слоев, которые, благодаря своему мужеству, отваге, преданности Родине, пользовались уважением и авторитетом среди своих соотечественников, без колебаний вставших под их знамена во имя борьбы за независимость Туркестана.

Движение за независимость находилось под постоянным воздействием мощного идеологического, организационного и личностного потенциала Туркистон мухторияти.

Первоначально, после кокандской трагедии, оставшиеся в живых и не попавшие в руки большевиков члены правительства Туркестанской автономии не смогли сразу же принять участие в повстанческом движении и установить связь с отрядами повстанцев. По свидетельству Мустафы Чокаева, «Носирхон Тура в Намангане, Герцфельд в Самарканде, Убайдуллаходжа[1] по дороге в Ашхабад—Самарканд, Обиджон в Бухаре, Шоахмадбек в Кокандской крепости попали в руки большевиков»[2]. М. Чанышев, министр по военным делам, был расстрелян красноармейцами в конце февраля 1918 г. в г. Скобелеве[3]. Сам руководитель

---

[1] Убайдуллаходжа Асадуллаходжаев (1882—1938) — видный джадид-просветитель, борец за национальную независимость — несколько раз подвергался аресту, в 1938 г. расстрелян.

[2] Мустафо Чукай ўғли. Истиқлол жаллодлари. — Т., 1992. Б. 49.

[3] См.: Война в песках. С. 200—201.

правительства Туркестанской автономии Мустафа Чокаев был вынужден покинуть Ферганy и через Оренбург перебрался в Баку и Тифлис, а позже в Турцию[1].

Оставшиеся в живых члены правительства Туркестанской автономии Носирхон Тура, Саидносир Миржалилов, Олимхон Тура Шакирхонтураев, Обиджан Махмудов, Одилжон Умаров и муфтий Ташкента Садриддинхон Шарифходжаев спустя некоторое время устанавливают связь с повстанцами. Неустанной деятельностью среди населения Ферганской долины, непосредственным участием в отрядах Шермухаммадбека, Рахманкула, Парпи они очень скоро сумели добиться восстановления доверия повстанцев к себе и к Туркестанской автономии, содействуя широкому распространению среди них ее идей и лозунгов[2].

Носирхон Тура[3] становится признанным идейным лидером повстанческого движения в Ферганской долине. В 1919—1923 гг., возглавляя духовное управление «Махкамаи Шаърия», он, по свидетельству ОГПУ, был активным членом наманганского филиала «контрреволюционной националистической организации» «Миллий иттиход». Созданная им в Касансае ячейка этой организации[4] исправно снабжала Шермухаммадбека информацией о состоянии советских войск в Фергане. Сам Шермухаммадбек считал Носирхона Туру своим духовным наставником.

---

[1] Мустафа Чокаев и в эмиграции продолжал упорную борьбу за независимость Туркестана. Живя в Турции, а затем в Германии и Франции, он издавал ряд журналов: «Янги Туркистон», «Ёш Туркистон»; его перу принадлежат труды: «Басмачество в Туркестане», «Туркестан под властью Советов», «1917 г. Отрывки воспоминаний» (в Узбекистане изданы на узб. языке под названием «Истиқлол жаллодлари: (1917 йил хотиралари)»).

[2] См.: ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 209, л. 2.

[3] Носирхон Тура (1871—1938) (полное имя Носирхон Тура Саид Камалхон Тура оглы) родился в семье мударриса в Намангане, учился в медресе своего отца и в Бухаре, был главным мударрисом в Намангане, в 1917 г. избран в городскую думу Намангана, участник IV Чрезвычайного курултая мусульман Туркестана, вошел в состав избранного на нем Временного правительства Туркистон мухторияти, исполнял в нем обязанности министра народного образования. После ликвидации автономии в течение года скрывался, затем включился в активную борьбу против советской власти. В 1924 г. арестован и выслан из Туркестана. Пять лет прожил в ссылке, где в своих «Оренбургских письмах» описал все пережитое. После возвращения из ссылки в 1929 г. побывал во многих городах Узбекистана, Киргизии, Казахстана. В конце 1929 г. Носирхон Тура за новую попытку организации отрядов борцов за независимость и борьбу против существующего режима был арестован и в 1938 г. расстрелян.

[4] См.: Шамсутдинов Р. Босмачилик хакида ўйлар//Мулокот. 1993, № 5—6. Б. 30.

Другой член правительства Туркистон мухторияти, муфтий Садриддинхон афанди[1] также проводил широкую идейно-агитационную работу среди курбаши в Ферганской долине. Будучи председателем Ташкентского комитета организации «Туркистон Миллий Бирлиги», он по решению этой организации покидает Ташкент и переезжает в Фергану. Здесь как «политический руководитель группы Рахманкула в Аште»[2] он занимался разъяснением повстанцам политической ситуации в Туркестане, укрепляя в них веру в победу[3].

Джадиды Туркестана, несомненно, оказывали глубокое воздействие на повстанческое движение и укрепление его идейных позиций. Несмотря на то, что к этому времени часть джадидов Туркестанской и Бухарской республик уже работала в советских учреждениях, большинство из них не собиралось отказываться от своих идей и воззрений. Как отмечал в своих мемуарах «отец джадидов Ташкента» Мунаввар Кары, после январских событий в Ташкенте (1919 г.) была ликвидирована ранее созданная организация «Иттиходи тараккийпарвар» (позже именовавшаяся «Иттиходи тараккий»), однако ее члены организовали союз «Бирлик». Этот союз, просуществовавший не более 2—3 лет[4], внес свой вклад в установление связи с повстанцами Ферганы. По другим сведениям, Мунаввар Кары, Миянбузрук Салихов, Ашурали Захирий были в Фергане и принимали участие в курултае курбаши.

Определенное влияние на дальнейшее развитие повстанческого движения оказали организации «Миллий Иттиход» и «Миллий Истиклол». «Миллий Иттиход», созданная в Бухаре в конце 1920 г., как и нелегальная организация «Миллий Истиклол», организованная в 1920 г. в Ташкенте, возлагали большие надежды на повстанческое движение[5]. На одном из допросов Фитрат признал, что члены организации смотрели на «басмачество» как на основу будущей национальной ар-

---

[1] Муфтий Садриддинхон афанди (полное имя Садриддинхон Махсум Шакирходжа Кази оглы) родом из Ташкента. После эмиграции в Афганистан он по требованию правительственных кругов последнего вынужден был переехать в Кандагар, где в середине 30-х годов был убит наемником СССР.

[2] ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 209, л. 2 об.

[3] РГВА, ф. 278, оп. 4, д. 531, л. 66.

[4] Мунаввар Кори. Хотираларим//Турон тарихи. — Т., 1992. Б. 7—20.

[5] См.: Хайит Б. Туркестан в XX веке. — Дармштадт, 1956. С. 212—213 (нем. яз.).

мии независимого государства. Организационная дея
тельность партии «Миллий Иттиход» привела к том
что повстанческое движение в 1920—1924 гг. под р
ководством Муллы Абдукаххара, Джуры Амина, Мур
да Мешкоба, Митан Полвана и других крупных курб
ши распространилось на всю Зарафшанскую долин
В Фергане была схожая ситуация.

Конечно, нельзя не учитывать, что эти интересны
свидетельства Мунаввара Кары и Фитрата, позволяю
щие по-новому взглянуть на политические процессы
Туркестане и Бухаре, были сделаны в соответствую
щей обстановке (застенках ОГПУ). Однако они в бол
шинстве своем подтверждаются и другими источник
ми. В частности, Файзулла Киличев также утверждае
что в 1920 г. в Бухаре была создана организация «Ми
лий Иттиход». Он же, опираясь на секретные архи
ные документы, пишет, что в 1930 г. при участи
руководителей национально-освободительных движе
ний Средней Азии, Казахстана, Татарии и Башкири
была создана организация под руководством Т. Рыск
лова. В ее состав входили Файзулла Ходжаев, Султан
бек Ходжанов, Сагдулла Турсунходжаев, Акбар Исла
мов, Рустам Исламов и др.[1].

В исторической литературе и ранее приводило
факт, что организаторы и вдохновители повстанческо
го движения в Андижанском уезде — Умарали бойба
Умарбоев, Ашур Алиев, Салохиддин мингбоши, Зу
риддин мингбоши, Абдугафур — с помощью лидеро
«Миллий Иттиход» и «Миллий Истиклол» были на
значены на ответственные советские посты. Во врем
«организованной Туркбюро проверки партийного и со
ветского аппарата Ферганы были «разоблачены» и аре
стованы около 50 членов «Миллий Иттиход» и «Мил
лий Истиклол»[2].

Значительный вклад в создание единого полити
ческого центра для руководства отрядами повстанце
в Бухаре, Хорезме и Туркестане внес видный джадид
общественный деятель Ахмад Заки Валидий. По при
езде в Бухару в декабре 1920 г. он встречался с руко
водителями Бухарского правительства Ф. Ходжаевым

---

[1] См.: Киличев Ф. Мустакилликнинг фожиали йўли//Шарқ юлдуз
1992, № 7. Б. 164.

[2] Шамагдиев Ш. Очерки истории гражданской войны в Ферга
ской долине. — С. 246.

У. Ходжаевым, А. Мухитдиновым и обговаривал с ними свои планы. 23 октября 1921 г. в Бухаре состоялась его встреча с видным турецким общественным деятелем Энвером Пашой. Как отмечал З. Валидий в своих воспоминаниях, 2—5 августа 1921 г. в Бухаре был организован союз «Туркистон Миллий Бирлиги» (Туркестанское национальное единство). Под руководством З. Валидий была разработана и программа союза[1].

На состоявшемся 5—7 сентября 1921 г. в Самарканде VI конгрессе Туркестанского национального единства были утверждены устав союза и знамя Туркестана. За основу национального знамени Туркестана было взято знамя караханидов и саманидов X века. В его разработке вместе с З. Валидий принимали участие Мунаввар Кары и Туракул Жанузаков. На конгрессе было принято решение об установлении контактов со всеми курбаши и направлении к ним политических советников[2]. Самаркандский конгресс и принятые на нем решения сыграли важную роль в идейной консолидации участников вооруженного сопротивления в Ферганской долине.

В 1920—1921 гг. представители З. Валидий были при курбаши Рахманкуле, Парпибеке и др. «Вы очень правильно поступили, направив ко мне Элдархана», — вспоминал позже Валидий слова признательности Шермуҳаммадбека[3].

Заметную роль в идейном сплочении национально-освободительного движения в Ферганской долине сыграл бывший член ЦИК Туркестана, «земляк и единомышленник Рыскулова»[4] Туракул Жанузаков (псевдоним — Канаев). После съезда народов Востока в Баку в сентябре 1920 г. он принял участие в совещании 40 туркестанских делегатов этого съезда. На этом форуме представители Туркестана, открыто заявив, что «недовольны деятельностью советского правительства», призвали активизировать антисоветскую пропагандистскую работу и поднять всенародное восстание в день третьей годовщины октябрьской революции[5].

---

[1] З а к и В а л и д и й Т у г о н. Хотираларим//Шарқ юлдузи. 1993, № 7—8. Б. 174—178.

[2] Т а м ж е, № 9. С. 152, 163.

[3] В а л и д и й З. Туркистон, туркийлар ва миллий истиклол//Узбекистон адабиёти ва санъати. 1994, 7 январь.

[4] См: Р ы с к у л о в Т. Р. Избранные труды. — Алма-Ата, 1984. С. 28.

[5] РГВА. ф. 278, оп. 4, дл. 94, лл. 5, 6 об.

Осенью 1920 г. Т. Жанузаков переходит на сторону курбаши Ферганской долины. 15 декабря 1920 г. он вместе с С. Тухтабековым[1] и группой ташкентцев провел совещание с курбаши Парпи в его резиденции в Шахимардане[2]. Уже 17 декабря 1920 г. тайным агентом советской резидентуры в адрес командующего отрядами Красной армии в Фергане было послано секретное сообщение, извещавшее, что Т. Жанузаков на этой встрече призывал курбаши Ферганской долины к усилению движения сопротивления в регионе. В конце 1920 г. Т. Жанузаков находился в резиденции Шермухаммадбека, там он возглавлял пропагандистскую работу: составлял призывы, распространял листовки и т. д. А позднее, в июне 1921 г., как свидетельствуют источники, он проводил беседы уже с джигитами курбаши Исраила в Андижанском уезде[3]. Ареал его пропагандистской деятельности был обширен, ею в Ферганской долине было охвачено не только местное коренное население, но и бойцы красноармейских частей: им он разъяснял основные цели и задачи повстанческого движения. Туракул Жанузаков «погиб в конце 1921 г. во время одной из военных операций»[4].

Стремление джадидов подчинить повстанческое движение своему идейному влиянию столкнулось с острым соперничеством уламо, тем более что некоторые из них являлись курбаши повстанческих отрядов. Однако в самой среде уламо не было единства: оно ослаблялось противостоянием его умеренной и радикальной частей. Среди умеренной части духовенства все явственнее проявлялась тенденция перехода к сотрудничеству с советской властью. Позднее она выразилась в переходе части ишанов и казиев на службу советам. Логика эволюции этой части духовенства видится скорее не в ее спровоцированности большевистской пропагандой, как это отмечается некоторыми современными историками, хотя и это сыграло определенную роль, а в политических настроениях мирного населения. И без того острая социально-экономическая ситуация в Ферганской долине в ходе длительного

[1] Султанбек Тухтабеков — член ЦИК Туркестана, в 1919 г. находился во главе ревкома Андижанского уезда, в октябре 1920 г. вместе с ранее перешедшим на сторону советской власти курбаши Ахунджаном перешел на сторону участников сопротивления.

[2] РГВА, ф. 278, оп. 7, д. 94, л. 6.

[3] ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 61, л. 25.

[4] Краткий очерк... С. 24—25.

вопролитного противостояния усугубилась громад-
ли людскими и материальными потерями, сказав-
ь на нарастании физической и моральной усталос-
людей. В массовом сознании народа происходила
ерсия: сопротивление участников движения пред-
лялось основной причиной ухудшения положения.
дставители же духовенства, в силу особенностей
иальной организации туркестанского общества яв-
шиеся неразрывной ее частью, руководящим
ом, не могли не учитывать этих изменений. Дума-
, в их переходе к сотрудничеству с советской вла-
о вышеназванный фактор играл не последнюю роль.
Советская пропаганда умело использовала отдель-
случаи перехода духовенства и, придавая им мас-
ый характер, вела настойчивую работу по дискре-
ации национально-освободительного движения,
блению его раскола. Весьма интересна в этом пла-
подача информации об убийстве перешедшего на
рону советской власти Хаджимат Ишана[1]. В одном
окументов сообщалось: «В Наманганском уезде са-
влиятельный Ишан Хаджимат был убит Аман Пал-
ом (Аман Пахлавон. — *Ред.*) за то, что принуждал
ачей сдаваться советской власти. Убийство Хад-
ат Ишана вызвало сильное возмущение среди на-
ния»[2]. В другом подчеркивалось: «В Андижанском
е на похоронах Хаджимат Ишана присутствовало
ее 15.000 человек. 20 января 1922 г. был созван
инг, на котором предполагалось устройство пани-
ы убитого басмачами Хаджимат Ишана. На пани-
присутствовало большое количество народа, по-
рные представители мусдуховенства и влиятель-
среди населения лица...»[3].

Как видно из вышеприведенных документов, офи-
льные советские органы для того, чтобы подчерк-
значимость личности, перешедшей на их сторо-
не скупились на эпитеты: «влиятельный», «автори-
ый», хотя, как известно, мусульманские духовные

Х а д ж и м а т И ш а н — родом из селения Балыкчи Андижанского
С начала повстанческого движения в Фергане выступал как один из
ейных вдохновителей, пользовался популярностью и авторитетом, осо-
среди ополченцев Мадаминбека. Однако, по сохранившимся данным,
декабре 1919 г., прибыв в резиденцию Мадаминбека, находившуюся в
ке Каратепе, склонял его к переходу на сторону советской власти, а его
ников — к сдаче оружия / РГВА, ф. 110, оп. 1, д. 15, л. 54.
ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 314 «в», т. 11, л. 273; д. 89, л. 87.
Т а м ж е, лл. 273—274.

лица определялись советской властью не иначе как «фанатики», «реакционеры» и т. д.

Советские и партийные деятели Туркестана процессы, происходящие в среде умеренной части духовенства, поторопились перенести на все мусульманское духовенство и оценить их как поворотный момент в самом повстанческом движении. Один из участников V пленума ЦК КПТ, состоявшегося в июле 1922 г., уверенно утверждал: «Постепенно от басмачества (повстанцев. — *Ред.*) отошло духовенство во главе с Хаджимат Ишаном, который до этого времени фактически являлся идейным руководителем басмачества. Переход Хаджимат Ишана, «святого» в глазах населения, имевшего своих последователей-учеников, конференция улемов (уламо. — *Ред.*) и ишанов[1], затем ряд воззваний и обращений, выпущенных от имени Ферганского духовенства, произвели отрезвляющее впечатление на все мирное население»[2].

В действительности значительная часть духовенства продолжала оставаться в рядах повстанческого движения. Одним из них был пользовавшийся большим авторитетом среди повстанцев Ферганы Авлияходжа Ишан. Родом он был из Ура-Тепа, селения Андалич в бекстве Матча. Ш. Яссавий, посвятивший ему многие страницы своего труда, отмечал, что Авлияходжа Ишан являлся героической личностью, завоевавшей популярность среди жителей Матчи своей многолетней (с 1916 по 1923 г.) самоотверженной борьбой против колонизаторов[3]. В этой борьбе и защите населения Матчи в одном ряду с ним сражались четыре его сына. Один из его сыновей, Ахмадходжа, был беком Матчи. После захвата в апреле 1923 г. бекства Матчи частями Красной армии три его сына и еще 7 курбаши Матчи были расстреляны. Сам он продолжал борьбу[4].

---

[1] «Конференция (по документам «форум») улемов, ишанов и казиев Ферганской области» состоялась в конце 1921 г. в Намангане. По свидетельству советских источников, участники форума, «влиятельные ишаны и улемисты *призывали население к борьбе с басмачеством, оказанию помощи советской* власти... От амнистированных басмачей улемисты и ишаны брали клятву... чтобы впредь они не занимались грабежом и не оказывали басмачам содействия... На местах улемисты проявляют большую активность и агитируют за Советскую власть»/ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 89, л. 97; д. 314 «б», т. II, л. 273.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 90, л. 335.

[3] Яссавий Ш. Туркистон аччиқ ҳақиқатлари//Эрк, 1992, 6—13 февраль.

[4] Джалилов Ш. Борьба с басмачеством в Ходжентском уезде (1918—1923). — Душанбе, 1968. С. 83—95.

Среди курбаши были вожди племен, аксакалы, старейшины сел, суфийские шейхи (особенно из яссавийских шейхов). Многие суфии из ордена накшбандиев сражались под командованием Джунаидхана, суфийскими шейхами были также Ислам Пахлавон и Мулла Дехкан.

Но при всех различиях, оттенках в позициях идейных вдохновителей повстанческого движения — от джадидов, интеллигенции, уламо до национал-коммунистов, — отражавших сложную, многообразную палитру духовного и политического состояния туркестанского общества, их объединяла, несомненно, единая цель — освобождение своей Родины от колонизаторского ига, завоевание ее независимости, свободы. Своей разносторонней деятельностью: созданием подпольных политических организаций, разработкой программных документов, широкой пропагандой идей освободительной борьбы, непосредственным участием в рядах повстанцев в качестве их духовных вождей, курбаши, рядовых борцов — они всемерно содействовали сплочению народных масс вокруг повстанческого движения и умножению его рядов, укрепляли веру и силы его участников в многолетней борьбе с превосходящими силами противника.

В этой неравной борьбе народы Туркестана понесли неисчислимые жертвы. По Хайиту, общие потери туркестанцев убитыми, взятыми в плен и тяжело ранеными составляли 700 тыс. человек[1]. В свою очередь Ш. Яссавий добавляет, что в течение 1920—1935 гг. из Туркестана эмигрировало свыше 2 млн человек[2]. Приведенные данные косвенным образом подтверждаются и советскими источниками. По откровенному заявлению члена военного совета Ферганского фронта Березина, сделанному на митинге в июле 1921 г., «по официальным сведениям штаба в борьбе против басмачей убито 250 тыс. человек, но эти данные занижены и не отражают реальную истину»[3]. Примечательно, что и в секретном сообщении И. Хидиралиева, относящемся к этому периоду, приведена эта же цифра и в дополнение подчеркнуто, что «в Фергане убито несколько сот тысяч местных жителей»[4].

---

[1] Хайит Б. Туркестан в XX веке. — С. 201—202.
[2] Яссавий Ш. Туркистон аччиқ ҳақиқатлари (на узбекском языке арабским шрифтом). — Стамбул, 1984. Б. 80—103.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 336, лл. 342—344.
[4] Там же, д. 36, л. 43 (с. фонд).

Кроме того, огромные людские потери связаны с страшным голодом в Ферганской долине в 1918-1924 гг. По сути в эти годы вымерли целые кишлаки опустели города. По сведениям Ферганской комиссии по ликвидации последствий голода, в 1917—1923 г умерло более одного миллиона человек[1].

Подводя печальные итоги, можно констатировать что в это же время в Ферганской долине не менее 50 тыс. человек погибли от военных действий. Это под тверждается и официальной статистикой. Если насе ление Ферганской области в 1915 г. составляло 2 млн человек, то к концу 1924 г. оно насчитывало 50 тыс. человек. Таким образом, здесь за 10 лет населе ние уменьшилось примерно на 1,7 млн человек.

Поистине Ферганская долина, называемая «жемчу жиной Туркестана», к середине 20-х годов, по образ ному выражению партийного чиновника Рустамбек Тагаева, «из долины роз превратилась в долину кро ви»[2]. Глубокой болью отзывалась трагедия Ферганы *сердцах современников. В звенящих скорбью и со* страданием строках стихотворения «Разрушенном краю» (1921 г.), запечатлев постигшую Ферганскую до лину драму, Чулпан — поэт, гражданин, патриот - вопрошал:[3]

«Сенинг эркин тупроғинда хеч хакки йўк хужалар,
Нега сени бир кул каби қизғанмасдан янчалар?»[4].

2. РАЗВЕРТЫВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ

Осенью 1918 г. отряды курбаши, опираясь на под держку значительной части мусульманского населе ния Ферганской области, активизировали боевые дей ствия. Они совершали внезапные налеты на города железнодорожные станции, нефтепромыслы и уголь ные копи. В боях за эти пункты красноармейски части оказывались втянутыми в навязанную повстан цами тактику ведения войны. Наличие у них опорны баз — а таковые имелись почти у каждого более ил

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 947, л. 201.
[2] См.: Тагаев Р. В. В долине роз и крови. — М.—Л., 1927. С. 95.
[3] Чулпон. Яна олдим созимни. — Т., 1991. Б. 415—416.
[4] Подстрочный перевод: Почему хозяева, не имеющие никаких прав - твою свободную землю, топчут тебя, не сожалея, как мусор?

менее крупного отряда курбаши, — рассредоточенность, хорошая приспособляемость к особенностям рельефа и климатические условия Ферганской долины делали их практически трудноуловимыми. Вооруженное сопротивление с самого начала приняло формы классической герильи — партизанской войны. Подобная бесконтактная война — уклонение от открытого боя, выход из окруженных пунктов без потерь, отступление в труднодоступные горы, к границам с Бухарой, Афганистаном, Китаем, которые практически тогда не были закрытыми ни с той, ни с другой стороны, — давала дополнительные возможности мобильным отрядам курбаши, срывала военные операции Красной армии, что вынуждено было констатировать даже ее высшее командование.

Характеризуя характер военных действий и особенности ведения войны с борцами за независимость, командующий Туркфронтом М. В. Фрунзе отмечал: «Преследование шаек (т. е. отрядов повстанцев. — *Ред.*) в пересеченных и густонаселенных районах Ферганы представляло задачу весьма сложную и тяжелую и потребовало большого напряжения... Густонаселенная Ферганская долина, изрезанная по всем направлениям арыками, и окружающие ее в высшей степени пересеченные горные районы чрезвычайно усложняют борьбу. Противник, разбитый в одном пункте, рассеивается, отдыхает и собирается с силами в укрепленных и глухих местах и вновь появляется в других местах. Его неожиданные набеги, за подготовкой которых уследить почти невозможно, вызывают постепенное нервное напряжение не только у бойцов, но даже и у всего населения, и поэтому способы ведения борьбы в Фергане значительно разнятся от способов ведения войны на других фронтах. Здесь нет линии фронта, фронт кругом»[1].

2 сентября 1918 г. в кишлаке Шарк Туракурганского района Наманганского уезда отряды курбаши Эргаша и Кабула общей численностью в 400 человек вступили в бой с отрядом Красной армии под командованием Сергеева. Вооруженный орудиями и пулеметами красноармейский отряд потерпел поражение и отступил[2].

---

[1] РГВА, ф. 25859, оп. 4, дл. 94, лл. 3—9.

[2] ГАФО, ф. 121, оп. 1, д. 25, л. 138.

Участились нападения отрядов курбаши на город и поселки области, особенно на Старый Маргилан. 30 сентября отряд Мадаминбека проник на базар города. Небольшой отряд милиции не смог оказать ему серьезного сопротивления[1]. 8 октября 1918 г. отряд Мадаминбека совершил нападение на город[2]. Пользуясь сочувствием и поддержкой населения Старого Маргилана, Мадаминбек почти без потерь уходил от преследования. Оказавшись не в состоянии справиться с ним, городские власти пошли на угрозы маргиланцам. 11 октября 1918 г. они предъявили населению города ультиматум, который, не достигнув цели, был продлен 20 октября «на неопределенный срок впредь до ликвидации в городе разбойничьих шаек». Население строго предупреждалось, что «если мадаминская шайка явится в город и население об этом не уведомит Совет, то город будет расстреливаться из орудий»[3]. Однако эти угрозы властей не остановили Мадаминбека и поддерживавшее его население Старого Маргилана. Нападения на город продолжались.

Отряды курбаши усилили удары по коммуникациям области. Участились их налеты на железнодорожные станции. В конце октября 1918 г. отряд ополченцев совершил нападения на станции Тентаксай и Грунчмазар[4], 4 ноября — на станцию Изамбек, примерно тогда же повстанцы заняли станцию Учкурган[5]. Они взрывали железнодорожные мосты, разбирали пути, приводили в негодность линии связи. Вообще города, рабочие поселки, железнодорожные станции становились главными объектами нападения повстанческих отрядов. Эта тактика объяснялась прежде всего стремлением подорвать экономический, социальный, политический и военный потенциал советской власти в области, сосредоточенный в это время лишь в этих объектах.

В связи с активизацией формирований курбаши руководители советских и партийных органов области 19 октября 1918 г. телеграфировали в ЦК КПТ: «Фергана в опасности. Копи, заводы не могут работать — терроризированы разбойниками. Рабочие бегут. Же-

---

[1] ГАФО, ф. 121, оп. 1, д. 24, л. 168.
[2] Там же, д. 24, т. 2, л. 183.
[3] Там же, д. 31, л. 158.
[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1180, л. 218.
[5] Там же, лл. 221, 236.

лезная дорога Ферганы под угрозой разрыва сообщения... Контрреволюция Андижана — Ош разрастается...»[1].

Правительство Туркреспублики было вынуждено направить в Фергану в конце октября 1918 г. для охраны железной дороги два железнодорожных отряда общей численностью в 250 человек во главе с комиссаром военно-народной охраны путей сообщения Елецким[2]. Эти отряды пытались охранять железнодорожные станции и пути, а также рабочие отряды, направляемые для ремонта разрушенных патриотами железнодорожных путей и мостов. Однако решить до конца свою задачу они не смогли. Повстанцы продолжали диверсии, препятствовали ведению восстановительных работ. В течение только ноября 1918 г. они совершили 3 вооруженных нападения на ремонтные бригады[3]. Повстанцы устраивали засады вблизи разрушенных ими железнодорожных мостов и путей, встречая огнем из укрытий красноармейцев и ремонтные бригады[4]. Активную помощь им оказывало население близлежащих кишлаков. В связи с этим комиссар военно-народной охраны путей сообщения Елецкий и Андижанский исполком обратились в ноябре 1918 г. к населению Ферганской области с воззванием, в котором указывалось, что при появлении отрядов курбаши оно обязано немедленно сообщать властям, а если это не будет сделано, «то селения, в которых будут разбойники (т. е. повстанцы. — *Ред.*) и в которых будет испорчен путь, будут сравнены с землей и пощады жителям этих сел не будет»[5]. Однако никакие угрозы не могли остановить всенародную войну против большевистского режима. Движение сопротивления против него все нарастало...

Встревоженное разрастанием движения борцов за независимость и активизацией военных действий его вооруженных формирований, правительство Туркреспублики предприняло меры по укреплению своих вооруженных сил в области. К осени 1918 г. общая чис-

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 49, л. 4.
[2] Там же, л. 31.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 189, л. 102.
[4] ААП РУз, ф. 499, д. 363, лл. 104—109; Иностранная военная интервенция... Т.1.— С. 449—459.
[5] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1180, л. 227.

ленность красноармейских частей была доведена в Фергане до 1,5 тыс. человек, рассредоточенных по небольшим гарнизонам[1].

Несмотря на свою сравнительную многочисленность, первоначально красноармейские части не представляли собой подлинной регулярной армии с крепкой воинской дисциплиной и высоким моральным духом личного состава. В них было немало обычных уголовных элементов, занимавшихся разбоем и грабежом мирного населения, во многих гарнизонах процветали пьянство и разврат. Так, в Ошском гарнизоне, как отмечалось в докладной записке представителя военкома Туркреспублики от 5 августа 1918 г., среди красноармейцев «пьянство идет почти поголовное». При мобилизации сил для борьба против Халходжи «в городе пьяных было больше, чем трезвых»[2].

Позднее в этой связи председатель Краймусбюро РКП(б) Турар Рыскулов указывал: «В период своего образования отряды Красной армии формировались из элементов недоброкачественных, порой прямо преступных. Результатов действий таковых отрядов не пришлось долго ждать — особенно в Фергане, при самом активном участии дашнаков. Отряды эти, при отсутствии какой бы то ни было дисциплины, действуя вразброд без единого плана, каждый по прибытии в кишлаки, через которые по слухам, якобы, или близ которых появились разбойники (т. е. повстанцы. — *Ред.*), занимались под видом репрессий, мягко выражаясь, реквизицией движимого имущества в самых широких размерах. Бралось без удержу и без отчета все, что попадалось под руку: начиная от сапог, одеял, ковров и кончая самым мелким. Если к этому прибавить пьянство в армии, то становится понятным само собой, что все это способствовало упадку веры в справедливость власти и вооруженной силы, посылаемой в действительности для защиты населения, но фактически причиняющей этому же населению трудно залечимые раны»[3].

Советские органы области в борьбе с повстанцами широко использовали вооруженные дашнакские дружины. Эти дружины проявляли исключительную жес-

---

[1] РГВА, ф. 25859, оп. 4, д. 27, л. 18.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп.1, д. 80, лл. 6—7.
[3] ААП РУз, ф. 60, оп. 3, д. 6, л. 3.

токость по отношению не только к борцам за независимость, но и ко всему безоружному местному населению. Турар Рыскулов указывал, что «во всех событиях в Ферганской области красной нитью проходит провокаторская работа армянской партии «Дашнакцутюн». По его словам, дашнаки «сплошь и рядом производили изнасилование сартянок, рубили детей и женщин. Все это действовало на религиозный фанатизм и чувства мусульманского населения, и они, оттолкнутые, бежали и присоединялись»[1] к повстанцам.

В борьбе с повстанцами большевистский режим широко использовал и военный потенциал русских крестьян-переселенцев области. Последнее еще летом 1918 г. для защиты своих сел начало создавать отряды самообороны. Из них при активном участии советских органов была сформирована «Крестьянская армия Ферганы» численностью около 2 тыс. человек и образован ее штаб. В последующем советы выделили крестьянской армии 3 орудия и много другого оружия и боеприпасов. Вооруженные формирования крестьян-переселенцев активно участвовали совместно с красноармейскими частями в боевых операциях против повстанцев[2]. Одно из первых их столкновений с отрядами Мадаминбека и Халходжи произошло в начале ноября 1918 г. и закончилось для последних неудачей. Повстанцы были вынуждены покинуть с боями кишлак Сузак, где они заняли оборону, и отступили в горы. Захватив селение, красноармейские части учинили в нем дикий погром, в результате которого кишлак фактически перестал существовать: на месте его, по свидетельству очевидцев, «груда развалин, пепелище и трупы полуобгорелых людей». Оставшиеся в живых жители кишлака, побросав свои жилища, укрылись на кладбище, спасаясь от расправы со стороны вооруженных отрядов крестьян-переселенцев, которые устроили настоящую охоту за дехканами, расстреливая на месте попавших в их руки сельчан.

Мирное население подвергалось жестокому террору вооруженных отрядов, сражавшихся против повстанцев на стороне советов. Ими наряду с Сузаком были стерты с лица земли селения Базаркурган, Коканкиш-

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 49, л. 5.

[2] Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. — Т., 1927. С. 23—24.

лак и многие другие. Произвол и насилие чинили они в захваченных городах и поселках. 5 дней красноармейцы и дашнаки занимались разбоем в Оше, выбив оттуда Халходжу. В результате учиненного ими террора было убито 2 тыс. мирных граждан. 1,5 тыс. человек было вырезано дашнаками в Чусте[1]. Жертвы среди мирного населения в годы борьбы за независимость исчисляются сотнями тысяч человек.

Наряду с массовым террором власти в борьбе с повстанцами широко использовали дезинформацию и прямой обман. Чтобы подорвать социальную базу движения за независимость, ослабить его влияние среди мусульманского населения, расколоть его ряды, большевистские власти, печать, пропаганда пытались очернить их в глазах населения, взвалить на них ответственность за мародерство, тем самым лишить национально-освободительное движение симпатии и поддержки своего народа.

В результате произвола и насилия, чинимых над мирным населением властями и их вооруженными силами, формирования курбаши увеличивались, как снежный ком. В них постоянно вливались новые тысячи повстанцев, чтобы с оружием в руках завоевать свободу и независимость родного края. В результате движение за независимость все более разрасталось, приобретая всенародный характер.

Отряды курбаши, многократно превосходя противника в живой силе, в то же время значительно уступали ему в вооружении. Красноармейские части были вооружены трехлинейными винтовками и берданами, многие же повстанцы вообще не имели огнестрельного оружия или располагали только «дедовскими мультуками». Особенно большая разница была в технической оснащенности противостоящих друг другу сил. В то время как красноармейские гарнизоны области располагали к концу 1918 г. 12 орудиями и таким же количеством пулеметов[2], формирования курбаши, в частности Эргаша, имели лишь два орудия и 4 пулемета, захваченные у противника.

Руководители движения за независимость устано-

---

[1] Раджабов К. К. Фарғона водийсидаги истиқлолчилик харакати: моҳияти ва асосий ривожланиш босқичлари (1918 — 1924 йиллар). Дис. ... канд. ист. наук. — Т., 1994. С. 89—92.

[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 49, лл. 1—2.

вили тесную связь с эмиром бухарским, получая от него материальную и моральную поддержку. Представители эмирата вели разъяснительную работу среди мусульманского населения Ферганской области, призывая его всемерно поддерживать повстанцев. По сообщению заместителя председателя Кокандского совета, в уездах области наблюдался «наплыв духовенства из Бухары через Каратегин, граничащий с Ферганой, с призывом поддержки Иргашхана (курбаши Эргаша. — *Ред.*), защищающего интересы мусульман»[1].

Тесная связь была установлена лидерами движения и с «Туркестанской военной организацией» (ТВО). Один из ее активных деятелей полковник П. Г. Корнилов (брат известного генерала Л. Г. Корнилова) дважды ездил в Фергану для установления связи с курбаши Эргашем и Ишматом[2]. Многие из курбаши согласились войти в контакт с ТВО для совместной борьбы против советской власти. Во время первой встречи обсуждались вопросы координации военных действий, снабжения повстанцев вооружением и боеприпасами и т. д.[3].

Вторую поездку к ним полковник П. Г. Корнилов совершил в октябре 1918 г. совместно с полковником И. М. Зайцевым. Представители ТВО приняли участие в работе очередного курултая курбаши, проходившего в кишлаке Аим Андижанского уезда. Курултай поддержал предложение ТВО о создании из борцов за независимость крупных вооруженных сил, согласился на образование «Юго-Восточного союза», проект которого был доставлен в Фергану представителями Оренбургского казачьего войска и западной Алаш-Орды[4].

На курултае курбаши в кишлаке Аим между ними была достигнута договоренность о совместной борьбе против советской власти, намечен план боевых операций формирований борцов за независимость в наступающий зимний период. Ферганская область была по-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-20, оп. 1, 80, лл. 3—4.

[2] Там же, ф. Р-905, оп. 2, д. 40, л. 56.

[3] Соловецкие острова, 1926, № 4. С. 67—68.

[4] В связи с массовыми арестами органами ЧК в конце осени 1918 г. многих активных членов ТВО, а затем неудачным вооруженным восстанием в Ташкенте в январе 1919 г. осуществить намеченные планы по совместной борьбе повстанцев с ТВО не удалось. Уцелевшие от разгрома члены ТВО во главе с руководителем восстания в Ташкенте К. Осиповым с большими трудностями добрались в Фергану и влились в движение борцов за независимость, передавая повстанцам свои военные знания и боевой опыт / Соловецкие острова, 1926, № 5—6. С. 41.

делена в оперативном отношении между отдельными крупными подразделениями повстанцев на сферы деятельности: в Андижанском уезде действовал Махкамходжа со ставкой в кишлаке Ангузбак, в Ошском уезде — Халходжа со ставкой в селении Наукат, в Наманганском — Аман Пахлавон, в Кокандском — Эргаш со ставкой в окрестностях Дамкула, в Скобелевском — Мадаминбек[1].

Избранный на этом курултае главнокомандующим повстанческими формированиями Мадаминбек вложил много сил и энергии в объединение разрозненных отрядов курбаши и подчинение их единому командованию. Однако в этом важном деле он встретил сильное сопротивление со стороны некоторых предводителей отрядов, прежде всего Эргаша. Последний видел в стремлении Мадаминбека объединить под своим началом всю ферганскую вооруженную оппозицию попытку ограничить его самостоятельность и независимость. Противостояние этих видных лидеров движения борцов за независимость порой доходило до настоящих сражений между их формированиями. Одно из наиболее крупных из них произошло около кишлака Исфара и закончилось поражением Эргаша, который был вынужден отступить к кишлаку Сох[2]. Противоречия между руководителями движения ослабляли его и играли на руку советам.

В результате к концу 1918 — началу 1919 г. в Ферганской долине наметились два центра движения борцов за независимость. Первый, во главе с Мадаминбеком, охватывал Скобелевский, Андижанский и Наманганский уезды. Ставка Мадаминбека находилась в кишлаке Гарбуа, недалеко от Маргилана. Под общим командованием Мадаминбека в январе 1919 г. было 16 тыс. джигитов, а в феврале — уже свыше 20 тыс. В состав формирований Мадаминбека входили отряды курбаши Махкамходжи, Салих Махдума, Шермата, Аман Пахлавона, Мухиддина, Муллы Масанда, Муллы Карима, Алиёрбека, Парпи, Акбар Али, Нурмата, Амина, Джуры и некоторых других.

Второй центр во главе с Эргашем находился в Кокандском уезде со ставкой в селении Бачкир. У Эргаша было, как сообщалось в одном из донесений со-

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д, 49, л. 4.
[2] РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 191, лл. 1—10; ф. 25859, оп. 1, д. 4, л. 44.

ветской разведки, «всех людей... вместе с начальниками (курбаши) около 8 тысяч человек»[1]. В формирования Эргаша входили отряды курбаши Ишмата (помощник Эргаша), Туйчи, Умара, Хамдама (Мавлянбаева) и других. Влияние Эргаша среди населения Кокандского уезда было довольно сильным.

В упорной борьбе с сепаратизмом Эргаша, Халходжи и некоторых других видных предводителей движения Мадаминбек прилагал много усилий для создания современной боеспособной армии из разрозненных, слабо обученных, плохо вооруженных отрядов. В этих целях он стремился опереться на боевой опыт и знания представителей белого движения. В отличие от Эргаша и других курбаши Мадаминбек широко привлекал в свои формирования русских офицеров. По данным советской разведки, только в штабе Мадаминбека служило около 40 русских офицеров (Белкин, Никольский, Ситняковский, Радзиевский, Поплавский, Лазарев и др.), а всего их в формированиях Мадаминбека было до 90 человек[2]. В ставке Мадаминбека под руководством русских офицеров джигиты обучались владению саблей, стрельбе из винтовки и пулемета[3].

Большое внимание Мадаминбек уделял вопросам боевого обеспечения своих отрядов. В этих целях в Гарбуа была организована оружейная мастерская, где местные оружейники под руководством Ахрарходжи Ишан Максудходжаева занимались изготовлением и ремонтом оружия. Оружейные мастерские были созданы также в крепости Учтепа близ Намангана и в селении Коканкишлак Андижанского уезда[4]. Народные умельцы, работавшие в этих мастерских, пытались производить даже пушки, которые «при действии издавали страшный выстрел с огнем, заряжались они шарами, величиной не более куриного яйца»[5]. Предпринятые Мадаминбеком военно-организационные меры способствовали сплочению рядов борцов за независимость и повышению боеспособности их формирований, что было вынуждено признать и руководство Туркреспуб-

---

[1] РГВА, ф. 110, оп. 1, д. 43, лл. 139—140.
[2] ГАРФ, ф. 4379, оп. 1, д. 14, л. 270.
[3] РГВА, ф. 265, оп. 1, д. 4, л. 121.
[4] Раджабов К. К. Указ. работа. С. 90—92.
[5] Известия (Коканд), 1919, 11 апреля.

лики. Председатель Совнаркома ТАССР В. Д. Фигельский, совершив в конце 1918 г. поездку в Фергану и детально ознакомившись на месте с состоянием дел, в докладе ТуркЦИКу с тревогой отмечал: «В Фергане мы имеем дело не с бандой и шайками, как мы привыкли называть, а с хорошей организацией, имеющей связь с Сибирским временным правительством, Асхабадом и даже Оренбургом»[1].

Под руководством Мадаминбека в начале 1919 г. был проведен ряд курултаев ферганских курбаши, направленных на активизацию боевых действий их отрядов. Один из них проходил во второй половине января 1919 г. в песках Кокандского уезда. В конце февраля 1919 г. состоялся еще один курултай в кишлаке Вуалык Коканкишлакской волости, где было решено совместно выступить против красноармейских частей и разгромить их за 10—15 дней. После этих курултаев военные действия отрядов повстанцев приняли более организованный и систематический характер. В первых числах февраля объединенные сила Мадаминбека, Эргаша и Халходжи общей численностью около 3700 человек заняли Коканкишлак. Направленный против них андижанский отряд Красной армии в 180 человек при одном орудии и пулемете попал в засаду: укрепившиеся за дувалами повстанцы впустили красноармейский отряд в центр Коканкишлака и после ожесточенного боя полностью разгромили его[2]. 9 февраля повстанцы окружили отряд «Крестьянской армии» в 100 человек в Аимкишлаке[3]. Лишь благодаря подоспевшей помощи в составе железнодорожного отряда и отряда крестьян осажденным удалось избежать полного поражения. 18 февраля Мадаминбек совершил нападение на административный центр Ферганской области город Скобелев. На улицах города разгорелись ожесточенные бои. Повстанцы, напав на тюрьму, освободили томившихся в ней до 200 своих сторонников и увезли их с собой[4]. 20 февраля полуторатысячный отряд курбаши овладел Чустом — одним из крупных населенных пунктов Наманганского уезда. После 28-часового боя с прибывшим из Скобелева красноармейским отрядом повстанцы были вынуждены оста-

[1] Наша газета, 1919, 7 января.
[2] РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 67, л. 32.
[3] Известия (Коканд), 1919, 21 февраля.
[4] Узбекистон овози, 1992, 7 мая.

ть Чуст[1]. 2 марта крупный отряд повстанцев численностью в 4 тыс. появился у поселка Драгомирово. На едующий день между ним и красноармейскими частями произошло сражение. В первой половине марта ноготысячный отряд курбаши совершил нападение селение Ташлак[2].

12 марта 1919 г. части Красной армии предприняли ступление на находившийся в руках повстанцев кишлак Касан. По замыслу командования Ферганского фронта, к селению должны были подойти одновременно красноармейские отряды из Наманган и Самарканда. Однако наманганский отряд попал под Чарваком в устроенную повстанцами засаду, вследствие чего задуманная операция провалилась. Лишь с помощью подоспевшего самаркандского отряда ему удалось вырваться из окружения[3]. В результате успешных военных операций отряды курбаши не только нанесли поражение отдельным частям Красной армии, но и захватили в качестве военных трофеев 2 орудия, 2 пулемета и до 230 трехлинейных винтовок[4].

Отряды курбаши в течение февраля — марта 1919 г. совершили 4 нападения на Старый Маргилан, по 2 — на Коканд и Андижан, по одному — на Наманган, Кассаке, Горчаково, Куву, а также на Сулюктинские копи[5].

Отряды курбаши наносили большой урон коммуникациям области. В середине марта 1919 г. они разобрали железнодорожные пути между Наманганом, Андижаном, Кокандом и Джалалабадом общей протяженностью 23 версты[6].

Весной 1919 г. под контролем формирований борцов за независимость оказалась значительная часть Ферганской долины. Власть советов практически распространялась лишь на города, железнодорожные станции, промыслы и рабочие поселки. В каком критическом положении оказался большевистский режим в области в это время, можно судить по протоколам чрезвычай-

---

[1] Наша газета, 1919, 20 февраля.
[2] РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 191, лл. 1—17.
[3] Иноятов Х. Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. — М., 1984. С. 79—80.
[4] Иностранная военная интервенция... Т. I.— С. 449—459.
[5] РГВА, ф. 25859, оп. 4, д. 84, л. 82; Известия (Скобелев), 1919, 23 февраля, 8 и 18 марта, 4 апреля.
[6] Иностранная военная интервенция... Т. I.— С. 505.

ного съезда председателей советов, членов исполкомов и председателей групп РКП(б) Ферганы, состоявшегося 29—31 марта 1919 г. Как видно из выступлений его участников, «весь Андижанский уезд и все заводы уезда заняты и укреплены бандами (т. е. отрядами курбаши. — *Ред.*). Свободная от разбойников (т. е. повстанцев. — *Ред.*) только Курганская волость». Город Ош «находится в крайне опасном положении, т. к. весь гарнизон Оша состоит из 60 человек с одним пулеметом. Отдаленность от других городов области лишает возможности надеяться на помощь. Горожане же во время нападения Халходжи изъявили готовность сдать оружие и представителей власти разбойникам». В Намангане силами Красной армии и вооруженных рабочих охранялась только европейская часть города. В Андижане на охрану города были мобилизованы все члены профсоюза в возрасте от 18 до 45 лет. В старом Маргилане постоянного гарнизона вообще не было, охрану города несли 60 милиционеров. «Власть, влияние и сила Старомаргиланского совета распространяется только на помещения, занятые Советом»[1].

Крупная военная операция была предпринята отрядами курбаши в начале апреля 1919 г. под Наманганом. В течение нескольких дней отряды Мадаминбека, Шермухаммадбека, Рахманкула, Аман Пахлавона и К. Осипова стягивались к селению Машад близ Намангана, к заводу Карахан-Тюра. Их разведчики проникали в старый город Намангана. За сутки до начала генерального штурма последний фактически уже находился в руках патриотов. Операцию, в которой участвовало 3 тыс. джигитов и отряд К. Осипова, возглавил Мадаминбек. 2 апреля утром его воины и отряд К. Осипова одновременно с четырех сторон повели наступление на Наманган. На улицах города завязались жаркие бои. На помощь осажденному Намангану командование Красной армии срочно направило подразделения из Самарканда и Коканда общей численностью в 1600 человек в сопровождении бронепоезда и артиллерии. Под натиском превосходящих сил противника осаждавшие были вынуждены отойти.

Во время боевых действий был нанесен огромный ущерб Намангану, особенно его старому городу, погибло немало мирных жителей. Прибывшие на по-

[1] Иностранная военная интервенция... Т. I. С. 466—472.

ь осажденному гарнизону красноармейские части
ыли по находившемуся в руках повстанцев ста-
у городу шквальный артиллерийский огонь, в ре-
тате которого, как отмечалось в донесении коман-
ния Ферганского фронта от 8 апреля 1919 г.,
ожжен старый город, сгоревший на протяжении 6
»[1].

тбросив отряды курбаши от Намангана, части
ной армии в начале апреля 1919 г. перешли в
рнаступление против их главных сил, в основном
йоне Андижанского уезда и кишлака Ташлак Ско-
вского уезда, одной из основных баз повстанцев,
Мадаминбек имел постоянный резерв, доходив-
до 1000 человек. Здесь же находились сам Ма-
нбек и отряд К. Осипова численностью в 75
век[2]. Выступивший 3 апреля 1919 г. из Андижана
ноармейский отряд под командованием Д. Е. Ко-
лова занял кишлаки Пойтуг, Учкурган, Тода и
л наступление на селение Хакулабад, где завязал-
естокий бой с отрядами курбаши. В бою после-
потеряли около 300 человек убитыми. Крупное
жение потерпели 12 апреля 1919 г. формирования
аши и отряд К. Осипова между селениями Охна и
лкурган, расположенными между Кокандом и стан-
Серово. Среди павших в этом сражении были
аши Шерматбойбача и три русских офицера[3]. Во-
под командованием Мадаминбека и отряд К. Оси-
отошли к селению Сох. Здесь К. Осипов с остат-
своего отряда отделился от Мадаминбека и
улся через Варух, Лайлак, Дакат и Басманди в
ру[4], где продолжил борьбу.

есмотря на поражения под Наманганом и в неко-
х других местах, повстанцы не сложили оружия.
нь пролетарского праздника 1 Мая значительные
повстанцев совершили нападения на Старый Мар-
н и селение Ташлак, однако были вынуждены отой-
связи с подходом красноармейских частей.

начале мая Красная армия провела широкую во-
ю операцию против формирований курбаши в

ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1193, л. 107.
Веселев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. — Т.,
. 346.
Известия (Скобелев), 1919, 15 апреля.
Кельдиев Т. Х. Разгром контрреволюции в Ферганской и
андской областях Туркестанской АССР. — Т., 1959. С. 50.

Ошском и Наукатском районах, вытеснив их оттуда. В середине мая последовали удары по ним частей Красной армии в районах Джалалабада, Тоды, Учкургана, Балыкчи, Шахрихана. Под натиском красноармейцев повстанцы отступили в южную часть Кокандского уезда и скрылись в горах. В конце мая они вновь активизировали свою деятельность: заняли Гульчу, Учтепинскую и Фальгарскую волости, совершили нападения на Старый Маргилан и на завод Федченко. Однако закрепиться там им не удалось[1].

Одновременно с активизацией наступательных операций красноармейских частей против отрядов курбаши правительство Туркреспублики и командование Ферганского фронта предприняли политические меры по расколу и ослаблению движения. 7 мая 1919 г. ТуркЦИК объявил амнистию всем повстанцам, сложившим оружие[2]. 9 мая 1919 г. ЦИК и СНК Туркреспублики опубликовали обращение «К трудовому мусульманскому населению Ферганы», в котором заявили, что участвовавшие в отрядах курбаши должны вернуться в свои дома, сдать оружие и приняться, пока не поздно, за мирный труд. Правительство Туркреспублики обещало, что им будет оказана экономическая помощь. Что касается лиц, не сложивших оружия добровольно, то против них «будет вестись борьба до их полного уничтожения». В Фергану была направлена комиссия из ответственных работников республики: председателя Совнаркома ТАССР К. Е. Сорокина (он же был и от крайкома КПТ), заместителя председателя ЦИК Т. Рыскулова, наркома по делам национальностей С. Турсунходжаева и члена ЦИК А. Хусанбаева[3].

Объявленной амнистией правительству Туркреспублики удалось на время внести раскол в ряды повстанцев. Некоторые курбаши начали переговоры с представителями советской власти и командования о прекращении вооруженной борьбы. 14 мая 1919 г. был заключен договор между Учкурганским советом и курбаши Насреддином Ташматовым об условиях его пе-

---

[1] Иностранная военная интервенция... Т. I.— С. 515—516.
[2] История гражданской войны в Узбекистане. Т. 1.— Т., 1964. С. 323—324.
[3] Известия (Коканд), 1919, 9 мая.

рехода на сторону советской власти[1]. 21 июня 1919 г. был заключен мирный договор между командующим 2-й группы войск Ферганского фронта Д. Е. Коноваловым и курбаши Ахунжоном Нурматовым. Последний со своими 250 джигитами и 10 курбаши обязывался всецело подчиняться советской власти и верно служить ей. Помощником Ахунжона назначался бывший курбаши Дулянходжа Кипчакбаев, а остальные курбаши назначались командирами взводов[2].

7 июля 1919 г. были согласованы «мирные условия» между наркомом по делам национальностей, членом правительственной комиссии по амнистии С. Турсунходжаевым и курбаши Эргашбаем ходжа Бердиевым (Эргашем). По этому документу С. Турсунходжаев от имени правительства ТАССР объявлял амнистию Эргашу и его джигитам, обещал им полную неприкосновенность, гарантировал отказ от преследования со стороны властей, переход джигитов на полное довольствие правительства[3]. Однако командующий Ферганским фронтом М. В. Сафонов выступил против отмеченных выше условий мирного соглашения с Эргашем, узрев в них «братание комиссии с бандитами»[4].

В конце июля велись также мирные переговоры с Халходжой и некоторыми другими курбаши. В результате состоявшихся переговоров на сторону советской власти перешли и другие предводители отрядов, в том числе Мулла Эргаш Мирмухамедов, Хамдамходжа и Туйчи.

Забегая вперед, надо отметить, что местные органы власти и командование Красной армии данные участникам сопротивления обещания не выполнили. Так, не были осуществлены объявленные ими при амнистии экономические меры, не возмещены в полной степени убытки мирного населения, связанные с боевыми действиями Красной армии, не возвращено разграбленное имущество дехкан и т. д.[5]. Эти и другие причины привели впоследствии к тому, что многие перешедшие летом 1919 г. на сторону советской власти отряды курбаши снова вступили в борьбу с ней.

---

[1] РГВА, ф. 148, оп. 1, д. 51, л. 56.
[2] Там же, ф. 265, оп. 1, д. 42, л. 17.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1216, л. 4.
[4] Там же, л. 7.
[5] Зевелев А. Указ. соч. С. 358.

Своими политическими мерами советам удалось летом 1919 г. в определенной степени внести раскол в ряды повстанческого движения. Они всячески подогревали распри и междоусобицы между отдельными курбаши, натравливали их друг на друга[1]. Это снижало эффективность борьбы повстанцев против советской власти и ее вооруженных сил.

Однако основная часть отрядов курбаши осталась верной национально-освободительному движению, не сложила оружия. 22 июня 1919 г. отряд повстанцев в 100 человек напал в старом городе Андижана на транспорт с оружием. 22 июля отряд Мадаминбека численностью около 400 человек совершил нападение на старый город Андижана. Однако части андижанского гарнизона вынудили повстанцев уйти из города[2].

Но для широкомасштабных операций против частей Красной армии у курбаши было недостаточно сил. Под натиском хорошо вооруженных и обученных красноармейских отрядов повстанцы часто терпели поражение и были вынуждены отступать. К середине лета 1919 г. в Ферганской области наступило временное затишье. Однако это было затишье перед бурей. И вызвали ее во многом непродуманные, антинародные действия туркестанских властей.

3. КОНСОЛИДАЦИЯ СИЛ ФЕРГАНСКОЙ ВООРУЖЕННОЙ ОППОЗИЦИИ

Серьезное недовольство коренного населения вызвало решение Совнаркома ТАССР от 11 июня 1919 г., предписывавшее «приступить с 1 августа сего года к постепенной замене всех существующих ныне в Туркреспублике мусульманских судов казиев и биев, а равно и их съездов единым народным судом, в областных же городах с их уездами — ранее указанного срока»[3]. Суды казиев и биев, которые на протяжении многих веков осуществляли в крае судопроизводство на основе шариата и адата, были привычны и понятны коренному населению. Надо отметить, что многие советские деятели из туркестанцев своевременно указывали на

---

[1] Иностранная военная интервенция... Т. 1.— С. 515; РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 191, лл. 1—17.

[2] Иностранная военная интервенция... Т. 1.— С. 517.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 150, л. 29.

опрометчивость и преждевременность ликвидации судов казиев и биев и даже открыто выступали против этого, справедливо отмечая, что данная мера может вызвать недовольство коренного населения и привести к непредсказуемым последствиям. В частности, первая областная конференция коммунистов-мусульман Ферганской области 14 июля 1919 г. подчеркнула, что надо от «упразднения казиев пока воздержаться... ибо полное проведение декрета о казиях в жизнь среди местных масс может вызвать неприятности для советской власти»[1]. Однако руководители Туркреспублики, не учитывавшие местной специфики в своей политике и практической деятельности, не прислушались к этим весьма своевременным предостережениям.

Особенно сильный взрыв недовольства широких слоев населения края вызвали декреты ТуркЦИК от 4 июня 1919 г. «О хлебной монополии» и «О предоставлении комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по проведению продовольственной политики в Туркестанской республике»[2]. Ферганские коммунисты местных национальностей выступили категорически против хлебной монополии, с полным основанием предупреждая о ее возможных тяжелых последствиях для военно-политической обстановки в крае и в частности в Ферганской области. Первая ферганская областная конференция коммунистов-мусульман, обсудив 13 июля 1919 г. вопрос «О проведении в жизнь декрета о монополизации урожая», постановила: «Если центр... будет проводить декрет, то тем самым подорвет авторитет власти. Действия центра... могут вызвать нежелательные последствия и дадут в руки контрреволюции определенное оружие борьбы»[3].

И действительно, декрет о хлебной монополии, скопированный с соответствующих актов правительства РСФСР и абсолютно не учитывающий местные реалии, вызвал бурю недовольства среди сельского населения. В отряды курбаши в короткий срок влились новые тысячи недовольных декретом о хлебной монополии, другими непродуманными действиями правительства Советского Туркестана дехкан, ремесленников, представителей других социальных слоев населе-

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 3, д. 42, л. 20.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 214, л. 135; ф. Р-31, оп. 1, д. 61, л. 87.
[3] ААП РУз, ф. 60, оп. 3, д. 42, лл. 8—9.

ния. Многие из курбаши, перешедших на сторону
ветской власти, вновь вступили в борьбу с ней.
время забыв прежние распри и обиды, предводи
формирований повстанцев стремились объединить
борьбе против общего врага — советского режима
этому поводу в оперативной сводке командования
ганского фронта от 20 августа 1919 г. сообщалось:
гаш сделал распоряжение Халходже иметь связь с
дамином. Ведутся переговоры о соединении Мада
на, Эргаша и Халходжи. Причиной переговоров
служило: мобилизация рабочих на асхабадский фр
и проведение хлебной монополии. Пользуясь э
Эргаш повел усиленную агитацию среди мусульма
призывает население к свержению советской вла
Наплыв в шайку Эргаша громадный»[1].

Декрет о хлебной монополии вызвал резкое н
вольство и русских крестьян-переселенцев Ферг
кой области, толкнув их на объединение с отряд
курбаши для совместной борьбы против советс
режима[2]. Это обстоятельство серьезно обеспокоило
мандование Красной армии. Дело в том, что крес
не-переселенцы в то время имели хорошо воору
ную боевую силу в лице Крестьянской армии, со
явшей к началу сентября 1919 г. из 4 полков по
человек в каждом. Кроме того, вооруженные отр
имелись и в самих селах переселенцев. Они насч
вали несколько тысяч человек. В этой связи в оп
тивной сводке командования Ферганского фронта
сентября 1919 г. сообщалось: «Налицо вооруженн
Джалалабаде 5000 человек, остальные находятся по
мам»[3].

22 августа 1919 г. в селе Благовещенском сос
лось заседание военного совета Крестьянской ар
Ферганской области, принявшее постановление, в
тором давалась резкая оценка действиям властей
документе указывалось, что военный совет, «видя
главе власти и управления лиц бездарных, зачас
самозванных и бесчестных, которые привели стра
окончательной гибели, а народ к обнищанию, что
вано преднамеренным насилием правящей парти
отсутствием во главе власти всенародных избран

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1187, л. 8.
[2] РГВА, ф. 149, оп.1, д.107, лл. 100—103.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1187, л. 12.

ков», постановил отстранить и переизбрать советы и их исполкомы всех уровней, включая правительство Туркестана, «на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с предоставлением мусульманам половины мест», немедленно упразднить карательные органы советской власти, отменить хлебную монополию и т. д.

Затем на заседании было рассмотрено «предложение предводителя мусульманских отрядов Мадаминбека о присоединении к Крестьянской армии». Было решено принять предложение Мадаминбека «на следующих главных условиях:

1) Подчинение мусульманских отрядов штабу Крестьянской армии с командующим во главе.

2) Мадаминбек дает своих представителей в штаб, не более одной трети.

3) Подробные условия выработать и договор заключить уполномочить штаб доверенными Мадаминбека по письменному предложению и по представлению ими его политической платформы»[1].

В своем ответном письме председателю штаба Крестьянской армии К. Монстрову от 27 августа 1919 г. Мадаминбек выразил солидарность с документами ее военного совета и свое согласие вместе с Крестьянской армией бороться против советской власти.

В конце августа в Джалалабаде состоялось объединенное совещание курбаши ряда отрядов и Крестьянской армии, на котором обсуждались планы совместных действий против большевистского режима в крае. 1 сентября 1919 г. К. Монстров и Мадаминбек подписали договор об объединении военных формирований борцов за независимость и Крестьянской армии и совместных боевых действиях против советской власти[2].

Объединение отрядов курбаши с Крестьянской армией резко изменило военно-политическую обстановку и расстановку военных сил на Ферганском фронте. Ферганская вооруженная оппозиция насчитывала около 20 тыс. человек и имела на вооружении 2 пушки, 4 бомбомета, 13 станковых и 11 ручных пулеметов. Им противостояло всего 3322 штыков и сабель красноармейских частей[3]. Многократное превышение антисо-

---

[1] РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 51, л. 115.
[2] Там же, л. 126.
[3] Зевелев А. И. Указ. соч. — С. 368—369.

ветских сил над красноармейскими частями Фе
ского фронта позволило им перейти к широки
вместным наступательным операциям против Кр
армии.

7 сентября 1919 г. объединенные силы отрядов
баши под командованием Мадаминбека и Крес
ской армии общей численностью около 2 тыс. че
осадили Ош, расположенный в очень важном в
тегическом отношении месте — на пути, связы
щем Ферганскую долину, в целом весь Туркес
Китаем, Афганистаном и Индией. На помощь
денным был направлен из Скобелева красноармей
отряд, однако он попал в Араванском ущелье в
жение и после трехдневных боев с повстанцами
с трудом прорваться на станцию Федченко[1]. 8 се
ря в результате полуторасуточных боев гарнизон
капитулировал. На следующий день в городе сос
ся многотысячный митинг, на котором с речью в
пил Мадаминбек, рассказавший собравшимся о
ности и целях движения борцов за независим
Ош в течение 10 дней находился в руках повстан
Крестьянской армии.

Оставив в Оше небольшой гарнизон, объед
ные силы повстанцев и Крестьянской армии п
широкое наступление на Андижан, Скобелев и
манган. 13 сентября войска Мадаминбека заняли
рый Маргилан.

10 сентября войска Мадаминбека и отряды Кр
янской армии плотным кольцом окружили Анд
являвшийся в то время крупным узлом железн
магистральных шоссейных дорог, связывающих
лебев, Наманган, Коканд и Ош с китайской гран
Штаб Мадаминбека и К. Монстрова расположил
хлопковом заводе братьев Алексеевых. Их осно
силы сосредоточились на территории Хакентско
лости.

В разгар боев в Андижане, 15 сентября 191
Старом Маргилане состоялось совещание предво
лей крупных формирований ферганской вооруже
оппозиции, в котором участвовали курбаши Мада
бек, Шермухамедбек и другие, а также представ

---

[1] И н о я т о в Х. Ш. Указ. работа. — С. 200; З е в е л е в А. И
работа. — С. 372; К е л ь д и е в Т. Х. Указ. работа. — С. 56—57.

[2] РГВА, ф. 25859, оп. 1, д. 44, лл. 320 об., 328, 329; Р а д ж а б о
Указ. работа. — С. 98.

елой гвардии. На нем обсуждался вопрос о свержении советской власти в крупных городах, а затем и во всей области, изоляции последней от Советского Туркестана. Однако осуществить этот план не удалось.

Командование Красной армии, учитывая всю серьезность положения, спешно направило сюда следующий с Закаспийского на Актюбинский фронт Казанский полк под командованием А. П. Соколова. Казанский полк являлся одной из наиболее крупных и боеспособных частей Красной армии в Туркестане. Он насчитывал 1528 бойцов при 10 орудиях и 54 пулеметах. 22 сентября 1919 г., прорвав кольцо окружения, Казанский полк вступил в Андижан. В результате численность осажденного гарнизона возросла до 3146 бойцов, имевших на вооружении 12 орудий, 3 бомбомета и 57 пулеметов[1]. Наряду с Казанским полком к Андижану были стянуты и красноармейские части из других городов Ферганской области, в том числе крупный походный отряд из Скобелева под командованием М. В. Сафонова в составе 8 рот и 2 эскадронов при 24 пулеметах и 6 орудиях[2].

24 сентября после полуторачасовой артподготовки красноармейские части перешли в контрнаступление и нанесли осаждавшим Андижан повстанцам и Кресьянской армии поражение. Казанский полк, развивая успех, достигнутый под Андижаном, во взаимодействии с отрядами Э. Ф. Кужело, П. М. Парамонова и другими частями занял 26 сентября г. Ош, 30 сентября — Джалалабад[3].

Так закончилась широко задуманная операция объединенных сил борцов за независимость и Крестьянской армии по свержению советской власти в Ферганской долине. Несмотря на временную неудачу, Ферганская национальная вооруженная оппозиция сохранила свои основные силы, которые вместе с отрядами Крестьянской армии продолжали представлять реальную опасность для существования советского режима не только в Ферганской долине, но и во всем крае. Это было вынуждено признать и командование Ферганского фронта. Больше того, оно не без основания

---

[1] Из истории гражданской войны в Узбекистане. Т. I. — С. 348.
[2] Боевой путь войск Туркестанского военного округа. — М., 1959. С. 116.
[3] Там же.

считало, что движение за независимость в результате андижанских событий даже окрепло. В кратком донесении командующего войсками Ферганского фронта А. Соколова Реввоенсовету Туркреспублики (Андижан, 4 октября 1919 г.) по этому поводу прямо указывалось, что движение «вышло из-под Андижана еще более организованным, ибо в его ряды влилось большое число белогвардейских офицеров, хорошая боевая сила для ведения партизанской войны, и тех кулацких элементов, коим ныне нет места среди истинно трудового крестьянства». Довольно реалистично военно-политическую обстановку в Фергане после андижанских событий оценивал и Реввоенсовет Туркреспублики. В его докладе «О положении Ферганы в связи с последними событиями» отмечалось, что общая численность борцов за независимость составляет 7 тыс., значителен и состав Крестьянской армии. Они вместе контролировали по существу все сельские районы области, «советская власть существует только в городах, уезды заняты разбойниками (т. е. повстанцами. — *Ред.*). Все города окружены пикетами, не пропускающими продукты, базары пусты, привоза из кишлаков нет». Вследствие всего этого военно-политическую и экономическую обстановку, сложившуюся в долине после андижанских событий, РВС ТАССР расценивал как «угрожающую». Район действия отрядов курбаши обширен, указывалось в его докладе, и потому выделить силы, исключительно кавалерийские, для преследования и развертывания широкого фронта не представляется возможным из-за отсутствия в достаточном количестве кавалерии. С учетом всех этих обстоятельств Реввоенсовет Туркреспублики предлагал объявить Фергану на военном положении, насаждая на местах вместо выборных исполкомов революционные комитеты, «которые должны подчиняться военной власти и работать в контакте с ней»[1].

После андижанских событий на Ферганском фронте установилось относительное равновесие сил. Красная армия не располагала достаточными вооруженными силами для ведения крупных наступательных операций против повстанцев и их союзницы Крестьянской армии, а последние, в свою очередь, не были в состоянии осуществить широкомасштабные боевые дей-

[1] РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 75, лл. 48—50.

ствия вроде сентябрьских против хорошо вооруженных и технически оснащенных красноармейских частей.

На Ферганском фронте осенью 1919 г. активно действовали более 40 крупных и мелких отрядов курбаши. Наиболее крупными из них были формирования Мадаминбека, насчитывавшие к концу 1919 г. 30 тыс. джигитов[1]. Характеризуя место и роль Мадаминбека в движении борцов за независимость, начальник разведотдела туркестанских войск писал в телеграмме в Самару начальнику разведки Туркестанского фронта от 30 ноября 1919 г.: «Поставив цель ниспровержение советской власти и восстановление автономии Ферганы, Мадаминбек проявил несомненный организаторский и политический талант. Отдельные шайки объединяет под своим главенством, принимает меры к прекращению организованного грабежа, стараясь окружить себя ореолом защитника населения. Шайка его быстро возрастает и в смысле управления получает относительно стройную организационную форму...»[2].

22 октября 1919 г. в пограничном селении Иркештам состоялся курултай руководителей движения борцов за независимость и белого движения, представителей разных слоев населения области. На нем было сформировано Временное автономное правительство Ферганы — Фарғона муваққат муҳторият ҳукумати — во главе с Мадаминбеком. В его состав вошли 24 человека, в том числе 16 мусульман и 8 русских[3].

Временное автономное правительство Ферганы обратилось с воззванием к крестьянам, в котором призвало их вступать в ряды борцов с большевистским режимом[4].

Временное правительство Ферганы предприняло попытку установить связь с британской миссией в Кашгаре, чтобы получить от Англии помощь и поддержку[5].

Продолжая сплачивать вооруженные силы патриотов, Мадаминбек в конце октября 1919 г. в кишлаке Аим созвал курултай наиболее видных курбаши. В нем

---

[1] ФОГА, ф. 435, оп. 1, д. 220, л. 102.
[2] РГВА, ф. 110, оп. 1, д. 43, лл. 139—140.
[3] РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 51, л. 52.
[4] Там же, д. 58, л. 52.
[5] Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918—1924). — М., 1962. С. 33.

приняли участие Эргаш, Халходжа, Шермухаммадбек, Рахманкул, Аман Пахлавон, представители национального и белого движения, бухарского эмира и др. На нем обсуждался вопрос об объединении мелких отрядов курбаши и был разработан план их совместных операций. На основании решений курултая около 150 действовавших в Фергане отрядов курбаши были сведены в 4 крупных соединения под командованием Мадаминбека, Эргаша, Халходжи и Шермухаммадбека[1]. Объединение разрозненных отрядов курбаши значительно усилило их.

После прорыва в сентябре 1919 г. блокады ТАССР положение борцов за независимость осложнилось. Если до этого они сражались в основном против войск Туркреспублики, то теперь и против постоянно наводняющих край красноармейских частей Туркестанского фронта. Борьбу в Фергане против отрядов курбаши возглавила Туркомиссия.

В ноябре 1919 г. в Фергану был направлен член Туркомиссии Ф. И. Голощекин. По возвращении оттуда 28 ноября на заседании крайкома КПТ он сделал доклад «О Фергане», в котором раскрыл удручающее состояние дел в области. Он отметил, что «в партийной, советской и экономической жизни там хаос и ужас». В результате изучения корней движения за независимость Ф. И. Голощекин пришел к выводу, что оно «создано советской властью и нашими отрядами». Очень нелестный отзыв им был дан и о ферганских большевиках, которые, как заявил докладчик, «грабят и берут взятки»[2].

28 ноября 1919 г. Туркомиссия наметила следующие меры по борьбе с отрядами курбаши: 1) бороться за овладение крупными опорными базами повстанцев; 2) изолировать отряды курбаши от остального населения путем широко поставленной политической работы; 3) опубликовать приказ об упразднении названия «военнопленный» для сдавшихся повстанцев; 4) принять меры к сдаче населением оружия[3].

С прибытием из центра частей регулярных воинских формирований Ферганский фронт был значительно усилен хорошо вооруженными и закаленными в

---

[1] РГВА, ф. 110, оп. 2, д. 419, л. 3; ф. 149, оп. 1, д. 75, лл. 48—50.
[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 64, л. 39.
[3] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 2, д. 825, л. 98.

боях частями Туркфронта. Сюда были направлены кавалерийский полк, 9-я стрелковая бригада, 1-я Приволжская отдельная татарская стрелковая бригада, преобразованная затем в 4-ю стрелковую бригаду из трех полков, бронепоезд «Роза Люксембург» и др. К 1920 г. общая численность 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, в которую были сведены все действовавшие в Фергане части Красной армии, была доведена до 12340 человек при 52 пулеметах[1]. Постановлением РВС Ферганского фронта были организованы 3 боевые группы: Наманганская, Кокандская и Андижанская[2].

Руководством Туркреспублики и полномочным представительством советского правительства в Туркестане, наряду с наращиванием вооруженных сил для борьбы с отрядами курбаши в Фергане, были осуществлены некоторые мероприятия и в экономической сфере. Повсеместно были открыты базары. В начале 1920 г. продразверстка для дехканства была заменена натуральной повинностью, выражавшейся в долевом (от 1/10 до 4/10) отчислении от общего размера урожая. Были возвращены прежним владельцам, главным образом кустарям, обобществленные в предшествующий период кустарные и полукустарные предприятия. Коренному населению, в том числе сельскому, оказывалась и экономическая поддержка. В Фергану направлялись поступающие из центра хлеб, другие виды продовольствия, промтовары. Населению области, пострадавшему от военных действий, в конце 1919 г. правительством ТАССР было выделено 40 млн руб.[3].

Широкий размах в это время получила политико-массовая работа среди коренного населения. Вся мощь пропагандистской машины была нацелена на дискредитацию повстанческого движения с целью отрыва от него широких слоев мирного населения. Не последнее место в программе оздоровления политической ситуации в области отводилось мероприятиям по укреплению партийных и советских органов власти. Были распущены выборные исполкомы советов, а вместо них образованы чрезвычайные органы советской власти —

---

[1] Поляков Ю., Чугунов А. И. Конец басмачества. — М., 1976. С. 82.

[2] РГВА, ф. 149, оп. 1, д. 97, л. 6.

[3] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 626, л. 87.

областной, уездно-городские и волостные революционные комитеты (ревкомы)[1]. Их состав не избирался населением, а назначался вышестоящей советской инстанцией, что являлось нарушением демократии, порядка формирования местных органов государственной власти.

Однако несомненно позитивный социальный потенциал осуществления экономических и политических мероприятий советское руководство подчинило одной цели — ликвидации повстанческого движения. В стратегии «умиротворения» области предпочтение отдавалось единственному, самому худшему из возможных вариантов, — силовым методам разрешения конфликта, все же другие действия были призваны ослабить, расшатать консолидацию туркестанского общества вокруг борцов за независимость.

Используя численное превосходство, войска Ферганского фронта в конце 1919 — начале 1920 г. предприняли ряд широкомасштабных военных операций против отрядов курбаши и Крестьянской армии. 5 ноября 1919 г. части Красной армии под началом командующего Ферганским фронтом А. П. Соколова повели наступление на ставку Мадаминбека — кишлак Гарбуа. В течение всего дня его джигиты оказывали упорное сопротивление противнику, но потерпели поражение. Потеряв 300 человек убитыми, они были вынуждены отступить. 15 ноября, после трехдневных боев войска Мадаминбека оставили селение Аим, расположенное в 30 км от Андижана, и отошли к Базаркургану. Однако вскоре, оправившись от временных поражений, формирования курбаши во второй половине ноября 1919 г. перешли в контрнаступление. 22 ноября объединенные отряды Мадаминбека, Халходжи и Махкамходжи общей численностью в 1400 человек повели наступление на Джалалабад и окрестные переселенческие села. Находившиеся там гарнизон и вооруженные отряды крестьян с помощью подоспевших из Андижана частей Красной армии нанесли повстанцам поражение и вынудили их отступить[2]. В конце ноября 1919 г. отряды Мадаминбека, Халходжи и Аман Пах-

---

[1] ФОГА, ф. 128, оп. 1, д. 1, лл. 107—110.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 79, лл. 2—3.

лавона общей численностью 5 тыс. человек разгромили и уничтожили отряд Казанского полка[1].

3—5 декабря 1919 г. части 2-й Туркестанской стрелковой дивизии четырьмя колоннами общей численностью 710 штыков и 1540 сабель при 6 орудиях и 23 пулеметах повели наступление против отрядов курбаши, расположенных в кишлаках Шаарихан и Гарбуа, насчитывавших несколько тысяч джигитов. Однако операция не достигла цели. Повстанцы, понеся незначительные потери, вышли из-под удара красноармейских частей и передислоцировались в другие районы. Анализируя ход и итоги этой неудавшейся операции, командование Ферганского фронта пришло к выводу, что противник представляет «не случайное скопище вооруженных людей, а правильно организованные части». Его войска обучены строю и подготовлены тактически. Силы его превышали 2 тыс. человек, «резервом же служило все окрестное мусульманское население»[2].

Однако по мере прибытия из центра воинских формирований обстановка на Ферганском фронте стала коренным образом меняться в пользу сил Красной армии, что позволило им, начиная с середины января 1920 г., захватить инициативу в свои руки.

Подразделения Ферганского фронта нанесли формированиям Эргаша крупное поражение. Выступив 18 января 1920 г. из Коканда, сводный отряд под командованием П. М. Парамонова овладел опорным пунктом Эргаша — крепостью Бачкир. В ходе ожесточенных боев Эргаш потерял около половины своего отряда убитыми и пленными. С остатками своего отряда он ушел в пески[3]. Примерно в это же время части Ферганского фронта провели успешную военную операцию против Крестьянской армии в районе Гульча — Иркештам. 23 января красноармейцами с боем была взята крепость Гульча. Крестьянская армия была разгромлена, а ее командующий подполковник К. Монстров захвачен в плен[4].

В феврале 1920 г. натиск Красной армии на отряды курбаши еще более усилился. В начале месяца началь-

---

[1] Раджабов К. К. Указ. работа. — С. 102—104.

[2] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 81, лл. 108—111.

[3] Иностранная военная интервенция... Документы и материалы. Т. II. — Алма-Ата, 1964. С. 404—405.

[4] Известия ТуркЦИК, 1920, 8 февраля.

ник 2-й Туркестанской стрелковой дивизии получил от командования Туркфронта приказ «преследовать Мадаминбека до полного уничтожения»[1]. Против формирований Мадаминбека и Шермухаммадбека выступили более 2 тыс. пехотинцев, свыше 1500 кавалеристов при 8 орудиях и 14 пулеметах. Серьезное поражение в районе Гарбуа—Каратепе и Шаарихан потерпел во второй половине февраля 1920 г. отряд Шермухаммадбека, который вынужден был отступить в Алайскую долину[2]. Крупное поражение понесли также отряды Мадаминбека и Халходжи. Последний 24 февраля 1920 г. вынужден был сдаться[3]. Нанеся тяжелый урон формированиям Мадаминбека в районе слияния рек Нарын и Карадарья, части Ферганского фронта 6 февраля с боем взяли ставку Мадаминбека. Чтобы выиграть время, Мадаминбек был вынужден обратиться к командующему Ферганским фронтом с предложением начать мирные переговоры.

Под натиском превосходящих сил противника отряды курбаши были вынуждены покинуть районы Куршаба, Мархамата, Узгена, Учкургана, Каратепе, Гарбуа. Части Красной армии заняли Сох, Вуадиль, Учкурган, Араван, закрыв тем самым горные проходы, ведущие в Ферганскую долину.

Чтобы сохранить живую силу от полного разгрома превосходящими силами противника, отдельные отряды курбаши начали добровольно сдаваться и переходить на сторону советской власти. 30 января 1920 г. это сделали отряды Акбарали и Махкамходжи, насчитывавшие 600 джигитов, а 2 февраля 1920 г. — отряд Парпи в 300 человек. Переходили на сторону советской власти и более мелкие отряды и группы ополченцев[4].

К середине февраля 1920 г. наиболее крупным и боеспособным формированием вооруженной оппозиции, продолжавшим борьбу против большевистского режима в Туркестане, оставались отряды Мадаминбека. Командующий Туркфронтом М. В. Фрунзе в приказе начальнику 2-й Туркестанской стрелковой дивизии от 1 марта 1920 г. дал указание «продолжать самые

---

[1] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 82, л. 102.

[2] Известия ТуркЦИК, 1920, 27 февраля.

[3] Халходжа через несколько дней после сдачи скрылся со своим отрядом. См.: *Иностранная военная интервенция...* Т. II. — С. 411.

[4] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 328, лл. 3—4.

энергичные операции с целью захвата шайки Мадамина. В случае действительно искренней готовности Мадамина прекратить военные действия, переговоры начать, потребовав от него безусловной сдачи с выдачей всего оружия и всякого другого военного имущества при условия признания советской власти»[1].

Переговоры, которые с советской стороны вели представители штаба 2-й Туркестанской стрелковой дивизии и Ферганского облревкома (Махмудов и др.), состоялись 5 марта 1920 г. в г. Старый Маргилан. 6 марта 1920 г. было подписано мирное соглашение между командующим повстанческой армией Мадаминбеком и командованием 2-й Туркестанской стрелковой дивизии, по которому Мадаминбек признавал полное подчинение советской власти, обязывался «быть ее верным слугой, подчиняясь всем ее приказам и распоряжениям». В то же время Мадаминбек в соглашении оговаривал условия, при соблюдении которых советской властью он будет выполнять вышеизложенное. А эти важные условия в значительной степени исходили из целей и задач движения за независимость. «Советская власть, — гласил первый пункт мирного соглашения, — при организации гражданской жизни Туркестана сохранит основы шариата, защищая интересы трудового населения, предоставив право мусульманскому населению жить по этому шариату, т. е. применяясь к местным условиям и обычаям населения». Кроме политических условий оговаривались и военные. В мирном соглашении отмечалось, что Мадаминбек обязуется «защищать всемерно советскую власть от ее врагов» в пределах Ферганы, не выезжая на другие фронты. Учитывались в нем и интересы служивших у Мадаминбека русских офицеров, которые получали полную амнистию и по их пожеланию могли остаться в отрядах Мадаминбека[2].

Однако многие пункты мирного соглашения, являвшиеся уступкой Мадаминбеку, не устраивали Туркомиссию и партийные органы. Ферганский обком КПТ в своем решении от 12 мая 1920 г. просил крайком КПТ и РВС Туркфронта аннулировать это соглашение, так как оно «не выдерживает никакой критики в политическом отношении». Резко отрицательную по-

---

[1] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 51, л. 12.
[2] Там же, д. 285, лл. 75—76.

зицию по отношению к соглашению занял и В. В. Куйбышев. В разговоре по прямому проводу с начальником 2-й Туркестанской стрелковой дивизии Н. А. Веревкиным-Рохальским, состоявшемся в тот же день, он заявил, что мирное соглашение с Мадаминбеком в данной редакции может иметь нежелательные последствия как в политическом, так и в военном отношении. В. В. Куйбышев рекомендовал добиться изменения основных пунктов договора, а по отношению к Мадаминбеку проводить тактику, направленную на то, чтобы «постепенно урезывать его гонор и сводить на положение обычного подчиненного»[1]. В результате диктата Туркомиссии первоначальный текст мирного соглашения был кардинально изменен, из него были исключены многие пункты, отвечавшие интересам коренного населения. Вскоре Мадаминбек выехал в Ташкент, а его отряды начали переформировываться.

Переход на сторону советской власти одного из признанных лидеров движения за независимость Мадаминбека со своими 1200 джигитами толкнул на этот шаг и ряд других курбаши. Прекратили борьбу и перешли на сторону советской власти со своими отрядами курбаши Рахманкул, Юлчи, Мулла Эргаш, Исламкул, Уста Рузмат и некоторые другие.

Из сдавшихся отрядов курбаши были сформированы 4 кавалерийских полка под командованием Ахунджана Нурмухамедова, Махкамходжи Мирзы Рахимова, Туйчи и Муллы Эргаша[2]. Позднее «из наличных джигитов Мадаминбека» приказом по Туркфронту от 30 апреля 1920 г. был сформирован конный полк под названием «Маргиланский Узбекский конный полк». Командиром был назначен Мадаминбек, а его помощниками — военком Антонов и курбаши Салих Махдум. Был сформирован также «при наличии образовавшегося от формирования Маргиланского Узбекского конного полка излишка» запасной Узбекский кавалерийский дивизион под командованием Никольского-Белкина. Оба этих формирования включались в состав дивизионной конницы 2-й Туркестанской стрелковой дивизии с подчинением комбригу Э. Кужело[3].

---

[1] Зевелев А. И. Указ. соч. — С. 550—551.
[2] Там же. — С.542; РГВА, ф. 110, оп.1, д.64, лл. 99—100.
[3] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 217, л. 62.

Советское командование планировало использовать эти бывшие отряды курбаши для борьбы против ферганской воённой оппозиции, оказавшейся верной идеям национально-освободительного движения[1].

Надо отметить, что многие из перешедших на сторону советской власти отрядов курбаши на первых порах вынуждены были участвовать в сражениях против своих соратников по борьбе в составе частей Красной армии[2]. Однако советские гражданские и военные руководящие органы не проявляли абсолютно никакого внимания и заботы о добровольно перешедших на их сторону повстанцах, предоставив их самим себе. Об их тяжелом положении сообщалось в одном из документов, направленных из Скобелева в Ташкент в штаб Туркфронта: «Осмотрев все мусульманские части, находящиеся в Ферганской области, 1, 2, 3 и 4 мусульманские полки, пришел к следующему заключению: части расположены по всей линии железной дороги, чайханам, кишлакам, имеют жалкий вид: босые и раздетые»[3]. О тяжелом положении перешедших на сторону советской власти отрядов курбаши свидетельствуют и многие другие документы. Они констатировали: «полки Туйчи, Хамдама производят удручающее впечатление»; им «вместо прежнего сытного мусульманского обеда приходится ограничиваться почти не съедобным для мусульманина пайком»; «мусульманские полки предоставлены сами себе»; красноармейцы Ферганского мусульманского батальона «совершенно не были обмундированы, не имели постельных принадлежностей, спали на голых досках, часть ночевала в чайханах» и т.д.[4]. Вдобавок ко всему перешедшие на сторону советской власти отряды курбаши ощущали постоянное недоверие к себе советского командования, которое опасалось, что они вновь перейдут в стан противника.

В очень затруднительном положении оказался Мадаминбек. Переход на сторону врага подорвал к нему доверие мирного коренного населения и особенно оставшихся верными целям и задачам движения предводителей отрядов ферганской вооруженной оппозиции и рядовых джигитов. Не доверяло ему до конца и

---

[1] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 217, л. 62.
[2] Там же, ф. 110, оп. 1, д. 25, лл. 33—40; оп. 3, д. 217, л. 83; д. 79, л. 79; д. 16, л. 34.
[3] Там же, оп. 1, д. 108, л. 82.
[4] Там же, оп. 2, д. 684, л. 9; ГАРФ, ф. 4379, д. 14, л. 268—269.

командование Красной армии, не верившее в полную искренность его перехода на сторону советской власти. В связи с последним обстоятельством заведующий ферганским отделением особого отдела Туркфронта сообщал 9 мая 1920 г. члену Турккомиссии Г. И. Бокию, что согласно агентурным данным «Мадаминбек сдался только для того, чтобы пополнить запасы снаряжения, выждав удобный момент выступить снова. Все эти сведения подтверждаются его действиями. Он стремится прежде всего разделаться со своими врагами»[1].

Возможно, ферганские особисты были и правы, но выполнить свои намерения Мадаминбек не успел вследствие трагической гибели в мае 1920 г. Командование Красной армии решило использовать его для склонения на сторону советской власти курбаши, продолжающих борьбу против нее. Еще в апреле 1920 г. по этому вопросу Мадаминбек вел безуспешные переговоры с Шермухаммадбеком и Халходжой. В мае последние прислали ему письмо, в котором сообщали о своем согласии перейти на сторону советской власти и просили Мадаминбека приехать к ним для продолжения переговоров. Мадаминбек прибыл в их ставку с небольшим отрядом в 10—12 человек, где был вероломно разоружен вместе со своим отрядом. С согласия Шермухаммадбека ярый соперник Мадаминбека по движению Халходжа решил убить его. По его приказу 14 мая 1920 г. палач Халходжи Соки зарезал Мадаминбека в селении Сурматош[2].

Характеризуя военно-политическую обстановку в Фергане в это время, Реввоенсовет Туркфронта в приказе от 30 марта 1920 г. отмечал: «Утихла вечно волновавшаяся Фергана, а измученное долгой борьбой население восторженно приобщается к социалистическому строительству»[3]. Командование Туркестанского фронта выдавало желаемое за действительное. Это затишье было кажущимся и кратковременным. Участники движения за независимость не сложили оружия, а продолжали накапливать силы для нового выступления против советов и их вооруженных сил. Мифом было и утверждение о «восторженном приобщении» коренного населения Ферганы к социалистическому строи-

---

[1] ГАРФ, ф. 4379, оп. 1, д. 14, л. 271.
[2] Раджабов К. К. Указ. работа. — С 110.
[3] Известия ТуркЦИК, 1920, 1 апреля.

тельству. Дело в том, что социалистические идеи не были восприняты народами края, они были непонятны и чужды ему, о чем открыто заявляли не только лидеры вооруженной оппозиции, но и руководящие национальные кадры Туркреспублики.

В связи с тем, что цели национально-освободительного движения не были достигнуты, задачи, поставленные им, не решены, борьба ополченцев, хотя и не столь активная, как раньше, продолжалась. Общая численность отрядов курбаши, уцелевших от разгрома и не поддавшихся на уговоры советов перейти на их сторону, доходила до 5 тыс. Отступив в труднодоступные местности и горы, они продолжали борьбу против большевистского режима и его вооруженных сил.

4. УСИЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ БОРЦОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ В ФЕРГАНЕ

После перехода на сторону советской власти и трагической гибели Мадаминбека главную роль в повстанческом движении стал играть непримиримый противник большевистского режима Шермухаммадбек, с именем которого связана целая полоса в истории борьбы народов Туркестана за независимость. В начале мая 1920 г. в кишлаке Гарибота Алтыарыкского района курбаши и представители мирного населения области провели очередной курултай, на котором 3 мая было провозглашено образование независимого Туркестанского исламского государства. Главой правительства и главнокомандующим вооруженными формированиями был избран Шермухаммадбек. Кроме правительства, на курултае был образован состоявший из 14 человек Военный совет, занимавшийся вопросами развития борьбы за независимость. Правительством Шермухаммадбека на контролируемой повстанцами территории было упразднено введенное еще царскими властями административно-территориальное деление края (область, уезд, волость, община), восстановлены существовавшие до завоевания Туркестана царизмом должностные звания элликбоши, юзбоши, мингбоши. Функции бывших в Кокандском ханстве беков выполняли назначаемые Шермухаммадбеком курбаши. Налоги с населения собирались элликбоши и через мингбоши доставлялись курбаши, а затем через директора (министра) финансов правительства Шермухаммадбека по-

ступали в казну. Устанавливаемые налоги с населения были намного ниже, чем при советах. Содержание курбаши и их джигитов возлагалось на население селений, в которых они располагались[1].

Шермухамадбек проводил большую политическую и организаторскую работу по сплочению уцелевших от разгрома отрядов курбаши, призывал их к объединению и тесному сплочению для совместной борьбы за свободу. По этому поводу в уже упоминавшемся письме заведующего ферганским отделением особого отдела Туркфронта от 9 мая 1920 г. в Ташкент сообщалось, что по имеющимся у него сведениям «Курширмат (Шермухаммадбек. — *Ред.*) обратился с письмом ко всем видным курбаши, где приглашает их присоединиться для защиты Ислама»[2].

Не были оставлены Шермухаммадбеком без внимания и перешедшие на сторону советской власти отряды курбаши. Он настойчиво предлагал им прекратить служить большевистскому режиму и вернуться в ряды вооруженной оппозиции. Указывая на эти действия Шермухаммадбека, начальник штаба 2-й Туркестанской стрелковой дивизии сообщал начальнику дивизии 29 апреля 1920 г., что он прислал «провокационное письмо» предводителям повстанческих отрядов, перешедших на сторону советской власти, Мулле Эргашу, Рахманкулу, Хамдаму и Туйчи, в котором «эти лица приглашаются оставить Мадаминбека и присоединиться к Курширмату (Шермухаммадбеку. — *Ред.*), который заручился поддержкой афганцев и скоро откроет враждебные действия против советской власти. Эргаш и Рахманкул на приглашение откликнулись и ушли от Мадамина». Имеются сведения о том, что «Туйчи намерен оставить Красную Армию и присоединиться к Курширмату»[3].

Скоро под влиянием Шермухаммадбека перешедшие на сторону советской власти отряды курбаши, поняв опрометчивость совершенного ими поступка, один за другим в полном составе во главе со своими курбаши стали покидать места своего расквартирования и вливаться в национально-освободительное движение. А те из них, которые этого не успели сделать

---

[1] Раджабов К. К. Указ. работа. С. 114.
[2] ГАРФ, ф. 4379, оп. 1, д. 14, л. 271.
[3] Там же, лл. 268—269.

(как, например, отряд Ахунжона), были разоружены частями Красной армии.

В связи с этими обстоятельствами, а также активизацией движения за независимость командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе 15 мая 1920 г. направил начальнику 2-й Туркестанской дивизии телеграмму, в которой предлагалось коренным образом изменить проводившуюся ранее тактику борьбы с движением, всемерно ужесточить ее. Отмечая продолжающееся вооруженное выступление отрядов курбаши «при наличии вероломства некоторых из тех туземных отрядов, которые признали советскую власть и стояли в рядах Красной Армии», М. В. Фрунзе приказал начальнику дивизии «немедленно приступить к решительным действиям против остатков басмачей, их шаек, поставив целью их полное уничтожение». В приказе указывалось на необходимость принятия жестких и решительных мер не только в отношении вооруженной оппозиции, но и поддерживавшего ее мирного населения. По этому поводу М. В. Фрунзе подчеркивал: «В действиях проявлять твердость и решительность. Все переговоры с главарями шаек прекратить... Все входящие в состав басмаческих шаек должны рассматриваться как грабители и враги народа и подлежат расстрелу на месте. Все лица, а также целые общества, уличенные в сношениях или помощи басмачам, будут подвергаться самым суровым карам по закону военного времени...»[1].

Так командование Туркфронтом совершило коренной поворот в стратегии и тактике борьбы с движением за независимость. Были преданы забвению ранее провозглашенные политические меры, гибкая тактика по разложению рядов повстанцев и вовлечению в борьбу с ними широких масс населения Ферганы. Все это ныне заменялось красным террором не только в отношении непосредственных участников вооруженного сопротивления, но и сочувствующих и поддерживающих их из числа мирного населения, а таковых тогда было очень и очень много. Большевистский режим, таким образом, целиком и полностью перешел в борьбе с вооруженной оппозицией на силовые методы, видя в последних единственный, с его точки зрения, способ

[1] РГВА, ф. 110, оп.3, д.290, л.127.

подавить всякое инакомыслие, всякое недовольство утверждавшимся большевиками в крае режимом.

С середины мая действия обеих противоборствующих сторон приобрели ожесточенный характер. Каждая их них, стремясь добиться скорейшей победы над противником, делала ставку лишь на оружие, на насилие, не останавливаясь перед террором. Мирное население оказалось в тисках с обеих сторон. Каждая из них жестко требовала от него беспрекословного подчинения и поддержки, беспощадно карая за непослушание и противодействие. Каждая из них усилила экономический и продовольственный нажим на мирное дехканство, переходящий в его настоящий грабеж.

Предпринимаемые командованием Туркфронта в середине мая 1920 г. жесткие меры, направленные на полное искоренение движения за независимость в Фергане, дали обратный эффект. Вооруженное сопротивление большевистскому режиму не только ослабло, а, наоборот, возросло, о чем можно судить и по тревожным сообщениям командования Туркфронта в центр.

В телеграмме из Андижана от 25 мая 1920 г., направленной председателю Совета обороны и главкому республики, М. В. Фрунзе и член РВС Туркфронта Ю. И. Ибрагимов с тревогой докладывали «о сильной вспышке басмачества в Фергане» и обращали внимание «на необходимость усиленной военной помощи фронту». В Фергану были «брошены все силы, вплоть до команды фронтового поезда, принимающей участие в боях». Обосновывая экстренную потребность такой помощи, они писали: «Необходимы твердые и решительные меры, иначе Фергана на долгое время будет утрачена для нас как поставщик хлопка»[1]. Как видно из приведенной выше телеграммы, командование Туркфронта, выражая интересы Центра, было весьма озабочено тем, как бы в результате усиления движения за независимость в регионе метрополия не лишилась дешевого ферганского хлопка.

Просьба командования Туркфронта к Центру о необходимости спешного направления в регион военной помощи высказывалась несмотря на то, что на Ферганском фронте к этому времени имелся значительный воинский контингент, состоявший из частей 2-й Туркестанской стрелковой дивизии и приданных ей

[1] Фрунзе М. В. Избранные произведения. Т.I. — М., 1957. С. 317.

подразделений. В начале мая 1920 г. общая численность воинских формирований на Ферганском фронте достигала 7,5 тыс. штыков и сабель, хорошо оснащенных боевой техникой. К середине июня 1920 г. лишь в приданных 2-й Туркестанской стрелковой дивизии частях Красной армии насчитывалось 70 пулеметов, 6 орудий, 5 аэропланов, 7 броневиков и 1 бронепоезд[1].

Противостоящие этой военной армаде повстанцы имели примерно такую же численность, но многократно уступали в вооружении. Летом 1920 г. они были представлены объединенными формированиями во главе с Шермухаммадбеком, насчитывавшими 6450 джигитов при 13 пулеметах и 1 орудии, и многочисленными мелкими отрядами[2].

Несмотря на то, что повстанцы значительно уступали противнику прежде всего в технической оснащенности, они представляли для большевистского режима огромную опасность, отвлекая на себя значительные военные силы. На их стороне была поддержка мирного коренного населения, среди которого было немало патриотов, желающих сражаться в отрядах курбаши против большевистского режима, но для них не хватало оружия. Это обстоятельство были вынуждены признать и представители командования Красной армии. Так, летом 1920 г. начальник 2-й Туркестанской стрелковой дивизии Ф. Д. Карпов, отмечая всенародный характер движения за независимость в Фергане, заявил в разговоре по прямому проводу с командующим Туркфронтом, что «борьба в Фергане не есть борьба с разбойниками, здесь борьба является с организованным восстанием туземцев против советской власти. Басмачи понесли колоссальные потери с прошлой операции, в настоящее время их ряды вновь пополнились даже больше, на каждую винтовку имеется пять кандидатов»[3]. Именно в поддержке основной массы мусульманского населения Ферганы и всего края крылась главная причина того, что несмотря на многократное превосходство в живой силе и особенно в технике части Красной армии длительное время не могли искоренить движение за независимость в регионе.

---

[1] РГВА, ф. 110, оп.3, д. 105, лл. 101—105.
[2] Там же, д. 478, л. 25.
[3] Там же, д.309, лл.7—10.

Чем же был вызван его новый всплеск в Ферган в конце весны — начале лета 1920 г.? Факторы новог подъема движения можно разделить на две группы военные и экономические. Командование Красной ар мии думало ужесточением борьбы усмирить народно восстание в Фергане, потопить его в крови. Как уж отмечалось, захваченные с оружием ополченцы по при казу М. В. Фрунзе от 15 мая 1920 г. подлежали рас стрелу на месте. Подвергались жестокому наказани те из граждан и даже целые селения, которые в то или иной форме оказывали им поддержку[1]. Широк применялся командованием Красной армии антигу манный институт заложничества[2]. Красный террор, про извол и насилие советских властей, их вооруженны сил и карательных органов привели не к смирени участников вооруженного сопротивления и поддержи вавшего их мирного коренного населения, а, наобо рот, вызвали еще больший взрыв негодования. Новы и новые сотни и тысячи людей, возмущенных бесчин ством властей, уходили в отряды курбаши, пополня их.

Еще одним из факторов военного характера, выз вавшим новый рост движения за независимость, яви лась мобилизация в Красную армию 30 тыс. гражда из коренного населения ТАССР, проводившаяся в со ответствии с приказом по Туркфронту за подписью М. В. Фрунзе, опубликованным 7 мая 1920 г. Прика вызвал значительное недовольство среди коренного на селения области и края, которое ранее не призывалос на действительную военную службу. Спасаясь от мо билизации, немало мужчин призывного возраста бе жало из городов и кишлаков, пополняя ряды воору женного сопротивления[3].

В немалой степени новому всплеску движения Фергане способствовала и проводившаяся большевист ским режимом в Туркестане политика «военного ком мунизма». Если в начале 1920 г. властями было сдела но некоторое послабление коренному населению в вы полнении им ее отдельных положений, то затем влас ти вновь вернулись к прежней экономической поли тике, не учитывавшей местные реалии.

---

[1] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 290, л. 127.
[2] Там же, д. 360, л. 117.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 379.

Насилием и произволом сопровождалось проведе-ие всеобщей трудовой повинности, которая осуще-влялась в крае на основании приказа ТуркЦИК от 3 юня 1920 г. Как отмечал в докладе на VI съезде КПТ вгуст 1921 г.) «О Фергане» Назир Тюракулов, «басма-ество — это политическая близорукость, неумение под-дить и фанатизм наших органов в прошлом. Приме-м нашей политической близорукости в этом отноше-и может служить проведение трудовой повинности в ловиях Ферганского фронта... Дошло до того, что для го, чтобы набрать необходимое количество лиц для удовой мобилизации, организовывали облаву в ме-ги и т. д. Вот все те специальные условия, в которых звивалось, усиливалось и окрепло басмачество»[1].

Но особенно сильным детонатором в новом подъе-движения за независимость явилась продовольствен-я политика большевистского руководства. Летом 20 г. продразверстка была распространена на все об-сти и на все сельское население, включая коренное, том числе и на Ферганскую область[2].

Надо отметить, что отряды курбаши, защищая ин-ересы дехкан, решительно выступали против продраз-рстки и ее проводников в Фергане. Они стремились еми силами и средствами сорвать ее, не дать боль-евистским властям выкачать хлеб и другое продо-льствие из области. В этой связи местная печать исала: «Вождями басмачей Курширматом (Шермухам-дбеком. — *Ред.*) и Халходжой развешаны объявле-ия, в которых говорится: ни одного фунта хлеба боль-евикам»[3]. Повстанцы убивали работников продорга-ов, членов продотрядов и мусульманской инспекции, хватывали и увозили заготовленные ими продоволь-вие и фураж[4]. Сопротивление повстанцев продраз-рстке было столь широким и решительным, что в скольких уездах на время советам пришлось вообще риостановить ее проведение[5]. В результате продраз-рстка по области была практически сорвана (напри-р, по зерну она была реализована всего лишь на 31 роцент от предусмотренного планом)[6]. Продразверст-

---

[1] ААП РУз, ф.60, оп.1, д.393, л. 109.
[2] Известия ТуркЦИК, 1920, 26 августа.
[3] Правда (г. Верный), 1920, 24—25 июля.
[4] ЦГА РУз, ф.Р-31, оп.1, д.203, л.53.
[5] ГАФО, ф. 69, оп.1, д.5, л. 127.
[6] ЦГА РУз, ф.Р-31, оп.1, д.208, л.53.

ка еще больше подорвала дехканские хозяйства области, усилила голод и до предела обострила военно-политическую обстановку в регионе, привела к дальнейшему росту движения за независимость.

Продразверстка усилила недовольство большевистским режимом и русского крестьянства области, на которое она была распространена еще раньше. Весной 1920 г. в одном ряду с формированиями повстанцев против большевистского режима и его вооруженных сил в Фергане стойко сражался сформированный из крестьян-переселенцев отряд Василия Донца в 200 человек[1].

Говоря о факторах, способствовавших новому всплеску движения за независимость, нельзя не сказать о большой агитационной работе, проводившейся в этом направлении представителями запрещенных большевистским режимом национальных организаций «Шурои Исламия» и «Уламо»[2].

Особенно активную роль в развертывании движения за независимость играло мусульманское духовенство. Оно в своем большинстве отрицательно восприняло октябрьский переворот и приход большевиков к власти, активно выступало против установленного ими в крае атеистического режима. Большевистское правительство Туркестана сделало все для того, чтобы мусульманское духовенство стало ярым противником нового строя. Действия туркестанских большевистских властей привели к тому, что многие служители культа стали идеологами и организаторами движения, а некоторые из них даже возглавили отряды вооруженной оппозиции[3].

Начиная с конца весны 1920 г., повстанческие формирования активизировали свои боевые действия. Так, в середине мая формирования Шермухаммадбека численностью до 1 тыс. человек совершили нападение на гарнизон Учкургана, состоявший из 150 красноармейцев. В результате завязавшегося боя гарнизон потерял до половины своего состава. Перешли к активным боевым действиям и отряды других курбаши[4]. Напуганное ростом движения за независимость, ко-

---

[1] РГВА, ф.278, оп.3, д.10а, лл.325—326.

[2] История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. — Т., 1970. С. 114—115.

[3] ААП РУз, ф.60, оп.1, д.1973, лл.7—11.

[4] История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. — С. 114—115.

мандование Туркестанского фронта принимает меры для организации широкого наступления на повстанцев. Для изучения конкретной военной обстановки на Ферганском фронте и непосредственного руководства боевыми действиями против основных сил противника сюда во второй половине мая 1920 г. прибывают командующий Туркфронтом М. В. Фрунзе и член Реввоенсовета фронта, председатель Туркомиссии Ш.З. Элиава.

Во второй половине мая в Алайскую долину был направлен особый конный отряд Красной армии численностью в 2500 сабель для разгрома сосредоточенных там основных сил борцов за независимость. Отряд выполнил свою задачу, нанеся поражение повстанцам. Последние были вынуждены отступить к бухарскому городу Гарм[1]. Сводный отряд под командованием М. П. Парамонова при 2 орудиях и 4 пулеметах, выступив 30 мая 1920 г. из Коканда, провел несколько удачных операций против отрядов Салих Махдума, Аман Пахлавона, Атакузи в районе кишлаков Пишкаран, Заркент, Нанай, Суфи Мулла и поселка Успенское[2].

Чтобы ослабить социальную базу движения и привлечь на борьбу с ним мирное коренное население области, 24 мая 1920 г. М. В. Фрунзе обратился с воззванием «К мусульманскому населению Ферганской области», составленным в прежнем духе. Борцы за независимость представлялись в воззвании как разбойники, враги трудового народа, а само их движение изображалось как контрреволюционное.

Командование Красной армии приняло меры по укреплению руководства Ферганским фронтом и пополнению последнего. Для централизации руководства военными действиями против отрядов курбаши приказом командующего Туркфронта от 1 июня 1920 г. был избран Военный совет 2-й Туркестанской стрелковой дивизии с подчинением ему всех воинских частей Ферганского фронта. 17 июня Военный совет 2-й Туркестанской дивизии «для окончательного искоренения басмачества и водворения спокойствия в Ферганской области» постановил передать функции адми-

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. С. 315—316.

[2] РГВА, ф. 1075, оп.3, д.76, л.3; История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. С. 116.

нистрации военным властям. В Фергану были переброшены воинские формирования из других областей края. 12 июня 1920 г. М. В. Фрунзе отдал приказ направить сюда из Семиречья два пехотных и два кавалерийских полка[1]. Все эти меры позволили командованию Красной армии заметно укрепить войска Ферганского фронта.

Летом 1920 г. происходили непрерывные сражения повстанцев с красноармейскими частями. К тому времени здесь действовали десятки отрядов вооруженной оппозиции. Наиболее крупными из них были формирования Шермухаммадбека, Халходжи. Вокруг них сплачивались более мелкие отряды[2]. При проведении крупных военных операций отряды курбаши объединялись под общим командованием Шермухаммадбека или Халходжи, а затем снова возвращались к местам своей дислокации.

19 июня 1920 г. патриоты провели операцию по взятию станции Кургантюбе. Несколько раз они пытались захватить ее, но попытки успеха не имели. Командование Красной армии направило из Андижана на помощь осажденному гарнизону станции одну стрелковую роту, бронепоезд и бронеавтомобиль. Отряд благополучно прибыл на станцию и занял вместе с гарнизоном оборону, а затем предпринял контратаку в сторону кишлака Аим[3]. В ночь с 20 на 21 июня 1920 г. ополченцы повели наступление на Коканкишлак, но были остановлены массированным огнем. В оперативной сводке командования Красной армии об этом эпизоде сообщалось: «Противник во время наступления действовал организованно и настойчиво... По сведениям жителей, среди басмачей было много русских и даже офицеров. Огонь басмачей был очень меткий». В этом бою гарнизон потерял 8 человек убитыми и 18 ранеными[4].

В конце июня — июле 1920 г. красноармейцы предприняли ряд крупных военных операций против основных сил повстанцев. В последних числах июня части Красной армии нанесли поражение отряду Халходжи, насчитывавшему 1500 человек, в том числе 500

---

[1] История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. С. 117—119.
[2] РГВА, ф. 110, оп.3, д.10а, лл. 219, 325—326.
[3] Иностранная военная интервенция... Т. II. С. 447.
[4] Там же. С. 448—449.

безоружных, вынудив его отойти в направлении селений Булакбаши, Гарбуа и Мархамат. В оперативной сводке о происшедшем сражении обращалось внимание на то, что в отряде Халходжи имелись русские[1].

В июле 1920 г. формирования Шермухаммадбека, Халходжи и Алиербека общей численностью 3500 человек создали серьезную угрозу для железной дороги Коканд—Фергана и Андижан—Наманган. В связи с этим командование Красной армии приняло решение провести против них крупную операцию. В результате ее осуществления красноармейцы, наступление которых поддерживалось огнем двух бронепоездов, нанесли поражение ополченцам в районе Гарбуа—Араван[2]. В течение июля происходили жаркие бои отрядов курбаши с частями Красной армии в направлениях Гарбуа—Язяван, Янгичек—Булакбаши, Шахрихан—Дурман—Заркент, Язяван—Мингбулак.

Однако эти временные неудачи не сломили участников движения за независимость. 27 июля 1920 г. в кишлаке Чинабад по инициативе Шермухаммадбека состоялось совещание представителей наиболее крупных отрядов курбаши. На совещание Шермухаммадбеком были приглашены Халходжа и Рахманкул со своими джигитами. Оно было созвано с целью выработки плана нападения на Андижан. Шермухаммадбек предложил объединенными силами напасть на этот важный во многих отношениях город области с четырех сторон, а затем, как заявил Шермухаммадбек, остальные города Ферганской долины должны сдаться сами. Однако мнения участников совещания разделились. Халходжа предложил сначала напасть на г. Ош, однако его предложение было отклонено по настоянию Шермухаммадбека. Тогда Халходжа вместе со своим отрядом в 1000 джигитов покинул Чинабад и направился в Базаркурган. Что касается Рахманкула, то он со своим отрядом в 800 человек остался в Чинабаде, обсуждая с Шермухаммадбеком вопросы практической реализации предложенного плана нападения на Андижан[3].

Несгибаемость и упорство бойцов сопротивления, которым противостояли намного превосходившие их

---

[1] Иностранная военная интервенция... С. 449.
[2] История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. С. 120—121.
[3] РГВА, ф. 278, оп.3, д.10а, лл.325—326.

по численности и несоизмеримо — по технической оснащенности войска Ферганского фронта, вызывали у советского руководства решимость быстрее покончить с ними[1]. В этих целях советским правительством и командованием в Фергану регулярно направлялись все новые и новые подразделения Красной армии[2].

16 августа 1920 г. ТуркЦИК и Реввоенсовет Туркфронта издали приказ, которым объявили в Ферганской области военную диктатуру[3].

Централизовав управление областью и находившимися там войсками, пополнив их ряды новыми воинскими частями, прибывшими из центра, проведя перегруппировку сил, командование Ферганского фронта в августе 1920 г. предприняло новые широкомасштабные военные операции против повстанцев. Начало им было положено наступлением красноармейских частей на ферганском участке в районе селения Гарбуа против объединенных отрядов курбаши общей численностью 2 тыс. человек под командованием Шермухаммадбека. Отряды курбаши стойко оборонялись против превосходящих сил противника. Вначале они даже вынудили один из батальонов Красной армии отступить к Шаарихану, но под давлением подошедшего к батальону подкрепления были вынуждены отойти, неся значительные потери[4]. В первой половине августа 1920 г. Красной армии в Ошском районе удалось нанести поражение и отрядам Халходжи[5].

И все же, несмотря на определенные успехи, войскам Ферганского фронта не удалось до конца реализовать свои широкомасштабные планы по ликвидации движения за независимость. Хотя и с большими потерями, отряды ферганской вооруженной оппозиции сумели уйти от разгрома многократно превосходящими их силами противника, с боями отступить в труднодоступные районы области.

В конце августа — начале сентября 1920 г. положение отрядов курбаши в Фергане заметно улучшилось. Это было связано с тем, что командование Красной армии, подготавливая вторжение своих войск в Бухарский эмират, было вынуждено перекинуть с Ферганс-

---

[1] РГВА, ф. 110, оп.3, д. 250, л.77.
[2] Боевой путь войск Туркестанского военного округа. — С. 122.
[3] РГВА, ф.28113, оп. 1, д.1, лл. 105—106.
[4] История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. С. 125—126.
[5] РГВА, ф.110, оп.3, д.522, л.2.

кого фронта значительные вооруженные силы для участия в бухарской операции. В результате резко сократилась численность подразделений Ферганского фронта — до 3 тыс. штыков и сабель, в то время как отряды курбаши насчитывали свыше 8 тыс. человек. Правда, среди них было и немало безоружных. В качестве примера можно привести отряд курбаши Исроила, который в середине сентября 1920 г. насчитывал 300 джигитов, из которых, как сообщали советские источники, «большинство не вооружены»[1].

Пользуясь значительным ослаблением противостоящих им сил, формирования курбаши взяли военную инициативу в свои руки и активизировали военные действия. Только с 10 по 27 сентября 1920 г. они совершили нападения на красноармейские гарнизоны, расположенные в селениях Вуадиль, Чувал, Грунчмазар, Охна и на станции Ош, Кургантюбе и Урганчи, а также на отдельные красноармейские части, которые понесли серьезные потери[2]. Практически не проходило ни одного дня, чтобы отряды курбаши не совершали нападения на города, железнодорожные станции и селения области, занятые красноармейскими гарнизонами.

Активизация боевых действий участников вооруженной оппозиции серьезно озаботила правительство Туркреспублики. 2 сентября 1920 г. Совнарком ТАССР направил письмо Реввоенсовету Туркфронта, в котором с большой тревогой отмечалось, что «басмачество вышло за пределы Ферганской области и начинает распространяться даже в Ташкентский уезд, захватив уже 8 волостей». Правительство Туркреспублики, констатируя, что повстанцы «препятствуют проведению основных начал советского строительства», разгоняют и истребляют советских работников на местах, мешают проведению продразверстки и т. д., просило Реввоенсовет Туркфронта «в срочном порядке поставить на обсуждение Реввоенсовета вопрос об искоренении басмачества вооруженной силой»[3].

Опасаясь дальнейшего расширения движения, представлявшего реальную угрозу советской власти не только в Ферганской области, но и во всем крае, командо-

---

[1] РГВА, ф. 278, оп.3, д.10а, л.444.
[2] Там же, ф. 268, оп. 1, д. 129, лл. 1—13; ф. 110, оп. 1, д. 182, л. 52.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 300, л. 33.

вание Туркестанского фронта после завершения бухарской операции в спешном порядке перебрасывает на Ферганский фронт значительные вооруженные силы: 1-ю (бывшую 3-ю) кавалерийскую дивизию, 7-ю и 8-ю стрелковые бригады, 3-й Туркестанский полк, Особый кавалерийский полк, 10-й и 12-й Туркестанские стрелковые полки, национальную территориальную бригаду, бронепоезд № 1, 26-й авиаотряд, автобронедивизион и некоторые другие подразделения Красной армии[1]. Сюда же была направлена и часть призванных в Красную армию по приказу от 7 мая 1920 г. граждан из числа коренного населения Ташкентского, Черняевского, Перовского уездов Сырдарьинской области общей численностью около 3 тыс. человек[2].

В результате принятых командованием Туркфронта мер по укреплению Ферганского фронта к концу октября 1920 г. в Ферганской армейской группе под командованием Г. В. Зиновьева насчитывалось 42 батальона, 137 рот, 34 сотни и эскадрона, 14 батарей, 11262 пехотинца, 4241 кавалерист, «всего едоков» — 27687. На их вооружении имелось 66 орудий, 376 пулеметов, 19658 винтовок, 6 самолетов, 3 аэростата, 4 бронепоезда, 6 броневиков и т. д.[3].

И вся эта военная армада была брошена большевистским режимом на ликвидацию движения за независимость, в рядах которого к указанному времени было всего 6450 человек, в числе которых имелось немало безоружных[4]. Повстанцам не хватало не только вооружения, но и боеприпасов, одежды и обуви. По этому поводу в разведданных сообщалось: «пулеметы не работают ввиду недостатка патронов», что касается экипировки джигитов, то одеты они были неважно, «часто совершенно босые»[5].

Несмотря на эти и многие другие трудности, отряды курбаши продолжали стойко сражаться против красноармейских частей, в несколько раз превосходивших их по численности и в десяток раз — по вооруженности, обеспеченных советским государством обмундированием и питанием[6].

---

[1] История Узбекской ССР. Т.III. С. 219—220; Боевой путь войск Туркестанского военного округа. С. 122.

[2] РГВА, ф. 110, оп.1, д.182, л.52.

[3] Там же, оп. 3, д.478, лл.17, 30.

[4] Там же, л. 25.

[5] Там же, ф. 278, оп.4, д.26, л.14.

[6] Там же, ф. 110, оп.3, д.525, л.24; ф. 278, оп.4, д.443а, лл.12, 45.

Противостоявшие в Фергане силы были слишком неравны, вследствие чего части Красной армии, используя свое многократное превосходство над вооруженной оппозицией, постепенно забирают инициативу в свои руки. Командование направляет главные удары армейской группы по основным силам повстанцев.

Части Ферганской армейской группы в составе 5-й и 6-й стрелковых бригад, кавалерийского полка особого назначения, добровольческого отряда маргиланской милиции повели широкое наступление против формирований Шермухаммадбека численностью до 3 тыс. человек, расположенных в кишлаках Гарбуа, Язяван, Каратепа и Шаарихан. После ожесточенных боев последние были окружены. Понеся большие потери, Шермухаммадбек все же прорвал кольцо окружения и отступил в район кишлака Искинаукат. Кавалерийский полк особого назначения, отрезав от главных сил повстанцев отряд Алиёрбека в 800 джигитов, преследовал его до Вуадиля и нанес серьезное поражение. 7-я, 8-я и 9-я кавалерийские бригады примерно в то же время нанесли чувствительные удары по формированиям Халходжи, Мухиддинбека, Парпи общей численностью в несколько тысяч человек в направлении кишлаков Араван, Искинаукат, Коканкишлак, Базаркурган и далее на Ош, Узген, крепость Гульча. Части Красной армии нанесли ряд ударов и по другим отрядам курбаши[1].

Советская власть попыталась использовать тяжелое положение, в котором оказалась ферганская вооруженная оппозиция, для того, чтобы склонить ее к капитуляции. В этих целях высшие органы советской власти Ферганской области направили предложение Шермухаммадбеку начать переговоры о его добровольной сдаче со своими 1000 джигитами. Однако Шермухаммадбек проявил твердость и непримиримость. В ответном письме 10 декабря 1920 г. он писал, что «мирные переговоры между советской властью и нашими делегатами могут быть лишь только по поводу Конституции о национальной Республике. Если угодно будет вести переговоры о вышеуказанном, то просим сообщить, куда и когда делегировать наших представителей»[2].

Теснимые прекрасно вооруженными и хорошо обу-

---

[1] Боевой путь войск Туркестанского военного округа. С. 120—124.
[2] РГВА, ф.110, оп.3, д.253, л.11.

ченными частями Красной армии, отряды курбаши с боями отходили в горы и другие труднодоступные места, откуда продолжали наносить внезапные удары по красноармейским частям и гарнизонам.

В конце 1920 г., когда в России вооруженные силы интервентов и белого движения были разгромлены и гражданская война была закончена, в Туркестане продолжалось вооруженное движение за независимость. Несмотря на неоднократное поражение от прекрасно вооруженных и многократно превосходящих по численности сил противника, теряя в боях против него сотни и тысячи джигитов и многих своих предводителей[1], сопротивление не прекращалось, постоянно пополняясь все новыми и новыми борцами.

Согласно «секретно-разведывательному расписанию сил противника на 24 декабря 1920 г.» к этому времени против Ферганской армейской группы действовали 5860 повстанцев, вооруженных винтовками разных систем при 1 орудии и 13 пулеметах. Причем, это были хорошо организованные и закаленные в боях джигиты. Они были объединены в сравнительно крупные формирования, которыми командовали опытные полевые командиры. Наиболее многочисленными формированиями были отряды Шермухаммадбека и Нурмата, насчитывавшие 1500 человек при 1 орудии и 5 пулеметах; Ишматбойбачи с подчиненными ему курбаши — 500 человек; Парпи с подчиненными ему полевыми командирами — 800 джигитов; Исламкула — 450, Мухиддина — 400, Рахманкула — 360, Аман Пахлавона и Юлчи — по 300 джигитов и т. д.[2].

Отряды курбаши продолжали оставаться грозной силой для советской власти. Большевистский режим не случайно держал против них огромную армию, насчитывавшую к середине декабря 1920 г. 11352 «бойцов пехоты», 3378 «бойцов кавалерии», всего «едоков» — 30770, вооруженных 61 орудием, 324 пулеметами, 23556 винтовками, 6 самолетами и т. д.[3].

---

[1] В середине ноября 1920 г. под внезапно обрушившейся снежной лавиной трагически погиб Халходжа. 15 декабря в бою у станции Карантан пал курбаши Ахунджан. А еще раньше, 27 октября 1920 г., в сражении с красноармейскими частями в поселке Кова был убит предводитель отряда крестьян-переселенцев, боровшегося вместе с повстанцами против большевистского режима, Василий Донец/ РГВА, ф. 278, оп.2, д.526. л.20; д.527, лл.19, 31; Известия ТуркЦИК, 1920, 24 декабря.

[2] РГВА, ф. 278, оп.4, д.527, л.25.

[3] Там же, ф.110, оп.3, д.407, лл.34—39.

Советская власть пыталась вовлекать в борьбу с повстанцами и мирное население, создавая отряды милиции, добровольческие дружины, отряды самообороны, в которых к концу 1920 г. насчитывалось 15 тыс. человек.

Свою лепту в борьбу с повстанческим движением внесла и советская пропаганда. На протяжении многих лет в сознании народа формировался образ врага в лице так называемых «басмачей». На это с первых шагов появления движения работала громадная большевистская пропагандистская машина: специальные культурно-просветительские поезда, агитбригады, в состав которых вместе с агитаторами и пропагандистами входили артисты, поэты, драматурги. И частушки о «басмачах» и их «злодеяниях» появились не без их участия. Советская историческая наука, акцентируя внимание на насильственных сторонах повстанческого движения, главным аргументом в доказательство своей позиции использовала эти частушки, как якобы сохранившиеся в народном фольклоре свидетельства о мародерстве и грабежах, процветавших в повстанческом движении, терроризировавшем мирных жителей. Несомненно, подобные факты имели место, но здесь, очевидно, следует глубже взглянуть на факты. Шла война, война жестокая, длительная, которая накладывала свой отпечаток на психологию, нравственные устои людей. Не все выдерживали. И в стане повстанцев, охватившем десятки и сотни тысяч людей, находились отщепенцы, которые в угоду своим корыстным интересам предавали светлые идеалы, становясь на путь мародерства и грабежей. Но перекладывать ответственность за подобные злодеяния на все движение противоречило бы истине. Сотни тысяч повстанцев, оторванных от своих домов, семей, испытывая неимоверные физические и нравственные лишения, не щадя своей жизни вели мужественную и честную борьбу. Сломить их сопротивление к конце 1920 г. не удалось ни регулярным частям Красной армии, ни отрядам самообороны.

Наряду с Ферганской долиной, ставшей основным районом развития движения борцов за независимость, в Туркестане в 1918—1920 гг. имелись еще два очага сопротивления, носившие локальный характер, — Аблыкский и Матчинский.

Первый из них возник и развивался в Сырдарьин-

ской области в 80 км. от Ташкента, в долине реки Чирчик — в селениях Аблык, Пенгаз и Ашава. Наиболее видными предводителями движения здесь являлись курбаши Ашурмат и Рахманкул[1]. То затихая, то усиливаясь вновь, движение борцов за независимость в районе Аблыка продолжалось несколько лет, доставляя немало беспокойства властям. Окончательно оно было подавлено к середине 20-х годов.

Второй очаг сопротивления находился в Матчинской волости Самаркандской области Туркестана (территория современной Республики Таджикистан). Во главе движения здесь стоял матчинский бек. Под его командованием было от 2 до 3 тыс. джигитов. К весне 1920 г. борцы за независимость в Матче занимали долину реки Зарафшан от ее верховья до селения Рарз, постоянно угрожая Пенджикенту и Самарканду. Широкое наступление против матчинцев было предпринято частями Красной армии по приказу М. В. Фрунзе от 30 марта 1920 г. Красноармейцы общей численностью в 1 тыс. штыков и сабель при 8 пулеметах и горном артиллерийском взводе нанесли поражение повстанцам и вынудили их с большими потерями отойти в горы и на территорию Бухарского эмирата[2]. Однако патриоты Матчи не сложили оружия и на протяжении ряда лет продолжали вооруженную борьбу с большевистским режимом.

* * *

Совершенный большевиками октябрьский переворот не оправдал надежды народов Туркестана на получение от новой власти свободы и независимости. В крае был установлен большевистский режим, продолжавший, по существу, колониальную политику царизма во всех сферах жизни. Попытка национальных демократов реализовать на практике провозглашенное большевистским правительством право народов на самоопределение была подавлена вооруженным путем Совнаркомом Туркестана.

В этих условиях наиболее решительно настроенная часть участников национально-освободительного движения, убедившись в том, что по-доброму, мирным

[1] Зевелев А. И. Указ. работа. С. 133—134.
[2] РГВА, ф. 1075, оп. 3, д. 55, л. 158.

путем не удастся получить свободу и независимость Туркестана, встала на путь вооруженной борьбы с большевистским режимом.

Возникнув в Ферганской долине вскоре после разгрома красногвардейскими и дашнакскими отрядами Туркистон мухторияти, движение борцов за независимость (истиклолчилар харакати) перекинулось затем в Самаркандскую (Матчинский очаг сопротивления) и Сырдарьинскую (Аблыкский очаг сопротивления) области. В 1918—1920 гг. движение борцов за независимость Туркестана приобрело всенародный характер. В нем приняли активное участие десятки тысяч дехкан, ремесленников и представителей других социальных слоев коренного населения. Повстанцы в своей справедливой борьбе за независимость родного края находили в тот период широкую поддержку народных масс, благодаря чему несмотря на все принимавшиеся правительством РСФСР и Туркреспублики военно-политические и социально-экономические меры, им так и не удалось не только ликвидировать движение борцов за независимость, но даже добиться над ним решающих успехов.

Вооруженная оппозиция в Туркестане продолжала борьбу с большевистским режимом на протяжении многих лет, вписав яркую страницу в историю борьбы народов Туркестана за свою независимость.

Глава V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В КРАЕ В КОНЦЕ 1917 — 1920 г.

1. ПЕРВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В КРАЕ

Октябрьский переворот застал в Туркестане отсталую экономику, ориентированную на обслуживание промышленности метрополии. Большой урон экономике края нанесла первая мировая война. Резко сократились посевные площади. В 1917 г. они составили немногим более 2,3 млн десятин против 3,5 млн десятин в 1915 г.[1]. Разруха коснулась также и промышленности. Объем производства в ведущей ее отрасли — хлопкоочистительной — сократился в 1917 г. по сравнению с 1915 г. более чем в 2 раза. Пришли в расстройство железнодорожный и водный транспорт.

Туркестанские большевики неуклонно проводили в жизнь директивы советского правительства в области экономических преобразований, во многом слепо копируя политику и практику Центра. Пренебрегая своеобразием конкретно-исторического, социально-экономического и национально-бытового уклада жизни коренных народов края, они действовали порой более «революционно», обгоняя центральную Россию в проведении некоторых экономических преобразований.

II Всероссийский съезд советов принял Декрет о земле, составленный на основе 242 крестьянских наказов. Согласно декрету отменялась частная собственность на землю, переходившую в пользование всех трудящихся на ней сельчан на основе уравнительности. Положения Декрета о земле отражали позицию трудового крестьянства в целом и выражавших на том этапе его интересы левых эсеров.

Первые шаги по решению земельного вопроса были предприняты и в Туркестане. 6 декабря 1917 г. Совнарком края принял по этому вопросу специальное постановление, в котором указывалось: «В развитие декрета Центрального Народного правительства об от-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 6, лл. 70—74.

мене права частной собственности на землю немедленно передать все земли, кроме земель, имеющих общегосударственное значение, на учет областным и уездным земельным комитетам, а где их нет — областным и уездным Советам крестьянских и мусульманских депутатов, которые должны теперь же приступать к организации земельных комитетов»[1], на которые возлагалось проведение подготовительных мероприятий по земельной реформе. 21 января 1918 г. комиссар земледелия Туркестана отдал распоряжение о порядке проведения земельной реформы в крае. «Все земли нетрудовых хозяйств, — гласил документ, — со всеми сельскохозяйственными постройками, с живым и мертвым инвентарем, со всеми запасами сельскохозяйственных продуктов и материалов, сады местного хозяйственного значения и леса переходят в ведение и распоряжение земельных комитетов»[2].

Однако практическое осуществление намеченных мер по проведению земельной реформы натолкнулось на объективные трудности и прямое противодействие дехканства, не желавшего нарушать освященную Кораном незыблемость частной собственности, в том числе на землю. В этой связи на IV краевом съезде советов (январь 1918 г.) представитель Наркомзема отмечал: «Организовать земельные комитеты трудно. Наши агитаторы даже не могли попасть в те места, где должны происходить выборы... Наши комиссары принуждены были уходить, так как были даже призывы к вооруженному сопротивлению»[3].

Несмотря на сопротивление дехканства, советским органам удалось создать на местах земельно-водные комитеты. К осени 1918 г. было образовано в Сырдарьинской области 51, Самаркандской — 50, Семиреченской — 95 земельно-водных комитетов, начато их создание в Ферганской области. Земельно-водные комитеты брали на учет байскую землю, а кое-где и земли состоятельных середняков, участвовали в практическом проведении национализации отдельных помещичьих имений и хозяйств крупных баев. После создания волостных и кишлачных советов земельно-

---

[1] Наша газета, 1917, 8 декабря.

[2] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. II. Упрочение Советской власти в Узбекистане. Сб. док. — Т., 1972. С. 134—136.

[3] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 2, л. 22.

водные комитеты, передав свои функции их земельным отделам, прекратили существование.

В первой половине 1918 г. было национализировано несколько десятков царских, помещичьих имений и хозяйств крупных баев. Так, приказом СНК края от 26 марта 1918 г. было национализировано 32 садовых и виноградарских хозяйства, принадлежавших частным лицам, в том числе и коренных национальностей[1]. Правительством советского Туркестана был национализирован еще целый ряд крупных имений и хозяйств[2].

Земли и инвентарь части национализированных хозяйств были розданы безземельным и малоземельным дехканам, а на землях остальных были образованы показательные хозяйства, совхозы, коммуны, артели. Надо отметить, что наряду с землями царя, крупных русских помещиков и местных баев некоторыми советами и земельно-водными комитетами национализировались и трудовые хозяйства середняков, вызывая тем самым их справедливое недовольство. И все же в рассматриваемый период в туркестанских кишлаках в отличие от центральной России предпринимались лишь первые шаги по претворению в жизнь Декрета о земле. В подавляющем большинстве мест еще только проводились подготовительные мероприятия по проведению его в жизнь. Экспроприация коснулась пока лишь узкого круга царских, помещичьих и байских хозяйств, хотя при ее осуществлении уже были допущены отдельные перегибы в отношении среднего дехканства.

Экономические преобразования широко и повсеместно охватили города. И на то были некоторые основания. Здесь для этого имелась определенная социальная база: советы рабочих, солдатских и мусульманских депутатов, хотя и не очень многочисленные, кадры промышленного и железнодорожного пролетариата и его массовые организации — профессиональные союзы, и главное — существовали предприятия капиталистического типа, некоторая часть которых была с довольно высокой концентрацией производства.

Важнейшим экономическим преобразованием большевистского режима в городах Туркестана в послереволюционный период явилась национализация фабрично-заводской промышленности.

---

[1] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. II. — С. 200—201.
[2] Наша газета. 1918, 20 апреля.

Ей предшествовало установление контроля над общественным производством и распределением. Оно явилось важным этапом в серии переходных мер советской власти по овладению ключевыми высотами в капиталистической экономике. Основополагающим актом для его введения послужило «Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле», принятое 14 ноября 1917 г.

На его основании в конце 1917 — первой половине 1918 г. был установлен рабочий контроль на многих предприятиях края[1]. Органы рабочего контроля являлись полномочными представителями советского государства на предприятиях. Это их положение было узаконено декретом Совнаркома Туркестанской АССР от 3 мая 1918 г., в соответствии с которым на них возлагалась ответственность за имущественное и производственное состояние заводов, фабрик, мастерских и всех торгово-промышленных учреждений[2].

Темпы и размах введения рабочего контроля на промышленных предприятиях Туркестана значительно отставали от аналогичных в центральной России. К марту 1918 г. им было охвачено примерно 10% заводов и фабрик края, в то время как, например, в Московской губернии к тому времени этот показатель составлял более чем 85%[3]. Это было вызвано прежде всего тем, что в целом ряде районов края советская власть была установлена лишь в начале (Ферганская область) и даже весной 1918 г. (Семиречье). К тому же очень скоро стали выявляться слабые стороны рабочего контроля. Он нес на себе печать переходного состояния формирования производственных отношений. В масштабе всей страны рабочий контроль, даже действующий эффективно в рамках отдельного предприятия, уже по своей сути был обречен на то, чтобы оставаться хаотическим, раздробленным, кустарным, неполным во всех главнейших отраслях промышленности.

Марксистское учение, которым руководствовались большевики, рассматривало экспроприацию экспроприаторов, изъятие у «буржуазии шаг за шагом» всего

---

[1] Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане (1917—1920 гг.). Сб. док. — Т., 1955. С. 64—98; ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 17, д. 1086, л. 62; Голос Самарканда, 1918, 1 мая; Свободный Самарканд, 1918, 12 февраля; ЦГА РУз, ф. Р-747, оп. 1, д. 2, лл. 45—46.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 6, л. 208.

[3] Ульмасов А. Национализация промышленности в Советском Туркестане. — Т., 1960. С. 37.

капитала[1] как одну из ближайших и важнейших задач государства диктатуры пролетариата, непременным условием создания социалистической экономики и строительства социалистического общества в целом. Большевики, придя к власти, решали эту задачу все нарастающими темпами.

В конце 1917 — первой половине 1918 г. в Туркестане приступили к национализации крупной промышленности. Причем, она здесь начала осуществляться несколько раньше, чем в целом по стране, и проходила в более широких масштабах.

Национализация промышленности в крае началась с отраслей, обрабатывающих хлопок. 28 февраля 1918 г. Совнарком Туркестана опубликовал декрет о конфискации и объявлении собственностью советского государства всего имеющегося в крае хлопка. По нему в Туркестане, а также в бывших русских поселениях Хивы и Бухары было национализировано 3,1 млн пудов хлопка-сырца, более 4,5 млн пудов хлопка-волокна, 267,4 тыс. пудов линтера и т. д.

Через несколько дней, 5 марта 1918 г., Совнарком принял декрет о национализации и объявлении достоянием РСФСР хлопковой промышленности, маслобойного, мыловаренного и ватного производства, а также торговых предприятий по скупке хлопкового сырья и полуфабрикатов[2].

Проведение национализации отраслей промышленности края, связанных с переработкой хлопка, больно ударило не только по капиталистам, но и по хлопкоробам. Обобществление хлопка и предприятий, занятых его переработкой, вызвало резкое снижение цен на хлопок. По этому поводу на заседании Совета народного производства Туркреспублики 20 мая 1918 г. прямо указывалось, что в результате национализации хлопковой промышленности «хлопок в кишлаках упал до 10 рублей... благодаря чему непосредственные производители хлопка — дехкане страдают материально»[3].

В результате реализации декрета Совнаркома Туркестана от 5 марта 1918 г. в собственность советского государства перешло 259 хлопкоочистительных[4] и 38

---

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 446.

[2] Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане (1917—1920 гг.). С. 125, 126.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-27, оп. 1, д. 2, л. 8.

[4] История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. — Т., 1962. С. 30.

маслобойных заводов. Вместе с предприятиями были национализированы и все имеющиеся в них запасы сырья и готовой продукции[1].

В соответствии с декретом СНК Туркестана от 26 марта 1918 г. было национализировано 6 наиболее крупных предприятий нефтяной и каменноугольной промышленности края[2], в том числе угольные копи акционерных обществ «Кизил-Кия» и «Сулюкта», нефтепромыслы «Чимион» и «Санто»[3]. Вслед за этим по декрету Совнаркома Туркестана от 29 марта 1918 г. были национализированы 20 типографий и литографий края[4]. Одновременно в первой половине 1918 г. Совнаркомом и местными советами Туркестана были обобществлены такие отрасли народного хозяйства, как железнодорожный транспорт, банки, акционерное пароходное общество «Хива» на Аральском море и реке Амударья[5].

О ходе национализации промышленности правительство Туркреспублики с удовлетворением сообщало в Москву: «Национализация принимает широкий размах, результаты налицо»[6].

Большевики Туркестана, как и других регионов, твердо вели линию на превращение экспроприируемой у буржуазии собственности в общегосударственное достояние, другими словами, игнорировали один из главных лозунгов, под которым свершился октябрьский переворот: «Заводы и фабрики — рабочим!» В результате передачи национализированных предприятий в руки советского государства рабочий класс отчуждался от бывшей капиталистической собственности, вместо ее подлинного хозяина становился наемной рабочей силой нового хозяина — советского государства.

Большевики Туркестана были непримиримы ко всякому инакомыслию, в том числе и в вопросах обобществления основных средств производства. Выразителем этого инакомыслия выступали левые эсеры, являвшиеся в крае, наряду с большевиками (до весны

---

[1] Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики. — Т., 1921. С. 288.

[2] Остальные предприятия горнодобывающей промышленности перешли в собственность государства в последующие годы.

[3] История народного хозяйства Узбекистана. Т. 1. С. 30.

[4] Там же.

[5] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 35, л. 76.

[6] ГАРФ, ф. 130, оп. 29, д. 734, лл. 92—93.

1919 г.), правящей, «советской» партией. У них была по этому вопросу своя, альтернативная большевистской, программа, всецело отвечающая тогдашним чаяниям основной массы рабочих. Левые эсеры выступали за социализацию промышленности, т. е. передачу фабрик и заводов в собственность отдельных групп рабочих, превращение предприятий в коллективную, а не общегосударственную собственность[1]. Левоэсеровская экономическая программа наиболее полно и последовательно выражала революционные лозунги Октября: «Земля — крестьянам!», «Заводы и фабрики — рабочим!»

С этой альтернативной программой по обобществлению предприятий левые эсеры выступили на V краевом съезде советов. Она была четко выражена и обоснована в докладе комиссара по хлопковой части Туркестана левого эсера Аниаловского. С острой критикой программы левых эсеров выступили П. А. Кобозев, И. О. Тоболин и некоторые другие большевистские делегаты. Под их давлением левые эсеры на своем фракционном совещании пересмотрели предложенный ими съезду проект резолюции о социализации промышленности. Левоэсеровская фракция «бесповоротно решила вопрос о национализации промышленности и производства и о социализации земли»[2]. В переработанном проекте резолюции фракции левых эсеров, который большинством голосов был принят съездом, признавалась необходимость планомерного осуществления «начатой социализации земли и национализации всех видов промышленности и производства». Ее проведение было возложено на краевой и местные хозяйственные органы советской власти[3]. Но и после V краевого съезда советов, принявшего в левоэсеровской редакции резолюцию о национализации промышленности, идея о социализации промышленности еще продолжала сохраняться в сознании рабочих как наиболее отвечающая их интересам[4]. Особенно сильна была тенденция к социализации промышленности в профсоюзе «Хлопкомасмыл», объединявшем рабочих хлопкоочистительных, маслобойных, мы-

---

[1] Туркестанская искра, 1918, 15 февраля.
[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 3, л. 29.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1, л. 10.
[4] Наша газета, 1918, 30 мая.

аренных и ватных заводов и фабрик, то есть значи-
ьную часть рабочих Туркестана[1]. Однако большевики
посчитались с желаниями рабочих, проводя настой-
вую линию на всемерную национализацию промыш-
ности, превращение ее в собственность государства.
В результате проведения национализации промыш-
ности в конце 1917 — первой половине 1918 г. в
си советского государства перешло более 330 пред-
иятий ведущих отраслей промышленного производ-
а. До первой мировой войны эти отрасли (кроме
ипграфической) давали более 80 процентов валовой
одукции всей туркестанской промышленности[2]. В
х была занята основная масса рабочих края.
Национализация промышленности в Туркестане по
ему размаху намного опережала даже индустриаль-
е центры страны. Если в России в первой половине
8 г. она только разворачивалась, здесь же в это
мя уже была завершена национализация ведущих
аслей промышленного производства, в том числе и
, которые были только намечены к обобществле-
ю декретом Совнаркома РСФСР от 28 июня 1918 г.
сеобщей национализации крупной промышленнос-
и транспорта. Туркестанские руководители поторо-
ились отдать в руки советского государства предпри-
я отраслей, обслуживающих нужды промышленных
нтров России, не учитывая интересы народов края,
ономическую целесообразность и подготовленность
й экономической акции. Переход в собственность
етского государства без предварительного изучения
роса и проведения учета национализируемого иму-
ства осложнил и без того тяжелое положение пред-
иятий. Подавляющее большинство из них, особенно
пкоочистительных, из-за отсутствия сырья, топли-
средств, рабочих рук, а также ввиду трудностей
ита готовой продукции в связи с войной бездей-
овало, став балластом для советов. Занятые на них
очие массами увольнялись. Имущество национали-
ованных предприятий, ставших «ничейным», рас-
кивалось, приходило в негодность.
В результате проведения советами социалистичес-
о обобществления предприятий ряда ведущих от-

---

[1] Щит народа, 1918, 29 марта.
[2] Лаврентьев Вл. Капитализм в Туркестане (Буржуазная
низация Средней Азии). — Л., 1930. С. 59, 67.

раслей экономики Туркестана сотни их владельцев, главным образом из числа коренного населения, были насильственным образом, без всякого возмещения со стороны советского государства[1], лишены принадлежавших им на правах частной собственности, освященных Кораном, заводов, фабрик, типографий, рудников. За несколько месяцев господства советской власти во главе с большевиками они потеряли все то, что создавалось ими многие десятилетия. Среди перешедших в руки советского государства предприятий было немало акционерных, однако держатели акций также не получили от советов возмещения за свои средства, вложенные в ценные бумаги национализированного предприятия. Таким образом, от национализации промышленности пострадали не только капиталисты, но и рядовые держатели акций. Подобная несправедливость была допущена и в отношении вкладчиков национализированных советской властью банков.

Одной из важнейших задач советской власти по *созданию социалистической экономики являлась* организация управления народным хозяйством. Большой трудностью в выполнении этой задачи было то, что не имелось готовых органов хозяйственного управления, могущих организовать социалистическое производство, их надо было создавать заново. Высший орган управления всем народным хозяйством страны был образован по декрету ВЦИК и СНК России от 2 декабря 1917 г. Им стал Высший Совет Народного хозяйства (ВСНХ).

С конца 1917 г. начали создаваться советские органы хозяйственного управления и в Туркестане. Еще на III краевом съезде советов (15—22 ноября 1917 г.) были учреждены наркоматы торговли и промышленности, труда, путей сообщения, почт и телеграфа, продовольствия, финансов, земледелия и водопользования. По мере национализации промышленности при Совнаркоме Туркестана создавались отделы хлопка, горный, полиграфический и др.

Одновременно предпринимались попытки к образованию специальных краевых органов наподобие центрального ВСНХ. Первым таким органом был Краевой Совет народного производства (СНП). Его создание было узаконено декретом правительства Туркрес-

[1] Наша газета, 1918, 30 мая.

публики от 5 мая 1918 г.[1] СНП затем сменил Центральный Совет народного хозяйства Туркреспублики (ЦСНХ). Для управления экономической жизнью регионов в первой половине 1918 г. на местах стали создаваться совнархозы: областные, городские и уездные. К середине 1918 г. в Туркреспублике функционировали 12 местных совнархозов[2].

Советский Туркестан испытывал огромные финансовые затруднения. Совнарком края в буквальном смысле бомбил Москву, Совнарком и Наркомфин РСФСР телеграммами с просьбой выслать деньги[3]. Но долгое время из Центра никаких денежных поступлений не было, хотя запрашивались они под подготовленный к отправке хлопок на общую сумму 1 млрд 200 млн рублей[4]. В ответ на просьбу правительства советского Туркестана о финансовой поддержке была получена телеграмма от 27 декабря 1917 г.: «Приступайте немедленно беспощадному обложению имущих классов. Примите все меры принуждения в поступлении налогов. От центра средств не ожидать»[5].

Руководствуясь этой директивой Центра, правительство и местные советы стали широко прибегать к насильственным мерам по пополнению государственной казны: обложению буржуазии и вообще состоятельных людей контрибуцией, общий размер которой в отдельных городах исчислялся многими миллионами рублей. За невнесение ее в указанный срок и в определенных для каждого жителя размерах виновные несли строжайшую ответственность[6]. Беспорядочные реквизиции и контрибуции местных советов вызывали острое недовольство населения.

Так в Туркестане осуществлялась «красногвардейская атака на капитал», решительно, насильственным путем искоренялся капиталистический уклад в промышленности, банковской системе, в городе в целом, на его развалинах «вводился» административными мерами социалистический уклад, долженствующий стать

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-36, оп. 1, д. 1, л. 112.

[2] Советский Туркестан, 1918, 2 июля; Наша газета, 1918, 22 июня; ЦГА РУз, ф. Р-5, оп. 1, д. 36, л. 124; ф. Р-27, оп. 1, д. 36, л. 24.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 94, л. 318.

[4] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. II. С. 276—278.

[5] Там же. С. 83.

[6] Голос Самарканда, 1918, 1 марта.

со временем единственным социально-экономическим укладом в регионе и во всей стране.

2. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ТУРКЕСТАНЕ В УСЛОВИЯХ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

Октябрьский переворот, проводившиеся большевиками экономические преобразования, разразившаяся в России гражданская война, усилившееся вооруженное противостояние в самом Туркестане еще более ухудшили экономику края, приведя ее в полный упадок. Так, в 1918 г. выпуск продукции кожевенной промышленности составил лишь 50 процентов от уровня 1913 г., рыбной промышленности — 25 процентов, добыча угля упала до 30 процентов[1]. Особенно сильно пострадала ведущая отрасль промышленности края — хлопкоочистительная: стояло подавляющее большинство хлопкоочистительных заводов. В тяжелейшем положении оказался железнодорожный транспорт. Количество паровозов, пассажирских и товарных вагонов на туркестанских железных дорогах к середине 1919 г. сократилось более чем в два раза. Значительная часть подвижного состава нуждалась в капитальном ремонте[2].

Еще более ухудшилось состояние сельского хозяйства, прежде всего его ведущей отрасли — хлопководства. Ввиду голода и трудностей сбыта хлопка в результате прекращения железнодорожного сообщения с Россией дехкане сокращали посевные площади хлопчатника и засевали вместо него хлеб и другие продовольственные культуры, вследствие чего площадь его посева в 1918 г. составила всего 80 тыс. десятин против 523 558 десятин в 1915 г.[3]. Снизилась также урожайность сельскохозяйственных культур. К примеру, средняя урожайность хлопчатника в 1919 г. против 1916 г. упала ровно в 2 раза[4].

Туркреспублика испытывала громадные финансовые затруднения. Растущие расходы на оборону в условиях разрухи и упадка хозяйственной жизни и выз-

---

[1] I съезд советов народного хозяйства Туркестанской Советской Социалистической республики в Ташкенте. — Т., 1919. С. 13; ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 114-а, л. 186.

[2] Народное хозяйство Туркестана, 1919, № 23. С. 4—5.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 479, лл. 141—143.

[4] Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики. — Т., 1921. С. 514—517.

ванное этим сокращение источников государственных доходов привели к резкому дисбалансу государственного бюджета. В 1918 г. финансовый дефицит ТАССР составил 98,7 процента[1]. Казна республики была пуста.

В ходе гражданской войны большевистским правительством принимались чрезвычайные военно-экономические меры по мобилизации всех ресурсов для вооруженной защиты советского строя, получившие впоследствии название политики «военного коммунизма». Последняя была рассчитана на установление прямого продуктообмена между городом и деревней минуя рынок, мерами преимущественно внеэкономического и отчасти военного порядка. Политика «военного коммунизма», включая в себя систему мер по военной защите советского режима, являлась одновременно и способом строительства социализма. При ней в управлении обществом, в проведении преобразований преобладал пагубный и бесперспективный «штурмовой» метод, предусматривавший прямой, непосредственный переход к коммунизму, строгую централизацию и регламентацию, военно-приказную систему, которая к концу гражданской войны переросла в метод управления обществом. «Военный коммунизм» отражал представления марксистов о том, что с победой пролетарской революции утрачивает свое действие закон стоимости, отмирают товарно-денежные отношения, рынок, их место занимает прямой продуктообмен. Попытки перескочить в коммунизм одним махом сопровождались широким принуждением и даже проявлением жестокости.

Осуществлявшаяся большевистским руководством политика «военного коммунизма» как метод строительства социализма пробуксовывала с первых шагов даже в центре России. Она оказалась тем более негодной в конкретно-исторических условиях Туркестана. Однако руководители Туркреспублики и компартии Туркестана совершенно не учитывая местные реалии, решительно и настойчиво внедряли политику «военного коммунизма» в жизнь, в осуществлении некоторых из ее компонентов даже обгоняли более развитые регионы России.

---

[1] Сабиров Х. Р. Государственные бюджеты Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики (1918—1924 гг.): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Т., 1949. С. 19.

Важным составным элементом в системе «военного коммунизма» являлась ускоренная национализация не только крупной, но и средней и даже мелкой промышленности. Руководящим началом для туркестанских властей к проведению этого мероприятия послужил декрет Совнаркома РСФСР от 28 июня 1918 г. о всеобщей национализации крупной промышленности и транспорта[1]. На основании этого декрета и принятых для его реализации постановлений советских и партийных органов Туркестана правительством, совнархозами и местными советами во второй половине 1918 — 1919 г. были обобществлены почти все крупные и средние предприятия фабрично-заводского типа, а также часть мелких предприятий кустарного и полукустарного типа. К осени 1919 г. в ТАССР в целом была завершена национализация целых отраслей промышленности (кроме табачной). Таким образом, если в целом по РСФСР к осени 1919 г. в собственность государства перешло 57 процентов обрабатывающей промышленности, то в Туркреспублике — подавляющее большинство предприятий[2].

Руководители Туркреспублики, местных советов и большевистских партийных организаций в своем «революционном нетерпении», безудержном стремлении штурмовыми методами раз и навсегда, как можно быстрее покончить с капитализмом и построить социалистическое общество проводили национализацию промышленности зачастую без необходимой подготовки, наскоком и даже без учета экономической целесообразности[3]. Беспорядочная ускоренная национализация промышленности, обгонявшая по своим темпам индустриально развитые регионы, лихорадила промышленное производство и явилась одной из причин его упадка.

В стремлении быстрее отдать все промышленное производство в руки государства туркестанские руководители наряду с фабрично-заводской промышленностью в период блокады края обобществили немало кустарных и полукустарных предприятий, что не диктовалось хозяйственной необходимостью, а было прежде

---

[1] Из истории гражданской войны в СССР. Сб. док. и матер. Т. I. — М., 1960. С. 243—264.

[2] Там же. Т. III. — М., 1961. С. 654—655.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 34, л. 137.

всего попыткой форсированного обобществления всего промышленного производства, перехода к социализму ускоренными темпами[1]. Подобные действия местных властей способствовали росту недовольства среди кустарей, что еще больше обостряло социально-политическую обстановку в крае.

Следует отметить, что социалистические преобразования в ремесленно-кустарной промышленности не могли быть произведены методами и способами, применявшимися советским государством в отношении капиталистической фабрично-заводской промышленности. В эту отрасль экономики Туркестана входило свыше 90 процентов промышленных объектов края, и она производила более одной четвертой стоимости всей промышленной продукции[2]. Кустари играли большую роль не только в хозяйственной, но и общественно-политической жизни региона. От выбора пути и средств вовлечения их в социалистическое строительство во многом зависело не только хозяйственное положение, но и общественно-политическая обстановка в крае.

Туркестанское правительство, ощущая на практике пагубность форсированного пути массового обобществления ремесленно-кустарного производства, попыталось возложить всю вину за его последствия на местные советы и совнархозы, квалифицировав их действия как левацкие перегибы. И все же, учитывая значимость кустарей в хозяйственной жизни края, возраставшую потребность в использовании мелкотоварного сектора в промышленности для производства товаров народного потребления и оборонной продукции, правительство не отказалось полностью от линии на огосударствление кустарной промышленности. В это время акцент был сделан на усиление государственного регулирования мелкого производства. Уже в июле 1918 г. при наркомате промышленности Туркреспублики была образована секция кустарной промышленности. Летом 1919 г. при ЦСНХ Туркреспублики был создан специальный кустарно-кооперативный отдел, на который возлагались «организация и регулирование кустарного производства в крае в соответствии с государственными планами»[3]. Под его руководством к осе-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 34, л. 137.
[2] История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. — Т., 1962. С. 18.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-27, оп. 1, д. 1157, л. 6.

ни 1919 г. государственные заказы выполняло около 33 тыс. кустарей, или порядка одной четверти от их общего числа[1]. К тому же тогда было допущено немало перегибов в отношении ремесленно-кустарного производства.

Национализация промышленности фабрично-заводского типа, а также части средних и мелких предприятий, в том числе кустарного и полукустарного типа, перевод на работу по государственным заказам нескольких десятков тысяч кустарных мастерских дали возможность правительству, местным советским и партийным органам Туркреспублики направить их деятельность на максимальное удовлетворение нужд фронта. В одном только Ташкенте на оборону работало 229 предприятий. Они изготовляли для бойцов Красной армии обмундирование, обувь, снаряжение, а также боеприпасы. Многие из них производили для армии продукты питания[2].

Важной составной частью политики «военного коммунизма» являлась введенная советским правительством всеобщая трудовая повинность, являвшаяся грубым нарушением прав человека. Первые шаги в этом направлении были предприняты в Туркестане в период блокады. 9 сентября 1918 г. Совнарком ТАССР постановил: «Провести в жизнь всеобщую трудовую повинность»[3]. Неукоснительного введения всеобщей трудовой повинности потребовал от правительства и VI краевой съезд советов[4].

Непосредственное осуществление трудовой повинности было возложено на местные советы. Одним из первых к проведению этой меры приступил Ташсовет. По его распоряжению «нетрудовые элементы» в принудительном порядке привлекались к отбыванию трудовой повинности, в особенности по заготовке топлива[5]. С осени 1918 г. стала привлекаться к общественным работам буржуазия Скобелева[6], Самарканда[7].

---

[1] Ульмасов А. Национализация промышленности в Советском Туркестане. — Т., 1960. С. 118.

[2] Рашидов Г. Р. История социалистического Ташкента. Т. I. — Т., 1965. С. 79—80.

[3] ЦГА РУз. ф. Р-25, оп. 1, д. 30, л. 42.

[4] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 4, л. 8.

[5] Кокандская правда, 1918, 15 сентября.

[6] ГАФО, ф. 121, оп. 1, д. 29, т. II, л. 311; д. 30, т. I, л. 35; ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 49, л. 26.

[7] Госархив Самаркандской области, ф. 74, оп. 1, д. 5, л. 97.

Введение трудовой повинности приняло более широкий размах в 1919 г. Толчком к этому послужило постановление Временного Военно-революционного Совета, ЦИК и СНК Туркреспублики и исполкома Ташсовета от 29 января 1919 г. о взятии на учет буржуазии по всей республике с целью привлечения ее к общественным работам, передачи ее в распоряжение республиканской власти и местных советов, а также о лишении продовольственных карточек всей неработающей буржуазии[1]. Широкая программа по осуществлению в крае всеобщей трудовой повинности была разработана VII краевым съездом советов. Было решено «установить всеобщую трудовую повинность», с этой целью взять на учет все взрослое мужское и женское население республики в возрасте от 16 до 55 лет и передать их в распоряжение Комиссариата труда и социального обеспечения и соответствующих отделов местных советов для направления «в те отрасли промышленности, где удовлетворение жизненных потребностей признано необходимым»[2]. Этот документ совершенно не учитывал местную специфику, национально-бытовые условия, что прежде всего выражалось в том, что всеобщая трудовая повинность была обязательна для всего трудоспособного населения, в том числе и женщин коренных национальностей, которые по сохранившимся еще тогда обычаям не могли появляться с открытым лицом в общественных местах. Поэтому попытка туркестанских властей привлечь женщин-мусульманок к общественным работам являлась грубейшей ошибкой. На основании указанных выше директив весной и летом 1919 г., наряду с советами Ташкента, Самарканда и Скобелева, начали практически осуществлять введение трудовой повинности и остальные советы края. Всего в 1919 г. в ТАССР в порядке трудовой повинности к общественным работам было привлечено 180 тыс. человек[3]. Анализ документов того периода показывает, что трудовая повинность на местах часто осуществлялась бессистемно, неорганизованно, не проявлялось заботы о мобилизо-

---

[1] Наша газета, 1919, 31 января.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-35, оп. 1, д. 152, л. 8.

[3] Акрамов А. Борьба Коммунистической партии Туркестана за осуществление политики «военного коммунизма» (1918—1921 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. — Т., 1965. С. 233.

ванных на общественные работы, широко применялись угрозы и насилие со стороны властей[1].

Чинимые властями произвол и насилие при осуществлении трудовой повинности вызывали недовольство и протест населения. Для его мусульманской части трудповинность, по которой людей отрывали от семьи и родных мест, ассоциировалась с недавно пережитой ею царской мобилизацией на тыловые работы.

Как уже отмечалось, в полное расстройство пришли финансы Туркреспублики. Остро ощущался недостаток денежных средств. Чтобы покрыть денежный дефицит, правительство Туркестанской республики выпускало боны в неограниченном количестве. Если в сентябре 1918 г. было выпущено туркестанских денежных знаков на 200 млн рублей, то к концу 1919 г. эта сумма достигла 8 млрд рублей[2]. Расстройство денежной системы Туркреспублики усугублялось еще и тем, что наряду с общетуркестанскими денежными знаками многими советами выпускались и собственные боны, которые имели хождение только в определенном районе республики. Повсеместный и бессистемный выпуск бон, в какой-то мере покрывавший на время денежный дефицит, привел к дальнейшему расстройству финансовой системы Туркреспублики и резкому обесцениванию денег. Выпускаемые денежные знаки не были обеспечены ни золотом, ни товарами, вследствие чего имели исключительно низкую реальную стоимость[3].

Некоторому ослаблению, хотя бы на короткое время, экономического кризиса содействовало соединение Туркестана на несколько месяцев (январь — апрель 1919 г.) с Центром. 2 февраля 1919 г. Совнарком РСФСР принял постановление о снабжении Туркреспублики продовольственными и промышленными товарами. На хозяйственные нужды ТАССР было отпущено 500 млн рублей, выделено 12 млн пудов хлеба, значительное количество сахара, чая, мануфактуры, сельскохозяйственных орудий и т. п. Однако полностью реализовать намеченные планы по оказанию

---

[1] Великая Октябрьская революция и гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.). Док. и матер. — Фрунзе, 1957. С. 214.

[2] Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С. Народное хозяйство Киргизии в период Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной интервенции (1917—1920 гг.). — Фрунзе, 1962. С. 107.

[3] Народное хозяйство Туркестана, 1920, № 4. С. 84.

продовольственной и хозяйственной помощи Туркреспублике не удалось ввиду образования в конце апреля 1919 г. очередной «Оренбургской пробки».

Кратковременное соединение Туркестана с Россией имело значение прежде всего для Центра. За этот период в Россию было вывезено 174 крытых вагона и 177 платформ с хлопком[1].

Период блокады Туркреспублики был временем тяжких испытаний для народов края. Наряду с объективными трудностями, вызванными войной, разрухой, отрывом от хлебных, топливных и промышленных регионов страны, огромные дополнительные сложности были созданы проводившейся советским государством политикой «военного коммунизма», осуществлявшейся туркестанскими властями без учета местных социально-экономических, общественно-политических и национально-бытовых условий, причем во многом более решительно и поспешно, чем это делалось в более развитых районах страны.

Все это ввергло край в пропасть экономического и политического кризиса. Бесконечные реквизиции и конфискации имущества и орудий производства даже у средних и мелких производителей, приведшие к хозяйственной разрухе; голод, унесший сотни тысяч человеческих жизней, привели к резкому обострению общественно-политической обстановки. Население своей поддержкой и личным участием в рядах повстанческого движения явно продемонстрировало свое недовольство советской властью и неприятие ее политики. К моменту прорыва блокады Туркестана в сентябре 1919 г. повстанческое движение приняло уже массовый характер. Члены Туркомиссии, прибывшие в Туркестан и столкнувшиеся с местными реалиями, четко осознавали потребность в принятии экстренных мер по скорейшему изменению ситуации, таившей в себе угрозу самому существованию советского режима в крае. Приехавшие из Центра прежде всего попытались отмежеваться от действий туркестанских большевиков, возложив всю вину за развертывание этого движения на них и осуществляемую ими политику. Хотя здесь следует отметить, что туркестанские большевики лишь выполняли декреты Центра, тем не менее они были обвинены в шовинизме и колонизаторстве.

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 114-а, л. 68.

Туркомиссия, воспользовавшись прорывом блокады Туркестана, развернула разностороннюю деятельность по восстановлению хозяйственных связей с центром России. По данным Туркомиссии, только с февраля по декабрь 1920 г. в ее адрес из России поступило 33 эшелона из 614 вагонов, в том числе эшелон с мануфактурой, 4 вагона сахара, 58 вагонов спичек, 78 вагонов лесных материалов, 21 вагон железа, 3 вагона стали, 12 вагонов посуды, 8 вагонов бумаги, промышленное оборудование[1]. В целях создания и укрепления здесь базы диктатуры пролетариата в течение 1920 г. в Туркестан из России было переброшено оборудование для шелкомотальной, шелкопрядильной, шелкоткацкой и бумагопрядильной фабрик и кожевенного завода; вместе с ними прибыл сюда и большой отряд квалифицированных русских рабочих общей численностью около 3 200 человек[2].

Прорыв блокады Туркестана и восстановление хозяйственных связей между Туркестаном и РСФСР имели немаловажное значение и для Центра. Советское правительство сделало все для того, чтобы вывезти из края в срочном порядке сырье, топливо и т. п. В течение 1920 г. из Туркреспублики в Центр было отгружено более 6730 вагонов хлопка, свыше 1100 вагонов шерсти, более 662 тыс. штук кожевенного сырья, несколько эшелонов с нефтью и бензином[3]. Как видно из приведенных выше данных, туркестанский экспорт во много раз превышал импорт. Таким образом, советское правительство использовало Туркестан как источник дешевого сырья для промышленного центра. Оно не останавливалось даже перед вывозом из голодающего Туркестана продовольствия. Об этом наглядно свидетельствует сообщение центральной прессы. 11 января 1920 г. орган Наркомнаца РСФСР газета «Жизнь национальностей» писала в заметке «Красный Туркестан для Москвы»: «На днях из Андижана отправлено в Москву 20 вагонов риса. При нормальном движении поездов из Андижана можно будет вывезти 3500 вагонов хлеба». И вывозился он в Центр из Ферганской долины, где в то время от голода вымирали целые

---

[1] Правда Востока, 1920, 21 января.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 479, л. 6.

[3] Там же, д. 522, лл. 55—56; Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики. — С. 446—447.

кишлаки. Из Туркестана вывозилось в метрополию и много других видов продовольствия. Только в начале 1920 г. туда было отправлено 20 вагонов аральской рыбы, 5 вагонов виноградного вина и т. д.[1]. Летом 1920 г. специально для Западного фронта было направлено 2 маршрутных поезда с продовольствием — сушеной рыбой, растительным маслом, рисом и сухофруктами[2].

И все же после прорыва блокады в действиях обновленного туркестанского правительства, в которое вошли представители местных национальностей, наметилось стремление при проведении дальнейших экономических преобразований учитывать своеобразие местных социально-экономических и национально-бытовых условий.

8 декабря 1919 г. ТурЦИК издал приказ, согласно которому все сады площадью до 8 десятин и виноградники до 4 десятин передавались в пользование прежним владельцам-садоводам, «за исключением садов и виноградников явно нетрудового типа»[3]. Вслед за этим 4 марта 1920 г. ТуркЦИК принял декрет о возвращении земель трудовым дехканам, т.е. дехканам, обрабатывавшим землю собственным трудом. Им возвращались также захваченный или реквизированный у них коммунами или переданный в советские хозяйства или учреждения, а также частным лицам тягловый скот и сельскохозяйственный инвентарь[4].

Одновременно правительством Туркреспублики принимались меры по исправлению допущенных ранее перекосов в области тотальной национализации промышленности. Так, в Ташкенте были денационализированы 16 кожевенных предприятий кустарного типа, в Самаркандской области было возвращено прежним владельцам 31 кустарное и мелкое предприятие[5].

Но верная своим классовым постулатам советская власть денационализировала лишь те предприятия, в которых работниками являлись, как правило, сам хозяин и члены его семьи. Относительно же всех остальных предприятий, даже мелких, но использовавших

---

[1] Известия ТурЦИК, 1920, 17 февраля и 10 июня.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 353, л. 222.
[3] Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 839, л. 167.
[4] Там же, л. 282.
[5] Там же, д. 821, л. 313; ф. Р-27, оп. 1, д. 445, лл. 104—105.

наемный труд, продолжалась прежняя политика обобществления. В первой четверти 1920 г. была завершена национализация табачной промышленности, а также национализирован ряд электрических станций, в том числе 5 — в Самарканде, одна в Андижане и т. д.[1].

Последним актом советского государства о национализации промышленности страны явилось постановление ВСНХ РСФСР от 29 ноября 1920 г., согласно которому в собственность государства переходили все частные промышленные предприятия с числом рабочих свыше 5 человек при наличии механического двигателя или с числом рабочих более 10 человек при отсутствии такового[2]. В этом документе особенно ярко проявилось стремление большевистского руководства раз и навсегда покончить с капитализмом и форсированными темпами двигаться по пути к социализму.

В результате осуществления правительством, ЦСНХ, местными советами и совнархозами Туркреспублики национализации промышленности к концу 1920 г. подавляющее большинство промышленных предприятий автономной республики было обобществлено, перешло в руки государства в лице его центральных и местных хозяйственных органов. К 1 января 1921 г. в государственной собственности в Туркестане находилось 1175 промышленных предприятий[3], большинство из которых были мелкими. Государственные предприятия сосредотачивали 90 процентов всех наемных рабочих и свыше 80 процентов всех имевшихся в промышленности республики механических двигателей. На долю государственного сектора приходилось почти 3/4 валовой продукции промышленности края[4]. В частной и кооперативной собственности оставались лишь мелкие предприятия, имевшие в среднем не более 4 наемных рабочих каждое или вовсе не применявшие наемный труд. Общее число частных и кооперативных предприятий, применявших наемный труд, составляло 1013. Кроме государственных, кооперативных и частных предприятий, применявших наемный труд, в Туркрес-

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1920, 10 января; ЦГА РУз, ф. Р-27, оп.1, д. 378, лл. 20—24; Известия (Коканд), 1920, 9 марта.

[2] Из истории гражданской войны в СССР. Т.III. — С. 657.

[3] Отчет о деятельности Совета Народных Комиссаров и Экономического Совета Туркестанской республики на 1 октября 1922 г. — Т., 1922. С. 138.

[4] История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. — С.80.

публике имелось 12583 мелких частных и кооперативных предприятий, не использовавших наемный труд[1].

Ускоренная национализация промышленности дала возможность советам создать необходимую базу для решения военно-экономических задач. В конце 1919 г. был образован Центральный отдел военных заготовок (ЦОВЗ)[2], руководивший всеми предприятиями Туркестана, производившими обмундирование и снаряжение для Красной армии. Предприятиями ЦОВЗ в течение 1920 г. было изготовлено более 172,5 тыс. гимнастерок, свыше 81 тыс. тужурок, более 37 тыс. шинелей, 11,5 тыс. полушубков, около 324 тыс. рубах, свыше 202 тыс. головных уборов, около 111,2 тыс. пар обуви, более 6,4 тыс. седел и многое другое[3].

Наряду с военным производством организовывалось производство товаров народного потребления. Значительную роль в решении этой задачи сыграли кустари, вклад которых в хозяйственную жизнь края в условиях войны и товарного голода неуклонно возрастал. Удельный вес ремесленно-кустарной промышленности в общем объеме промышленного производства возрос с 22,3 процента в 1913 г. до 30—35 процентов в 1920 г. Особенно быстро и широко развивались те отрасли кустарного производства, которые производили наиболее дефицитные в условиях товарного голода изделия, — текстильная, кожевенная, обувная, пошивочная и др. Так, например, численность работающих на кустарно-ткацких предприятиях в Ферганской и Сырдарьинской областях возросла с 1100 в 1913 г. до 2280 в 1920 г., т. е. более чем в 2 раза[4].

Значительная часть предприятий кустарного типа выполняла государственные заказы. Местные органы власти заключали соглашения с кустарями на производство тех или иных изделий, снабжали их сырьем и приобретали произведенную из него продукцию. Кустари оказались в полной зависимости от государства. В 1920 г. государственные заказы выполняло более 1200 кустарных заведений[5].

---

[1] Статистический ежегодник 1917—1923 гг. Т.I. ч. III. — Т., 1924. С. 99—107.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-27, оп.1, д.346, лл.13—20.

[3] Там же, лл.3, 5, 8.

[4] История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. — С. 68—69.

[5] Там же. С. 77.

Согласно марксистско-ленинскому учению, на котором строилась социально-экономическая политика тоталитарного режима, важнейшим средством перевода государством мелких собственников на социалистические рельсы развития являлось их кооперирование. Первые артели кустарей возникли в крае еще в 1919 г. Однако их широкое объединение в артели стало проводиться с весны 1920 г. К декабрю по неполным данным в Туркестане насчитывалось около 800 промысловых артелей (из них 10 — женских), в том числе в Сырдарьинской области вместе с Амударьинским отделом — 500, Самаркандской — 214, Ферганской — 78 и т. д. В них было объединено более 25 тыс. кустарей[1]. Однако констатируя рост кооперативного движения среди кустарей Туркестана и учитывая применявшиеся тогда методы руководства, можно предположить, что здесь не обошлось без администрирования, силовых приемов, столь характерных для диктатуры пролетариата, особенно в условиях «военного коммунизма».

Все трудовые промысловые артели были вынуждены преимущественно работать на государство, выполняя заказы различных советских и военных организаций. Это хорошо можно видеть на примере деятельности промысловых артелей г. Ташкента: 42 из них работали по заказам кустарного отдела, 41 — выполняла заказы отдела военных заготовок, 38 артелей работали по заказам Центрокожа, 109 — горкомпрода и т. д.[2]. Промысловые артели давали государству довольно значительную по тем временам продукцию.

С установлением контроля советов над имеющими народнохозяйственное значение частными кустарными заведениями и образованием промысловых артелей кустарей советская власть по существу сосредоточила в своих руках управление всей промышленностью и в целом ею была решена задача ликвидации частной собственности в этой сфере материального производства. Она была реализована штурмовыми, военно-коммунистическими методами.

После прорыва блокады Туркестана дальнейшее развитие получает деятельность советов Туркестана по мобилизации трудовых ресурсов края.

Руководствуясь декретом советского правительства

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-27, оп.1, д.445, л.32; д.478, лл.88—111; д.472, лл.67—76.
[2] Там же, д. 472, лл. 67—76.

от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» ТуркЦИК разработал и утвердил 3 июня 1920 г. приказ № 303 о всеобщей трудовой повинности. Главным его отличием от декрета СНК РСФСР и от предыдущих постановлений съездов советов и правительства ТАССР являлось то, что всеобщая трудовая повинность распространялась только на мужскую часть населения республики. Согласно приказу ТуркЦИК от 3 июня 1920 г. к несению трудовой повинности привлекалось все мужское население в возрасте от 16 до 50 лет сроком на 3 месяца, за исключением рабочих и служащих государственных и общественных организаций, предприятий и учреждений, земледельцев, имевших наделы не свыше трудовой нормы и обрабатывающих землю своим личным трудом, ремесленников и кустарей, объединенных в артели и выполнявших государственные или общественные заказы, преподавателей и учащихся, инвалидов и служителей культа[1]. К несению всеобщей трудовой повинности в крае в 1920 — первой половине 1921 г. было привлечено до 300 тыс. человек[2].

При осуществлении всеобщей трудовой повинности на местах были допущены произвол и насилие над людьми. Созданные для реализации этой меры комитеты трудповинности не всегда учитывали местные социально-экономические, политические и национально-бытовые условия, нередко стремились использовать те же методы, что и в центральной России. Этому способствовало и то, что сам приказ ТуркЦИК недостаточно учитывал местные реалии. Он был «скопирован с центральных районов России и применение его было еще более «революционно», чем там»[3]. Большие массы людей перебрасывались из одного района в другой, устраивались облавы на базарах, в мечетях и других общественных местах[4].

Наряду с трудовой повинностью, вследствие недостатка транспортных средств, в этот период в ТАССР, как и в других районах страны, вводилась гужевая повинность, по которой население, имевшее перевозочные средства, привлекалось к транспортировке

---

[1] Набат революции. 1920, 30 июня.
[2] Акрамов А. Указ. работа. С. 268.
[3] РЦХИДНИ, ф. 122, оп.1, д.29, лл.74—84.
[4] ЦГА РУз, ф. Р-35, оп.4, д. 32, лл.65—66.

войск, военного имущества, хлеба, топлива и т. д. Исключение было сделано только для дехкан-хлопкоробов, которые на основании решения Туркомиссии и Совнаркома ТАССР от 29 ноября 1920 г. были освобождены как от трудовой, так и от гужевой повинности[1].

Одним из мероприятий туркестанских властей, направленных на максимальное использование трудовых ресурсов, явилась милитаризация труда в наиболее важных отраслях народного хозяйства и мобилизация квалифицированных рабочих и специалистов. В течение 1919—1920 гг. была осуществлена милитаризация труда на оборонных предприятиях, проведена трудовая мобилизация железнодорожников, специалистов горного дела, сельского хозяйства, рыбного хозяйства, учебных заведений, продорганов, полиграфической промышленности и некоторых других отраслей народного хозяйства[2].

С ослаблением напряженности на фронтах и усилением разрухи в народном хозяйстве с весны 1920 г. на работы по его восстановлению стали привлекаться и красноармейские части. В 1920 г. на положение трудовых частей были переведены воинские подразделения общей численностью около 22,5 тыс. человек[3]. Основная масса трудармейцев была направлена на транспорт и заготовку топлива.

Хотя всеобщая трудовая повинность и дала государству несколько сот тысяч дополнительных рабочих рук для борьбы с разрухой, все же решающей силой в налаживании промышленного производства оставался рабочий класс. Он принял на свои плечи основные тяготы как на фронте, так и в тылу.

Новой формой трудовой мобилизации рабочего класса и широких масс трудящихся в тылу стали субботники, введенные по инициативе большевиков. Зародившись весной 1919 г. на Московско-Казанской железной дороге, они после прорыва блокады Туркестана стали проводиться и в Туркреспублике. 11 октября 1919 г. в Ташкенте состоялся первый субботник. Он проходил на товарном дворе станции Ташкент при сравнительно небольшом количестве участников,

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-39, оп. 1, д. 344, л. 200.

[2] Нуруллин Р. А. Борьба Компартии Туркестана за осуществление политики «военного коммунизма». — Т., 1975. С. 125.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-35, оп. 1, д. 125, л. 70.

в основном членов партии. Во втором субботнике, состоявшемся там же 18 октября, уже участвовало до 500 человек, среди которых было немало беспартийных рабочих, красноармейцев, учащихся[1]. В конце 1919 г. субботники стали проводиться в Фергане. 18 января 1920 г. состоялся первый субботник на станции Коканд. В начале 1920 г. субботники стали проводиться также в Самарканде, Андижане, Новой Бухаре (Кагане), Намангане и в остальных городах края.

В целях концентрации трудовых усилий рабочего класса и широких масс трудящихся на решении наиболее острых задач хозяйственного строительства государство периодически проводило политические и хозяйственные кампании, известные под названием «недель». Наиболее часто они организовывались на железнодорожном транспорте, составлявшем становой хребет экономики края и страны. Так, в апреле 1920 г. в Туркестане была проведена «Неделя транспорта», а в октябре 1920 г. на железных дорогах края прошла «Неделя ремонта»[2]. Проводились также и другие подобные «недели» — топливная, борьбы с разрухой и т. д.

3. ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

К осени 1917 г., как уже отмечалось, сельское хозяйство края пришло в упадок. Пока большевистское правительство заявляло: «Центру мы дадим хлопок, но пусть даст нам хлеба»[3], — дехкане явочным порядком от посева хлопка переходили к посеву хлебных культур. Однако натурализация сельского хозяйства не могла решить хлебный вопрос: огромная масса дехкан, чайрикеров и мардикеров, армия и горожане нуждались в привозном хлебе. От отсутствия кормов сильно пострадало скотоводство, а суровая зима 1917—1918 гг. довершила его крах, и скотоводство «местами совсем прекратилось»[4]. События 1917 г. даже в сухих статистических отчетах были названы катастрофой[5].

В крае начался небывалый голод и сопутствовавшие ему эпидемии цинги, тифа, холеры, выкосившие

---

[1] Туркестанский коммунист, 1919, 11 и 25 октября.
[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 696, л. 6.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 20, л. 68.
[4] Там же, д. 34, л. 99.
[5] Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 г. Вып. I. — Т., 1924. С. 180.

целые кишлаки и аулы. Основными причинами голода являлись: засуха, общее разорение хозяйства в результате политических потрясений (первая мировая война, восстание 1916 г., революционные события) и безответственная экономическая и социальная политика большевиков. Уже с лета 1917 г. голод стал главным двигателем социальных конфликтов и политической борьбы в Туркестане.

Зимой 1917—1918 гг. среди голодавшего населения сельских районов начался повальный мор. Больше других опустели области с преобладанием кочевого населения. Кочевники либо ушли в сопредельные области (Бухару и др.), к городам, железнодорожным станциям, либо погибли. В Джизакском уезде население «помирало как мухи... трупов убирать было некому и таковые на каждом шагу встречались, объеденные собаками и шакалами, и кости этих несчастных пришлось только окончательно убрать в 1919 г. ... Царила голодная смерть»[1].

Краевой продовольственный съезд в январе 1918 г. констатировал, что «бедствие достигло крайней степени. Скоро голод перекинется в город и тогда думать о принятии мер будет уже поздно»[2], на местах начались голодные бунты. Реальных практических шагов по борьбе с голодом в первые месяцы советской власти предпринято не было. Краевые съезды — крестьянских депутатов и продовольственный — обратились лишь с воззваниями ко всему населению Туркестана. Продовольственный съезд, кроме того, предложил на государственные и общественные средства организовать столовые для голодающих. Только 27 июня 1918 г. при Наркомздраве был создан отдел помощи голодающим, получивший на эти цели 5 млн руб.[3].

До середины 1918 г. в продовольственной политике руководства Туркестана не было единой линии. Большевики ставили во главу угла классовый принцип; меньшевики и эсеры считали, что продовольственное дело должно быть свободно от политики. Линию большевиков начинали проводить в жизнь вновь создаваемые продорганы — Крайпродотдел во главе с первым комиссаром продовольствия большевиком А. А. Каза-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 34, л. 41.
[2] Там же, ф. 31, оп. 1, д. 8, л. 41.
[3] Там же, л. 42.

ковым и продкомитеты на местах. Существовавшие до середины 1918 г. старые продорганы сопротивлялись этому. 10 января 1918 г. Туркестанский краевой продкомитет постановил: «Признать безусловную аполитичность всех продовольственных органов»[1].

В июньские дни 1918 г., когда речь шла об обеспечении населения страны хотя бы минимумом продуктов, лидер большевиков В. И. Ленин заявил: «Кажется, что это борьба только за хлеб, на самом деле это борьба за социализм»[2]. Тем самым продовольственные, экономические задачи были жестко увязаны с политическими, причем политика была поставлена впереди экономики.

Классовый подход к решению продовольственного вопроса противоречил интересам коренного населения Туркестана. А декларации о равных правах на хлеб, мануфактуру и другие товары первой необходимости представителей всех национальностей так и остались декларациями.

Революционные события тяжело отразились на организации продовольственного дела. Ломать оказалось легче, чем строить; и без того низкая эффективность работы продорганов свелась к нулю. В условиях обостряющегося кризиса советы прибегли к созданию чрезвычайных органов. 15 июня 1918 г. была образована Краевая продовольственная директория (Проддиректория) с чрезвычайными полномочиями в борьбе с контрреволюцией и спекуляцией.

Крайне тяжелое положение сложилось с доставкой хлеба в Туркестан. С ноября 1917 по февраль 1918 г. привоз хлеба из Оренбурга и Сибири сократился вчетверо[3]. В условиях общероссийской разрухи нормальный товарообмен с хлебопроизводящими районами был невозможен. В хлебопроизводящие районы (Северный Кавказ, Сибирь, Тургайская, Уральская и Ошская области) выехали уполномоченные СНК Туркестана. Но крестьянам нужны были не официальные наряды центрального российского правительства и не бумажные деньги, а реальные промтовары на обмен — мануфак-

---

[1] 1918 год в Туркестане (Хроника событий) // Коммунистическая мысль. 1927, кн. 5. С. 118.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36. С. 441.

[3] Житов К. Е. Победа Великой Октябрьской революции в Узбекистане. — Т., 1957. С. 190.

тура, керосин и пр., в которых остро нуждался сам Туркестан.

В этих условиях основные надежды на пополнение продовольственного фонда советскому правительству Туркестана приходилось связывать с внутренними заготовками. В первый период после Октября большевики делали упор на экономические методы обеспечения продовольствием, в частности товарообмен. Но уже с самого начала здесь допускались грубые нарушения, когда, например, при себестоимости риса 53 руб. за пуд рисоводам из коренного населения платили 45 руб., а рисоводам европейского происхождения — 54 руб. (Сырдарьинская область)[1]. Сепаратные закупки, которые производили на рынке почти все комиссариаты, предприятия и организации, приводили к росту спекуляции и обесцениванию денег.

Для борьбы с голодом не меньшее значение, чем заготовка продовольствия, имело его четкое распределение. В этой сфере правительство Туркестана с самого начала действовало более решительно, начав с учета всех продуктов в городах, реквизиций и конфискаций запасов буржуазии. Повсеместно создавались комиссии по реквизиции продовольствия (в Ташкенте такую комиссию возглавил И. Исламов)[2]. Часто его реквизировали у голодающего населения.

Весной 1918 г. продовольственное положение ухудшилось. К хлебному кризису прибавились масляный, мясной, овощной, чайный, сахарный. «Справедливое», то есть равное снабжение всего населения было утопией, такая задача в практической плоскости не ставилась. Была определена очередность снабжения в свете классовых приоритетов: Красная армия, железнодорожные и промышленные рабочие, затем сельская беднота. В идеале сельское население должно было получать продовольствие через товарообмен, в виде помощи голодающим и как часть заготовленного государством. Однако плана снабжения хлопководческих хозяйств не было. Кочевники-казахи буквально питались травой. В городах часто в положении отверженных находились старогородские жители. Так, в феврале 1918 г. продотделу Старого Ташкента было разре-

---

[1] ЦГА РУз, ф.31, оп.1, д.8, л.42.

[2] Иноятов Х. Ш. Победа Советской власти в Туркестане. — М., 1978. С. 289.

шено приобрести 10 цистерн хлопкового масла, «имея в виду, что там... наблюдаются частые смертные случаи»[1].

Снабжение потребителей в таких условиях можно было осуществить только на основе монополии хлебной торговли, и приказом комиссара продовольствия (Компрода) Туркреспублики от 21 июня 1918 г. свободная торговля хлебом была запрещена.

В условиях военно-транспортной блокады Туркреспублики до крайних пределов снизился уровень жизни населения. В судебных органах того времени имелись дела по факту людоедства[2]. Комиссар продовольствия В. Ляпин писал, что «ужасы туркестанского голода затмевают всякий голод центральной России»[3]. Масштабы охватившего Туркестан бедствия были такими, что в правительстве республики даже обсуждался вопрос об эвакуации населения в Европейскую Россию, чтобы спасти его от голодной смерти[4]. 20 ноября 1918 г. ТуркЦИК принял решение о создании Центральной комиссии по борьбе с голодом (Комголод). Комиссия, включившая «лучшие туземные передовые силы»[5], была создана благодаря энергии ее первого председателя Т. Рыскулова. Комголод должен был координировать усилия ряда комиссариатов по борьбе с голодом, на деле же это вылилось в ведомственные трения. Источником средств были государственные ассигнования, контрибуции с буржуазии и пожертвования, но из-за сильной инфляции денег постоянно не хватало.

Основная работа Комголода заключалась в учете голодающих, обеспечении их минимально необходимым (едой, теплой одеждой) и устройстве на работу. Была создана сеть питательных пунктов. В 1918 г. они отпустили 3 млн обедов, а за 5 месяцев 1919 г. — 32 млн[6].

Голодающих объединяли в коммуны и направляли на работу по производству посевов, заготовке топлива,

---

[1] ЦГА РУз, ф.31, оп.1, д.11, л.64.

[2] З у е в Д. Д. Ферганское басмачество (1918—1922 гг.) // Гражданская война. Т.III. — М., 1924. С. 32; ЦГА РУз, ф.17, оп.1, д.20, л.199.

[3] ЦГА РУз, ф.31, оп.1, д.10, л.72.

[4] Т а м ж е, ф. Р-17, оп.1, д.20, л.199; д.31, л.140.

[5] Т а м ж е, ф.31, оп.1, д.56, л.200.

[6] Я к о в е н к о Л. И. Продовольственная политика Коммунистической партии и ее осуществление в Туркестане (1918—1924 гг.). — Душанбе, 1974. С.129.

в прядильные и ремонтные мастерские. Однако от низкооплачиваемой работы по направлению биржи труда безработные уклонялись, предпочитая частный наем за хлеб. К 1 января 1919 г. на попечении Комголода было около 800 тыс. голодающих, а к апрелю — 934600 человек[1].

Некоторые члены правительства Туркреспублики занимали в вопросе оказания помощи голодающим шовинистическую позицию. Так, Тоболин на одном из заседаний ТуркЦИК прямо заявил, «что, например, киргизы, как экономически слабые с точки зрения марксистов, все равно должны будут вымереть; поэтому... для революции важнее средства тратить не на борьбу с голодом (что все равно не достигнет цели), а на поддержку... фронтов»[2]. Это дало основание полпреду Туркестана в Москве Шакирову написать В. Пестковскому (замнаркомнац): преступное отношение правительства Туркестана к туземцам привело их «к... неслыханному до сего времени 60-процентному вымиранию»[3].

Помощь голодающим оказывалась в основном в городах и по линии железных дорог. Населению же сельских районов, особенно охваченных военными действиями, оставалось лишь уповать на Аллаха. Если бы миллионы голодающих пришли со сжатыми кулаками в ЦИК или в проддиректорию, говорил Рыскулов, они не оставили бы камня на камне, но они не были организованы. Голодающий пролетариат, особенно туземный, умирал молча, «можно сказать, что эти погибшие люди спасли... советскую власть, так как хлеб был распределен между оставшимися»[4]. С 1917 по 1920 г. население Туркестана в целом сократилось более чем на 1 млн человек, т. е. на пятую часть[5], а кочевое население — примерно на треть[6].

Летом 1919 г. был сделан еще один шаг к созданию жестко централизованной иерархической системы прод-

---

[1] ЦГА РУз, ф.31, оп.1, д.91, л.23. (Подсчеты наши. — *Ред.*).

[2] Революция в Средней Азии глазами мусульманских большевиков. — Оксфорд, 1985. С. 21.

[3] ЦГАРФ, ф. 1318, оп.1, д.56, л.197.

[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д.20, л.97, 201.

[5] Средне-Азиатский экономический район. — Т., 1922. С. 41; Материалы по районированию Туркестана. Вып. 1. — Т., 1922. С. 21.

[6] Отчет о деятельности Туркестанского Экономического Совета за февраль — октябрь месяцы 1921 г. — Т., 1922. С. 292.

органов. 4 июня ТуркЦИК принял декрет «О комиссариате продовольствия». Комиссару продовольствия (Компроду) были предоставлены чрезвычайные полномочия с правом их передачи местным учреждениям и должностным лицам. Но продаппарат оказался настолько засоренным авантюристами и спекулянтами, что уже в августе 1919 г. понадобилась основательная чистка.

В течение 1919 г. ТуркЦИК безуспешно добивался самостоятельности в хлебозаготовках, однако Центр твердо стоял на позиции их централизации, что отрицательно сказывалось на обеспечении края продовольствием. Если до революции в Туркестан ввозилось от 14 до 20 млн пудов хлеба, то в 1918—1919 гг. с огромным трудом удалось заготовить за пределами края менее 1,5 млн пудов, да и его невозможно было подвезти[1].

Наряду с товарообменом, не дававшим значительного эффекта, для продзаготовок применялся натуральный налог. Натурналог, являясь также экономическим рычагом, получил в Туркестане более широкое распространение, чем в России, так как в известной мере учитывал национальную специфику. Он был установлен приказом ТуркЦИК и СНК от 2 августа 1918 г. о процентном отчислении урожая.

Заготкампанию 1918—1919 гг. продорганы пытались провести на основе монополии в сочетании с экономическими методами, однако «население категорически отказалось проводить монополию». С учетом заготовок за пределами республики удалось собрать около 4,5 млн пудов зерна, т. е. 20% от минимального плана (22,5 млн). Нормальная же потребность республики в зерне (на питание и посев) была гораздо выше — 36 млн пудов[2].

Продовольственная диктатура как стержень всей политики «военного коммунизма» была введена в Туркестане 4 июня 1919 г. декретами «О хлебной монополии», «О хлебном классовом пайке» и «О предоставлении комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по проведению продовольственной политики в Туркестанской республике». Однако хлебная монопо-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д.22, л.457; ф.31, оп.1, д.88, л.18.

[2] Там же, ф. Р-17, оп.1, д.22, л. 457. (Подсчеты наши — *Ред.*); Нуруллин Р. А. Указ. работа. С. 113.

лия была центром споров и разногласий на протяжении всего 1919 года.

Декрет о монополии был проведен через СНК и ТуркЦИК. На поспешность, недальновидность и ошибки при его принятии указывали многие руководящие работники: Т. Рыскулов, Г. Константинопольский, С. Эффендиев, М. Файзуллин. О неприменимости в Туркестане монополии заявил Краевой продовольственный съезд (июль 1919 г.): она вызовет недовольство трудящегося крестьянина, «неизбежно укрывательство хлеба, сокращение посевов, продажа хлеба спекулянтам, прекращение свободного подвоза хлеба извне»[1]. Но большевики ориентировались на сельскую бедноту, чьим интересам монополия отвечала. Укрывающие хлеб были объявлены «врагами Республики». Среди сельского населения возникла паника.

По мере сокращения запасов продовольствия распределение все более четко принимало классовый характер. Декретом «О хлебном классовом пайке» потребители были разделены на 3 разряда: рабочим полагался 1 фунт хлеба в день (столько же — ответственным работникам), представителям буржуазии — 1/4 фунта. Попытки некоторых продотделов выдавать продукты в случаях рождений, похорон, свадеб решительно пресек Совет снабжения при Проддиректории (которая продолжала существовать параллельно с Компродом). Карточная система породила новые злоупотребления: получение дополнительных карточек якобы на иждивенцев, двойное снабжение (специальным и общегражданским пайком), получение продуктов в нескольких лавках с последующей спекуляцией.

Большую роль в снабжении большевики отводили кооперации. VIII съезд советов, признав, что «осуществление коммунизма в полном объеме не может, в силу местных условий, произойти в Туркестанской Республике в ближайшее время», указал на госкооперацию как на одну из переходных форм к коммунизму. Принципы кооперации легче усваивало коренное население. Но в период «военного коммунизма» сильна была тенденция к принудительному кооперированию трудящихся в потребительские коммуны. Первое узбекское потребительское общество — коопе-

---

[1] Яковенко Л. И. Указ. работа. С. 72.

ратив «Хаёт» — образовалось в Ташкенте 20 июля 1918 г.[1].

Если служащие и рабочие из-за обесценивания денег получали зарплату продуктами, то коренное население в значительной массе было лишено этого источника и высказывало все большее недовольство. При том, что в старом Ташкенте жителей было гораздо больше, чем в новом, они получали продуктов поровну. Жители Самаркандского уезда и старого Самарканда получали по 1/4 фунта муки с отрубями в день, жителям нового города выдавали по 1/2 фунта хлеба[2]. Тяжелее всех приходилось кочевникам. По словам Рыскулова, Проддиректория выкачивала из уездов богатства, складывала в общий котел и распределяла, поддерживая советскую власть в Ташкенте[3].

Второй стороной декрета «О хлебной монополии» было запрещение частной торговли. Это вполне отвечало многочисленным требованиям потребителей, которые видели зло не в излишнем огосударствлении торговли, а в самом существовании рынка. Запретительные настроения были тем более сильны, что уже первая мировая война показала невозможность свободной торговли хлебом в военное время. В идеале предполагалось, что монополия прекратит рост цен и после учета товаров деньги будут отменены. Крестьянин и трудящийся «получат только то, что... нужно по общей коммунистической норме и в силу этого отпадет возможность спекуляции, воровства»[4].

Однако установление твердых цен на хлеб привело к тому, что хлеб перекочевал на «черный рынок». Борьба со спекуляцией административными мерами вплоть до облав эффекта не дала, и тогда базары были закрыты совсем. Эта мера, экономически несостоятельная (треть населения Туркреспублики осенью 1919 г. не имела карточек), была особенно неприемлема, учитывая многовековые торговые, бытовые, духовные традиции коренного населения. Против выступила даже часть рабочих. В старом Ташкенте к зданию исполкома явились возмущенные женщины. В Проддиректо-

---

[1] Алкин И. Средняя Азия. Ч. I. — М., 1931. С. 349; Рашидов Г. Указ. работа. С. 89—90.

[2] ЦГА РУз, ф.31, оп.1, д.91, л. 307.

[3] Там же, ф. Р-17, оп.1, д.20, л.69.

[4] Там же, л.29.

рию поступил ряд протестов от горисполкомов, в том числе от Ташкентского ново- и старогородского[1]. На селе «рабочий-мардикер оказался лишенным даже той традиционной «лепешки», которая была до сих пор главным предметом его питания»[2]. Во многих случаях именно закрытие базаров переполняло чашу терпения дехкан. Руководство Туркреспублики постепенно, на протяжении года, осознавало допущенную ошибку и отступало в данном вопросе. 7 октября 1920 г. было принято постановление о разрешении свободной торговли после выполнения районом плана продразверстки.

Продовольственная и — шире — социальная политика в Туркестане строилась по схеме и директивам из Центра, хотя на словах отдавалась дань «национальному своеобразию». В свою очередь местные большевики признавали, что «реальная коммунистическая политика Туркестана должна строиться на тех же основаниях, что и политика Центральной Советской России»[3].

С мест постоянно жаловались на злоупотребление продовольственных чиновников своими чрезвычайными полномочиями. На VIII съезде советов Туркестана говорилось, что республиканские продорганы являют собой «хищнический бюрократический орган»[4]. Мунаввар Кары указал на то, что представители коренных национальностей не были привлечены к работе Проддиректории. Значительную часть руководителей продорганов составляли присланные из Центра работники, уроженцев Туркестана было около 24,5%, 25% составляли прожившие в Туркестане менее 3 лет[5] (т. е. приехавшие после октябрьских событий).

Осенью 1919 г. с мест поступали сигналы о невозможности проведения монополии. В Семиречье хлеб получали большей частью путем процентного отчисления. В Ферганской и Закаспийской областях (где это было возможно) применялся товарообмен. Из Самаркандской области богатый урожай начал вывозиться в

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 20, л. 203.

[2] Сафаров Г. И. Колониальная революция (опыт Туркестана).— М., 1921. С.101.

[3] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций. — Т., 1988. С. 53.

[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 34, л. 112.

[5] Статистический ежегодник. 1917—1923. Т. II. — Т., 1924. С. 244-450.

Бухару, а в октябре монополия вообще была отменена решением областного совета. Крестьяне Сырдарьинской области — даже бедняки — прятали хлеб. Только в столичном Ташкентском уезде монополия проходила прекрасно: «Мы достигли своих целей, — берем хлеб и отдаем его пролетариату»[1].

Практика проведения монополии была подвергнута резкой критике на VIII краевом съезде советов (сентябрь 1919 г.). Многие дехкане выступали не против монополии как принципа, а против ошибок в ее проведении: монополия «так же нам необходима, как воздух» (Мунаввар Кары). Ошибки признавала и часть республиканского руководства — В. Ляпин, Г. Константинопольский. От выступлений же противников монополии, чаще делегатов-мусульман (Д. Саликов, К. Хамидов) отмахнулись. А. Казаков, поддержанный другими руководителями-большевиками, высказался за проведение монополии силой. «Проигрыш продовольственной кампании грозит срывом революции»,— подчеркнул съезд[2].

В сложившихся условиях Компрод пошел на повышение цен на хлеб — от 125 р. до 150 р. за пуд в разных областях. Крестьяне стали ждать нового повышения цен, усилилась спекуляция. В конце концов Компрод вынужден был разрешить заготовку по вольным ценам; 1 пуд пшеницы вскоре стал стоить 1500 руб. Указанные ошибки фактически обрекли заготкампанию 1919—1920 гг. на провал, было собрано всего 2860 тыс. пудов хлеба[3]. Борьба за хлеб, в свою очередь, обострила социальную напряженность в крае.

Определенные изменения в продполитике республиканского руководства произошли после прибытия Туркомиссии. Констатируя неудачу осуществления монополии и вообще чисто классовой политики, Туркомиссия предложила сделать шаг назад: «В кишлаке нельзя сразу ввести хлебную монополию: здесь необходимо считаться с психологией мусульман и прибегнуть к переходной мере» (Я. Рудзутак)[4].

На пленуме крайкома КПТ в феврале 1920 г. было предложено «по-разному относиться к населению переселенческому и коренному, оседлому и кочевому»,

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д.31, л.339.
[2] Там же, д.34, д.99.
[3] Нурулллин Р. А. Указ. работа. С.86.
[4] ААП РУз, ф. 60, оп.1, д.402, лл.70—71.

т. е. в отношении первых проводить почти без изменений политику Центра, а в отношении последних требуется постепенность. Результатом обсуждений стали декреты ТуркЦИК от 28 февраля «О сдаче хлебных излишков государству» и об организации комбедов. Идея о союзе со средним крестьянством, высказанная на V краевой конференции КПТ (январь 1920 г.), осталась нереализованной — ставка была сделана на бедноту, на участие в комбедах и продотрядах рабочих и дехкан (первые продотряды были созданы в Туркреспублике еще летом 1918 г.). Новый этап в продовольственной политике был связан с деятельностью Т. Рыскулова в качестве председателя ТуркЦИК. Монополия в форме продразверстки должна была теперь проводиться через продотряды и комбеды в районах с «переселенческим колонизаторским населением» (в основном в Семиречье). Вслед за тем 9 марта 1920 г. был принят декрет «О натуральной хлебной повинности», по которому в мусульманских районах вводился натуральный налог.

Введенная декретом от 9 марта натуральная повинность должна была выполняться в порядке круговой поруки и не распространялась на чайрикеров, мардикеров и беднейших дехкан. При этом изъять в недельный срок все излишки у населения Семиречья (согласно декрету ТуркЦИК) было просто невозможно; пришлось и здесь ввести натуральную повинность.

Двойственная продполитика завела республику в тупик уже весной 1920 г. Непоследовательность в установлении твердых цен, усиление спекуляции, бешеная инфляция совершенно подорвали народное хозяйство. И с середины 1920 г. в жизнь стала проводиться линия, предложенная М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышевым. Компрод начал осуществлять продразверстку, единую для районов проживания коренного и русского населения. ТуркЦИК во главе с А. Рахимбаевым оценил это положительно: «вместо хаоса и бессистемности, преступных и неумелых мероприятий принята твердая продовольственная политика, во главу коей положен не национальный признак, а классовое понимание дела»[1]. Итак, в 1920 г. туркестанское правительство заявило о своей прочной приверженности классовым принципам организации продовольственно-

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 40, лл. 84, 85.

го дела. Но и в период «военного коммунизма» приходилось мириться с фактическим существованием рынка. Попытка введения натурналога (который стал прообразом нэповского продналога), разрешение в конечном счете частной торговли — меры из этого ряда, едва наметившаяся тенденция к поддержке культурного, рачительного хозяина, которая при «военном коммунизме» осталась нереализованной.

Дифференцированная заготовительная политика вызвала неоднозначную реакцию в среде самих большевиков. Члены Туркомиссии Ш. Элиава и Я. Рудзутак, а также прибывшие с поездом «Красный Восток» представители Центра высказались «за», считая, что это «даст возможность изжить необычайно обостренные отношения между мусульманской деревней и советской властью». М. Фрунзе и В. Куйбышев, руководство военной продорганизации Туркестана были против, считая нужным проведение не слишком обременительной разверстки «для всех хозяйств, сдающих излишки, без расовых и национальных различий»[1]. Против выступило и руководство Компрода[2].

В августе 1920 г. было принято постановление о введении продразверстки на всей территории Туркреспублики, намечалось изъять 40—50% излишков хлеба, а у кочевников — скота. Кочевому населению предполагалось предоставить взамен мануфактуру — примерно по 2 аршина на душу[3]. Однако состоятельные хозяева перекладывали тяжесть обложения внутри общины на бедноту, как это было в Кассанском районе, где бедняки из страха перед баями покупали на базаре *10—15 фунтов пшеницы и сдавали, не получая ни* расписок, ни денег[4].

С февраля 1920 г. началось широкое создание продотрядов. Члены продотрядов — добровольцы — избирались сначала на профсоюзных собраниях. В уездах выделялись «наиболее честные и преданные революции» рабочие и беднейшие крестьяне, но нередко в продотряды вступали с целью решить свои продовольственные проблемы. Деятельностью отрядов руково-

---

[1] ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 475, л. 204; Назаров М. Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции (1918—1920 гг.). — Т., 1969. С. 318.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 39, л. 211.

[3] Там же, ф. 31, оп. 1, д. 74, л. 12.

[4] Зуев Д. Д. Указ. работа. С. 47.

дили партячейки, в каждом был политкомиссар. Русские составляли в отрядах 35%, представители коренных национальностей — 60%. К концу 1920 г. численность бойцов продотрядов достигла 3—4 тыс. человек, а ликвидированы они были в сентябре 1921 г. Деятельность продотрядов являлась дестабилизирующим фактором. Только в Самарканде был арестовано и предано суду за пьянство, спекуляцию, грабеж местного населения 17 продармейцев. Такая же картина наблюдалась и в других местах[1].

Как писал очевидец событий Д. Зуев, продразверстка в Фергане, «особенно в районах «опасных», свелась к форменному грабежу кишлаков... Статистика, понятие об учете совершенно отсутствуют и составление всякого рода списков, конечно, упирается в шариат и ему как-либо противоречит. Поэтому продорганы... определяли размеры разверстки по своему... произволу... Принимая во внимание отсутствие жителей (или наличие двух-трех древних, не понимающих русского языка старцев), спешку и далеко не всегда наличие дисциплины и сознательности среди красноармейцев отряда... можно себе представить, во что фактически выливался сбор продразверстки и каково было настроение населения по возвращении в свои опустошенные сакли»[2].

Продорганы стремились перевыполнить разверстку. В ноябре 1920 г. коллегия Управления заготовок указала начальнику военной заготовительной организации в Фергане, что «извлечение мяса от населения ни в коем случае не должно превышать 100% разверстки», в область была послана комиссия для расследования злоупотреблений. Комиссии посылались и в другие области, иногда арестовывали целые исполкомы[3].

В результате разверстка 1920—1921 гг. была выполнена только по мясным продуктам (138%); зерновых удалось собрать 44% от плана, сухофруктов — 21%, овощей — 12 процентов[4]. Причина этого крылась в отсутствии экономической заинтересованности дехкан в производстве и продаже продукции. Правительство ТАССР признало позже, что до осени 1921 г. сложный

---

[1] Яковенко Л. И. Указ. работа. С. 69.
[2] Зуев Д. Д. Указ. работа. С. 43, 47—48, 79—80.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 37, л. 67; Зуев Д. Д. Указ. работа. С. 44.
[4] Отчет о деятельности ТЭС'а... С. 109.

продовольственный вопрос решался «весьма примитивно» — путем разверстки[1].

Как и прежде, при распределении продуктов питания в достаточной степени не учитывались интересы коренного населения. Так, декретом «О хлебном классовом пайке» потребности сельчан по существу игнорировались, в волостях не было специального аппарата распределения. Только в январе 1920 г. Компрод поручил уездным продотделам открыть в каждом уезде продовольственные лавки[2]. 9 сентября 1920 г. мясной отдел Управления заготовок постановил: «Ввиду исключительного положения кочевого населения, не имеющего продуктов, которые имеются у хлеборобов, установить снабжение... по классовому пайку II-го разряда в порядке товарообмена»[3].

Так как Компрод обеспечивал лишь небольшую часть потребности населения, остальное оно получало через «черный рынок» и из своего хозяйства. Причем на паек выдавались самые дешевые продукты, а более питательные и дорогие нужно было покупать самим или выменивать. Уровень питания населения Туркестана в целом можно назвать существованием впроголодь.

Катастрофически росла дороговизна. В условиях стремительного обесценивания денег (общегосударственных, а также туркестанских бон) цена на муку в новом Ташкенте выросла почти в 20 раз с 1915 по 1922 г. Стоимость бюджетного набора продуктов в среднем по республике увеличилась с 1913 по 1921 г. почти в 79,5 раз. Решение V краевой конференции КПТ об «установлении твердых цен на все продукты широкого потребления и согласование их с заработной платой и бюджетом рабочего и крестьянина» противоречило неумолимой логике рынка. В 1920 г., кроме того, продовольственное снабжение Туркреспублики осложнилось наплывом беженцев из голодающих губерний России.

* * *

1917—1920 гг. явились для народов Туркестана периодом небывалых социальных потрясений, вызванных октябрьским переворотом, разразившейся по вине

---

[1] Отчет о деятельности ТЭС'а... С. 196.
[2] ЦГА РУз, ф. 31, оп. 1, д. 86, л. 42.
[3] Там же, д. 74, л. 12.

большевиков гражданской войной в России, военными действиями на территории края, экстремистской экономической и социальной политикой большевистского руководства страны.

Большевики Туркестана, пришедшие к власти в результате октябрьского переворота, руководствуясь марксистско-ленинским учением и директивами правительства РСФСР, по существу продолжали в крае колонизаторскую политику царского правительства, полностью игнорируя местные реалии и интересы народов Туркестана. Проводившаяся ими экономическая политика — «военный коммунизм» — была направлена на искоренение «штурмовыми методами» существовавшего веками социально-экономического уклада народов края, на форсированное создание «основ социалистической экономики». Социально-экономическая политика туркестанского руководства носила в те годы сугубо классовый характер и великодержавно-шовинистическую направленность. Она привела к подрыву производительных сил края, небывалой хозяйственной разрухе, голоду, унесшему сотни тысяч человеческих жизней, и резкому обострению военно-политической обстановки в Туркестане.

Глава VI

БУХАРА И ХИВА В 1917—1920 гг.

1. ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ХАНСТВАХ

Весть о победе в феврале 1917 г. демократической революции в России и отречении от престола «белого царя» была встречена народами ханств с большой радостью. Они восприняли это историческое событие как акт, дающий возможность их странам освободиться из-под влияния Российской империи и развиваться по пути свободы и прогресса. С особенной надеждой встретили это событие наиболее передовые представители общества — джадиды.

После Февральской демократической революции в России произошло организационное и идейное оформление джадидов по примеру младотурков в младобухарскую (в Бухаре) и младохивинскую (в Хиве) партии. Джадидское движение в ханствах имело безусловно положительное значение в общественно-политической жизни этих среднеазиатских государств, побуждая общество развиваться по пути демократии и общественного прогресса.

Свержение царского самодержавия породило у младобухарцев надежду добиться у эмира демократических реформ, используя в этих целях и Временное правительство России. Они послали в Петроград телеграмму с просьбой о том, чтобы Временное правительство побудило бухарского эмира к реформам. С этой же целью младобухарцами была направлена в Петроград делегация в составе Абдурауфа Фитрата и Усмана Ходжаева, однако она была вынуждена вернуться обратно, доехав только до Оренбурга[1].

Проект реформ в эмирате был разработан под руководством российского резидента в Бухаре, «старого

---

[1] Описывая позднее эти события, Файзулла Ходжаев отмечал: «Из всего сказанного ясно, какое огромное значение придавал джадидизм в целом помощи извне, из революционной России»// Ходжаев Ф. Избранные труды. Т. I. — Т., 1970. С. 99.

реакционера», по оценке Ф. Ходжаева, А. Я. Миллера[1], который сам лично не был истинным поборником реформ, считая их преждевременными и даже опасными для страны и Российской империи. Младобухарцы попытались оказать воздействие на содержание подготавливавшегося в российском резидентстве в Бухаре проекта манифеста. Во время аудиенции у А. Я. Миллера представители джадидского движения Усман Ходжаев, Абду Вахид Бурханов и другие высказали свои соображения по основным направлениям ожидаемой реформы: введение народного представительства, центрального при эмире и местного при беках, улучшение администрации и контроль народных представителей над нею; отмена налогов, кроме установленных законами шариата; свобода школ и печати; смена некоторых наиболее фанатичных и реакционных сановников эмира.

Однако Миллер заявил, что предложения младобухарцев «слишком большие и утопические»[2].

Что касается самого эмира, то он хорошо понимал необходимость проведения в стране хотя бы частичных реформ, правда, не затрагивающих основ монархического строя, чтобы как-то идти в ногу с современностью, сделать некоторые уступки народу. Но в то же время он опасался, что даже подобные реформы будут встречены консервативными силами в штыки. Боялось этого и ближайшее окружение эмира, принимавшее активное участие в обсуждении подготовленного проекта реформ. Первый сановник эмирата, кушбеги (главный везир) подчеркивал, что реформы должны зиждиться «на строгих основах шариата, так как малейшее отклонение от таковых повлечет неизбежность категорического протеста мусульманских мулл»[3]. После неоднократных обсуждений эмир и его ближайшие сановники одобрили проект реформ. Последний получил «добро» со стороны Временного правительства.

7 апреля 1917 г. на проходившем во дворце эмира многолюдном собрании высших сановников, представителей духовенства, крупных землевладельцев, тор-

---

[1] Непосредственным составителем этого документа был помощник Миллера Шульга, которого Ф. Ходжаев называл «сочинителем манифеста» // Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 102.

[2] Там же. С. 100.

[3] Красный Архив. Т. I. — М.—Л., 1927. С. 81.

говцев и других слоев населения был оглашен манифест Саида Алимхана. В нем эмир обещал упорядочить систему взимания налогов с населения; создать меджлис (муниципалитет) в столице ханства из представителей землевладельцев, купечества и духовенства для управления городским хозяйством, народным образованием и здравоохранением; установить справедливое правосудие; «обратить серьезное внимание на развитие в ханстве промышленности и торговли, в особенности с могущественной Россией»; улучшить административное управление ханством; поощрять развитие «полезных наук и знаний» и т. д.[1]. По сути отдельные положения манифеста отразили реформаторские идеи младобухарцев, высказанные ими во время приема их представителей российским резидентом А. Я. Миллером, при всей недоброжелательности к ним последнего. Хотя намеченные в манифесте реформы существенно не задевали устои монархического строя, однако его объявление взбудоражило бухарское общество, накалило политическую обстановку в стране. Против реформ широким фронтом выступили все консервативные силы эмирата.

С ликованием встретили манифест эмира младобухарцы. Один из лидеров младобухарцев, предводитель купечества столицы Мирза Мухитдин Мансуров оценил манифест как «начало новой эры для Бухары»[2]. Младобухарцы решили отметить манифест эмира широкой демонстрацией в поддержку реформ. Однако насчет нее среди младобухарцев мнения разделились. Часть из них во главе с Абду Вахид Бурхановым, стоявшая «за постепенный, медленный реформизм, без всяких революционных, тем более кровавых потрясений»[3], считала, что в такой напряженной обстановке проводить демонстрацию не следует, ибо она может привести к нежелательным последствиям. Другая же группа младобухарцев во главе с Файзуллой Ходжаевым решительно выступила за проведение демонстрации.

8 апреля 1917 г. в Старой Бухаре состоялась организованная младобухарцами демонстрация, на кото-

---

[1] Туркестанские ведомости, 1917, 25 июня.

[2] Иванов А. И. Бухарская Народная Советская Республика.— Т., 1969. С.114.

[3] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 103.

рую ее участники вышли с красными знаменами и лозунгами «Да здравствует свобода!», «Да здравствуют эмир и шариат!»[1]. Однако демонстранты были встречены консервативно настроенной толпой, основную часть которой составляли студенты многочисленных бухарских медресе. Произошла кровавая расправа над демонстрантами. Многие из них были жестоко избиты. Под давлением консервативных сил Саид Алимхан отменил свой манифест. В стране усилилась реакция[2]. Экзекуции были подвергнуты сотни сторонников демократии и реформ, среди которых был и Садриддин Айни[3]. Спасаясь от расправы, уцелевшие младобухарцы стали эмигрировать в Ташкент, Самарканд и Новую Бухару (Каган).

Так трагически закончилась первая попытка либеральных демократов эмирата — младобухарцев воспользоваться в своей стране провозглашенными в России Временным правительством свободами для демократизации бухарского общества, создания условий для свободного развития страны по капиталистическому пути. Осуществление демократических реформ в Бухаре оказалось тогда невозможным не только из-за сопротивления им консервативных кругов внутри эмирата, но и из-за противодействия Временного правительства, стоявшего на словах за реформы в эмирате, на деле же выступавшего против них.

Февральская демократическая революция в России дала значительный толчок активизации политической жизни и в Хивинском ханстве. Во многих городах страны прошли собрания, митинги и демонстрации. Особенно многолюдной была демонстрация в столице ханства 4 апреля 1917 г. Демонстранты во главе с младохивинцами с красными знаменами и лозунгами: «Долой насилие, жестокость, угнетение!», «Да здравствует свобода!» — направились к казармам русского гарнизона в Хиве, где к ним присоединились солдаты с возгласами «Ура!» и с призывом к восстанию против хана[4]. Однако призывы солдат не нашли сочувствия и поддержки младохивинцев. Свои намерения они предполагали осуществить мирными средствами. На со-

---

[1] Хуррият, 1917, 16 апреля и 7 мая.
[2] Ишанов А. И. Указ. соч. С. 114-115.
[3] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 107.
[4] Туран, 1917, 9 июня.

званном ими совещании представителей духовенства и сельских старшин были выработаны требования, отразившие позиции младохивинцев — сторонников мирного установления конституционной монархии и реформирования ведущих сфер общественной жизни ханства: экономики, образования, культуры. Надежды на мирное достижение своих целей младохивинцы связывали с самим ханом, его уступками в этих вопросах. Поэтому проект манифеста, в котором были изложены выработанные совещанием требования, комитет младохивинцев намеревался представить хивинскому хану на подпись. Но предварительно было решено заручиться поддержкой командования российских войск в Хиве. На переговоры к последнему младохивинцы направляют делегацию из 16 человек. И лишь получив его согласие, делегация младохивинцев во главе с одним из своих лидеров, ханским сановником Матмурадовым, в сопровождении нескольких демократически настроенных русских офицеров направляется ко дворцу Асфандиархана. Матмурадов от имени делегации зачитал манифест. Обращаясь к хану, он сказал: «Всемилостивейший мой царь! Пришедшие к тебе подданные просят дать им свободу согласно шариату». 5 апреля 1917 г. Асфандиархан был вынужден подписать манифест и огласил его на собрании представителей хивинской знати[1].

Согласно манифесту в Хиве устанавливалась конституционная монархия. Власть хана ограничивалась меджлисом и Советом назиров в составе 30—50 членов, избираемым из представителей духовенства и торгового сословия. Над государственной казной вводился контроль. Асфандиархан обещал провести в стране железные дороги, построить почту и телеграф, открыть новометодные школы и т. д.[2]. Возвещенные ханом уступки, особенно в области политического и государственного строительства, свидетельствовали, что хивинское общество стояло на пороге новых знаменательных перемен: вступления на путь реформирования и демократии. Однако, как показали дальнейшие события, эти уступки носили временный, тактический характер.

---

[1] История Бухарской и Хорезмской народных советских республик. — М., 1971. С. 51—52.

[2] Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Т., 1967. С. 652.

Младохивинцы встретили манифест хана ликованием и возгласами: «Да здравствует Асфандиархан-освободитель!» В соответствии с манифестом вскоре были созданы новые государственные институты — меджлис и Совет назиров, в которые вошли представители узбекского торгового сословия и интеллигенции, духовенства и туркменских родоплеменных вождей[1]. Ключевые позиции в них заняли младохивинцы. Председателем меджлиса стал видный младохивинец Баба Ахун, Совет назиров возглавил лидер младохивинцев Матмурадов. Так на гребне революционной волны, поднятой в далеком Петрограде, к власти в стране пришли младохивинцы.

Уступки Асфандиархана были вынужденными. В действительности он совсем не собирался делить власть с младохивинцами, пытавшимися ограничить его безраздельную власть в стране меджлисом и Советом назиров. Он выжидал лишь подходящего момента, чтобы расправиться с младохивинцами. И поддержку в этом деле он нашел у Временного правительства. В первой половине июня 1917 г., опираясь на помощь и поддержку представителя Временного правительства в Хиве генерала Мирбадалова, Асфандиархан арестовал руководящую верхушку младохивинцев во главе с Матмурадовым, а всех членов младохивинской партии объявил вероотступниками и подверг их жестоким гонениям. Правда, меджлис был сохранен, но его социальный состав претерпел коренные изменения. В меджлис вошли представители высшего духовенства, чиновничества и феодальной знати.

Чтобы дать хану возможность закрепить победу над младохивинцами и исключить возможность их новых выступлений против существующего строя, 25 июля 1917 г. Временное правительство учредило в Хиве должность «военного комиссара с возложением на комиссара выработки правил по организации управления Хивинским ханством». Военным комиссаром Временного правительства в Хиве был назначен командир 4-го Исетско-Ставропольского казачьего полка полковник И. М. Зайцев. Одновременно в Хивинское ханство были направлены новые подразделения российских войск, преимущественно казачьи, а также вооружение

---

[1] Непесов Г. Из истории Хорезмской революции (1920—1924 гг.). — Т., 1962. С. 78—79.

и боеприпасы для создания ханом новых отрядов нукеров[1]. Позиции хивинского хана еще более укрепились после возвращения из Ирана в первой половине 1917 г. Джунаидхана[2]. Асфандиархан и военный комиссар Временного правительства полковник И. М. Зайцев намеревались использовать Джунаидхана с его джигитами для подавления оппозиционного движения в ханстве.

Таким образом, первая попытка либеральных демократов — младохивинцев и младобухарцев, воспользовавшись плодами Февральской демократической революции в России, ограничить монархический строй в Хиве и Бухаре и направить развитие своих стран по демократическому пути сорвалась. И не последнюю роль в этом сыграло Временное правительство России, которое вопреки провозглашенным им же свободам продолжало поддерживать существовавшие здесь режимы. В возможных коренных переменах в ханствах ему виделась опасность потери Россией столь выгодных для нее восточных колоний.

Вместе с тем политические события в ханствах, развернувшиеся в 1917 г., выявили слабость оппозиционных сил — младобухарцев и младохивинцев. В их среде постепенно вызревало осознание того, что только собственными силами, без союзника им не удастся сломить сопротивление консервативных кругов и повернуть свои страны на путь демократии и общественного прогресса.

Однако октябрьский переворот 1917 г. в Петрограде резко изменил политическую ситуацию в ханствах: Бухара и Хива освободились от «протектората» России, стали независимыми от нее государствами. Их независимость была признана как правительством РСФСР, так и Совнаркомом советского Туркестана. Вместе с тем со свержением Временного правительства монархические режимы в ханствах лишились военно-политической поддержки со стороны правительства России, которую они имели на протяжении многих десятилетий. Все это не замедлило сказаться на раскладе политических сил в ханствах.

Значительно возросло влияние на политические процессы в эмирате советов, большевистских и левоэсе-

[1] Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, февраль-октябрь 1917 г. — Т., 1962. С. 208.

[2] Асхабад, 1917, 22 сентября.

ровских организаций русских поселений Бухары. Советы рабочих и солдатских депутатов, возникшие здесь после февральской революции в России, с установлением диктатуры пролетариата в метрополии, один за другим захватывали власть в свои руки. 2—7 декабря 1917 г. в Кагане состоялся II областной съезд советов русских поселений Бухары. Он подтвердил переход власти к советам на территории последних и образовал областной Совет Народных Комиссаров. Съезд упразднил российское резидентство Временного правительства при правительстве эмира и взамен его образовал коллегию по бухарским делам из представителей Новобухарского, Чарджуйского и Термезского советов. Согласно официальному письму председателя СНК советского Туркестана Ф. И. Колесова (январь 1918 г.) коллегии по бухарским делам были приданы полномочия представлять СНК РСФСР и совнарком Туркестана в Бухарском эмирате.

Советы русских поселений Бухары, а также коллегия по бухарским делам во многом выполняли роль «толкачей» в развитии политических процессов в эмирате. Коллегия, как отмечалось в одном из документов, проводила линию на экспорт революции в Бухару, стремясь осуществить «революционный штурм, захват власти «русскими силами» и передачу власти младобухарцам»[1]. В этом деле она нашла понимание оппозиционных сил внутри эмирата, прежде всего младобухарцев, решивших опереться в борьбе против эмирского режима на морально-политическую и военную поддержку советского Туркестана. ЦК младобухарской партии счел сложившуюся обстановку благоприятной для организации выступления против эмира. В разработанном им плане выступления намечалось в течение суток захватить правительственные учреждения, арестовать эмира и членов его правительства. Дело оставалось за малым — заручиться поддержкой правительства советского Туркестана.

6 декабря 1917 г. в Ташкент прибыла делегация младобухарцев в составе Файзуллы Ходжаева и Мирзы Мухитдина Мансурова[2] в сопровождении члена коллегии по бухарским делам М. А. Преображенского[3]. Де-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 3, оп. 2, д. 821, лл. 15—17; Ишанов А. И. Указ. соч. С. 122.

[2] Амир Сайид Олимхон. Бухоро халқининг хасрати тарихи.— Т., 1991. Б. 12.

[3] Медведев В. Нечаянная революция // Дружба народов, 1992, № 1. С.4.

легация была принята главой правительства Туркестана Ф. И. Колесовым. Посланцы младобухарцев заверили последнего в том, что их партия ведет в стране широкую подготовку к свержению власти Саида Алимхана, что угнетенный им народ идет за младобухарцами, что 30 тыс. их сторонников готовы с оружием в руках выступить против эмира. Велико было искушение у Ф. И. Колесова перекинуть пламя «мировой революции» в соседнюю Бухару: опираясь на младобухарцев, одним ударом сокрушить там монархический строй, несмотря на то, что Совнарком Туркестана только что официально признал независимость Бухары. Можно было бы «закрыть глаза» на это обстоятельство во имя «великой цели». Однако, учитывая обострение политической ситуации в самом Туркестане, вызванное образованием Туркистон мухторияти и выступлением против советов белоказачьих войск во главе с полковником И. М. Зайцевым, Ф. И. Колесов посоветовал делегации не спешить с выступлением, подготовиться к нему, пообещав младобухарцам помощь оружием.

После разгрома Туркистон мухторияти и разоружения белоказачьих частей полковника Зайцева правительство советского Туркестана поспешило «на помощь» младобухарцам. 28 февраля 1918 г. Ф. И. Колесов с красногвардейским отрядом прибыл в г. Новая Бухара (Каган). На состоявшемся в его вагоне совещании с младобухарцами было решено сначала попытаться добиться уступок со стороны эмира мирными средствами. В ультимативном письме за подписью председателя СНК Туркестана Ф. Колесова и председателя Исполкома младобухарцев Ф. Ходжаева эмиру Саиду Алимхану было предложено провести реформы в политической и социальной сферах Бухары и указаны их направления[1]. В частности, предусматривалось принятие эмиром немедленных мер по демократизации управления страной: учреждение взамен существующего правительства исполнительного комитета из представителей младобухарцев с передачей ему всей власти. При согласии на это Саида Алимхана он, оставаясь эмиром Бухары, обязывался с помощью младобухарского исполнительного комитета провести его в жизнь.

Эмир бухарский, как и следовало ожидать, отверг

[1] Ходжаев Ф. Указ. соч. – С. 141.

столь ультимативные требования. Тогда Ф. И. Колесов отдал приказ о наступлении на Бухару. Прибывшие с ним красногвардейцы, рабочие дружины Новой Бухары, а также отряд младобухарцев в 200—300 человек[1] (это было все, что выставили младобухарцы вместо обещанных 30 тыс. «повстанцев») 2 марта 1918 г. начали открытую вооруженную интервенцию: наступление велось от Кагана вдоль Бухарской железной дороги. В сражении у селения Фатхабад близ Бухары войска эмира потерпели поражение.

Вторжение вооруженных сил советского Туркестана вызвало волну протеста у бухарского народа, который, встав на защиту своей страны, начал создавать отряды народного ополчения. Опираясь на патриотический подъем народа, Саид Алимхан, стянув к Старой Бухаре значительные военные силы, а также отряды народного ополчения, вскоре перешел в контрнаступление. Красногвардейские отряды и отряд младобухарцев вынуждены были отступить в сторону Самарканда. Преследуя противника по пятам, бухарские повстанцы учинили жестокий погром на железной дороге и в прилегающих к ней районах.

И только после прибытия свежих подкреплений из Ташкента, Самарканда и других городов Туркестана красногвардейские отряды смогли начать широкое наступление на Бухару. Во избежание нового кровопролития и разрушений эмир направил к Ф. И. Колесову делегацию, которая сообщила о его согласии подписать мирное соглашение[2].

25 марта 1918 г. Бухарой и советским Туркестаном было подписано Кизилтепинское соглашение, по которому эмир обязывался разоружить подданных ханства, оставив лишь регулярную армию численностью 12 тыс. человек, выдать всех белогвардейцев, скрывавшихся в эмирате, восстановить разрушенную повстанцами железнодорожную линию, возместить все убытки, причиненные государственным предприятиям советского Туркестана, а также обеспечить впредь сохранность железной дороги, проходящей по территории эмирата, почты, телеграфа и безопасность советских служащих на территории Бухары, гарантировать

[1] Ходжаев Ф. Указ. соч. — С. 139.

[2] Правда, позднее это событие сам эмир трактовал по-иному: будто бы инициатива о заключении мира исходила от советского командования // Амир Сайид Олимхон. Указ. соч. С. 12.

беспрепятственное продвижение советских войск по Среднеазиатской железной дороге, провести обмен пленными и т. д.[1]. Как видно из содержания соглашения, оно касалось в основном ликвидации последствий военного конфликта и совершенно не затрагивало внутренней жизни эмирата. По существу, в нем отсутствовали ранее предъявленные правительством советского Туркестана и руководством младобухарцев требования о проведения в Бухаре политических и социальных реформ.

Вооруженная интервенция в независимое Бухарское ханство, осуществленная руководством Туркестана, не вызвала резкой реакции правительства РСФСР. Косвенным образом это подтверждалось выступлением на V краевом съезде советов Туркестана (конец апреля 1918 г.) посланца Наркомнаца РСФСР А. Клевлеева. «Я, как приехавший недавно из Москвы, — заявил он, — буду говорить о мнении центрального правительства о бухарских событиях. Когда там услышали, что тов. Колесов вместе с красной гвардией борется против войск бухарского правительства, центральное рабоче-крестьянское правительство *приветствовало* это (выделено нами.— *Ред.*). Но когда тов. Колесов приехал из Бухары, оставив там все как было, то центральное правительство осталось очень недовольным тов. Колесовым, который начал дело, но не закончил его»[2].

Мартовские события 1918 г. вызвали соответствующую реакцию и в самом эмирате. Они раскрыли истинные цели и устремления соседей Бухарского государства — советской России и советского Туркестана, окончательно похоронив еще имевшиеся до этого иллюзии и надежды на возможность мирного сосуществования с ними. Укрепление обороноспособности страны, создание многочисленной, хорошо вооруженной и обученной армии превращаются с этого времени в главную цель внутренней политики эмира. Одновременно в эмирате ужесточилась борьба с любого рода инакомыслием: разгромлены организации младобухарцев в Старой Бухаре и других городах страны, репрессии против младобухарцев и других демократически настроенных лиц приобрели массовый характер. По сведениям Ф. Ходжаева, было убито около 1,5 тыс.

---

[1] Новый Туркестан. 1918, 3 апреля.
[2] Наша газета. 1918, 1 мая.

младобухарцев и сочувствующих им, а их имущество было конфисковано[1]. Уцелевшие от расправы младобухарцы и их сторонники эмигрировали в Туркестан.

Октябрьский переворот в России обострил политические процессы и в Хивинском ханстве. События в России подтолкнули хана к ликвидации и тех малых уступок, которые были сделаны им в политической жизни страны: в ноябре 1917 г. был распущен меджлис, организации младохивинцев разогнаны, против них начались массовые репрессии. Однако Асфандиархану не удалось добиться укрепления своих позиций. Этому в значительной мере мешало воздействие непосредственно соседствующего с ханством Амударьинского отдела Туркестана, где в декабре 1917 — начале января 1918 г. власть захватили советы. Брожение перекинулось и на Хиву, охватив прежде всего российских солдат пехотных частей хивинского гарнизона, которые стали открыто выступать против полковника И. М. Зайцева и хивинского хана, за свержение последнего. Грубо вмешиваясь во внутренние дела суверенного государства, солдаты заявляли: «Долой тирана — хана, его прихвостней — чиновников и продажных полковников»[2]. Волнения охватили и некоторые казачьи части.

Брожение захватило некоторые слои коренного населения ханства, что с тревогой констатировал полковник Зайцев: «Общее настроение населения ханства довольно беспокойно»[3]. В районах Кунграда, Куня-Ургенча, Ходжейли, Тахта, Порсунского бекства дехкане нападали на ханских чиновников, предавали огню имения и убивали ненавистных им баев. В начале января 1918 г. беднота напала на канцелярию ташаузского бека, отобрала хлеб и скот многих баев и торговцев, расправилась с некоторыми из них.

Усилились раздоры среди господствующих слоев ханства — узбекских и туркменских феодалов и узбекского купечества. Обострение общественно-политической обстановки в стране явилось также свидетельством бессилия ханской власти, у которой не было своей регулярной армии, а имелся лишь плохо вооруженный и почти не боеспособный отряд ханских нукеров. Трон

---

[1] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 147.
[2] Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 657—658.
[3] История Узбекской ССР. Т. II. — Т., 1957. С. 138.

держался фактически на расквартированных здесь русских войсках. С уходом в начале 1918 г. из Хивы казачьих отрядов И. М. Зайцева хан лишился и этой поддержки.

Чувствуя слабость своей власти в связи с усиливающимися в стране политическими процессами, Асфандиархан 22 января 1918 г. пригласил Джунаидхана для переговоров о совместном управлении ханством и организации борьбы против большевиков. Прибывшему в столицу Джунаидхану Асфандиархан передал всю полноту власти в стране, назначив его командующим войсками (сардари карим)[1].

Но Асфандиархан недолго удержался на престоле. Вскоре он был убит, и престол занял его дядя Саид Абдулла.

Так в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве потерпела поражение попытка внутренней оппозиции при помощи и поддержке большевиков Туркестана ослабить господствующие в них монархические режимы и направить развитие своих стран по пути реформ и демократии.

2. ЛИКВИДАЦИЯ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ ХОРЕЗМСКОЙ НАРОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В начале 1918 г. фактическая власть в Хивинском ханстве перешла к Джунаидхану. По свидетельству одного из лидеров младохивинцев Палван Ниязa Юсупова, вынужденного эмигрировать в Туркестан, «хан Хивинский дал неограниченные права туркменскому хану Джунаиду, который действует как диктатор. Хан слушается его как отца»[2].

Джунаидхан с самого начала видел в утвердившемся в соседнем Туркестане большевистском режиме угрозу не только для своего господства, но и для свободы и независимости своей страны. Поэтому он всеми силами и средствами укреплял обороноспособность ханства, доведя вскоре численность своих войск до 10 тыс. человек. Учитывая то обстоятельство, что небольшому и небогатому Хивинскому государству будет трудно противостоять более сильному большевистскому Туркестану, за спиной которого находилась вся воен-

---

[1] История Узбекской ССР. Т. III. — Т., 1967. С. 257—258.
[2] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 118, лл. 22—23.

ная мощь советской России, Джунаидхан устанавливает связь с борющимися против большевистского режима «Туркестанской военной организацией», «Временным Закаспийским правительством», лидерами повстанческого движения в Ферганской долине, с Колчаком, а также представителями Англии, которая в октябре 1918 г. прислала ему 3 тыс. винтовок, пулеметы и боеприпасы[1]. Заручившись их поддержкой и укрепив свои вооруженные силы, Джунаидхан перешел к активным военным действиям против Амударьинского отдела Туркреспублики, представлявшего главный плацдарм для нападения на Хиву.

С середины сентября 1918 г. по март 1919 г. Джунаидхан провел ряд наступательных операций против советских войск, дислоцированных на территории Амударьинского отдела Туркреспублики. Особенно широкий характер они носили в конце ноября — начале декабря 1918 г. Отряды Джунаидхана в конце ноября с боями заняли Кипчак, Чимбай и осадили административный центр Амударьинского отдела г. Петроалександровск (Турткуль). Однако взять его не удалось. После десятидневной осады (с 24 ноября по 3 декабря 1918 г.) отряды Джунаидхана под натиском подоспевшего из Чарджуя на помощь советскому гарнизону подкрепления были вынуждены отойти. Более полумесяца длилась осада другого крупного города Амударьинского отдела — Нукуса, однако овладеть им Джунаидхану также не удалось. Советское командование направило на помощь осажденному Нукусу подкрепление из Петроалександровска, вынудив отряды Джунаидхана с тяжелыми боями отступить от стен города[2].

Джунаидхан из тактических соображений временно приостановил вооруженную борьбу с советским Туркестаном. Чтобы получить передышку для более тщательной подготовки к грядущим боям с большевистским режимом, Джунаидхан изъявил согласие пойти на перемирие с советской стороной. Для ведения переговоров с Джунаидханом ТуркЦИК 7 апреля 1919 г. направил в его ставку, в крепость Тахта, чрезвычайную миссию во главе с А. Н. Христофоровым. 9 апреля 1919 г. был подписан мирный договор, который предусматривал прекращение всяких военных действий

---

[1] История Узбекской ССР. Т. III. С. 258.

[2] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 661-662.

с обеих сторон; признание советским правительством за народами Хивы права на самоопределение; обмен представителями; гарантию свободы и безопасности передвижения граждан обеих сторон по всем водным и сухопутным путям сообщения в пределах их территории в коммерческих целях и т. д.[1].

Однако, как показали дальнейшие события, ни одна из подписавших мирный договор сторон не собиралась выполнять его условия. В докладе комиссара по иностранным делам Туркреспублики на VIII краевом съезде советов Туркестана (сентябрь 1919 г.) указывалось: «Но подписавшее это соглашение хивинское правительство и не подумало его исполнять»[2]. То же самое можно сказать и о другой стороне — правительстве Туркреспублики, которое, на словах признавая право народов ханства на самоопределение и независимость Хивы, в то же время вмешивалось в его внутренние дела, всеми средствами поддерживало оппозиционные силы в стране, чтобы использовать их в своих целях.

Обо всем этом убедительно свидетельствуют документы, связанные с деятельностью коллегии представительства ТАССР в Хиве. 14 декабря 1919 г. ее председатель в телеграмме председателю ТуркЦИК А. Ф. Солькину, сообщая о напряженной политической обстановке в ханстве и обострении отношений Туркреспублики с ним, указывал, что единственным выходом из этой ситуации является «присоединение Хивы к Туркестанской республике. Тогда только вопрос отпадает сам собой»[3].

Чтобы ослабить единство народов Хивы в их борьбе за независимость, большевики Туркестана пытались посеять семена раздора между ними, натравить узбеков на туркмен[4]. Однако их происки ожидаемого результата не дали. Это подтверждалось в секретной телеграмме главы чрезвычайной миссии Туркреспублики в Хиве А. Н. Христофорова, посланной 20 июля 1919 г. из Чарджуя в адрес ЦИК и НКИД Туркреспублики. Как гласила телеграмма, 10 июля 1919 г. состоялось тайное совещание узбеков Хивы, в котором участвовали уламо, военные и купцы. «Обсуждался воп-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 120, лл. 99—113.
[2] Там же.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1208, лл. 25—26.
[4] Там же, д. 118, л 105; д. 222, лл. 81—83.

рос, на чьей стороне быть в случае наступления советских войск на Хиву». После продолжительного совещания было постановлено «стоять насмерть на стороне иомудов (один из туркменских родов. — *Ред.*)»[1].

Крайком КПТ и правительство Туркреспублики активно поддерживали противостоявшие Джунаидхану оппозиционные политические силы страны, в том числе и его соперников — некоторых туркменских родоплеменных вождей. По их рекомендации советскими и партийными работниками Петроалександровска через младохивинцев была установлена связь, а затем заключен и союз с родоплеменными вождями Гочмамедханом, Гулямалиханом, Якши Гельды и другими для совместной борьбы против Джунаидхана.

Особой заботой и вниманием руководства Туркреспублики и ее Амударьинского отдела пользовались перебравшиеся сюда младохивинцы. В начале 1919 г. один из их лидеров Д. Султанмурадов организовал Турткульский (Петроалександровский) комитет младохивинцев, в состав которого вначале входили всего 10—15 человек, но вскоре его численность возросла в несколько раз. Комитет установил связь с оппозиционными силами в ханстве, создал работавшие под его руководством подпольные ячейки в Хиве и некоторых других городах страны. Младохивинцами из беженцев была сформирована в Петроалександровске боевая дружина, которая к концу 1919 г. насчитывала 500 человек.

Не без влияния туркестанских большевиков находившиеся в эмиграции младохивинцы пересмотрели свою программу, включив в нее такие требования демократического характера, как свержение феодальной деспотии, конфискация земель крупных землевладельцев, организация выборной власти, предоставление народу Хивы политической свободы, а туркменам, кроме того, — автономии и т. д.[2]. Благодаря этим новым, радикальным в условиях хивинской действительности, программным требованиям значительно расширилась социальная поддержка младохивинцев в стране. Усилилось их влияние не только на торговые слои и духовенство, но и на дехканство, страдавшее от безземелья и малоземелья, ремесленников, значительную часть туркменского населения.

---

[1] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 3, л. 9.
[2] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 668—669.

Советское командование под предлогом защиты Амударьинского отдела от нападения джунаидовских отрядов наращивало здесь свои вооруженные силы[1]. Советские, партийные и военные органы Туркреспублики принимали самое деятельное участие в подготовке свержения существующего строя в Хиве[2], независимость которой была официально признана правительствами РСФСР и ТАССР.

Ставка туркестанских коммунистов и правительства Туркреспублики на ликвидацию монархических режимов в Хиве и Бухаре не была случайностью. Она была отражением нового курса руководства РКП(б) и РСФСР в отношении стран Востока. В 1918—1920 гг. последние, в том числе и близко расположенные к Бухаре и Хиве Афганистан, Иран, Индия и др., были охвачены грандиозным по своим масштабам освободительным движением. В 1918 г. оно развернулось в Индии. Английские колониальные власти пытались подавить его жесточайшими репрессиями, но безуспешно. Пламя национально-освободительной борьбы против британского владычества все возрастало. В начале 1919 г. на борьбу за национальную независимость выступил свободолюбивый народ Афганистана. Он мужественно сражался с английскими захватчиками и изгнал их из своей страны. В августе 1919 г. в Равалпинди Англия была вынуждена подписать мир с Афганистаном и признать его независимость. Вскоре Афганистан установил дипломатические отношения с РСФСР, Туркестаном и Бухарой. С 1917 г. не прекращалась вооруженная борьба против Англии арабов и курдов в Месопотамии, движение против английского протектората в Турции[3].

С лета 1919 г. советским руководством по инициативе председателя Реввоенсовета республики Л. Б. Троцкого стал вынашиваться план использования нарастающего освободительного движения в странах Востока в интересах «мировой революции» и распространения в них влияния советской России, реализация которого признавала возможным не останавливаться даже перед применением военной силы. Одним из пер-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1188, л. 16.

[2] Там же, д. 222, лл. 81—83; д. 229, л. 42; Иностранная военная интервенция... Т. II.— С. 486.

[3] История Бухарской и Хорезмской... С. 71—74.

вых этот новый курс большевистского руководства России испытало на себе Хивинское ханство.

Однако обстановка для открытого военного вмешательства Туркреспублики во внутренние дела Хивы к осени 1919 г. была неблагоприятной. Советский Туркестан еще находился в кольце фронтов, с трудом отражая вооруженный натиск белогвардейцев и ферганских повстанцев. К тому же в августе 1919 г. на территории Амударьинского отдела ТАССР образовался серьезный антисоветский очаг, подавление которого потребовало от руководства советского Туркестана значительного внимания и усилий[1].

Тем временем военно-политическая обстановка в Хиве резко обострилась. Царившие в стране разруха, голод, произвол ханских властей и их главной опоры — отрядов Джунаидхана вызвали острое недовольство широких слоев населения. Тяжелым бременем на него ложились объявленная Джунаидханом всеобщая мобилизация в армию мужского населения и введенный по его приказу специальный военный налог — «уруш солгит» в размере 300 руб. с человека. Население отказывалось от уплаты непосильных налогов, срывало мобилизацию нукеров и т. д. В ряде районов стали создаваться повстанческие отряды, которые нередко вступали в вооруженные столкновения с ханскими войсками[2].

Борьба против Джунаидхана и ханской власти приняла широкий характер в ноябре 1919 г., когда против первого в Ильялинском, Куня-Ургенчском и Кунградском бекствах выступили некоторые враждующие с Джунаидханом туркменские родоплеменные вожди, поддержанные частично узбекским населением. Восставшие, будучи неуверенными в том, что собственными силами им удастся сломить Джунаидхана, войска которого к этому времени насчитывали 15 тыс. человек, направили в Петроалександровск делегацию с просьбой о помощи[3].

Это было долгожданное событие, которое готовили правительство ТАССР и крайком КПТ, чтобы под предлогом «оказания помощи восставшему народу Хивы» и по его «просьбе» ввести войска в соседнее независи-

---

[1] *Подробнее об этом см. в главе III.*

[2] Непесов Г. Из истории Хорезмской революции 1920—1924 гг. — Т., 1962. С. 154—155.

[3] История Хорезмской Народной Советской республики. Сб. док.—С. 22.

мое государство, хотя при этом грубо нарушались условия заключенного с ним мирного договора.

В этом вопросе советские и партийные органы Туркестана нашли полное понимание и поддержку полномочного представителя ВЦИК и СНК РСФСР — Туркомиссии[1]. 20 ноября 1919 г. уполномоченный РСФСР в Хиве Г. Б. Скалов получил директиву Туркомиссии оказать практическую помощь «восставшему народу Хивы»[2]. Эту директиву Туркомиссии и ее практическое исполнение нельзя расценить иначе как прямое вмешательство большевиков во внутренние дела суверенного Хивинского государства. Ввод в Хиву советских войск явился прямой реализацией большевиками нового курса в восточной политике.

Принимая столь важное решение, советское руководство преследовало цель не только покончить с существующим в стране режимом, но и оказать решающее влияние на выбор страной формы управления и дальнейшего ее развития. В одном из документов советского руководства по этому поводу указывалось, что восстание в ханстве было поддержано советской стороной с целью «дабы не дать заглохнуть возникшему движению и направить его в надлежащее русло»[3].

Части амударьинской (хивинской) группы советских войск были разделены на два отряда: северный под командованием Н. А. Шайдакова и южный под командованием Н. М. Щербакова. Перед северным отрядом была поставлена задача очистить территорию Чимбайского участка от выступивших против советской власти уральских казачьих сотен и каракалпакских, казахских и туркменских повстанческих отрядов в низовьях Амударьи, после чего переправиться на левый берег Амударьи в районе Ходжейли и вести наступление против войск Джунаидхана. Южный отряд должен был вступить сразу же на территорию Хивинского ханства и развернуть наступление в направлении Ханка—Ургенч[4]. В составе южного отряда выступил уже упоминавшийся добровольческий отряд, формированный из хивинских беженцев (младохивинцев, коммунистов и др.).

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 79, оп. 1, д. 183, лл. 3—11.
[2] История коммунистических организаций Средней Азии. С. 465—466.
[3] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 253, лл. 24—31.
[4] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. С. 672.

Северный отряд в составе чарджуйской коммунистической роты, двух рот петроалександровского гарнизона и кавалерийского эскадрона выступил 25 декабря 1919 г. из Петроалександровска, нанес поражение уральским казачьим сотням и повстанческим отрядам низовьев Амударьи и вынудил их запросить мир. После чего высадился на левый берег реки под Ходжейли и 29 декабря занял его.

Южный отряд 22 декабря 1919 г. выступил в поход против Хивы в составе батальона 5-го стрелкового полка, кавалерийского эскадрона и добровольческого отряда хивинских революционеров.

По мере продвижения советских войск по территории ханства к ним присоединялись повстанческие отряды, сформированные из туркменского и узбекского населения. 28 декабря к ним примкнули отряды Гочмамедхана, Яхши Гельды, Мурад Бахши, Гулямали. Вскоре общая численность хивинских повстанцев достигла 3 тыс. человек.

7 января 1920 г. северный отряд совместно с повстанческими отрядами, нанеся поражение формированиям Джунаидхана, захватил Куня-Ургенч, а через несколько дней — Эмин-Кала. Южный отряд в тесном взаимодействии с хивинскими отрядами в середине января 1920 г. занял Порсу, Ильялы и Ташауз. Во второй половине января в районе Газабада произошло ожесточенное сражение частей Красной армии и повстанческих отрядов с войсками Джунаидхана, закончившееся поражением последних. Джунаидхан с остатками своих войск был вынужден отступить в пески. Нанеся таким образом серьезное поражение основной вооруженной силе Хивинского ханства, части Красной армии и отряды повстанцев подошли к столице страны и без боя заняли ее[1]. Следует отметить, что советские войска и повстанческие отряды чинили произвол и насилие над мирным населением, вызывая его недовольство. В приказе полномочного представителя РВС Туркфронта Г. И. Бройдо от 6 апреля 1920 г. в этой связи указывалось: «Во время боев и продвижения наших войск, а также и союзных нам туркменских отрядов по Хивинской стране было допущено много неправильных действий и насилия над населением»[2].

---

[1] Победа Советской власти в Средней азии и Казахстане. С. 674—675.
[2] РГВА. ф. 267, оп. 1, д. 2, л. 3.

В Хиве был образован Ревком — временное ко
лиционное правительство из 5 человек — по д
представителя от младохивинцев и туркменск
родоплеменных вождей и один от мусульманского д
ховенства. Председателем Ревкома стал руковод
тель Петроалександровского комитета младохивинц
Д. Султанмурадов. 2 февраля «по требованию народ
хивинский хан Саид Абдулла отрекся от престола[1].

Так по сценарию советского руководства и с пом
щью направленных им в страну частей Красной арм
в Хиве был совершен переворот и свергнут монарх
ческий строй. К власти в стране пришли узбекск
младохивинцы, туркменские родоплеменные вожди
мусульманское духовенство.

Вскоре после свержения ханской власти младох
винцы опубликовали манифест с новой программ
своей партии. Манифест предусматривал широкие с
циально-экономические и общественно-политическ
меры, предусматривающие продвижение страны по пу
демократического развития: «Уничтожить навсегда с
модержавное управление страной ханом и его прав
тельством; объявить достоянием народа принадлеж
щие хивинскому хану, принцам и министрам деньги
имущество, в чем бы таковое ни выражалось; испол
зовать для улучшения жизни бедноты земли крупн
помещиков; проводить каналы для орошения пусту
щих земель Хивы из реки Амударьи; открывать повс
местно в Хиве школы для бесплатного обучения д
тей; в городах и населенных пунктах Хивы открыва
бесплатные больницы и лечебницы; возвратить насил
но отнятые хивинским ханом и беками у бедного н
селения земли, имущество и проч.; уничтожить н
всегда принудительные работы (бигар)». Манифест з
канчивался заверениями младохивинцев в том, что
партия «обязуется приступить немедленно к образов
нию народной власти и проведению в жизнь перечи
ленных выше пунктов программы»[2]. Ревком обратил
с воззванием к советской России, в котором выраж

---

[1] Однако Саид Абдулла до лета 1920 г. оставался в Хиве в своем двор
По этому поводу чрезвычайный уполномоченный РСФСР Г. И. Бройдо
марте 1920 г. с недовольством говорил, что «хан до сих пор во дворце
занимает центральное почетное место» // История Хорезмской Народн
Советской республики. Сб. док. С. 35.

[2] *Иностранная военная интервенция...* Сб. док. Т.П. С. 489.

лась надежда, что она окажет помощь народам Хивы в упрочении новой власти[1].

Эта помощь оказывалась советским правительством с первых же дней переворота. И делалось это не бескорыстно, а с целью воздействовать всеми средствами на установление в стране режима, отвечающего интересам большевистского руководства РСФСР.

4 апреля 1920 г. в г. Хиве состоялось общее собрание коммунистов, на котором был избран оргкомитет компартии Хорезма во главе с Алимджаном Акчуриным. В связи с образованием оргкомитета ХКП младохивинцы объявили свою партию распущенной. Значительная часть младохивинцев, в том числе Д. Султанмурадов и другие видные младохивинцы, вступили в ряды ХКП. 7 апреля 1920 г. на расширенном заседании Ревкома и оргкомитета ХКП был решен вопрос об установлении в Хиве народно-демократического строя[2].

С 27 по 30 апреля 1920 г. в Хиве проходил I Всехорезмский курултай народных представителей. Курултай объявил Хивинское ханство упраздненным и провозгласил Хорезмскую народную советскую республику, восстановив древнее название страны — Хорезм. Курултай принял временную Конституцию ХНСР. В ее предисловии подчеркивалось, что «государственным строем Хорезмского государства является республика, построенная в форме советов, а весь народ Хорезма управляет страной через посредство своих представителей». Высшей властью в республике признавался курултай народных представителей, созываемый 1 раз в год и разрешающий самые крупные вопросы, касающиеся республики. Для управления страной курултай избирал правительство — Совет народных назиров Хорезма, состоявший из 15 членов: председателя, его первого и второго заместителей, двух секретарей и назиров — военных дел, юстиции, экономических дел, контроля, земледелия, финансов. Местными органами власти являлись районные советы (шуро), каковых было 22. Выборы в органы власти объявлялись всеобщими, правом избирать и быть избранным на курултай и в местные советы пользовался в республике каждый граж-

---

[1] Иностранная военная интервенция... Сб. док. Т. II. С. 498.

[2] Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. — Т., 1974. С. 111—112.

данин, достигший 18 лет, независимо от религиозной и национальной принадлежности и пола. Избирательных прав лишались только хан, члены его семьи, крупные феодалы, в том числе представители высшего духовенства, ростовщики, а также люди, «идущие против настоящей Конституции». Конституция сохраняла систему шариатского суда. Она предусматривала государственную символику — флаг и герб ХНСР. Флаг республики был красного цвета, а одна четвертая часть его была зеленого цвета. На зеленой части флага изображались луна и звезда золотого цвета. Что касается государственного герба ХНСР, то он состоял «из положенных друг на друга лопаты и серпа поверх стебля джугары»[1]. Временная Конституция отражала антимонархический, антифеодальный, народно-демократический характер свершившегося переворота и установившегося в результате него строя. В то же время ею в известной степени была заимствована у РСФСР форма власти — советы и их структура. Правда, советы по своему содержанию призваны были выражать не диктатуру пролетариата, а диктатуру народа.

Курултай избрал Совет народных назиров во главе с бывшим лидером младохивинцев Палван Нияз Юсуповым. Правительство состояло из туркменских родоплеменных вождей и коммунистов, среди которых преобладали бывшие младохивинцы. Такой его состав отражал характер переворота и установившегося в стране государственного строя.

В начале июня 1920 г. в г. Хиве состоялась Учредительная конференция ХКП, организационно оформившая коммунистическую партию Хорезма (ХКП). К осени 1920 г. в рядах ХКП насчитывалось 1000 человек, объединенных в 22 партийные ячейки. ХКП более чем на 80 процентов состояла из дехкан и ремесленников. Наряду с коммунистическими партийными организациями в стране создавались профессиональные союзы, насчитывавшие к концу 1920 г. 2500 членов, союзы «Кошчи». Последние к весне 1921 г. объединяли свыше 6 тыс. дехкан[2]. 27 июня 1920 г. в Чарджуе открылся съезд союзов революционной молодежи Хорезмской республики. Съезд постановил принять программу Рос-

---

[1] Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Т. II. — М., 1960. С. 503—508.

[2] Известия ТуркЦИК, 1920, 2 июля.

сийского коммунистического союза молодежи. После съезда по всей республике на местах стали создаваться комсомольские организации[1]. Возникшие общественные организации стали принимать активное участие в происходивших в республике политических процессах.

Правительству ХНСР приходилось начинать свою деятельность в трудной военно-политической обстановке. Постоянной угрозой для него был Джунаидхан, являвшийся непримиримым врагом советского строя. Джунаидхан накапливал силы, чтобы перейти к широким боевым операциям против советских войск, на которые главным образом опирался новый режим. Не сложили оружия и сторонники свергнутого хана. В конце июля 1920 г. его приближенные и представители придворного духовенства «на молитвенных собраниях в мечетях призывали к свержению республиканского правительства и восстановлению ханского трона, намечая кандидатом бывшего наследника свергнутого хана». Власти арестовали зачинщиков, и по приказу хивинского верховного ревтрибунала они были расстреляны. Хан и его ближайшее окружение в этих собраниях участия не принимали. Несмотря на это, правительство ХНСР постановило выслать из пределов Хорезмской республики хана, его наследника и братьев, а также главу придворного духовенства — казикаляна Хисматуллу[2].

Понимая, что без поддержки советской России и ее вооруженных сил не удастся удержаться у власти, правительство ХНСР искало помощи у РСФСР. I Всехорезмский курултай народных представителей в телеграмме наркому иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину, выразив признательность «российским красным войскам, которые помогают хивинскому народу сбросить с себя иго угнетения», просил российское правительство «не выводить свои войска, пока молодая хивинская армия не окрепнет достаточно, чтобы защищать завоевания революции»[3].

Чтобы заручиться поддержкой советского правительства, Совет народных назиров ХНСР направил в Москву полномочную делегацию во главе с бывшим председателем Хивинского меджлиса, назиром финан-

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1920, 1 августа.
[2] Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. С. 113—115.
[3] История Хорезмской Народной Советской республики. Сб. док. С. 40—41.

сов ХНСР Баба Ахуном. Задачей делегации по официальной версии являлось ознакомление российского правительства с положением в Хиве, «закрепление дружбы обеих республик и выражение благодарности хивинского народа за помощь, оказанную красными войсками в деле освобождения хивинского народа»[1].

Поддержка советской Россией правительства ХНСР была узаконена и получила еще больший размах в результате заключения 13 сентября 1920 г. Союзного договора между РСФСР и ХНСР. Его подписали от имени правительства РСФСР Г. В. Чичерин и Л. М. Карахан, от имени ХНСР — Баба Ахун Салимов, Молла Ораз Ходжа Мухаммадиев и Молла Нур Мухаммад Бабаев.

Согласно договору Россия безоговорочно признавала «полную самостоятельность и независимость Хорезмской Советской Народной республики со всеми вытекающими из такого признания последствиями» и «на вечные времена» отказывалась «от всех тех прав, которые были установлены прежними российскими правительствами по отношению к Хорезмской республике». РСФСР признавала полноправие хорезмских «трудящихся» граждан, проживающих в России. В свою очередь, ХНСР обязывалась «представлять политические права российским гражданам», находящимся на ее территории. Обе договаривающиеся стороны обязывались «не допускать на своей территории образование или пребывание правительств, организаций, групп и отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против другой договаривающейся стороны или против какой-либо иной советской республики»[2].

Наряду с Союзным договором были заключены также военно-политическое и экономическое соглашения между обеими республиками, в которых предусматривалась военная, экономическая и культурная помощь ХНСР со стороны советской России[3]. 26 октября 1920 г. Совет народных назиров ХНСР ратифицировал этот Союзный договор между РСФСР и ХНСР.

Союзный договор, военно-политическое и экономическое соглашения, заключенные ХНСР с РСФСР, с одной стороны, способствовали укреплению поло-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 2, д. 24, л. 602.
[2] История Хорезмской Народной Советской республики. С. 56—61.
[3] Там же.

жения республики, с другой — устанавливали ее полную зависимость от могучего северного соседа.

3. КРУШЕНИЕ ЭМИРАТА И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ БУХАРЫ НАРОДНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

После трагических мартовских событий 1918 г. центр противостоявшего эмирской власти оппозиционного движения переместился в соседний Туркестан. Под влиянием указанных выше событий, а также политических сил Туркреспублики в младобухарском движении произошел раскол.

20 апреля 1918 г. в Ташкенте было созвано общее собрание всех бухарских эмигрантов, которое зафиксировало наличие среди них трех групп: группы старых джадидов, или «правых» младобухарцев, примкнувших к «Шурои Исламия», бухарских левых эсеров, так называемых центристов, и левых младобухарцев, пожелавших примкнуть к партии большевиков. После жарких дебатов «правые» и «центристы», обвинив коммунистов в атеизме и посягательстве на шариат и частную собственность, покинули собрание. Оставшиеся на нем бухарские эмигранты, состоявшие главным образом из рабочих, ремесленников и небольшой части интеллигенции, высказались за необходимость создания Бухарской коммунистической партии на основе признания программы РКП(б)[1].

Покинувшая собрание часть бухарских эмигрантов приняла программу партии левых эсеров России. Во главе бухарских левых эсеров стояли Ата Ходжаев (Атаходжа Пулатходжаев) и Кары Юлдаш Пулатов. После левоэсеровского выступления в Москве в июле 1918 г. началось разложение среди бухарской группы левых эсеров. В результате часть их перешла на платформу коммунистов[2]. 25 сентября 1918 г. в Ташкенте состоялось общее собрание бывших бухарских левых эсеров, пожелавших принять программу коммунистической партии. На собрании был создан ЦК младобухарцев коммунистов-большевиков. Председателем ЦК был избран А. Якубов, а его товарищем (заместителем) быв-

---

[1] А л и е в А. Великий Октябрь и революционизирование народов Бухары. — Т., 1958. С. 20—22.

[2] Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Т. I (1903—1917 гг.). — Душанбе, 1960. С. 109.

ший бухарский левый эсер М. Кульмухамедов. Основное ядро Бухарской коммунистической партии, вплоть до своего III съезда (декабрь 1919 г.) называвшейся партией младобухарцев коммунистов-большевиков, составляли коммунисты из русских поселений Бухарского эмирата, переехавшие в Ташкент. В своем большинстве это были рабочие железной дороги и хлопкоочистительных заводов[1]. 23 декабря 1918 г. ЦК принял программу БКП. В ней предусматривалось уничтожение феодально-деспотического строя и установление народной республики на советских началах; конфискация эмирских и бекских (помещичьих) земель и раздача их безземельным и малоземельным дехканам; оказание государственной помощи последним путем выдачи безвозмездных ссуд, семян, инвентаря и рабочего скота; ликвидация казийских судов и учреждение народных судов на выборных началах; равенство всех наций, мужчин и женщин; свобода слова, печати, собраний; всеобщее обязательное бесплатное начальное обучение и т. д.[2].

Интенсивно создавались местные организации и ячейки бухарских коммунистов. Они были образованы в ряде городов Туркестана. Создавались также подпольные ячейки БКП на территории эмирата[3]. Они проводили агитационно-разъяснительную работу среди рабочих, ремесленников, дехкан и солдат эмирской армии, настраивая их против существующего в стране монархического режима, подготавливая их выступление против эмирских властей[4].

Однако бухарские коммунисты не имели широкой социальной базы и поддержки в эмирате, где почти не было пролетариата. Их коммунистические идеи не доходили до сознания основной массы населения страны, были непонятны ей, а атеистические взгляды и призывы коммунистов вызывали широкий протест со стороны всех слоев бухарского общества, приверженных исламу.

Следует отметить, что в коммунистический лагерь

---

[1] История Бухарской и Хорезмской Народных Советских республик. — С. 109—110.

[2] Турсунов Х. Т., Макашов А. В. Образование и деятельность Бухарской Коммунистической партии. — Т., 1983. С. 37—48.

[3] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 29, л. 213.

[4] Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана (эпоха социализма). — Алма-Ата, 1953. С. 90.

перешли не все младобухарцы. Часть из них осталась верной знамени и идеалам младобухарского движения. Возглавлял ее Файзулла Ходжаев, который в октябре 1918 г. прибыл в Москву и здесь при полномочном представительстве Туркреспублики при правительстве РСФСР создал московский комитет партии младобухарцев. 26 декабря 1918 г. он телеграфировал в Ташкент: «Открыли отдел партии. Заготовляем брошюры, листовки, воззвания (на) таджикском (и) узбекском»[1].

16 ноября 1918 г. состоялось заседание Московского младобухарского комитета совместно с членами полномочного представительства Туркреспублики. На нем был утвержден разработанный Ф. Ходжаевым проект «инструкции» младобухарского комитета. В нем намечались основные цели организации, главными из которых являлись подготовка и руководство народным восстанием против эмира и снабжение повстанцев оружием. Причем, как указывалось в документе, младобухарская партия, «подготовляя восстание против эмирского правительства, будет искать помощи социалистической России»[2]. Таким образом, Московский комитет младобухарской партии с самого начала рассчитывал достичь своих конечных целей, опираясь на поддержку РСФСР. Об этом открыто говорилось и в письме Файзуллы Ходжаева председателю ВЦИК РСФСР Я. М. Свердлову от 19 января 1919 г. В нем содержалась просьба «поддержать нашу партию в работе как материально, так и оружием против власти эмира»[3]. Существовал же Московский комитет младобухарской партии на средства Туркреспублики[4].

Вскоре после создания Московского комитета младобухарской партии в Москве образовалась еще одна организация бухарских эмигрантов. 28 декабря 1918 г. президиум Центрального бюро мусульманских организаций народов Востока при ЦК РКП(б) рассмотрел вопрос об организации младобухарской секции. На основании принятого им решения с 1 января 1919 г. в Москве была образована младобухарско-туркестанская секция, непосредственно подчиненная отделу пропаганды Центрального бюро мусульманских коммунис-

---

[1] ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 821, лл. 5, 6.
[2] Там же, ф. 1318, оп. 1, д. 112, лл. 98—99.
[3] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 18.
[4] ГАРФ, ф. 1334, оп. 1, д. 2, л. 142.

тических организаций народов Востока. Ее председателем был утвержден коммунист Абдукадыр Мухитдинов.

Таким образом, в Москве одновременно возникли две организации, именующие себя младобухарскими: младобухарский комитет при полномочном представительстве Туркреспублики при правительстве РСФСР и младобухарско-туркестанская секция коммунистов, созданная при Центральном бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). Они не были объединены в единый центр как по личным, так и по идейным расхождениям их руководителей — Ф. Ходжаева и А. Мухитдинова[1]. К тому же обе эти организации с самого начала оказались в полной зависимости, в том числе и экономической, от партийных и советских органов РСФСР и Туркестанской республики. Пользуясь этим, последние навязывали им свою волю, всячески препятствуя проведению ими самостоятельной политической линии, учитывающей специфику Бухарского государства и интересы населяющих его народов.

Прибыв в Ташкент в начале января 1920 г., Файзулла Ходжаев организовал «Туркестанское Центральное бюро партии младобухарцев-революционеров», которое было признано 12 февраля Туркомиссией ВЦИК, СНК РСФСР и ЦК РКП(б)[2]. 14 июня 1920 г. на конференции этой партии была принята ее программа, составленная Ф. Ходжаевым. В ней ставилась задача уничтожения феодально-деспотического строя в эмирате, установления в стране демократической республики, введения всеобщего избирательного права. Основным принципом управления страной признавался «принцип соблюдения интересов всех трудящихся средних и бедняцких классов», т. е. подавляющего большинства населения Бухары. Предусматривались конфискация земель эмирата и беков и распределение ее между дехканами; облегчение бремени налогов; осуществление мер, направленных на улучшение состояния сельского хозяйства, кустарной промышленности, внутренней и внешней торговли; введение 8-часового

---

[1] Ишанов А. И. Роль Компартии и Советского правительства в создании национальной государственности узбекского народа. — Т., 1978. С. 26—27.

[2] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 22.

рабочего дня, организация профсоюзов. Программа признавала шариат основой устройства общества и государства, а также правосудия[1]. Эта программа была более демократичной и радикальной, нежели программа младобухарской партии 1918 г., составленная А. Фитратом, в своих требованиях не шедшей дальше установления в Бухаре конституционной монархии.

Революционные младобухарцы заявили себя решительной оппозицией эмирскому режиму. Их боевым лозунгом стал девиз: «Объединяйтесь против гнета!» В отличие от программы БКП, программа партии революционных младобухарцев носила последовательно демократический характер и в значительной степени учитывала конкретно-историческую и национально-бытовую специфику страны. Если БКП с самого начала твердо стояла за установление в Бухаре советского строя, то партия революционных младобухарцев выступала за утверждение на развалинах монархического строя демократической республики, за установление «нового справедливого строя на началах широкого народовластия всех трудящихся Бухары в формировании демократической трудовой Бухарской республики с соответствующим верховным органом»[2]. Учитывая высокую степень религиозности населения, они не только не замахивались на ислам, как это делали коммунисты, а, напротив, собирались строить новое общество на принципиальных основах шариата. Это привлекало к революционным младобухарцам демократически настроенные мелкобуржуазные элементы, значительную часть интеллигенции, низшего и среднего духовенства, недовольных порядками в стране, определенное влияние они имели и в армии[3]. Таким образом, революционные младобухарцы располагали более широкой социальной базой по сравнению с БКП.

Революционные младобухарцы учредили свою газету «Учкун» (Искра), первый номер которой вышел 15 июня 1920 г. в Ташкенте. Газета пропагандировала на своих страницах демократические идеи, призывала народ Бухары к борьбе против эмирского самодержавия[4].

---

[1] Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии // Избранные труды, т. 1. С. 163—168.
[2] Турсунов Х. Т., Макашов А. В. Указ. соч. С. 69—70.
[3] ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 348, лл. 43—44.
[4] Ходжаев Ф. Избранные труды. Т. I. С. 23—25.

В то время, как БКП и партия революционных младобухарцев усиливали агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу в Бухаре и за ее пределами по свержению абсолютной монархии в стране, опираясь на морально-политическую и военную поддержку РСФСР и Туркестанской республики, эмир и его правительство принимали срочные меры по отражению выступления внутренних и внешних врагов существующего строя.

Мартовские события 1918 г. наглядно показали эмиру, насколько незащищенной оказалась Бухара перед военным натиском советского Туркестана, насколько практические действия его руководства соответствуют заверениям о мире и дружбе с Бухарой. Как писал впоследствии Саид Алимхан, «законы большевиков ни узнать, ни понять невозможно, поскольку все их усилия и стремления направлены на разрушение власти и порчу государства, на уничтожение людей и храмов, и всюду, где они видят человека почтенного и имеющего власть из любого сословия, грабят его и разоряют, и его убийство почитают для себя необходимым. Обещаниям и заверениям их тоже не следует доверять»[1].

Несмотря на неудачу «Колесовского похода», большевистское руководство советского Туркестана не отказалось от своего намерения ликвидировать Бухарский эмират, ставший после октябрьского переворота оплотом всех противостоящих большевистскому режиму политических сил Средней Азии. В официальных документах правительства Туркреспублики и КПТ скрывался и фальсифицировался истинный, захватнический характер их политики в отношении Бухары, которая изображалась как оборонительная, направленная на отражение нападения со стороны Бухары. А действия правительства эмирата расценивались как заведомо агрессивные, преследующие цель свергнуть советскую власть в Туркестане. На самом же деле все обстояло наоборот. И делалось все это для того, чтобы обмануть общественное мнение, оправдать подготовку военного выступления против эмирата.

В действительности же военная доктрина эмира и его правительства и их политика в отношении Туркестана носили оборонительный характер, что признавалось и в некоторых советских источниках, имеющих

[1] Амир Саид Алимхан. Указ. соч. С. 11.

сравнительно объективный характер. В уже упоминавшемся выше документе — сводной информации о положении в Средней Азии — в этой связи указывалось: *«Бухара, опасаясь нападения Туркестана,* продолжала лихорадочно вооружаться»[1] (выделено нами. — *Ред.*).

Правительство Бухары спешно скупало оружие и боеприпасы, путем военных мобилизаций формировало новые воинские части. В результате принятых экстренных мер к началу 1919 г. эмирская армия была доведена до 25 тыс. человек[2].

Хорошо понимая, что своими собственными силами Бухаре будет трудно отразить вооруженное нападение советского Туркестана, за спиной которого находилась военная мощь РСФСР, Саид Алимхан ищет себе союзников в борьбе с большевиками. Правительством Бухары было заключено военно-политическое соглашение с Афганистаном «в форме оборонительного союза»[3]. Очень тесные связи были установлены эмирским правительством с лидерами ферганских повстанцев. Отряды курбаши, потерпев поражение от красноармейских частей, нередко отходили на территорию Бухары, где получали приют, вооружение и боеприпасы. Оправившись от понесенных потерь, они вновь возвращались в Ферганскую долину, где продолжали борьбу за независимость Туркестана. Часто проводились совещания ферганских курбаши с представителями бухарского правительства, на которых разрабатывались планы совместной борьбы против большевистского режима в крае[4].

Подготовку к отражению военной агрессии эмирскому правительству приходилось вести в довольно сложной общественно-политической обстановке. Весной и летом 1919 г. происходили направленные против налогового бремени народные волнения в столице эмирата, Каршинском, Гиждуванском, Керкинском и Келифском бекствах, объективно игравшие на руку врагам эмирата. Однако для открытого выступления против Бухары ни у руководства Туркреспублики, ни у вскормленной им бухарской политической оппозиции не было в то время реальных сил.

---

[1] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 253, лл. 24—31.
[2] Турсунов Х. Т., Макашов А. В. Указ. соч. С.35.
[3] РГВА, ф. 268, оп.1, д.149, л.117.
[4] Там же, лл.90—92.

Возможности для этого стали складываться после прибытия из Центра в конце 1919 г. регулярных частей Красной армии и ликвидации Закаспийского и Семиреченского фронтов, а также нанесения весной и летом 1920 г. временного поражения отрядам курбаши в Ферганской долине. Теперь против плохо обученных, вооруженных фитильными орудиями войск эмира стояла дислоцированная в Туркестане 70-тысячная Красная армия, имеющая огромный боевой опыт и оснащенная современной боевой техникой.

Вначале Туркомиссия пыталась политическими методами склонить Саида Алимхана к уступкам. 7 января 1920 г. его посетили члены Туркомиссии, 30 марта — командующий Туркфронтом М. В. Фрунзе и председатель Туркомиссии Ш. З. Элиава[1]. Во время беседы с эмиром они пытались убедить его в мирных намерениях правительства РСФСР в отношении Бухары, стремясь при этом оказать на Саида Алимхана давление, требуя от него «хотя бы частичных уступок современности». Однако эмир отверг предложения М. В. Фрунзе и Ш. З. Элиавы, справедливо расценив их как вмешательство во внутренние дела суверенного государства. В то же время Туркомиссия полностью проигнорировала просьбы и предложения, высказанные бухарской стороной[2].

Твердую позицию бухарского правительства во время переговоров, его отказ подчиниться диктату полномочного представительства правительства РСФСР в Туркестане Туркомиссия стремилась представить как проявление «недружественного», даже «враждебного» отношения Бухары к России. А из начавшегося весной 1920 г. сближения Бухары с Афганистаном и из отдельных мелких эпизодов, происходивших на границе с Туркреспубликой, она делала совершенно необоснованный вывод об агрессивных намерениях эмира в отношении последней, хотя была прекрасно осведомлена о том, что Бухара в военном отношении многократно уступала войскам Туркестанского фронта.

В действительности же к нападению на Бухару готовилось командование Туркфронта, стягивавшее к туркестанско-бухарской границе под надуманным предлогом «защиты Туркреспублики от нападения бухар-

---

[1] История Узбекской ССР. Т.III. С.256.
[2] РГВА, ф.268, оп. 1, д.149, л.147.

ских войск» воинские подразделения, укреплявшее советские гарнизоны близлежащих к Бухаре городов и железнодорожных поселков Туркестана[1].

Свой вариант решения «бухарского вопроса» разрабатывал в это время и наркомат иностранных дел РСФСР. 21 мая 1920 г. заместитель наркома Л. М. Карахан писал главе советского правительства В. И. Ленину: «Бухара не с нами, а против нас. Поэтому в полном согласии с Туркомиссией, нашим уполномоченным в Ташкенте, мы предлагаем ливидировать эмира и образовать из Бухары демократическую республику, поставив во главе ее младобухарцев (теперь уже коммунистов)»[2].

Действия советского руководства, направленные на ликвидацию эмирского режима, вынуждали правительство последнего постоянно наращивать подготовку к отражению нападения советских войск на страну[3].

В целях дальнейшего укрепления обороны страны эмир провел несколько военных мобилизаций, которые, правда, не дали ожидаемых результатов (вместо 14 в армию удалось набрать только 6 тыс.)[4]; были укреплены гарнизоны в Старой Бухаре и других городах. Однако развернувшаяся в Бухаре военная подготовка продолжала носить оборонительный характер. По сообщению военного атташе при полномочном представительстве РСФСР в Бухаре от 13 августа 1920 г. духовенство потребовало от эмира объявления войны, но он «отклонил эту петицию и заявил, что с их стороны может быть только ответное действие, если начнут русские»[5].

ЦК РКП(б) и советское правительство все более склонялись к свержению эмирского режима. 10 августа 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсудило телеграмму члена Туркомиссии, командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе по «бухарскому вопросу» и приняло по нему соответствующее решение. На следующий день это решение в виде директивы Политбюро ЦК РКП(б) было направлено в Ташкент. В ней указывалось на необходимость принятия мер по охра-

---

[1] РГВА, ф.110, оп.3, д.308, л.35.

[2] Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. С. 164—165.

[3] РГВА, ф. 268, оп.1, д.149, лл.147—148.

[4] Там же, д.142, лл.17—18.

[5] Там же, д. 149, лл.90—92.

не русского населения на территории Бухары и укреплению границ между Бухарой и Туркреспубликой. Одновременно рекомендовалось вести широкую агитацию против эмирского режима, подготавливая добровольческие или коммунистические отряды из бухарских беженцев и приближая их к границам эмирата. Политбюро ЦК РКП(б) предупреждало, что инициатива вооруженного вторжения в Бухару не должна исходить от советской стороны. «Замена подготовляемых к обороне мероприятий наступательными по нашей инициативе, — указывалось в директиве, — может произойти лишь при наличии более или менее популярного бухарского революционного центра, хотя бы на нашей территории, призывающего нас к такому наступлению»[1]. Однако истинные намерения большевиков ни для кого не были секретом. Бывший в то время представителем Великобритании в Кашгаре, полковник Эссертон позже отмечал, что прямое нападение большевиков на Бухару показало бы всему миру лживость их заявлений о том, что они выполняют на Востоке освободительную миссию. Поэтому по их сценарию первый удар по эмирскому режиму должны были нанести младобухарцы, после чего, по их официальной просьбе, от имени «восставшего народа» им на помощь должны были придти большевики[2].

Однако, предваряя «обращение восставшего народа Бухары» за помощью, командование Туркфронта предприняло меры по приведению своих войск в мобилизационную готовность для вступления в Бухару. Уже к середине июня 1920 г., т.е. задолго до «революции», вдоль бухарских границ с Туркестаном были сосредоточены крупные силы Туркфронта[3]. 12 августа 1920 г. командование Туркфронта отдало приказ своим войскам начать подготовку к вторжению на территорию эмирата.

К силовым методам решения «бухарской проблемы» склонялось явное большинство членов Туркомиссии. Их ярыми сторонниками были М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев и Г. И. Бокий. Они считали, что «нужно 3 полка, чтобы от Бухары камня на камне не

---

[1] Медведев В. Указ. соч. С. 165.

[2] См.: Хасанов М., Германов В., Шодиев К. Амир Олимхон фожеаси // Фан ва турмуш, 1991. № 3. Б.19.

[3] РГВА, ф.110, оп.3, д.470, лл.37—40.

осталось». По мнению М. В. Фрунзе, «если взяться за дело энергично... можно за 2 недели его решить»[1].

Туркомиссия вплотную занималась и сплочением противостоящих эмирскому режиму оппозиционных сил страны, политической подготовкой «бухарской революции». Под ее руководством еще 24 июня 1920 г. было создано военно-революционное бюро по подготовке вооруженного восстания в Бухаре, в состав которого вошли представители Туркомиссии М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев, председатель Совинтерпропа, от КПТ — Назир Тюракулов, от БКП — председатель ЦК Наджиб Хусаинов, от партии революционных младобухарцев — председатель ее Центрального бюро Файзулла Ходжаев. Военно-революционное бюро подготовило проекты воззваний и декретов, предназначенных для обнародования от имени Всебухарского ревкома в день победы «революции». 10 августа на совместном заседании Туркомиссии, ЦК БКП и Центрального бюро партии младобухарцев-революционеров было решено создать Временный революционный комитет Бухары на коалиционных началах: 6 членов — от БКП и 3 — от младобухарцев. Председателем ревкома был избран коммунист Ахмаджан Абдусаидов. Был определен и состав Совета народных назиров из 9 человек — 6 от БКП и 3 от революционных младобухарцев. Главой правительства, которое должно было сменить эмирское, был избран лидер революционных младобухарцев Файзулла Ходжаев.

23 августа 1920 г. в Ташкент прибыл новый состав Туркомиссии во главе с Г. Я. Сокольниковым (кроме него сюда входили Г. И. Сафаров и Н. Г. Петерс). На ее заседании был одобрен ход подготовки к «бухарской революции» и обсуждена программа будущего бухарского правительства[2].

Таким образом, «революция» в Бухаре еще не началась, а в Ташкенте под непосредственным руководством полномочного представительства ЦК РКП(б) и правительства РСФСР в Туркестане уже был определен характер государства — советская республика, которая будет установлена после «победы», намечен состав республиканских органов новой власти, програм-

---

[1] Крушельницкий А. Телеграф оркали сурилган диктатура // Фан ва турмуш, 1990. № 4. Б.13.

[2] Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. С. 178—180, 186—187.

ма и декреты «народного правительства» и т. д. Дело оставалось за малым — за самой «революцией», которую надо было «вызвать». Над решением этой задачи настойчиво работали как Туркомиссия, так и ЦК РКП, Центральное бюро партии революционных младобухарцев.

ЦК РКП(б) и Туркомиссия особое значение придавали сплочению противостоящих эмирскому режиму оппозиционных политических сил страны. 29 июля 1920 г. Оргбюро ЦК РКП(б), рассмотрев вопрос об отношении РКП(б) к младобухарской революционной партии, сочло «необходимым оказать этой организации содействие в ее революционной борьбе». На основании решения ЦК РКП(б) Туркомиссия 3 августа 1920 г. высказалась за возможность заключения Компартией Бухары временного блока с революционными младобухарцами. Это решение Туркомиссии было затем одобрено ЦК БКП и IV съездом Компартии Бухары.

IV съезд БКП проходил в Чарджуе в середине августа 1920 г. К этому времени партия объединяла 43 партячейки с общим количеством членов около 5000 человек, а также 20 тыс. сочувствующих[1]. Съезд принял резолюцию, рассматривавшую вооруженное восстание как главное средство свержения власти Саида Алимхана. Съезд счел возможным создание временного блока с партией революционных младобухарцев на основе признания ими программы компартии Бухары и необходимости установления после свержения власти эмира республики советов, действующей под руководством БКП[2].

Эмир Саид Алимхан был хорошо информирован о военных приготовлениях советской стороны. В беседе с полномочным представителем наркомата иностранных дел РСФСР Д. Гопнером, посетившим Бухару в июле 1920 г., эмир потребовал немедленно вывести все советские войска, сосредотачиваемые на территории русских поселений Бухары, убрать все сконцентрированные на границе с эмиратом красноармейские части, прекратить поддержку бухарской антиэмирской оппозиции и т. д. Однако советская сторона осталась глухой к этим справедливым требованиям Саида Алим-

[1] РЦХИДНИ. ф. 122, оп.1, д.29, л.213; ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 348, лл.2—3.
[2] Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. С. 120—122.

хана[1] и приступила к практической реализации своего плана ликвидации его власти.

На основании директивы ЦК РКП(б) и решений IV съезда БКП в спешном порядке из бухарских коммунистов, революционных младобухарцев и дезертиров из бухарских правительственных войск на территории Туркреспублики сколачивались добровольческие отряды, которые вместе с регулярными частями Красной армии должны были по общему сигналу двинуться на Бухару на помощь «восставшему народу».

В точном соответствии с разработанным в Центре и Ташкенте сценарием развивались «революционные события» в самом эмирате. Сигнал к началу «революции» в Бухаре был дан в Сакарском районе, расположенном в 25 км от Старого Чарджуя. 23 августа 1920 г. туркменский полк под командованием коммуниста Бешимсардара овладел Сакаром и провозгласил советскую власть. Утром 29 августа Бешимсардар при поддержке войск Туркфронта захватил Старый Чарджуй. Был образован ревком в составе Бешимсардара (председатель), Абдурахима Юсупова и Хасана Алиева[2]. Чарджуйский ревком в тот же день обратился с воззванием к трудящимся Бухары, в котором говорилось о свержении старой власти в Чарджуйском бекстве и установлении там советской власти. В воззвании содержалась и «программа» ревкома, текст которой был заранее составлен в Ташкенте[3]. Чарджуйский ревком обратился за помощью к советскому правительству. Вслед за Чарджуйским бекством антиправительственные выступления состоялись и в ряде других мест страны.

Не дожидаясь долгожданного призыва «восставшего народа Бухары» о помощи, 25 августа 1920 г., т. е. за несколько дней до обращения за ней Чарджуйского ревкома, на совместном заседании Туркомиссии и Туркбюро ЦК РКП(б), образованного незадолго до этого, было решено оказать помощь «восставшему народу Бухары». Для общего руководства «восстанием» был создан военно-революционный центр в составе В. В. Куйбышева, Ф. Ходжаева и Н. Хусаинова[4]. Таким образом, полномочный представитель РСФСР в Туркес-

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1920, 2 сентября.

[2] РЦХИДНИ, ф. 122, оп.1, д.10, л.262.

[3] Мехнаткашлар тауши, 1920, 6 сентябрь.

[4] ГАРФ, ф.130, оп.4, д.348, лл.2–6.

тане В. В. Куйбышев вошел в состав руководящего органа по подготовке и проведению восстания в Бухарском эмирате, независимость которого была официально признана советским правительством, неоднократно заявлявшим о своем дружественном отношении к эмирату. В тот же день, 25 августа, в 13 часов из Ташкента командующим группировками войск Туркфронта в Самарканде, Чарджуе, Полторацке (Асхабад), Кагане был направлен секретный оперативный приказ, подписанный командующим Туркфронтом М. В. Фрунзе, членом РВС В. В. Куйбышевым и начальником штаба Туркфронта П. В. Благовещенским, по которому утром 29 августа части бухарско-самаркандской группы и чарджуйские отряды должны были начать наступательные боевые операции против бухарских войск; каганская группа «по получении известий о революционном перевороте» в Старом Чарджуе (а «переворота» к этому времени еще не было, он состоялся позднее — 29 августа) должна была двинуться на Старую Бухару и Ситораи Мохи Хоса[1]. Конкретные указания были даны и другим частям Туркестанского фронта[2].

На свержение эмирского режима из частей Туркестанского фронта была направлена мощная военная сила, включавшая по официальным данным 7000 штыков и сабель, имевшая на вооружении 46 орудий, около 230 пулеметов, 10 бронеавтомобилей, 5 бронепоездов и 12 самолетов. Совместно с частями Туркестанского фронта в боевых операциях участвовали и бухарские повстанческие формирования, насчитывавшие около 5 тыс. человек.

Противостоявшие им войска Бухарского правительства состояли из 3725 штыков и 7850 сабель, были оснащены несколькими десятками современных орудий, старыми фитильными орудиями (около 150), «большей частью совершенно негодными для стрельбы»[3] и 20 пулеметами. Кроме регулярных войск, имевших небольшой боевой опыт, в эмирате насчитывалось в это время более 20 тыс. ополченцев, вооруженных берданками, кремневыми ружьями, шашками и просто палками и совершенно неподготовленных в во-

[1] Ситораи Мохи Хоса (в переводе означает «Изысканная звезда луны») — летний дворец эмира в окрестностях Бухары.

[2] РГВА, ф.110, оп.3, д.237, лл.1—3.

[3] Там же, ф.268, оп.1, д.145, л.17.

енном отношении[1]. Основная часть бухарских регулярных войск и формирований ополченцев была сосредоточена в столице эмирата. По свидетельству кушбеги Бухары Асманбека Полванова и члена эмирского правительства Бака Ходжи Токсаба, в эмирских войсках в районе Старой Бухары вместе с нукерами (ополченцами) в конце августа 1920 г. насчитывалось 20 тыс. человек[2]. Слабо оснащенная в техническом и плохо подготовленная в военном отношении бухарская армия не могла оказать серьезного сопротивления хорошо вооруженному и оснащенному противнику, имеющему огромный боевой опыт.

В ночь с 28 на 29 августа 1920 г. войска Туркфронта вместе с отрядами оппозиции вторглись на территорию эмирата. Они захватили Старый Чарджуй, Хатырчи, Карши, Китаб, Шахрисабз и подошли к его столице.

Командование Туркфронта, подготавливая нападение на эмират, учло его военный потенциал, но не приняло во внимание морально-психологический фактор, патриотизм народа, который, видя в лице войск Туркфронта захватчиков, грудью встал на защиту столицы своей страны. Против вооруженных до зубов частей Красной армии стойко сражались не только эмирские сарбазы и ополченцы, но и все население города и близлежащих кишлаков, стекавшееся сюда в поисках защиты от врага. 29 августа, в начале боевых действий, под стенами Старой Бухары авангард штурмующих ее в составе Восточного мусульманского полка, сформированного в Самарканде из бывших эмирских сарбазов и отряда бухарской оппозиции, встретив упорное сопротивление защитников Старой Бухары и неся большие потери, был вынужден спешно отступить[3]. В связи с упорным сопротивлением защитников столицы эмирата руководивший бухарской операцией М. В. Фрунзе срочно принял меры по переброске сюда дополнительных войск из резерва[4].

Войска Туркфронта никак не могли взять город. По приказу его командования Старую Бухару бомбили самолеты, обстреливали шквальным огнем орудия и

---

[1] РГВА, ф. 268, оп. 1, д. 129, лл.12—13.

[2] Там же.

[3] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. док. — М., 1941. С. 191.

[4] РГВА, ф.268, оп.1, д.241, л.64.

бронепоезда. 4 суток продолжалось кровопролитное сражение под столицей эмирата. 2 сентября 1920 г. под непрекращающимися ударами советских войск пал последний оплот столицы — крепость Старая Бухара. Однако эта победа далась противнику нелегко. В кровопролитных сражениях за столицу эмирата советские войска потеряли 500 человек, большие потери понесли и бухарские добровольческие отряды[1].

В период ожесточенных боев под бомбами, снарядами и пулями погибла значительная часть мирного населения Старой Бухары, а также много жителей окрестных кишлаков, спасавшихся от противника за стенами города. По свидетельству одного из защитников столицы, попавшего в плен, убитых набралось так много, что их не успевали убирать[2]. Древняя и некогда цветущая Бухара оказалась в огне и руинах. Сгорела почти половина города, 4/5 его лежало в руинах. Особенно сильно пострадал Арк (цитадель), по которому артиллерия наступающих вела массированный прицельный огонь, в результате чего было разрушено и сгорело большое количество исторических памятников и построек. Совсем бессмысленными были залпы артиллерии в направлении минарета Калян — этой уникальной достопримечательности периода правления саманидов в Бухаре. Более десятка снарядов попало в минарет. Сохранившийся снимок его, израненного снарядами, производит удручающее впечатление.

Незадолго до падения Старой Бухары Саид Алимхан тайно покинул ее с группой своих приближенных и вооруженной охраной и направился в сторону Восточной Бухары, чтобы организовать сопротивление захватчикам. Причину своего решения покинуть осажденную столицу он объяснял тем, что этим шагом он хотел побудить командование Туркфронта прекратить дальнейшее разрушение города бомбами и снарядами[3].

Решающую роль во взятии Старой Бухары, как и в крушении эмирата в целом, сыграли войска Туркестанского фронта. Бухарские же добровольческие формирования играли при них вспомогательную роль, не представляя собой в военном отношении значитель-

---

[1] *История Узбекской ССР.* Т. III. С. 280.

[2] Крушельницкий А. Указ. соч. // Фан ва Турмуш, 1990, № 4. С.13.

[3] Амир Сайид Олимхан. Указ соч. С.15.

ной силы. Они по существу использовались командованием Туркфронта как ширма для демонстрации того, что будто против эмира сражается вооруженный «восставший народ», которому по его «просьбе» войска Туркфронта лишь оказывают помощь. Во всех официальных документах и сообщениях о боевых действиях в Бухаре из политических соображений на первое место ставились вооруженные формирования «бухарских революционеров» и лишь после них упоминались части Красной армии, прежде всего ее мусульманские формирования[1]. Делалось это сознательно, чтобы ввести в заблуждение мировое общественное мнение, скрыть от него истинный характер «советской помощи бухарскому народу», представлявшей собой в действительности прямую военную интервенцию в суверенную страну. «Бухарская операция», разработанная и осуществленная под руководством М. В. Фрунзе, преподносилась советской стороной как заключительный этап «бухарской революции», в результате «победы» которой был свергнут эмирский режим в стране. Это была полнейшая фальсификация исторических событий.

После захвата столицы эмирата власть перешла к Временному Всебухарскому ревкому во главе с коммунистом Ахмаджоном Абдусаидовым, которого вскоре заменил на этом посту коммунист Абдукадир Мухитдинов. В состав ревкома вошли также коммунисты М. Аминов, А. Акчурин, А. Юсупов, М. Бурханов и Х. Ибрагимов.

Временный ревком опубликовал Манифест, основные положения которого в свое время были обсуждены и одобрены Туркомиссией[2]. Бухарское государство объявлялось «независимой Бухарской Советской Республикой», основанной «на добровольном объединении всех свободных наций и племен, проживающих в пределах страны». В документе объявлялась и программа Временного ревкома по земельной, налоговой, судебной политике, избирательной системе, соблюдению прав человека, просвещению и т. д.[3].

5 сентября 1920 г. состоялось объединенное заседа-

---

[1] М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. — С. 330; Правда, 1920, 4 сентября.

[2] Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. — С.186—187.

[3] История Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924). Сб. док. — С. 37—38.

ние представителей РСФСР, Временного Всебухарского ревкома и ЦК БКП. На нем было признано необходимым установление самой тесной военно-политической и экономической связи между РСФСР и Бухарой[1].

Большую роль в осуществлении имперской политики советской России в Бухаре сыграл В. В. Куйбышев, направленный сюда Туркомиссией и Туркбюро в качестве полномочного представителя РСФСР при правительстве БНСР и уполномоченного ЦК РКП(б) и Коминтерна при ЦК БКП, «с сосредоточением в его руках политического и партийного руководства». В мандате, выданном В. В. Куйбышеву 10 сентября 1920 г., Туркомиссия уполномачивала его «делать заявления, предложения, заключать соглашения и предпринимать все действия, какие он считает необходимыми, *в интересах РСФСР*» (выделено нами. — *Ред.*)[2]. Имея такие имперские полномочия, В. В. Куйбышев открыто вмешивался во внутренние дела суверенной Бухарской республики, ее правительства и отдельных назиратов[3].

11 сентября 1920 г. была распущена партия революционных младобухарцев, ее члены в подавляющем большинстве (9 из 14 тыс.) автоматически вошли в состав БКП. В решении, принятом по этому вопросу на объединенном заседании ЦК БКП и Центрального Туркестанского бюро младобухарской партии, говорилось: «Отныне в Бухаре существует одна политическая партия — партия бухарских коммунистов. Партия революционеров (т.е. революционных младобухарцев. — *Ред.*), существовавшая до сегодня, объявляется распущенной, т. е. объединенной с коммунистической партией»[4]. Так в Бухаре осенью 1920 г., как и в Туркестане весной 1919 г., установилась однопартийная политическая система. БКП стала единственной правящей партией, монопольно осуществляющей политическое руководство страной. В резолюции об организации БКП, принятой на ее I (V) съезде 22 февраля 1921 г., было заявлено о том, что БКП является «истинным руководителем Бухарской Народной Советской республики по пути к социализму»[5].

---

[1] История Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924). Сб. док. С. 37—38.

[2] Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. — С. 203.

[3] Там же. — С. 207—208.

[4] Победа советской власти в Средней Азии и Казахстане. — С. 700—701.

[5] История Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924). Сб. док.— С. 50—51, 89—91, 103.

14 сентября 1920 г. в Старой Бухаре состоялось объединенное заседание ЦК БКП, Временного Всебухарского ревкома и Совета народных назиров с участием В. В. Куйбышева. На нем были определены главные задачи правительства БНСР в области внутренней и внешней политики и сформирован состав высшего законодательного органа — Всебухарского ревкома и правительства республики — Совета назиров. Председателем ревкома был избран Абдукадир Мухитдинов, председателем Совета назиров — Файзулла Ходжаев[1]. Все члены Всебухарского ревкома были коммунисты. В Совете назиров из 11 членов большинство также были коммунистами, хотя среди них имелись и представители имущих классов, наиболее видным из которых был назир торговли и промышленности, крупный купец Мансур Мирза Мухитдин (Мансуров Мирза Мухитдин). О нем В. В. Куйбышев писал, что Мансуров «играет яркую роль выразителя буржуазной стороны переворота... Он является наиболее умным государственным деятелем, противопоставляющим определенный план и систему общему хаосу и беспорядку»[2].

6 октября 1920 г. в летнем дворце эмира — Ситораи Мохи Хоса — начал работать I Всебухарский курултай народных представителей, на котором присутствовало 1960 делегатов. Курултай заслушал доклад председателя ревкома А. Мухитдинова «О государственном строе революционной Бухары». В принятом по докладу решении, наряду с другими, были положения, касающиеся политического устройства государства. В центре и на местах в органах государственной власти могли участвовать «только лишь полезные и достойные сыны отечества». К ним относились крестьяне, ремесленники и все лица, «живущие своим трудом. От участия в выборах исключаются крупные банкиры, торговцы и духовенство»[3]. Таким образом, демократия, устанавливаемая в стране этим документом, носила классово ограниченный характер. От участия в политической жизни отстранялись значительные слои населения. Курултай принял постановление о провозглашении Бухары народной советской республикой.

---

[1] Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре и национального размежевания Средней Азии. — С.98.

[2] Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. — С. 205.

[3] Там же. С. 215.

В состав правительства республики входили назиры земледелия, торговли и промышленности, продовольствия, просвещения, военных дел, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, финансов, государственного контроля, а также Верховный революционный трибунал и ЧК. В первые же дни сентябрьского переворота на местах были образованы ревкомы общим числом 27. Они являлись «высшим органом власти и органом управления соответствующей административной единицы и местностей ее подчинения»[1].

Одну из своих важных задач новая власть видела в создании вооруженных сил республики. Всебухарский ревком объявил старую, эмирскую армию распущенной. 5 сентября 1920 г. объединенное заседание представителей РСФСР, Временного Всебухарского ревкома и ЦК БКП признало необходимость формирования бухарской пехотной бригады и одной кавалерийской дивизии из четырех полков «по штатам Российской рабоче-крестьянской Красной армии»[2]. Однако создание собственной армии для новой власти оказалось непосильным делом. Был создан лишь военный назират, а армии как таковой не было. Помощь правительству Бухарской республики в решении этой задачи оказали РСФСР и Туркреспублика. Командованием Туркфронта военному назирату были переданы 2 красноармейских полка, батальон и артиллерийская батарея. 30 декабря правительство БНСР приняло решение о мобилизации в Бухарскую красную армию 2 тыс. человек. Но военный призыв проходил туго, ибо народ не желал идти в армию.

Не имея практически собственных вооруженных сил, правительство БНСР намеревалось удержаться у власти, опираясь на российскую Красную армию, дислоцированную на территории республики[3]. Части Красной армии содействовали правительству Бухарской республики в очищении территории страны от войск свергнутого эмира. Падение Старой Бухары под мощными ударами войск Туркфронта при участии отрядов бухарской оппозиции еще не означало полной и окончательной ликвидации эмирата. Сопротивление захватчикам не только не было сломлено, но даже стало

[1] *Бухоро ахбороти*, 1920, 6 октябр.

[2] История Бухарской Народной Советской Республики (1920—1924). Сб. док.— С. 41—42.

[3] Там же. — С. 66.

усиливаться, принимая характер всенародного движения за свободу и независимость. Во главе этого движения на первых порах стоял свергнутый с трона Саид Алимхан.

Тайно покинув объятую огнем столицу, он направился в Восточную Бухару, чтобы собрать там верные ему вооруженные силы и продолжить борьбу. За короткий срок ему удалось собрать под свои знамена многие тысячи патриотов и сформировать из них мощную армию. В Кулябе Саид Алимхан назначил командующими бухарскими эмирскими войсками в Восточной Бухаре Муллу Мухаммада Ибрагимбека Девонбеги (Ибрагимбек) и Давлатманда Девонбеги, проявивших себя способными военачальниками, которые стали его верной опорой в борьбе за независимость страны[1]. Подняв знамя борьбы против захватчиков, Саид Алимхан заключил союз с предводителями движения за независимость в Фергане и Хорезме — Шермухаммадбеком и Джунаидханом.

В ноябре 1920 г. войска эмира заняли Байсун, Дербент и Ширабад. В связи с нависшей над БНСР военной угрозой со стороны эмирских войск командование Туркфронта приняло срочные меры по их разгрому. 9 ноября 1920 г. приказом командующего 1-й армией Туркфронта Г. В. Зиновьева все воинские подразделения, находящиеся на территории БНСР, были сведены в Бухарскую группу войск. Их ближайшей задачей ставилось проведение военных операций по очищению Восточной Бухары от эмирских войск[2]. На основании приказа командующего Туркфронтом Г. Я. Сокольникова от 27 ноября 1920 г. началось формирование Гиссарского экспедиционного отряда, который 17 декабря 1920 г. в составе 1,5 тыс. пехотинцев и кавалеристов при 22 пулеметах и 2-х конногорных орудиях выступил из Карши в поход в Восточную Бухару[3]. Против Гиссарской экспедиции стояли эмирские войска, насчитывавшие к середине декабря 1920 г. около 10 тыс. человек[4]. Хотя войска эмира численно превосходили противника, однако сильно уступали ему по вооружению и боеспособности. Пользуясь этим,

---

[1] Амир Сайид Олимхон. Указ. соч. С. 16.
[2] РГВА, ф. 110, оп. 3, д. 260, л. 3.
[3] Там же, д. 508, л. 2.
[4] РЦХИДНИ, ф. 79, оп.1, д.197, л.1.

части Гиссарской экспедиции 20 декабря с боем овладели Дербентом. Эмирские войска, получив из Байсуна подкрепление, попытались отбить у противника город, но успеха не добились[1]. На следующий день пал Байсун. Местный бек, собрав значительные силы, предпринял попытку вернуть город и даже занял его восточную часть, но был вынужден отступить. Формирования Гиссарского экспедиционного отряда понесли немалые потери, в числе погибших был и командующий экспедицией Я. Х. Марсов. В тот же день части Гиссарской экспедиции после пятичасового ожесточенного боя овладели Шахрисабзом. 27 декабря пал Чиракчи[2].

Успех сопутствовал войскам Туркфронта и на других участках. 24 декабря частями Термезского гарнизона был занят Ширабад. 27 декабря Самаркандский отряд овладел Китабом, на следующий день пал Яккабог[3].

Командование Туркфронта наращивало присутствие своих войск в Восточной Бухаре. В результате к апрелю 1921 г. Гиссарский экспедиционный отряд насчитывал 4360 штыков и сабель, непосредственно подчиняясь командованию Туркестанского фронта[4]. Отряды ополченцев были не в состоянии сколько-нибудь серьезно противостоять этой мощной военной силе, однако стойко защищали каждую пядь родной земли.

15 февраля 1921 г. части Гиссарского экспедиционного отряда захватили Денау, а затем Орчи, Сары-Ассию, Сары-Джуй, Регар. Наиболее кровопролитные сражения развернулись под Душанбе, где была ставка эмира. Два дня продолжались ожесточенные бои, закончившиеся поражением бухарских войск. Сам Саид Алимхан в ночь с 19 на 20 февраля 1921 г. покинул осажденный город и 4 марта 1921 г. в районе Чубека перешел границу с Афганистаном, откуда продолжал направлять борьбу за освобождение своей страны[5]. 25 февраля 1921 г. под ударами частей Гиссарской экспедиции пал Куляб, вслед за ним — Гарм[6]. Уцелевшие от разгрома остатки эмирских войск укрылись в горах

---

[1] РГВА, ф.110, оп. 3, д. 418, лл. 48—49.
[2] Там же, л. 56.
[3] Там же, лл. 57, 63—64, 69.
[4] РЦХИДНИ, ф.61, оп.1, д.70, л.26.
[5] Умер Саид Алимхан в Кабуле в 1944 г.
[6] ЦГА РУз, ф.17, оп. 1, д. 1197, л. 118.

в районе Каратегина и в долине р. Вахш. Однако борьба за свободу и независимость, потерпев временное поражение, не утихала, она вскоре разгорелась с новой силой, приобретя подлинно всенародный характер. В результате Бухара стала одним из мощных центров освободительного движения в Средней Азии.

В одно время с военными операциями против эмирских войск, проводившимися частями Туркфронта, происходила острая идейная борьба внутри Бухарской коммунистической партии по вопросам оценки характера совершенного с помощью войск Туркфронта государственного переворота и путях дальнейшего развития страны. В конце 1920 — начале 1921 г. по этим принципиальным вопросам сложились три группы: «левая», «правая» и «центр».

«Левые» в рядах БКП (А. Акчурин, Х. Алиев, Мирзо Бахрам и другие — всего около 60 человек), не разобравшись в истинном содержании сентябрьского переворота в Бухаре и не учитывая реальной социально-экономической и политической обстановки в стране, ратовали за немедленный переход к осуществлению в республике социалистических преобразований. Бухарские «левые», как отмечал член Туркомиссии Г. Сафаров, считая, что в эмирате произошла «коммунистическая революция», были готовы «одним махом провести передачу всего богатства страны в общественную собственность и организовать сразу обобществление производства и распределения...»[1].

«Правая» группа во главе с председателем Всебухарревкома А. Мухитдиновым, собравшая вокруг себя «крупный торговый класс», исходила из признания демократического характера «революции» и настаивала на требовании предоставления БНСР «национальной независимости в иностранных, экономических и военных делах»[2]. Группа А. Мухитдинова тяготела более к Афганистану и Турции, чем к советской России[3]. Эта группа, естественно, ни в какой степени не устраивала РСФСР, представители которой с самого начала резко выступили против нее.

Группу «центра» возглавлял глава правительства БНСР Ф. Ходжаев, и в нее входили люди, по словам

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1921, 13 января.
[2] Бухоро ахбороти, 1921, 15 сентябрь.
[3] РЦХИДНИ, ф.17, оп.1, д.369, лл.5—6.

. Сафарова, «реально оценивающие положение в стра-е»[1]. Эта группа была наиболее демократической и реданной советской России[2]. Последнее обстоятель-тво особенно устраивало руководство РСФСР и его олномочные органы в регионе. Поэтому они всецело оддерживали группу Ф. Ходжаева и самым решитель-ым образом выступали против остальных групп.

В начале января 1921 г. Туркестанское бюро ЦК КП(б) направило «Открытое письмо бухарским ком-унистам» с резким осуждением «правого» и «левого» клона в рядах БКП[3]. На I (V) съезде БКП, открыв-шемся 23 февраля 1921 г., «левые» попытались провес-и свою линию, но съезд не поддержал их. В приня-ой резолюции он подчеркнул, что не разделяет их очку зрения. Съезд обратился в Исполком Коминтер-а с просьбой о принятии БКП в Коминтерн[4].

Взяв курс на сближение с советской Россией, пра-ительство БНСР предприняло ряд практических мер о его реализации. В конце октября 1920 г. им была аправлена чрезвычайная правительственная делегация составе М. Мансурова (глава делегации), С. Мухаме-ова и Р. Абдуллабекова для установления дружествен-ых отношений с советской Россией. По пути следо-ания в Москву 30 октября 1920 г. делегация сделала становку в Ташкенте, где было разработано и подпи-ано от имени РСФСР — В. В. Куйбышевым и от мени БНСР — ее чрезвычайной делегацией «Времен-ое военно-политическое соглашение между РСФСР Бухарской Народной Советской Республикой». Оно редусматривало оказание помощи РСФСР Бухарской еспублике в создании Бухарской красной армии и щите границ БНСР[5].

19 ноября 1920 г. чрезвычайная делегация Бухарс-ой республики выехала из Ташкента в Москву. 4 марта 921 г. в развитие подписанных в Ташкенте времен-ых соглашений между БНСР и РСФСР были заклю-ены Союзный договор и экономическое соглашение, оторые по сути законодательно закрепляли военно-

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1921, 13 января.
[2] РЦХИДНИ, ф.17, оп.1, д.369, лл.5—6.
[3] Известия ТуркЦИК, 1921, 13 января.
[4] И ш а н о в А. И. Бухарская Народная Советская Республика. — С. 5—238.
[5] Образование СССР. Сб. док. (1917—1924 гг.). — М.—Л., 1949. С. 251—5.

политическую и экономическую зависимость Бухарской республики от РСФСР[1].

Все усиливающаяся зависимость страны от советской России вызывала недовольство среди народа, а также части руководящих работников республики. В знак протеста против этого патриотически настроенные государственные деятели отходили от политической жизни страны или даже переходили на сторону непримиримой оппозиции. Так, вскоре отошел от государственной деятельности председатель Всебухревкома А. Мухитдинов. Не желая сражаться с бойцами сопротивления, эмигрировал в Афганистан командующий Первой бухарской армией М. Кулмухамедов; перешли на сторону сопротивления первый председатель ЦИК советов БНСР У. Пулатходжаев, член Всебухарского ревкома, военный назир А. Арифов и многие другие видные деятели БНСР[2].

БКП и правительство Бухарской республики принимают меры по организации и сплочению вокруг новой власти трудовых слоев населения страны. В городах создаются профсоюзы, которые вскоре объединяли около 35 тыс. человек, а в кишлаках — союзы «Кошчи». Предпринимаются шаги по объединению трудящейся молодежи. Вскоре после падения Старой Бухары прибывшими из Центра и Туркестана работниками здесь было созвано организационное собрание активных работников бухарской молодежи, на котором был избран временный ЦК Союза молодежи Бухары. ЦК СМБ прежде всего приступил к организации союза молодежи в Старой Бухаре. Были созданы 6 районных отделений союза, объединивших более 2 тыс. человек, затем была начата организация ячеек союза на местах[3].

Так вооруженными силами РСФСР и ее Туркестанской республики с участием бухарских добровольческих отрядов в эмирате был совершен сентябрьский переворот: свергнут монархический режим, провозглашена Бухарская народная советская республика.

---

[1] Фан ва турмуш. 1990. № 4. С. 13.
[2] Там же.
[3] Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. — С. 124.

4. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ БУХАРСКОГО И ХИВИНСКОГО ГОСУДАРСТВ В 1917—1920 гг.

Политические перипетии 1917—1920 гг., в которые оказались втянутыми Бухарский эмират и Хивинское ханство, тяжелейшим образом отразились на их хозяйственной жизни.

Сложившаяся за почти полувековой протекторат России модель экономического развития Бухарского эмирата: ориентация построенных за эти годы железнодорожных коммуникаций на Россию; экспортная специализация на хлопководстве и каракулеводстве; замещение вытесненных сельскохозяйственных культур импортным завозом; развитие хлопкоочистительной, маслобойной промышленности и др. — отражала ее включенность в орбиту российских торгово-экономических отношений, свидетельствуя о ее зависимом характере.

Большинство из действовавших на территории эмирата свыше 50 хлопкоочистительных[1], маслобойных заводов, других мелких предприятий принадлежало иностранным, главным образом русским, предпринимателям. Хозяевами заводов являлись также предприниматели из коренного населения: Мансуровы, Арабовы, Мирсалиховы и др. Кроме того, в столице эмирата и его крупных городах функционировали отделения российских и некоторых иностранных банков, компаний, различные коммерческие общества и т. д.[2].

Построенная Россией железная дорога, проходившая на протяжении 500 с лишним километров по территории Бухары, тесно связала ее экономику не только с хозяйственной жизнью русских поселений, выросших на полосе, отчужденной у эмирата Российской империей, но и внутренних районов России. Национальный капитал, предоставленный эмиром Саидом Алимханом[3], другими предпринимателями из коренного населения, активно участвовал в интенсивно развивавшихся внешних торгово-экономических связях, и прежде всего с Россией. Основными предметами экспорта Бухары являлись хлопок, каракуль, шерсть, производство которых в значительной степени опреде-

---

[1] Турсунов Х. Т. Образование Узбекской Советской Социалистической Республики. — Т., 1957. С. 68; Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. — С. 80.

[2] Ишанов А. И. Указ. соч. — С. 81—83.

[3] См.: Ходжаев Ф. Указ. соч. — С. 210—212.

лялось их ориентированностью на российский рынок. Если вывоз перед первой мировой войной из Бухары в Россию составлял 31,2 млн руб., а в другие страны (Афганистан, Индия, Персия, Хива и др.) — 4,2 млн руб., то ввоз из России исчислялся 35,3 млн руб., а из других государств (Китай, Афганистан, Индия, Персия, Хива и др.) — 4,3 млн руб.[1]. То есть во внешней торговле Бухары, оборот которой в это время составлял 75—80 млн золотом[2], на долю России приходилось 88% экспорта и 90% импорта.

Такая ориентированность на российский рынок впоследствии пагубно отразилась на экономическом положении Бухары. Уже в период первой мировой войны с переподчинением всей экономики России военным целям и резким ограничением производства товаров народного потребления наметилась тенденция к свертыванию внешнеэкономических связей России с Бухарой. Однако разрыв связей в эти годы еще не привел к резко ощутимым последствиям в экономике страны, уровне жизни населения. Не последнюю роль здесь играло продолжающее сохранять господствующее положение в структуре хозяйственной жизни государства и потреблении населения местное ремесленное производство. В это время потребности населения страны удовлетворялись за счет продукции традиционных отраслей и предприятий ремесленного производства, которые имелись повсеместно как в городах, так и в кишлаках. Даже в 1920 г. только в Шерабадском бекстве действовали 147 маслобоен, 128 мельниц[3] и целый ряд других пунктов переработки сельскохозяйственной продукции. В эмирате продолжали функционировать около 500 базаров, тысячи ларьков, множество караван-сараев, торговые ряды (тими) и купола и т. д., специализировавшиеся на торговле определенными предметами кустарного производства.

Однако приход к власти в России большевиков губительным образом отразился на хозяйственной жизни Бухарского эмирата. Национализация железной дороги, промышленных и торговых предприятий, банков, недвижимости в Туркестанском крае и российских поселениях на территории Бухары, вызвавшая анар-

---

[1] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 208—209.
[2] Ишанов А. И. Указ. соч. С. 83.
[3] Сафаров Ш. Термиз ва термизликлар. — Термез, 1993. Б. 16.

хию и бесхозяйственность, очень скоро привела почти к полному прекращению торгово-экономических связей эмирата с Россией. Серьезным препятствием для них явилась также гражданская война в России. Бухарские купцы и предприниматели оказались отрезанными от находившихся в России своих торговых заведений и имевшихся в них товаров.

Колоссальный ущерб был нанесен железнодорожному транспорту: выходили из строя и не ремонтировались паровозы, вагоны, станционные сооружения. Изменился и характер перевозок. На участке Среднеазиатской железной дороги, проходившей по территории Бухарского государства, фактически прекратились гражданские перевозки. Весь сохранившийся подвижной состав был использован Туркфронтом для обеспечения воинских перевозок. Железная дорога неоднократно использовалась большевиками для враждебных провокаций против Бухарского государства. Так, весной 1918 г. по ней была осуществлена переброска военной силы (колесовская авантюра) для свержения эмирата. Оценив этот акт как вызов безопасности страны, разгневанные бухарские ополченцы, отбросив врага от Бухары, разобрали железнодорожную колею от Кермине до Каракуля на протяжении ста с лишним километров[1].

Значительно ухудшилось и финансовое положение Бухары. Правительство эмирата запретило хождение советских денежных купюр. Это привело на деле к почти полному прекращению торгово-экономических связей между советским Туркестаном и Бухарским государством[2]. С одобрения правящей верхушки Бухары дехкане, торговцы, подданные эмирата в русских поселениях, на железнодорожных станциях отказывались продавать хлеб и другие продукты на советские бумажные деньги частям Красной армии.

С разрывом связей с российским рынком экономика Бухары столкнулась с кризисом сбыта товарной продукции. Несомненно, его острота несколько смягчалась наличием традиционных торговых связей с соседними странами Востока, более того, торговля с Англией через Закаспий и другие пути даже оживилась. Так, к концу 1918 г. англичане на рынках Бухарского

---

[1] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 145, 148.
[2] Вахобов М. Узбек социалистик миллати. — Т., 1960. Б. 343.

государства купили и вывезли 1 млн пудов хлопка, 1 млн штук шкурок каракуля, 200 тыс. пудов шерсти, 150 тыс. пудов сырого шелка, другие товары[1]. Значительно большие объемы бухарско-английская торговля приобрела в 1919 и 1920 годах[2]. Только весной 1919 г. англичане купили и вывезли 400 тюков шкурок каракуля. По некоторым сведениям, взамен Англия поставляла Бухаре вооружение.

Однако это направление внешнеэкономических связей не могло поглотить всей товарной продукции Бухары. Здесь до первой мировой войны ежегодно производилось 2600 тыс. пудов хлопка-сырца, 1800 тыс. штук каракуля, много коконов, большой объем предметов ремесленного производства. Хозяйство страны также не могло быстро переориентироваться. В результате у дехкан, предпринимателей, на заводах и в караван-сараях в 1918—1920 гг. накопилось большое количество хлопка, каракуля и другой товарной продукции. Для реализации только в 1920 г. было приготовлено 700 вагонов хлопка, 600 тыс. штук шкурок каракуля, много другого сырья[3]. Не находившие сбыта товары неуклонно понижались в цене. По сравнению с довоенным периодом к 1920 г. цена за пуд хлопка упала с 11 до 1 руб. 80 коп., на каракуль — с 7 до 2 руб., на 1 пуд шерсти — с 6 до 2 руб. и т. д.[4].

Сокращение спроса на хлопок, каракуль, шерсть и другие сельскохозяйственные продукты явилось главной причиной упадка сельского хозяйства Бухары в 1917—1920 гг. Уменьшились посевные и поливные площади: они сократились с 669640 десятин в 1917 г. до 540560 десятин в 1920 г., сады и виноградники — с 29,3 до 21 тыс. десятин; богарные посевы — с 412 до 200 тыс. десятин. За тот же период возросли площади заболоченных, засоленных и переложных земель с 451 до 615 тыс. десятин. Уменьшилось поголовье скота: количество лошадей снизилось со 194,3 до 180 тыс., верблюдов — с 51,3 до 40 тыс., крупного рогатого скота — с 442,7 до 350,4 тыс., ослов — со 154 до 135 тыс.[5].

Особенно сильно сократилось производство такой

---

[1] Вахобов М. Указ. соч. С. 343.
[2] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 212.
[3] Ишанов А. И. Указ. соч. С. 236.
[4] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 209; Ишанов А. И. Указ. соч. С. 235—236.
[5] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 207—208.

традиционной продукции бухарского экспорта в Россию, как хлопок и шкурки каракуля. Посевы хлопка в 1920 г. составляли 10% от довоенного уровня. На их сокращение в немалой степени повлияло и нарастание продовольственных трудностей, которые во многом были усугублены неурожаем и голодом в сопредельных с Бухарой районах. Увеличился вывоз из страны хлеба, сухофруктов и другой продовольственной продукции. В результате при неплохом в целом урожае продовольственных культур[1] в Бухарском государстве нарастал их недостаток, что вызвало резкое повышение цен на них. Если до войны батман пшеницы на рынке Бухары покупался за 3 руб. золотом, то в 1920 г. с учетом инфляции его стоимость возросла уже до 90 тыс. рублей, а стоимость батмана риса — с 7 руб. 50 коп. до 400 тыс. рублей и т. д. На столь бурном росте цен сказалось и резкое увеличение денежной массы, вызванное введением в 1919 г. бумажных денег и последовавшей вслед за этим инфляцией[2]. Эмиссия денег стала интенсивно возрастать и в 1920 г. составила свыше 0,5 млн руб.[3].

Продовольственные трудности подтолкнули дехкан перейти на выращивание продовольственных культур — зерновых и др. Позже Ф. Ходжаев в докладе на I экономической конференции среднеазиатских республик, характеризуя состояние экономики Бухарского эмирата, отмечал: «В 1918 г. в Бухаре была большая нужда в хлебе. Создавалась необходимость вместо хлопка сеять хлеб, чтобы хоть как-нибудь прокормиться. Это, в свою очередь, уменьшало наш экономический базис. В 1919 г. вместо 1.900.000 шкурок каракуля вывезено из Бухары только 30 тыс. шкур, в 1920 г. — 750 тыс., в 1922 г. — 250—300 тыс.

Из этого количества 50% уходило в Персию и Афганистан. Вместо двух миллионов пудов хлопка в 1919 г. мы имели 200 тыс., в 1922 г. — от 300 до 400 тыс., соответственно упало производство и других продуктов»[4].

---

[1] Ф. Ходжаев свидетельствовал, что в 1919 и 1920 годах в Бухарском государстве «были хлебные ресурсы, которых в Туркестане не было»//Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 155.

[2] Среднеазиатский экономический район. — Т., 1922. С. 91.

[3] Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. — Бухара, 1924. С. 29.

[4] История Бухарской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 369.

Кризисное состояние экономики Бухарского эмирата тяжелым бременем легло на население, значительно снизив уровень его жизни. Положение еще более усугублялось существовавшей в стране налоговой системой. Налоги в эмирате, таможенные пошлины с ввозимых и вывозимых товаров, как и прежде, взимались на основе шариата. В начале XX века, и особенно в связи с экономическими трудностями, вызванными мировой войной, все более давала о себе знать необходимость проведения в стране налоговой реформы, приведения устаревших основ налоговой системы в соответствие с характером расширившейся номенклатуры товаров, изменением расходов на их доставку и т. д. Кроме того, в стране до сих пор отсутствовала практика разработки государственного бюджета с указанием доходов и расходов.

С увеличением хозяйственных трудностей возрос поток жалоб к эмиру, кушбеги, другим сановникам со стороны торговцев, предпринимателей и ремесленников на злоупотребления должностных лиц на местах. В ряде туманов, кентов, кишлаков дехкане жаловались на действия амлакдаров, которые необоснованно и вопреки шариату увеличивали размеры подати и т. д. В условиях обширного экономического кризиса, ухудшения материального положения народа это еще более накаляло политическую ситуацию в стране, грозя ей острейшими коллизиями.

Еще более обострилось положение в связи с военными операциями советских войск. Взятие ими городов и селений эмирата сопровождалось разрушением производительных сил страны, подрывом благосостояния народа, подлинным грабежом народного достояния. Сразу после взятия красноармейскими частями города Бухары по личному распоряжению М. В. Фрунзе была захвачена казна Бухарского государства и «железнодорожный состав с огромными ценностями»[1] был направлен в Россию. 5 сентября 1920 г. объединенное заседание представителей РСФСР и руководителей Бухреспублики[2], где тон задавал М. В. Фрунзе, постановило учредить назират продовольствия, которому был передан продовольственный аппарат бухарской группы войск Туркфронта. Соответственно, первой зада-

---

[1] См.: Ходжаев Ф. Указ. соч. — С. 37—38.

[2] История Бухарской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 41—44.

чей назирата было определено «снабжение частей Российской Красной армии, находящихся на территории Бухары...»[1].

В постановлении также указывалось: «Ввиду того, что ценности Бухреспублики (имелась в виду государственная казна. — *Ред.*) во время периода военных действий подвергаются опасности быть расхищенными, ввиду того, что нет никакой возможности принять все меры охраны, признается необходимым Бухревкому войти с ходатайством в РСФСР с просьбой взять на себя охрану этих ценностей в одном из своих отделений народного банка в Самарканде или Ташкенте до установления полного спокойствия в Бухаре»[2]. 9 сентября М. В. Фрунзе издал приказ, в котором указывалось, что ценности казны Бухарского государства должны быть сданы в Самаркандский банк[3]. Есть данные о том, что командование Красной армии захватило богатство и драгоценности и в других местах эмирата[4]. Так, в Шахрисабзе им было захвачено «огромное количество золота и других ценностей» и тут же переправлено в Самаркандский банк[5]. Объемы вывезенных из Бухарского государства ценностей были, по имеющимся сведениям, чрезвычайно велики. Только из казны эмира бухарского было изъято золота в слитках и изделиях стоимостью в 4.800 тыс. золотых рублей, 500 пудов серебра, кредитных билетов на сумму 7 млн рублей и т. д.[6]. Что же касается дальнейшей судьбы этих ценностей, то, по утверждению исследователя истории БНСР проф. А. И. Ишанова, советская Россия рассматривала их как дар и «приняла этот дар», использовав его «для разгрома общего врага и борьбы с разрухой и голодом»[7]. Итак, утверждение о том, что

---

[1] История Бухарской Народной Советской Республики. Сб. док.— С. 42—43.

[2] Там же. С. 43.

[3] 50 лет Бухарской народной советской революции//Материалы научной сессии. — Т., 1974. С. 124.

[4] За последние годы появился ряд публикаций, посвященных объему и судьбе казны Бухарского государства: Йўлдошев М., Хайдаров И. Амир Олимхон хазинаси каерда?//Фан ва турмуш, 1991, 10 сон; Узоков Х., Холбаев С. Бухоро амирлигининг олтинлари//Узбекистон адабиёти ва санъати, 1992, 14 август; Собиров Х. Бухоро амирининг олтинлари// Узбекистон адабиёти ва санъати, 1992, 30 октябр.

[5] Иностранная военная интервенция... С. 521—522.

[6] 50 лет Бухарской народной советской революции. — С. 124.

[7] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 38.

казна, ценности Бухарского государства будут до лучших времен храниться в Ташкенте или Самарканде, были лишь пропагандистским трюком. Следы этих несметных богатств эмирата теряются в России, в ее Центре.

Проводилась широкая экспроприация товаров и ценностей у купцов. 17 сентября 1920 г. Туркомиссия приняла решение о продовольственной работе в Бухреспублике, где отмечалось, что она ведется «по системе государственной разверстки, падающей на имущие слои с уплатой по установленным твердым ценам»[1]. 11 октября был обнародован декрет ревкома БНСР о продовольственной работе, а 18 октября — декрет о принудительном выкупе хлопка, каракуля, шерсти, мануфактуры у крупных торговцев[2]. Разверстка вводилась на пшеницу, джугару, ячмень, клевер и кишмиш. Продразверсткой охватывались все дехканские хозяйства с учетом их материального положения. Оплату за сданную каждым кишлаком по разверстке продукцию намечалось производить наполовину товарами и наполовину деньгами. У крупных торговцев тогда же было изъято 132 тонны хлопка-сырца, а также другой сельскохозяйственной продукции. Однако обещанные взамен сданной продукции товары и деньги не поступили. Тем не менее Хлопком РСФСР стремился вывезти хлопок в Центр при противодействии этому хозорганов Бухреспублики. Это противоборство продолжалась два года.

Внешняя торговля была объявлена монополией государства. Она должна была проводиться в форме товарообмена. Крупная торговля внутри страны также запрещалась.

5 сентября 1920 г. по настоянию М. В. Фрунзе и других представителей РСФСР было принято решение о введении денежных знаков в Бухарской республике.

6 ноября 1920 г. был заключен договор между РСФСР и БНСР, на основе которого «все территории, уступленные бывшим эмирским правительством старому российскому правительству или частным лицам и организациям, и русские поселения на этих терри-

---

[1] История Бухарской Народной Советской Республики. Сб. док.— С. 80.
[2] Там же. С. 347—350.

ториях передаются БСР»[1]. Новому бухарскому государству также передавалось недвижимое имущество — заводы, фабрики и т. д. Однако железная дорога со всем ее хозяйством, телеграф, которые имели военно-стратегическое значение, оставались в распоряжении РСФСР[2].

Экономические отношения между РСФСР и Бухарской республикой с самого начала носили, по существу, неравноправный характер. Провозглашенные декларации о признании самостоятельности Бухарской республики лишь прикрывали подлинные цели российских большевиков. В дальнейшем это становилось все более очевидным. Обещания Российского советского правительства вести с Бухарской республикой равноправные экономические отношения просто не выполнялись.

Серьезный урон народному хозяйству Бухарского государства был нанесен антинародной экономической политикой советского режима. Осуществленные после свержения власти эмира меры революционно-экстремистского характера шли вразрез с интересами, традициями и обычаями широких масс и потому уже в этот период не могли не вызвать решительного протеста.

В этой обстановке бывшие джадиды — младобухарцы, учитывая тяжелое положение основной массы населения страны — дехкан, продолжали считать первоочередной задачей справедливое решение земельного вопроса. Он занимал одно из центральных мест в проекте программы младобухарцев, составленном еще в 1918 г. Абдурауфом Фитратом и утвержденном их комитетом[3]. Согласно проекту все земли делились на три категории: государственные, находящиеся в частном владении и вакфные. Земли государственные и амляковые (частновладельческие), находящиеся в распоряжении государства, объединялись под общим названием хараджных, т. е. платящих поземельную подать. Оставаясь государственными, они на особых условиях сдавались в аренду. Земли в частном владении (кроме хараджных) проект предусматривал оставить в полном распоряжении их владельцев. Для управления вакфными

---

[1] История Бухарской Народной Советской Республики. Сб. док.— С. 195.

[2] Там же. С. 194—195.

[3] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 124—128.

землями предусматривалось создание особого ведомства.

В целях ликвидации произвола и неразберихи в налоговой системе эмирата «Проект реформ» (так называлась программа младобухарцев) предусматривал введение налоговых льгот для трудящихся и прогрессивного налогообложения земель имущих групп. Проект предусматривал конкретные меры по увеличению производства сельскохозяйственной продукции, расширению посевных площадей и интенсификации земледелия. Институт вакфов проект А. Фитрата признавал весьма ценным и, считая необходимым сохранить его и приумножить, предлагал совершенно изменить методы его использования.

Вакфы, специально учрежденные для поддержки науки и просвещения, в бухарских владениях были очень велики. Совершенствование их организации, целевое расходование средств вакфов, по мнению составителя проекта, содействовали бы прогрессу страны. Исходя из этого, в проекте предусматривалось для управления вакфными делами образование министерства вакфов. В особую вакфную казну при этом министерстве должны были поступать все доходы от вакфного имущества. На прибыли от капиталов этой казны планировалось открывать новые школы, медресе, публичные библиотеки, приюты для сирот, больницы и столовые для бедных и т. д. Вакфные земли предполагалось сдавать дехканам в аренду на справедливых условиях. В целом же проект Фитрата исходил из идеи установления в стране конституционной монархии.

Позднее левая группа младобухарцев во главе с Ф. Ходжаевым, образовавшая в конце 1919 г. революционную младобухарскую партию, приняла новую программу. Она значительно отличалась от прежних проектов в вопросах распределения земли и воды — этих двух основ, на которых держалось дехканское хозяйство. Программа добивалась более радикального решения аграрного вопроса в стране: конфискации земель эмира, беков и всех земель, несправедливо отобранных у дехканства, и распределения их среди безземельных и малоземельных хозяйств[1].

На этих принципиальных программных положени-

[1] Ходжаев Ф. Указ. соч. С. 167.

ях партии революционных младобухарцев базировалась аграрная политика новой власти, пришедшей на смену эмирскому правительству в сентябре 1920 г.

В обращении Чарджуйского ревкома к населению, выпущенном сразу после захвата частями Красной армии Чарджуйского бекства, была изложена в общей форме аграрная программа новой власти. В этом документе указывалось, что все земли, принадлежащие эмиру, бекам, казиям, ростовщикам и амлякдарам (крупным землевладельцам) объявляются собственностью народа, ими наделяются безземельные и малоземельные дехкане. Оставлялась в неприкосновенности частная земельная собственность дехкан. В обращении также подчеркивалось, что раз и навсегда отменяются все старые налоги.

Однако закон о земле был принят почти через месяц после сентябрьского переворота в Бухаре. Решение этого вопроса затянулось, потому что среди руководителей БКП и правительства БНСР были разные мнения о характере и путях аграрных преобразований. Некоторые члены ЦК БКП и правительства, в частности, «левые» коммунисты во главе с секретарем ЦК БКП Н. Хусаиновым и членом ЦК БКП А. Акчуриным требовали включить в закон о земле пункт о национализации всех земель, в том числе вакфных и байских. «Правые» во главе с председателем Центрального ревкома А. Мухитдиновым, защищая интересы крупных торговцев, землевладельцев и баев, придерживались противоположной позиции.

Председатель Совета народных назиров Файзулла Ходжаев и его сторонники выступали против и «левых», и «правых» в высших органах власти, и особенно по аграрному вопросу. Реально оценивая характер и содержание сентябрьских событий, они требовали на первых порах конфискации лишь земель эмира, членов его семьи и беков и решительно выступали против национализации вакфных и байских земель. Учитывая слабость демократических сил в Бухаре, а также то обстоятельство, что от решения земельного вопроса зависело отношение различных слоев населения к новой власти, они считали национализацию всех земель преждевременной и вредной.

Для выработки закона о земле была создана комиссия. Проект земельного закона был обсужден 20 сентября 1920 г. на заседании ЦК БКП, где было

решено «декрет, в основном, принять и все пункты, за исключением о вакуфах, опубликовать»[1]. 24 сентября 1920 г. проект декрета о земле был обсужден Временным ревкомом БНСР.

Закон о земле был опубликован 21 ноября 1920 г. в газете «Бухоро ахбори», что позволило широко ознакомить с содержанием этого важнейшего государственного акта дехканство и способствовало претворению в жизнь его основных положений.

Декрет объявлял собственностью народа всю землю, скот, сельхозинвентарь и другое имущество, принадлежавшее свергнутому эмиру, его семье и бекам, и предусматривал распределение его между безземельными и малоземельными дехканами. Декрет обязал назират земледелия провести учет национализируемой земли и разработать инструкцию о порядке наделения землей безземельных и малоземельных дехкан. Запрещались ее купля и продажа, передача в залог, дарение и завещание. Декрет отменил все налоги и подати, взимавшиеся с посевных площадей при эмире.

Как видно из содержания закона о земле, в нем нашли отражение основные идеи младобухарцев по аграрному вопросу, изложенные в их программах. Бывшие джадиды-младобухарцы при решении жизненно важных вопросов молодого государства, в том числе аграрного, исходили из реальной жизни. Они стояли ближе к народу и лучше знали его жизнь и чаяния в отличие от «левых» коммунистов, основная часть которых приехала из Туркестана и плохо знала действительное положение дел в Бухаре. Поэтому программа младобухарцев и принятый по их настоянию закон о земле соответствовали конкретным социально-экономическим условиям Бухары.

Конфискация земель эмира, членов его семьи, крупных чиновников, учет и распределение национализированных земель проводились назиратом земледелия БНСР и его местными органами — земельно-водными отделами. К концу 1920 г. ими в Бухарском вилайете было учтено и национализировано 5 тыс. танапов земель эмира, беков и казиев. Часть конфискованной земли распределена между безземельными и малоземельными дехканами в пределах от 5 до 25 танапов.

---

[1] ААП РУз, ф. 14, оп. 1, д. 1, л. 6.

Наделенным землей дехканам были выданы рабочий скот, сельхозинвентарь и семена. В Чарджуйском вилайете до февраля 1921 г. было конфисковано около 5 тыс. танапов эмирских и чиновничьих земель, из которых 3000 танапов распределили между дехканами. В Кермининском вилайете согласно декрету было конфисковано 3000 танапов земель.

Таким образом, до весны 1921 г. в Бухарском, Чарджуйском и Кермининском вилайетах было учтено и конфисковано 13000 танапов земель эмира и его чиновников. Частично эти земли распределили среди безземельных и малоземельных дехкан.

Мусульманское духовенство в БНСР имело более сильное влияние на дехкан, чем в Туркестане и других районах распространения ислама. Огромные площади посевных земель, большое количество торговых и других предприятий, принадлежавших мечетям, медресе и прочим религиозным учреждениям, определяли их место в экономической и общественно-политической жизни эмирата.

Учитывая большое влияние мусульманского духовенства на дехканские массы, правительство БНСР проводило гибкую и осторожную политику в решении вакфного вопроса. Сразу после сентябрьского переворота 1920 г. законодательными актами власти в БНСР религия была отделена от государства. Дифференцированно решался вопрос и о вакфном землепользовании. Вакфные земли и другое недвижимое имущество, принадлежавшее религиозным учреждениям — мечетям, мазарам и другим, были оставлены в ведении духовенства. Вакфные земли, принадлежавшие медресе и мактабам, были переданы в распоряжение специально созданных при народном назирате просвещения БНСР и его местных органах вакфных отделов. Заведующим вакфным управлением при назирате просвещения БНСР стал Мухитдин Рафаат. На управление возлагались задачи сбора отчетов от мутаваллиев и учета всех имевшихся вакфнаме; выявления денежных средств, оставшихся у мутаваллиев; назначения в медресе частных мутаваллиев и инспектор-контролеров; принятия на учет всего вакфного имущества в городах[1].

В Бухарском эмирате сложилась своеобразная фор-

[1] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 64, л. 17.

ма извлечения доходов с вакфных земель. Организацией использования земель, принадлежавших вакфным учреждениям, занимался мутавалли — попечитель вакфного имущества. Он сдавал землю крупным арендаторам. Они, в свою очередь, передавали землю в аренду более мелкими участками безземельным и малоземельным дехканам. Арендаторы арендную плату выплачивали в течение года в четыре срока. Доходы мутаваллиев в большинстве случаев составляли 10 процентов от собранного урожая, в редких случаях — 5%[1]. Остальная часть арендной платы должна была использоваться согласно условиям вакфной грамоты.

После сентябрьского переворота в Бухаре безотлагательно приступили к изменению формы взимания арендной платы с вакфных земель. В соответствии с принятым 24 ноября 1920 г. Советом народных назиров БНСР под председательством Файзуллы Ходжаева постановлением подлежало собрать и сдать государству имевшееся у арендаторов зерно и аннулировать деньги, выплаченные арендаторами мутаваллиям; взимать долю (крупных) арендаторов, оставшуюся у дехкан-вакфкаров[2].

Доклад назирата просвещения и вакфного управления Совету народных назиров от 18 ноября 1920 г. по вакфному вопросу свидетельствовал об имеющихся разногласиях по вопросу взимания сборов с дехкан-вакфкаров. «Левые» коммунисты, выступавшие за национализацию всех земель БНСР, требовали также ликвидации вакфного ведомства. Некоторые из членов правительства считали, что надо упразднить вакфное управление, а вакфные земли передать в распоряжение назирата земледелия, торговые и другие предприятия — назирата финансов, самих служителей культа — назирата просвещения. В связи с этим вопрос о вакфах был вновь обсужден 1 декабря 1920 г. на заседании Совета народных назиров. Учитывая сильное влияние духовенства на дехканские массы, правительство БНСР решило сохранить вакфное управление в виде одного из управлений назирата просвещения.

В первых же документах Центрального ревкома и назирата земледелия БНСР по земельным вопросам отмечалась необходимость наделения трудового дех-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 64, л. 16.
[2] Там же, д. 17, лл. 16—17.

канства одновременно с землей и водой рабочим скотом, инвентарем и семенами, конфискованными у эмира и его чиновников.

Назират земледелия 20 сентября 1920 г. первым своим приказом обязал земельно-водные отделы ревкомов собрать семена, хранившиеся на складах национализированных имений, и раздать их нуждающимся дехканам[1]. В имениях эмира и его чиновников было конфисковано и роздано дехканской бедноте 1477 быков, 75 лошадей, 27 коров, 35 телят, 26 ослов, 7 верблюдов, 80606 пуд. пшеницы, 10598 пуд. ячменя, 53794 пуд. чигита, 14767 пуд. риса[2].

Одновременно с передачей бедняцко-батрацким хозяйствам конфискованного семенного материала, рабочего скота и инвентаря правительство выдавало дехканам ссуды для восстановления и развития хозяйства.

Одной из важных проблем наращивания сельскохозяйственного производства в центральноазиатских условиях оставались ирригационные работы. Ирригационная сеть Бухары была весьма обширной. Только в ее западной части имелось 273 магистральных канала длиной от 10 до 50 км, 1869 отводов от них, средняя длина каждого из которых составляла от 4 до 8 км. Вся эта ирригационная система находилась в запущенном состоянии. Приведение ее в порядок было связано с осуществлением большого объема ирригационных работ, на что требовались значительные средства и силы.

В ноябре 1920 г. при назирате земледелия был создан отдел водного хозяйства. В его деятельности, наряду с улучшением и расширением существовавшей ирригационной сети, поддержанием ее в надлежащем порядке с помощью ирригационной натурповинности и рациональной эксплуатации, важное значение придавалось организации мелиоративных работ в окрестностях столицы.

За счет натуральной повинности в Бухарской республике ежегодно выполнялся большой объем работ по улучшению ирригационной сети. Органы водхоза методом хашаров проводили очистку всей оросительной системы от заиления и трав, ремонт ирригацион-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 2027, оп. 1, д. 46, л. 46.
[2] Там же, ф. 46, оп. 1, д. 2, л. 16.

ных сооружений, укрепление магистральных каналов и берегов рек, покрытие водосбросных каналов, работы по осушению заболоченных районов, ремонт существующих и строительство новых мостов. Дехканство республики для поддержания существующей ирригационной сети ежегодно посредством натурповинности выполняло работы общей стоимостью от 2 до 3 млн руб. золотом. Эти меры, направленные на улучшение ирригационной системы в Бухаре, положили начало восстановлению сельского хозяйства страны.

* * *

В 1917—1920 гг. народное хозяйство Хорезма, как и соседней Бухары, в известной мере испытывало негативное влияние тех событий, которые происходили в соседних с ним государствах. Экономическая жизнь общества, хозяйственные отношения в стране базировались на двух факторах: 1) ремесленно-кустарный способ переработки и употребления природных богатств и выращенных продуктов; 2) внешнеэкономические связи — вывоз из страны некоторых видов сырья и ввоз промышленных изделий и т. д.

Как и прежде, Хорезм не был соединен с внешним миром ни железной дорогой, ни приличными грунтовыми дорогами. Основными видами транспортных «магистралей» оставались караванные пути и отчасти — водный путь по Амударье.

Потребности населения удовлетворялись главным образом за счет продукции многочисленных ремесленников. В 1917 г. в стране насчитывалось более 20 тыс. ремесленников. Они были объединены в цеховые организации, построенные по профессиональному признаку. Цех управлялся калантаром-старшиной, который утверждался ханом и считался правительственным чиновником[1]. Наиболее крупными центрами ремесел являлись Хива и Ургенч. Более того, по свидетельству современника, изучавшего вопрос о ремесле в Хорезме, можно говорить об определенной ремесленной специализации в стране. «Северный район с главным го-

[1] Составителями сборника документов «История Хорезмской Народной Советской республики» в Архиве внешней политики СССР обнаружен документ под названием «Обзор развития кустарной промышленности в ХНСР», который содержит статистические данные на 1 января 1923 г. В нем же имеются сведения, берущие начало с 1917 г. См. упомянутый сборник документов. С. 181—191.

родом Кунградом» был известен как центр «сырьевых заготовок шерсти, кожи и прочих продуктов скотоводства, а также рыбных промыслов; район Ильяллы—Ташауз — центром коврового производства; район Ургенч—Ханки — обработка кожевенного и хлопкового сырья, а также пищевых продуктов; район Хивы — обработка металла, одежды, обработка кожи и гончарное производство; район Хазарасп—Питняк — каракулеводство, производство маты»[1]. Эти, далеко не полные, сведения о ремесле в Хорезме показывают, что оно имело глубокие корни и было широко распространено.

Несмотря на прекращение поступления из России промышленных товаров и полуфабрикатов, ремесленное производство в Хорезме в рассматриваемый период продолжало развиваться. Так, в Хиве в 1917 г. имелось свыше 900 мастерских, в которых было занято 1900 человек. В последующие годы численность ремесленников, и особенно кузнецов, слесарей, столяров, гребенщиков, мыловаров и некоторых других, даже значительно возросла[2].

Кроме того, частично обувь, грубые ткани и одежда из них, целиком мука и выпечка хлеба, растительное масло и некоторые другие предметы производились непосредственно в самих хозяйствах, особенно в кишлаках.

Наряду с кустарными заведениями в стране имелись 36 хлопкоочистительных, несколько маслобойных, мыловаренных, кирпичных и пивоваренных заводов, а также другие мелкие предприятия и мастерские[3]. Большинство предприятий, торгово-закупочные фирмы, отделения некоторых банков, пристани и их хозяйство принадлежали европейским предпринимателям. В отличие от Бухарского государства, в русских поселениях которого недвижимость была национализирована уже в первые месяцы после установления советской власти в Туркестане, в Хорезме не имелось таких поселений и имущество российских подданных в течение первых двух лет после октябрьского переворота 1917 г. в России не было национализировано.

---

[1] История Хорезмской Народной Советской республики. Сб. док. С. 181—182.

[2] Там же. С. 182.

[3] Экономическая история Советского Узбекистана. — Т., 1966. С. 60.

Это случилось позже, с приходом Красной армии в Хиву и другие города.

Первая мировая война и гражданская война в России, на долю которой приходилось до 80—90% объема внешнего товарооборота Хорезма, нанесли серьезный урон народному хозяйству последнего. Товары, которые традиционно вывозились в Россию, теперь оставались без покупателя. По свидетельству источников, с лета 1918 г. по 1920 г. урожай хлопка «до двухсот тысяч пудов... лежал без движения»[1].

В 1917—1920 гг. в наиболее тяжелом положении оказалось сельское хозяйство Хивы. Несколько позже Экономический совет ХНСР констатировал: «Общее состояние ирригации Хорезма в 1921 г. пришло в значительный упадок, выразившийся в сокращении орошенной площади на 50%...»[2]. Особенно резко сократились посевы хлопчатника: с 90 тыс. десятин в 1916 г. до 4 тыс. десятин в 1921 г. За это время производство хлопка-сырца снизилось с 2 млн до 100 тыс. пудов[3], т. е. в 20 раз. В сообщении Туркестанского телеграфного агентства от 25 января 1922 г. указывалось: «Посевов хлопка в 1918 г. не производилось, люцерна сеялась для получения кормовых трав... Сильно пострадало скотоводство, сократившееся более чем на 60%, каракуль почти совсем исчез, нет и шерсти»[4].

В результате сокращения посевов хлопка один за другим останавливались хлопкоочистительные заводы, одновременно прекратилось поступление из России тканей, металла, керосина и других товаров.

Сохранились лишь торгово-экономические караванные связи Хорезма с Бухарой, Закаспием, а через их территорию — с Ираном, Индией, Афганистаном, Западным Китаем. Предметами экспорта Хорезма являлись хлопок, каракуль, шерсть, шелк, сухофрукты, семена люцерны, а ввозились в страну готовая одежда и предметы обихода из Бухары, посуда из Западного Китая, пряности из Индии, ковры из Ирана и Афганистана и т. д.

Хозяйственная жизнь в Хорезме в значительной мере осложнялась также, с одной стороны, неразбери-

---

[1] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 110.
[2] АВП России, ф. 0208, оп. 3, д. 71, л. 17.
[3] Хозяйственный план ХНСР на 1923/24 г. — Ташкент, 1924. — С. 11.
[4] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 138.

хой в налоговом деле, с другой — отсутствием твердой валюты в стране. До установления советской власти в Хорезме, да и 2—3 года спустя, в обращении находилось несколько видов денежных знаков — от собственно хорезмских и бухарских до керенок и даже иностранной валюты[1]. Эмиссия собственных и интервенция иностранных бумажных денег приводили к разгулу спекуляции, дороговизны и, в конечном счете, к еще большему ухудшению состояния народного хозяйства страны, понижению жизненного уровня населения.

Весной 1918 г. в ханстве обнаружились первые признаки голода. Как писала в марте 1918 г. одна из туркестанских газет, голод принимает «всенародный характер. Каждый день поступают вести о том, что в кишлаках погибают от голода *десятки людей*»[2]. Отмечая постигшую соседнюю страну хозяйственную разруху, «Наша газета» 30 апреля 1918 г. сообщала: «Бывшая богатая Хива теперь разорена, города превращены в развалины, и в кишлаках никого не осталось, все разбежались. Торговля в магазинах прекратилась».

Преодоление разрухи и хозяйственное возрождение страны выдвинулись в первоочередные проблемы общественной жизни Хорезма. Младохивинцы незадолго до прихода к власти, 8 февраля 1920 г., обнародовали «Программу Хивинской революционной партии», в которой предложили свой путь их решения: объявить достоянием народа «принадлежащие хивинскому хану, принцам, бекам и министрам деньги и имущество»; признавалось необходимым ограничение владений «крупных помещиков», взятие на учет всех доходов с вакфов[3]. Намечались и другие меры по преобразованию хозяйственной жизни Хорезма.

Верность своим программным установкам младохивинцы подтвердили с первых дней своего прихода к власти. В манифесте Временного революционного правительства Хивы торжественно заявлялось о ликвидации крупной феодальной собственности и использовании ее для улучшения жизни трудящихся: «Будут проведены каналы для орошения пустующих земель Хивы из реки Амударьи, открыты повсеместно школы для

---

[1] История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. — Т., 1962. С. 119.

[2] Улуғ Туркистон, 1918, 2 марта. Сведения о голоде в Хорезме за последующие 3—4 года не обнаружены.

[3] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 30.

бесплатного обучения детей. В городах и населенных пунктах Хивы будут открыты бесплатные больницы и лечебницы, возвращены населению отнятые хивинским ханом и беками у бедного населения земли, имущество и прочее»[1].

Несколько позже на заседании Временного революционного правительства Хорезма с программой углубления революционных преобразований выступил чрезвычайный уполномоченный Туркомиссии в Хиве и Амударьинском отделе Г. И. Бройдо. В ней, в частности, предусматривалось учреждение в Хиве народного банка, образование в составе правительства назирата народного хозяйства, возложение всей тяжести налогов на богатых и т. д.[2].

В Конституции ХНСР, принятой 30 апреля 1920 г. I Всехорезмским курултаем народных представителей, в разделах «Об экономической политике» и «Об имуществе хана и ханского потомства» были определены отправные положения политики государства в области финансов, налогов, бюджета республики и подтверждена национализация имущества низвергнутого хана и его окружения[3]. «Деньги, движимое и недвижимое имущество, собранные прежним ханом и ханским потомством через поступившие с народа налоги и через доходы, поступившие с народа другими путями, — заявлялось в Конституции, — признаются народными и поступают в собственность республики для употребления и расходования в пользу народа»[4].

Согласно Конституции подлежало конфискации недвижимое имущество, в том числе земли, принадлежавшие хану и его потомкам. Вакфные и байские земли не подлежали конфискации. По Конституции частная собственность на средства производства, и в том числе на землю, не ликвидировалась. Это было важной чертой аграрных преобразований, обусловленной конкретно-историческими условиями и своеобразием социально-экономической жизни Хорезма.

На основании решения первого курултая народных представителей ХНСР назират земледелия конфисковал земли хана, его потомков и хакимов, принадле-

---

[1] Набат революции, 1920, 14 февраля.

[2] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 36—38.

[3] Там же. С. 41-46.

[4] Там же. С. 45.

жавшие им сады, озера и тугаи. По данным экономического совета ХНСР, площадь национализированных земель, которые составили государственный земельный фонд, включала около 200 тысяч танапов[1].

В развитие положения Конституции о национализации имущества хана и ханского потомства Временный революционный комитет ХНСР издал постановление о конфискации сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, принадлежавших хану, его наследникам и хакимам[2].

Наделением землей из государственного фонда безземельных и малоземельных хозяйств занимался народный назират земледелия ХНСР. Из национализированных земель дехканам выделялись участки площадью от 2 до 20 танапов на семью.

В целях развития производительных сил кишлака, укрепления дехканских хозяйств экономические органы ХНСР, наряду с наделением землей, заботились об обеспечении безземельных и малоземельных дехкан рабочим скотом, сельхозинвентарем, посевными материалами и продовольствием. Рабочий скот, сельскохозяйственный и транспортный инвентарь, конфискованные у хивинского хана, его родни и крупных чиновников, вместе с землей распределялись между бедняцкими хозяйствами.

Наиболее сложным являлось установление порядка пользования вакфными землями. По этому вопросу в руководстве ХКП и ХНСР развернулась острая борьба. В декабре 1920 г. коммунисты внесли в совет назиров предложение распределить вакфные и национализированные ханские земли среди безземельных и малоземельных дехкан[3]. Объединение двух форм земельных владений было неправильным и провокационным. Посягательство на вакфные земли вызывало недовольство не только религиозных деятелей и учащихся медресе, но также и национальной интеллигенции, вообще широких масс населения. В результате народные массы могли отвернуться от новой власти. В народном хозяйстве, особенно в аграрных отношениях, создавалась опасность беспорядка, хаоса и разрушения, в конечном итоге, производительных сил и т. д. Прави-

---

[1] Хозяйственный план ХНСР на 1923/24 год. С. 11.
[2] ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д. 164, л. 53.
[3] История Узбекской ССР. Т. III. С. 291.

тельство П. Н. Юсупова отвергло непродуманное предложение, за которым стояли прибывшие из РСФСР большевики.

Конституция ХНСР, принятая на первом курултае народных представителей, имела специальную статью о вакфных делах. В ней указывалось: «Так как все дела, касающиеся вакфного имущества, безраздельно связаны с делами просвещения и культуры, они передаются в назират просвещения для правильного ими распоряжения»[1]. Таким образом, право пользования вакфным имуществом передавалось назирату просвещения ХНСР.

Впоследствии статьи Конституции ХНСР о вакфах были уточнены. Назират просвещения осуществлял руководство только вакфами медресе и мактабов. В газете «Известия» — органе Центрального Исполнительного Комитета Советов Туркестанской АССР — сообщалось: «На Заседании Хорезмского ЦИКа постановлено *освободить вакфы (монастырские земли) от вмешательства государста*»[2]. Согласно решению ЦИК ХНСР за мутаваллиями мечетей сохранялось право управления религиозными вакфами. Вакфами же медресе и мактабов управлял вакфный отдел назирата просвещения ХНСР. С них взималась арендная плата в соответствии с условиями, определенными вакфными грамотами. Распределение же ее осуществлялось на нужды культурно-просветительных учреждений республики.

Хорезм — страна древнейшего искусственного орошения. Особенностью ирригации в Хорезме являлось сравнительно низкое расположение каналов, не позволявшее повсеместное и постоянное орошение самотеком. Это вызывало необходимость создания водоподъемных устройств — чигирей. Чигири требовали много труда, водоподъемность их была незначительной. В Хорезме для орошения земель дехканами эксплуатировалось около 70 тыс. чигирей[3].

Другой особенностью ирригации была незначительность уклона большинства каналов и быстрое заполнение их илом, что требовало постоянных трудовых затрат для очистки.

---

[1] Съезды Советов СССР... Т. II. С. 506.
[2] Известия ТуркЦИК. 1921. 31 июня.
[3] ЦГА РУз. ф. 73. оп. 1. д. 6. л. 49.

На главных магистральных каналах дехкане выполняли исторически сложившуюся ирригационную повинность — казу. Так, если в 1920 г. в этой кампании приняли участие 50 тыс. человек, то в 1921 г. — до 60 тыс. дехкан[1]. В личном хозяйстве дехканин затрачивал много труда на очистку арыка, подведенного к чигирю, и внутрихозяйственной ирригационной сети.

В условиях ХНСР вопросами водного хозяйства ведал назират земледелия. При нем был создан специальный отдел по руководству ирригационными работами, восстановлению и ремонту ирригационных систем республики. В ирригационном отношении ХНСР разделялась на два района — южный, охватывавший 12 крупных каналов и 85—90 процентов всей площади орошения — Хивинский ирригационный округ; северный — включенный в Ходжейлинский округ. Этот район орошался путем использования многочисленных рукавов протоков Амударьи. В Хорезме действовало 88 средних и крупных каналов, орошавших каждый от 1000 до 10000 танапов земли; 58 мелких каналов, орошавших от 100 до 1000 танапов посевных площадей.

Параллельно с переводом экономики страны на новые принципы хозяйствования были официально оформлены экономические взаимоотношения между ХНСР и РСФСР. На основе союзного договора между двумя республиками, заключенного в Москве 13 сентября 1920 г., все недвижимое имущество России на территории Хорезма безвозмедно передавалось последнему[2]. Эта недвижимость состояла из более чем 30 хлопкоочистительных, около 20 маслобойных, кожевенных и других предприятий, а также ряда речных судов и больших каналов[3]. В отдельную статью союзного договора был выделен вопрос об экономических и торговых отношениях между двумя республиками. Он получил детальную конкретизацию в подписанном в тот же день, 13 сентября, отдельном экономическом соглашении[4]. В соответствии с ним денежные знаки РСФСР получили свободное хождение на территории Хорезмской республики, торгово-экономические отношения между РСФСР и ХНСР устанавливались в форме то-

---

[1] АВП России, ф. 0208, оп. 5, д. 32, л. 78.

[2] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 56—60.

[3] Там же. С. 8.

[4] Там же. С. 61—64.

варообмена, причем исключалось участие в нем отдельных производителей или посредников, он должен был осуществляться на уровне соответствующих правительственных органов. Хорезмская республика «все имеющееся у нее сырье», предусмотренное для реализации на внешнем рынке, обязывалась предоставить Российской республике. К этим видам сырья были отнесены — «в первую очередь хлопок и его продукты, меха, ковры, кожи, шерсть, семена». Хорезмская республика обязывалась ввести госмонополию внешней торговли на эти виды сырья. Российская республика обязывалась рассчитываться за получаемое сырье частично денежными знаками РСФСР и частично — товарами.

Заключение с РСФСР союзного договора и экономического соглашения ограничивало свободу Хорезмской республики во внешнеэкономических связях и предопределило ее экономическую зависимость от России. Хорезмское руководство весьма скоро убедилось в этом. Его стремление использовать для подъема народного хозяйства республики расширение внешнеэкономических связей с другими странами постоянно сталкивалось с установленными принципами союзнических отношений с Россией.

Между тем положение в народном хозяйстве Хорезма продолжало ухудшаться. Промышленность по сути полностью бездействовала. Обследование, проведенное в 1920 г., показало, что в Хорезме из имеющихся 11 хлопкоочистительных и 3 маслобойно-мыловаренных заводов годных к работе было всего 3[1]. Таким образом среди переданных Россией Хорезму предприятий преобладали неработавшие, растасканные и разрушенные предприятия, здания и др.

Невиданных размеров достигло расстройство денежного хозяйства страны. В отчете назирата финансов ХНСР (май 1921 г.) отмечалось: «С февраля 1920 г. по настоящее время Хорезмская республика существует, прибегая к помощи займов, за счет монетного двора»[2], т. е. увеличивался выпуск бумажных денег. Если в мае 1920 г. бумажных денег выпускалось на сумму 300 тыс. руб., то в декабре — уже свыше 21 млн руб.[3]. Доходы республики покрывали лишь 1/40 часть ее расходов.

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1921, 11 июня.
[2] ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д. 4, л. 108.
[3] Там же.

Поток бумажных денег привел к резкому удорожанию товаров первой необходимости.

Хозяйственные трудности усугублялись к тому же систематическим нарушением Россией установленных *принципов товарообмена. Зачастую вывозимое из Хо*резмской республики сырье не покрывалось российскими товарами.

Шла усиленная распродажа богатства страны. Из Хорезма для продажи в Бухару и Керки вывозились золото и серебро, танга, тилля, золотые и серебряные часы; золотые и серебряные чайники, различные украшения, а также драгоценные камни, бриллианты, алмазы, яхонт, изумруды, жемчуг и т. п.»[1]. За границу вывозилось даже зерно[2].

Непоправимый урон экономике страны наносила революционно-экстремистская политика определенной части республиканского руководства. В республике широкомасштабно проводилась экспроприация. Помимо национализации промышленности, конфискации *имущества свергнутого хана и его приближенных осу*ществлялось постоянное посягательство на имущество всех граждан страны. Приказом Временного ревкома республики у населения было реквизировано значительное число лошадей и верблюдов. Эта реквизиция, сопровождавшаяся бесхозяйственностью и разбазариванием, привела к падежу и значительному сокращению поголовья скота. О недовольстве населения свидетельствовал поступавший в адрес высших правительственных органов республики поток жалоб[3]. Возмущение духовенства и всех верующих вызывало вмешательство различных официальных органов в дела вакфов, стремление к изъятию их имущества, урожая и т. п.[4].

Серьезный экономический и морально-политический урон наносили Хорезму мародерство и грабежи, чинившиеся дислоцированными в стране красноармейскими частями. Руководство этими войсками в то время осуществлял уполномоченный Туркомиссии и реввоенсовета Туркреспублики Георгий Скалов. Сведения о творившихся бесчинствах стали известны в Ташкен-

---

[1] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 116.
[2] ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д. 2, л. 112; История Хорезмской Народной Советской республики. Сб. док. С. 124.
[3] История Хорезмской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 107.
[4] Там же. С. 116.

те. В начале марта Туркомиссия назначила своего члена — Г. И. Бройдо чрезвычайным уполномоченным в Хиве и Амударьинском отделе «для высшего руководства органами Советской власти»[1] в регионе. Миссия Бройдо в составе около 150 человек уже в конце марта прибыла на место. О том, что он застал в Хорезме, Г. И. Бройдо писал в докладной: «Такого ужаса, какой нами здесь сразу обнаружен, нигде не приходилось видеть». Творились открытый грабеж ценностей, глумление над женщинами, «расстрел красноармейцами первого встречного как предпосылка ограбления имущества», «разгром хивинских дворцов». Бройдо сообщал, что во главе этих безобразий стоит Скалов, «штаб командующих людей». Оставляя в стороне излишнюю эмоциональную экзальтированность этого донесения, следует признать неоспоримость приведенных фактов. Действительно, красноармейские части вели себя как оккупанты. Уникальное здание исторической Ичан-калы, это достояние народа, было занято солдатами, а несколько месяцев спустя во дворце хана был организован гарнизонный красноармейский клуб[2].

Все это вызывало недовольство коренного населения Хорезма, его представителей в органах власти. Первое правительство Хорезмской республики, руководство Центрального исполнительного комитета советов республики, состоявшие в основном из младохивинцев, были озабочены состоянием экономики государства, стремились к тому, чтобы поставить богатство страны на службу интересам всего народа, постоянно приумножая его. Они выступали за постепенное, путем реформ, обновление страны, отрицая путь экстремистской ломки складывавшихся веками экономики и хозяйственных отношений. Соответственно необоснованные экспроприации и другие подобные экстремистские меры[3] вызывали возражение со стороны ЦИК советов Хорезма, младохивинского правительства во главе с опытным и образованным государственным деятелем Палван Ниязом Юсуповым.

---

[1] *История Хорезмской Народной Советской Республики. Сб. док.* С. 33—34.

[2] Там же. С. 116.

[3] История Узбекской ССР. Т. III. С. 289.

* * *

Итак, общественно-политическое и социально-экономическое развитие Бухары и Хорезма свидетельствует, что совершенный в них в 1920 г. переворот не был результатом их внутреннего развития, не был закономерным явлением. Он явился практическим претворением в жизнь большевистской идеи «мировой революции», для достижения целей которой большевики не останавливались ни перед чем, даже перед вооруженной агрессией в суверенные Хивинское и Бухарское государства под предлогом оказания помощи их «восставшему народу», выступление которого было организовано ими же самими.

В результате совершенного при непосредственном участии войск Туркфронта переворота был искусственно прерван естественный эволюционный ход общественно-политического и социально-экономического развития Хивы и Бухары, их народам большевиками был навязан советский режим. При этом большевики и их лидер В. И. Ленин пытались представить данный акт в глазах мировой общественности как искреннее желание самих народных масс этих стран приобщиться к советскому строю.

По своей сущности переворот в Хиве и Бухаре носил антимонархический и антифеодальный характер. В результате его в бывших ханствах был установлен народно-демократический строй. Формально БНСР и ХНСР являлись суверенными государствами, однако фактически они с самого начала оказались в полной военно-политической и экономической зависимости от советской России. Правительства республик не могли сделать ни одного важного шага без согласования его с Туркомиссией и ее представителями в БНСР и ХНСР. Военные операции войск Туркфронта, сопровождавшиеся разрушениями и грабежом мирного населения, а также усиление экономической зависимости БНСР и ХНСР от могущественного северного соседа привели к подрыву производительных сил республик и ухудшению материального положения их народов.

Раздел II

ТУРКЕСТАН В 1921—1924 гг.

Исторически противоречивым этапом вошел в многовековую летопись узбекского народа период 1921—1924 годов. Он характеризовался сложным переплетением позитивных восстановительных процессов и углублением политического противоборства различных общественных движений и социальных сил, первой попыткой коммунистического руководства реформировать генетически порочную стратегию «социалистического строительства» и закреплением имперских отношений между Туркестанской, Бухарской, Хорезмской республиками и Россией.

Центральным являлся вопрос о власти. Через него проходила основная линия политической жизни общества, здесь сталкивались ключевые общественные интересы. Причем, для национальных оппозиционных движений вопрос о власти фокусировался прежде всего в возможности обретения народом права на самоопределение. Катастрофическое падение промышленного и сельскохозяйственного производства, голод, масштабная практика революционного насилия, повсеместное игнорирование национальных интересов коренного населения вызвали острое неприятие советской власти в разных слоях туркестанского общества. Оценивая политические настроения народных масс края того времени, в том числе среди социально ориентированных на коммунистический режим общественных групп, известный государственный деятель ТАССР и России Г. Бройдо в своем письме к Ленину в январе 1921 г. вынужден был признать, что отношение к советской власти характеризуется «острой, хотя и скрытой, ненавистью к ней среди трудящихся», народ Туркестана «подготовлен к принятию и поддержке любых» сил, «идущих под лозунгами борьбы с советской властью»[1].

---

[1] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 3, д. 7-с, лл. 22—23.

Глава 1

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. УСИЛЕНИЕ ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Оппозиционные коммунистическому режиму политические силы продолжали отстаивать свое понимание концепции исторического развития Туркестана. На обширной части среднеазиатского региона все больше усиливалось вооруженное противостояние.

Особую опасность для большевистского режима попрежнему представляло повстанческое движение в Ферганской долине. Начало 1921 г. ознаменовалось для него осложнением обстановки. Переброской военных сил с других фронтов советскому командованию удалось влить свежие силы в Ферганскую группу войск и развернуть с января 1921 г. широкомасштабное наступление на основные центры повстанческих сил. Почти одновременно были нанесены удары против отрядов курбаши Парпи в Андижанском уезде[1], отрядов курбаши Шермухаммадбека, Алиёра, Мама Рузи в районах Шахимардана, Коровул и Кизилкия[2]. Не выдержав напора хорошо экипированных вооруженных сил, повстанцы вынуждены были отступить. В этих боях Парпи получил тяжелое ранение. 9 апреля он скончался. Шермухаммадбек также был ранен. Отступив со своими отрядами вначале в Учкурган, а затем в Алайскую долину, он вскоре через Асака и Шахрихан вернулся в Фергану и обосновался в своей резиденции в Гарбуа[3]. В начале марта ожесточенные бои развернулись в окрестностях Соха против курбаши Исроила и в Гарбуа против Шермухаммадбека.

В четырехмесячных боях (декабрь 1920 г. — март 1921 г.) повстанцы потеряли 1921 чел. убитыми и пленными[4]. В ряду причин зимнего поражения повстанцев

---

[1] ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 61, л. 25 и об.; РГВА, ф. 278, оп. 4, д. 331, л. 7; д. 493, л. 6; Краткий очерк... С. 24.

[2] РГВА, ф. 278, оп. 4, д. 331, л. 27.

[3] ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 61, л. 25.

[4] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1168, л. 17.

определенную роль сыграли плохая обеспеченность боеприпасами и обмундированием: зима 1920/21 года выдалась особенно холодной. Немаловажное значение имел и такой фактор, как объявление «общей амнистии басмачей и курбаши, добровольно сдавшихся» (21 февраля 1921 г.)[1]. Начавшиеся переговоры советского командования с курбаши крупных повстанческих отрядов привели к выжидательной позиции в рядах всего движения. В результате переговоров киргизский курбаши Жонибек Кози[2] со своим отрядом в 450 чел. в апреле 1921 г. перешел на сторону советов[3]. Затем начались переговоры с Алиёром — одним из наиболее авторитетных курбаши Шермухаммадбека. Но выдвинутые Алиёром требования: соблюдение шариата, избрание независимых казиев, отмена продовольственной разверстки[4] — советское командование отвергло, раскрыв тем самым истинную сущность амнистии.

Весной 1921 г. в долине с новой силой разгорелась вооруженная борьба за независимость, во главе которой стоял Шермухаммадбек. По «совершенно секретным» сведениям штаба Ферганской группы советских войск в июне-сентябре 1921 г. в Ферганской долине действовало более 200 отрядов курбаши[5].

В 1922 г. Туркестанское автономное правительство под руководством Шермухаммадбека установило постоянные контакты с организацией «Туркистон миллий бирлиги» (Туркестанское национальное единство), возглавляемой Заки Валиди. Шермухаммадбек принял участие в работе Второго конгресса туркестанских мусульман, проходившего 15—20 апреля 1922 г. в Самарканде. На конгрессе присутствовали также ведущие курбаши из Ферганы и Самарканда, представители Хорезмской и Бухарской республик, Закаспийской и Акмолинской областей[6]. Шермухаммадбек выступил на нем с большой речью. Курултай завершил работу при-

---

[1] РГВА, ф. 278, оп. 5, д. 84, лл. 60.

[2] ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 61, лл. 23—25.

[3] Жонибек Кози в сентябре 1921 г. со своими 400 бойцами, а также с большим количеством боеприпасов вернулся в ряды повстанцев. — ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1048, л. 57 «а»; д. 1322, л. 92.

[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 716, л. 142.

[5] РГВА, ф. 278, оп. 4, д. 493, лл. 6—15.

[6] Хаит Б. Туркестан в XX веке. С. 203.

нятием документа, который был призван стать конституцией нового государства после ликвидации советской власти в крае[1]. Она провозглашала вхождение в состав «Туркестана — Тюркской Независимой Исламской Республики» Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Семиреченской, Закаспийской областей Туркестанского края и Амударьинского отдела. Правительство «Туркестана — Тюркской Независимой Исламской Республики» избиралось на съезде в составе 15 членов. Из них избирались президент страны, вице-президент и генеральный секретарь, составлявшие Исполнительный комитет, постоянным местом пребывания которого была определена столица. Пять членов правительства назначались военными руководителями пяти районов Ферганской области — Наманган, Андижана, Маргилана, Коканда, Оша. Остальные 7 членов назначались министрами: военных, иностранных, внутренних дел, почты и телеграфа, религиозных дел, финансов, юстиции, транспорта.

До свершения этого исторического события курултай утвердил в качестве организационного центра Туркестанское автономное правительство, созданное под руководством Шермухаммадбека в мае 1920 г. Его резиденцией был определен Самарканд. Однако члены правительства оставались здесь не больше месяца. Из-за осложнения обстановки и под напором советских вооруженных сил правительство перенесло свою резиденцию в Наманган — центр повстанческого движения Ферганской долины. Но и позже оно было вынуждено часто менять свою резиденцию (Ош, Гоибота — окрестность близ Маргилана, Норин).

Автономному правительству только 12 мая удалось вручить советским представителям в Ташкенте решение курултая для отправки в Москву. В сопроводительном письме содержалось требование о выводе советских войск из Туркестана в двухмесячный срок. Невыполнение этого условия, отмечалось в письме, приведет к продолжению войны до окончательного завоевания независимости Туркестана. Вся ответственность за новое кровопролитие возлагалась на больше-

[1] Текст этого закона впервые был опубликован в издававшемся в Турции эмигрантском журнале «Ёш Туркистон» (1932 г., № 4). Б. Хайит в своей книге «Туркестан в XX веке» полностью приводит текст закона из этого же источника, использованный и в данной работе.

вистское руководство страны. Направленная в Ташкент делегация из 5 человек во главе с Хамидходжой из Касансая для вручения этих документов Рудзутаку не вернулась назад[1].

После Самаркандского форума 22 апреля 1922 г. в кишлаке Корабува Кокандского уезда Шермухаммадбек собрал курултай ферганских курбаши. На нем присутствовали наиболее влиятельные курбаши долины: Нурмухаммадбек, Тошмухаммадбек, Рузимухаммадбек (братья Шермухаммадбека), Ислам Пахлавон, Ахмад Палван, Корабай, Мама Рузи и др. Шермухаммадбек сообщил о работе форума в Самарканде. На курултае была достигнута договоренность о районах дислокации курбаши, военных операциях и действиях на 1922 год. Шермухаммадбек вновь был признан руководителем борцов за независимость Ферганской долины.

К этому времени повстанческое движение продолжало контролировать обширную территорию Ферганской долины. В Кокандском уезде под руководством Ислама Пахлавона и Эшмата Байваччи действовали отряды курбаши Норкузи, Машраба, Тургуна, Хасана, Мирзо Умара, Умаркула. В Наманганском уезде в кишлаке Ашаба, восточнее города Чуст, в Варзике и районе Чаткала находились отряды Орзумата, Баястана и Рахманкула (в подчинении у последнего имелось более десяти курбаши); на территории от реки Нарын до Чуста — отряды Омон Палвана и его помощников — курбаши Максуда (в Уйчи), Дадабая (в Туракургане)[2]. В Ферганском уезде всеми курбаши руководил сам Шермухаммадбек. 23 апреля 1922 г. вместе со своим отрядом в 1000 чел. он занял кишлак Гарбуа[3]. Здесь же размещались отряды Корабая, Нурмухаммадбека, Тошмухаммадбека, Рузимухаммадбека, Юсуфжона Максуда, Парпи, Мадали, Ахмада Палвана, Умара Али, Мама Рузи, Хужабая, Тухтасин Махсума, Нурмата мингбоши[4]. В Андижанском уезде действовал один из влиятельных курбаши — Исроил Гозий, заместитель Шермухаммадбека. В его подчинении находились курбаши Казакбай, Мулла Собир, Кулибай, Юнус Али, Исмоил Нугай, Туражон, Ботирбек и другие. Железнодорожную ветку Андижан—Султанабад контролировали кур-

[1] Х а й и т Б. Туркестан в XX веке. С. 204—208, 209—210.
[2] Краткий очерк... С. 30—31.
[3] РГВА, ф. 28113, оп.7, д.58, л.20.
[4] Краткий очерк... С. 31—32.

вистское руководство страны. Направленная в Ташкент делегация из 5 человек во главе с Хамидходжой из Касансая для вручения этих документов Рудзутаку не вернулась назад[1].

После Самаркандского форума 22 апреля 1922 г. в кишлаке Корабува Кокандского уезда Шермухаммадбек собрал курултай ферганских курбаши. На нем присутствовали наиболее влиятельные курбаши долины: Нурмухаммадбек, Тошмухаммадбек, Рузимухаммадбек (братья Шермухаммадбека), Ислам Пахлавон, Ахмад Палван, Корабай, Мама Рузи и др. Шермухаммадбек сообщил о работе форума в Самарканде. На курултае была достигнута договоренность о районах дислокации курбаши, военных операциях и действиях на 1922 год. Шермухаммадбек вновь был признан руководителем борцов за независимость Ферганской долины.

К этому времени повстанческое движение продолжало контролировать обширную территорию Ферганской долины. В Кокандском уезде под руководством Ислама Пахлавона и Эшмата Байваччи действовали отряды курбаши Норкузи, Машраба, Тургуна, Хасана, Мирзо Умара, Умаркула. В Наманганском уезде в кишлаке Ашаба, восточнее города Чуст, в Варзике и районе Чаткала находились отряды Орзумата, Баястана и Рахманкула (в подчинении у последнего имелось более десяти курбаши); на территории от реки Нарын до Чуста — отряды Омон Палвана и его помощников — курбаши Максуда (в Уйчи), Дадабая (в Туракургане)[2]. В Ферганском уезде всеми курбаши руководил сам Шермухаммадбек. 23 апреля 1922 г. вместе со своим отрядом в 1000 чел. он занял кишлак Гарбуа[3]. Здесь же размещались отряды Корабая, Нурмухаммадбека, Тошмухаммадбека, Рузимухаммадбека, Юсуфжона Максуда, Парпи, Мадали, Ахмада Палвана, Умара Али, Мама Рузи, Хужабая, Тухтасин Махсума, Нурмата мингбоши[4]. В Андижанском уезде действовал один из влиятельных курбаши — Исроил Гозий, заместитель Шермухаммадбека. В его подчинении находились курбаши Казакбай, Мулла Собир, Кулибай, Юнус Али, Исмоил Нугай, Туражон, Ботирбек и другие. Железнодорожную ветку Андижан—Султанабад контролировали кур-

[1] Хаит Б. Туркестан в XX веке. С. 204—208, 209—210.
[2] Краткий очерк... С. 30—31.
[3] РГВА, ф. 28113, оп.7, д.58, л.20.
[4] Краткий очерк... С. 31—32.

жием, в окрестностях селения Гульча Ошского уезда выступили против борцов за независимость. Вскоре из них были созданы 4 отряда численностью в 1000 конных солдат. Для руководства этими отрядами был создан Киргизский штаб обороны.

Первоначально эти формирования были использованы при ликвидации более мелких отрядов курбаши, а затем вместе с действующими частями советских вооруженных сил брошены против отрядов Мухиддинбека. В ожесточенном сражении, длившемся целый месяц, Мухиддинбек потерпел поражение[1]. 5 июля 1922 г. он и его соратники были захвачены в плен и 26 сентября по приговору Ревтрибунала расстреляны в г. Оше[2].

Председатель Особой комиссии К. Атабаев, докладывая на 5-м заседании IV пленума ТуркЦИК (18 июля 1922 г.) о результатах пятимесячной работы (март-июль 1922 г.) этой комиссии в Ферганской области, с удовлетворением отмечал: «1. Ликвидировано 38 крупных и средних курбаши с количеством джигитов в 1851 человек. Изъято 1256 винтовок; 2. весь Ошский уезд окончательно освобожден от басмачества. Андижанский уезд также очищен за исключением Кокан-кишлакского района. Наманганский уезд очищен в составе 23 волостей из 29. Коканд окончательно закреплен за нами, уезд очищен на 1/3. Маргиланский уезд наполовину. Общий итог сводится к тому, что басмачество в Фергане ликвидировано на 50%. Нет сомнения, что при дальнейшем положении начатой работы по вовлечению населения нам удастся ликвидировать полностью басмачество к концу текущего года»[3].

Однако эта парадная реляция была далека от истины. Она не только не раскрывала действительного положения дел в Ферганской долине, но и представляла его в извращенном виде. Об этом свидетельствовали сами советские руководители. Повстанческое движение «с каждым годом наоборот все усиливается, вместо ослабления»[4], — отмечалось в приказе командующего Ферганской группой войск 5 июня 1922 г.

10 июня 1922 г. в Ферганскую область прибыл нар-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д.90, л.339.

[2] РГВА, ф. 28113, оп.7, д.58, лл.34: 54, 66; ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д. 340 «в», т.4, лл.572—574.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д.90, л.339; оп.3, д.36, л.43 об.

[4] РГВА, ф. 28113, оп.7, д.58, л.32.

ком по военным и морским делам Советской России Л. Троцкий. Он лично руководил военными действиями против курбаши[1]. Как один из основателей «красного террора», Троцкий и здесь призвал к применению беспощадных репрессивных мер против повстанцев. Уже 13 июля 1922 г. Ферганский обком партии принял решение об увеличении и активизации «отрядов летучих истребителей». Их деятельность по сути свелась к борьбе с мирным населением — десятки тысяч членов семей борцов за независимость оказались за решетками тюрем, были взяты в заложники[2]. 23 июля 1922 г. Средазбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании специальных фронтовых комиссий для борьбы с повстанцами. Широкую карательную кампанию развернули специальные «политические тройки», которым были приданы широкие властные полномочия. С 25 июля советское командование приостановило ведение переговоров с курбаши: капитулировавшие курбаши и повстанцы не подлежали амнистированию[3]. Для борьбы с повстанцами Ферганы советское командование перебросило из центра новые боевые силы. Известно, что в конце лета 1922 г. конная бригада М. Буденного участвовала в боевых операциях в районе Коканда, Маргилана и Андижана. Ею был захвачен крупный укрепленный центр повстанцев — Грунч-мазар, находившийся между Андижаном и Узгеном[4].

В принятом по докладу председателя Средазбюро Я. Э. Рудзутака постановлении ЦК РКП(б) «О положении в Туркестане» (25 ноября 1922 г.), в частности, настоятельно подчеркивалась необходимость ужесточения репрессивных мер по отношению к курбаши.

В этих условиях Шермухаммадбек предпринимает меры по консолидации повстанческих сил и повышению их боеспособности. В его резиденции, расположенной в кишлаке Октепа в районе Баликчи (20 км севернее Шахрихана), повстанцев начали обучать военному делу[5]. Сам Шермухаммадбек вместе с курбаши Нурмухаммадбеком и Ёрматом Махсумом отправился

---

[1] Об этом см.: ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д.336, лл.342—344.

[2] ААП РУз, ф.60, оп.1, д.2213, л.48.

[3] РГВА, ф.28113, оп.7, д.58, л.54.

[4] Воспоминания участников гражданской войны в Андижанской области. С.87.

[5] РГВА, ф.28113, оп.7, д.58, л.41.

в Восточную Бухару. Известно, что 1 октября 1922 г. он встречался с Фузайлом Махсумом — одним из руководителей вооруженного сопротивления в бекстве Каратегин Восточной Бухары[1]. После короткого пребывания в Восточной Бухаре и, возможно, в Афганистане в конце октября 1922 г. Шермухаммадбек вернулся в Ферганскую долину.

Не располагая более конкретными свидетельствами об этой поездке, можем судить о ее результатах лишь по «Обращению к населению Туркестанского края», выпущенному Шермухаммадбеком осенью 1922 г. В нем сообщалось, что консулы Афганистана, Турции, Китая настаивали на необходимости установления сотрудничества между Шермухаммадбеком и Салимом Пашой, ставшим после смерти Энвера Паши руководителем бухарского сопротивления, и обещали Шермухаммадбеку оказать помощь военной силой. Однако, как показали последующие события, это обещание не было выполнено. Одновременно с обращением Шермухаммадбек распространил среди курбаши письмо Салима Паши, адресованное ферганским борцам за независимость, в котором он, отмечая необходимость активизации в скором времени боевых действий против советской власти, призывал к укреплению боеспособности всех отрядов курбаши[2].

Однако повстанческое движение к этому времени, несмотря на предпринятые Шермухаммадбеком меры, находилось в труднейшем положении. В результате широкомасштабных наступательных операций советских вооруженных сил, значительно превосходящих повстанцев по численности рядового состава и вооружению, руководимых опытными кадровыми военачальниками, повстанческое движение несло громадные людские и материальные потери. По сведениям штаба Ферганской группы войск за период с 1 июня по 1 декабря 1922 г. среди рядовых повстанцев 1862 чел. было убито, 1376 — сдались, а среди курбаши 98 — убито, 148 — захвачено в плен. За это же время у них было изъято свыше 2 тыс. винтовок, 10 пулеметов и более 223 тыс. единиц боеприпасов[3].

По этим же сведениям, в рядах сопротивления к 1 декабря 1922 г. оставалось еще около 3 тыс. человек. В

[1] РГВА, ф. 28113, оп.7, д. 58, л. 97.
[2] Там же, д.84, лл. 38—40.
[3] Там же, лл. 16—17.

неравных условиях, продолжая отчаянно бороться, повстанцы добивались еще отдельных успехов. 21 декабря 1922 г. Шермухаммадбеку с отрядом в 800 чел. и с 3 пулеметами удалось разгромить советский гарнизон в Ходжаабаде, занять кишлаки Турк, Янгичек. В это же время отряд курбаши Йулчи в 400 чел. захватил населенный пункт Нижний Араван, а курбаши Ислам Палван и Ёрбек с 300 повстанцами — перевал Бужун (в 20 км юго-восточнее Исфары)[1].

И все же потери, которые несли повстанцы, были очень значительными. Только за декабрь 1922 г. было убито 1582 курбаши и рядовых повстанцев, изъято свыше 2600 винтовок, 11 пулеметов, 30 тыс. единиц боеприпасов, 10 тыс. голов домашнего скота и лошадей.

Учитывая положение, в котором оказалось повстанческое движение, потерявшее надежду на помощь извне, и принимая во внимание физическую и моральную усталость населения Ферганской долины, в течение 5 лет выносившего на своих плечах тяготы военного противоборства, Шермухаммадбек принимает мужественное решение: распускает Туркестанское автономное правительство, а сам в последние дни декабря 1922 г. вместе с братом Нурмухаммадбеком и курбаши Тухтасин Максудом в сопровождении отряда в 450—500 человек покидает Ферганскую долину. Вначале он направился в Бухарскую республику, а весной 1923 г. перешел в Афганистан[2].

Однако повстанческое движение в Ферганской долине не затухало. Советскому руководству, сосредоточившему в Фергане огромный военный и политический потенциал, не удавалось покончить с народным сопротивлением. Идеи независимости Родины, защиты ее национальных устоев продолжали оставаться вдохновляющими стимулами его жизнестойкости и несгибаемости. Место выбывших из строя занимали новые сотни и тысячи ополченцев, плечом к плечу с отважными, закаленными в многолетней войне курбаши и их соратниками продолжавших борьбу за право жить по своим законам и обычаям. Так, к началу 1923 г., по данным советских разведывательных органов, в Ферганской области вели борьбу свыше 200 отрядов курбаши общей численностью в 7 тыс. человек[3].

---

[1] РГВА, ф.28113, оп.4, д.527, л. 23.
[2] Там же, оп.7, д.84, л. 16.
[3] ААП РУз, ф.60, оп.1, д.3030, лл. 85—86.

После ухода Шермухаммадбека в первых числах января 1923 г. на курултае ферганских курбаши главнокомандующим повстанческими силами был избран Ислам Пахлавон (Исламкул), бывший ранее заместителем Шермухаммадбека и пользующийся большим авторитетом. Его сподвижниками были руководители отрядов курбаши Ахмад Палван и Юсуфжон Максум в Маргиланском уезде, Оман Палван и Баястан — в Наманганском уезде, Казакбай — в Андижанском и Нурмат Мингбаши, Ёрмат Максум, Усман Понсот, Ислам Лашкарбоши и Йўлчи — в Ошском уезде; в Кокандском уезде отряды курбаши находились под непосредственным руководством самого Ислама Пахлавона. В их подчинении находились десятки отрядов, возглавляемых авторитетными, закаленными в боях курбаши[1].

Создаваемые вновь отряды, в отличие от предыдущих, в большинстве случаев были малочисленны. Состоявшие, как правило, из 40—50, а иногда и из 10—15 человек, они были значительно маневреннее и умело использовали партизанские методы борьбы. Рядом успешных боевых операций, осуществленных в январе 1923 г.: штурм силами Ислама Пахлавона гарнизона в Яйпане в Кокандском уезде; отрядами Омана Палвана — гарнизонов в Чартаке и Джийдакапе в Наманганском уезде и др.[2] — повстанцы продемонстрировали, что несмотря на потери они намерены продолжать борьбу.

В ответ последовало еще большее ужесточение режима в Фергане. Конференция ферганских коммунистов в феврале 1923 г. потребовала покончить с повстанцами в кратчайшие сроки. Маховик террора набирал все большую скорость. С мая 1923 г. угроза разгрома сил сопротивления приобрела особо зримые черты. Отряды курбаши один за другим терпели поражение. Советское командование пустило в ход все испытанные методы, не гнушаясь подкупом и шантажом. В частности, ему удалось путем секретных переговоров подкупить курбаши Якуббека и натравить его на руководителя наманганских повстанцев — Омана Палвана. По разработанному чекистами плану Якуббек разоружил и взял под арест Омана Палвана. Воз-

---

[1] ГАФО, ф.435, оп.1, д.115, л.320.
[2] РГВА, ф.28113, оп.7, д.84, л.10; ГАФО, ф.435, оп.1, д.207, л.17.

мущенные этим, многие курбаши решительно выступили против Якуббека и пытались освободить арестованного. Между ними развернулись ожесточенные бои, но спасти Омана Палвана не удалось. Якуббек, опираясь на подкрепление, оказанное советскими частями, вышел из этих столкновений победителем и сдал Омана Палвана большевикам[1].

31 мая 1923 г. Ферганский обком принял решение о проведении открытого судебного процесса над Оманом Палваном. Для участия в нем были насильно согнаны десятки тысяч людей из сотен кишлаков Наманганского уезда. Они стали очевидцами исполнения приговора, вынесенного видному руководителю борьбы за независимость. Оман Палван был повешен 13 июня на базарной площади города Намангана на глазах у населения[2]. В тот же день был приведен в исполнение и приговор над курбаши Сангином и Махкамом и еще шестью сподвижниками Омана Палвана[3]. Кстати, этой судьбы не избежал и Якуббек: после взятия в плен Омана Палвана советские воинские части разворачивают боевые действия против группировки Якуббека, своего вчерашнего «союзника», в ходе которых он и десять его бойцов попадают в плен. Позднее Якуббек был также расстрелян большевиками[4].

Исполнение приговоров на глазах у больших скоплений местных жителей преследовало единственную цель: посеять в их сердцах страх перед силой господствующего режима. Эту цель нелицеприятно продемонстрировал во время своего двухмесячного пребывания (май-июнь 1923 г.) в Туркестане главнокомандующий вооруженными силами СССР С. Каменев. В разработанном им весьма обширном, состоящем из 123 пунктов, документе «Система борьбы с басмачеством (бандитизмом)» перед советскими войсками в качестве решающей была поставлена задача скорейшей ликвидации «басмаческого» (повстанческого. — *Ред.*) движения. Вбивая в сознание своих бойцов необходимость беспощадного истребления борцов за независимость, Каменев предлагал использовать для этого особо изощренные методы: оккупацию войсками

---

[1] ГАФО, ф.435, оп.1, д. 248, лл. 44 об.—45 об, 89; д. 218, лл. 37—38.
[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 3026, лл. 95, 98.
[3] РГВА, ф. 278, оп. 1, д. 531, л. 30.
[4] ГАФО, ф. 435, оп.1, д. 248, л. 89 об.

важных пунктов; летучие отряды как основу активной борьбы с повстанцами; истребительные отряды; воздушные средства, «если приходится иметь дело с определенным гнездом басмачей, которое должно быть приведено в повиновение жестокими мерами, вплоть до его поголовного уничтожения, или если приходится бороться с басмачами в таком районе, куда нельзя или затруднительно проникнуть полевым частям — пески, горы, камыши и прочее»; прочесывание района как вспомогательная операция перед его занятием оккупационными частями; окружение района совместно с летучими отрядами для «окончательной ликвидации врага» и т. д.[1].

25 мая 1923 г. в реввоенсовете Туркфронта Каменев провел специальное совещание, посвященное вопросам борьбы против движения сопротивления. В его работе приняли участие: руководство Средазбюро ЦК РКП(б), командующий Туркфронтом, председатель ЦИК Туркестана Хидиралиев, председатель Совнаркома Туркестана Т. Рыскулов, начальник Особотдела Дадабаев. На совещании было особо подчеркнуто: в борьбе против повстанцев «необходимо немедленно усилить военное давление, дополнить военные части испытанными бойцами, в частности конниками, расширить использование воздушных сил, шире привлекать милицейские части»[2]. После совещания в Ферганской области был создан реввоенсовет, сюда было направлено более 200 «опытных партийных и советских работников», мобилизованных на борьбу с бойцами сопротивления[3].

9 июня 1923 г. ЦИК Туркестана издал декрет «О немедленной ликвидации в Андижанском уезде басмачества». Этим декретом было введено военное положение в Андижане[4], а в волостях Олтинкуль, Хакент и Ёрбоши Андижанского уезда — объявлено чрезвычайное положение[5]. В Андижане был создан реввоенсовет под руководством командующего Ферганской группой войск. Руководство Туркфронта неспроста начало военные действия с Андижана, с 1918 г. одного из основных центров движения сопротивления.

---

[1] Сборник указаний по борьбе с басмачеством. Т., 1924. С.6—26.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 336, л. 276—277.
[3] ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 245, л. 10.
[4] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 1139, л. 32.
[5] ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 205, л. 28 об.

Так началось практическое осуществление намеченных С. Каменевым мероприятий. Массированное наступление советских войск в Андижанском уезде нанесло серьезный урон силам повстанцев. Как отмечалось в рапорте командующего Ферганской группой войск, только с 11 июня по 9 июля по области и главным образом по Андижанскому уезду было «выведено из строя: курбаши 33 (убито 12, сдалось 17, захвачено 4); джигитов 391 (убито 98, сдалось 202, захвачено 91); пособников арестовано около 200; винтовок взято 189, револьверов — 109, берданок — 39»[1]. После тяжелых боев руководители повстанческого движения Андижанского уезда Ахмад Палван и Казакбай вынуждены были покинуть уезд и примкнуть: первый — к курбаши Ёрмату Махсуму, действовавшему в горах в окрестностях Оша, а второй — к кокандским повстанцам. Как отмечалось в советских сводках, «действия против Казакбая и Ахмада Палвана не прекращались ни одной минуты»[2]. Преследуя их, советские воинские части перенесли свои боевые действия в направлении Фергана—Ош, где столкнулись с яростным сопротивлением отрядов Ёрмата Махсума и его соратников. Первоначально успех был на стороне курбаши Ёрмата Махсума: его бойцы не только отразили наступление советских вооруженных сил, но и нанесли им поражение[3].

17 июля 1923 г. в кишлаке Шунк-Мазар близ Олтиарика был проведен курултай ферганских курбаши. На нем приняли участие Ахмад Палван, Карабай, Умар Али, Мама Рузи, Мамадали, Хажи Пансат (брат Ёрмат Махсума) и другие влиятельные курбаши. Учитывая сложившуюся ситуацию, а также положение, в котором оказался Ислам Пахлавон, курултай избрал нового главнокомандующего ферганскими курбаши. Им стал Ёрмат Махсум, хотя он и не смог принять участие в курултае[4]. Выходец из семьи духовенства, глубоко религиозный человек, Ёрмат Махсум своим шестилетним самоотверженным служением делу борьбы за независимость снискал себе уважение и авторитет среди курбаши Ферганы.

---

[1] ГАФО, ф. 435, оп.1, д. 218, л. 56.
[2] Там же, л. 56.
[3] РГВА, ф. 28113, оп. 7, д. 84, лл. 42—45.
[4] Там же, д. 21, л. 65; ГАФО, ф. 435, оп. 1, д. 218, л. 69; д. 248, л. 166.

Ёрмат Махсум пришел к руководству повстанческим движением в тяжелейшее для него время. Советские воинские части продолжали преследование группировки Ислама Пахлавона. В предместье Коканда, куда отступили его отряды, были брошены значительные силы. В тяжелых боях конца июля — начала августа и особенно после поражения в Сохе 8 августа отряды Ислама Пахлавона понесли серьезный урон. Были взяты в плен 6 наиболее влиятельных его курбаши[1]. С остатками своей группировки он ушел из Коканда в Маргиланский уезд.

Вторая половина 1923 г. оказалась наиболее трагической для всего повстанческого движения Ферганской долины. Под напором армады Туркфронта оно понесло значительные потери. О них победоносно сообщалось в военных сводках Ферганской группы войск. В ходе боев, проходивших с 11 июня по 10 сентября 1923 г., как отмечалось в одной из них, убиты 16 курбаши и 228 джигитов, захвачены 23 курбаши и 258 джигитов, сдались — 75 курбаши и 717 джигитов, арестованы как пособники — 282 чел.[2]. В сводке от 5 ноября 1923 г. сообщалось, что за период с 11 июня по 4 ноября было убито — 30, захвачено — 33, сдались 167 курбаши[3]. В плену оказались такие авторитетные курбаши, как Дадабай Лашкарбоши, Байтуман Хожи, Соли Хожи, Эшмат байбача, Казак, Джура Дардак, Баястан Амир Лашкарбоши и др.[4]; вынуждены были сдаться — Хамракул Мингбаши, Мулла Рузимат, Исраил, Кичик Казак, Ибрагим, Мама Юсуф, Бурибай, Нурмат Мингбаши, Туркбой, Юнус, Нурали, Мамадали Пансат и др.[5]. 3 октября 1923 г. сдался и руководитель кокандских повстанцев Ислам Пахлавон[6], а 29 октября в Ассаке — Ахмад Палван[7].

В ноябре 1923 г. специальная комиссия передала в военный трибунал дела 183 курбаши, арестованных по решению реввоенсовета Ферганской области. Если первоначально трибунал, оказав «милость», вынес приго-

---

[1] РГВА, ф.28113, оп.7, д.21, л.65; ГАФО, ф.435, оп.1, д.218, л.65; д.248, л.166.

[2] ГАФО, ф.435, оп.1, д.115, л.354.

[3] Там же, д.218, лл.117–118.

[4] Там же, лл. 88—89; РГВА, ф. 28113, оп.1, д. 84, л. 75.

[5] ГАФО, ф.435, оп.1, д. 248, лл. 269—273.

[6] Там же, л. 269.

[7] Там же, л. 272.

вор о расстреле только части курбаши[1], то в 1924 г. и позднее все курбаши и их соратники были приговорены к расстрелу.

Примечательно, что такая же участь постигла и курбаши, добровольно сдавшихся в плен[2]. Передвижная сессия военного трибунала Туркфронта в Коканде рассмотрела дела Исламкула Султанкулова (Ислам Пахлаван), Юнус Али Мухаммада Мусаева, Баястана Шопулатова и Султана Шапулатова и приговорила их к расстрелу. И хотя на заседании ЦИК Туркестана, состоявшемся 2 декабря 1923 г. под председательством члена Реввоенсовета СССР И. Хидиралиева, было принято решение о приостановлении приведения в исполнение приговора[3], однако уже на следующем заседании, 8 декабря, оно по требованию председателя Средазбюро Я. Рудзутака было признано необоснованным и отменено[4]. Курбаши были казнены. Казни не избежали и рядовые участники сопротивления — как выпущенные из тюрем, так и находившиеся в заключении, а также представители мирного населения, подозревавшиеся в сочувствии и поддержке движения. Устрашение и террор населения стали испытанными методами в борьбе с повстанческим движением.

На основе сопоставления имеющихся данных можно предположить, что в 1923 г. из рядов сопротивления в Ферганской области выбыло (убитыми и сложившими оружие) 348 курбаши и более 4 тыс. рядовых повстанцев.

Несмотря на такой урон, движение за независимость обладало еще достаточным потенциалом, способным до конца 1923 г. — середины 1924 г. противостоять напору советских воинских формирований в районах Маргилана, Коканда, а также в Андижанском уезде. Разделившись на мелкие группы, повстанцы перешли к методам партизанской войны: нападению на гарнизоны, расположенные в долине; неожиданным вылазкам в окрестностях Маргилана, Коканда, Андижана. В результате такой вылазки 22 ноября 1923 г. курбаши Турдибай со своими соратниками, а также с

---

[1] История гражданской войны в Узбекистане. Т.II. С.309.
[2] ГАФО, ф.435, оп.1, д.218, л.92.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д.323, л.330.
[4] Там же, л.332.

курбаши Нурмухаммадбеком[1] (младшим братом Шермухаммадбека) и другими разгромил советскую воинскую часть в кишлаке Мадичек и вступил в Коканд. Правда, после ожесточенной битвы, состоявшейся в 4 верстах южнее от города, он был вынужден отступить[2].

В начале 1924 г. в Ферганской долине существовало еще около 50 мелких отрядов курбаши, объединявших в своих рядах более тысячи человек. Среди курбаши, продолжавших борьбу в Ферганской долине и в 1924 г., были такие прославленные в битвах за независимость личности, как Ёрмат Махсум, Карабай Лашкарбоши, Умар Али Лашкарбоши, Турдибой, Юсуфжон Махсум, Мама Рузи, Мулла Собир, Тошмат Пансат, Тургунбай, Ашур Али Пансат, Мулла Бута юзбаши, Шамси Усман Пансат, Сотволди Пансат, Абдурахман и др.[3]. Общее командование силами повстанцев продолжал осуществлять Ёрмат Махсум.

В свою очередь Средазбюро ЦК РКП, стремясь закрепить успехи, на состоявшемся 6 января 1924 г. заседании признало необходимым усилить пропагандистскую и агитационную работу среди населения. Особое внимание было обращено на формирование в сознании народа антинародного, враждебного характера повстанческого движения, а образа их участников как «басмачей», «врагов народа»[4].

Во всех своих указаниях Средазбюро ЦК РКП постоянно призывал не ослаблять борьбу против движения за независимость. На это были нацелены и разработанные руководством Туркфронта «Положения о совещаниях по борьбе с басмачеством». Эти совещания, создаваемые в областных центрах Туркестанской, Хорезмской, Бухарской республик, были подчинены «Фронтовому совещанию по борьбе с басмачеством». В состав последнего были введены председатель Средазбюро ЦК РКП (как председатель Совещания), председатель ТуркЦИК (зам. председателя Совещания), председатель СНК Туркреспублики, командующий Туркфронта, члены РВС Туркфронта, ответственный сек-

---

[1] Курбаши Нурмухаммадбек в начале 1924 г. в последний раз покинул Ферганскую долину и всю оставшуюся жизнь провел в эмиграции. Его старший брат Рузимухаммадбек осенью 1923 г., а второй брат — Тошмухаммадбек несколько позже были пленены и казнены.

[2] ГАФО, ф.435, оп.1, д.248, л.315.

[3] Там же, лл. 350—357.

[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.3, д.98, л.3.

ретарь ЦК КПТ, нарком внутренних дел Туркреспублики, уполномоченные Бухарского и Хорезмского ЦИК и полпред ГПУ. Этот новый институт с широко раскинувшейся по всей Средней Азии сетью был призван сконцентрировать в единый кулак все силы гражданских и военных структур для борьбы с повстанческим движением.

С установлением жесточайшего режима, взявшего под свой контроль все сферы общественной жизни, оккупацией всех более или менее крупных центров области воинским контингентом Туркфронта, применением системы устрашения и террора мирных жителей большевикам удалось в 1924 г. сбить накал повстанческого движения. Не последнюю роль в этом сыграла моральная и физическая усталость населения и борцов сопротивления, вынесших на своих плечах семилетнюю кровопролитную борьбу с превосходящими боевыми силами большевистского режима, непосильное бремя экономических невзгод, голод и разруху. Учитывая это, многие курбаши со своими соратниками сознательно прекратили борьбу.

Однако повстанческое движение в Ферганской долине не затухло полностью. Оно продолжалось еще долгие десять лет. Под знамена борьбы за независимость и свободу Родины вставали сотни и тысячи новых патриотов.

2. ТАКТИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ В НАЧАЛЕ 20-Х ГОДОВ

Советская власть воспринималась большинством населения республики как чуждая, привнесенная с помощью красноармейских штыков. Создаваемые большевиками советы и их исполкомы не пользовались авторитетом у доминирующей части коренных туркестанцев. Всеми доступными средствами они противились закладке советских структур, не участвовали по мере возможности в выборах в советские органы. В результате отличительным моментом советского строительства рассматриваемого периода являлось то, что на низовом уровне оно имело место главным образом в городах, поселках с промышленными предприятиями, на узловых железнодорожных станциях, населенных преимущественно рабочими-европейцами.

Важнейшим импульсом, определявшим недовольство широких масс коренного населения края советской властью, неизменно выступал национальный вопрос. Он воспринимался в разных слоях туркестанского общества неоднозначно. Обозначилась обширная гамма представлений о путях и методах национального самоопределения, уровне и качестве его выражения. Но консолидирующей основой выступало стремление к реальному обеспечению национальных прав, желание народа самому определять свою политическую волю.

Национальный фактор серьезно беспокоил и политическое руководство Центра. Пройдя через горнило «военного коммунизма», подпираемый массовыми крестьянскими восстаниями, освободительной борьбой недовольных политикой советской власти народов «национальных окраин», в том числе Туркестана, глава советского государства В. И. Ленин пришел к началу 20-х годов к выводу о целесообразности обновления тактических подходов в сфере национальных отношений, необходимости корректировки советской национальной политики. Диктовалось это отнюдь не заботой о подлинных нуждах и интересах коренного населения. В обстановке невиданного подъема национально-освободительного движения, охватившего все национальные регионы советской России, Ленин был озабочен в первую очередь сохранением целостности российского государства. В этих целях он решил обратить лозунг «самоопределения» из фактора дестабилизирующего в консолидирующий. Осуществить подобный маневр можно было, по мысли основателя советского государства, наполнив старую «буржуазную» оболочку принципа «национального самоопределения» классовым содержанием. Подобное смещение акцентов в сторону классовости, во-первых, отвечало логике марксизма и тем самым содействовало решению задач социалистического строительства, а во-вторых — позволяло объединить на стороне советской власти тех представителей нерусских народов, которые были недовольны «местными эксплуататорами». В этих условиях еще в январе 1918 г. Лениным был выдвинут лозунг о «самоопределении трудящихся», но он оказался неэффективным. На VIII съезде РКП(б), в марте 1919 г., архитектор Октября настоял на использовании лозунга «о праве наций на самоопределение», огово-

рив при этом, что данное право может быть распространено лишь на «эксплуатируемые массы».

В целях создания благоприятного имиджа большевистской власти В. И. Ленин, несмотря на противодействие ряда видных политических деятелей тех лет, настоял на необходимости более активного привлечения представителей «трудовой части» коренного населения в управленческие структуры, развертывания борьбы с великодержавным шовинизмом. Вместе с тем была подчеркнута важность организации решительного отпора проявлению «буржуазного национализма», под которым понималось стремление народов сохранить свою самобытность, политически претворить обещанное право на самоопределение. Иными словами, это право фактически декларировалось. Политика Центра по отношению к национальным регионам, в том числе Туркестану, по-прежнему была направлена на насильственное насаждение унитарных структур создаваемой коммунистической империи.

Одновременно, касаясь проблем национально-государственного строительства в среднеазиатском регионе, главу советского государства заботила «иная политическая цель». Известно, что большевистское руководство, опираясь на доктрину мировой пролетарской революции, придавало исключительно важное значение эскалации коммунизма в страны Востока. Особую роль в обеспечении этой стратегической задачи была призвана сыграть «советская Средняя Азия», в частности Туркестан. Так, выступая на XII съезде РКП(б), Сталин откровенно заявил, что «из всех советских республик — Туркестан представляет наиболее важную республику с точки зрения революционизирования Востока». Подобное положение обуславливалось, по мысли коммунистического вождя, тем, что «Туркестан представляет комбинацию наиболее связанных с Востоком национальностей», а главное, «по своему географическому положению он врезывается в самое сердце того Востока, который... накопил у себя наибольше пороху для борьбы с империализмом»[1].

Согласно стратегическим задумкам большевистской элиты, Туркестан как «передовой пост революционизирования Востока» должен был предстать в виде за-

---

[1] Сталин И. Соч. Т. 5. — М., 1947. С. 329.

манчивой витрины «выдающихся» достижений «советской модели» общественного развития. Не случайно сразу же после ликвидации «Оренбургской пробки» Ленин в своем обращении к коммунистам края указал на его особое место в восточной политике русской революции. Эту же мысль он неоднократно повторял летом и осенью 1921 г.[1].

Закрепление большевистской революции в регионе подкреплялось с помощью теоретического обоснования «объективных закономерностей» глубинных формационных изменений. Как и во всей марксистской доктрине, в их основе лежали утопические прожекты «скачка в коммунизм». Но применительно к народам «бывших колониальных окраин» дополнительно применялись специфические концептуальные подходы. Свое конкретное отражение они нашли в так называемой теории «некапиталистического пути развития».

В отношении Туркестана теория некапиталистического пути была частью программы подчинения всех сфер жизни ее народов единой воле революционной власти. В ее основе лежали представления о возможности формационного прыжка, примитивное восприятие истории, при этом решающим условием успеха выдвигалась помощь «победившего пролетариата России». Некапиталистический путь развития, накладываясь на марксистскую модель внерыночного социализма, вел к уничтожению национальной самобытности наций и народов, к утилизации их культуры, деградации экономики. Он оборачивался дорогой в тоталитарное общество. Вместе с тем он предполагал ускоренное развитие производительных сил, более широкое представительство местного населения в органах власти.

К началу 20-х годов сформулированные ранее идеи тактического обновления национальной политики советского государства нашли более объемное выражение. Отказавшись от политики «красногвардейских атак» на процессы общественных преобразований, большевистское руководство посчитало разумным взять на вооружение в национальной сфере тактику частичных компромиссов и уступок. Но в стратегии большевистской национальной программы изменений не произош-

---

[1] Ленин В. И. ПСС. Т. 39. – С. 304; Т. 53.– С. 104–106, 189–190.

ло. Центральная власть, как и прежде, придерживалась курса на построение коммунистической империи. Его обеспечению был подчинен весь комплекс предпринимаемых социально-экономических акций. Главу советского государства заботила только мысль о том, как присоединить и привязать национальные республики к РСФСР, чтобы эти меры не выглядели бы как их поглощение или аннексия новой Россией, хотя и советской. Поэтому Ленин отказался от логики лобовой атаки. «Не удалась лобовая атака, — писал он в октябре 1921 г., — перейдем в обход. Будем действовать осадой и сапой»[1].

Новый тактический курс нашел отчетливое выражение в решениях X съезда РКП(б) (март 1921 г.). Он предполагал дальнейшее расширение национального представительства в структурах власти и управления, создание более благоприятных условий для отправления религиозных культов и проявления национальной самобытности народов, развертывание борьбы с национальной дискриминацией. Центр внимания в национальной политике заметно переместился с Запада на Восток. X съезд выдвинул задачу ликвидации «вековой экономической и культурной отсталости угнетенных при царизме народов» и достижения ими с помощью «более развитых» народов фактического равенства, полного «преодоления колонизаторских пережитков».

Однако все предпринимаемые меры осуществлялись в русле марксистской догматики, в рамках схоластических схем коммунистического обеспечения территориального единства советского государства. Большевистская элита сосредоточила в начале 20-х годов основные усилия на отформовке стальных скреп, намертво сцепляющих советскую коммунистическую империю, жестко сдерживающих сепаратистские стремления «национальных окраин». Настойчиво проводился курс на упрочение унитарного каркаса советского государства, обеспечение устойчивой централизации управления экономикой, культурой, политической сферой.

В контексте обеспечения этой стратегической задачи модернизировалась идеология советского варианта «национального самоопределения». В частности, в теоретическом плане провозглашенный ранее лозунг —

---

[1] Ленин В. И. ПСС. Т. 33. — С. 47.

«право на отделение»— все более зримо заменялся «правом на объединение». Приоритетной посылкой в обновленной социалистической концепции «самоопределения» стала не идея национальной свободы, а идея равенства. Казалось, что только она способна коренным образом разрешить весь комплекс сложных национальных проблем.

Безусловно, сама по себе идея равенства народов, отрицание любой дискриминации по национальному, религиозному или расовому признаку обладает весомым гуманистическим содержанием. Ее претворение даже на деформационной классовой основе оказало определенное позитивное влияние на развитие народов бывших «национальных окраин», в том числе Узбекистана.

Положительной стороной политики «равенства», по обоснованной оценке английского историка Э. Карра, «явилось оказание помощи» экономически более «отсталым народам», направленной на то, «чтобы дать им возможность догнать народы более развитые»[1]. Она включала усиление внимания к ресурсному обеспечению программ экономического развития, подготовку национальных кадров специалистов, опережающие темпы промышленного строительства, создание индустриальных центров. Однако растущее сосредоточение власти и административного контроля в Центре неизбежно способствовало подчинению других народов русскому ядру, вокруг которого они были собраны.

К тому же великодержавно-коммунистический аппарат Центра активно сопротивлялся укреплению здоровых начал в предложенной на X съезде РКП(б) обновленной программе национального строительства. Блокировка движения к «самостоятельности» даже в советском варианте стала особенно наглядно проявляться в момент, когда Ленин в силу болезни фактически отошел от политического руководства. Сталин, встав у руля партии, повел решительное наступление против «национал-уклонистов», мечтавших хоть както расширить пространство национального суверенитета. Ему удалось, пользуясь физической немощью вождя, опираясь на огромный массив имперски мыслящих лидеров партии, нейтрализовать ленинский план

[1] К а р р Э. История советской России. Кн. 1. Большевистская революция 1917—1923 гг. Т. 1—2. — М., 1990. С. 289.

«федерализации», представлявший объединение всех республик в форме Федеративного Союза. Ленинский план, при всей его внутренней нацеленности на создание советского унитарного государства, хотя бы отчасти сохранял возможность установления национально-государственного равноправия и проявления отдельных фрагментов суверенитета. Сталин же отстаивал жесткую модель государственного унитаризма, при которой республики в лучшем случаи могли бы обладать правом областной автономии.

В декабре 1922 г. был подписан союзный договор, который затянул страну тугой петлей «автономизации», выступавшей под псевдонимом СССР. Восторжествовал великодержавный план всероссийского «государственного Союза», т. е. стратегия создания мощного унитарного государства, а не содружества суверенных независимых государств, о чем мечтали национальные руководители республики.

Связанная с образованием СССР повсеместная централизация, накладываясь на идеи национального поравнения и пролетарского интернационализма, ускорила всеобщую унификацию, подгонку национальных культур под русские «опролетаризованные» стандарты, вызвала существенные перекосы в национальной экономике.

Заметную идеологическую направленность несли меры по решению задач обеспечения фактического равенства народов. Они исключали равноправное участие в историческом творчестве так называемой «буржуазной интеллигенции», оппозиционных советскому режиму социальных сил и политических течений и были нацелены преимущественно на бедняцкие и пролетарские массы. Но даже по отношению к последним политика равенства представлялась глубоко деформационной. Так, в решениях X съезда РКП(б) подчеркивалось, что важным элементом преодоления экономической отсталости является обеспечение ускоренного перехода бедноты «национальных окраин» от отсталых экономических форм к более высоким. На практике это означало переход от кочевого образа жизни к земледелию, от цехового ремесла, работающего на вольный рынок, к артельной работе на советское государство, от кустарно-артельного производства к фабрично-заводскому, от мелкого земледелия к плановой общественной обработке земли.

При этом политическое руководство, как правило, не учитывало интересы коренного населения, насильственно ломало его устоявшийся жизненный уклад, самобытные формы национального самовыражения[1].

Противоречивый характер носила связанная с идеей «фактического равенства» политика опережающего индустриального развития «национальных окраин». Ее реализация внешне как будто бы отвечала объективно назревшей потребности активного наращивания современного промышленного потенциала в регионах проживания «колониальных народов», входивших длительное время в состав Российской империи и безжалостно угнетаемых царским самодержавием.

Действительно, до рассматриваемого исторического этапа в ходе развития российской индустрии наиболее передовые формы промышленного производства сосредотачивались преимущественно в нескольких центрах европейской части России, а отдаленные окраины открыто использовались в качестве источников, снабжающих страну сырьем и продовольствием. После установления советского строя большевистское руководство, намереваясь превратить советское государство в опорную базу мировой революции, было заинтересовано в том, чтобы внедрить высшие формы индустриального производства на всех территориях, находившихся под его контролем. Говоря другими словами, сформировать мощный народнохозяйственный комплекс, содействующий, с одной стороны, интенсификации экономической интеграции и социально-политического единства всего многонационального состава «советского народа», а с другой — способный стать материальной основой превращения советской страны в могучую «военную крепость», долженствующую не только отразить классовые атаки «мирового капитала», но и повести против него на «последний и решительный бой» все «угнетаемые международным империализмом подневольные народы».

Наряду с желанием резко повысить эффективность промышленного производства «страны Советов» присутствовали и иные побудительные причины.

Как известно, в течение первых «октябрьских» лет большевистские руководители были твердо убеждены

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. Изд. 8-е. — М., 1970. С. 253.

з том, что оплот советской власти — это промышленный рабочий, крестьянство же в силу своей «мелкобуржуазной природы» склонно «к потенциально контрреволюционным настроениям». Вот почему охват промышленным строительством как можно большего количества отдаленных территорий, в том числе Туркестана, стал делом высокой «политической целесообразности». В частности, в документах X съезда особо указывалось на необходимость планомерного насаждения промышленности на «окраинах» путем переноса фабрик к источникам сырья. Касаясь Туркестана, речь шла о создании текстильной, кожевенной и другой промышленности, связанной с переработкой местного сельскохозяйственного сырья.

Таким образом, содействуя «экономическому равенству наций», заключавшемуся в более или менее равном распределении между ними расширенного промышленного производства, большевистское руководство было озабочено в первую очередь укреплением социально-экономических и политических опор социалистического строя. Не менее важно и то, что политика благоприятствования индустриальному «подъему» отдаленных, преимущественно сельскохозяйственных окраин за счет старых индустриальных центров, чья роль в новом промышленном развитии относительно уменьшалась, позволяла коммунистическому руководству утверждать, что советская национальная политика качественно отличается от любой политики, проводимой капиталистическими странами, и что она одна имеет целью не просто формальное признание равенства, но и создание экономических условий, которые делают это равенство возможным и реальным. Но при этом умалчивалось, что при высоких темпах промышленного строительства на «национальных окраинах», в том числе в Узбекистане, в принципе колониальная схема размещения производительных сил оставалась неизменной.

Классово-идеологическая направленность «обновленной» национальной политики, концептуальная противоречивость большевистской стратегии национально-государственного строительства, повсеместное стремление московской политической элиты к закреплению советского унитаризма находили адекватное отражение в общественно-политической жизни Туркестана первой половины 20-х годов. Как и на всем про-

странстве советского государства, центральное коммунистическое руководство, несмотря на массовое «неприятие большевистской социальной революции» коренным населением края, активно проводило здесь курс на упрочение позиций нового общественного строя, углубление процессов «социалистической централизации», жесткой привязки Туркестанской республики к коммунистической империи.

Главными инструментами насаждения советского унитаризма и институтов новой власти, как и прежде, выступали коммунистическая партия, классовые общественные организации, Красная армия, советские государственные органы. Они настойчиво отстаивали линию Центра.

Ущемление национального достоинства и суверенитета народов Туркестана, накладываясь на сложности и противоречия нэповского реформирования, вызывали недовольство местного населения. Однако большевистское руководство жестко осуществляло политику тотальной централизации и всеохватного классово-идеологического контроля, изменяя лишь внешние формы ее проявления. Так, в целях наблюдения за обеспечением быстрого и «целесообразного» исполнения декретов и постановлений советской власти во всех областях государственного управления в 1921 г. был образован народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции ТАССР, являвшийся структурным подразделением НК РКИ РСФСР. Перед ним была поставлена задача широко привлекать «рабоче-крестьянские массы» к делу «социалистического госконтроля»: к середине 1921 г. в Туркреспублике действовало уже 170 ячеек содействия НК РКИ, в состав которых вошло 658 «идейно выдержанных» рабочих и дехкан[1].

В 1921 г. вслед за X съездом РКП(б), провозгласившим «новый курс» в национальной политике, был восстановлен наркомат по делам национальностей ТАССР. Его возглавил видный советский работник С. Диманштейн. Однако вскоре Наркомнац был упразднен. Одновременно оказался упраздненным наркомат путей сообщения Туркестанской АССР, а его функции перешли к уполномоченному наркомата путей сообщения СССР, который входил в состав правительства Турке-

[1] Отчет о деятельности ТЭС за февраль-октябрь месяцы 1921 г. — Т., 1922. С. 247.

станской республики[1]. С образованием в 1922 г. Государственного политического управления РСФСР было учреждено полномочное представительство ГПУ в Туркестане. Полномочный представитель ГПУ в Туркреспублике был также введен в состав краевого правительства. В 1920—1922 гг. полномочным представителем ВЧК в Туркестане являлся известный советский чекист, подлинный мастер «заплечных дел» Я. Х. Петерс[2].

В контексте политических структур в апреле — начале мая 1922 г. Туркбюро ЦК РКП(б) преобразуется в Средазбюро ЦК РКП(б), в зону контроля которого вошел весь среднеазиатский регион.

В марте 1923 г. образовалось Среднеазиатское экономическое совещание — СредазЭКОСО, призванное направлять в соответствии с установками Центра процессы экономического развития среднеазиатских республик. После чего Туркомиссия была ликвидирована.

Центральная власть настойчиво пресекала любые формы инакомыслия. Большевистское руководство амбициозно полагало, что оно лучше знает, по каким образцам строить новую жизнь. Подобный подход обусловил дальнейшее извращение национальной политики, грубые ошибки и перекосы в практике национально-государственного, экономического и социокультурного строительства.

3. ТОТАЛЬНАЯ СОВЕТИЗАЦИЯ ТУРКЕСТАНА

Противоречия и моноидеологическая направленность курса национальной политики, провозглашенной на X съезде РКП(б), обусловили противоречивость национально-государственного строительства в Туркестанской республике.

Ситуация в сфере национальных отношений усугублялась идеологической реакцией большевистской правящей элиты на введение курса перехода к новой экономической политике. Она предусматривала известное оживление товарно-денежных механизмов, использование частного капитала в решении задач восстановления народного хозяйства. Такое «оживление ка-

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1025, л. 94.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 286, лл. 11-12.

питализма» в период нэпа воспринималось политическим руководством в качестве питательной почвы для «буржуазного национализма» и «частно-капиталистических элементов». Поэтому X съезд РКП(б), провозгласивший переход к нэпу, призвал коммунистов страны, во-первых, к усилению борьбы против национальных «уклонистов», а во-вторых, к активизации политики классового расслоения. Причем под этим понималось отнюдь не экономическое расслоение, объективно порождаемое рыночной экономикой. В данном случае партия имела в виду «пробуждение у трудящихся масс» конфронтационного «классового самосознания», их дифференциацию от «эксплуататорских элементов».

Политика классового расслоения, смыкаясь с продолжавшейся идеологизацией практики национального строительства, определила очевидную противоречивость преобразовательных процессов в национальной сфере Туркреспублики первой половины 20-х годов.

В значительной мере она обуславливалась сохранением сильных позиций имперски мыслящих руководящих работников московской политической элиты в высших эшелонах власти, которые активно противились реальной либерализации официальной национальной политики. Правительство же Туркестанской республики в силу унитарного характера советского государства не обладало должными суверенными полномочиями.

Ситуация стала относительно меняться после XII съезда РКП(б), состоявшегося в апреле 1923 года, на котором национальный вопрос был рассмотрен в ряду приоритетных. В резолюциях съезда, наряду с традиционным призывом к усилению борьбы против «буржуазного национализма», обоснованно подчеркивалась необходимость осуществления масштабных практических мер по «преодолению фактического неравенства ранее угнетенных народов» и решительной ликвидации «пережитков великодержавного шовинизма».

К резолюции XII съезда партии по национальному вопросу тесно примыкали решения IV совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, состоявшегося в июне 1923 г. Это совещание разработало программу практических действий по реализации указаний резолюции XII съезда.

28—29 июля 1923 г. был созван пленум ЦК КПТ. Он принял постановление «О мероприятиях по проведению в жизнь решений XII съезда РКП(б) и IV совещания по национальному вопросу», в котором предусматривалась чистка советского и партийного аппарата от великодержавных шовинистов и «местных националистов», усиление подготовки партийных, советских и хозяйственных кадров из представителей «местных трудящихся»[1].

Несомненно, позитивное значение имело восстановление по постановлению ТуркЦИК от 21 сентября 1921 г. Туркестанского комиссариата по национальным делам. В последующий период, вплоть до своей очередной ликвидации, Наркомнац сделал немало полезного в отражении интересов коренного населения края. Так, он активно содействовал реальному расширению сферы применения языков коренных народов среднеазиатского региона. В тезисах Наркомнаца к съезду 16 июня 1922 г. предлагалось срочно обязать все учреждения по областям, обслуживающие нужды местного населения, переводить для него на язык местного национального большинства циркуляры, постановления, приказы и распоряжения центральных органов Туркреспублики[2]. Одним из направлений деятельности Туркнаркомнаца, заслуживающим положительной оценки, явился проводимый им анализ национального состава различных ведущих государственных учреждений. Так, в информационной сводке от 1 июня 1922 г., касающейся соотношения коренных и некоренных работников в краевом комиссариате продовольствия, имевшем важное значение в жизни Туркестана, отмечалось, что на 150 работников интеллектуального труда из коренных национальностей имеется лишь 4 человека[3]. По той же информационной сводке получалось, что в Комиссариате здравоохранения и Госиздате из 99 работников не имеется ни одного представителя коренного населения[4]. Подобные сведения, сообщаемые в директивные органы Туркестанской АССР, позволяли предупреждать перекосы в проведении национальной политики.

---

[1] Туркестанская правда, 1923, 1 августа.
[2] ЦГА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 42, л. 126.
[3] Там же, д. 147, л. 30.
[4] Там же, д. 143, л. 30.

Существенное значение для подготовки высококвалифицированных кадров имело создание инициативной группой при содействии Узбекского отдела Туркнаркомнаца общества «Кумак» по отправке учащихся местных национальностей за границу для завершения образования[1].

В работе Наркомнаца были и такие специфические направления, как реформа арабского алфавита и изучение религиозных течений ислама.

В последующем, с образованием Союза ССР, необходимость в существовании Туркнаркомнаца, по мнению большевистского руководства, отпала. 2-я сессия ВЦИК 10-го созыва, послушная воле политической элиты Центра, приняла 7 июля 1923 г. решение о ликвидации Наркомнаца. К маю 1924 г. он был ликвидирован[2].

Обновление тактических подходов к решению национального вопроса определило частичную эволюцию официальной религиозной политики. Так, X съезд Советов Туркреспублики в резолюции о вакфах разделил их на две категории: религиозного характера, принадлежавшие мечетям, мазарам, и культурно-просветительного — медресе, мактабы и др. Съезд решил отказаться от изъятия в общегосударственный фонд вакфного земельного имущества религиозного характера. Вакфы культурно-просветительного значения было решено подвергнуть мерам социалистического землеустройства только в том случае, если этого потребует «трудовое население». При отсутствии такого требования вакфы подобного рода переходили в подчинение Наркомпроса ТАССР[3].

Таким образом, в ведение государственных учреждений, согласно решениям съезда, поступала только часть вакфного имущества и земель. Но в реальной жизни национализированное ранее вакфное имущество вплоть до начала 1923 г. не было возвращено его владельцам. Такая явная противоречивость продекларированных политических решений и их практического исполнения вызывала недовольство духовенства и верующих.

---

[1] ЦГА РУз, ф. 36, оп. 1, д. 143, л. 32.

[2] См.: Абраров С. А. Межнациональные отношения в Узбекистане: 1917 — июнь 1941 гг. — Т., 1995. С. 57.

[3] ЦГА РУз, ф. 34, оп. 1, д. 2177, л. 2.

Учитывая растущее сопротивление местного населения проводимой религиозной политике и исходя из логики обновления тактики социалистического строительства, ЦК РКП(б) в своем постановлении от 18 мая 1922 г. «О туркестано-бухарских делах» предложил возвратить вакфные земли их бывшим владельцам[1]. Это постановление внешне восстановило право духовенства на вакфное имущество. Оно внесло также ряд изменений в политику партии по отношению к исламу и экономической основе мусульманских религиозных учреждений в сторону относительного идеологического смягчения.

В Туркестане возвращение вакфных земель и имущества прежним владельцам было оформлено в законодательном порядке в декабре 1922 — марте 1923 г. декретом ЦИК Советов Туркреспублики «Об управлении вакуфном имуществом» и положением о порядке и способе проведения этого декрета в жизнь. В указанных документах объявлялось, что все имущество вакфов, в том числе и земли, принадлежавшие «до революции различным религиозным учреждениям», вновь передается в их пользование. Учреждение новых вакфов религиозного назначения было запрещено[2].

Однако проводимые меры по возвращению вакфного имущества его законным владельцам сохранили идеологическую направленность. Советское руководство отнюдь не желало «отступать» перед мусульманским духовенством. В целях обеспечения государственного надзора решением правительства распоряжение вакфами было поручено осуществлять Главному вакфному управлению и вакфным отделам при народном комиссариате просвещения. При этом Наркомпрос руководил деятельностью вакфного управления не только по финансовой и хозяйственной линиям, а главным образом идеологически. В соответствии с этим с 1923 г. началась активная подготовка реформы старометодных школ и медресе в направлении их ускоренной советизации. Одновременно по решению коллегии Наркомзема ТАССР от 2 июня 1924 г. стала блокироваться практика возвращения вакфов и были пред-

---

[1] История коммунистических организаций Средней Азии. — Т., 1967. С. 687.

[2] ГАРФ, ф. 2281, оп. 9, д. 1315, лл. 144—145.

приняты меры по передаче вакфов в «руки трудового дехканства» и их очередной национализации[1].

Столь же неоднозначно осуществлялись меры по реализации такой важной акции, как легализация местного казийского и бийского суда. Наряду с относительной либерализацией религиозно-вакфной политики она проводилась в русле кампании политических уступок, предпринятых советским руководством в начале 20-х годов с целью подрыва национально-освободительного повстанческого движения в Средней Азии и обеспечения прочного перелома в настроении широких народных масс в пользу советской власти. Официальное указание о легализации традиционного суда содержалось в упомянутом постановлении ЦК РКП(б) «О туркестано-бухарских делах»[2].

В соответствии с директивными установками Центра ТуркЦИК утвердил 6 мая 1922 г. обновленное положение о суде казиев. Согласно ему, в компетенцию суда казиев вошли вопросы: а) семейного порядка (брак, развод и т. п.); б) наследственного права (утверждение в правах наследства, споры по нему и раздел наследства); в) гражданские иски на сумму не свыше 500 руб. (основания исков безразличны), за исключением земельных дел; г) оскорбление личности и проступки против доброй нравственности и общественного спокойствия; д) сделки о земле, переуступка прав пользования в количестве, не превышающем 15 танапов[3].

Казии должны были избираться самим населением. Для кочевого населения Ферганской области при наличии его желания мог быть утвержден суд биев, рассматривавший дела по адату[4].

В мае 1922 г. в Ферганской области насчитывалось до 180 судов казиев и биев[5].

15 июля 1922 г. на заседании Исполнительного бюро ЦК КПТ рассматривалось положение о судах казиев и биев, которое было решено утвердить. Вместе с тем была оставлена лазейка для последующей советизации судопроизводства. В частности, указывалось, что за населением кишлаков и аулов остается право отка-

---

[1] ГАРФ, ф. 2281, оп. 9, д. 1315, лл. 154—156.
[2] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 1, д. 6, лл. 2—3.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 20.
[4] Там же, ф. 25, оп. 1, д. 117.
[5] Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 20.

заться от судов казиев и биев и потребовать установления советского суда[1]. Понятно, что реализация такого «права» могла быть инспирирована советско-партийными органами, что и наблюдалось в действительности.

ТуркЦИК 25 июня 1922 г. специальным постановлением ввел в действие одобренное ЦК КПТ «Положение о мусульманских народных судах», определявшее порядок избрания казиев и биев и их функции[2].

23 декабря 1922 г. в отмену всех ранее изданных постановлений о судах казиев ТуркЦИК и СНК края постановили ввести в действие новое положение, которое объявляло, что в Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областях для коренного оседлого населения параллельно с единым народным судом допускаются «по желанию большинства населения» местные суды казиев[3]. В других областях «по желанию населения» суды казиев и биев были ликвидированы. Такой избирательный подход властных структур был не случаен. Традиционные суды разрешались только в местностях, охваченных повстанческим движением, где позиции советской власти были слабы. Там же, где упрочился советский строй, властные органы, якобы выражая волю народа, ускоренными методами сворачивали альтернативные судебные учреждения. И подобная практика принимала все более масштабный характер по мере расширения зоны советского влияния.

Курс на ограничение деятельности судов казиев и биев привел к тому, что к 1924 г. их сеть оказалась практически свернута. К этому времени все уголовные дела были изъяты из ведения суда казиев. Сами казийские судьи были сняты с государственного снабжения и переданы на содержание избирателей, желавших иметь эти суды. Однако практическая реализация данного права всемерно блокировалась[4].

Энергичные усилия были предприняты в 1921—1924 гг. по укреплению политической системы советского строя в Туркестане. При этом в контексте обеспечения стратегического курса на закрепление социалистичес-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 1, д. 25, л. 18.
[2] Там же, д. 36, л. 197.
[3] Там же, лл. 198—199.
[4] Расулев А. Х. Создание и развитие советского суда в Узбекистане. — Т., 1957. С. 98.

ких начал центральная власть приоритетное внимание уделяла усилению роли партии как стержневой властной структуры советского общества. Перед туркестанскими большевиками в этой связи была поставлена конкретная цель: укрепить свои ряды, создать монолитную партийную организацию, поскольку, по мнению правящей элиты Центра, именно от состава парторганизации зависели в конечном счете ее «идейное и организационное единство», способность быть авангардной политической силой, «созидающей социализм»[1].

В соответствии с этими установками с переходом к нэпу в Туркестане была развернута масштабная работа по «очищению» КПТ от «чуждых элементов» и отформовке «монолитной партийной организации». Приоритетное значение при этом придавалось созданию мощного партийного актива, в том числе из представителей местных национальностей, способного целенаправленно проводить в жизнь линию ЦК ВКП(б). В этих целях большевистское руководство стало систематически направлять в край из центральных районов страны представительные группы партийных работников. К примеру, только за 10 месяцев 1921 г. в распоряжение Туркбюро ЦК РКП(б) прибыло 562 коммуниста, из них — 70 членов партии с «дореволюционным стажем»[2]. Около половины прибывших были членами московской и петроградской парторганизаций.

Одновременно принимались активные меры по «выращиванию» национальных партийных кадров. В частности, в начале 20-х годов, помимо указанных выше партийно-государственных работников из числа представителей местных национальностей, в состав партийного актива вошли Т. Абдурахманов, С. Асфендияров, Ю. Ахунбабаев, С. Амиров, Н. Айтаков, А. Бабаджанов, Д. Барибаев, Ю. Бабаев, У. Джандосов, А. Джиенкулов, С. Касымходжаев, М. Мирходиев, А. Мавлянбеков, С. Ескараев, Х. Сахатмурадов, Д. Устабаев, Б. Усманходжаев, Ш. Халмухамедов, М. Юлдашев, А. Ярмухамедов и др.

Исходя из указаний ЦК РКП(б) о том, что «от состава наших партийных организаций зависит дело налаживания хозяйства, зависит все»[3], ЦК КПТ по-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 484, лл. 28—29; д. 174, лл. 40—50.
[2] Там же, ф. 61, оп. 1, д. 29, лл. 1—2.
[3] Справочник партийного работника. Вып. II. — М., 1922. С. 77.

всеместно отправлял преданных партийных работников в самые отдаленные и «глухие» районы республики. Только в период с 3 февраля по 31 июля 1921 г. в обкомы и горкомы компартии Туркестана, в советские, профсоюзные и другие организации было направлено около 500 чел.[1].

Энергичные меры были предприняты по интенсификации партийной работы. Так, развернули свою деятельность созданные по решению V (сентябрь 1920 г.) съезда КПТ в обкомах и в ЦК КП Туркестана новые отделы — организационно-инструкторские, агитационно-пропагандистские, по работе среди женщин. Значительно больше внимания партийные комитеты стали уделять деревенским, аульным и кишлачным ячейкам. Был создан институт разъездных инструкторов, в задачу которых входило инструктирование и «помощь» местным партийным организациям в областях, создание новых коммунистических ячеек в волостях, селах и кишлаках.

Стремясь расширить зону идеологического влияния среди местного населения, партийное руководство особое значение придавало «коренизации» агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы, предусматривающей ее проведение на языке основных народов Средней Азии. В соответствии с этим начали регулярно выходить газеты «Кизил байрок» (на узбекском языке), «Ак-жол», «Тльчи» (на казахском), «Туркменистан» (на туркменском). В декабре 1920 г. вышел первый номер журнала «Коммунист» — органа ЦК КПТ и Туркбюро ЦК РКП(б). В передовой статье редакция подчеркивала, что одной из главных задач журнала является «поднятие коммунистического сознания масс, укрепление партии»[2]. Для подготовки соответствующих партийных и советских работников из числа представителей местных национальностей в начале 1921 г. был образован Среднеазиатский коммунистический университет; во всех областях республики были созданы областные советско-партийные школы.

Активные формы приобрела кампания «очищения» партийных рядов. Она проводилась под прикрытием их перерегистрации. Такие кампании стали проводиться

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 61, оп. 1, д. 29, лл. 1—5.
[2] Коммунист, 1920, № 1. — С. 1.

уже с конца 1920 г. В целом к ее началу КПТ насчитывала 57810 членов и кандидатов, объединенных в шести областных партийных организациях — Сырдарьинской, Семиреченской, Самаркандской, Ферганской, Закаспийской и Амударьинской. В процессе перерегистрации оказалось исключено или выбыло по другим причинам 24093 чел., или 42% всего состава КПТ. После перерегистрации, закончившейся к VI (август 1921 г.) съезду КПТ, в рядах республиканской парторганизации оставалось 27330 членов и 6387 кандидатов[1].

Масштабная чистка продолжалась и в последующие годы. Она была направлена в первую очередь на исключение так называемых «национал-уклонистов», классово «сомнительных элементов». Так, к VIII съезду КПТ (4—9 мая 1924 г.) в составе республиканской партийной организации осталось 26349 членов и кандидатов, к 1 сентября 1924 г. — 24166 коммунистов[2]. При этом активно проводилась политика «пролетаризации» партии.

Только в 1924 г. по так называемому «ленинскому призыву» в ряды КПТ было принято 5269 рабочих и 2313 батраков. На 1 сентября 1924 г. в составе партийной организации Туркестана находилось 8218 рабочих, 10918 дехкан (бедняков и частично середняков), 4559 батраков и служащих[3].

Заметные перемены обозначались и в национальном составе республиканской партийной организации. Исходя из стратегии масштабного привлечения к делу «социалистического строительства трудящихся местных национальностей», партийное руководство настойчиво добивалось увеличения их представительства в рядах КПТ. В результате на 1 сентября 1924 г. из 24166 коммунистов 5843 являлись узбеками, 5436 казахами, 49 киргизами, 1111 туркменами, 835 таджиками, 35 каракалпаками, 598 татарами, 315 уйгурами и 9153 русскими и прочими европейскими национальностями[4].

Наряду с укреплением политических позиций ком-

---

[1] Отчет ЦК КПТ. С 6-го съезда по 7-й съезд коммунистической партии Туркестана. — Т., 1923. С. 58.

[2] Компартия Туркестана и Узбекистана в цифрах. Сб. статматериалов, 1918—1967 гг. — Т., 1968. С. 32, 133, 209, 263.

[3] Там же. — С. 92, 98.

[4] Там же. — С. 92.

партии проводилась интенсивная работа по упрочению советского государственного строя, в том числе восстановлению исполкомов советов. Уже на IX съезде советов Туркестана в сентябре 1920 г. был поставлен вопрос о переходе от системы революционных комитетов, пользующихся диктаторскими правами, к системе исполкомов советов.

Подавалась данная акция под лозунгом расширения демократических начал в общественно-политической жизни края, восстановления народовластия. Однако, как сегодня видится, такое утверждение носило в большей степени пропагандистско-идеологический характер, было нацелено на создание у широких народных масс иллюзии участия в управлении обществом и государством.

В подтверждение сказанного следует, во-первых, отметить тот факт, что переход от системы ревкомов к системе исполкомов советов осуществлялся не сразу. В некоторых местах ревкомы просуществовали до 1923—1924 гг. По данным на 1 марта 1921 г. в Туркестане действовало 6 облисполкомов, 33 уездных исполкома и 431 волостной исполком. Ревкомы сохранились в 44 волостях, в том числе 9 — в Самаркандской, 2 — в Туркменской, 32 — в Ферганской и 1 — в Сырдарьинской области[1]. Из приведенных данных видно, что больше всего ревкомов сохранилось в Ферганской области, охваченной мощным национально-освободительным движением. Памирский ревком функционировал и в 1924 г.[2].

Во-вторых, в силу сохранения классового подхода многочисленные слои туркестанского общества по-прежнему были лишены избирательных прав.

В-третьих, советы уже в начале 20-х годов только формально представляли органы «народовластия». Укрепив свои политические позиции, компартия фактически монополизировала функции государственного управления. На всем пространстве советского государства, не исключая ТАССР, протекали процессы интенсивного устранения различий между законодательной и исполнительной, партийной и советской властью. Формируясь как надгосударственная структура,

---

[1] Отчет о деятельности ТуркЭКОСО за февраль-октябрь 1921 г. — Т., 1922. С. 238.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 2, д. 116, л. 1.

партия все больше подминала под себя советы, превращая их в декоративный нарост «социалистической демократии», послушный инструмент проведения в жизнь «генеральной партийной линии». Не случайно перед каждым съездом советов проходили съезды компартии Туркестана, на которых принимались решения по важнейшим направлениям общественного развития, обязательные для советских органов.

Вместе с тем партийное руководство, исходя из политических интересов, не стремилось афишировать процессы тотальной партократизации. Напротив, в кампании восстановления деятельности советов оно видело важный инструмент советизации края, особенно аулов и кишлаков, где позиции советской власти были непрочны, а пробуждение «политической активности трудящихся масс» коренных национальностей, воспринимавших эту власть в своей доминирующей части как чуждую и привнесенную на красноармейских штыках, протекало не в том русле, которого ожидала правящая элита.

Несмотря на широкомасштабную предвыборную кампанию 1921 г., предпринятые идеологические и организационные усилия, местное население, особенно аулов и кишлаков, открыто игнорировало выборы в советы. Официальная власть объясняла такой поворот «низкой политической зрелостью дехканских масс», малочисленностью и слабостью аульных партячеек, «острым недостатком агитаторов» и «контрреволюционной деятельностью антисоветских элементов». Но причины лежали гораздо глубже. Они крылись в неприятии широкими народными массами советской власти.

Чтобы повернуть избирательную кампанию на «должные» рельсы, во многих местах были проведены дополнительные выборы, в ходе которых административными средствами «нейтрализовались» «враждебные элементы». Так, секретные документы тех лет пестрят сообщениями об арестах или выселении представителей «феодально-байской верхушки» аулов и кишлаков, кампании запугивания бедняцких слоев. Тем не менее во многие местные советы были избраны депутаты, не отвечающие идейным критериям партийно-советской элиты. В официальных документах эта воля народа квалифицировалась как «классовая вылазка антисоветских элементов, сумевших в

силу политической незрелости дехканских масс пролезть в советы»[1].

Обеспокоенное партийное руководство страны и республики приняло в этот период ряд развернутых постановлений, направленных на то, чтобы любыми средствами обеспечить большинство мест в советах за беднотой, а главное — превратить их в действенный инструмент упрочения коммунистического режима на низовом уровне. Усиление внимания вопросам «пролетаризации» советов принесло ожидаемые результаты. Используя широкую палитру организационно-административных и политических средств, властные органы обеспечили заметное повышение уровня представительства рабочих и «трудового» дехканства в «советском строительстве». Так, на съездах советов в пяти областях Туркестана (данные по Сырдарьинской области отсутствуют) рабочие составляли 25,0, дехкане — 54,4% из общего количества делегатов. В составе делегатов уездных съездов советов дехкан было 69,4%[2]. Из 2340 человек, избранных в уездные советы по Туркестанской АССР, рабочих было 400, дехкан — 1625 и служащих — 323[3].

Одновременно в соответствии со стратегической установкой на облагораживание политического имиджа советской власти и завоевание авторитета среди широких слоев коренного населения последовательно проводилась линия на возрастание удельного веса «трудящихся местных национальностей» в советах и органах государственного управления. В частности, в составе избранных 138 членов облисполкомов Туркестана (за исключением Джетысуйской — Семиреченской области) узбеков было 40, киргизов и казахов — 25, туркмен — 17, русских — 26, таджиков — 9, каракалпаков — 7 человек[4].

XII (январь 1924 г.) съезд советов подвел итоги советского строительства за прошедшие годы. В его решениях особо подчеркивалось, что «к настоящему моменту работу по созданию стройного аппарата сверху донизу можно считать почти законченной»[5]. По дан-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 61, оп. 1, д. 61, лл. 24—25.
[2] ААП РУз. ф. 58, оп. 1, д. 7, л. 382.
[3] Турсунов Х. Т. Национальная политика коммунистической партии в Туркестане. — Т., 1971. С. 277.
[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1048, л. 12.
[5] Там же, д. 784-а, лл. 130—140.

ным съезда, в 1924 г. в республиканских советских организациях количество сотрудников из числа местных национальностей достигло 17, в областных — 45, в уездных — 90%[1].

Заметное возрастание числа представителей коренного населения в органах власти и государственного управления неизменно подавалось в советской исторической науке как яркое подтверждение впечатляющих успехов «ленинской национальной политики». Но при этом замалчивалось, что данное представительство не обеспечивало реального управления края местным населением. Все рычаги власти сосредотачивались в Центре.

В осуществлении политики упрочения советского государственного строя в Туркестане первой половины 20-х годов политическое руководство страны видное место отводило активизации деятельности массовых общественных организаций коммунистической направленности, созданию специализированных государственно-политических формирований, способных дифференцированно проводить «линию партии» среди отдельных социальных групп и слоев туркестанского общества.

Особенно заботила политическое руководство задача завоевания прочного авторитета советской власти в туркестанском кишлаке, перевода сельского населения, составляющего доминирующую часть жителей края, на рельсы социалистического развития. Эта задача чрезвычайно актуализировалась для властных структур к началу 20-х годов в связи с тем, что основная масса жителей села, не исключая так называемое «трудовое дехканство», несмотря на все заманчивые обещания, враждебно относилась к акциям социализации кишлака, принимала деятельное участие в повстанческом движении.

В обеспечении курса социалистического переустройства «среднеазиатской деревни», усилении классового расслоения сельских жителей края, достижении желательной направленности политической активности «трудового дехканства», властные органы придавали особое значение созданию классовых организаций «трудящихся дехкан и чабанов». V съезд КПТ (сентябрь 1920 г.) принял специальное постановление об

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 784-а, лл. 130—140.

организации союза «трудовых дехкан», который в земледельческих районах получил название союза «Кошчи», что в переводе на русский язык означает «пахарь» (в Казахстане они назывались «Жарлы» или «Кедей»).

Согласно уставу членами союза «Кошчи» могло быть только «трудовое» земледельческое население — безземельные и малоземельные дехкане, малоимущие скотоводы и сельскохозяйственные рабочие — батраки, мардикеры, урукчи без различия пола и национальности. Лица, живущие на «нетрудовые доходы», частные торговцы, служители религиозных культов в союз не допускались.

Благодаря покровительственной политике властей сеть специализированных дехканских организаций стремительно росла. Уже летом 1921 г. количество союзов составляло около 6 тыс. с числом членов 90 тыс. К середине 1923 г. в рядах «Кошчи» насчитывалось 261 256 членов, из которых безземельных и малоземельных числилось 166 704, батраков и мардикеров — 40 125, чайрикеров и маломощных середняков — 54 430[1].

Союз «Кошчи» рассматривался властями в качестве опорной базы советской власти в кишлаках и аулах, школы классового воспитания «трудового» дехканства. Он был призван оказывать поддержку властям при проведении земельной реформы, в работе по вовлечению дехкан в советы, коммунизированные кооперативные структуры, в социалистические агрохозяйства.

Исходя из классового понимания задач социально-политической деятельности «Кошчи», советско-партийное руководство принципиальное значение придавало налаживанию системы мер, призванных стать эффективными противовесами стихии проникновения в ряды союза «байско-эксплуататорских элементов» и обеспечить устойчивый идеологический контроль за всеми аспектами его практической деятельности. С этой целью по апробированной методике проводились кампании массовых «чисток», «перерегистрации», «укрепления» руководства «Кошчи» проверенными партийно-советскими работниками.

«Очистительная» работа приобрела особенно масштабный характер в 1922—1923 гг., когда союзы «Кош-

---

[1] Давлет-Юсупов М. Х. Союз «Кошчи» и его роль в укреплении советской власти в Туркестане (1919—1924 гг.). — Т., 1953. С. 28.

чи», укрепившись на местах, в ряде отдаленных сельских районов стали вмешиваться в работу органов власти, конкурировать с сельсоветами, нередко отодвигая их на задний план[1]. В результате «очистительной» кампании из 261256 членов краевых подразделений союза были исключены 76 тыс., что составляло 29,1% всего его состава[2]. Одновременно ЦК КПТ и ЦК союза «Кошчи» проводили широкую агитационную кампанию, вовлекая в него новых членов, «преданных советской власти».

Линия партии на достижение коммунистической боеспособности союза «Кошчи» способствовала все большему отрыву этой дехканской организации от подлинных нужд широких сельских масс, превращению ее в «стальной инструмент» тотальной социализации туркестанского кишлака.

Заметно усилилась в рассматриваемый период соответствующая идеологическая работа среди женщин, особенно коренных национальностей. Стремясь, в соответствии с марксистским пониманием, «политически пробудить туркестанскую женщину», властные органы использовали обширный комплекс идейно-организационных средств. Так, в 1921 г. в Ташкенте по инициативе партийного руководства был созван II краевой съезд женщин, определивший главные направления практической работы среди женщин Туркестана в новых общественно-политических реалиях.

Особенно активную деятельность по вовлечению женщин в «строительство новой жизни» развернули женотделы при партийных организациях и представляющие их женорганизаторы. Они проводили делегатские собрания, митинги; содействовали вовлечению женщин в работу в партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органов, их участию в культурно-просветительных мероприятиях советской власти.

К концу 1924 г. в новогородских районах Ташкента было 42 женорганизатора при партийных ячейках и 635 делегаток, в том числе 199 делегаток от домохозя-

---

[1] См.: Туркестанская правда, 1922, 22 ноября; А м и н о в а Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода советского государства к нэпу. — Т., 1965. С. 146—147.

[2] Д а в л е т - Ю с у п о в М. Х. Указ. соч. С. 30.

ек. За период с марта по декабрь 1924 г. по району было проведено 252 женских собрания[1].

Тем не менее даже в крупных городах охват женщин, особенно из числа коренного населения, советско-партийной воспитательной работой, вследствие ее неприятия широкими массами, был ограниченным. В сельской же местности эта работа носила преимущественно эпизодический характер и отличалась низкой эффективностью.

Пристальное внимание уделили властные органы в первой половине 20-х годов «коммунистической перековке» молодежи. Будучи одной из классово-общественных структур большевистского режима, комсомол в соответствии с общей стратегией социалистического строительства стремился глубже проникнуть в массы молодежи коренных национальностей, внедрив в их сознание идеи коммунизма.

С переходом к нэпу усилилось внимание к решению восстановительных задач, содействию комсомола в преодолении хозяйственной разрухи, продовольственного кризиса, подъеме экономики. По инициативе комсомольских организаций в 1921—1922 гг. систематически проводились «недели сева», «недели помощи дехканству». Комсомольцы участвовали в продналоговой кампании, разъясняли среди городской и сельской молодежи сущность нэповского курса[2].

Вместе с тем коммунистическая направленность деятельности комсомола сохранилась. Более того, с переходом к нэпу партийное руководство обязало комсомольские организации усилить идейно-воспитательную работу среди молодежи в связи с тем, что нэповские реформы содействовали оживлению «частнособственнических настроений».

III съезд краевого комсомола, проходивший с 27 августа по 5 сентября 1921 г.[3], взял эти установки партии на вооружение. В его резолюциях констатировалось, что нэп вызвал ряд тенденций, осложнявших дело социалистического строительства, и в этих условиях важно не просто вовлекать молодежь в ряды ком-

---

[1] Архив Ташкентского хокимията, ф. 500, оп. 1, д. 430, л. 13; д. 637, л. 217.

[2] Известия ТуркЦИК, 1921, 10 марта.

[3] Хамидходжаев А. Очерки истории комсомола Средней Азии. — Т., 1968. С. 99.

сомола, а «перевоспитывать юношей и девушек в духе коммунистического мировоззрения». Съезд признал необходимым усилить борьбу на экономическом фронте. В частности, бралось обязательство взять шефство над кооперацией, бороться за нее, чтобы «оставить кооперацию в честных коммунистических руках»[1].

Важной отличительной чертой взаимоотношений партии и комсомола начала 20-х годов явилось, с одной стороны, стремление партийных органов усилить политическое руководство комсомольскими организациями, а с другой — обеспечить КСМТ монопольное положение в молодежной среде. Эта политика была официально закреплена в совместном письме ЦК КПТ и ЦК КСМТ, направленном организациям Компартии Туркестана, КСМТ и всем фракциям исполкомов и профессиональным союзам[2].

В обеспечении тесного единства партии и комсомола приоритетное значение придавалось укреплению низовых комсомольских организаций, «сбережению чистоты их рядов» путем очищения от тех, «кто мешал комсомолу стать авангардом рабочей и дехканской молодежи, помощником коммунистической партий».

Чистки проводились большевистскими методами. В ходе «перерегистрации» весной 1921 г. численный состав большинства комсомольских организаций сократился на 40—45%[3]. Новый виток «очистительной работы» закружился после III съезда КСМТ. Чистка привела к заметному сокращению рядов республиканской комсомольской организации. Чтобы восстановить их, стали проводиться «двухнедельники» и «месячники» приема в комсомол. Как правило, они сопровождались погоней за количеством. В результате вновь поднялся вопрос о масштабной чистке.

В целях устранения «недостатков» в приеме новых членов и повышения «качества принимаемых» постановлением ноябрьского (1923 г.) пленума ЦК КСМТ был приостановлен прием учащейся и служащей молодежи. Руководствуясь логикой классово-конфронтационного мышления, пленум подчеркнул, что «рост комсомола должен идти в основном за счет молодежи,

---

[1] ААП РУз, ф. 146, оп. 1, д. 139, л. 10.
[2] Там же, ф. 60, оп. 1, д. 1390, л. 29.
[3] Там же, ф. 146, оп. 1, д. 236, л. 11.

работающей на фабриках и заводах, в совхозах и коммунах, батрацкой молодежи»[1].

Кроме перерегистрации и чисток комсомольские организации Туркестана «укреплялись» и путем политических проверок членов комсомола. Политпроверки проводились специальными проверочными комиссиями с участием представителей от партийных организаций. Их главный смысл сводился к выявлению «идейной зрелости» комсомольцев, поиску «примазавшихся, чуждых и неустойчивых элементов».

Заметным усилением конфронтационных подходов, вызванных реакцией радикализированных большевиков на реалии нэповского реформирования, отличались решения IV (сентябрь 1922 г.) и V (июнь 1924 г.) съездов КСМТ. Они нацеливали на всемерное повышение роли комсомола как «верного помощника партии» в тотальной коммунизации молодежи, в закреплении чуждых национальному менталитету норм и принципов советской власти.

В обеспечении курса советизации края политическое руководство советского государства особое место отводило профсоюзам. Надо сказать, что профсоюзы Туркестана к началу 20-х годов включали предельно малый процент лиц местных национальностей, были организационно слабыми, строились преимущественно по производственному принципу. Беспокойство властных органов вызывало и то обстоятельство, что они пополнялись в основном за счет ремесленников-кустарей и других «элементов, зараженных мелкобуржуазной идеологией», представляя таким образом, по восприятию коммунистических руководителей, удобную почву для действий оппозиционеров и «буржуазных националистов». Тревожила большевистские власти «недостаточная политическая направленность» туркестанских профсоюзов, отсутствие в них необходимого количества марксистски закаленных руководящих работников.

Серьезные споры шли в этот период о включении кустарей в профсоюзные организации. Часть партийно-советских и профсоюзных функционеров, исходя из малочисленности национальных кадров рабочего класса, полагала, что кустарей, если они «не эксплуатируют наемного труда», следует привлекать в проф-

[1] ААП РУз, ф. 146, оп. 1, д. 64, л. 8.

союзы и рассматривать в качестве «пролетарского базиса». Радикализированные же оппоненты утверждали, что массовый прием кустарей в профсоюзы грозит засорением их «мелкобуржуазными элементами» и ослаблением как классовых пролетарских организаций.

Эти споры совпали с профсоюзной дискуссией — частью общепартийной дискуссии, разгоревшейся в Центре в конце 1920 — начале 1921 г. Внешне речь, казалось бы, шла о простых вещах: методах партийного руководства профсоюзами в условиях перехода к мирному строительству. Однако для правящей большевистской верхушки вопрос о профсоюзах приобрел принципиальный политический смысл. Он заключался в отношении коммунистической партии к десяткам миллионов беспартийных, решении задачи подхода к беспартийной массе и установления с ней прочных связей, в руководстве ее деятельностью во всех сферах социально-экономической и культурной жизни.

В ходе профсоюзной дискуссии возник ряд так называемых «фракционных групп», отражавших взгляды представителей различных течений внутри партии о путях и методах социалистического строительства. Наиболее радикализированной из них была группа Л. Троцкого, предлагавшая сохранить приемы «военного коммунизма» в руководстве массами. Троцкий выдвинул лозунг «завинчивания гаек», «перетряхивания» руководящих кадров в профсоюзах, сохранения в них методов командования и милитаризации. Вместе с тем он считал целесообразным превратить профсоюзы в аппараты рабочего государства и осуществить постепенное сращивание профсоюзных органов с хозяйственными.

На несколько иных позициях стояла «рабочая оппозиция» (А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай, С. П. Медведев), предлагавшая передать управление народным хозяйством профсоюзам; «демократические централисты» (Н. Осинский, Т. В. Сапронов), выступавшие за необходимость расширения демократических прав профсоюзов, и «буферная группа» Н. И. Бухарина, занимавшая промежуточную позицию между платформами Троцкого и «рабочей оппозиции».

Ленин жестко обрушился на все оппозиционные группы, обвинив их во фракционности, анархо-синдикализме и антипартийности. Верный своим теоретическим постулатам о роли профсоюзов как инстру-

мента овладения партии широкими массами беспартийных, лидер российских коммунистов отстаивал тезис о профсоюзах как школе коммунизма, призванной в первую очередь решать задачу подъема производства и повышения производительности труда. Ленинская платформа нашла воплощение в постановлении IX съезда РКП(б) «По вопросу о профессиональных союзах и их организации». В ней профсоюзам отводилась узкая роль действенного помощника партии в тотальной коммунизации общества при полной утрате и без того относительной «рабочей демократии». Не случайно доминирующая часть ленинских оппонентов критиковала вождя по этому ключевому вопросу[1].

Ленин, используя свое влияние и политический авторитет, сумел склонить на свою сторону большинство членов ЦК РКП(б). Оппозиционеры, или по советской терминологии «антипартийные группировки», попытались найти поддержку среди широких масс и членов партии не только в центре России, но и в национальных республиках и областях.

17 января 1921 г. состоялось совместное заседание Туркбюро ЦК РКП(б) и ЦК КПТ, посвященное «профсоюзной дискуссии». Однако несмотря на давление посланцев Центра, обеспечить единство не удалось. Заметная часть членов ЦК республиканской партийной организации потребовала принятия особых тезисов ЦК КПТ о роли и задачах профсоюзов, обоснованно мотивируя это необходимостью учета местных условий. Затем последовало заседание ЦК компартии Туркестана 20 января 1921 г., где был утвержден проект тезисов ЦК КПТ «Об очередных задачах и методах работы профсоюзов», составленный оппозиционерами.

Однако ленинским представителям в Туркестане удалось отстоять «генеральную линию партии», нацеленную на последовательное огосударствление и «партизацию» профсоюзов, на отмирание их исконных социальных функций.

В соответствии с официальным восприятием профсоюзов как «школы коммунизма» 18 мая 1921 г. совместное заседание Туркбюро ЦК РКП(б) и Исполбюро ЦК КПТ приняло решение «Об организации про-

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. Ч. 1. — М., 1954. С. 420.

летариев из местного населения в профсоюзы», для чего членам Туркбюро совместно с членами ЦК КПТ было поручено разработать план мероприятий. Все коммунистические фракции профсоюзов обязывались вести повседневную работу с рабочими из коренного населения по организации их в профсоюзы, а партийные комитеты — выделять коммунистов из узбеков, туркмен и киргизов (казахов) для ведения работы среди неорганизованных в профсоюзы рабочих соответствующих национальностей[1].

11 июля 1921 г. объединенное заседание Туркбюро ЦК РКП(б) и ЦК КПТ обсудило вопрос о вовлечении в профсоюзы кустарей. Доклад сделал член Туркбюро Шахновский, который предложил вовлекать кустарей в профсоюзы. Это предложение встретило возражение со стороны некоторых членов Туркбюро, в частности Томского и Петерса. Они предлагали не принимать кустарей в профсоюзы, а перенести центр работы на организацию и вовлечение в активную жизнь профсоюзов местных наемных рабочих, независимо от величины предприятий и видов труда. Члены ЦК КПТ Асфендияров, Атабаев, Икрамов, Тюракулов и Юдовский одобрили предложение Шахновского. Они считали возможным принимать в профсоюзы всех кустарей, не эксплуатирующих чужого труда, независимо от того, работают они на государство или на вольный рынок. Ортодоксально настроенные члены Туркбюро полагали, что при слабости туркестанских профсоюзов и многочисленности «кустарей-собственников» перенесение главного внимания на работу среди многих производителей в ущерб работе профсоюзов с наемными работниками в условиях «свободного рынка» может привести к растворению наемных рабочих в среде «мелких собственников» и сделать профсоюзы «средством организационного давления мелких хозяйств на советские хозяйственные органы и политику коммунистической партии»[2].

Однако в конечном итоге восторжествовала линия на вовлечение кустарей в профсоюзы. VI съезд КПТ принял по данному вопросу специальную резолюцию. Съезд рекомендовал активно вовлекать в профсоюзы наемных рабочих кустарной промышленности. Одиночных же кустарей, «не эксплуатирующих чужого тру-

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1440, л. 2.
[2] Там же, д. 1048, л. 8.

да», предлагалось организовать «в кустарные секции при соответствующих профсоюзах». Сельскохозяйственные батраки (мардикеры) должны были вовлекаться во Всеработземлес[1].

Но в практическом плане сформулированные на VI съезде рекомендации слабо претворялись в жизнь, на что, в частности, было указано в документах VII съезда КПТ (март 1923 г.). Он в очередной раз объявил в качестве первоочередной задачу вовлечения в профсоюзные организации кустарей[2].

В живой практике определяющее внимание уделялось качественному и количественному росту уже действующей системы профсоюзов. Так, 12 июля 1921 г. была проведена II Всетуркестанская профсоюзная конференция. В целях усиления партийного влияния и укрепления централистских начал на ней по инициативе партийных органов было принято решение о повышении организующей роли Туркбюро ВЦСПС. В соответствии с этим конференция признала необходимым ликвидировать крайкомы отраслевых профсоюзов, ввести в крупных профсоюзных организациях бюро ЦК профсоюзов, а в остальных — уполномоченных ЦК профсоюзов[3]. Ударной объявлялась работа по количественному приросту участников профсоюзного движения. В этих целях систематически стали проводиться «Недели профсоюзов». В результате уже к октябрю 1921 г. в Туркестане насчитывалось 220 тыс. членов профсоюзов — половину из них составляли лица местных национальностей[4].

С введением нэпа контроль партийных органов за работой профсоюзов несколько ослаб, среди его членов возросла «непролетарская» прослойка. С целью преодоления этих «нежелательных» явлений VII съезд КПТ постановил: «Сохраняя за профсоюзами полную неприкосновенность облика классово-пролетарских организаций, необходимо в ближайший срок добиться... очищения их от непролетарских элементов. При этом важнейшей задачей партии является овладение низовыми профячейками, в особенности в индустриальных профсоюзах»[5].

---

[1] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... С. 168.
[2] Там же. С. 241.
[3] Вестник профсоюзного движения, 1921, 24 июля.
[4] ААП РУз, ф. 61, оп. 1, д. 1646, л. 7.
[5] КПТ в резолюциях... С. 241.

Развернувшаяся «очистительная» кампания вызвала резкое сокращение количественного состава профессиональных объединений. Так, в 1924 г. число членов профсоюза Туркестана составило менее 80 тыс. человек. Но зато удельный вес рабочих был доведен до 73,4%[1].

Заключая сюжет о динамике преобразовательных процессов в профсоюзном движении, целесообразно подчеркнуть, что связанная с ними дискуссия о профсоюзах серьезно обеспокоила основателя советского государства. В ее зарождении он увидел опасные тенденции проявления «оппортунистических шатаний» в партийно-советской среде, грозящих идеологическому единству партии, представлявшей опорную структуру советского режима. Чтобы устранить нежелательные островки инакомыслия, укрепить «единство и монолитность партии», насадить в ней железную дисциплину, исключавшую любое противостояние правящей большевистской верхушке, Ленин, помимо того, что добился на X съезде РКП(б) бесповоротного принятия своей платформы, лично написал и настоял на утверждении делегатами этого съезда специальной резолюции «О единстве партии». В ней предписывалось распустить «все фракции и группировки» и поручалось «всем организациям следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений»[2].

Эта ленинская установка способствовала окончательному превращению партии в своеобразную «армейскую организацию», когда любое инакомыслие и отступление от «партийных норм» приравнивалось к антигосударственной деятельности, обвинение в которой сопровождалось уже через несколько лет расстрелом и сталинскими лагерями. В итоге партия встала над государством, а ее ЦК превратился в своеобразное «правительство над правительством», глава которого пользовался неограниченной властью. Так плелась паутина диктатуры партии и создавался культ очередного «верного марксиста-ленинца».

Подобная линия остро сказывалась на жизни народов Туркестанского края, где местное национальное руководство не обладало суверенными правами, а их

---

[1] Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации.— Т., 1961.— С. 358.

[2] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1970. Т. 2. С. 220.

попытки отразить интересы коренного населения немедленно квалифицировались в качестве уклона к национализму и сопровождались жестокими репрессиями. Тем не менее национальные руководители в силу своих возможностей боролись против имперской политики Центра, отстаивали духовные ценности народа, стремились к достижению Туркреспубликой реальных суверенных прав. Эта их патриотическая деятельность вылилась в растущую оппозицию в эшелонах власти Туркестана.

4. РОСТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ В ЭШЕЛОНАХ ВЛАСТИ

Отличительной особенностью общественно-политической жизни Туркестана начала 20-х годов явился устойчивый рост национального самосознания коренного населения края. Очевидная имперская направленность советского национально-государственного строительства, насильственное насаждение неприемлемого для широких народных масс социалистического строя, губительные провалы в экономике, повсеместное ущемление национального достоинства народа способствовали углублению политического противоборства в крае.

С переходом к курсу новой экономической политики и обновлением тактических подходов к решению национального вопроса центральная власть надеялась привлечь на свою сторону базисные слои туркестанского общества, закамуфлировать колониальные формы советского социалистического строительства. Проводимые ею меры по «коренизации» государственного аппарата и институтов власти, система «политических уступок», нацеленных на смягчение религиозной политики и более лояльного отношения к национальным обычаям и традициям, частичное восстановление механизмов рыночного регулирования содействовали решению ряда болезненных проблем. Вместе с тем в силу коммунистической генетики советского режима, изначальной тоталитарно-имперской природы советского социалистического строя, оккупационного характера советской власти устранить в достаточной мере явления национальной и религиозной дискриминации, ущемления политической воли коренного населения не удалось. Так, несмотря на увеличение прослойки

представителей «трудовой» части местного населения в партийно-советских структурах и органах власти, расширение сферы применения национальных языков, Центр в сущности продолжал державно управлять краем. В принципе не прекратились гонения на мусульманское духовенство. Продолжалась атака на имущие слои, древнюю культуру народов Средней Азии. С очевидными деформациями в национальных аспектах проводилась новая экономическая политика. В частности, не решались важные для подъема отечественной экономики вопросы устранения ее колониальной направленности, всеохватной подчиненности интересам метрополии. К примеру, вплоть до 1923 г. сохранялась государственная монополия на хлопок, что объясняло затяжной кризис хлопководства в Туркестане. Стремительно усиливалась централизация управления народным хозяйством края со стороны Центра. Острой оставалась проблема ирригации, неадекватно решался земельный вопрос.

Намечаемые в Центре экономические и политические акции по-прежнему зачастую проводились методами революционного нажима, включая военный, в их содержании сохранилась отчетливо выраженная классово-идеологическая линия. Следствием этого явилось проявление массового недовольства, обострение трений в руководстве ТАССР, особенно между работниками-европейцами и представителями коренных народов, новые вспышки вооруженного сопротивления советской власти и раскол в обществе. Сложившаяся ситуация тяжело отражалась на состоянии народного хозяйства региона, способствовала ухудшению материального положения населения, углублению кризисных явлений в социальной и духовной сферах.

Острое недовольство коренного населения вызывало прежде всего нежелание Центра считаться с его национальными интересами. Характерно в этом отношении выступление на X съезде РКП(б) Г. И. Сафарова, заметившего, что «до сих пор наша партия крайне мало интересовалась национальным вопросом» и что «октябрьская революция» для угнетенных национальностей нагрянула «совершенно неожиданно»[1]. Сафаров, пытаясь внести поправки к тезисам по на-

[1] X съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет. — М., 1963. С. 190—191.

циональному вопросу, выдвинул предложение о необходимости учета требований народов о суверенитете, хотя бы в рамках «культурно-национального самоопределения», на что И. В. Сталин, будучи наркомнацем, в своем заключительном слове безапелляционно заявил: «Мы давно распростились с туманными лозунгами самоопределения — восстанавливать их не нужно»[1]. Поправка Сафарова не нашла поддержки.

Подобный подход отразился в практической деятельности центральных органов и их контролирующих структур на местах. Как отмечалось выше, хотя с трибун уже почти не произносились слова, унижающие достоинство коренного населения, умеренным стало отношение к местным национальным кадрам, тем не менее в Средней Азии, в том числе в Туркестане, всеми ключевыми вопросами жизни по-прежнему продолжали ведать Туркомиссия и Туркбюро ЦК РКП(б), члены которых в подавляющем большинстве проводили жесткую линию на закрепление господствующих позиций Центра.

Эмиссары Центра державно управляли краем. Наблюдалось грубое вмешательство партийных органов в деятельность хозяйственных структур, применение карательных мер принуждения к зажиточным слоям. Во многих местах региона действовала военная диктатура. Не прекращались гонения на инакомыслящих, религиозных деятелей и национальную интеллигенцию, обвиненную в том, что она заражена идеями «буржуазного национализма», панисламизма и пантюркизма.

Растущее недовольство коренного населения Туркестана выражалось в разнообразных формах: от стихийных выступлений до вооруженного противостояния. Одной из них явилась оппозиция в эшелонах власти со стороны поднятых на волне революционных преобразований национальных государственных и общественных деятелей. Продолжая питать надежды на то, что жизнь в среднеазиатском регионе войдет в русло провозглашенных советской властью заманчивых лозунгов национального самоопределения и внешне привлекательных идеалов социализма, национальные лидеры последовательно отстаивали интересы и достоинство коренного населения, смело выступали против

---

[1] X съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчет.— М., 1963. С. 213.

посланцев Центра и местных ортодоксальных коммунистов.

Как видится сегодня, патриотические взгляды национальных руководителей, смыкаясь с волеизъявлением различных социальных слоев и групп среднеазиатского общества, представляли зримую либерально-демократическую альтернативу исходящей из Центра революционно-идеологической экспансии. Она базировалась на национальной идее, отказе от политики классового подхода как ключевой предпосылки оздоровления общества, была нацелена на обеспечение самостоятельности государственных образований региона, реального утверждения принципов свободы, национального суверенитета, демократии и народного благосостояния.

В противовес установкам Центра и местным большевистским ортодоксам национальные лидеры полагали, что приоритетным в преобразовательной практике должно стать сбережение национального менталитета, сохранение верности гуманистическим ценностям, создание благоприятных условий для подъема национальной экономики и расцвета отечественной культуры. Они неизменно подчеркивали, что все насущные проблемы в крае должны обязательно решаться с учетом интересов коренного населения, позиций и мнений противоборствующих сторон и ведущих слоев общества.

Участники оппозиционного движения в партийно-государственных структурах обвинялись в «национал-уклонизме», подвергались административным репрессиям. В частности, Турар Рыскулов — первый из представителей коренных национальностей председатель ЦИК Советов ТАССР — вместе с рядом других руководящих работников был снят в начале 20-х годов с должности из-за того, что имел смелость высказать мнение о необходимости предоставления Туркестану не декларированной, а реальной самостоятельности.

По убеждению лидеров национальной оппозиции, нормальной самостоятельной жизни в крае, помимо местных имперски мыслящих коммунистов-европейцев, серьезно препятствовала политика Центра и его полномочных представителей в среднеазиатском регионе.

Между тем в обстановке усиления политического кризиса, рельефно обозначившегося к началу 20-х годов на всем пространстве советского государства, в

том числе в Туркестане, национальный вопрос приобретал все большую остроту. Недовольство советской властью, как было показано выше, проявлялось во всех слоях туркестанского общества. Усиливалось политическое противостояние и в эшелонах власти и управления. Яркое отражение оно нашло в развернувшейся дискуссии о профсоюзах.

В принципе дискуссия о профсоюзах, зародившаяся в Центре, была нацелена на решение специфических задач, прямо не связанных с национальным вопросом. Но в Туркестане, где все социально-экономические и культурно-духовные проблемы неизбежно преломлялись сквозь призму национальных отношений, дискуссия о профсоюзах приобрела национальную окраску. Так, даже многие коммунисты-европейцы из числа оппозиционеров ленинской платформе вынуждены были констатировать, что советская национальная политика отличалась имперской направленностью. К примеру, Правдин, Семенов, Вейнгард аргументированно утверждали, что «победивший пролетариат продолжает на национальных окраинах колонизаторскую политику». Они предлагали предоставить народам Туркестана хотя бы возможность национально-культурного самоопределения[1].

Существенно активизировалась деятельность национальных оппозиционеров. В частности, в ходе профсоюзной дискуссии, сопряженной с проблемой внутрипартийного строительства, Турсунходжаев, Хидиралиев и многие другие туркестанские «национал-уклонисты» потребовали вновь полной независимости КП Туркестана от РКП(б), упразднения Туркомиссии[2].

Радикализация позиций национальной оппозиции в эшелонах власти содействовала их смыканию по ряду пунктов с требованиями вооруженной оппозиции. К примеру, согласно донесению чекистского лазутчика, присутствовавшего на совещании ферганских повстанцев, возглавляемых курбаши Парпи, в ходе обсуждения перспектив вооруженной борьбы с советской властью «не раз упоминалось имя Рыскулова и выражалась надежда, что он скоро возвратится назад из России»[3].

Любопытен документ под названием «Требования

---

[1] История коммунистических организаций Средней Азии... С. 515.
[2] РЦХИДНИ, ф.17, оп.3, д.92, лл.8—10.
[3] РГВА, ф.278, оп.4, д.74, лл. 5—6 об.

туркестанских коммунистов», изъятый у национальных повстанцев во время Каратегинской операции (Восточная Бухара) в 1921 г. В нем рельефно проводилась мысль, что «управление всего Туркестана не должно быть в руках Туркомиссии, ЦК Туркестанской коммунистической партии, Бюро ЦК РКП в Туркестане». Авторы данного документа требовали «допустить официальное существование другой, помимо коммунистической, туземной партии». Причем подчеркивалось, что «необходимо таковым партиям предоставить полную возможность свободного существования наряду с коммунистической партией, занимать ответственные посты в органах власти, иметь свои газеты и литературу...». В области экономической составители этого документа делали ставку на сохранение частной торговли, заявляя, что «...существующая ныне мелкая торговля сохраняется. Дехкане и скотоводы должны иметь свободу торговли излишками продукта и скота. И эта частная... торговля должна получить законный характер и поставлена на положение, способствующее экономическому развитию края»[1].

О внимании, с которым вооруженные повстанцы отнеслись к цитируемому документу, свидетельствуют многочисленные подчеркивания и одобрительные вставки.

Оживление политической деятельности туркестанских национальных оппозиционеров серьезно встревожило политическое руководство Центра. Для укрепления его партийно-политического влияния 21 марта 1921 г. ЦК РКП(б) назначил Я. Э. Рудзутака председателем Туркомиссии и пересмотрел состав Туркомиссии и Туркбюро ЦК РКП(б), поставив перед ними в качестве приоритетной задачу усиления борьбы «со всеми отклонениями от линии партии по национальному вопросу»[2]. О том, как задумывалось осуществлять эту работу, свидетельствует постановление пленума ЦК КПТ того времени, в котором недвусмысленно предлагалась «эвакуация из пределов Туркестанской республики коммунистов, зараженных национализмом»[3].

Тем не менее, несмотря на усиление администра-

---

[1] ААП РУз, ф.58, оп.1, д.7195, лл.272—283.
[2] История коммунистических организаций Средней Азии... С.523.
[3] РЦХИДНИ, ф.17, оп.12, д.659, л.52.

тивно-принудительного давления со стороны Центра и его полномочных представителей в Туркестане, национальные оппозиционеры последовательно отстаивали интересы коренного населения края. При этом, как и прежде, одной из центральных виделась задача ликвидации Туркомиссии, препятствующей, по убеждению лидеров национальной оппозиции, налаживанию нормальной самостоятельной жизни края. Так, Рыскулов, используя трибуну II Всероссийского совещания коммунистов тюркских народов, состоявшегося 6—7 марта 1921 г. в Москве, критически проанализовав деятельность Туркомиссии, аргументированно говорил, что и Туркомиссия, и Туркбюро ЦК РКП(б) поверхностно вели борьбу против колонизаторских элементов, не пользуются авторитетом у «мусульманской массы»[1]. На VI съезде КПТ (11—20 августа 1921 г.) он вновь обвинил ЦК РКП(б) в ущербной национальной политике в Туркестане, в эскалации насилия, творимого бойцами российской Красной армии в Ферганской долине. Т. Рыскулов, справедливо отвергая ведущую роль рабочего класса, обоснованно утверждал, что в жизни Туркестана основную роль играет дехканство[2].

Политическое руководство Центра, стремясь облагородить свой политический имидж, рекомендовало полномочным представителям в крае усилить внимание на VI съезде КПТ к национальным проблемам, расширить национальную прослойку в составе высших партийно-государственных органов Туркестана, привлекая при определенных условиях даже лиц, высказывающих «нежелательные взгляды». В соответствии с этими установками членами ЦК КПТ на съезде были избраны Д. И. Манжара, А. Рахимбаев, Н. Тюракулов, Д. Устабаев, И. Хидиралиев, С. Ходжанов и др.[3]. Кроме того, Н. Тюракулов и А. Рахимбаев были введены в состав Туркбюро ЦК РКП(б).

Национальные лидеры пытались приглушить имперские крайности державной политики Центра в Туркестане. Однако их возможности оставались по-прежнему ограниченными. Вызревавшая в их среде энергия протеста вылилась в письме ответственных работ-

---

[1] РЦХИДНИ, ф.17, оп.2, д.213, л.86

[2] Там же, оп. 13, д. 1139, лл. 25—32.

[3] История коммунистических организаций Средней Азии... С.543.

ников местных национальностей, направленном осенью 1921 г. в Москву, в котором предлагалось ликвидировать Туркомиссию. Особенно критически оценивалась в нем деятельность назначенного незадолго до этого Председателем Туркбюро ЦК РКП(б) М. Томского и полномочного представителя ВЧК в Туркестане, заместителя Ф. Э. Дзержинского Я. Х. Петерса. Эти же требования были выдвинуты в письме А. Рахимбаева. Кроме того, несколько позже, выступая на IX съезде Советов РСФСР, состоявшемся в декабре 1921 г., Рахимбаев публично заявил российскому руководству, что «карательная политика в Туркестане», поощряемая надконтрольными органами ВЦИК РСФСР и ЦК РКП(б), «перешла всякие границы. Карательные органы в Ферганской области действуют совершенно автономно, не считаясь ни с партийными, ни с советскими органами, принимая к себе на службу разных подозрительных лиц»[1].

В это время Н. Тюракулов в знак протеста против великодержавных действий Туркомиссии и Туркбюро подал заявление о выходе из состава этих органов[2]. Еще ранее из состава ЦК компартии Туркестана вышли по политическим мотивам Т. Рыскулов и ряд других ответственных работников.

Руководящие деятели из представителей коренного населения аргументированно утверждали, что «советские центральные органы Туркестана достаточно окрепли» и способны самостоятельно выполнять функции управления краем[3].

Туркестанских оппозиционеров во многом поддерживал направленный Центром в Ташкент в качестве члена Туркомиссии Г. И. Сафаров. Он пытался преодолеть шовинистический уклон в действиях посланцев Центра, полагая, что главной задачей КПТ и советской власти в крае неизменно является борьба с колонизаторством, а не преследования «национал-уклонистов». Особенно острые разногласия возникли между ним и М. П. Томским.

По предложению В. И. Ленина для изучения положения дел в крае и в частности отношений между Томским и Сафаровым в сентябре 1921 г. в Туркестан

---

[1] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 3, д. 70, л. 22.
[2] Там же, оп. 1, д. 45, л. 45.
[3] Там же, л. 20—20 об.

прибыл представитель ЦК РКП(б) А. А. Иоффе. Ленин, обеспокоенный падением авторитета центральных контролирующих органов в среднеазиатском регионе, просил его обратить внимание на вопросы «защиты интересов трудящихся коренного населения от великодержавно-колонизаторских элементов». В письме на имя Иоффе Ленин отмечал: «Я лично очень подозреваю «линию Томского» (может быть, вернее, линию Петерса...) в великорусском шовинизме или, правильнее в уклоне в эту сторону».

Глубоко заинтересованный в превращении «советской Средней Азии» в заманчивую витрину «эпохальных достижений» большевистской модели «исторического обновления» на Востоке, Ленин особо подчеркивал: «Для всей нашей Weltpolitik дьявольски важно завоевать, доказать, что мы не империалисты, что мы уклона в эту сторону не потерпим. Это мировой вопрос, без преувеличения, мировой. Тут надо быть архистрогим. Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным»[1].

Очевидно, что главу советского государства меньше всего интересовала политическая воля коренного населения края. Ему важно было представить в глазах колониальных народов радужную картину успешного разрешения «национально-колониального вопроса», чтобы ускорить течение мировой социалистической революции. Поэтому вождь пошел по испытанному пути: менять, ничего принципиально не изменяя.

Надо сказать, что подобный политический прецедент уже имелся. Еще весной 1921 г. «национал-уклонисты» добивались от Центра упразднения Туркомиссии. Тогда Москва срочно инициировала волну осуждений «стойкими большевиками» данного предложения. Было организовано письмо, подписанное членами Президиума ТуркЦИК Т. Уразбаевым, Н. Тюракуловым и С. Касымходжаевым, которые от имени коммунистов Туркестана, не имея на это полномочий, просили Ленина сохранить Туркомиссию. В соответствии с чем 21 марта 1921 г. политбюро ЦК РКП(б) приняло резолюцию: «Вопрос об упразднении отложить согласно просьбе туркестанских коммунистов»[2].

Ныне вновь был применен апробированный поли-

---

[1] Ленин В. И. ПСС. Т. 53. — С.189—190.
[2] РЦХИДНИ. ф. 2, оп. 1, д. 1778, лл. 1—2.

тический прием. 12 октября 1921 г. политбюро ЦК партии, обсудив вопрос о работе в Туркестане, решило отозвать Томского, но по «многочисленным просьбам трудящихся» сохранить «государево око» Центра. Был предложен лишь новый состав Туркбюро ЦК РКП(б) и Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, разбавленный для видимости должностными лицами местных национальностей, часть из которых даже фрондировала по отношению к Центру. В частности, в ноябре 1921 г. членами Туркомиссии были назначены К. Атабаев (он отвечал за деятельность советов), А. Рахимбаев (отвечал за деятельность ТуркЦИК), Н. Тюракулов (организационная работа в партийных органах). Я. Х. Петерс осуществлял общее руководство, Я. З. Суриц, В. П. Ногин отвечали за экономическую жизнь[1].

31 декабря 1921 г. политбюро ЦК РКП(б) вновь рассмотрело вопрос о Туркестане. Оно утвердило новый состав Туркомиссии и Туркбюро ЦК РКП(б), куда вошли: Н. Тюракулов, А. Рахимбаев, К. С. Атабаев, С. Ходжанов, С. И. Гусев, Я. З. Суриц и Г. И. Сольц. Председателем Туркомиссии и Туркбюро был назначен С. И. Гусев[2].

Принятые меры, безусловно, носили паллиативный характер. Они не устраняли главное, что содержалось в требованиях национальной оппозиции, — предоставление самостоятельности и ликвидация системы имперских отношений между Центром и Туркреспубликой.

Новый отряд эмиссаров Центра по-прежнему державно управлял краем. Сохранились и острые противоречия между местными народами и присланными «управленцами». Интересным представляется в этом отношении выступление на X съезде Советов Туркестана К. Атабаева. Он с болью говорил, что прибывшие из России работники не верят в способность коренного населения к самостоятельному управлению, а сами «для административной работы непригодны, как незнакомые с условиями и бытом Туркестана, а если приезжают, то в большинстве случаев претендуют... на работу в центре в главных ролях»[3].

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 122, оп.1, д.56, л.34.

[2] Акрамов А., Авлиякулов К. В. И. Ленин, Туркомиссия и укрепление Советской власти в Средней Азии.— Т., 1991.— С. 304.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 456.

Руководящие кадры из представителей местных национальностей настойчиво обращали внимание центрального руководства на тяжелое положение в Туркестане, искали эффективные средства выхода из политического кризиса, призывали к обеспечению гражданского мира и межнационального согласия путем привлечения к созидательной деятельности всех слоев общества, сосредоточения полноты власти в ТуркЦИК, а не в полномочных центральных органах. Они также отвергали как оскорбительные официально провозглашавшиеся мифы о культурной отсталости народа, считали порочными гонения на религию и духовенство.

Глубоко реалистичной выглядела позиция национальных руководителей в оценке характера и истоков повстанческого движения. По их настоянию специально вопрос о вооруженном выступлении борцов за независимость обсуждался на закрытом заседании VI съезда КПТ, пленуме ТуркЦИК. В ходе его обсуждения на партийном форуме Н. Тюракулов справедливо указал, что вооруженная борьба с советской властью развивалась как в результате тяжелейшего экономического положения коренного населения, так и «политической близорукости» власть предержащих. Он резко осудил практику самоснабжения частей Красной армии в Фергане и в других районах вооруженного противостояния, выливавшуюся в грубое насилие над населением[1].

Резкой критикой и открытым протестом был пронизан и доклад председателя ТуркЦИК К. Атабаева на пленуме ТуркЦИК 18 июля 1922 г. Четырехлетний процесс движения сопротивления в Туркестане, а вслед за ним в Хорезме и Бухаре можно объяснить тем, указывал К. Атабаев, что все «революционные мероприятия», предпринимаемые здесь, «были направлены против сформированного веками образа жизни, обычаев и традиций коренных народов»[2].

Хотя речь произносилась в правительственном органе ТАССР, однако в ней был дан анализ ошибок и безобразий, творившихся также в Хорезме и Бухаре. Приведенные в докладе Атабаева факты, его общий настрой были направлены на осуждение большевиков

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 45, л. 374.
[2] ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 421, лл. 29—30.

и оккупационной Красной армии. К. Атабаев считал, что руководители повстанческого движения поставили перед X съездом Советов ТАССР справедливые условия для переговоров. Однако эти условия оказались отвергнутыми, и «реальный шанс был потерян». Повстанческое движение оратор назвал «народным восстанием», которое «военным путем ликвидировать нельзя». Атабаев и ряд других руководящих национальных работников высказались за тактику ведения мирных переговоров с вооруженной политической оппозицией, применения политических и экономических методов.

Национальные лидеры в Туркестане, возглавлявшие правительственные и партийные органы, настаивали на необходимости органической увязки предпринимаемых социально-экономических и политических акций с нуждами и потребностями местного населения; обеспечить компенсацию пострадавшим жителям края, запретить деятельность карательных отрядов, «революционных троек», отпустить взятых в заложники людей, политически реабилитировать участников движения за независимость.

Патриотические выступления лидеров национальной оппозиции в составе руководящих партийных и советских работников края вызывали острое недовольство Центра. В целях политической «нейтрализации» оппозиционеров центральное правительство усилило практику гонений. 25 сентября 1922 г. решением Оргбюро ЦК РКП(б) за «грубые ошибки» секретарь ЦК КПТ Н. Тюракулов, председатель СНК Туркреспублики К. Атабаев и председатель ЦИК Советов ТАССР А. Рахимбаев были освобождены от занимаемых должностей[1].

Но, несмотря на политические преследования, национальные лидеры продолжали отстаивать интересы коренного населения. Многие из них открыто говорили о том, что решающих прогрессивных перемен в жизни народов края не произошло. Так, Т. Рыскулов в своем выступлении на XII съезде РКП(б) заявил: «Среди сартовского (узбекского) населения никакого социального сдвига... не было»[2]. Эту же мысль высказали на IV совещании ответственных работников на-

[1] РЦХИДНИ, ф.62, оп.1, д.3, л.5.
[2] XII съезд РКП(б). Стеногр. отчет. — М., 1968. С.514.

циональных республик (июнь 1923 г.), специально созванном для осуждения татарского оппозиционера Султана-Галиева, А. Икрамов и С. Ходжанов. Их речь вызвала крайне негативную реакцию со стороны будущего «всесоюзного вождя» — Сталина. «Оба они сказали, — с возмущением отметил Сталин, — что между Туркестаном нынешним и Туркестаном царским нет никакой разницы, что только вывеска изменилась, что Туркестан остался прежним, таким же, каким он был при царе... Если это не обмолвка, если это продуманная речь и если это сказано с полным сознанием, то нужно сказать, что в таком случае басмачи правы, а мы не правы. Если Туркестан в самом деле есть колония, как при царизме, то... тогда не мы должны судить Султан-Галиева, а он должен нас судить, как людей, терпящих в рамках Советской власти существование колонии»[1].

Время поставило все точки над «i». То, что казалось Сталину едким сарказмом, оказалось правдой. Суд истории свершился.

Движение национальной оппозиции в эшелонах власти ширилось день ото дня. Так, в том же 1923 г. группа авторитетных краевых национальных работников опубликовала письмо, в котором предельно критически оценивались результаты «послеоктябрьского развития»[2]. О «кризисе» идей социализма и разочаровании в национальной политике советского государства говорилось и в секретной докладной Агитпропотдела ЦК КПТ (май 1923 г.). В ней, в частности, констатировалось, что у многих национальных работников отсутствует «сознание важности революции в Туркестане для Востока. Национальный вопрос *переживает кризис*»[3].

Выдвинутая лидерами национальной оппозиции программа самостоятельного демократического развития края, их патриотическая деятельность по отстаиванию национальных интересов местного населения представляла важный фактор общественного сознания 20-х годов в среднеазиатском регионе. Число сторонников национально-демократической альтернативы последовательно возрастало. Она находила поддержку среди

---

[1] *Сталин И. В.* Соч. Т.5. — М., 1947. С. 306—307.

[2] Назаров С. А. Руководство ЦК РКП(б) партийным строительством в Средней Азии. — Т., 1962. С. 346—347.

[3] ААП РУз, ф. 60. оп.1. д. 3242, л. 140.

партийно-советских и хозяйственных работников, национальной интеллигенции, либеральной части духовенства.

В борьбе с «национал-уклонизмом» использовалась обширная гамма административно-политических приемов. В начале 20-х годов, преимущественно до образования СССР, к национальным лидерам применялись методы «партийных проработок», угроз и уговоров. Они снимались с должностей, вместе с тем центральное руководство, учитывая их высокий авторитет среди коренного населения и общую накаленную политическую обстановку в крае, в обеспечение собственных интересов допускало их возвращение в эшелоны власти при условии публичного признания своих «ошибок». К примеру, принуждены были открыто осудить свои «национал-уклонистские заблуждения» Т. Рыскулов, Н. Тюракулов, А. Рахимбаев, С. Турсунходжаев и др. Так, Т. Рыскулов после «взыскательной партийной критики» был назначен в 1921 г. заместителем наркома по делам национальностей РСФСР. Работая в 1921—1922 гг. под непосредственным руководством ЦК РКП(б), он получил соответствующую «партийную закалку» и в конце 1922 г. вновь возвратился в Туркестан, став председателем Совнаркома Туркестанской АССР. Правда, важно подчеркнуть, что от собственных убеждений Рыскулов не отказался. В частности, осенью 1922 г., когда встал вопрос о его назначении на пост председателя СНК ТАССР, в своем письме к секретарю ЦК РКП(б) Я. Рудзутаку он поставил в качестве условия необходимость действенного «доверия и поддержки туземных работников». Т. Рыскулов подчеркивал: «Я согласен ехать в Туркестан... если мне не будет препятствий по привлечению в аппарат власти всех видов работников», прежде всего из числа коренного населения[1].

Аналогичным методом, дав возможность «исправить свои ошибки», были допущены к руководящей работе Н. Тюракулов, К. Атабаев, А. Рахимбаев. Но и они продолжали отстаивать свое видение перспектив национального строительства в крае.

С образованием СССР линия на нейтрализацию «национал-уклонистов» заметно ужесточилась. В своем выступлении на состоявшемся в апреле 1923 г. XII

[1] Рыскулов Т. Избранные труды. — Алма-Ата, 1984. С.87.

съезде РКП(б) И. В. Сталин особо выделил принципиальную важность мобилизации усилий партии на борьбу против «местного национализма»[1]. В резолюции съезда в этой связи «борьба с националистическими пережитками» определялась в качестве первоочередной[2].

В мае 1923 г. пленум ЦК КПТ разработал обширный пакет мероприятий по проведению в жизнь решений XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. В постановлении пленума указывалось на настойчивую необходимость повсеместного очищения «государственного и партийного аппаратов от националистических элементов»[3]. Чистка должна была проводиться под контролем ЦК КПТ. Эта работа поручалась Центральной контрольной комиссии, а также областным контрольным комиссиям. В ходе масштабной «очистительной» кампании из состава КПТ и партийно-советских органов были изгнаны тысячи «социально чуждых элементов», прежде всего «национал-уклонистов». Только в 1923 г. численность КПТ уменьшилась на треть[4]. Существенно обновился также состав ЦК КПТ, представлявший реальный орган властного самоуправления. На проходившем в мае 1924 г. VIII съезде Компартии Туркестана в составе 43 членов и 19 кандидатов ЦК КПТ из представителей авторитетных национальных лидеров предшествующих лет остался лишь А. Рахимбаев. Наряду с испытанными ранее партийными деятелями (И. М. Варейкис, С. Асфендияров, Н. Айтаков, А. Каримов, И. И. Межлаук, Н. А. Паскуцкий, Х. М. Сахат-Муратов и др.) были избраны представители молодого поколения, твердо стоявшие на идейных большевистских позициях, — М. А. Алимухамедов, Д. Бабаханов, Г. Муратбаев, С. Ескараев, Т. Напесов, Г. Хамутханов, К. Худайбердиев и др.[5].

В последующие годы в борьбе с «национал-уклонизмом» последовательно возрастал грубый нажим, на полную мощь использовалась машина сталинских репрессий. В итоге оппозиция руководящих работников из местных национальностей оказалась сломлена, хотя, заметим в скобках, национальные лидеры в основе

---

[1] КПСС в резолюциях..., изд. 8-е. Т.2.— С.433, 443.
[2] Там же. С. 439.
[3] Спутник коммуниста, 1923, № 9–10. — С. 84—92.
[4] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 3451, лл. 9, 11.
[5] КПТ в резолюциях... С. 289.

своей никогда не забывали своего сыновнего долга перед народом.

По прошествии времени стало очевидным, что «национальная оппозиция», действовавшая в органах управления Туркестана, не затрагивала фундаментальных основ социалистического строя, а предлагала иной вектор «социалистического строительства». Эволюция в сторону его претворения содействовала бы предотвращению сползания общества к тоталитаризму, преодолению крайностей советской национальной политики, более органичному сочетанию национальных интересов с преобразовательными процессами, утверждению принципов демократии и гуманистических ценностей. Несмотря на преследования и гонения, участники данного направления «национальной оппозиции» привлекали внимание к болезненным проблемам среднеазиатского региона, способствовали более активному привлечению коренного населения в управленческие структуры, выражению его волеизъявления. Патриотическая деятельность «национал-уклонистов» по расширению самостоятельности Туркестана — неотъемлемая страница героической истории узбекского народа в его борьбе за государственный суверенитет и национальную независимость.

Глава II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ТУРКЕСТАНЕ

I. ВВЕДЕНИЕ НЭПА

«Военный коммунизм» — первая по счету модель советской тоталитарной системы — по существу взорвал неокрепшие основы закладываемого социалистического строя, показал в неприглядном виде новый способ производства, задушил свободную мысль и свободный труд, инициативу и творчество масс. В результате энергичного осуществления политики «военного коммунизма» и реалий ожесточенной классовой борьбы в формирующемся советском государстве фактически сложилось военизированное общество, характерные черты которого — абсолютная централизация и тотальное огосударствление, реквизиционные методы хозяйственной организации, репрессивное принуждение к труду, экстремизм политического мышления, жесткое выкорчевывание любых форм инакомыслия, бездумное разрушение сложившейся системы рыночной экономики, насильственная подмена национальных и гуманистических ценностей классово-марксистскими.

Порочный в своей основе режим «военного коммунизма» углублялся в Туркестане предельным радикализмом и великодержавной направленностью практических действий местных коммунистов, стремившихся установить диктатуру малочисленного пришлого русского пролетариата.

Абсурдная в своей основе экономическая политика большевистского руководства, изнуряющая «революционная» практика режима «военного коммунизма», длительная вооруженная борьба за национальную независимость вызвали невиданное разрушение производительных сил.

Экономический кризис в стране и республике стремительно перерастал в серьезнейший политический кризис не только между властью и «бывшими эксплуататорскими слоями», подлежавшими по логике боль-

шевистского руководства повсеместной ликвидации, но и основными «трудовыми массами», призванными согласно марксистской схеме стать «созидателями нового строя». Реально встала угроза утраты даже минимального доверия со стороны рабочего класса и особенно многомиллионного крестьянства. Бездумная политика большевиков, жесточайшее насилие, обрушившееся на все слои населения, в том числе «трудящиеся массы», вызвали повсеместный взрыв недовольства. В Средней Азии оно выразилось в развертывании повстанческой борьбы «истиклолчилик харакати».

Необходимость освободиться от оков «военного коммунизма» становилась все более очевидной, утверждалась в сознании многих людей. Усиливались «трения» и «шатания» в самой правящей партии, где зрела проявляемая в разных формах оппозиция к избранному пути формационных преобразований. Наконец к осознанию опасности «военно-коммунистического» утопизма пришел и глава советского государства В. И. Ленин. Будучи стойким марксистом и вместе с тем гибким политиком, способным во имя достижения стратегических целей пойти на тактические уступки, Ленин приходит к мысли о том, что «надо отступить», «перегруппироваться», отказаться от предельно радикальных методов «военного коммунизма».

Обновленные тактические подходы к реализации задач «социалистического строительства» нашли свое практическое выражение в курсе нэповского реформирования.

Нэп официально был закреплен на X съезде РКП(б) (март 1921 г.). В основе нэпа лежала идея перехода к управлению общественными процессами через рынок, товарно-денежные отношения. Это означало относительный разрыв с насильственными, «чрезвычайными» мерами внеэкономического подавления и принуждения, признание значения личного интереса.

Основными звеньями новой экономической политики стала замена продразверстки продналогом, легализация торговли, разрешение частной инициативы в промышленности, в обслуживании и кустарных промыслах, частичное восстановление механизмов рыночного регулирования. Предприятия переводились на режим хозяйственного расчета и самоокупаемости, отменялась система трудовых повинностей, трудовых мобилизаций и уравнительности, преимущественно нату-

ральной (пайковой) оплаты труда. Рабочая сила привлекалась в народное хозяйство на основе найма со строго дифференцированной в зависимости от качества и количества труда денежной оплатой.

Применительно к деревне вслед за переходом к продналогу был осуществлен ряд других мер, стимулирующих развитие производительных сил: допущены при условии контроля со стороны советской власти аренда земли и использование наемного труда в крестьянских хозяйствах, обеспечение устойчивого трудового землепользования и свободы выбора его форм (общинной, участковой, коллективной) с предоставлением преимуществ коллективным социалистическим. Для крестьянства организовывался сельскохозяйственный кредит; широкий простор открывался для развития сельскохозяйственной, кредитной и потребительской кооперации.

Таким образом, в экономической политике партии, методах и средствах хозяйственного строительства обозначился более или менее альтернативный поворот. В противоположность «военному коммунизму» с его равенством в нищете, убогостью средств стимулирования пришла политика, нацеленная на активное использование в интересах социализма товарного производства, экономических методов хозяйствования, потенции раскрепощенного товаропроизводителя.

Лидера российских большевиков не тревожило восстановление отдельных фрагментов «капитализма», находящегося под бдительным государственным контролем. Госкапитализм, представлявший сломанную экономику, нужен был лишь в качестве заманчивой витрины для привлечения частного капитала к делу строительства социализма, как средство укрепления обескровленного режимом «военного коммунизма» советского строя. Тем не менее Ленин считал, что восстанавливаемым «буржуазным» структурам необходимо противопоставить мощные социально-политические и экономические противовесы, которые в любой момент не только задушат «госкапитализм», но и позволят в пространстве нэповских реформ обеспечить стойкие ростки социализма.

Противоречия нэповского курса находили зеркальное отражение в конкретике его претворения в среднеазиатском регионе. При этом они усугублялись сложной местной спецификой.

Устав от тягот военного времени, унизительных коммунистических экспериментов, народные массы края с надеждой восприняли происходящие перемены. Их созидательная энергия и вековые традиции трудолюбия сыграли решающую роль в обуздании стихии разрухи, в переводе общества в русло восстановления. Вместе с тем новая экономическая политика в Туркестане по ряду направлений стала проводиться позже, чем в центральной России. Здесь рельефнее обозначилась инерция прежних «военно-коммунистических» подходов; наглядно проявлялись в ходе нэповского реформирования элементы классовости, политизированности, нацеленности на интересы монополии; не были затушены по вине властей многие очаги военного противостояния.

Существенное влияние на темпы и методы реализации новой экономической политики в Туркестане, как и в целом по стране, оказала идейно-психологическая борьба, развернувшаяся в эшелонах власти и партийном руководстве, по проблемам стратегической направленности нэповского реформирования. Причем процессы «раскола» по вопросам курса нэповского реформирования здесь тесно переплетались с проблемами национального строительства.

Мощное противодействие нэповскому курсу оказала группа ортодоксальных коммунистов, стоявших на платформе приверженности режиму «военного коммунизма». Их пугала возможность демократизации общественной жизни, связанная с восстановлением плюрализма форм собственности; тревожила утрата «завоеваний Октября», ослабление позиций диктатуры пролетариата. Особенно большую активность среди них проявляли Г. Балашов, Н. Кутузов, В. Юдовский.

Немалая часть туркестанских коммунистов считала, что нэп в приложении к Туркестану — это отказ от классовой направленности национальной политики партии и земельной реформы, отказ от политики классового расслоения в кишлаке, от сплочения бедноты на борьбу за свои интересы. Они утверждали, что принятие новой экономической политики в масштабе страны означает возврат к капитализму, а в условиях туркестанского кишлака — к феодально-патриархальным отношениям. Особенно рельефно подобные настроения проявились в Семиреченской облас-

тной партийной организации (Худайкулов, Караев и др.)[1].

Альтернативную позицию заняли, по коммунистической терминологии тех лет, «открытые капитулянты», которые восторженно встретили новую экономическую политику, считая, что она обеспечит разумное восстановление экономических регуляторов производства, цивилизованных товарно-денежных отношений. Они требовали отмены национализации хлопковой промышленности, отмены государственной монополии на хлопок (С. Асфендияров), полновесного учета специфики Туркестана в реализации налоговой политики и наполнения ее здоровым экономическим содержанием (Г. Черданцев), призывали к активному проведению курса «денационализации» в промышленном производстве и использованию возможностей частного торгового капитала (С. Н. Прибытков и др.)[2].

Переход к нэпу, сопрягаясь со сложной этнополитической обстановкой, объективно выдвинул на передний план острые вопросы его соотношения с практикой национально-государственного строительства, перспектив решения назревших национальных проблем. Ширилась группа «национал-уклонистов» в эшелонах власти, полагавших, что для обеспечения должного социально-экономического и духовного прогресса края необходимо добиться полной независимости КП Туркестана от РКП(б), а республика должна получить реальные суверенные права (Т. Рыскулов, С. Турсунходжаев, И. Хидиралиев и др.).

В обстановке нэповских реалий, когда многие представители национальной интеллигенции, различных социальных групп коренного населения восприняли обозначившиеся экономические изменения как признак наступления «демократической весны», заметно активизировалась деятельность так называемых «буржуазных националистов», отражавших взгляды более обширных слоев туркестанского общества, чем оппозиционно настроенные руководящие работники ТАССР. «Националисты» в отличие от политического руководства страны трактовали новую экономическую политику не только как допущение свободы торговли, предпринимательства, но и как возможность для проявле-

---

[1] Турсунов Х. Указ. соч. С. 263.
[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 974, л. 1720.

ния национальной «свободы». Они аргументированно обвиняли советскую власть в пренебрежении интересами развития местных национальностей, пропагандировали идеи национального единства. К примеру, в сентябре 1922 г. издававшаяся на узбекском языке газета «Кизил байрок» (орган КПТ) была переименована в «Туркистон». Суть этой акции определенно выразил Зухритдин Аглам в статье, помещенной в том же номере газеты. Он заявил: «Мы думаем, что название этой газеты «Туркистон» будет часто напоминать о всех нуждах Туркестана. Мы надеемся, что и наше правительство, взявшее новый курс в своей политике, даст широкий путь к осуществлению правды, несмотря на то, что она окажется для него горькой. Мы уверены, что беззаветная молодежь Туркистана, используя эту газету, будет выдвигать свои требования»[1].

Понятливый читатель, читая между строк, мог ясно осознать, что авторы цитируемых статей, говоря о «целях», «нуждах Туркестана», «повышении сознательности», «горькой правде», обращали внимание на то, что «октябрьская революция» не дала ничего позитивного народам Туркестана, что государство осталось «в руках последнего завоевателя Туркестана», который воспользовался военной силой для насаждения чуждой национальному менталитету «социалистической государственности» и нарушил лозунг самоопределения народов. Теперь же, в связи с переходом к нэпу, необходимо открыть туркестанскому правительству горькую правду, или иначе говоря — предъявить ему требования о реальной передаче власти в Туркестане коренным народам края.

Неоднозначность политических подходов к курсу нэповского реформирования определила противоречивость его практического претворения в Туркестане, извилистую логику движения от тисков «военного коммунизма» к использованию экономических методов хозяйствования.

Переход к нэпу наметился в Туркестане вслед за X съездом РКП(б). Уже в апреле-мае 1921 г. ТуркЦИК издал ряд постановлений о проведении новой экономической политики. Новые хозяйственные условия и отношения вызвали к жизни необходимость перестройки органов управления. Создавался соответствующий

[1] Туркистон, 1922, 11 сентября.

хозяйственный механизм. Первоначально общее руководство экономикой края осуществлял Центральный Совет Народного Хозяйства (ЦСНХ) ТАССР. К январю 1921 г. в его ведении находилось 857 предприятий[1]. В марте того же года был образован Туркестанский Экономический Совет (ТЭС или ТуркЭКОСО). Согласно принятому ЦИК и СНК ТАССР постановлению (сентябрь 1921 г.) на него возлагалась задача руководства плановым и хозяйственным строительством в Туркреспублике. Распоряжения ТуркЭКОСО как высшего хозяйственного органа края были обязательными для наркоматов и учреждений[2].

В целях обеспечения единства действий местных хозяйственных органов ТЭС уделил особое внимание организации областных и уездных экономических совещаний. Они были призваны рассматривать и разрешать основные вопросы экономической жизни областей и уездов ТАССР, контролировать деятельность региональных хозяйственных органов.

В период, когда перед Туркреспубликой встали задачи восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, необходимо было не только решать текущие задачи, но и определять перспективы подъема экономики. Для разработки единого хозяйственного плана в соответствии с февральским (1921 г.) постановлением СНК РСФСР об образовании Государственной плановой комиссии (Госплан) 23 ноября 1921 г. при Экономическом Совете Туркреспублики была учреждена Государственная общеплановая комиссия ТАССР (Туркхозплан)[3].

На официальном уровне нэповский курс в Туркестане был закреплен в решениях VI съезда КПТ (август 1921 г.) и X съезда Советов республики (сентябрь 1921 г.). Они провозгласили отказ от старых неэффективных аспектов экономической политики, признали приоритетными такие направления, как удовлетворение требований и потребностей дехканства, создание условий для эффективной реализации возможностей всех групп товаропроизводителей, свободы товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью.

---

[1] Отчет о деятельности ТуркЭКОСО за февраль 1921 г. — Т., 1921. С. 197–198.

[2] Отчет I съезда экономического совещания Туркреспублики. — Т., 1922. С. 2.

[3] История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. — С. 135.

В документах высших властных структур Туркестана содержалось немало рациональных положений, нацеленных на возрождение отечественной экономики, учет в ее развитии национальных интересов коренного населения, преодоление однобокой сырьевой направленности народного хозяйства края. Так, в резолюциях VI съезда КПТ справедливо указывалось, что Туркестан как колония в течение многих десятилетий насильственно удерживался «в качестве поставщика всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре». Пути ликвидации подобной колониальной схемы размещения производительных сил и преодоления экономической отсталости виделись в планомерном насаждении «промышленности путем переноса фабрик к источникам сырья». В то же время неизменно подчеркивалось, что только «советский строй обеспечивает трудящимся угнетенных национальностей постепенное, безболезненное развитие», что определяющей целью является «достижение коммунизма», а «национализированная промышленность всегда будет основой народного хозяйства и пролетарской власти»[1]. Иными словами, экономическое развитие края увязывалось с упрочением советского строя, претворением стратегии «движения к коммунизму». Все это ограничивало возможности полнокровного проявления национального самосознания, блокировало потенции самостоятельного социально-экономического развития.

2. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО В УСЛОВИЯХ НЭПОВСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Переход к новой экономической политике при всех концептуально-методологических просчетах ее идеологии представлял в общественных реалиях того времени обнадеживающую альтернативу экономическому краху. Нэп, хотя и ориентированный на социалистическую перспективу, был призван обеспечить быстрое восстановление и поступательное развитие народного хозяйства. Он способствовал оживлению широкой палитры сложившихся ранее хозяйственных форм, включал в экономическую жизнь различные слои населения, в известной мере способствовал ослаблению возможностей осуществления диктатуры власти.

---

[1] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... С. 140.

В Туркестане переход экономики на рельсы нэпа диктовался не только нарастающим валом кризисных явлений, сковывавших энергию и потенцию общества, но и теми традициями хозяйственной жизни, которые сложились здесь на протяжении веков. Народ — земледелец и ремесленник, рабочий и служащий — жаждал порядка, постоянства и справедливости в политике, законах, во взаимоотношении с властью.

Нэп явился платформой для сближения различных подходов и позиций по вопросу выхода народного хозяйства из тяжелого положения. Его введение, хотя и не устранило противоречий мировоззренческих взглядов и даже борьбу по вопросу о будущности края, тем не менее создавало предпосылки проявления консолидационных устремлений ведущих социальных групп туркестанского общества.

К сожалению, в экономической политике нэповского периода не были устранены принципы классовости, приоритета идеологии и интересов метрополии. В результате возрождение хозяйственной жизнедеятельности общества проходило сложно и противоречиво.

Сквозь плотный коридор противоречий шло оживление базисной отрасли экономики Туркестана — сельского хозяйства.

С переходом к нэпу в цепочке хозяйственных мер, нацеленных на подъем аграрного производства, на передний план выдвигался интерес единоличного крестьянина как самостоятельно действующего товаропроизводителя. Чтобы он смог стать самостоятельно действующим субъектом экономической системы, намечалось обеспечить его землей, предоставить льготное налогообложение, ввести экономические стимулы роста сельхозпродукции. При этом определялась активная роль государства в регулировании хозяйственных процессов посредством социально-политических и экономических рычагов.

Учитывая чрезвычайную слабость материально-технической базы сельского хозяйства, руководящие органы Туркреспублики предпринимали активные усилия к тому, чтобы хотя бы в какой-то степени облегчить сложившееся положение, создать условия по изготовлению и ремонту на местах сельхозтехники. В частности, созданная по постановлению ТуркЭКОСО 28 марта 1921 г. при Наркомземе ТАССР межведомственная ко-

миссия по ремонту и изготовлению сельскохозяйственных машин и орудий (Туркремсельхоз) провела обследование всех военных и материальных складов Ташкента для выявления возможностей организации производства и ремонта сельхозинвентаря.

Все производственные силы обследованных предприятий были сконцентрированы на механическом заводе металлоотдела ЦСНХ для изготовления сельскохозяйственных машин и запасных частей. Аналогичные мероприятия были проведены в областях. Туркремсельхоз спустил заказы обследованным предприятиям на ремонт и изготовление сельскохозяйственных орудий с учетом их реальных возможностей. Заготовка местных орудий — омачей, кетменей, ураков — была передана мелким кустарям[1].

Повсеместно стала налаживаться работа по оказанию помощи города селу. В этих целях объявлялись дни и недели «помощи дехканству», организовывались субботники и воскресники, в ходе которых собирался металлолом, изготавливались внеплановые сельхозорудия, бесплатно ремонтировалась техника[2]. Подобные мероприятия проводились и в дальнейшем, уже в форме «шефства города над селом». Заметное внимание было уделено укреплению инфраструктуры ремонтной службы, созданию новых ремонтных мастерских и машинно-прокатных пунктов. Уже в 1922 г. в Туркестане действовали 21 ремонтная мастерская и 65 машинно-прокатных пунктов[3].

Существенно перестроилась деятельность специализированных торгующих заведений и сельскохозяйственных складов: отменена государственная монополия на торговлю сельхозинвентарем[4]; лишь 20% поступавшего на склады сельхозинвентаря продавалось населению за наличный расчет, основная же его часть (до 1/3 стоимости) выделялась в кредит или рассрочку на льготных условиях преимущественно «маломощным» хозяйствам. Такой подход позволял удовлетворить потребности дехканства в сельхозинвентаре более чем на 60%[5].

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1921, 6 марта.

[2] Образование и деятельность Коммунистической партии Туркестана. Летопись событий. Ч. II. — Т., 1966. С. 244—245.

[3] ЦГА РУз, ф. 29, оп. 3, д. 2485, л. 75 об.; д. 2496, л. 84.

[4] Там же, ф. 25, оп. 1, д. 766, л. 131.

[5] Ризаев Г. Сельское хозяйство Узбекистана за 40 лет. — Т., 1957. С. 64.

1924 г. явился годом качественных изменений в создании материально-технической базы сельского хозяйства: началось планомерное использование тракторов в сельском хозяйстве. К концу 1924 г. количество тракторов достигло 156[1]. Тракторы впервые начали применять осенью 1923 г. и весной 1924 г. на дехканских полях в Ташкентском уезде, в Фергане и Голодной степи. Наряду со снабжением дехкан сельхозинвентарем принимались меры по обеспечению хозяйств рабочим скотом[2].

Предпринимаемые акции давали определенный хозяйственный эффект, содействовали восстановлению аграрной отрасли. Тем не менее отсталость материально-технической базы сельского хозяйства сохранилась. Аграрное производство края в целом продолжало базироваться на примитивной технике и ручном труде. Так, в первой половине 20-х годов средняя обеспеченность дехканских хозяйств республики сельхозинвентарем была в 3—4, а рабочим скотом — в 1,5—2 раза меньше, чем в центральной России[3].

Сложно и противоречиво решалась проблема восстановления ирригации, ремонта оросительной сети. В феврале 1921 г. под бдительным идеологическим контролем Центра был издан водный закон ТАССР, где утверждалось, что распределение воды должно осуществляться не по адату, т. е. традиционным путем, а на классовой основе, в интересах «трудящихся дехкан». Наряду с этим экономически расплывчатым тезисом декрет содержал положение о том, что магистральные каналы поддерживаются населением, на его средства.

По сути данный пункт недвусмысленно означал отказ от политики государственной поддержки магистральных каналов с их сложными инженерными сооружениями. Ярким выражением такого подхода явилось то, что государственные ассигнования на ирригационные работы составили в 1921 г. крайне мизерную сумму — всего 351 949 руб. (в золотом исчислении)[4], а в 1922 г. — 400 тыс. руб[5].

---

[1] Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане. Сб. док.— Т., 1962. С. 332.

[2] ЦГА РУз. ф. 20, оп. 1, д. 451, л. 81.

[3] Социально-экономическое развитие Узбекистана за годы Советской власти. — Т., 1984. С. 27.

[4] Алимов И. Узбекское дехканство на пути к социализму. — Т., 1974. С. 41.

[5] Бюллетень VII съезда КПТ, № 9. 1923, 18 марта.

В соответствии с таким подходом 11 мая 1921 г. СНК Туркреспублики утвердил декрет, согласно которому вводилась милитаризация ирригационных работ в крае[1]. Правда, в пространстве нэповских реалий «военно-коммунистические» термины милитаризации сельскохозяйственного труда стали последовательно заменяться более благозвучными. К примеру, «трудовая повинность» обрела название «натуральная повинность». Но суть не изменилась.

В 1921 г. в счет «натуральной повинности» дехканами было отработано на восстановительно-строительных работах в ирригационных системах свыше 2 млн человеко-дней, выделено огромное количество стройматериалов, очищены арыки общей протяженностью 25 893 версты. Стоимость всей подобной «повинности» составила свыше 2 390 тыс. руб. золотом, или 42 млн руб. в совзнаках[2]. С помощью эксплуатации советской властью исконного трудолюбия среднеазиатского дехканина в 1921 г. площадь орошаемых земель удалось увеличить по сравнению с 1920 г. на 300 тыс. десятин.

Большую активность дехканство республики проявило в борьбе с небывалыми паводками 1921 г. и в работе по очищению и ремонту ирригационной сети в 1922 г. Тем не менее только силами самого населения нельзя было осуществить капитальные работы по ремонту и регулированию водопользования. Поэтому упадок ирригации продолжался и вновь обозначилась тенденция сокращения площади орошаемых земель.

Встревоженное правительство Туркреспублики неоднократно обращалось за «помощью» к центральному руководству. В конечном итоге центральные властные структуры, заинтересованные в развитии хлопководства и соответственно в расширении орошаемых земель, наконец изыскали возможности выделения более внушительных бюджетных ассигнований. В 1923 г. союзное правительство впервые отпустило на нужды ирригации Туркестана 5 567 тыс. руб. золотом[3], а в 1924 г. — 6 260 тыс. руб.[4]. При этом оно взяло под жесткий контроль «хозяйственную отдачу» от их прак-

---

[1] Съезды Советов в документах. Т. I. — М., 1959. — С. 482—483.
[2] ЦГА РУз, ф. 397, оп. 3, д. 390, л. 25.
[3] Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 399, л. 91.
[4] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 34, л. 27.

тического использования. По сути, отныне проблемами ирригации вплотную занялись не столько краевые структуры, сколько центральная власть.

Крупные капиталовложения дали возможность развернуть восстановление ирригации в большем объеме. Из общего количества намечаемых работ к 1 октября 1923 г. на 174 объектах работы были выполнены полностью, на 137 — находились в стадии завершения и на 52 — только начаты[1].

Важнейшими работами, выполненными в 1924 г., были: переустройство «головы» арыков Зах и Ханым, выправительные и берегоукрепительные работы Бектемировского узла в Сырдарьинской области; ремонтно-регулировочные работы в головных участках каналов Андижан-сай и Шарихан-сай, переустройство Янгиарыкской системы в Ферганской области; ремонтно-регулировочные работы в Даргомском узле в Самаркандской области и многие другие[2].

Но, отмечая роль бюджетных ассигнований в интенсификации ирригационных работ, следует подчеркнуть, что весомые результаты водохозяйственного строительства в конечном итоге определялись упорным трудом местного дехканства. Причем, как и прежде, он осуществлялся на бесплатной основе. Так, в 1923 г. дехканские хозяйства отработали в счет натурповинности 3 588 474 человеко-дня и выполнили объем работ на сумму 3 549 315 руб.; в 1924 г. — соответственно 2 472 662 чел.-дня и 3 869 185 руб.[3]. Говоря иначе, именно туркестанское дехканство своим созидательным, но неоплачиваемым трудом ускорило процесс восстановления ирригации орошаемых земель.

Важным направлением аграрных преобразований в годы нэповского реформирования явилось проведение скорректированной земельной политики. В ее содержании в условиях перехода к новым методам хозяйствования определились отдельные позитивные изменения. Но так как нэп сохранял командные высоты в экономике в руках коммунистической партии и советского государства, призванных регулировать экономические отношения, то многие изъяны предшествующей аграрной политики сохранились. В их числе примат классового подхода, хотя и в смягченной форме.

---

[1] Алимов И. Указ. соч. С. 42.
[2] Там же.
[3] ЦГА РУз, ф. 215, оп. 1, д. 473, лл. 41—47.

В обеспечении политических целей социалистического переустройства туркестанского кишлака советское руководство принципиальное значение придавало проведению адекватной коммунистическим установкам земельно-водной реформы, к осуществлению которой приступили весной 1921 г.

Конкретные задачи земельной политики, нашедшие преломление в реформе 1921—1922 гг., были намечены в решениях V съезда КПТ и IX съезда Советов Туркестана (сентябрь 1920 г.). Их можно разделить на 3 группы. Первая включала акции социалистической направленности: ликвидация «нетрудовых байско-кулацких хозяйств» и перевод кочевников на оседлое положение. Вторая носила «революционно-демократический» характер: распределение земель республики между безземельными и малоземельными дехканами, батраками, чайрикерами по трудовым нормам[1].

Третьим приоритетным направлением выступало преодоление сильных пережитков колонизаторской политики царской России, проявлявшихся в том, что значительная часть земель коренного населения, особенно в период столыпинских реформ, в результате переселенческой политики царизма была захвачена пришлым русским крестьянством. К началу реформы русские переселенцы, составлявшие всего 8% сельского населения, владели почти половиной всей культурной земли — в 15 раз больше, чем местное население[2].

Наряду с изъятием земель у русских переселенцев в фонд землеустройства должны были отойти монастырские, церковные, вакфные земли, а также поместья белогвардейских офицеров и земли так называемых «нетрудовых хозяйств» местных «эксплуататоров».

В обеспечении задачи создания соответствующей общественной обстановки руководство компартии Туркестана развернуло интенсивную «разъяснительную» и организаторскую работу в охваченных реформой районах. В партийных организациях этих районов состоялись специальные собрания с участием безземельных и малоземельных дехкан.

Одновременно принимались меры по «укреплению»

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1459, л. 106; ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 358, л. 110.

[2] История гражданской войны в Узбекистане. Т. 2. — Т., 1970. С. 253.

сельских, волостных Советов и земельных органов, организации Союза безземельных и малоземельных дехкан как опоры партии на селе. ЦК КПТ в этот период направил на места около 200 опытных коммунистов во главе с членами центрального комитета — Тюракуловым (в Фергану)[1], Лепа, Биликом, Джондосовым (в Семиречье)[2]. Кроме того, в районы проведения реформы выехало около 100 работников, окончивших землеустроительные курсы при Наркомземе республики[3].

Но особенно пристальное внимание уделялось созданию специализированной классовой организации дехканства — союза «Кошчи», призванного объединить «пролетарские и полупролетарские массы» коренного населения кишлаков и аулов. Уже к лету 1921 г. в кишлаках и аулах Туркестана было организовано около 6 тыс. отделений союза «Кошчи», объединивших более 90 тыс. членов[4]. Союз «Кошчи» неизменно рассматривался в качестве базисной опоры советской власти в кишлаке и ауле, школы классового воспитания «трудового дехканства», в том числе в реализации программных установок разворачиваемой земельно-водной реформы.

К практическому осуществлению реформы приступили весной 1921 г. Первоначально она охватывала преимущественно Семиреченскую область и другие регионы, население которых в наибольшей степени пострадало от переселенческой политики царизма. В целях обеспечения масштабных землеустроительных работ создавались специализированные земельные комиссии. В качестве первоначальной меры земельные комиссии сосредоточили внимание на выработке классово-трудовых норм землепользования. Они определялись на специально созванных волостных съездах дехкан, исходя из специфических условий подлежащих реформированию районов, наличного земельного фонда и уровня их заселенности[5]. Были определены также нормы наделения сельхозинвентарем.

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 61, оп. 1, д. 82, л. 6.
[2] Известия ТуркЦИК и ЦК КПТ, 1921, 16 августа.
[3] ЦГА РУз, ф. 29, оп. 1, д. 1967, л. 33.
[4] История коммунистических организаций Средней Азии... С. 531.
[5] Аминова Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода советского государства к нэпу. — Т., 1965. С. 38; Знамя труда, 1921, 10 апреля.

Первые землеустроительные работы в практическом плане стали проводиться уже в феврале 1921 г.[1]. Земельные комиссии под бдительным партийным контролем брали здесь на учет всю землю, водные источники, сельскохозяйственный материал и перераспределяли их в соответствии с классово-уравнительными нормами.

Активные землепреобразовательные работы проводились в этот период и в большинстве районов Самаркандской и Ферганской областей. В Ходжентском уезде, например, в период землеустройства было выявлено 415 так называемых «нетрудовых хозяйств». В 22 волостях Самаркандского уезда были определены приблизительные нормы хозяйств и взяты на учет более или менее крупные хозяйства, имевшие «излишки» земли. Одновременно с этим посевкомы и земкомиссии совместно с союзом «Кошчи» учитывали инвентарь и рабочий скот в «байских хозяйствах». Определенное внимание уделялось обустройству семей, вынужденных после восстания 1916 года бежать за пределы Туркестана[2].

В целом в процессе осуществления реформы 1921 г. в государственный фонд поступило 1722626 дес. земли, в том числе от ликвидации переселенческих поселков — 205 059, от изъятия излишков против установленных норм в поселках с европейским населением — 85107; от ликвидации свободного и переселенческого фонда — 1321720, так называемых «нетрудовых и кулацких» хозяйств — 40 835; от изъятия монастырских, церковных и вакфных земель — 27 016[3].

Из общего государственного фонда на устройство хозяйств было выделено 232 311 дес. земли. Этот земельный фонд был распределен следующим образом: 163 тыс. дес. было передано осевшим и переходящим на оседлое положение киргизам, главным образом лишенным земли после подавления восстания 1916 г. (8523 хозяйства); 25,1 тыс. — оседлому узбекскому населению (3017 хозяйств); 203 тыс. — кочевому киргизскому населению под зимние стойбища (1232 хозяйства), 0,5 тыс. — русским крестьянам (54 хозяйства)

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 61, оп. 1, д. 37, л. 35.

[2] История коммунистических организаций Средней Азии... С. 533.

[3] Стеногр. отчет X съезда Советов Туркреспублики... С. 25.

и т. д. Всего на базе конфискованных земель оказалось устроено 12 826 хозяйств[1].

Вместе с землей после ликвидации «эксплуататорских» хозяйств были отобраны и переданы единоличным и коллективным хозяйствам 1 517 лошадей, 87 верблюдов, 1409 волов, 133 ишака, 1042 коровы. Бедняцкие слои дехканства получили также различный сельскохозяйственный инвентарь: 562 омача, 1271 тешу, 341 борону, 105 бричек, 307 хомутов, 1536 лопат, 2059 серпов, 289 кос[2].

Таким образом, государственный фонд землеустройства комплектовался в основном за счет земель, изъятых у русских переселенцев, и ликвидации переселенческого фонда. Со временем, в соответствии со стратегическими задачами реформы, наряду с конфискацией земель у русских переселенцев все более энергично стали предприниматься усилия по изъятию вакфных земель, «урезке» земельных участков баев, манапов, религиозных служителей и других представителей так называемых «нетрудовых верхов» кишлаков и аулов. К примеру, в конце 1921 — начале 1922 г. на Западном Памире были конфискованы земли бывших ишанов Верхнего Гунта, Сохчарова, Поршнева и ряда других поселков Шугнанской и Рушанской волостей[3].

Все это способствовало нагнетанию социальной и межнациональной напряженности на селе, чему содействовали и иные нарушения гуманитарных прав зажиточных слоев туркестанского кишлака, революционно-репрессивные способы осуществления реформы и ее неудовлетворительная организация.

Терроризируемые «жертвы» реформы стали оказывать нарастающее сопротивление. «Кулаки, баи и манапы», часть середняков отказывались от засева своих участков земли, скрывали в горах скот, «зарывали» в землю зерно, иногда даже поджигали свои дома. Террор властей порождал ответный террор. Усилились нападения на партийных и советских работников, активистов союза «Кошчи»[4]. Значительная часть недовольных дехкан пополняла ряды повстанцев.

Определенные надежды на более цивилизованные

---

[1] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 1704, лл. 23—31.
[2] Стеногр. отчет X съезда Советов Туркреспублики... С. 25.
[3] РЦХИДНИ, ф. 78, оп. 1, д. 71, л. 16.
[4] Турсунов Х. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане. — Т., 1971. С. 291.

формы проведения реформы зародились на рубеже 1921—1922 гг., когда в Туркестане стал вводиться нэп. Появились даже слухи о его приостановлении. В этой связи 11 января 1922 г. ЦК РКП(б) направил письмо в ЦК КПТ, в котором резко осуждались взгляды «некоторых коммунистов» по вопросам нэпа и земельной политики в Туркестане. Российский партийный штаб, напротив, предлагал повысить темпы аграрных преобразований в туркестанском кишлаке, усилив «наступление» не только против «колонизаторских элементов», но и «родофеодальной верхушки» сельского населения[1].

В то же время переход к нэпу обусловил стремление властей осуществлять землеустроительные мероприятия в русле более взвешенных социально-экономических подходов, ограничить крайности левокоммунистических тенденций. В контексте новых нэповских реалий ЦК РКП(б) рекомендовал коммунистам края устранить «допущенные перегибы».

На основе руководящих указаний ЦК РКП(б) был выработан план нового этапа реформации, предусматривающий проведение в 1922 г. землеустройства на общей площади около 4320 тыс. дес. с охватом этими мероприятиями 75 тыс. хозяйств коренного и пришлого населения[2].

Для успешного завершения земельной реформы был пополнен состав земкомиссий. В ряде регионов созданы новые организационые структуры. В основном в ходе второго этапа реформы были почти завершены землеустроительные работы в Андижанском, Аулиеатинском, Чимкентском уездах. Всего в 1922 г. оказалось изъято по Туркреспублике у русских переселенцев 48700 дес. земли[3]. Параллельно активизировались попытки партийно-советского руководства усилить «наступление на баев и манапов».

Но в целом, окидывая ретроспективным взглядом течение событий тех лет, следует сказать, что при проведении реформы 1921—1922 гг. не удалось выполнить указания V съезда Компартии Туркестана и IX съезда Советов Туркреспублики о решительной ликвидации байских хозяйств. Основная масса «трудового»

---

[1] Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926 гг.). — Сб. документов — Т., 1962. С. 167.

[2] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 283, лл. 276—278.

[3] Набиев Ф. Х. Социальная политика в Туркестане в годы нэпа.— Самарканд, 1995. С. 61.

дехканства, руководствуясь духовно-нравственными принципами ислама, не обладая, если пользоваться терминологией того времени, «созревшим классовым самосознанием», не выступила против «своих угнетателей», не поддержала в ожидаемом властями масштабе политику «революционного ограничения байского землевладения».

Не удалось в ходе нового этапа реформы преодолеть в должной мере и осужденные «перегибы». Как свидетельствуют документальные источники, нередко местные органы власти по-прежнему допускали в процессе организации землеустроительных работ грубые нарушения.

Растущее недовольство туркестанского дехканства содержанием преобразовательных мероприятий, его нежелание осуществлять навязываемый властными «верхами» курс «сплошной экспроприации байства» обусловили созревание своеобразного поворотного момента в осуществлении реформы. В общем плане земельно-водная реформа оказалась в принципе завершена к началу осени 1922 г. Уже в постановлении, принятом 18 июля сего года пленумом Средазбюро ЦК РКП(б), указывалось, что земреформа в Туркестане закончена и констатировалась необходимость прекратить в дальнейшем всякие переселения и выселения[1]. Окончательно же она была приостановлена в связи с введением в действие постановлением ТуркЦИК от 5 сентября 1922 г. «Основного закона о трудовом землепользовании в Туркестане».

В последующем, в промежутках между первой и второй земельными реформами (1925—1929 гг.) в Туркреспублике частично продолжались землепреобразовательные работы в духе прежнего реформирования. Так, если к концу 1922 г. коренное население края получило под посевы и пастбища около 600 тыс. дес., а общее число устроенных на конфискованных землях хозяйств достигло примерно 15 тыс., то в итоге землеустроительных мероприятий «межреформенного» периода оседлые дехкане и кочевники получили 534 770, русские крестьяне — 50 552, коммуны и артели — 34 720, для выгона скота кочевников было выделено 40 017 дес. земли[2].

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 1819, л. 11.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 448 а, лл. 31—38.

Оценивая в целом результаты реформы 1921—1922 гг. и последующих землеустроительных акций, важно подчеркнуть, что они вызвали неоднозначные последствия.

С одной стороны, в какой-то мере стал разрешаться земельный вопрос, удалось достичь уравнения в правах на землю и воду русского пришлого и коренного населения. Обширная группа малоземельных и безземельных дехкан получила долгожданные наделы. И это в определенной степени содействовало упрочению авторитета советской власти среди беднейших слоев сельского населения. Но, с другой стороны, нельзя не заметить, что реформа крайне обострила политическую обстановку на селе.

Социально тревожным последствием реформы явилось обострение межнациональных отношений. В этой связи Президиуму ВЦИК пришлось даже адресовать населению Туркестана специальное обращение от 31 августа 1922 г., в котором он вынужден был признать усиление трений «между русским и киргизским населением», призвав его «крепить дружбу на основе пролетарского интернационализма»[1].

Крайне ограниченным оказался эффект наделения землей беднейшей части дехканства. Аграрно-преобразовательные мероприятия начала 20-х годов затронули лишь незначительную группу маломощных хозяйств Туркестана (менее 16 тыс.) и около 0,7% всех пригодных для сельскохозяйственного производства земель (общая площадь их в крае достигала 84 млн дес.). Они имели больше политическое, чем экономическое значение. Даже к 1925 г. только по Ташкентской, Ферганской и Самаркандской областям в полном наделении землей нуждались 19137, в дополнительном — 277194 хозяйства, или более половины всех хозяйств этих областей[2].

Исходя из стратегии строительства социалистического общества, партийно-советское руководство, как и прежде, уделяло приоритетное внимание насаждению коллективных форм хозяйствования. Линия на первоочередное формирование коллективных хозяйств проводилась повсеместно. Так, уже к началу 1921 г. толь-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 348, лл. 10—15.

[2] Аминова Р. Х. Указ. соч. С. 118.

сокая ступень социального развития сельчан. Но при этом не учитывалось, что резкая смена образа жизни сможет пагубно сказаться на укладе жизни кочевого населения. Ведь переход от кочевого состояния к оседлости означал не просто смену форм хозяйственной деятельности, а охватывал все области жизнедеятельности данной социальной группы, вел к коренной перемене традиций, образа мышления, психологии, системы ценностных ориентаций, профессиональных навыков. Подобная переделка не могла пройти безболезненно. Тем более что она проводилась, как правило, в спешке.

По прошествии времени стало ясно, что земельно-водная реформа начала 20-х годов не привела к коренной ломке патриархально-феодальных форм земельно-водных отношений и почти не коснулась «байского землепользования».

Ставка на узкоклассовый подход, некомпетентность земельных органов, левацкие перегибы, допущенные в ходе проведения реформы, приводили к тому, что интересы «трудовых» слоев коренного и русского крестьянства во многих случаях нарушались. Землей было наделено сравнительно небольшое количество хозяйств бедняков и батраков. К тому же они, располагая незначительным количеством скота и инвентаря, не могли эффективно использовать полученную землю.

Обновленный подход нашел отражение в «Водном законе», введенном 1 августа 1922 г.[1], и «Основном законе о трудовом землепользовании в Туркестане», принятом 5 сентября 1922 г.[2]. Они гарантировали в какой-то мере устойчивость землепользования, расширили пространство проявления разнообразных форм хозяйствования и тем самым способствовали повышению заинтересованности сельчан.

В то же время необходимо подчеркнуть, что «обновленное» земельное законодательство несло на себе печать прежних «военно-коммунистических» идеологем. В частности, единственной формой объявлялось «трудовое землепользование».

В строгом соответствии с классовым подходом вводилась система арендных отношений. Аренда допускалась только для «трудовых хозяйств». Применение на-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 302, л. 178.
[2] Там же, д. 404, л. 231.

емного труда «трудовым земледельческим хозяйством» разрешалось лишь в тех случаях, когда хозяйство не могло вовремя выполнить необходимые сельскохозяйственные работы своими силами, а также при условии, если все трудоспособные члены хозяйства работали наравне с наемными рабочими. Тем самым, по мысли советского руководства, создавались препятствия для «эксплуатации», роста «кулацко-байских хозяйств», законодательные предпосылки для «ограничения и вытеснения сельской буржуазии».

В аналогичном ключе вводилось и положение о запрете купли, продажи, дарения и залога земли. Подобный подход резко сужал возможности проявления плюрализма собственности и хозяйствования, а значит, и форм экономической жизни. Сельская экономика продолжала, хотя и в смягченном варианте, обставляться административными и идеологическими запретами.

Противоречиво внедрялись и такие нэповские акции, как продовольственный налог и товарообмен. Первым законодательным актом в этом направлении явилось постановление ЦИК Советов ТАССР от 20 апреля 1921 г. «О замене продовольственной, фуражной и сырьевой разверстки натуральным налогом», принятое на основании декрета ВЦИК от 21 марта[1]. Объективно замена проклинаемой крестьянами продразверстки продналогом была призвана существенно улучшить экономическое положение дехканских масс. Разверстка по хлебу составляла 22,1 млн пудов, а продналог в 1921 г. был установлен в 12,5 млн пудов. Вдвое уменьшалось количество взимаемых мясопродуктов и фуража: соответственно 3,3 и 1,6 млн и 15,2 и 8,7 млн пудов[2]. Существенно снижались задания по налогу на фрукты, овощи, масло, яйца, шерсть.

Одновременно намечалась прогрессивная система обложения с учетом посевных площадей, экономического состояния хозяйств и стимулирования производства хлопчатника. 8 августа того же года ЦИК Советов Туркреспублики утвердил постановление «Об обмене», разрешавшее свободный обмен, покупку и продажу продуктов сельского хозяйства, оставшихся после вне-

---

[1] Сборник декретов, распоряжений и постановлений ЦИК Советов Туркестанской республики. — Т., 1921. С. 43—44.

[2] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 1309, л. 64.

сения натурального налога, как отдельным гражданам, так и сельскохозяйственным объединениям[1].

10 августа последовало более развернутое постановление ЦИК ТАССР «Об установлении размера продовольственного налога», определившее нормы налога на 1921—1922 гг. и способы его исчисления исходя из условий края. Так, в отличие от центральных районов России, где продналог определялся в зависимости от собственного урожая, в Туркестане исчисление налога намечалось производить с десятины засеянной земли[2]. Классовый подход при определении конкретных размеров продналога проявился довольно отчетливо: на зажиточные хозяйства возлагались повышенные задания. Так, хозяйства, имевшие до 3 танапов зерновых, должны были сдавать в счет налога до 2 пудов пшеницы, до 6 тан. — 4 пуда, до 12 тан. — 10 пудов, до 48 тан. — 80 пудов и т. д.[3].

Показательно еще и то, что в течение 1921 — весны 1922 г. нэповские принципы в аграрном секторе внедрялись крайне слабо. Во многих местах по-прежнему использовались, хотя и в смягченном варианте, методы продразверстки. К тому же действовала довольно сложная дробная система натурального продналога, взимавшегося по основным земледельческим, техническим и другим культурам и продуктам животноводства. Все это вызывало недовольство сельских товаропроизводителей.

11 апреля 1922 г. ТуркЦИК принял постановление «О едином натуральном налоге». Согласно ему вместо 14 существовавших ранее провозглашалось введение единого натурального налога. Он составлял около 10% от общей суммы валовой доходности сельского хозяйства республики или в хлебных единицах — 11250 тыс. пудов[4].

Но, к сожалению, на начальной стадии реализации данного постановления допускались многочисленные нарушения. Так, сохранилась, хотя и в меньшей степени, дробность натурального продналога. Он включал восемь натуральных обложений, охватывающих наряду с продовольственными видами продукции сель-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 58, л. 10.
[2] Там же, ф. 25, оп. 1, д. 488, л. 14.
[3] История народного хозяйства Узбекистана. Т. 1. С. 112.
[4] История гражданской войны в Узбекистане. Т. 2. С. 241.

ского хозяйства также технические культуры и фураж[1]. Кроме того, по примеру РСФСР, на сельское население были возложены многочисленные иные виды налогов, в их числе водный, трудгужналог, подворно-денежный, на восстановление сельского хозяйства, «самообложение» по содержанию школ и т. д.

Такой подход вызывал негативную реакцию со стороны дехканства. В течение лета и осени 1922 г. в правительственные органы ТАССР поступил огромный поток заявлений дехкан с жалобами на действовавшее налоговое законодательство[2].

Негативные последствия налогообложения со временем стали проявляться все более рельефно. Вследствие чего в высшем политическом руководстве советского государства по мере их нарастания на фоне общего оживления экономической жизни и ослабления остроты продовольственного вопроса начало углубляться осознание необходимости унификации налога на сельских товаропроизводителей, предоставления крестьянину права хотя бы частичных денежных выплат. 1 июня 1923 г. ЦИК Советов ТАССР в свете новых подходов принял декрет «О едином сельскохозяйственном налоге», в котором были объединены: единый натуральный налог, трудгужналог, подворно-денежный и единовременные налоги на восстановление сельского хозяйства, а также местные налоги[3].

Сельскохозяйственный налог 1923/24 г. в отличие от предыдущих лет выплачивался уже частично в денежной форме. Соотношение между натуральной и денежной частью налога определялось в зависимости от близости железных дорог и водных путей сообщения, сельскохозяйственной специализации области.

Позитивным потенциалом единого сельскохозяйственного налога являлось то, что он покончил со множественностью обложения, в определенной степени обеспечил соответствие размеров налога с доходом отдельных групп хозяйств. Вместе с тем в его идеологии сохранился классовый подход. Классово-идеологическое ущемление экономических интересов зажи-

---

[1] Съезды советов в документах. Т. 1. — М., 1959. С. 452.

[2] ГАРФ, ф. 130, оп. 6, д. 181, лл. 157, 165.

[3] Декрет и инструкция по обложению единым сельскохозяйственным налогом в 1923—1924 гг. — Т., 1923.

точных слоев туркестанского дехканства вызвало их враждебное отношение к единому сельхозналогу. Как писалось в периодической печати тех лет, «эксплуататорские элементы» повсеместно скрывали посевы и скот от учета, «вели антисоветскую пропаганду среди несознательной части дехканства»[1]. Но ряды последних множились, ибо налоговая служба нередко, не считаясь ни с чем, «выбивала» и из «кулаков и баев», из середняков и маломощных хозяйств высокие налоги даже тогда, когда дехкане не успели еще реализовать выращенный урожай или у них произошел падеж скота[2].

Естественно, такая практика вела к обострению социальной напряженности на селе. Чтобы в корне пресечь «разгул» акций социального протеста, Исполбюро ЦК КПТ 18 августа 1923 г. приняло постановление о создании в уездах Особых троек, обладающих чрезвычайными полномочиями[3]. С помощью властных структур, налоговой службы, членов союза «Кошчи» уполномоченные ЦК КПТ, Особые тройки развернули масштабную учетно-налоговую кампанию, в ходе которой особое внимание обращалось на выявление фактов «классового саботажа» и их пресечение. По всей республике к 15 ноября 1923 г. удалось выявить и дополнительно учесть 86129 десятин посевов[4].

Использование комбинированных подходов способствовало активному проведению налоговой кампании. Начавшийся в октябре 1923 г. сбор единого сельскохозяйственного налога прошел успешно. Первой закончила сбор налога 1 марта 1924 г. Ферганская область, а к июлю 1924 г.— вся республика[5].

В 1924 г. советское государство перешло к сбору налога исключительно в денежной форме. Сбор единого сельхозналога проходил столь же активно, как и в 1923 г. При этом помимо денежных сборов интенсивно осуществлялась заготовка сельскохозяйственного сырья для промышленности. В частности, в 1923/24 г. в ТАССР было заготовлено 740000 шт. пушнины, 235000 пудов шерсти и т. д.[6].

---

[1] Туркестанская правда, 1923, 15 августа.
[2] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 3777, л. 74.
[3] Там же, д. 3147, л. 46.
[4] Там же, д. 3777, л. 74.
[5] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 1662, л. 104.
[6] Туркестанская правда, 1924, 5 ноября.

Противоречия налоговой политики, ее ориентация на принципы классового мышления существенно ограничили возможности проявления здоровых экономических начал. Вместе с тем внесенные в стратегию сельхозналога прогрессивные изменения объективно способствовали усилению товарообмена между городом и деревней, восстановлению сельской экономики, улучшению благосостояния «трудовой» части дехканства.

Важным направлением нового экономического курса явилось активное развертывание кооперативного движения.

В государственной политике кооперативного строительства периода нэпа определились две ключевые тенденции. С одной стороны, кооперация рассматривалась как средство вовлечения мелкотоварного хозяйства в социализм, как форма согласования личного и общественного интереса. С другой, ее роль преимущественно сводилась к социальному инструменту вытеснения частного сектора, к использованию кооперативных структур вопреки экономической целесообразности. Преобладание той или иной тенденции определяло характер и качество государственной политики по отношению к кооперации.

Острые дискуссии вызвал в условиях перехода к нэпу вопрос о методах вовлечения дехкан в кооперативные объединения. Проблему добровольности или обязательности кооперирования населения в России решили в этот период компромиссом, который предусматривал при исходном положении обязательного кооперирования введение добровольности посредством материальной заинтересованности. Это положение, закрепленное законодательством метрополии, вначале не было полностью принято в Туркестане[1].

Однако в последующем правительство республики последовательно стало замещать административный механизм воздействия экономическим. Это проявилось в трех основных направлениях. Первое включало осуществление государственной кредитной политики, характеризующейся возрастанием объема кредитования, предоставления льготных условий кредита и роста его удельного веса в кооперации. Второе — становление налоговой политики по отношению к кооперации. Третье — материально-техническая помощь кооператив-

[1] РГАЭ, ф. 484, оп. 2, д. 148, лл. 29—30.

ным объединениям, включающая в себя льготные условия аренды, приобретения инвентаря и техники, их обслуживание, а также оргтехнические мероприятия, проводимые на средства государства.

Кооперативное движение ширилось как в городе, так и на селе. Но приоритетное развитие оно получило в сельском хозяйстве. Причем кооперация в аграрном секторе края не имела тенденции охвата всех функций производства и обобществления дехканского хозяйства. Индивидуализм мелких собственников, особенности их производства, обусловил сотрудничество между ними на базе простых форм кооперации, которые позволяли, не разрушая трудовые семейные хозяйства, применять кооперативные принципы хозяйствования.

В первые годы нэпа наибольшее распространение в Туркестанской республике получила кредитная кооперация. Ведущей формой кредитной кооперации явились кредитные и ссудно-сберегательные товарищества. Постановление об их создании было принято ЦИК Советов ТАССР 15 августа 1922 г. К началу 1923 г. число кредитных и ссудно-сберегательных товариществ составило 275. Наряду с ними кредитование сельского населения проходило через сельскохозяйственную кооперацию. Постановление о ее реализации было принято ЦИК Советов ТАССР в сентябре 1921 г. Согласно данному постановлению дехканам предоставлялось право создавать сельскохозяйственные объединения по совместной обработке земли, сбыту продукции и организации снабжения хозяйств сельхозинвентарем, семенами и т. д.[1].

Общее руководство сельскохозяйственными кооперативами осуществлял созданный в апреле 1922 г. «Турксельхозсоюз». Благодаря его усилиям, а также поддержке центрального правительства уже в 1924 г. сельскохозяйственная кредитная кооперация заняла ведущее место в системе кредитования сельчан.

В мае 1923 г. правительство РСФСР учредило Государственный сельскохозяйственный банк с капиталом в 1,5 млн руб. золотом. Вскоре открылся его филиал и в Туркестанской республике. Сельхозбанк осуществлял свои операции через систему кредитных товариществ и сельхозкооперацию.

---

[1] РГАЭ, ф. 18, оп. 1, д. 170, лл. 73—74.

В 1923 г. в Туркестане действовало уже 1169 кредитно-кооперативных товариществ, подавляющая часть членов которых пользовалась ссудами при посредстве Среднеазиатского сельхозбанка[1]. Кредит выдавался дважды в год. В 1923 г. он составил 822605 руб. золотом, а в 1924 г.— уже 2176309 руб. Им пользовались более 28 тыс. хозяйств.

Среднеазиатский сельскохозяйственный банк не был единственным кредитным учреждением в республике. С 5 августа 1923 г. в Туркестане действовало также отделение Всероссийского кооперативного банка, имевшее к концу 1923 г. свои агентства в Самарканде и Фергане. Членами отделения состояли 50 кооперативных учреждений. За 9 месяцев своего существования этот банк выдал туркестанской кооперации 4015 тыс. руб. золотом[2].

Но, говоря о кредитно-финансовой деятельности банковских учреждений, было бы ошибочным представлять ее в розовом свете. В реальной жизни кредиты выдавались под непомерно высокие проценты. Так, в 1923 г. Сельхозбанк, кредитуя кооперативную клиентуру, взимал 22—36%. Правда, на следующий год процентная ставка для сельхозтовариществ была понижена до 12%, но одновременно для частной клиентуры доведена до 37—39%[3]. Таким образом, кредитная политика советского государства, помимо классового подхода, обладала чертами «ростовщического» капитала. Высокие учетные ставки ограничивали возможности многих хозяйств в восполнении недостатка оборотных средств.

Сложно и противоречиво развивалась на селе промысловая кооперация. Законодательным актом для ее зарождения в сельской местности послужили постановления ТуркЦИК от 8 августа 1921 г. «О промысловой кооперации» и «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной сельскохозяйственной кооперации»[4]. X съезд Советов Туркестана одобрил изданные ТуркЦИК декреты, особо выделив те отрасли, развитие которых содействовало дехканскому хозяйству в производстве предметов широкого потребления[5].

---

[1] Ризаев Г. Указ. соч. С. 69.
[2] ЦГА РУз, ф. 86, оп. 1, д. 3097, л. 141.
[3] ГАРФ, ф. 1235, оп. 118, д. 12, л. 79.
[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 287, л. 20.
[5] Известия ТуркЦИК, 1921, № 196.

Промысловые кооперативы создавались для ведения совместного производства, организации труда своих членов, снабжения их сырьем, для сбыта производившейся ими продукции. Но с целью пресечения деятельности «лжекооперативов» стали проводиться ревизии социального состава низовой сети, ужесточились требования к выдаче кредита и регистрации промысловых артелей. В итоге развернулись преследования по всей системе промысловой кооперации. Это окончательно подорвало возможности ее здорового развития на селе[1].

На фоне промысловой кооперации динамичным выглядел процесс развертывания производственной кооперации. Особенно весомую роль в ее развитии сыграл созданный в 1923 г. Комитет содействия сельскому хозяйству. В круг его задач входило: расширение сельскохозяйственного кредита через соответствующие учреждения, восстановление хлопководства и производства других промышленных культур, возрождение хозяйств, разоренных войной (особенно в Ферганской области); последовательное развертывание сети сельскохозяйственных кооперативов; упорядочение снабжения дехкан сельхозинвентарем и т. д.

В целом к моменту образования Узбекской ССР в аграрной отрасли действовало 912 сельхозкооперативов и 29 мелиоративных товариществ, насчитывающих соответственно 233537 и 22 тыс. членов[2]. Они охватывали свыше 30% общего числа хозяйств. Кооператор становился, таким образом, ведущей силой сельскохозяйственного производства, особенно в сфере хлопководства. Достаточно отметить, что из общего состава сельскохозяйственных кооперативных объединений скотоводческие кооперативы составляли 141, по выращиванию злаков — 112, садоводческих и виноградарских товариществ — 42, а хлопковых — 611. Членами хлопковых кооперативов было засеяно в 1924 г. 92,6% общих хлопковых площадей[3].

Однако, говоря о количественном росте кооперативного движения и умножении вклада его участников в подъем аграрного производства, следует подчеркнуть, что весомый потенциал сельскохозяйствен-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 1, д. 108, л. 124.
[2] РГАЭ, ф. 484, оп. 2, д. 46, лл. 13—15.
[3] Там же.

ной кооперации использовался не в полную силу. И это было связано с продолжавшейся, хотя и в смягченной форме, идеологизацией экономики. Наглядно это проявлялось в вопросах выдачи кредитов и приема в члены кооперативов. Принимали не каждого. Существовал классовый отбор. Приоритет отдавался беднякам. К зажиточным же слоям применялись жесткие условия. Так, лица «байского» происхождения, «кулаки» обязаны были единовременно вносить в качестве первого взноса сумму, по размеру вдвое превышающую взносы середняков и в 12 раз — бедняков. Подобный подход, безусловно, сказывался на ущемлении гражданских прав значительной части сельского населения, обуславливал искусственное отчуждение значительной доли работоспособных групп крестьянства от созидания экономически развитого общества.

Определенные изменения внес нэп и в актуальную для сельского населения и всей экономики республики хлопковую политику. Правда, они проявились не сразу. Как и в других отраслях аграрного производства, старое сдавало позиции в хлопководстве с трудом. Консерватизм мышления подавляющей части партийных, государственных и хозяйственных работников, их тяготение к командно-распорядительной системе управления встали мощной стеной на пути нарастающего половодья перестроечных процессов.

Зримым отражением подспудной борьбы в сфере развития хлопководства в новых условиях стал вопрос о хлопковой монополии. Последняя выражалась в двух основных формах. Прежде всего она включала устойчивое расширение посевов хлопчатника за счет иных сельскохозяйственных культур. Эта политика активно проводилась царской Россией, продолжилась она и в годы советской власти. Вторым направлением выступала государственная монополия на закупку и распределение хлопка-сырца, установление на него властными структурами произвольных закупочных цен.

Но с переходом к новой экономической политике наиболее трезво мыслящие ученые, хозяйственники, экономисты, понимая глубокую ущербность курса государственной монополии в сельском хозяйстве вообще и в хлопководстве в частности, неоднократно высказывали мысль о необходимости ее ликвидации как фактора, объективно сдерживающего возможности про-

явления конкуренции и становления здоровых товарно-денежных отношений на селе.

За ликвидацию государственной монополии на хлопок высказывались в то время и некоторые члены правительства Туркреспублики, в частности народный комиссар земледелия С. Асфендияров. Ставил вопрос о ликвидации монополии и Туркестанский хлопковый комитет.

Однако подавляющая часть работников партийно-государственного аппарата как Туркреспублики, так и РСФСР стояла на консервативных позициях. В резолюции VI съезда КПТ четко указывалось, что восстановление хлопководства республики следует осуществлять с условием «сохранения (по примеру сырья, шерсти, кожи) государственной монополии в области скупки излишков хлопка», хотя и говорилось о необходимости налаживания «государственного товарообмена» и «договорных операций с частными лицами»[1]. 1 января 1922 г. ВСНХ РСФСР принял постановление, в котором также твердо отстаивалась необходимость сохранения госмонополии на хлопок[2].

Консервация порочного курса в хлопководстве существенно затормозила процессы его восстановления, ослабила провозглашенные было принципы экономического стимулирования труда хлопкоробов, вызвала пагубные зигзаги в ценовой политике. В 1921 г. продолжилось падение не только количества произведенного хлопка, но и его сортность. В 1918/19 хозяйственном году государство получило 4110 тыс. пудов сырца, из них первым сортом — 2050 тыс. пудов или половину всего собранного урожая; в 1919/20 г. было сдано 3100 тыс. пудов, из них первым сортом — 37%, а в 1920/21 г.— 1900 тыс. пудов, из которых первым сортом — всего 18%[3].

Летом-осенью 1921 г., подготавливаясь к новой посевной кампании, директивные органы попытались более активно использовать организационные и экономические стимулы подъема хлопководства. 5 сентября 1921 г. СНК РСФСР принимает очередное постановление, нацеленное на восстановление хлопководства. В нем особо оговаривалось, что ТуркЦИК предостав-

---

[1] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... С. 141.
[2] История Узбекской ССР... Т. 3.— С. 357.
[3] Аминова Р. Х. Указ. соч.— С. 253.

ляется «право установления форм реализации хлопка-сырца... не останавливаясь в случае целесообразности перед отменой твердых цен и установления свободного распоряжения товарным фондом для нужд реализации хлопка-сырца». Постановление поручало «ввести в финансовой политике Туркестана в возможно более полном объеме начала новой экономической политики»[1].

Одновременно, согласно решению СТО РСФСР от 22 сентября 1921 г., в целях общего руководства развитием хлопковой отрасли был образован Главхлопком. Со своими местными органами он был призван обеспечить восстановление хлопководства до довоенных размеров за счет роста хлопковых площадей, способствовать повышению урожайности и увеличению выхода волокна; руководить работами по возрождению разрушенных ирригационных систем; способствовать снабжению хлопкоробов необходимым продовольствием, рабочим скотом, семенами, удобрениями.

Главхлопкому были предоставлены самые широкие права: право монопольной заготовки хлопка и снабжения им текстильных предприятий Центра, проведения мероприятий по орошению и агрокультуре и даже издания постановлений без санкций ВСНХ и других центральных государственных органов[2].

На первом этапе своего возникновения Хлопком вынужден был больше заниматься с дехканами-«единоличниками», но затем он развернул бурную деятельность по созданию хлопковых товариществ и кооперативов.

Одной из сложных проблем хозяйственной политики тех лет являлось установление адекватных цен на хлопок-сырец. На первый взгляд, Хлопком в обстановке изменения основных принципов хозяйствования как будто бы осуществил пересмотр политики цен, предпринял усилия по оздоровлению взаимоотношений между хлопковыми хозяйствами и государственной промышленностью. Однако и вновь введенный денежный расчет, равный стоимости 2,5 пудов пшеницы за 1 пуд хлопка, не устраивал дехкан. Их недовольство ценами на хлопок сказывалось на дальнейшем сокращении его производства. Так, площадь посевов

---

[1] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 488, л. 56.
[2] См.: Аминова Р. Х. Указ. соч.— С. 257.

составила в 1922 г. 51421 десятину, в то время как в 1921 г. — 87659. Посевные площади под хлопок в 1922 г. были почти в 11 раз ниже уровня 1916 года. Общее же количество собранного хлопка понизилось по сравнению с 1920/21 хозяйственным годом с 1900 тыс. до 1312544 пудов[1].

На I съезде уполномоченных кооперативных товариществ, состоявшемся в феврале 1923 г., вопрос о ценах поднялся с небывалой остротой. Несмотря на угрозы со стороны представителей Хлопкома, съезд не принял предложение об установлении гарантированной цены в 2,5 пуда пшеницы, но согласился на нее как на минимальную[2]. Таким образом, на этом съезде впервые за годы советской власти туркестанское дехканство отстояло свои экономические интересы перед государственным диктатом.

Во многом это было связано с новыми экономическими реалиями. Логика нэповского курса, хотя и с трудом, вела к пересмотру арсенала привычных административно-командных средств. Идеологизированная экономика не могла быть эффективной. Время вплотную подталкивало и к децентрализации хлопкопроизводства. В январе 1923 г. Совет Труда и Обороны СССР под председательством одного из видных сторонников углубления нэповских реформ А. И. Рыкова принял постановление, в котором указывалось: «Отменить государственную монополию на закупку хлопка внутри республики»[3].

Однако данное постановление носило половинчатый характер. И после отмены хлопковой монополии послабления если и наметились, то отличались идеологической усеченностью. Хлопком, вынужденный несколько перестроить свою деятельность, все же во многом оставался фактическим монополистом на хлопковом рынке. Ведь привлечение частного капитала к восстановлению хлопководства края проходило под непосредственным контролем Главхлопкома, в руках которого сохранились наиболее важные хозяйственные функции. В его ведении остался весь семенной фонд, хлопкоочистительные и маслобойные заводы. Ему было предоставлено право регулировать цены на хлопок внут-

---

[1] ГАРФ, ф. 3429, оп. 75, д. 449, лл. 35—40.

[2] Там же, ф. 1066, оп. 2, д. 52, лл. 124—128.

[3] Там же, ф. 2281, оп. 2, д. 1489, лл. 98—99; ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 1291, л. 45.

ри страны, что позволяло ограничить сферу действия частного капитала и направлять его по руслу, наиболее выгодному советскому государству. Так, частному сектору разрешалось скупать хлопок только с площади им же авансированных посевов.

Крайне жестко проводил Главхлопком, казалось бы, такую чисто экономическую меру, как контрактация посевов хлопчатника. Количество дехканских хозяйств, охваченных контрактацией, возрастало год от года, в частности, если в 1922 г. число контрактационных договоров составляло 52000, то в 1924 г.— 190438[1]. Правда, наблюдались случаи, когда они навязывались в административном порядке. Хлопком заключал договора с дехканами-хлопкоробами преимущественно через кооперативы. В 1924 г. они обеспечили 92% из общей массы договоров[2]. При этом и Хлопком, и кооперативные органы придерживались строго классового принципа. Например, в Андижанском, Скобелевском, Кокандском, Наманганском уездах договоры контрактации подписывались с дехканами, имевшими не более 1,3, в Маргиланском уезде — 2, в Самаркандском и Каттакурганском уездах — 1—1,3 дес.[3]. Бедняцким и середняцким хозяйствам оказывалась известная помощь.

Но когда дело касалось выполнения взятых обязательств, Хлопком забывал о «классовой солидарности». Выдав ссуду дехканам, он, не считаясь ни с чем, требовал ее абсолютного погашения. В результате зачастую сельские труженики вынуждены были отдавать в уплату семенной фонд, оставаясь без семян на следующий год, либо сдавать в счет долга скот, оказываясь сразу на грани голода.

Но несмотря на зигзаги экономической политики и порочный волюнтаризм Главхлопкома, прогрессивные начинания пробивали дорогу. Так, важным показателем перехода на позиции нового экономического мышления явилось решение о выделении в среднем по 1,5 руб. золотом каждому туркестанскому дехканину за каждую засеянную хлопковую десятину. Усилилось внимание к обеспечению хлопкоробов товарами.

Одновременно состоявшаяся в начале 1923 г. 1-я

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 1, д. 108, л. 95.
[2] ГАРФ, ф. 1235, оп. 118, д. 11, л. 58.
[3] Хлопковое дело, 1924. № 7—8. — С. 37—38.

экономическая конференция среднеазиатских республик приняла постановление, в котором рекомендовалось полностью отменить продналог с хлопковых посевов, указывалось на необходимость поддержания правильной политики цен, сохранения системы протекционизма по отношению к товаропроизводителям[1].

Весной 1923 г. в целях создания оптимальных условий для проведения посевной кампании Хлопком выдал в качестве ссуды 15 млн руб. и 636 168 пудов семян[2]. Благодаря принятым мерам и усилению заинтересованности дехкан, в 1923 г. только со стороны Главхлопкома было засеяно хлопком 152 352 десятины, что в три раза превышало показатели предыдущего года[3].

Показательно и то, что вследствие отмены хлопковой монополии помимо ГХК посевом хлопка занимались и другие организации, хотя им удавалось засеять лишь сравнительно небольшую площадь[4].

Весной 1923 г. на туркестанском хлопковом рынке появился и частный капитал. В частности, фирмы «Ост-Вест» и «Иттифак» скупали остатки волокна прошлого урожая. Кроме того, фирма «Иттифак» организовала посевы хлопка в Голодной степи на площади около 1 тыс. дес., а также в районе Андижана и Скобелева. Но здесь площадь посевов была еще более ограниченной[5].

Благодаря существенному расширению посевов хлопчатника удалось собрать 5 627 579 пудов хлопка[6].

Подъем хлопководства, наметившийся в 1923 г. на основе нэпа, продолжился и в следующем году. В немалой степени это было связано с дальнейшим закреплением механизма экономического стимулирования хлопкоробов. В частности, им было разрешено пользоваться наемным трудом, хлопкоробы наделялись землей сверх установленной нормы, они обеспечивались в первую очередь водой, освобождались от повинностей, а маломощные хозяйства — и от сельхозналога. Заметно повысилась цена на хлопок. В среднем она составляла 4 руб. 50 коп. за пуд. Причем, установлен-

---

[1] Хлопковое дело, 1923, № 3—4. — С. 117—119.
[2] ГАРФ, ф. 5674, оп.4, д.991, л.34.
[3] Там же.
[4] ЦГА РУз, ф.25, оп.1, д. 1244, лл. 162—163.
[5] Туркестанская правда, 1924, 18 января.
[6] Аминова Р. Х. Указ. соч.— С. 295.

ная цена могла изменяться в различных районах хлопководства с учетом сортности хлопчатника и выхода волокна[1].

Внедрялась аренда земли. Правда, на ее пути встретились серьезные трудности, причем в основном субъективного характера. Особенно острое неприятие партийно-государственных структур вызывали крупные земельно-хлопковые аренды. Если в начале 20-х годов они еще допускались, то в последующем стали преследоваться.

Тем не менее, несмотря на идеологические издержки, отдача от внедрения нэповских принципов последовательно возрастала. В 1924 г. удалось засеять хлопчатником 315 168 дес., что в 2 раза превысило показатели 1923 г.[2]. Объем собранного хлопко-волокна составил 4 250 тыс. пудов[3].

Наряду с хлопководством зримые признаки оживления наблюдались и в других отраслях растениеводства. В частности, последовательно расширились площади под продовольственными культурами. Уже в 1921 г. было собрано 4 млн пудов зерна[4].

Исследуемый период в Туркестане характеризовался также активизацией процессов восстановления животноводства, хотя нэп вызвал неоднозначные процессы в этой отрасли. Если рассматривать общественный сектор, то следует признать, что нэповские реалии объективно вызвали обострение ситуации.

Деятельность обобществленных — социалистического типа — агропредприятий чрезвычайно затруднялась из-за скудного и нерегулярного отпуска государственных средств. Вследствие чего те из них, которые еще финансировались из бюджета, стали переходить на хозрасчет. Однако, будучи нерентабельными, многие из этих хозяйств не смогли приспособиться к режиму «самооправдания» и были ликвидированы. В их числе — фермы племенного скота в Караколе, Полторацке, на Ансае, в Джетысуйской области. Племенное хозяйство «Дуваната» оказалось передано правлению Семиреченской железной дороги.

В конечном итоге из имевшихся к концу 1922 г. в

---

[1] Туркестанская правда, 1924, 24 сентября.

[2] Отчет о деятельности Главхлопкома за время с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. — М.—Л., 1926. С.31.

[3] Ю ф е р о в В. И. Хлопководство в Туркестане. — Л., 1925. С. 125.

[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д.27, л.42.

ведении управления животноводства Наркомзема 23 животноводческих госпредприятий осталось только 8[1]. Но и они продолжали испытывать большие трудности. Только в 1924 г. общественные скотоводческие хозяйства, перешедшие на хозрасчет, получив дополнительные земельные угодья, сельхозинвентарь, семена для посевов, смогли войти в систему новых экономических отношений и даже увеличить численность содержащегося в них скота до 29 304 голов[2]. Определенные изменения обозначились и в сфере «индивидуального» скотоводства.

Предпринятые усилия принесли позитивные результаты. В частности, определились тенденции роста поголовья скота: в 1920 г. в республике имелось 771 тыс. лошадей, а в 1924 г. — 827 тыс.; овец и коз — соответственно 5797 тыс. и 7 350 тыс.[3]. Общее же количество республиканского стада достигло в 1924 г. 8 666 455 голов[4].

Таким образом, оценивая в целом состояние сельского хозяйства Туркестана к концу исследуемого периода, можно констатировать, что оздоровление систем хозяйственного руководства, растущее применение средств экономического стимулирования вызвали уже в 1923—1924 гг. обнадеживающий перелом в аграрном производстве. Так, стоимость всей продукции сельского хозяйства ТАССР увеличилась в 1923 г. по сравнению с 1922 г. со 130 до 161 млн, а в 1924 г. — достигла 209 млн руб. Общая посевная площадь увеличилась на 632 тыс. десятин, количество скота — более чем на 30%, урожай хлопчатника — в 5 раз[5].

Иными словами, уже первые мероприятия новой экономической политики, несмотря на всю сложность и противоречивость их проявления, способствовали налаживанию здоровой экономической обстановки, выходу сельского хозяйства из состояния опасного паралича. Вместе с тем было бы ошибочным идеализировать обозначившиеся успехи. Несмотря на очевидное оживление, аграрная отрасль республики была еще

---

[1] Аминова Р. Х. Указ. соч.— С. 227.
[2] ГАРФ, ф.1235, оп.100, д.251, л.104.
[3] Народное хозяйство Средней Азии. 1924, № 5. — С.72—75.
[4] ЦГА РУз, ф. 25, оп.1, д.1848, л.89.
[5] ГАРФ, ф. 1235, оп.118, д.11, лл.149—150.

очень далека от достигнутых ранее рубежей. В частности, совокупная стоимость продукции сельского хозяйства в 1924 г. составляла менее половины «довоенной»: валовая доходность аграрного производства равнялась в 1913 г. 430 млн руб.[1]. Общая посевная площадь составляла лишь 57,8% от уровня 1914 г., в том числе зерновых культур — 57,7%, хлопчатника — 52,3%, бахчевых — 50,6%[2]. Численность скота колебалась в пределах 31%[3].

В определяющей мере столь низкие показатели, наряду с тяжелым экономическим наследием «военного коммунизма», обуславливались концептуально-идеологической зашоренностью курса нэповских реформ, нежеланием властных структур восстанавливать в полном объеме здоровые товарно-рыночные отношения, доминантой классового подхода к решению острых социально-экономических проблем, неизменной оглядкой на соответствие предпринимаемых акций генеральному маршруту социалистического строительства.

Как и сельское хозяйство, промышленность Туркестана оказалась к 1921 г. в угрожающем упадке. Серьезную разруху претерпели перерабатывающие, добывающие отрасли и транспорт. Общий объем валовой продукции промышленности края уменьшился в 1920 г. на 80% по отношению к 1914 г. Из 884 цензовых промышленных предприятий, действовавших в 1913 г., осталось только 228[4]. Промышленный сектор был представлен преимущественно мелкими предприятиями кустарного типа.

Развал промышленного производства обусловил резкое сокращение численности туркестанского рабочего класса: она понизилась на 65%[5].

Одним из структурных элементов нэповских реформ, предпринимаемых в промышленной сфере, выступала ленинская идея «госкапитализма». Она предусматривала временное восстановление несоциалистических форм хозяйствования при сохранении командных высот в руках советского государства, остающегося главным собственником и ведущим инст-

---

[1] История Узбекской ССР... Т.3.— С. 363—364.
[2] История народного хозяйства Узбекистана... Т.1.— С.157.
[3] РЦХИДНИ, ф.62, оп. 1, д.108, л.124.
[4] ЦГА РУз, ф.27, оп.1, д.496, л.35.
[5] Сборник статистических сведений по Союзу ССР (1918—1923 гг.). — М., 1924. С.191,211.

рументом социалистических преобразований. В этой связи в решениях VI съезда КПТ, официально провозгласившего нэповский курс в Туркестане, особо подчеркивалось: «Крупная национализированная промышленность всегда будет основой народного хозяйства и пролетарской власти, ее необходимо поддерживать всеми имеющимися средствами... Крупная промышленность должна быть поставлена в самые льготные условия финансирования»[1].

В социалистическом секторе промышленного производства главным направлением «нэповского обновления» стала масштабная перестройка управления промышленностью и предприятиями на основе достаточно жесткой плановости и внедрения хозяйственного расчета, обеспечивающего контроль рублем и относительное расширение производственной демократии.

В контексте реализации нэповского курса уже с июня 1921 г. стала предприниматься реорганизация руководства промышленностью. Ее основной смысл сводился к государственной концентрации производства на крупных и достаточно рентабельных промышленных предприятиях. С этой целью все предприятия, находившиеся в ведении ЦСНХ, были разделены на 3 группы. К первой были отнесены имеющие приоритетное государственное значение. Они обеспечивались за счет целевого государственного снабжения и управлялись непосредственно ЦСНХ. Ко второй группе, управляемой облсовнархозами, относились предприятия, обеспечиваемые государственным снабжением во вторую очередь, которые могли в основном существовать без дотаций. И, наконец, предприятия третьей группы были сняты со всех видов государственного снабжения.

После тщательного отбора из общего числа 478 национализированных предприятий, подконтрольных ЦСНХ Туркреспублики, в августе 1921 г. были отнесены к первой группе — 19, ко второй — 113, а к третьей — 364 промышленных предприятия[2].

Государственному финансированию подлежали только ведущие отрасли и при минимуме потребных средств. Дублирующие друг друга предприятия объединялись, нерентабельные закрывались, оставшиеся

---

[1] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... С. 140, 144.
[2] Отчет о деятельности ТЭС за февраль-октябрь 1921 г. ... С. 197—198.

переводились на хозрасчет, долженствующий обеспечить их работу на принципах «безубыточности». При этом трудовым коллективам, обеспечивающим выполнение плановых государственных заданий, разрешалось использовать часть выпускаемой продукции для товарообмена.

В течение 1921—1923 гг. с прямого бюджетного финансирования на хозрасчет было переведено около 40% госпредприятий. Эта мера способствовала повышению материальной заинтересованности работников, накоплению средств, увеличению производства продукции и снижению ее себестоимости[1].

Жизнь подсказала и новую форму управления государственной промышленностью: через производственные объединения — тресты. Уже к концу 1921 г. было создано 10 трестов, объединяющих 99 крупных предприятий, переведенных на коммерческий расчет. В частности, предприятия топливной промышленности вошли в «Туркоптрест», металлообрабатывающей — в «Промметалл», кожевенная промышленность была объединена в «Кожтрест», мукомольная — в «Муктрест», винодельческая и винокуренная — в трест «Турквино». Действовали также тресты «Стройтрест», «Ташреммех», «Сыркожа» и др.[2].

Введение новой формы управления цензовой промышленностью придало толчок некоторому оживлению индустриального производства. Так, после перехода на хозяйственный расчет выпуск продукции механического завода в декабре 1921 г. увеличился почти в 16 раз по сравнению с январем того же года. Предприятия полиграфической промышленности Ташкента выполнили производственные задания на 212%. Росло число предприятий, входящих в государственный сектор. К середине 1922 г. их количество увеличилось на 30%, а число рабочих — на 22%[3].

Однако первые успехи носили все же эпизодический характер. Трестирование в Туркестане проходило в сложных экономических условиях, при ощутимом дефиците оборотных средств и сырья, отсутствии квалифицированных рабочих кадров. Сказывалось также

---

[1] История гражданской войны в Узбекистане... Т. 2.— С.45.

[2] Ульмасбаев Ш. Н. Промышленное развитие советского Узбекистана. — Т., 1958. С.77.

[3] ЦГА РУз, ф.25, оп.1, д.108, л.6.

ограничение возможностей полноправного проявления хозрасчета. Поэтому цензовая промышленность продолжала испытывать острые затруднения. В частности, в 1921 г. основная масса государственных промышленных предприятий не смогла справиться с производственными заданиями, несмотря на то, что в течение года они были пересмотрены в сторону уменьшения. К примеру, каменноугольная промышленность выработала в 1921 г. 7084 тыс. пудов угля против 8300 тыс. пудов по программе-минимуму. Текстильная промышленность выполнила годовые задания на 39%. А в целом по республике даже сокращенные планы оказались выполнены лишь на 66%. Планировалось за год выработать продукции на 21805 тыс. руб. золотом, фактически же было сдано 14459 тыс.[1].

Низкая производственная отдача рельефно проявилась и в следующем году. Так, проведенное летом 1922 г. Госпланом и ЦСНХ обследование хозяйственной деятельности государственных промышленных предприятий края показало, что большинство из них в силу острой нехватки финансовых средств, высокой себестоимости изделий и отсутствия достаточного их сбыта остаются убыточными. Это ложилось тяжелым бременем на государство. К тому же из-за отсутствия средств предприятия в течение ряда месяцев не выплачивали жалования рабочим, что создавало почву для их недовольства.

Чтобы устранить эти нежелательные явления, решением СНХ Туркреспублики от 13 сентября 1922 г. была проведена дальнейшая концентрация производства[2]. Все убыточные предприятия были закрыты, а нерентабельные тресты — упразднены. В частности, были закрыты металлообрабатывающие предприятия (транспортно-механический завод и завод точных инструментов), два кожевенных завода, две табачные фабрики, три кирпичных завода, касторовый завод и ряд других. Ликвидированы тресты «Промметалл», «Стройтрест», «Туртабак», Сырдарьинское кожобъединение и др.[3].

Дальнейшая концентрация промышленности и закрытие убыточных предприятий и трестов вызвало рост

---

[1] История Узбекской ССР... Т. 3.— С.340.
[2] ЦГА РУз, ф.25, оп.1, д.1008, л.6.
[3] Там же, д.809, лл. 64—67; д.828, лл. 258—268.

количества безработных. Но советское государство стремилось обеспечить высокую дееспособность базовых отраслей цензовой промышленности, представлявших в глазах политического руководства узловые экономические механизмы социалистического воздействия на общество. Подобными жесткими мерами оно смогло поставить сохранившийся государственный сектор индустрии в более благоприятные хозяйственные условия. Расширились и финансовые возможности оставшихся трестов.

В принципе тресты, пришедшие на смену централизованным органам управления экономикой, будучи составным элементом формирующегося нового хозяйственного механизма, при соответствующем обеспечении их оборотным капиталом, четком определении производственных функций, последовательном развертывании хозрасчетной деятельности, играли позитивную роль в возрождении экономики. Их организация в целом благотворно сказалась на рентабельности и других ключевых производственных показателях цензовых предприятий Туркреспублики. Уже в 1922 г. производительность кожевенных заводов, объединенных в трест, увеличилась в 28 раз, обувных — в 10 раз[1]. Предприятия, вошедшие в «Мельтрест», стали рентабельными и получили прибыли более 27,1 тыс. руб. золотом[1].

Такие производственные успехи в немалой степени были связаны с ликвидацией системы трудармий и переходом к добровольным методам комплектования рабочей силы, а главное — с пересмотром политики оплаты труда. Натурализация заработной платы в период «военного коммунизма» привела к тому, что по существу исчезла разница в оплате квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Новая политика была нацелена на создание личной материальной заинтересованности рабочих в результатах своего труда.

Одной из первых акций в области улучшения оплаты труда было введение в первые годы нэпа натурального премирования рабочих продукцией того производства, на котором они работали. 4 июля 1921 г. Совнарком ТАССР вынес соответствующее решение[2]. Согласно ему часть производимой продукции специально предназначалась для обмена на сельхозпродукты.

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1922, 1 июля.
[2] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 430, л. 132.

вали в пуске новых промышленных объектов, помогали в формировании национальных рабочих кадров. Например, в 1924 г. в Туркестан прибыло около 600 квалифицированных работников[1].

В январе 1923 г. решением Совета Труда и Обороны на восстановление угольной промышленности Туркреспублики была выделена ссуда в 125 тыс. руб. золотом[2].

При материальном и кадровом содействии центральных властных структур, заинтересованных в создании социальной опоры социалистического строя — рабочего класса — и эксплуатации природно-сырьевых ресурсов среднеазиатского региона, развернулось строительство новых промышленных объектов непосредственно в Туркестане. В частности, в 1921 г. возобновилось строительство крупного Хилковского цементного завода, началось строительство Ферганской шелкомотальной фабрики, гидроэлектростанции в Ташкенте. В 1924 г. на территории нынешнего Узбекистана уже действовали Бекабадский цементный завод, 9 электростанций, 2 металлообрабатывающих завода, 2 швейные и 1 шелкомотальная фабрики[3].

Исходя из стратегии колониальной схемы размещения производительных сил в нашей республике, политическое руководство страны особое внимание уделяло восстановлению хлопковой промышленности. Общее руководство подъемом хлопкопроизводства было возложено на Главхлопком. Обладая правами народного комиссариата РСФСР, он должен был, помимо организации посевов и скупки хлопка, заниматься эксплуатацией хлопкоперерабатывающих промышленных предприятий. В его ведение было передано 286 хлопковых, маслобойных и мыловаренных заводов[4]. Такая централизация управления упрощала контроль Центра за хлопковым комплексом Туркестана.

Опираясь на мощь государства, Хлопком принял ряд действенных мер по восстановлению хлопковой промышленности. И все же они были недостаточными: в 1923 г. работало только 23, а в 1924 г. — 35

---

[1] История народного хозяйства Узбекистана... Т.1.— С.142.
[2] ЦГА РУз, ф.27, оп.5, д.11, л.227.
[3] РЦХИДНИ, ф.62, оп.1, д.305, л.14.
[4] Отчет о деятельности ТЭС за февраль—декабрь 1921 г. — Т., 1922. С.197.

заводов. Правда, благодаря модернизации, их мощность существенно возросла. Так, если годовая производительность одного завода в довоенное время в среднем не превышала 186 тыс. пудов волокна, то в 1923 г. она достигла 268 тыс., а в 1924 г. — 374 тыс. пудов[1].

Противоречия восстановления промышленного производства Туркестана в определяющей степени обуславливались слабым использованием властными структурами потенциала нэповского реформирования. Во-первых, в государственном секторе хозрасчетная практика и коммерческий расчет носили в принципе ограниченный характер. А во-вторых, преимущественное внимание обращалось на обеспечение господствующих позиций национализированной промышленности.

О ярко выраженной социалистической направленности нэповского курса в индустриальной сфере свидетельствует то, что в общем производстве валовой промышленной продукции в 1924 г. доля государственного сектора составляла 97,1%, частнокапиталистического — 1,8% и кооперативного — 1,1%[2]. Промышленность Туркестана восстанавливалась и развивалась в первую очередь как социалистическое производство.

В то же время были предприняты отдельные шаги по реставрации механизмов рыночной экономики. В соответствии с ленинской концепцией «государственного капитализма» политическое руководство намеревалось привлечь ресурсные возможности предпринимателей для обеспечения задач построения социалистического общества. «Частный капитал» допускался в небазовые отрасли и находился под строгим государственным контролем.

Одной из форм восстановления «частного сектора» стало введение аренды. Порядок сдачи в аренду государственных предприятий был определен декретом СНК РСФСР от 5 июля 1921 г. и принятым на его основе постановлением ТуркЦИК от 8 августа того же года «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных ЦСНХ»[3]. В них рекомендовалось сдавать в аренду исключительно нерентабельные, мелкие и законсервированные предприятия. В республике в арендный фонд были отнесены 346 предприятий, входящих,

---

[1] Ульмасбаев Ш. Н. Указ. соч.— С. 84.
[2] ЦГА РУз. ф.10, оп.1, д.14, л.4.
[3] Там же, ф. Р-17, оп.1, д.287, л.25.

как правило, в третью, наиболее «отсталую» группу промышленных предприятий, находящихся в ведении ЦСНХ.

Арендаторами в основном являлись частные лица, нередко бывшие владельцы предприятий, или кооперативные организации (30%).

Подавляющее большинство предприятий, подлежащих сдаче в аренду, бездействовало. Арендаторы при заключении договоров обязывались произвести полный ремонт арендуемого предприятия, надлежащим образом его оборудовать, снабдить инвентарем, провести электрическое освещение, восстановить силовое хозяйство, а в некоторых случаях произвести новое строительство. Срок аренды определялся в пределах 3—6 лет. Сданные в аренду предприятия находились под контролем государства[1].

Понятно, что при подобном подходе находилось мало владельцев капитала, заинтересованных вкладывать средства в нерентабельное и жестко контролируемое государством производство. Их больше привлекали промышленные предприятия, способные принести прибыль, в частности хлопкоперерабатывающие заводы. Однако власти опасались «экспансии» частного предпринимательства, особенно в базовых отраслях. Не случайно на II съезде экономического совещания края председатель Главхлопкома И. Е. Любимов с негодованием приводил пример того, как летом 1922 г. Маргиланский ЭКОСО «ухитрился продать частным лицам три хлопковых завода»[2].

Так продолжающаяся приверженность властных структур принципу приоритета идеологии над экономикой оказывала заметное тормозящее воздействие на закрепление цивилизованных форм арендных и иных товарно-рыночных отношений, на подключение к делу подъема отечественной экономики предпринимательских кругов.

На фоне слабого проявления «частно-индивидуальной» инициативы относительно широкое развитие получила на начальном этапе нэповских реформ смешанная частно-акционерная аренда предприятий. Она осуществлялась преимущественно обществами и товариществами на базе частного капитала. К примеру, в

---

[1] Ульмасбаев Ш. Н. Указ. соч.— С. 78—79.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп.1, д.45, л.156.

июне 1922 г. было организовано торгово-промышленное товарищество по эксплуатации пивоваренного завода в Самарканде[1]. С конца 1922 г. стали действовать товарищества на частном капитале «Туркестан», «Тиджарат», «Экспорт-импорт», «Уч Бош», «Посредник», «Караван» и др. Лишь по Ферганской области в этот период было зарегистрировано 24 торговых и арендных товарищества[2]. К сожалению, многим из них не удалось развернуть активную предпринимательскую деятельность. Ведь как только предприниматели переступали запретительные линии, очерченные советским государством, на них обрушивались гонения. В результате обширный ряд товариществ оказался распущенным.

Настороженное отношение властей к «частному капиталу» обусловило его слабый удельный вес в промышленной сфере. В 1923 г. доля частного сектора в цензовой промышленности едва достигала 9%, кооперативного — 4%[3].

К «частно-капиталистическому» укладу в большей мере относились кустарные предприятия, основная масса которых работала на местный рынок. Кустарные мастерские, выполнявшие госзаказы, составляли лишь 9,5%[4].

Таким образом, советское государство всеми возможными средствами пыталось ограничить зону проявления частной инициативы в индустриальной сфере, поставить действенные препоны на пути усиления позиций частного капитала. Тем не менее, несмотря на жесткие условия, новые формы хозяйствования пробивали себе дорогу. Уже в 1921 г. в Тукреспублике было сдано в аренду 86 предприятий. В качестве арендаторов выступили: 5 государственных учреждений, 12 кооперативов, 21 артель, 5 товариществ с участием бывших владельцев, 10 бывших владельцев, 4 частных лица и т. д.[5]. Однако в последующем число арендуемых промышленных предприятий резко сократилось.

Низкий уровень развития крупной фабрично-заводской промышленности в Туркестане создавал благоприятные предпосылки для развития кустарного про-

---

[1] ГАРФ, ф.139, оп.1, д.181, л.32.
[2] ЦГА РУз, ф.43, оп.1, д.11, лл.3, 19, 29; д.126, лл.1–2.
[3] РЦХИДНИ, ф.62, оп.1, д.305, л.28.
[4] Там же, л.30.
[5] Там же, л.35.

изводства. Мелкая промышленность занимала наибольший удельный вес как по размерам валовой продукции, так и по числу занятых. Но «мелкобуржуазный» характер кустарного производства, трудность идеологического контроля многотысячной армии ремесленников и кустарей серьезно настораживали политическое руководство. Оно стремилось повернуть мелкую кустарную промышленность на рельсы социалистического развития. Ключевым инструментом выполнения этой задачи явилась промысловая кооперация.

Еще в 1920 г. для централизованного руководства кустарной промышленностью и промысловой кооперацией на базе различных структур был создан единый орган в составе ЦСНХ — Туркустпром[1].

С переходом к нэпу ускоренное развитие промысловой кооперации стало восприниматься властными органами в качестве актуальной хозяйственно-политической задачи. Так, документах VI съезда КПТ, рассмотревшего политические аспекты нэповского курса в Туркестане, особо подчеркивалось, что «промысловая кооперация является наиболее целесообразной формой организации кустарной промышленности». Предполагалось, что с помощью промысловой кооперации можно будет наиболее полно приблизить кустарную промышленность «к государству, организовать ее учет и использовать не только для удовлетворения нужд населения, но и для создания фондов снабжения всякого рода промышленным сырьем для крупной национализированной промышленности». В качестве первоочередной меры по масштабному развертыванию в крае промысловой кооперации рекомендовалось в короткий срок «приступить к созданию местных и Всетуркестанского самодеятельных союзов промысловой кооперации»[2].

Учитывая важную роль промысловой кооперации в обеспечении политического курса на социализацию кустарно-ремесленного производства, решениями властных органов снимались все ограничения с хозяйств кустарей для их объединения на кооперативной основе. Специальным постановлением ТуркЦИК от 8 августа 1921 г. «О промысловой кооперации» кустарям и

---

[1] Известия (Ташкент), 1922, 3 июня.

[2] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... С. 145.

ремесленникам разрешалось создавать промысловые товарищества или артели.

Производственная деятельность на предприятиях промысловой артели и на дому, согласно данному постановлению, должна была осуществляться на основе личного труда членов артелей; наемные рабочие могли составлять не более 20% членов кооператива.

Промысловые кооперативы организовывались по принципу добровольного вступления в них и свободного избрания правления. Для поощрения кооперирования кустарей правительство обязывало хозяйственные органы обеспечить преимущественное предоставление кооперативам необходимых помещений, инструментов и оборудования, сдавать им в аренду мелкие предприятия, авансировать их при выдаче государственных заказов и выделять такие заказы.

В 1921 г. в крае действовало уже 1270 кооперативно-промысловых артелей различных отраслей производства, которые объединяли более 30 тыс. ремесленников[1].

Первым союзом, организованным на территории Туркестана, стал союз артелей города Ташкента и Ташкентского уезда, который начал свою деятельность в июле 1921 г.[2].

Процесс кооперирования кустарей Туркреспублики шел особенно быстрыми темпами в текстильной, кожевенной и пищевой отраслях кустарной промышленности.

В последней декаде февраля 1922 г. состоялся I съезд промысловой кооперации Туркестана, принявший устав Всетуркестанского союза промысловой кооперации — Туркпромсоюза. Главные задачи промысловой кооперации, сформулированные в документах съезда, виделись в объединении и регулировании работ «в целях содействия восстановлению народного хозяйства, поднятия производства кустарной промышленности края, упрочения благосостояния трудовой массы населения, занимающейся кустарными промыслами, ограждая их от эксплуатации всякого рода рыночных посредников и работодателей»[3].

---

[1] Известия (Ташкент), 1922, 3 июня.
[2] ЦГА РУз, ф.27, оп.3, д.21, л.2.
[3] Туркестанская кооперация, 1922, 1 апреля.

Съезд утвердил четырехступенчатую систему построения промысловой кооперации, которая функционировала самостоятельно, вне других кооперативных организаций. Председателем правления Туркпромсоюза был избран С. Турсунходжаев.

В деятельности кооперации в обстановке нэповского реформирования проявилась большая, чем прежде, самодеятельность населения. В кооперативные организации входили представители социальных слоев, базирующихся на различной экономической основе. Их объединял общий экономический интерес. Достаточно плодотворными выглядели и производственные результаты, что свидетельствовало о богатых потенциальных возможностях кооперативного движения, развивающегося в рамках цивилизованных товарно-денежных отношений. К сожалению, этот потенциал, как и по другим направлениям нэповского курса, оказался далеко не в полной мере реализованным. Кооперация крайне слабо использовалась в наращивании промышленной продукции, была обставлена многочисленными бюрократическими препонами. Функционирование кооперативного сектора и в городе, и на селе тормозилось идеологическими предубеждениями, финансово-экономическими трудностями, администрированием.

Особенно отчетливо недуги советской кооперативной политики во времена нэпа проявились в деятельности промысловой кооперации.

На первый взгляд, властные органы, заинтересованные в широком подключении к делу восстановления народного хозяйства многотысячной армии кустарей и ремесленников края, как будто активно содействовали ее повсеместному развитию. В момент зарождения промысловой кооперации Туркпромсоюзу выделялись государственные сырьевые фонды, предоставлялись кредиты. Однако рост промысловой кооперации не сопровождался должным организационным укреплением низовой системы. Она развивалась не вглубь, а вширь. Многие кооперативные объединения оказывались неустойчивыми. К примеру, в мае 1922 г. Туркпромсоюз провел обследование 115 артелей в старом городе Ташкента. Из них 26 не было обнаружено по указанным адресам, 40 артелей распались[1]. В целом

[1] *Туркестанская кооперация*. 1922, 14 июня.

по обобщенным данным к этому времени действовало 300 артелей, объединивших 6789 кустарей[1].

В целях укрепления промысловой кооперации Туркпромсоюз сосредоточил усилия на совершенствовании организационной структуры. В результате образовалась следующая схема: артель — первичная ячейка, районный союз, Туркпромсоюз. В описываемый период в состав последнего входили 3 районных союза: Ташкентский, Самаркандский и Ферганский[2]. Одновременно с 1923 г. наряду с непосредственно производственной деятельностью Туркпромсоюз занялся продажей продукции фабричного производства. Его товарная база складывалась из продукции, закупаемой при помощи банковского капитала, сбыта завозных товаров, а также приобретения под векселя от различных госорганов и Центросоюза.

Однако в первые годы нэпа вследствие чрезмерного налогообложения промысловая кооперация оказалась в трудном положении. Неблагоприятные экономические условия оказывали на нее деформирующее воздействие. Учтя это, правительство республики приняло ряд конкретных мер, нацеленных на расширение хозяйственной деятельности кооператоров. В частности, были освобождены от промыслового налога члены артелей, работающие в общей мастерской. Далее, размеры промыслового налога во всех видах были снижены на 50%, если артель сбывала изделия только своего производства, и на 25%, если, наряду с продукцией собственного производства, артель сбывала изделия других кустарей. Промысловые кооперативы, входившие в союз и сбывавшие через него свою продукцию, или полностью освобождались от промыслового налога, или обязаны были оплачивать только патент, освобождаясь от уравнительного сбора. Промысловый налог не взимался с внутрикооперативного оборота, тем самым было ликвидировано многократное налогообложение[3].

Изменение экономического положения промысловой кооперации, государственная поддержка кооперативной промышленности способствовали тому, что для частного сектора кооперация стала коммерчески выгод-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 88, л. 163.
[2] Там же, ф. 25, оп. 1, д. 524, л. 352.
[3] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 1, д. 322, лл. 17—18.

ной. Вследствие чего обозначились процессы внедрения частника в кооперацию, отчетливо проявившиеся в сельской местности. Но особенно массовый характер они приобрели в городах республики.

Встревоженное политическое руководство предприняло масштабные акции «классового очищения» кооперации, ревизии социального состава низовой кооперативной сети, искусственного разделения кооперативных объединений на «настоящие» и «лжекооперативы».

Некооперативными стали считать не только артели, связанные с частным капиталом и возглавлявшиеся бывшими владельцами кустарных мастерских, но и те, что превышали установленное 20-процентное ограничение использования наемного труда.

В циркуляре от 19 февраля 1924 г. Туркпромсоюз потребовал от низовых союзов обнаружить всех «лжекооператоров» и привлечь их к суду[1]. В свою очередь ТуркЦИК своим постановлением передал функции регистрации и наблюдения за промысловой кооперацией Комвнуторгу при ТуркЭКОСО и местным ее органам при облисполкомах[2].

Одновременно обрушились гонения на те промысловые кооперативы, которые занимались торговой практикой. Наконец, решениями XII съезда Советов была решительно запрещена деятельность центров кооперации в сфере розничной торговли[3]. Более того, ликвидирована комиссия по содействию промкооперации[4]. Совещание комиссариата внутренней торговли 31 мая 1924 г. приняло постановление об упразднении районных союзов промысловой кооперации, которые вели торговую работу[5]. Резко сократились кредиты, предоставляемые Туркпромсоюзу со стороны банковских учреждений. В итоге в промысловой кооперации сложилась экстремальная обстановка.

Ситуация усугубилась официальным курсом на ликвидацию Туркпромсоюза. Уже в августе 1924 г. кооперативным совещанием при ЦК КПТ было решено передать руководство промысловой кооперацией Турк-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 677, оп. 1, д. 3, л. 10.
[2] Там же, ф. 39, оп. 2, д. 445, л. 266.
[3] Туркестанская правда, 1924, № 16.
[4] ЦГА РУз, ф. 39, оп. 2, д. 396, л. 13.
[5] Там же, ф. 25, оп. 1, д. 1718, лл. 7—8.

предсельсоюзу. К 1 октября Туркпромсоюз был ликвидирован. В итоге на исключительно ответственном этапе промысловая кооперация в Туркестане оказалась без активного центра. Резко сократилась сеть кооперативных объединений. Остались только те промысловые артели, которые, по меркам властей, руководствовались подлинно «социалистическими кооперативными принципами». В частности, к концу 1924 г. функционировали всего 274 промысловые артели с 1644 членами и Ташкентский райпромсоюз[1].

Зигзаги нэповского реформирования сказались на темпах и характере восстановления промышленного производства Туркестана. Введение новых механизмов хозяйствования, относительная реставрация системы экономического плюрализма способствовали качественным переменам. Выпуск валовой продукции всей крупной и средней промышленности ТАССР в 1923/24 хозяйственном году увеличился по сравнению с 1921 г. более чем в 1,7 раза[2]. В 1924 г. на территории современного Узбекистана было восстановлено уже около половины всех промышленных предприятий. Общая стоимость промышленной продукции достигла к этому времени 73,2 млн, а в 1924/25 г. — 84 млн руб.[3].

Заметные успехи наметились в работе транспортной сети. Так, в 1922 г. началось восстановление разрушенных железнодорожных линий в Ферганской и Сырдарьинской областях. Одновременно с этим началось строительство новых веток: Термез—Джаркурган—Сурхан — главного участка железнодорожной линии, ведущей к столице Таджикской республики г. Душанбе, а также отводных путей, облегчающих передачу грузов на водный транспорт, перевозку их в основные экономические районы внутри республики и вывоз хлопка в центральные районы бывшего СССР.

Восстановление железнодорожного транспорта позволило освоить растущий грузооборот. Если в 1922/23 г.

---

[1] Каримов С. История кооперирования трудовых кустарей и ремесленников в период строительства социализма в Узбекистане. — Т., 1979. С. 13.

[2] ГАРФ, ф. 3429, оп. 117, д. 516, л. 201.

[3] Стенографический отчет II съезда Советов Узбекистана. — Самарканд, 1927. С. 104.

по Среднеазиатской железной дороге было перевезено 1,2 млн т. грузов, то в 1924/25 г. — 2,2 млн т.[1].

Восстановление промышленности и транспорта обусловило заметный количественный и качественный рост рабочего класса республики. С января 1922 по январь 1925 г. число рабочих и служащих выросло с 6244 до 14824 чел., т. е. более чем в 2 раза. Почти в 6 раз увеличилась численность рабочих в хлопкоочистительной и в 8 раз — в полиграфической промышленности. Более 30% рабочих в Туркестане составляли представители местных национальностей[2].

Вместе с тем темпы восстановления промышленного производства явно не соответствовали открывавшимся в связи с введением нэпа возможностям экономического роста. В 1924/25 хозяйственном году валовая продукция промышленности республики составляла лишь 65%, горной — около 30%, химической — менее 18%, стоимость продукции хлопкоочистительных заводов — 60% от довоенного уровня[3]. Показательно и то, что в общем объеме валовой продукции промышленности республики основную долю составляла продукция хлопкоочистительной отрасли, ориентирующаяся на интересы Центра. В частности, в 1923/24 г. это соотношение составляло 39 и 23,9 млн руб., а в 1924/25 г.— 84 и 57,8 млн руб.[4]. Иными словами, центральное правительство видело приоритетную задачу в первоочередном восстановлении тех отраслей, которые обеспечивали потребности метрополии.

При должной деидеологизации процессов нэповского реформирования, органическом учете национальных интересов коренного населения Туркестана, полновесном использовании ресурсного потенциала «частного капитала» и кооперации многие искусственно нагроможденные завалы могли быть расчищены, а успехи хозяйственного восстановления — более впечатляющими.

Режим «военного коммунизма» глубоко деформировал сложившуюся в крае систему товарно-денежных отношений. По существу они оказались ликвиди-

---

[1] История народного хозяйства Узбекистана... Т. 1.— С. 148.

[2] История Узбекской ССР... Т. 3.— С. 317.

[3] ГАРФ, ф.3429, оп.117, д. 516, лл. 201—203.

[4] Стенографический отчет II съезда Советов Узбекистана... С. 104—105.

рованы. Вместо свободного товарооборота был осуществлен переход к предельно централизованному нормированно-уравнительному распределению, запрещена традиционная торговля, расстроено денежное обращение.

Как известно, восстановление народного хозяйства республики потребовало крупных капиталовложений. Частично они поступали из госбюджета РСФСР, в состав которого входила ТАССР. Нормы бюджета Туркреспублики, начиная с 1922 г., составили 5% общего объема бюджета Российской Федерации. Однако они не покрывали потребностей края. К тому же большая часть выделяемых СНК РСФСР бюджетных ассигнований направлялась в те отрасли, в подъеме которых был в первую очередь заинтересован Центр, в частности — хлопкопроизводство. Это снижало возможности правительства Туркреспублики в осуществлении финансовых маневров при реализации задач обеспечения национальных интересов жителей края.

В обстановке перехода к новой экономической политике стали возрождаться экономические регуляторы хозяйственной жизни. Так, уже в 1921/22 г. большинство промышленных предприятий было переведено на хозрасчет. Одновременно ликвидировались нерентабельные коллективные хозяйства «социалистического» типа в сельском хозяйстве, ширилась практика аренды убыточных предприятий «частным» сектором.

Вместе с тем советское государство стало последовательно сокращать централизованные бюджетные ассигнования, направляемые в социальную сферу, образование и культуру. Фактически оно прекратило бюджетное ассигнование доминирующей части социокультурных институтов. В итоге к октябрю 1922 г. по линии госбюджета содержалось всего 35 культурно-просветительных образовательных учреждений Наркомпроса. Это были наиболее крупные учебные заведения и учреждения, готовящие преимущественно кадры партийно-советских работников: институты просвещения, советско-партийные школы, госуниверситет и всего 3 начальные школы[1].

Широким потоком шло сокращение штатов работников госучреждений. При этом существенно снижа-

[1] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 1418, лл. 182–183.

лась сумма закладываемого оклада, особенно в социально-культурной сфере. В частности, если для ведущих наркоматов он устанавливался в размере 30 руб. золотом, то для Наркомпроса — только 12 руб.[1]. Иными словами, пресловутый «остаточный принцип», характерный для всего периода советской власти, пустил свои корни именно в рассматриваемые годы.

Другой характерной чертой времен нэпа явилась активизация низовых звеньев финансовой системы. В 1922 г. были образованы областные бюджеты, призванные «разгрузить» госбюджет от большинства расходов, связанных с содержанием социальной инфраструктуры и убыточных хозяйственных объектов. Так, в короткий срок на местный бюджет было переведено большинство учреждений здравоохранения и культуры. Например, уже в 1922 г. за его счет содержалась 271 школа Туркреспублики[2].

Расходы местных бюджетов предусматривалось направлять на управление, социокультурные нужды, в коммунальное обслуживание. В 1923/24 г. в структуре местных бюджетов доля этих расходов составляла свыше 90% общих ассигнований[3].

В основном местный бюджет формировался посредством налогообложения населения. Так, еще в ноябре 1921 г. Совнарком ТАССР принял специальное постановление о местном натуральном «самообложении» аульного и кишлачного населения для нужд местных школ[4]. Согласно ему 1/4 часть жалования учителя получали от Наркомпроса в виде зарплаты, оставшиеся 3/4 — натуральными продуктами, а также мануфактурой от жителей села. Но местный бюджет был неустойчивым и крайне мизерным. А сельское население, само находившееся в тяжелом материальном положении, выделяло продукты с большим трудом, вследствие чего учителя не получали необходимого и школы закрывались. Аналогичная ситуация наблюдалась и по другим учреждениям социально-культурной сферы.

Наряду с налогообложением населения в пользу местных бюджетов предпринимались активные усилия по изысканию способов увеличения общегосударственных

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1922, 13 января.

[2] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 1418, лл. 182–183.

[3] История народного хозяйства Узбекистана... Т. 1.– С. 170.

[4] Туркестанская правда, 1922, 22 декабря.

бюджетных доходов. Важное значение при этом придавалось налаживанию разветвленной налоговой системы. Выше уже отмечалось, что в аграрной сфере, концентрировавшей доминирующую часть трудовых ресурсов Туркреспублики, центральным выступал продналог, унифицированный затем в единый сельскохозяйственный налог. В 1923 г. для усиления финансирования ирригации был введен целевой ирригационный налог. В промышленном производстве налоговые поступления осуществлялись по линии хозрасчета.

Активно использовались возможности налоговых доходов. В частности, применялись такие статьи, как поступления от «доходных предприятий» (например, базаров, торговых точек), культурно-просветительных и зрелищных учреждений (кино, театров, цирка и т. д.). Ширилась практика размещения госзаймов.

С упорядочением доходной части бюджета увеличивалась сумма ассигнуемых расходов, сокращался дефицит бюджетных средств. Так, в 1922/23 г. расходы бюджета ТАССР на народное хозяйство составили 617,4 млн руб. золотом, а в 1923/24 г.— 1191,5 млн руб. Дефицит госбюджета Туркреспублики, достигший в 1921 г. 96,6% с расходом, в 1923/24 г. снизился до 22%[1].

Переход на рельсы нэповского реформирования, несмотря на сохранившуюся классовую направленность предпринимаемых хозяйственных акций и их концептуальную ограниченность, придал, таким образом, живительные импульсы оздоровлению финансовой политики, перестройке структурных товарно-денежных отношений.

Важное значение в оживлении хозяйственной жизни имело восстановление структурных звеньев рыночной экономики. С углублением процессов нэповского «обновления» вновь обретали функцию регуляторов здорового товарооборота традиционные базары, открывались ярмарки, создавалась сеть банков, налаживалась кредитная и страховая служба. Так, к концу рассматриваемого периода в республике действовало 343 базара с годовым оборотом в 355,1 млн руб. Из общего оборота республики на базары приходилось сельхозпродуктов — 23,6, кустарно-ремесленных изделий — 20, промышленных товаров — 42,8%[2].

---

[1] История народного хозяйства Узбекистана... Т. 1.— С. 119, 171.
[2] Там же. С. 164.

* * *

Таким образом, окидывая общим взглядом процессы восстановления и развития народного хозяйства Туркестана в условиях нэпа, следует подчеркнуть, что их характерной чертой явилась внутренняя противоречивость. Нэп содействовал частичному возрождению товарно-денежных отношений, использованию экономических регуляторов общественного производства, подключению к решению задач хозяйственного строительства отдельных механизмов рыночной экономики. Однако сохранившаяся идеологическая надстройка советского государства, утопии коммунистического учения изначально блокировали многие прогрессивные начинания, предопределяли деформационность их проявления. Властные органы повсеместно вносили в предпринимаемые экономические акции дух «классовой борьбы», ориентировали общество на следование социалистическому курсу. Продолжала ощущаться и инерция «военно-коммунистических» подходов. В итоге, хотя обозначились известные успехи в подъеме экономики, они оказались неадекватны открывавшимся возможностям хозяйственного роста. При соответствующей деидеологизации нэповского курса его конечные результаты были бы намного плодотворнее.

3. СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «НОВОГО КУРСА»

Переход к нэпу, обусловленный опасным обострением социально-экономического и политического кризиса в стране, очевидным провалом курса «военного коммунизма», способствовал формированию предпосылок восстановления народного хозяйства, оживлению механизмов рыночного регулирования, созданию необходимой экономической базы для решения болезненных социальных проблем. Но так как развитие рыночной экономики изначально блокировалось идеологическими установками партии, то новая экономическая политика, в том числе в социальных аспектах, отличалась противоречивостью практической реализации.

Помимо сказанного, нэп объективно вызвал каскад острых социально-экономических проблем, связанных с восстановлением товарно-рыночных отношений. К их числу относились прогрессирующий рост безрабо-

тицы, галопирующая инфляция, еще большее ослабление механизмов социальной защиты разнообразных социальных слоев. В этих условиях чрезвычайно важно было качественно обновить идеологию социальной политики, четко обозначить регулирующую роль государства в ее реализации. К сожалению, данный аспект программы экономического реформирования был проигнорирован властными структурами. В результате социальная политика времен нэпа отрабатывалась методом «проб» и волюнтаристского экспериментирования, мероприятия по социальной защите возлагались преимущественно на само население.

Противоречия нэпа сказались на материальном положении и социальном самочувствии жителей края, вызвали неоднозначные последствия в социальной сфере.

Одной из специфических социальных акций в условиях перехода к нэпу явилась борьба с голодом, оставшимся в наследство от многоаспектных последствий вступления России в первую мировую войну, но затем существенно усугубленных абсурдной экономической политикой большевиков вслед за узурпацией ими власти после октябрьского переворота.

К началу 20-х годов голод последовательно охватывал все новые и новые районы края. Особенно мучительно он проявился в Ферганской области, находившейся длительное время в зоне опустошительных военных действий, спровоцированных советским режимом. Как описывается в секретных документах тех лет, в благодатной некогда Ферганской долине «в разоренных кишлаках и в голодных районах на улице и по дорогам валялись каждый день десятки трупов умерших от голода... Были случаи, что в некоторых кишлаках некому было убирать их»[1]. В целом по данным обследования Чрезвычайной комиссии ТуркЦИК только в сентябре-октябре 1921 г. в Ферганской области оказались разоренными 80029 хозяйств, количество голодающих составило 227059, погибло от голода 64336 чел., 159959 находились под угрозой смерти[2].

Тяжелейшее продовольственное положение населения Туркестана, связанное с воздействием пагубного

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 1197, лл. 18—19.
[2] Там же, лл. 19—21.

режима «военного коммунизма», еще более обострилось к этому времени в связи с жесточайшей засухой, охватившей центральные районы России. Вызванный ею неурожай привел практически к прекращению поставок зерна в нашу республику, направляемых из РСФСР в обмен на хлопок, и одновременно огромному наплыву беженцев.

Как отмечается в документах тех лет, с весны 1921 г. огромная волна голодающих, «быстро заполняя собой Оренбургские степи, докатилась до центрального узла Туркестана, оседая большими партиями в Ташкенте»[1]. К октябрю 1921 г. в республику прибыло уже 320 тыс. чел.[2], из них 11 тыс. детей[3]. «На почве голода и грязи» среди беженцев «с невероятным темпом» развивались заразные болезни, главным образом сыпной тиф, что до крайности осложнило всю работу по организации и приему масс беженцев.

В силу создавшегося положения одним из не терпящих отлагательства явился вопрос о расселении голодающих по уездам. Большая часть из них была направлена в сельские районы. Проявляя традиционные качества высочайшего гуманизма, дехкане принимали беженцев, делились с ними последней лепешкой. Но это ложилось тяжелым грузом на и без того разоренный туркестанский кишлак.

Положение осложнялось необходимостью дополнительного сбора продовольствия для отправки голодающим России. Подчеркивая, что Туркестанской республике в свое время была оказана «большая помощь хлебом», центральное советское правительство неоднократно обращалось к дехканству Туркестана с призывом проявить «пролетарскую солидарность» и оказать действенную поддержку «находившемуся в тисках голодной смерти населению России». Вместе с тем по вертикали властных структур шли грозные приказы о необходимости максимальной мобилизации продовольственных ресурсов Туркестана. В частности, 12 июля 1921 г. Ленин дал твердое задание туркестанскому наркомпроду «в порядке боевой срочности, имеющей политическое значение» отправить в Москву 250 тыс.

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 96, лл. 262—265.

[2] Очерки истории Ташкентской городской партийной организации. — Т., 1976. С. 142.

[3] ЦГА РУз, ф. 22, оп. 1, д. 54, л. 15.

пудов хлеба[1]. В эти же дни развернулась кампания «помощи голодающим Поволжья», включающая сбор денег, обуви, одежды, продовольствия[2]. Так, состоявшийся в июле 1921 г. краевой съезд профсоюза текстильщиков Туркестана постановил отправить в пользу голодающих 5 тыс. аршин мануфактуры и отчислить пятидневный заработок каждого члена союза[3]. Рабочие Сулюктинских копей вынесли решение об отчислении хлебных пайков, рабочие угольного разреза Кизил-Кия — 10% месячного заработка[4]. В конце июля в Оренбург было отправлено 10 вагонов хлеба и 6 вагонов рыбы, собранных населением Ташкента и Ташкентского уезда[5].

Печать тех лет ежедневно сообщала о многочисленных фактах гуманизма и отзывчивости жителей Туркестана, Бухары и Хорезма, развернувших активную кампанию сбора денежных средств и продовольствия.

Однако темпы предпринимаемых практических действий показались политическому руководству страны недостаточно энергичными. 27 июля 1921 г. Ленин посылает специальный телеграфный циркуляр «Об усилении работы туркестанских продорганов»[6].

В соответствии с руководящими установками «вождя» по решению Туркбюро ЦК РКП(б) и Исполкома ЦК КПТ 21 июля 1921 г. была создана Центральная комиссия помощи голодающим — ЦК Помгол при ЦИК Туркреспублики. Перед комиссией была поставлена задача организовать «повторные материальные, продовольственные и вещевые сборы», отправляя «собранное в голодающие губернии»[7].

31 июля Помголом был отправлен первый маршрутный поезд в составе 24 вагонов из Семиреченской области. 1 августа оттуда же — 25 вагонов, 2 августа из Семиречья, представлявшего один из главных зерновых районов края, прибыл еще один маршрут[8]. В целом к началу осени 1921 г. при помощи жителей края было отправлено в фонд помощи голодающим

---

[1] В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане. — Т., 1960. С. 558.
[2] Известия (Ташкент), 1921, 14 июля.
[3] Т а м ж е. 1922, 15 января.
[4] Красная Фергана, 1921, 5 августа.
[5] Р а ш и д о в Г. История социалистического Ташкента. Т. I. — Т., 1965. С. 137.
[6] В. И. Ленин о Средней Азии и Казахстане.— С. 559—560.
[7] ГАРФ, ф.1064, оп. 2, д. 50, л. 17.
[8] ЦГА РУз, ф. 25, оп. 1, д. 483, л. 567.

только хлеба более 600 тыс. пудов[1]. В целях расширения масштабов дополнительного сбора продовольствия и денежных средств правительство Туркреспублики установило с 1 января 1922 г. так называемый «голодный» налог. Им облагались владельцы торговых и промышленных предприятий, государственные хозяйственные организации. Облагались налогом билеты на различные зрелища и публичные развлечения, на все остальные налоги и пошлины устанавливалась десятипроцентная надбавка[2]. Сбор с этих налогов и наценок поступал в распоряжение ЦК Помгола.

Использование широкой палитры организационных средств, методов государственного принуждения и милосердного участия жителей края способствовало тому, что в фонд помощи голодающим с 1 января по 1 декабря 1922 г. в ЦК Помгола Туркреспублики поступило 24,5 млн руб. денежных отчислений и пожертвований, около 69 тыс. пудов продовольствия, 14,4 тыс. предметов одежды. Часть из них пошла на нужды прибывшим в Туркестан беженцам. Весомая помощь была оказана прикрепленным к Туркестанской АССР Казахской, Башкирской и Татарской автономным республикам. В частности, туда было отправлено 28,8 тыс. пудов хлеба, 1,2 млн руб. в денежных знаках 1920 г., медикаменты[3].

Определенное внимание оказывалось борьбе с голодом среди коренных жителей края. Так, в середине 1922 г. была образована специальная комиссия в наиболее бедственном регионе Туркестана тех лет — Ферганской области. Фероблгол предоставлял разоренным хозяйствам продовольственную и финансовую помощь. В Фергану были направлены местные группы медицинских работников и 20 отрядов российского общества Красного креста. Ими создавались раздаточные, питательные и фельдшерские пункты, было организовано 2 дома младенцев[4].

Однако такие пункты, как правило, формировались в городах и ряде районных центров. Что же касается отдаленных сельских районов, то до них необходимая экономическая и медицинская помощь практи-

---

[1] История коммунистических организаций Средней Азии... С. 555, 556.
[2] РЦХИДНИ, ф. 1064, оп. 2, д. 52, л. 3.
[3] ЦГА РУз, ф. 22, оп. 1, д. 54, лл. 15—16.
[4] Голованов А. А. Крестьянство Узбекистана: эволюция социального положения. 1917—1937 гг.— Т., 1992.—С. 47.

чески не доходила, и среди голодающих продолжали свирепствовать болезни, ощущалась острая нехватка продовольствия. В результате число погибших ферганцев возрастало. Аналогичная ситуация наблюдалась и по другим голодающим регионам республики.

Тяжелым бременем на население края, особенно его сельской части, лег голналог. Он осуществлялся преимущественно в традициях «военного коммунизма», чрезвычайными методами, без учета реального материального положения обнищавших жителей города и села. Даже с предельно голодающего населения Ферганской области было собрано 6600 пудов различных продуктов[1].

Крайне неприглядная организационная деятельность комитетов Помгола, грубые нарушения при сборе голналога вызывали острое недовольство широких народных масс, особенно разоренного дехканства[2]. Документальные источники убедительно демонстрируют, что социальный протест, проявляемый среди сельского и частично городского населения, не был вызван равнодушным отношением к бедственному положению голодающих России. Милосердие и сострадание неизменно составляли и составляют отличительные черты национального характера народов края. С отеческой теплотой они раскрыли объятья прибывающим в республику голодающим детям. В Ташкенте, Самарканде, Коканде и других городах дети, вывезенные из бедственных районов, устраивались в детские дома и интернаты, многих из них брали в семьи.

Подобные акции высокого гуманизма широко проявлялись и на селе. Так, уже в сентябре 1921 г. жители Джалалабадского сельского района обратились в Андижанский уездно-городской комитет помощи голодающим с заявлением о готовности принять 547 детей. Из них 167 были направлены в русские поселки, а 380 — в кишлаки и аулы[3]. И такие примеры носили массовый характер.

Вместе с тем нельзя не заметить, что продовольственные ресурсы туркестанского кишлака были не безграничны. Они оказались к описываемому времени предельно истощены. Положение осложнилось тем, что

---

[1] История гражданской войны в Узбекистане... Т. 2.— С. 261.
[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 417, лл. 108—110.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 733, л. 75.

Деткомиссия все это время существовала «без государственной помощи» и только благодаря своей инициативе сумела изыскать средства в поддержку детским учреждениям в сумме до 1 млн руб. Но нехватка средств не позволила Деткомиссии «убрать с улиц беспризорных детей и устроить их в интернаты». Правительство Туркреспублики не располагало необходимыми средствами, а центральная власть отпускала крайне мизерные бюджетные ассигнования на социальные нужды края.

В дело оказания помощи беспризорным и голодающим детям посильный вклад вносили профсоюзы. Они брали на свое частичное содержание воспитанников детских домов и интернатов, по мере возможности отчисляли им денежное содержание.

Однако никакая общественная самодеятельность, индивидуальная или коллективная благотворительность не могли заменить устойчивое выделение крупных государственных материальных и финансовых средств на оказание помощи голодающим детям и социально уязвимым слоям населения. Но советское государство намеренно отстранилось от практического решения острых социальных проблем. В результате, хотя массовый голод к концу рассматриваемого периода ценой неимоверных усилий удалось преодолеть, локальные его очаги еще продолжали уносить много человеческих жизней.

Борьба с голодом хотя и составляла важную социальную акцию, тем не менее носила вынужденный характер. В стратегическом плане социальная политика новой власти предусматривала решение иного круга задач. Как и на предшествующем этапе, она отличалась специфическими проявлениями по отношению к городскому и сельскому населению.

Заметный отпечаток на характер социальных мероприятий в городе наложили особенности решения восстановительных задач в области промышленного производства. Выше уже отмечалось, что к моменту перехода к новой экономической политике экономика края находилась в тяжелейшем состоянии. Все это привело к тому, что рабочий класс Туркестана был охвачен общими для всего советского государства процессами «распыления и деклассирования»[1]. Его численность к 1921 г. уменьшилась почти на две трети.

---

[1] См.: Набиев Ф. Х. Социальная политика в Туркестане в годы нэпа. — Самарканд, 1995. С. 30—31.

Восстановление механизмов рыночного регулирования способствовало оживлению экономической жизни, возрождению промышленного производства. К сожалению, инерция «военно-коммунистических» подходов, особенно на начальном этапе реформирования, оказалась довольно ощутимой, вследствие чего социально-экономические акции, связанные с восстановлением промышленности, во многом осуществлялись апробированными в годы «военного коммунизма» методами «чрезвычайщины».

Установка VI съезда туркестанских коммунистов на то, чтобы «заставить» предприятия, т. е. их коллективы, работать «с полной нагрузкой» в условиях острейшего дефицита сырья, материалов, оборудования, энергетических ресурсов, денежных средств, специалистов и т. д. означала прежде всего жесткий курс на борьбу с «разгильдяйством», «рвачеством», «трудовым дезертирством», т. е. на всемерное укрепление трудовой дисциплины любыми средствами — от штрафов до предания «труддезертиров» суду.

Этот курс со всей твердостью претворяли на практике центральные и местные партийные, советские, хозяйственные органы, профсоюзные, комсомольские и прочие «общественные организации трудящихся». На это были нацелены и законодательные, и подзаконные акты тех лет, начиная от Кодекса законов о труде (КЗоТ) РСФСР 1922 г. и кончая приказами и иными распоряжениями по наркоматам и ведомствам.

Совнарком Туркестана постановлением от 24 января 1921 г. ввел обязательную ежедневную отчетность всех предприятий и учреждений о явке на работу и прогулах рабочих и служащих[1]. Были введены жесткие ограничения на выдачу больничных листов (бюллетеней). За нарушение этих правил врачей привлекали к ответственности, увольняли с работы. На всех предприятиях был введен специальный штат уполномоченных Наркомтруда, систематически учитывавших все случаи опозданий, прогулов и конкретное выполнение нормативов по производительности труда[2] (которые непрерывно повышались с началом нэпа). Повсеместно развернулась борьба с «труддезертирством»[3].

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1921, 14 апреля.
[2] Там же, 14 января.
[3] Там же, 26 января.

Постановлением Совнаркома Туркреспублики от 23 июля 1921 г. было утверждено Положение о дисциплинарных товарищеских судах, учрежденных в целях «повышения трудовой дисциплины и производительности труда до наивысших пределов»[1]. Газеты призывали «всех на фронт труда», чтобы и на этом фронте «победить во что бы то ни стало»[2].

На рост производительности и укрепление дисциплины труда были нацелены и получившие повсеместное распространение «коллективные трудовые договоры», которые обязательно должны были заключать с администрацией все работники государственного сектора промышленности. Уже на 1 августа 1923 г. такие договоры были заключены на 524 предприятиях Туркреспублики с 50777 рабочими и служащими[3].

С конца 1923 г. на предприятиях Туркестана появляются новые «общественные» органы — производственные совещания, а с 1924 г. — производственные комиссии[4], которые были призваны решать многие важнейшие и текущие производственные вопросы, но прежде всего они делали упор на рост производительности труда, укрепление дисциплины, борьбу с прогулами и т. п.

Аналогичные меры принимали и профсоюзные организации, которые занимались больше не делом защиты интересов рабочих и служащих, улучшения культуры и гигиены труда, охраны труда, технической безопасности, а опять-таки выступали в руках хозорганов, администрации предприятий рычагом в борьбе за всемерное повышение производительности труда, укрепление трудовой дисциплины, «уплотнение» рабочего дня, экономию заработной платы и т. д. Даже «сам» ВЦСПС признавал официально, что в угоду администрации профсоюзы ущемляли права рабочих, нарушали закон, прикрываясь законом.

Несмотря на переход к нэпу, государственные ведомства и администрация на местах неохотно расставались с широко распространившейся в условиях «военного коммунизма» практикой привлечения работни-

---

[1] Сагдуллаев Т. С. Основные этапы развития советского трудового права в Узбекистане. — Т., 1983. С. 55.

[2] Известия (Самарканд), 1921, 16 апреля.

[3] ТОГА, ф. 438, оп. 1, д. 39, л. 30.

[4] ЦГА РУз, ф. Р-828, оп. 1, д. 5, лл. 51—52; ф. Р-737, оп. 1, д. 46, лл. 14—16.

ков предприятий и учреждений к сверхурочным работам, когда рабочий день растягивался до 10 часов и более. Такая «безразмерность» рабочего дня весьма устраивала руководство госпредприятий, хотя наносила большой ущерб здоровью, интересам рабочих и служащих, организации их семейного быта и отдыха.

Отмеченные явления были нередкими даже в конце 1923 г., когда курс новой экономической политики приобрел уже устойчивые формы. В целях их устранения Наркомат труда Туркреспублики, исходя из логики нэповского реформирования, издал 27 декабря 1923 г. особый циркуляр. В нем подчеркивалась необходимость покончить с «порочной практикой сверхурочных работ», отмечалось, что последние могут быть «допустимы лишь с разрешения НКТ и профсоюзов Туркестана»[1]. Тем не менее сверхурочные работы как «метод социалистического строительства» практиковались и в последующем. Учитывая это, стоит ли удивляться тому, что несмотря на хозяйственные трудности описываемых лет, выработка в расчете на 1 рабочий день в цензовой промышленности Туркреспублики выросла с 1923/24 г. по 1924/25 г. почти вдвое[2].

Кстати сказать, с официальной ликвидацией режима «военного коммунизма» сразу же не исчез и такой его «краеугольный камень», как трудовая повинность, т. е. принудительный труд. «Трудармии» исчезли не сразу, и переход к добровольным методам комплектования рабочей силы был «постепенный»[3].

Инерция «военно-коммунистических» подходов смыкалась с жесткими реалиями переходного периода «рыночного» реформирования. Ведь нэп базировался на принципах всемерной экономии средств, в том числе по фондам заработной платы и натуральных выдач. Как выше уже отмечалось, повсеместно закрывались нерентабельные предприятия, учреждения, организации; резко сокращался штатный персонал. Уже VI съезд Компартии Туркестана указал, что даже оставшиеся в руках государства наиболее важные предприятия «должны быть разгружены от излишков рабочего и служебного персонала», а мелкие, нерентабельные предприятия — сданы в аренду или закрыты, причем их

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-35, оп. 2, д. 8 а, л. 16.
[2] Там же, ф. 88, оп. 1, д. 662, лл. 24—25.
[3] История рабочего класса Узбекистана. Т. 1. — С. 86.

работников предлагалось частично «распределять» по оставшимся предприятиям, а оставшихся без работы перевести «на общегосударственное снабжение»[1].

Арендаторы и собственники частных предприятий также старались всемерно сократить расходы на заработную плату и с этой целью увольняли многих своих работников. Между тем к 1924 г. в аренду было сдано 346 предприятий, в которых трудилось несколько тысяч человек[2]. В подобных условиях перейти на предприятия арендаторов и иных частных предпринимателей тем, кого сокращали в государственном секторе как «излишний персонал», было далеко не просто. Тем более что сокращали прежде всего наименее опытных, неквалифицированных работников, молодежь, пожилых людей, женщин.

Какую-то часть могло «поглощать» кустарно-ремесленное производство. Однако найти работу в сфере мелкой кустарной промышленности в сложных реалиях нэпа также было чрезвычайно трудно. Ведь в кустарной промышленности в этот период, согласно признанию официальных органов, наблюдалось «массовое увольнение рабочих». Причем в своей основной массе это были представители коренного населения[3]. Учитывая, что в среде увольняемых в госсекторе доминирующую часть составляли также лица местных национальностей, следует подчеркнуть, что главное бремя безработицы пало на коренное население края.

Ряды безработных множились день ото дня. Только за полгода — с 1 октября 1923 г. по 1 апреля 1924 г. — безработица выросла среди квалифицированных рабочих в 2,2, среди чернорабочих — в 2,7 раза[4].

Значительный отряд безработных составили работники социально-культурной сферы, прежде всего учителя. К примеру, с 1922 г. вследствие стремительного сокращения сети советских школ оказалось сокращено 6,8 тыс. школьных работников[5].

Понимая, что стихия массовой безработицы чревата социальными взрывами, властные органы попытались добиться уменьшения ее масштабов, частично

---

[1] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... С. 142, 144.
[2] История народного хозяйства в Узбекистане... Т. 1.— С. 139.
[3] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... С. 230.
[4] Народное хозяйство Средней Азии, 1924, № 5. — С. 234.
[5] Туркестанская правда, 1922, 20 октября.

смягчить ее угрожающие последствия, особенно для промышленных рабочих, демобилизованных красноармейцев, членов их семей, составлявших опору советского режима в крае. Так, VIII съезд КПТ специально отметил, что «ввиду наличия значительной безработицы необходимо принять меры по организации общественных работ и использованию на них безработных»[1].

В контексте реализации этой задачи стали предприниматься акции по благоустройству городов, разборке старых зданий, ремонту дорог, мостов и т. п. Создавались артели и общества безработных, на организацию которых выделялись некоторые средства в порядке кредита. Определенные кредиты выделяли для безработных и биржи труда. Проводились месячники помощи безработным. Поскольку денег и материальных ресурсов у государства, как всегда, не хватало, «нетрудовой элемент» облагали специальным налогом, поступления от которого также шли в фонд помощи безработным. В общей сложности безработные получили к концу 1924 г. около 1 млн руб.[2].

Принимались и некоторые другие меры по оказанию помощи безработным из числа «трудовых элементов». Так, в Коканде, Ширабаде профсоюзами были открыты дома-общежития для безработных[3].

Организация коллективов безработных, «как чисто трудовых, так и производственных», по мере возможности проводилась повсеместно, при тесном участии профсоюзов. «Тормозом» в создании их было отсутствие средств, необходимых для приобретения орудий производства. Тем не менее к маю 1924 г. только в Ташкенте работали 6 коллективов, в Ферганской и Самаркандской областях также имелись коллективы безработных, «как трудовые, так и производственные».

Регистрация безработных и отправление их на работу производились профессиональными секциями во главе с представителями соответствующих профсоюзов. Но Центр отпускал средства лишь на содержание двух секций при Ташкентской бирже труда, а заведующих остальных 10 профсекций приходилось содержать за счет профсоюзов. И разумеется, безработ-

---

[1] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... С.284.
[2] Народное хозяйство Средней Азии, 1924, № 5.— С.234.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-757, оп.1, д.10, л.10.

ные — члены профсоюза обеспечивались работой в первую очередь.

В целях облегчения бедственного положения безработных НК труда принимал меры к организации для безработных столовых, чайных, ночлежных домов и т. д. В Ташкенте, месте наибольшего скопления безработных, по инициативе НК труда удалось привлечь к оказанию им помощи краевые хозорганы. На денежные и материальные отчисления хозорганов и соцстраха в Ташкенте были организованы столовая и ночлежный дом[1]. В других городах Туркестана подобные мероприятия «за отсутствием возможности» не проводились. Хотя, например, в Полторацке (Ашгабат) обеды безработным отпускались, «на основе особого соглашения», из частных столовых.

Помощь безработным, помимо указанных способов и выдачи пособий из сумм соцстраха, оказывали и некоторые профсоюзы — как выдачей денежных пособий, так и путем «посылок на подработки».

Однако безработица в рассматриваемый период продолжала возрастать. К концу 1924 г. в Туркестане официально состояло на учете более 9 тыс. безработных[2], что составляло примерно 10% общего состава рабочих и служащих республики. Они испытывали колоссальные материальные трудности.

Но и имевшие работу находились в бедственном положении. Ведь заработная плата основной массы «трудящихся» оставалась незначительной, централизованное снабжение продуктами и промтоварами — слабое, а цены на рынке — очень высокими. При этом курс рубля вследствие инфляции падал, деньги обесценивались. Так, реальная покупательная стоимость червонца только за май—август 1923 г. упала на 21 пункт[3]. В июне 1924 г. пришлось прекратить выпуск совзнаков, вместо них началась эмиссия государственных казначейских билетов[4]. И тем не менее денежная масса росла, стоимость денег падала, что существенно «било по карману» всего населения, в том числе рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений, получавших зарплату по твердо (на каждый момент) установленным тарифам.

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 1833, лл. 76—78.
[2] История народного хозяйства Узбекистана... Т. 1.— С. 142.
[3] Там же. С. 181.
[4] ЦГА РУз, ф.-737, оп. 1, д. 19, л. 12.

Поэтому приходилось и в начальные годы нэпа применять разные формы натуроплаты, вводить сложную многоразрядную систему тарифов, премиальных и т. д. Переход от натуральных и натурально-денежных форм оплаты труда к чисто денежной форме заработной платы произошел далеко не сразу, причем во многом в силу крайней инфляции и острейшего дефицита товаров широкого потребления и продовольствия.

Выше уже говорилось, что в начальный период перехода к нэпу на государственных предприятиях стали практиковаться «целевое снабжение» и «метод коллективного снабжения», исходящие из объема доходов конкретного предприятия, а также была установлена «натурально-денежная заработная плата». Она, согласно установкам VI съезда КПТ, должна была обеспечивать «прожиточный минимум» (его размеры, разумеется, определяло само государство) и всемерно стимулировать трудовую активность, рост производительности труда рабочих и служащих. Все снабжение рекомендовалось осуществлять непосредственно через заводоуправления[1]. При этом речь шла о снабжении того персонала, который останется после «решительной разгрузки» предприятий от «лишних» штатов.

В соответствии с такой установкой по каждому оставшемуся в руках государства предприятию, учреждению устанавливались жестко ограниченные штаты персонала, по ним и отпускались (в строго нормированном в расчете на одного работника количестве) продукты и предметы первой необходимости «согласно прожиточному минимуму»[2]. Затем стали вводиться различные «тарифные сетки», тесно связанные с квалификацией, стажем, уровнем производственной выработки каждого работника.

7 апреля 1921 г. СНК РСФСР издал декрет о натурпремировании рабочих, предусматривавший выдачу им части зарплаты натурой — производимой ими продукцией, которую они могли «обменять» (т. е. реализовать на рынке) на сельхозпродукты[3]. Аналогичное постановление было вынесено ТуркСНК 4 июня 1921 г.[4].

---

[1] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях... С. 143.
[2] Сагдуллаев Т. С. Указ. соч.— С. 34—35.
[3] Известия ТуркЦИК, 1921, 21 апреля.
[4] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 296, л. 353.

Постепенно все-таки осуществлялся переход к денежной оплате труда. Так, постановлением ТуркСНК от 23 августа 1922 г. максимум заработной платы госслужащих был определен в сумме 80 тыс. руб.[1]. А по постановлению ТуркСНК от 20 ноября 1922 г. он составил (в связи с очередными изменениями в денежной системе) 75 тыс. руб.[2]. С переходом к золотому червонцу распоряжением Совнаркома Туркестана от 17 января 1924 г. минимальный уровень заработной платы по республике устанавливался в сумме 6 червонных руб. В мае 1924 г. он был повышен до 8 черв. руб.[3]. В целом же среднемесячная зарплата рабочего в Туркестане составляла в 1923 г. — 36, а в 1924 г. — 38,5 руб.[4]. Однако следует заметить, что многоразрядные тарифные сетки предполагали резкую дифференциацию оплаты труда разных категорий рабочих и служащих в различных отраслях и ведомствах. К примеру, если одни из них получали в начале 1923 г. более 70 руб. золотом в месяц, то другие — лишь 5—10, а были и работники, чей месячный оклад не достигал и 5 руб. золотом[5]. Их реальное материальное положение (и членов их семей) можно себе лишь представить.

Примерно в аналогичном положении находилась тогда значительная масса кустарей, особенно тех, кого охватывали кооперацией, разными государственными мероприятиями. VII съезд КПТ особо отметил, что и на кустарей следует распространить действие норм трудового законодательства, регламентировать время их работы и отдыха, а также минимум их заработной платы[6].

Материальное положение этих слоев трудового населения городов Туркестана было в общем примерно одинаковым. И рабочие, и служащие, и кустарно-ремесленные слои города в принципе одинаково испытывали все трудности тех лет: нехватку рабочих мест, острейший дефицит продуктов питания, промтоваров широкого потребления, дороговизну на рынке, бесконечную смену денежных знаков и т. д.

О повседневном быте городского населения рес-

---

[1] Туркестанская правда, 1922, 23 ноября.
[2] Там же, 1 декабря.
[3] Там же, 1924, 4 февраля, 22 мая.
[4] ЦГА РУз, ф. 86, оп. 1, д. 2176, л. 59.
[5] Там же, ф. Р-39, оп. 2, д. 213, л. 27.
[6] Коммунистическая партия в резолюциях... С. 145.

публики первой половины 20-х годов конкретно говорят воспоминания современников тех лет[1]. В частности, в них отмечается, что даже в столице края — Ташкенте ко времени перехода к нэпу имелась всего одна электростанция. Работала она с частыми перебоями: то не хватало горючего, то не было запчастей к совершенно изношенному оборудованию, и город по вечерам и ночам нередко погружался в полный мрак. Трамваи ходили нерегулярно, что также усугубляло общие трудности, испытывавшиеся населением города.

Вообще городское коммунальное хозяйство, в том числе Ташкента, Самарканда, Коканда и других наиболее крупных городов Туркестана, находилось в крайне тяжелом состоянии. Главная причина — все та же: нехватка кадров, материальных и денежных средств, плюс серьезные недостатки в работе советского административно-хозяйственного аппарата.

Так, из Коканда в апреле 1924 г. сообщали, что городской отдел местного хозяйства вынужден был сократить штат и потому «сузить» свою деятельность, но и это не дало ожидаемых результатов[2].

Большие трудности испытывал в своей работе Самаркандский горкомхоз. В мае 1922 г. состоялось очередное заседание его коллегии[3]. На нем, в частности, отмечалось, что не хватает средств на благоустройство города и приходится уповать лишь на «трудовую повинность» домовладельцев и квартирантов. Не решаются должным образом правовые вопросы, касающиеся работы горкомхоза; так, он длительное время не мог добиться инструкции от Главупркомхоза НКВД по вопросу о порядке застройки пустующих участков жилыми домами.

Между тем положение с жильем в Самарканде было исключительно сложное. На 1 октября 1922 г. в жилье остро нуждалось более 1000 семей. Пришлось даже открыть осенью 1922 г. общежитие для бездомных на 150 человек[4].

В докладной записке Главупркомхоза при НКВД Туркреспублики в ТуркСНК (1924 г.) также говорилось об остроте «жилищного кризиса в гор. Ташкенте»[5].

---

[1] См.: История рабочего класса Узбекистана. Т. 1. — С. 75—76.
[2] ФОГА, ф. 121, оп. 2, д. 96, л. 340.
[3] СОПА, ф. 31, оп. 1а, д. 478, л. 27—27 об.
[4] СОГА, ф. 1685, оп. 1, д. 213, л. 31.
[5] ЦГА РУз, ф. Р-39, оп. 2, д. 403, лл. 66—67 об.

Жилищный кризис сохранял свою остроту на всем протяжении исследуемого периода. Поэтому при Совнаркоме Туркреспублики в 1923 г. пришлось создать специальную Комиссию по регулированию жилищного вопроса[1]. Ознакомившись с положением дел, особенно в Ташкенте, комиссия представила в ТуркСНК обстоятельный доклад[2], в котором прежде всего отмечалось, что по самым скромным подсчетам в «новом городе» Ташкента, «где жилищный кризис особенно болезненен», необходимая жилищная площадь равняется 163 743 кв. саж. при наличии 93 000 кв. саж., т. е. для того, чтобы удовлетворить население Ташкента жилыми помещениями «при жесткой, почти антисанитарной норме 1,5 кв. саж. на человека» необходимо «вновь выстроить 2/3 нов. гор. Ташкента».

Проведенные подсчеты показали, что для того, чтобы «обеспечить население в полной мере жилой площадью, потребуется приблизительно 450 000 червонцев». Однако таких средств у государства не было. А потому приходилось ограничиваться строительством отдельных домов, ремонтом некоторой части жилого фонда, перекладывать строительство нового жилья и ремонт старого жилфонда на различные предприятия, кооперативы, профсоюзы, арендаторов, частных домовладельцев и т. д.

Вместе с тем следует отметить, что в проведении жилищной политики в те годы допускалось множество упущений, просчетов и даже злоупотреблений со стороны разных органов власти, ведомств, комхозов и т. п. Об этом наглядно свидетельствует, например, циркуляр НКВД Туркреспублики (в ведение которого входило тогда и управление коммунальным хозяйством городов), направленный в 1922 г. «всем коммунотделам»[3]. В нем указывалось, что на местах часто допускались такие нарушения «гарантированных населению прав беспрепятственного пользования жилищем», как выселение без суда, административное расторжение арендных договоров на дома, произвольное изъятие домов у владельцев и т. д.

Исходя из установок партии о том, что «вся работа Советской власти должна быть окрашена в сугубо клас-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-25, оп. 1, д. 1285, л. 108.
[2] Там же, лл. 108—115.
[3] ЦГА РУз, ф. Р-39, оп. 2, д. 324, лл. 107—111.

совый цвет», НКВД республики прямо указывал в своем циркуляре, что жилищный вопрос надо рассматривать прежде всего «как вопрос о жилье для рабочих и служащих», а потому следует «в особенности соблюдать жилищные интересы трудящихся и стремиться к наибольшему их обеспечению». И при сдаче домов в аренду «следует ставить условия, создающие заинтересованность арендаторов в предоставлении освобождаемых помещений рабочим».

В свете этих установок представляются небезынтересными следующие данные. Из материалов переписи 1926 г. видно, что городское население Узбекистана составляло к описываемому времени около 1,1 млн человек, из них рабочих — около 65 тыс. и примерно столько же служащих[1]. Таким образом, охарактеризованный выше «сугубо классовый» курс органов власти в столь важной сфере социальной политики, как решение жилищного вопроса, означал на деле игнорирование интересов почти 90% городского населения республики. Да и «пролетарский элемент» имел право на получение жилья лишь в пределах совершенно ничтожных — 1,5 кв. саж. (эту норму установил ТуркЦИК в феврале 1923 г.)[2].

Из всего сказанного ясно, что социальное, материальное, бытовое положение широких слоев городского населения Туркестана в 1921—1924 гг. было крайне сложным, и даже реальные условия жизни «класса-гегемона» были очень далеки от тех радужных надежд, которые внушал им октябрьский переворот.

С переходом к нэпу, несмотря на многочисленные осложняющие факторы, к середине 20-х годов наметились тенденции относительного улучшения материального положения отдельных групп сельского населения Туркестана. Система мер, направленных на ликвидацию колониальных пережитков в аграрной сфере, осуществленных в ходе земельной реформы 1921—1922 гг., известные решения о замене продовольственной и фуражно-сырьевой разверстки натуральным налогом, восстановление отдельных элементов товарно-рыночных отношений, практика льготного кредитования беднейших слоев дехканства объективно содействовали экономическому укреплению дехканских хозяйств.

---

[1] См.: Всесоюзная перепись... Т. XXXII. — С. 1—15.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-39, оп. 2, д. 313, л. 27.

В то же время к оценке материального положения сельского населения края рассматриваемого периода следует подходить дифференцированно. Важно учесть течение двух диалектически переплетающихся процессов, детерминированных стратегией «социалистического строительства». Их выражением явилось относительное улучшение жизненных условий в первую очередь наиболее беднейших слоев и резкое снижение материального положения зажиточных групп сельчан.

Руководствуясь принципами классового подхода, коммунистическая партия вела жесткую линию на ограничение сферы влияния крупных землевладельцев, баев, кулачества, духовенства. Несмотря на провозглашение принципа многообразия форм собственности, в республике и в стране в целом курс на уравнительное перераспределение, особенно в области земельных отношений, как констатировалось выше, сохранился. Земля передавалась в руки так называемого трудового крестьянства, батраков, чайрикеров, безземельных и малоземельных дехкан. Реконструкция поземельных отношений, национализация земли и воды привели к растущему вытеснению землевладельцев. Правда, в первые годы нэпа социальный состав узбекского кишлака изменился мало. Земельно-водная реформа 1921—1922 гг. существенно не изменила качественного соотношения между байством, кулачеством и середняками. Напротив, на основе нэпа произошел определенный рост зажиточных хозяйств, выделившихся из числа середняков. В этих условиях советское государство с помощью целенаправленной налоговой политики ограничивало возможности «эксплуататорских» хозяйств к увеличению своих накоплений, а с помощью кооперации помогало «трудовому» дехканству, в первую очередь бедноте, восстанавливать и укреплять свои хозяйства. Такая политика вызвала специфические социально-экономические процессы в узбекском кишлаке. Об их содержании уже говорилось выше. Но хотелось бы более углубленно проанализировать их итоги.

Как показывают материалы исследования, за период 1917—1925 гг., например, по Ташкентской области удельный вес беспосевных хозяйств и хозяйств с посевами до 0,5 дес. сократился с 30,1 до 14,8%, уменьшилась также доля многопосевных хозяйств. Число хозяйств, имеющих более 10 дес., сократилось с 5,6 до

0,6, а группа хозяйств, имеющих от 3,01 до 10 дес. — с 28,6 до 17,4%. Наблюдался рост числа хозяйств с посевами от 0,5 до 1 дес. с 10,1 до 23,7% и имеющих от 1,0 до 2 дес. — с 14,2 до 20,2%, от 2,01 до 3 дес. — с 11,4 до 17,3%. Аналогичная картина наблюдалась и по Ферганской области. Здесь доля беспосевных хозяйств уменьшилась с 22,0 до 9,3%. Хозяйства, имевшие от 3 до 10 и более десятин, сократились соответственно с 12,4 до 10,0 и с 0,7 до 0,5%. И напротив, с посевами от 0,5 до одной; от 1,1 до 2; от 2,01 до 3,0 десятин увеличились с 16,9 до 23,3; с 22,7 до 26,4 и с 10,9 до 12,2%[1].

За указанные годы произошли также заметные изменения в уровне обеспеченности рабочим скотом. Возросло число хозяйств, владеющих одной-двумя головами рабочего скота (по Ташкентской области — с 31,9 до 66,8%). Одновременно сократилось (с 45,1 до 6,8%) число зажиточных хозяйств, владеющих тремя и более головами рабочего скота, и до некоторой степени, хотя *и незначительно, увеличилось количество хозяйств, лишенных* рабочего скота[2]. По остальным областям республики сложились примерно такие же пропорции.

Оценивая в целом произошедшие перемены, следует отметить, что к 1925 г. наблюдалась еще заметная поляризация дехканских хозяйств. Так, согласно проведенному в 1924—1925 гг. Наркомземом ТАССР обследованию, в трех крупнейших областях Узбекистана — Ташкентской, Самаркандской и Ферганской — более 1/3 всех культурных земель находилось в руках «баев и кулаков». Общее количество безземельных хозяйств и хозяйств, имевших посевы до 2 дес., достигло 71,5%[3]. Следовательно, удельный вес бедняцких хозяйств все еще был достаточно велик. В то же время сравнительно немногочисленная группа байско-кулацких хозяйств с наделами более 7 дес. концентрировала в своих руках около 40% всех земель[4].

К 1925 г. середняцких хозяйств было в два-три раза меньше, чем малоземельных. В этот период центральной фигурой узбекского кишлака оставался бедняк.

Наряду с этим наблюдалась заметная дифферен-

---

[1] РГАЭ, ф. 4372, оп. 1, д. 411, л. 72.

[2] Бюллетень ЦСУ УзССР. 1925, № 12. — С. 20.

[3] Отчет по проведению земельно-водной реформы в Самаркандской, Ферганской и Ташкентской областях УзССР. — Т., 1927. С. 7.

[4] Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. — Т., 1929. С. 50.

циация дехканских хозяйств по оснащению рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем. Например, как свидетельствуют материалы 10%-ной сельскохозяйственной переписи 1925 г., так называемые «феодально-байские элементы» все чаще сосредотачивали у себя значительное количество рабочего скота. Так, свыше 50% хозяйств, владеющих более чем 10 дес. земли на двор, имели по 4 и более голов рабочего скота. В отдельных областях Узбекистана, особенно в тех из них, где применялся чигирный полив, этот показатель был еще выше. Например, в Кашкадарьинской области он достигал 73,9%, а в Хорезмской — 100%[1].

Во владении зажиточных хозяйств находилась и значительная часть сельскохозяйственного инвентаря. Даже такие примитивные орудия производства, как омач, кетмень, урак, мала, имелись не во всех хозяйствах. Так, из числа хозяйств, обследованных в ходе 10%-ной переписи 1925 г., в Самаркандской области омачей не имели 54,8% хозяйств, в Ташкентской — 43,6, в Ферганской — 35,2, в Зеравшанской — 12%. В ряде мест этот показатель был еще более высоким[2].

Подавляющая часть трудового дехканства буквально голодала. Так, согласно статистическим данным, ориентировочные затраты энергии на одного едока составляли в 1925 г. 4500—5000 калорий в сутки. Между тем суточное потребление в мелких хозяйствах равнялось в этот период лишь 3993. Иными словами, наблюдалось недоедание, ибо ограниченное питание не позволяло восстанавливать затрачиваемую энергию. И это понятно. Ведь среди беспосевных хозяйств 87,9% не имели коров, мелкого рогатого скота. На земле с посевом до 0,5 дес. продуктивным скотом обладали лишь 19,6, а от 0,5 до 1,0 дес. — 30,6 хозяйств[3].

Только в Фергане недостаток рабочего скота выражался в 100 тыс. голов[4]. При этом следует иметь в виду, что в мелких хозяйствах на потребительские нужды семьи отчуждалось до 77,3% всех доходов хозяйств, в крупных — лишь 54—58,7%[5].

---

[1] Бюллетень ЦСУ Узбекистана. 1925. № 12. — С. 56.

[2] Современный кишлак Средней Азии. Вып. V. — Т., 1927. С. 33.

[3] Подсчитано по материалам «Бюллетеня ЦСУ Узбекистана». №№ 7, 9, 10. — Т., 1925.

[4] ЦГА РУз, ф. 86, оп. 1, д. 2111, л. 140.

[5] Шулимов Г. О динамичных процессах в развитии хлопководства Узбекистана//На аграрном фронте. — М., 1927. № 1. С. 87.

Серьезно подрывало экономическое состояние маломощных хозяйств резкое удорожание сельскохозяйственных работ. Например, стоимость вспашки десятины повысилась к 1924 г. в 2,5 раза и составила 25 руб.[1]. В то же время в связи с неурожаем 1924 г. в ряде районов южного Узбекистана маломощные крестьяне в силу бескормицы вынуждены были за бесценок продавать свой наличный скот. В частности, в Сурхандарьинской области рабочий скот, стоящий 150 руб., продавался дехканами за 30 руб.[2].

Таким образом, на всем протяжении исследуемого периода, несмотря на некоторое улучшение уровня благосостояния отдельных групп дехканских хозяйств, основная масса сельского населения Туркреспублики в принципе находилась в тяжелом социально-экономическом положении. Об этом, в частности, убедительно говорят и конкретные статистические сведения о доходах и расходах хозяйств в 1924 г. одного из самых благополучных в экономическом отношении Джизакского уезда. Так, хозяйства с земельной площадью 0,51—1 дес. имели условно чистый доход (за вычетом текущих хозяйственных затрат) 506,8 черв. руб., а фонд потребления — 473,82 руб. У хозяйств, имевших до 2 дес., остаток составлял 298,89 руб.[3].

Цены на продукты питания, промтовары, топливо и пр. были высокими, и дехканам приходилось всячески сокращать свои расходы. К примеру, если хозяйства, имевшие 4—6 дес. земли, расходовали на питание в среднем 56,15 черв. руб. в год, то хозяйства с 0,51—1 дес. могли позволить себе потратить на пищевые продукты лишь 25,54 руб. в год[4]. Столь же мизерными были их расходы на одежду и иные личные нужды.

Тем не менее не только бедняцкие, но и значительная часть середняцких хозяйств едва сводила концы с концами в семейном бюджете. Так, в Самаркандском уезде хозяйства, имевшие 2—3 дес., закончили хозяйственный год с дефицитом 132,58 руб., а в Каттакурганском — 315,51 руб.[5].

Основательно подрезали и без того скудный дех-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 86, оп. 1, д. 2111, л. 140 об.
[2] Там же, ф. 837, оп. 1, д. 79, л. 77.
[3] Бюллетень ЦСУ УзССР. 1925. № 12. — С. 74—76.
[4] Там же. — С. 62—87.
[5] Там же. — С. 69.

канский бюджет упоминавшиеся выше «ножницы цен», когда реальные доходы сельских жителей упали ввиду резкого роста цен на промышленные товары при их падении на сельхозпродукцию. К примеру, в 1923 г. дехкане Самаркандской области получили за выращенный урожай зерновых в среднем лишь по 2—2,5 аршина ситца за 1 пуд зерна[1].

В этих условиях неотложной задачей становилось оказание мобильной помощи широкой массе сельского населения, особенно сильно пострадавшего от бурных событий послереволюционных лет. Но она если и предпринималась, то по отношению к узкой прослойке беднячества, да и то носила эпизодический характер.

В принципе советское государство сбросило с себя заботу о социальном обеспечении и материальной поддержке широких масс дехканства. И это вынуждены были признать сами властные структуры. Так, в решениях VII съезда КПТ констатировалось, что «советская власть покуда не имеет сколько-нибудь больших возможностей как в области непосредственной материально-хозяйственной помощи беднейшему и маломощному дехканству, так и в отношении рыночной конъюнктуры в интересах трудящихся масс кишлака и аула»[2].

В данной ситуации партийно-советские органы стремились преодолеть все трудности восстановительного периода усилением натиска на зажиточные слои кишлака. У «байско-кулацкого элемента» экспроприировали «излишки» земли, скота, инвентаря. Зажиточные хозяйства облагались повышенными налогами, лишались государственного кредита. На них падала основная тяжесть поставок по продналогу и иным видам налогообложения.

Острым оставался в исследуемый период жилищный вопрос на селе. Как и по многим другим направлениям социального строительства, государство не выделяло средств и не оказывало поддержку дехканам в улучшении их жилищных условий. Сельские жители должны были самостоятельно решать сложные жилищные проблемы. Между тем жилищный кризис остро ощущался в сельской местности. В кишлаках и аулах вследствие масштабных военных действий оказалось разрушенным

---

[1] История Узбекской ССР... Т. 3.— С. 369.

[2] Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях...— С. 235.

около 40% жилого фонда. Более 55% домов требовало капитального ремонта[1]. Средства же на их восстановление в условиях обнищания деревни у подавляющей части дехкан отсутствовали. В результате многие из них вынуждены были проживать в землянках и шалашах, ютиться в полуразрушенных жилищах.

Итак, ретроспективно оценивая характер перемен, произошедших в социальной сфере туркестанского кишлака в условиях перехода к нэпу, можно сказать, что они не отличались заметным динамизмом. Введение отдельных механизмов товарно-денежного регулирования, осуществление земельной реформы способствовали в какой-то мере росту производительных сил села, относительному улучшению материального положения некоторых групп дехканства. Вместе с тем позитивные сдвиги были еще ограниченными. Подавляющее большинство дехканских хозяйств оставалось малоземельным и экономически слабым, жизненный уровень сельчан — предельно низким. Сохранившиеся «военно-коммунистические» подходы, всесильная идеологическая надстройка продолжали сдерживать естественный процесс социально-экономического развития кишлака. Тяжелыми недугами страдала социальная политика на селе. Она, как и прежде, базировалась на классовых приоритетах. Советское государство не оказывало действенную социальную поддержку широким массам сельского населения, лишив его социальной защиты.

Сложные реалии начала 20-х годов выдвинули в число первоочередных задачу качественного обновления системы социального обеспечения широких народных масс, повышения уровня ее эффективности. Однако организация дела социального обеспечения усложнялась факторами многоаспектного воздействия курса нэпа на механизмы реализации социальной политики. В обстановке растущего дефицита денежных средств советское государство, как было показано выше, поспешило не только отсечь от государственной системы социальной защищенности «нетрудовые элементы», «классово чуждые» слои, но и существенно урезать статьи социальных расходов, предназначенных для «демурга революции», базисной опоры нового строя — рабочего класса.

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 541, лл. 129—131.

Таким образом, в сложнейших, противоречивых условиях перехода к нэпу, в обстановке огромных экономических трудностей, острой нехватки материальных и денежных ресурсов, недостатка кадров, нараставших процессов бюрократизации всех звеньев партийно-государственного аппарата подлинно эффективной системы социального обеспечения в стране, в том числе в Туркестане, создать не удалось. Проделанная в этом направлении работа носила больше пропагандистско-агитационный характер, отнюдь не обеспечив качественное улучшение материального положения широких масс населения города и села.

Неоднозначно протекали в условиях перехода к нэпу процессы охраны здоровья населения Туркестана.

После октябрьского переворота большевистское политическое руководство в целях завоевания авторитета среди коренного населения программно заявило о необходимости создания в Туркестане «эффективной советской системы здравоохранения, призванной прежде всего обслуживать местное население, составляющее подавляющее большинство»[1]. Однако уже первые шаги на пути создания советской системы здравоохранения красноречиво показали декларативность этих обещаний. Принятые меры оказались мизерными и почти не продвинули решение вопроса обслуживания коренного населения, не говоря уже о жителях села.

Ситуация еще более усугубилась с переходом к нэпу, когда советское государство вследствие острого финансового дефицита практически до минимума урезало ассигнования на социальные программы. В результате сеть лечебно-профилактических учреждений стала резко сокращаться. Так, на конец 1921 г. медицинскую помощь всему населению края оказывали 183 больницы на 10 024 койки, в том числе 4992 — специально для эпидемических больных. В 1924 г. в пределах современного Узбекистана действовало всего 53 больницы на 2135 коек. Правда, функционировали еще 185 амбулаторий и фельдшерско-акушерских здравпунктов. Но они обслуживали, как правило, ограниченные группы городского населения[2]. Сельские же жите-

---

[1] РЦХИДНИ, ф.17, оп.1, д.648, л.74.

[2] Махмудов М. Становление и развитие медицины и здравоохранения в Средней Азии (1867—1924). — Дис. ... докт. ист. наук. — Т., 1988. С. 361, 377.

ли фактически оказались вне зоны устойчивого медицинского обслуживания. К примеру, даже в 1925 г. в республике насчитывалось лишь 86 сельских врачебных участков и 44 фельдшерских пункта[1]. Учитывая многомиллионный контингент сельского населения, можно сказать, что это была «капля в море». Существующая сеть не могла обеспечить хотя бы минимальные потребности дехканства. Подавляющее большинство аулов и кишлаков оказались ею совершенно не охвачены.

Остро не хватало медицинских работников. Так, в системе Наркомздрава Туркестанской АССР на конец изучаемого периода трудились всего 371 врач, 436 фельдшеров и 105 фельдшериц, 134 акушерки, 40 зубных врачей и 202 фармацевта[2]. Численность врачей на 10 тыс. населения составляла лишь 0,9[3]. Еще более удручающая картина наблюдалась в сельской местности. Здесь один врач приходился на 35 тыс. жителей деревни, одна больничная койка — на 10 тыс. сельчан[4]. В итоге основная масса сельского населения вынуждена была вне поддержки государства решать трудные проблемы охраны здоровья.

Подавив с помощью военной силы крупные очаги антисоветского повстанческого движения в стране, партия большевиков и находившиеся под ее полным контролем органы власти, профсоюзы, комсомол и иные организации заметно усилили начатое уже в годы «военного коммунизма» наступление на «косные традиции старого быта», религию, прежние устои семейного уклада. Важнейшей задачей при этом ставилось «решительное раскрепощение женщины».

Задача «освобождения женщины от затворничества» была выдвинута в начале 20-х годов в Туркестане в число первоочередных проблем социально-экономического и культурного «фронтов». В процессе ее реализации предпринимались отдельные акции, носящие обоснованный характер. В частности, были приняты декреты о запрещении калыма, выдачи замуж несовершеннолетних девушек, бракосочетаний без согласия женщин и др. Но даже прогрессивные меры «женской эмансипации» осуществлялись «по-фронтовому»,

---

[1] ЦГА РУз, ф.1, оп.1, д.6, лл.63, 145.
[2] Махмудов М. Указ. соч. С.377.
[3] Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет. Сборник статматериалов. — Т., 1967. С. 200.
[4] ЦГА РУз, ф.1, оп.1, д.6, лл. 63—65.

методами «энергичного штурма и натиска», поспешно, без должного учета национального менталитета, психологии коренного населения, уходящей своими корнями в философию исламского миропонимания. В результате они принимали деформационные формы, выхолащивалось их позитивное содержание.

В бескомпромиссную борьбу с вековыми семейно-бытовыми традициями местного населения края, с устоявшимися нормами шариата и адата по указанию партийного руководства включились не только органы власти, от сельсоветов до ТуркЦИК, но и суд, прокуратура, милиция, женотделы, профсоюзы, комсомол, кооперация, союз «Кошчи», органы народного образования. Действия их носили, как правило, радикальный, «революционный» характер, далеко не всегда опирались на нормы закона, сводились нередко к жестким административно-силовым приемам, экономическому давлению на дехкан, кустарей и другие слои населения[1].

Например, дехкан и ремесленников лишали налоговых льгот, если они не соглашались отправлять на учебу дочерей и жен. Сложные бракоразводные дела брались разрешать без участия судебных органов милиция и женотделы, что обуславливало нарастание социальной напряженности. Учитывая линию X съезда РКП(б) по обновлению тактических подходов к реализации национальной политики на «колониальных окраинах», высшее партийное руководство вынуждено было в подобной обстановке несколько «одернуть» ретивых идеологических работников и прямолинейных администраторов, заявив, что женотделы «незаконно берут на себя функции судов и загсов, что они превращаются в бракоразводные учреждения, что своими решениями лишают бедняка жены». Стремясь укрепить имидж большевистской партии как политической силы, борющейся за «освобождение угнетенных народов», Средазбюро ЦК РКП(б) разослало специальный циркуляр «всем парткомам и членам партии Средней Азии», в котором подчеркивалось, что «проведение советского законодательства о женщине лежит не на женотделах, а на советских судебных и административных органах»[2].

---

[1] Любимова С. В первые годы. — М., 1958. С.48–49 и др.
[2] Там же.— С.49.

В таких условиях не удивительно, что, например, ТуркЦИК пришлось дважды принимать декреты об отмене калыма — в 1921 и 1923 гг.[1], ибо население прежние постановления, как правило, игнорировало.

Партийно-советские органы, хозяйственные организации, профсоюзы, кооперация, союз «Кошчи» и другие политические структуры стремились в первую очередь вовлечь женщин в общественное производство. С этой целью создавались женские сельскохозяйственные, кустарные и промысловые артели, кооперативы, открывались курсы профтехобразования, профтехшколы. Но проводилась данная работа поспешно, при острой нехватке материальных и денежных ресурсов, массовой общей и профессиональной неграмотности женщин, со многими ошибками и перегибами, при игнорировании прочности бытовых традиций, общественной психологии коренного населения. В результате многие женские артели и кооперативы создавались лишь на бумаге, быстро распадались, были экономически убыточными. Привлеченные на промышленные предприятия женщины не имели должных трудовых навыков, не были готовы к работе в большом коллективе, давали низкую производительность труда, допускали немало брака. Между тем в годы нэпа в силу общих хозяйственных трудностей, сокращения числа предприятий, жесткого курса на самофинансирование наблюдался значительный рост безработицы. И вполне понятно, что при сокращении промперсонала под увольнение чаще всего попадали неопытные, неквалифицированные работницы из местных национальностей. Партийно-советским органам, женотделам и профсоюзам приходилось «нажимать» на администрацию предприятий и владельцев частных заведений («нэпманов»), требуя от них сохранения женщин-работниц, но это было невыгодно для производства. Так что одной из острых проблем тех лет была борьба с безработицей среди женщин, численность которых на производстве и без того была весьма незначительной.

Например, к 1925 г. количество рабочих в Узбекистане составляло, по данным статорганов, всего 14496

---

[1] См.: Великий Октябрь и раскрепощение женщин Средней Азии и Казахстана (1917—1936 гг.): Сб.док. и мат. — М., 1971. С.46.

человек[1]. При этом женщин-работниц в общей сложности было лишь 1419 человек[2].

Документальные источники утверждают, что работа по вовлечению женщин в кооперативное движение до 1925 г. велась слабо. К 1924 г. в системе кустпромкооперации республики насчитывалось всего 250 женщин местной национальности. Такое положение сложилось по многим причинам, и «в первую очередь из-за экономических затруднений»[3].

Партийно-советские органы, профсоюзы, комсомол прилагали энергичные усилия для быстрейшего вовлечения женских масс в активную общественно-политическую жизнь, во «всенародную борьбу за торжество социализма». На эти цели были направлены усилия женотделов и движения женделегаток, кампании по выборам депутатов Советов и митинги, женские собрания и работа специальных женских клубов, «красных уголков», съезды дехканок, работниц, усилия печати, устная пропаганда и др. Но конечные результаты кампанейски проводившейся работы «в женских массах» были весьма скромными.

В подтверждение можно привести следующие конкретные данные. В 1924 г. в рядах Компартии Туркестана насчитывалось только 766 женщин, из них 10,4%— местных национальностей[4]. Даже на VIII съезде КПТ (май 1924 г.) в состав ее руководящих органов (ЦК, ЦКК, ЦРК) была избрана лишь одна С. Т. Любимова — зав. женотделом ЦК КПТ[5].

На 1 января 1925 г. в Компартии Узбекистана состояло лишь 148 женщин-узбечек. В профсоюзах республики в 1924 г. числилось 7569 женщин, но узбечек из них было всего 33. А комсомольская организация Узбекистана даже к апрелю 1925 г. насчитывала в своих рядах только 1—2% девушек коренной национальности[6]. В советы всех звеньев в ходе выборов 1923/24 г. было избрано по всей республике около 290 женщин[7].

---

[1] Бюллетень ЦСУ УзССР. 1928, № 10. С.44.

[2] ЦГА РУз, ф. Р-9, оп. 1, д. 3258, л. 70.

[3] Аминова Р. Х. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. — Т., 1975. С. 203.

[4] Великий Октябрь и раскрепощение женщин... С.161.

[5] Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Туркестана... С.245—246.

[6] Аминова Р. Х. Указ. соч. С.112, 182, 191.

[7] Шукурова Х. С. Социализм и женщины Узбекистана. — Т., 1970. С. 121.

Доля женщин-активисток в те годы была нелегкой. За нарушение норм шариата и адата их изгоняли из дома, лишали детей и имущества, преследовали, оскорбляли, а нередко и убивали. Все это были последствия поспешной «революционной ломки» всего многовекового уклада жизни, который, разумеется, невозможно было изменить за несколько лет, да еще методами «лобовой атаки»,. административными мерами, «силовыми» приемами, причем со многими грубыми ошибками, искажениями, проявлениями произвола и т. п.

По тем же причинам с очень большим трудом развивалось и женское образование. Этому отнюдь не способствовали поспешное закрытие мактабов, попытки ввести совместное обучение мальчиков и девочек, отсутствие местных женских педагогических кадров, общая нехватка средств на нужды образования и культуры, все «трудности нэпа». С большим трудом действовали «женские клубы», «красные уголки» и иные «очаги культпроса», а в работавших в 1922/23 г. в Туркреспублике женских школах грамоты (ликбеза) обучалось («списочно») лишь 248 женщин местных национальностей[1].

Очень слабо еще была развита и сеть общих и специально женских учреждений здравоохранения, да и вся система охраны материнства и младенчества, тем более что сеть последней пришлось в условиях нэпа существенно сократить из-за снятия ее с госбюджета и перевода на ассигнование из «местных средств». Правда, в ноябре 1923 г. Президиум ТуркЦИК принял специальное решение о создании фонда в помощь женским учреждениям, но реальных средств у него было крайне мало[2].

Все это ставило женщин, особенно матерей, и детей в очень тяжелое положение. Не случайно VII съезд Компартии Туркестана (март 1923 г.) констатировал, что «материальное положение детей рабочих и трудящихся коренного населения в настоящий момент является крайне тяжелым», и причина тому прежде всего — «в условиях новой экономической политики». В решениях съезда отмечается рост детской преступности, спекуляции, разврата и беспризорности[3]. А VIII

---

[1] Аминова Р. Х. Указ. соч. С.278.

[2] Великий Октябрь и раскрепощение женщин... С.334.

[3] Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана... С.194.

съезд КПТ (май 1924 г.) особо подчеркнул «развитие беспризорности среди детей»[1].

Обо всем этом красноречиво говорится во многих документах тех лет. Так, в одном из них — «Докладе о положении дела охраны здоровья детей и материнства с переходом на местные средства» (1923 г.)[2] — говорится, что к концу 1921 г. Наркомздравом было организовано в крае 27 детских домов с количеством 815 коек и 5 консультаций. С наплывом голодающих и появлением эпидемий малярии и тифа положение ухудшилось, смертность поднялась до 50%. С переходом на местные средства число детучреждений было сокращено на 75%. Были закрыты все имеющиеся консультации, за исключением консультации в г. Ташкенте, и все ясли. С большим трудом удалось оставить на госснабжении 3 детских дома как показательные и 3 как обслуживающие детей из голодающих районов.

Всего в 1923 г. в крае осталось 11 детских домов и 1 консультация. Такое минимальное количество детучреждений, конечно, не могло удовлетворить реальные потребности.

Не менее тяжело обстояло дело охраны здоровья детей в учреждениях Наркомпроса. Полностью отсутствовали во всем крае школьные амбулатории, дома для дефективных детей, санатории, лесные школы и система правильной постановки физического развития.

Все это вместе взятое, говорится в документе, наносит неизгладимый ущерб воспитанию и здоровью подрастающего поколения.

На такой «базе» трудно было рассчитывать на успешное решение проблемы. Таким образом, даже к концу исследуемого периода положение женщин, особенно матерей, и детей в Туркреспублике оставалось очень тяжелым и весьма далеким от официальных деклараций о том, что советская власть создала «широкую систему мер по социальной защите матери и ребенка»[3].

---

[1] Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана... С.236.

[2] ЦГА РУз, ф.Р-40, оп.1, д. 347, лл. 10—29.

[3] См.: циркуляр Наркомздрава РСФСР от 14 ноября 1924 г. — ФОГА, ф. 9, оп.1, д.4, л.96.

* * *

Таким образом, социально-экономическое положение Туркестана, несмотря на введение курса нэповского реформирования, оставалось на всем протяжении первой половины 20-х годов сложным. Противоречия идеологии и практики нэпа, инерция «военно-коммунистических» подходов к управлению народным хозяйством, классово-идеологическая направленность предпринимаемых социально-экономических и политических акций, ущемление права народа на национальное самоопределение определило то, что наряду с проявлением отдельных позитивных восстановительных процессов обширный круг назревших проблем не удалось решить. Политическое руководство советского государства намеренно ограничивало здоровые потенции новой экономической политики, нацеливало ее исключительно на обеспечение задач социалистического строительства. Выступающая за углубление курса реформ и обретение реальных суверенных прав национальная оппозиция настойчиво «выкорчевывалась», государство возложило на население финансирование большинства социальных программ, усиливалось ресурсное ограбление туркестанского кишлака, укреплялась система имперских отношений между Центром и республикой. В итоге материальное положение и социальное самочувствие широких народных масс оставалось тяжелым.

Глава III

БУХАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 1921—1924 ГГ.

1. РАЗВЕРТЫВАНИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Разгром двухтысячной армии эмира в феврале 1921 г. способствовал установлению советской власти и в восточной части Бухарского государства. Повсеместно стали организовываться ревкомы, нацеленные на закладку базисных структур советской государственности. Однако процесс советизации в Восточной Бухаре проходил в сложной политической обстановке. Широкие массы коренного населения противились насильственному насаждению чуждой власти. Это подпитывало силы вооруженной оппозиции. Осевшие в Восточной Бухаре остатки эмирской армии, командование над которыми были возложено на Ибрагимбека Диванбеги[1], первоначально рассеялись в городах. Но уже в

---

[1] Ибрагимбек Лакай — Мулла Мухаммад Ибрагимбек (1889—1932 гг.) родился в кишлаке Уяли в Кукташе (в десяти километрах южнее Душанбе) в семье эмирского чиновника, выходца из рода узбекских лакаев. Сам Ибрагимбек, хотя и являлся состоятельным человеком, также находился на государственной службе. Признанием его заслуг явилось присвоение ему в 1919 г. звания «караулбеги» при гиссарском беке, а позже — «Мир диванбеги», «Тупчибоши» и «Лашкарбоши» при бухарском эмире. После крушения эмирата, в возрасте 31 года, вступив на арену вооруженной борьбы с советским режимом, он проявил себя последовательным и преданным сторонником свергнутого эмира Бухары. Его политическим кредо в 11-летней самоотверженной борьбе было освобождение бухарской земли от советских войск, восстановление прежнего правления и образа жизни и возвращения власти бывшему эмиру Саиду Алимхану. Он пользовался непререкаемым авторитетом и всесторонней поддержкой — и материальной, и духовной — у эмира Бухары. В сентябре 1921 г. Ибрагимбек на курултае курбаши Бухары был удостоен высокого звания «Ислом лашкарбошиси» — полководец, военачальник исламских войск.

Политические пристрастия Ибрагимбека определили его отрицательное восприятие участия в освободительном движении джадидов и Энвера Паши. Отношения с последним складывались у него весьма неоднозначно. Порою противостояние между ними доходило до взаимных арестов. И только под воздействием эмира Ибрагимбек вынужден был признать право Энвера Паши, а после его смерти и Салима Паши на руководство движением.

После смерти Энвера Паши и отъезда Салима Паши в Афганистан общее руководство повстанческим движением сосредоточилось полностью в руках Ибрагимбека. Установленный им порядок в рядах повстанцев, набор в отряды курбаши, внутренняя строгая дисциплина, введение беспощадного

скором времени удалось вновь восстановить их дееспособность.

В ряды повстанцев влились со своими крупными отрядами курбаши Восточной Бухары: Давлатмандбек — в Балжуване, Ашурбек и Мирза Солих — в Кенткурде, Ашур Туксабо — в Кулябе, Тогай Сари — в Курган-Тюбе, Абдукаюм Парвоначи — в Дангаре, Ибрагимбек — в Лакае, Эшон Султан — в Дарвазе, Фузайл Махдум — в Каратегине, Гаюрбек — в Файзабаде, Абдурахманбек — в Сариосиё и Каратаге, Хаитбек — в Боботаге, Рахмон додхох — в Душанбе, Хурамбек — в Сурхане, Али Мардонбек и Темурбек — в Гиссаре; курбаши Средней Бухары: Жура Хужа — в Карши, Авлиёкул Курбаши — в Гузаре, Кулмухамадбек и Адурахмон Ботир — Керки, Достонкул и Тусанбой — в Сарайкамаре и в Алатаге, Жаббор — в Шахрисабзе, Яккабаге[1]. Эти курбаши — бывшие чиновники эмира, беки туманов, религиозные деятели — были решающей силой в разворачивающемся вооруженном сопротивлении большевистскому режиму и его армии. Главной объединительной и вдохновляющей идеей начавшейся борьбы являлась защита своего образа жизни.

Движение сопротивления, возникнув в Восточной Бухаре, очень быстро начало распространяться по всей Бухарской республике. Это встревожило советское руководство в Центре и в Ташкенте. В возможности объединения бухарских борцов с повстанческим движением в Туркестанской республике оно увидело реальную угрозу, нависшую над советской властью во всем регионе. В Бухару поспешно, 26 декабря 1920 г.,

---

наказания за попытки мародерства и т. д. — свидетельствовали о его стремлении внедрить в ряды повстанцев принципы регулярной, тесно связанной с народом армии. Своей беззаветной преданностью идеалам свободы и независимости он завоевал всестороннее уважение к себе и высокий авторитет.

И даже после сокрушительного поражения освободительного движения в Бухаре в 1923—1924 г. он продолжал борьбу и покинул пределы Бухары одним из последних — 21 июня 1926 г. он перешел границу с Афганистаном. Но и после этого он неоднократно с преданными ему отрядами курбаши переходил границу и пытался организовать массовое восстание против советской власти. Во время одной из таких попыток Ибрагимбек попал в плен (23 июня 1931 г.). На судебном процессе, проходившем в марте 1932 г., он с гордостью говорил о своей длительной борьбе против советской власти. По решению военного трибунала Ибрагимбек был казнен 31 августа 1932 г.

[1] Об этом см.: Шарқий Бухоро курбошилари. Самарканд — Зарафшон курбошилари // Эрк, № 7, 19—26. II.1992 й.

прибыл представитель Туркбюро ЦК РКП(б) Г. Сафаров. В своей речи на собрании актива республики он гневом обрушился на руководство Бухарской республики и прежде всего на главу ее правительства Ф. Ходжаева. Обвиняя бухарское руководство в попустительстве, в отсутствии стремления к ликвидации остатков эмирских войск, он не стеснялся в выборе выражений: «кучка советских разбойников» и «бухарская революция есть революция беспаспортная»,— угрожал присутствующим: «Мы вас всех расстреляем!» и в заключение обозвал их «сволочью»[1].

В последовавшем вслед за этим заявлении председателя Всебухарского ревкома А. Мухитдинова и председателя Совета назиров Ф. Ходжаева в Наркоминдел РСФСР был выражен категорический протест против поведения Сафарова и указано на невозможность продолжения совместной с ним работы. Прося Наркоминдел РСФСР немедленно дать соответствующую оценку случившемуся, правительство заявило, что в противном случае оно «не считает возможным для себя остаться далее у власти».

Характерно, что в упомянутом послании правительство Бухары искренне продемонстрировало, что не желает быть марионеткой в руках большевиков. Но логика событий доказывала обратное[2]. По заключенному 16 марта 1921 г. союзному договору между РСФСР и Бухарской республикой[3] правительству последней предоставлялось право «всецело опираться на военную мощь Советской России» в борьбе с противниками нового строя. Тем самым узаконивалось присутствие советских войск на территории суверенного Бухарского государства, прямое вооруженное вмешательство РСФСР в его внутренние дела. В этих условиях стремление бухарского правительства защитить некоторую суверенность своей власти не имело под собой реально почвы. Оно вынуждено было действовать под диктовку своего северного соседа.

Однако острота ситуации постоянно подталкивала правительство Ф. Ходжаева к лавированию на грани подчинения советскому командованию и поддержк

---

[1] См.: Ходжаев Ф. Избранные труды. Т.1. С. 471.

[2] Генис В. Л. Разгром Бухарского эмира в 1920 году // Вопросы истории, 1993, № 7. С. 51; РЦХИДНИ, ф.79, оп.1, д.196, л.1.

[3] См.: История Бухарской Народной Советской Республики. Сб. док. С.198—203.

все более разрастающегося освободительного движения. С наибольшей откровенностью эта позиция проявилась в связи с начавшимися в апреле-мае 1921 г. массовыми народными восстаниями в Восточной Бухаре. Как вынужден был признать военком 1-й Туркестанской кавдивизии, «восстание жителей началось в первых числах мая и охватило Гармский, Балжуванский, Файзабадский, Кулябский и Каратегинский районы. Причин, послуживших поводом к восстанию, много, но более ярко выделяются следующие: бессистемный сбор припасов с населения, неуплата деньгами за взятое, а расписками, и неумелое проведение мобилизации милиции... Боевые полки превратились в партизан или хуже — в бандитов. После двухдневного боя в Кулябе красноармейцы бросились грабить город, расстреливая оставшихся жителей, причем до 50 женщин изнасилованы и 140 женщин прибежали спасаться в крепость. Попытки комиссаров предотвратить это зло не дают результатов»[1].

Насилие, грабежи, надругательства красноармейцев над мирными жителями, вызвав взрыв народного негодования, грозили ввергнуть Бухарское государство в пучину войны. Позиции бухарского правительства и лидеров повстанческого движения сомкнулись на категорическом неприятии присутствия советских вооруженных сил на территории своей страны. В них виделась главная угроза независимости страны, всему бытию бухарцев. Этот вопрос стал предметом совместного обсуждения летом 1921 г. комиссии во главе с Отауллой Ходжаевым — чрезвычайным полномочным представителем бухарского правительства, прибывшей в Душанбе по поручению Файзуллы Ходжаева, и лидеров повстанческого движения Восточной Бухары[2].

Бухарское правительство стремилось мирным путем усмирить народные восстания в районах Гарма, Балжувана, Файзабада, Куляба, Каратегина. Очевидно, этим объясняется то, что в результате переговоров лидеры повстанцев — Давлатмандбек[3] и Султон Эшон

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 122, оп.1, д.250, лл.30—31.

[2] ЦГА РУз, ф.46, оп.1, д.42, лл. 17—18.

[3] Давлатмандбек — Давлатмандбек Курбаши Камолиддинбек оглы — таджикизированный узбек, родился в кишлаке Ёп, что примерно в 22 км от Балжувана. Весьма состоятельный человек, он владел большой недвижимостью в Балжуване и Шерабаде; занимал высокие должности при дворе

были назначены председателями ревкомов Балжувана и Гарма. Назначение курбаши председателями вилаятских ревкомов призвано было продемонстрировать населению Восточной Бухары стремление правительства учитывать его интересы[1]. И главное, на встрече 12 августа в Балжуване было подписано соглашение между Отауллой Ходжаевым и Давлатмандбеком[2], которое признавало необходимым полный вывод частей Красной армии с территории Восточной Бухары и по истечении определенного срока передачу ее в распоряжение курбаши. Последние, в свою очередь, обязывались, убедившись в доброжелательном отношении бухарского правительства к повстанцам, разоружиться и признать правительство БНСР[3]. Это соглашение вполне объяснимо в свете изданных за рубежом фактов, свидетельствующих, что уже осенью 1920 г. некоторые бывшие младобухарские джадиды под руководством Файзуллы Ходжаева создали в Бухаре организацию под названием «Миллий иттиход»[4]. Организация существовала полулегально. В декабре 1920 г. с приездом в Бухару Заки Валидий она активизировала свою деятельность, выйдя за пределы Бухарской республики и распространив ее по всему Туркестану. Основной целью этой организации было вывести Бухарскую республику и Туркестан из-под влияния политики «советизации», добиться их свободы и независимости.

бухарского эмира, являлся в одно время командующим вооруженными силами Бухарского ханства, был беком Балжувана. Он поднял знамя освободительной войны в регионе Балжуван — Конкурд — Чигон в Восточной Бухаре. Уже в начале 1921 г. под его предводительством было более 2 тыс. повстанцев. В характеристике, данной ему Али Бодомчи, отмечалось: «Он действительно обладал большими способностями, был героическим курбаши. Кроме того, относительно национального сознания, он был самым ярким из всех курбаши... одним из первых присоединившимся к Энверу Паше» (Шаркий Бухоро курбошилари // Эрк, 1992, 22—29 февраля, № 7). В печально известном бою близ Балжувана (4 августа 1922 г.) он плечом к плечу сражался рядом с Энвером Пашой и героически погиб. «Давлатмандбек также пожертвовал собою во имя своей Родины, своей нации и своей национальной чести. Его похоронили как погибшего за правое дело, за веру, как Энвера Пашу» (Али Бодомчи. 1917—1934 йиллар. Туркистон миллий истиклол харакати ва Анвар Пашшо курбошилар. Т.1 (тур. яз.). Стамбул, 1975, б. 499).

[1] Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. Т., 1969. С. 279.

[2] ААП РУз, ф.14, оп.1, д.22, лл.25—26.

[3] Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане.— Душанбе, 1963. С.280.

[4] Об этом подробно см.: Заки Валиди Тугон. Хотиралар // Шарк Юлдузи, 1993, №№ 5—6, 7—8, 9; Киличев Ф. Мустакилликнинг фожиали йули // Шарк Юлдузи, 1992, № 7. 151, 165 б.

Для этого предполагалось использовать легальные и нелегальные средства борьбы. В организации активно сотрудничали Ф. Ходжаев, Отаулла Ходжаев, Фитрат, Муминжон Аминов, Мукомил Бурхонов, Ибод Ходжаев и другие.

Как свидетельствует одно из решений Центрального Комитета «Миллий иттиход», большие надежды организацией возлагались на повстанческое движение. Прежде всего его подъем предполагалось использовать в пропагандистских целях: для убеждения правительства Советской России и его представителей в категорическом неприятии коренным народом планов советизации. Но основное внимание обращалось на консолидацию повстанческих сил, повышение их боевой и политической сплоченности, ибо считалось, что только таким путем могут быть подготовлены профессиональные кадры для будущей национальной армии, необходимость в которой возникнет, когда реально встанет вопрос об отделении от Советской России[1].

Условия соглашения, к которым привели мирные переговоры между уполномоченным бухарского правительства и лидерами повстанческого движения, были восприняты последними как призыв к немедленным практическим действиям. Уже 17 сентября 1921 г. в кишлаке Каракамиш (в 26 верстах юго-восточнее Файзабада) в Восточной Бухаре по инициативе Давлатмандбека и Эшон Султана был созван курултай курбаши[2]. По данным советской разведки, на нем присутствовало до 7 тыс. человек. В соответствии с вышеназванным соглашением курултай ультимативно потребовал в десятидневный срок вывести советские войска из Бухарской республики, в противном случае было решено перейти в наступление на всех участках. Вместе с тем в разведсводке сообщалось, что Курган-Тюбе занят отрядом повстанцев в 2 тыс. человек, Душанбе осажден, «население примыкает» к повстанцам[3].

О развитии повстанческого движения в Восточной Бухаре свидетельствуют советские документы. В секретной телеграмме штаба Туркестанского фронта, отправленной 30 сентября в Москву, с тревогой сообща-

---

[1] К и л и ч е в Ф. Зулматдан садолар. Т.: Адолат, 1994. Б. 19.
[2] ЦГА РУз, ф.47, оп.1, д.135, л.56.
[3] Т а м ж е, л. 56 об; РГВА, ф.110, оп.3, д.659, л.96.

лось: «Начиная с 15 сентября в Бухаре появляются отряды басмачей (повстанцев. — *Ред.*), проявляющие активную деятельность: 15 сентября занят Курган-Тюбе, 22 сентября отрядами, в количестве до 4 тыс. человек, во главе с Ибрагимбеком окружен Душанбе, гарнизон которого находится до сего времени в положении осажденного. С момента окружения Душанбе — басмаческое (повстанческое. — *Ред.*) движение выплывает в форму восстания охватившего район Балжувана — Куляб. Население относится большинством сочувственно и примыкает к басмачам (повстанцам. — *Ред.*). Мотив восстания якобы требование населения вывода наших войск в десятидневный срок на основании мирного договора между Бухреспубликой и басмачами (повстанцами. — *Ред.*). 25 сентября басмачи (повстанцы. — *Ред.*) заняли Гиссар и Кафирнихан. В настоящее время восстание принимает значительные размеры: силы басмачей (повстанцев. — *Ред.*) увеличиваются за счет примыкающего населения»[1].

Города и кишлаки Восточной Бухары один за другим переходили в руки повстанцев. Только в октябре в Душанбинско-Кафирниханском направлении было собрано более 6 тыс. восставших[2]. К середине октября повстанцы владели Файзабадским, Кулябским, Гармским, Курган-Тюбинским, Кафирниханским, Гиссарским и Каратегинским районами[3]. В это время руководителем повстанцев Восточной Бухары был Ибрагимбек Лакай. Его резиденция располагалась в кишлаке Мазари Мавляна в Лакае (вблизи Кукташа).

Усиление повстанческого движения в Восточной Бухаре в 1920—1921 гг., концентрация здесь советских вооруженных сил спровоцировали активизацию движения сопротивления в Западной и Средней Бухаре. Здесь наибольшей популярностью среди населения пользовался организатор и руководитель повстанческого движения в Бухарском и Карманинском вилаятах курбаши Мулла Абдулкаххар[4].

---

[1] РГВА, ф.110, оп.3, д.659, л.91.

[2] Там же, л.95.

[3] История гражданской войны в Узбекистане. Т.II.— С. 323; РГВА, ф.110, оп.3, д.659, л.122.

[4] Мулла Абдулкаххар (1884—1924 гг.) — лидер повстанческого движения Западной Бухары (Бухарский и Карманинский вилаяты), один из влиятельных курбаши освободительной войны в Бухарской республике. Родился в Гиждуванском районе Бухарской области. Выпускник знаменитого

В скором времени отряды сопротивления появились в каждом районе, в больших кишлаках и кентах (городках) Бухары и Карманы, руководителями которых были выходцы из этих мест. В Западной Бухаре таких отрядов было более 50, в их рядах сражались свыше 10 тыс. повстанцев. Эти отряды не пропускали советские воинские соединения на территорию своих кишлаков, нападали на их гарнизоны, находившиеся в районных центрах и городах.

Таким образом, в течение примерно одного года после переворота в Бухарском государстве и оккупации его советскими вооруженными силами вся страна оказалась охваченной пожаром национально-освободительной борьбы. Если вначале ее возглавлял лишенный престола эмир Саид Алимхан, то после его ухода в Афганистан ее руководителями в Восточной Бухаре стали Ибрагимбек Лакай и Давлатмандбек, а в Западной Бухаре — Мулла Абдулкаххар. Однако эмир, будучи в эмиграции, продолжал поддерживать регулярную связь с руководителями движения.

С конца 1921 г. в развитии повстанческого движения обозначился резкий перелом — оно приобрело характер острой, бескомпромиссной борьбы за окончательное освобождение Бухарского государства от иноземного господства. Новый этап движения был связан с именем известного государственного деятеля Турции генерала Энвера Паши[1].

медресе Мир Араб в Бухаре, он почитался среди населения как высокообразованная, уважаемая личность — «мулла». И не случайно, что именно он возглавил почти 15-тысячную повстанческую армию, созданную с уходом эмира из Бухары его жителями и населением близлежащих туманов — Гиждувана, Пирмаста, Вабкента, Шафиркана, Хутфала, Вангози, Каракуля. Действия отрядов курбаши, возглавляемых Муллой Абдулкаххаром, вписали славные страницы в историю освободительного движения в Бухарской республике, одной из которых явились наступательные операции по взятию Бухары в начале 1922 г. Хотя официальной резиденцией Муллы Абдулкаххара считался Нурата, однако на протяжении его четырехлетнего участия в освободительной борьбе его постоянным местожительством стала просторнейшая Кызылкумская степь. Он героически погиб в одном из сражений в конце 1924 г.

[1] Энвер Паша (1881—1922 гг.) — один из лидеров национально-освободительного движения в Бухаре и Туркестане.

Уроженец Турции, после окончания в 1903 г. Академии генерального штаба в Стамбуле Энвер Паша с головой окунулся в политическую жизнь своей страны: он вскоре оказывается в рядах активных членов партии «Иттихад ва тараккий» (Единение и прогресс); в 1908 г. — инициатор государственного переворота, нацеленного на отстранение от власти турецкого султана Абдул Хамида; в 1913 г. — с группой преданных ему военных захватил власть и вошел в состав триумвирата, возглавившего страну; во главе с турецкой армией отвоевывает у болгар Андрианополь и др. земли. Он становится од-

По свидетельству Заки Валидий, Энвер Паша прибыл в Бухару 20 октября 1921 г. Его сопровождали два турецких офицера. После кратковременного пребывания в Бухаре Энвер Паша 8 ноября отправился в Восточную Бухару. Здесь, в окрестностях Карши, он и его соратники взяли на себя руководство отрядом курбаши Муллы Нафиса. Уже 9 ноября 1921 г. Энвер Паша выступил с заявлением о своем присоединении к национально-освободительному движению[1].

В конце декабря 1921 г. Энвер Паша уже возглавлял отряды курбаши всей Восточной Бухары. Он налаживал широкие связи с курбаши не только Восточной Бухары, но и всего Туркестана. За сравнительно короткий срок ему удалось установить прочные отношения с Турди Токсаба в Средней Бухаре; Муллой Абдулкаххаром, Джурой Амином, Азимходжой — в Западной Бухаре; Бахромбеком — в Самарканде; Джунаидханом — в Хорезме; Шермухаммадбеком, Ярматом Махсумом, Исламом Пахлавоном, Парпибеком — в Ферганской долине. Он создал в Восточной Бухаре единое объединенное войско, внедрил западноевропейский стиль командования. Из единого центра координировались действия повстанческих сил, борющихся против большевистского режима на территории всего Туркестана. По инициативе Энвера Паши постоянно проводились встречи курбаши Бухары, Ферганы, Хорезма, где вырабатывалась общая тактика и стратегия борьбы.

Повстанческое движение под руководством Энвера Паши превращалось в грозную боевую силу, способ-

---

ной из известных, авторитетных, почитаемых личностей не только в Турции, но и во всем мусульманском мире: ему присваивается титул «Паша».

Но вступление Турции в первую мировую войну на стороне Германии, а затем поражение в ней стало ударом и по лидерам партии «Единение и прогресс», и по Энверу Паше лично. Он с группой ближайших соратников покидает Турцию и после скитаний в октябре 1921 г. оказывается в Бухаре. После встреч с главой бухарского правительства Файзуллой Ходжаевым, другими государственными деятелями, с идеологами национально-освободительного движения в нем созрело окончательное решение — отправиться в Восточную Бухару и присоединиться к повстанческому движению. С этого времени и вплоть до своей смерти Энвер Паша весь свой жизненный опыт, талант военачальника, профессионального политика, дипломата и государственного деятеля посвятил служению интересам народов Бухары и Туркестана в целом, борьбе за свободу и независимость их Родины.

[1] Об этом см.: Хаитов Б. Туркистонда миллий кураш тарихининг асос манбалари // Эрк, № 19, 1 октября 1990 г.; Хаитов Б. Туркистон XX асрда. С.192.

ную в корне изменить военно-политическую ситуацию в Восточной Бухаре. Во второй половине декабря 1921 г. сконцентрированные в окрестностях Душанбе до 10 тыс. повстанцев начали осаду города. Боевые действия возглавляли Энвер Паша и Ибрагимбек. После ожесточенных боев повстанцам удалось в ночь на 16 февраля 1922 г. занять Душанбе. Началось беспорядочное отступление советских вооруженных сил. К 22 февраля они находились уже в районе Байсуна. По сути вся территория Восточной Бухары была занята отрядами повстанцев.

Разворачивалось освободительное движение и в Западной Бухаре. Осенью 1921 г. отряды Хайита Амина, Урмана Палвана, Исмаила Токсабо, Хасана Карвана, Даниярбека (гиштинский) и других общей численностью в 2 тыс. человек захватили Карману. Общее руководство операцией осуществляли Мулла Абдулкаххар и курбаши Джаббар. Их успех воодушевил местное население: усилился приток добровольцев в ряды повстанцев. Их численность еще более возросла после того, как повстанцы под руководством Муллы Абдулкаххара заняли Гиждуван.

К концу 1921 г. почти вся территория Западной Бухары контролировалась отрядами Муллы Абдулкаххара. К этому времени ему удалось установить постоянную связь с эмиром Саидом Алимханом в Афганистане, а также с Ибрагимбеком и Энвером Пашой. За сравнительно короткий срок к повстанцам присоединились тысячи бухарцев. В основном это были дехкане и ремесленники. По свидетельству эмира, к войскам Муллы Абдулкаххара «присоединились из окрестностей Бухары примерно 6 тыс., Вабкента — 2 тыс., Вангози (теперешняя Кызылтепа. — *Ред.*) — 2 тыс., Шафиркана — 2 тыс., Хутфара и Лаклака (нынешние Ромитан и Пешку. — *Ред.*) —2,5 тыс., Бахауддина (ныне Каганский район. — *Ред.*) — 2 тыс., всего более 25 тыс. человек»[1].

Более умеренные данные о численности повстанцев к этому времени приводятся в книге Ф. Ходжаева[2]. Но тем не менее и они свидетельствуют о нараста-

---

[1] Амир Сайид Олимхон. Бухоро халқининг ҳасрати тарихи. С. 23.

[2] Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре... Избранные труды, т.1.

нии повстанческого движения в Бухарской республике. В начале 1922 г., по сообщению Ф. Ходжаева, в Восточной Бухаре действовали группировки Энвера Паши и Давлатмандбека в районах Гиссарской долины вплоть до таджикской части Лакайского района, Ибрагимбека — в районе Лакайской долины (ему же подчинялся отряд Тугай-Сары), 8 отрядов Фузаила Максума — в районе Гармского, Каратегинского и других горных вилаятов; в Средней Бухаре — в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской долинах — отряды Хуррамбека, Турди Токсаба; в Западной Бухаре — группировки курбаши Каххара, Джуры Амина, Аъзам Ходжи (их влияние распространялось и на Юго-Западную Бухару). Заключая свое сообщение о дислокации повстанцев, Ф. Ходжаев отмечал: «Всего в это время (начало 1922 г.) во всех этих группировках было свыше 20 000 джигитов»[1].

Повстанческое движение превращалось в грозную силу. Боевые устремления всех составляющих его сил были нацелены на захват Бухары. С ним связывались надежды на окончательное освобождение. Прежде всего осуществление этой важнейшей задачи считал своей священной обязанностью Мулла Абдулкаххар, отряды которого дислоцировались вблизи Бухары. Потребность в консолидации и концентрации значительных боевых сил на этом решающем направлении четко осознавалась и другими лидерами освободительного движения. Из далекой Восточной Бухары Энвер Паша направляет отряд, перед которым была поставлена задача объединения с силами действовавшего в Сурхандарьинской долине курбаши Хуррамбека и совместного выступления через Шахрисабз на Бухару в поддержку наступательных операций Муллы Абдулкаххара. Сам Энвер Паша намеревался также идти через Байсун на Бухару. «Своим наместником» в Восточной Бухаре он оставлял Ибрагимбека[2].

Тем временем продолжалось победоносное продвижение отрядов Муллы Абдулкаххара в направлении Бухары. Вслед за Гиждуванским туманом ими были заняты туманы Шафиркан, Вабкент, Рамитан. Для ук-

---

[1] Ходжаев Ф. Там же. С. 235.

[2] Бобохўжаев А. Совет давлатини де-факто ва де-юре таниш даврида. Ўрта Осиё ва Ўрта Шарқда инглиз антисовет сиёсатининг барбод бўлиши. — Т., 1959. С. 178—179.

репления своих позиций с тыла Мулла Абдулкаххар предпринял поход в сторону Нурата. Выбив отсюда советские воинские части, он перенес в эту межгорную территорию свою резиденцию.

В начале марта 1922 г. возглавляемые Муллой Абдулкаххаром значительные силы повстанцев начали наступление на Бухару. После двухдневных ожесточенных боев у моста Сарипул — Мехтар Косим они заняли большую часть города.

Для закрепления своих успехов Мулла Абдулкаххар направил вслед за отступавшими в сторону Кагана советскими воинскими силами часть своих отрядов. Здесь, в окрестностях Кагана, развернулось ожесточенное сражение.

Советское руководство, отдавая должное стратегической значимости Кагана, расположенного на железнодорожном узле и находившегося всего лишь в 12 верстах от Старой Бухары, приложило все силы для сохранения его в своих руках. С захватом повстанцами Кагана дорога на Бухару для советских войск оказалась бы полностью перекрытой, а Бухара — изолированной от Туркестана и Центра. Поэтому советское руководство в спешном порядке перебросило к Кагану воинские подразделения со всех сторон: кавалерийские части из Самарканда, конный отряд Буденного из Закаспия, воинские части из Ташкента и Центра. Руководство Туркфронта направило под Бухару «войска численностью в 12 тыс. человек и несколько бронепоездов»[1].

По мере прибытия этих частей они сразу же вводились в бой против повстанцев. Отправившиеся же через Шахрисабз и Карши под руководством Энвера Паши силы не смогли добраться до Бухары. Лишенные поддержки извне, повстанцы Западной Бухары вынуждены были отбиваться от значительно превосходящих сил противника. Отступая под напором советских войск, они после ожесточенного сражения 11 марта вынуждены были уйти из-под Бухары. С боями были сданы Вабкент, Гиждуван, Шафиркан и другие населенные пункты. Многие повстанцы были взяты в плен. Однако советским войскам, превосходящим повстанцев по численности, качеству вооружения, не уда-

---

[1] Рашидов У. Бухоро босмачилари аслида ким эди?//Мулокот, 1994, № 11–12. С. 35.

лось полностью сломить их сопротивление. В частности, в апреле 1922 г. жестокие бои шли в кишлаке Жондор, в 15 верстах от Бухары.

Особым накалом борьба повстанцев Восточной Бухары отличалась весной и летом 1922 г. По несколько противоречивым советским источникам, их численность в это время доходила до 16—18 тыс. человек[1]. Признавая заслуги Энвера Паши в руководстве освободительным движением, эмир в письме от 22 марта 1922 г. назначил его главнокомандующим всеми повстанческими силами. Это письмо Энвер Паша получил от представителей эмира 28 марта 1922 г. 15 апреля 1922 г. он созвал большой курултай курбаши в Кафируне. На нем, кроме курбаши Бухары и Ферганы, присутствовали и представители эмира, прибывшие из Афганистана. Курултай подтвердил назначение Энвера Паши главнокомандующим и политическим руководителем движения[2].

На курултае Энвер Паша изложил свой план захвата Бухары и объединения освободительного движения во всем Туркестане. В соответствии с ним повстанцы Западной Бухары под руководством Муллы Абдулкаххара должны были развернуть наступление через Карману и Нурата на Самарканд с последующим захватом Карши. Отрядам под непосредственным руководством Энвера Паши предстояло после занятия Байсуна направить острие своих атак в направлении Шахрисабз — Карши. Здесь, в Карши, планировалось объединение с отрядами Муллы Абдулкаххара для штурма Бухары.

События 13 мая свидетельствовали, что повстанцы приступили к реализации этого плана. В этот день одновременно в Кармане, Байсуне, Шерабаде, Термезе, Керки и в других городах они начали наступление на советские воинские части. Одновременно Энвер Паша через председателя Совета Народных Комиссаров Азербайджанской республики Н. Нариманова направил в Москву ультиматум. Его основным

---

[1] Ходжаев Ф. Указ. соч. Т. I. С. 427; История таджикского народа. Т. 3. Кн. 1 (Переход к социализму. 1917—1937). — М., 1961. С. 112; Иноятов Х. Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. — М. Мысль, 1984. С. 370.

[2] Хайит Б. Туркистонда миллий кураш тарихининг асос манбалари// Эрк, № 19. 1990, 1 октября.

требованием был вывод советских войск из Туркестана[1].

Ответные действия были предсказуемы. Уже 18 мая 1922 г. ЦК РКП(б) обсудил вопрос «О туркестано-бухарских делах». В принятом по нему постановлении Средазбюро и ЦК КП среднеазиатских республик обязывались развернуть широкую политическую кампанию против Энвера Паши и усилить военную помощь правительству Бухреспублики по его разгрому. Объявляя Энвера Пашу «агентом Англии и врагом восточных народов», ЦК РКП(б) призвал принять неотложные меры по его разоблачению как «наемника английского империализма» и разъяснению населению «освободительной миссии Красной Армии».

Для руководства реализацией этого постановления в Бухару приехал Г. К. Орджоникидзе. Сюда же летом 1922 г. прибыли народный комиссар по военным делам Л. Троцкий, главнокомандующий вооруженными силами С. С. Каменев, будущий советский маршал М. Буденный, член Туркомиссии В. Куйбышев, председатель Среднеазиатского бюро ЦК РКП Я. Рудзутак. Приезд видных государственных и военных деятелей советской России и последующее их участие в борьбе против повстанческого движения свидетельствовало о возросшей политической значимости этого движения. Сложившуюся ситуацию очень верно оценил тогдашний руководитель бухарского правительства Файзулла Ходжаев: «Своим же стратегическим расположением басмачество (повстанческое движение. — *Ред.*) в Восточной Бухаре будет иметь особое значение и политически более сильное чем ферганское»[2].

Советское правительство мобилизовало огромные силы для разгрома в короткий срок освободительного движения во всем крае. На Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) было возложено идеологическое обеспечение этой задачи.

В Западной Бухаре в центры тумана и крупные кишлаки — Шафиркан, Талисафед, Вабкент, Рамитан, Зандани, Гишти, Гиждуван и другие места — для оживления борьбы против повстанцев были введены военные гарнизоны. Начались грабеж мирного населения,

---

[1] Об этом см.: К а с т а н ь е Ж. Бухарская республика // Позиция, 1993, № 1. С. 17—18.

[2] Х о д ж а е в Ф. Указ. соч. Т. 1.— С. 428.

поджоги кишлаков, изнасилование женщин. Об этом свидетельствовали десятки документов того времени[1].

Руководство боевыми действиями советских вооруженных сил в Бухаре возглавил лично главнокомандующий вооруженными силами России С. С. Каменев. Были сформированы реввоенсовет и штаб Бухарской группы войск, командующим назначен Н. Б. Какурин, членом реввоенсовета — Батурин. 1 июня 1922 г. в пределах БНСР было образовано два фронта: восточный и западный[2].

Бухарская группа войск под командованием Какурина 9 июня 1922 г. начала военные действия против армии Энвера Паши. Повстанцы, уже четыре месяца осаждавшие Байсун, испытывали острую потребность в пополнении боевых сил и средств. Об этом сообщал Энвер Паша в своем письме от 15 июня к Саиду Алимхану: «Я прошу Вас прислать ко мне 500 человек с некоторым количеством пулеметов... Пришлите мне, пожалуйста, патроны и винтовки («джермены»), находящиеся на вооружении афганской армии, для новых русских ружей. Я думаю, что русские скоро не будут мне помехой»[3].

В этот же день на повстанцев обрушился массированный удар советских войск. Хроника событий этих дней зафиксирована в советских сводках с фронта боевых действий. В одной из них сообщалось, что «15.VI части левой колонны, развернувшись на фронте [в] 10 верстах [в] окрестностях Байсуна, Анкабата, Рабата, перешли в наступление, сбили сторожевое охранение противника (войска Энвера Паши. — *Ред.*) и между 8 и 9 часами заняли фронт Кафирун — Сары-Камиш — Пули-Хакихан. Противник будучи оттеснен к ущелью Танги-Муш, повернул на восток. Потери противника — убито 200 человек, 20 пленных... Отряды Энвера Паши, Батмана Токсаба, общей численностью до 2.000 человек, сосредоточились в Денау. 8 кавбригада с рассветом 16 июня прошла через ущелье Бандихана на Джаркурган. 17 июня утром 1 кавбригада заняла Денау, Юрчи, Сариосиё. К исходу того же дня в этот

---

[1] См.: ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 266, л. 327 и об.

[2] История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. — С. 329.

[3] Соловейчик Л. Басмачество в Бухаре (Очерк возникновения и развития современного басмачества в Бухаре). — М.: «Красная новь», 1923. С. 24—25.

район подошла пехота... 18 июня частями правой колонны занят Бешкент. Противник (около 3000 чел.) отошел на Кабадиан. Потери противника — 12 убито, 4 ранено, 4 взято в плен... Занята переправа Биш-Тимур, [к] которой к вечеру 19 июня дошел правый отряд правой колонны, часть левого отряда правой колонны... 2 батальона 12 кавполка прибыли в Денау. Частями правой колонны заняты Кабадиан и Айваж...»[1].

2 июля после упорных боев частями левой колонны советских войск были захвачены Каратаг, Гиссар, Чимкурган, Ходжа-Чакмак, Регар. Основные силы Энвера Паши отошли на Ак-Мечеть[2]. 4 июля силами правой колонны в ожесточенном бою был занят г. Курган-Тюбе[3]. Особенно упорные бои развернулись за Балжуван. Несмотря на превосходство, советским частям удалось занять Балжуван только после трехдневного сражения[4]. Энвер Паша с небольшим отрядом укрылся в кишлаке Оби-Дара, в 12 верстах северо-восточнее от Балжувана.

Сюда советское командование стянуло значительные силы. Кишлак был окружен бойцами 8 кавалерийской бригады, 15, 16 и 18 кавполков, многочисленных кавалерийских эскадронов. Воспользовавшись праздником Курбан хаит — священным для мусульман, советские войска 4 августа были брошены на внезапный штурм кишлака. В одной из оперативных советских сводок были подробно описаны события этого дня: «4 августа. 8 кавбригада перешла в наступление против главных сил Энвера Паши, сосредоточившихся между Балжуваном — Ховалингом. 3 эскадрон 16 кавполка атаковал авангард противника силою до 500 человек в районе кишлака Оби-Дара (12 верст от Балжувана)... Энвер, собрав 100 отборных бойцов, бросился на 1 эскадрон 18 кавполка и смял его, но был встречен 3 эскадроном и в рукопашном бою, шедший во главе атакующих Энвер, получив пять ран, был наповал убит. После его смерти противник бежал в горы в северном направлении, не успев захватить его труп. На трупе найдены письма Энверу от его жены, три печати, из которых две личные Энвера и револь-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 48, лл. 309—310.
[2] Там же, л. 310.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 311.

вер. По сведениям местных жителей, в том же бою тяжело раненый Давлатмандбий, уведенный с поля боя, умер через два часа от ран...»[1].

По воспоминаниям Заки Валидий, в то время находившегося в Туркестане: «Паша героически сражался против русских в Чекене, однако подпал под пулю испуганно отступавшего русского бойца. Отряд его распался, но Дониёлбек и Фаррухбек, заново собрав все силы, окружили неприятеля и почти полностью уничтожили приблизившийся к Чекену батальон. По мнению Мустафо Шахкули, русские не знали ни то чья пуля поразила Пашу, ни то кем был погибший человек. По утверждению находившихся в тот момент возле Паши, а сейчас проживающих в Турции, Мирзы Мухиддина и Мирзы Нафас Туркмена, таджики, не знавшие, что погибшим является Паша, раздели его и, завернув в его собственную чалму, похоронили. Одежда и некоторые бумаги Паши через некоторое время... попали к русским шпионам»[2].

Энвер Паша пал в боях за независимость Туркестана. Его имя превратилось в символ национально-освободительного движения туркестанцев. Свое участие в этом движении он четко обозначил в письме к А. Акчурину — командиру советской воинской части, стоявшей в Байсуне: «Туркестан для меня не является чужой страной, мои предки — выходцы из Туркестана. Кровь, которая течет в жилах туркестанцев, такая же как и моя»[3].

Со смертью Энвера Паши завершился важный этап в повстанческом движении. Этот этап, непосредственно связанный с его именем, отмечен наиболее яркими успехами восставших. Он внес определенный вклад в их достижение своей самоотверженностью, преданностью идеалам свободы Туркестана, стремлением сплотить под единым командованием разрозненные силы повстанцев Западной и Восточной Бухары в борьбе с советской властью.

Однако с его смертью освободительное движение в Бухаре не прекратилось. Обеспокоенный судьбами повстанческого движения после потери их главнокоман-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 48, лл. 312 об. — 313.

[2] Ахмад Закий Валидий Тўғон. Бўлинганни бўри ер. Хотиралар. Тошкент, 1997, 192 б.

[3] Хайит Б. Туркестан в XX веке. — С. 196.

дующего, уже в августе 1922 г. бывший бухарский эмир Саид Алимхан созвал расширенный курултай туркестанских эмигрантов. В работе курултая участвовали также представители от Афганистана — Мухамедихон, Ишангази; от Ташкента — Кази Кузур, Азим афанди; от Ферганы — Кари афанди и еще 4 человека; от Бухары — Усманходжа, Ариф Хамид (Абдулхай Орипов. — *Ред.*); от туркмен — Кулмухамед и от эмира — Абдул Хаким[1]. На курултае после обсуждения ситуации, сложившейся в Бухаре и во всем Туркестане со смертью Энвера Паши, были согласованы меры по поддержке бухарских повстанцев, объединению многочисленных отрядов курбаши, действовавших в Туркестане и посылке на места представителей и советников. Вместо Энвера Паши главнокомандующим был назначен его помощник в Бухаре, находившийся в тот момент в Афганистане Сомеъ Афанди (Салим Паша). Всеобщее наступление повстанцев Туркестана было запланировано начать весной 1923 г.

Между тем продолжалось массированное наступление советских войск, сконцентрированных в Бухарской республике для подавления освободительного движения. Окрыленные летними успехами в Средней Бухаре, они перенесли свой удар на повстанцев Западной Бухары. Особо острыми столкновениями между повстанцами и советскими частями была отмечена осень 1922 г. В зоне активных боевых действий оказались кишлаки и селения Шафиркана, Гиждувана и Вабкента. И хотя в таких селениях, как Тикай-кудук, Мулла-кудук, Агитма и Карак-ата, было сосредоточено несколько тысяч бойцов сопротивления, руководимых Муллой Абдулкаххаром, они не смогли противостоять напору советских воинских частей, превосходящих их по численности и боевому снаряжению. 11 сентября у кишлака Тикай-Кудук в районе Варданзи (в 16 верстах севернее Шафиркана) 31-й кавбригадой был атакован и уничтожен отряд Хайит Амина, входивший в соединение Муллы Абдулкаххара. Из 150 бойцов отряда было зарублено 120 человек[2].

После тикай-кудукской трагедии 13 сентября 31-я кавбригада, летучий отряд и Бухкавдивизион из района Варданзи перенесли свои действия в кишлак Чан-

---

[1] См.: Иркаев М. Указ. соч. — С. 367.
[2] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 48, л. 394.

дир (в 8 верстах от Шафиркана), а 61-й кавполк — в кишлак Саврак[1].

Однако советскому командованию не удалось достичь желанной цели: массированным наступлением смять до конца 1922 г. силы повстанческого движения в Западной Бухаре. Не принесла результатов и объявленная амнистия повстанцам, сдавшим оружие. Практика ее реализации сводилась к противопоставлению отрядов сопротивления друг другу, их обезоруживанию и в конечном счете к беспощадному уничтожению. Так, курбаши Джаббар и другие, которые после объявления всеобщей амнистии сдались советским властям, по решению Президиума ЦИК Бухары уже на следующий день были расстреляны[2].

Осенью 1922 г. ожесточенные бои шли также и в Восточной Бухаре. Здесь повстанческие силы возглавлял Ибрагимбек. В середине сентября сюда приехал из Афганистана Салим Паша.

Ибрагимбек не сразу признал право Салима Паши на руководство движением. К тому же Салим Паша не имел такого высокого авторитета у курбаши Восточной Бухары, каковым пользовался Энвер Паша. Однако, опираясь на помощь каратегинцев, Салим Паша незамедлительно приступил к объединению сил повстанцев в районе Ховалинга[3]. Уже 10 декабря 1922 г. на курултае курбаши Восточной Бухары в Ховалинге старейшины лакайского рода вместе с Ибрагимбеком поддержали Салима Пашу[4]. Он был избран Главнокомандующим повстанческих войск[5]. Выступая на курултае, он довел до его участников поручения бухарского эмира. Вновь весна 1923 г. была определена как время всеобщего наступления для освобождения Бухары.

13 декабря Салим Паша прибыл в селение Муминабад (в 33 верстах юго-восточнее Балжувана)[6]. Отсюда им были разосланы представители для налаживания связи с матчинскими, самаркандскими, ферганскими, хорезмскими и западно-бухарскими курбаши. Выдвинутая им цель предполагала укрепление Куляба, захват

---

[1] ЦГА РУз, д. 31, л. 215.
[2] См.: Ходжаев Ф. Указ. соч.— С. 425.
[3] ЦГА РУз, ф. 59, оп. 1, д. 84, л. 28.
[4] Там же, д. 85, л. 28 и об.
[5] Там же, д. 84, л. 34.
[6] РГВА, ф. 895, оп. 1, д. 12, л. 20.

Душанбе, свержение советской власти в восточно-бухарских вилаятах БНСР, а затем продвижение в центральные районы республики[1]. Одновременно была проведена реорганизация повстанческих сил Восточной Бухары: они были сведены в 3 крупные группировки, для каждой из них были определены руководитель, место дислокации, конкретные боевые задачи[2].

С начала 1923 г. в Восточной Бухаре развернулись крупные боевые действия. В феврале 1923 г. командующий Туркфронтом в рапорте в Москву сообщал: «Уже в декабре месяце Салим Паша осуществляет осаду Куляба, захватывает фактически в свои руки весь район к востоку от течения реки Вахш и распространяет свое влияние на Каратегин». Далее в рапорте отмечалось, что в январе вождь племени лакай Ибрагимбек, поддерживая связь с Салимом Пашой, начал продвижение к Душанбе, разрушил Пулисангинскую переправу и ведет подготовку к восстанию в средней части Восточной Бухары. «Положение наших частей грозит приблизиться к положению, имевшему место в момент разгара «басмачества» (повстанческого движения. — *Ред.*) в 1921 г.», — тревожно констатировал командующий Туркфронтом. По его мнению, к февралю общая численность повстанцев Восточной Бухары достигнет 2500 всадников[3].

В приложении к этому рапорту содержалась специальная таблица, в которой помесячно отслеживалась численность отрядов курбаши за период с 1 октября 1922 г. по 10 февраля 1923 г.[4]. В частности, по этой таблице на территории Бухарской республики на 10 февраля имелось 2.418 повстанцев под предводительством 29 курбаши. Эти данные были весьма занижены и не соответствовали данным другого советского официального документа, по которому к 1 февраля 1923 г. в Бухарской республике действовали 3.416 бойцов сопротивления под командованием 29 курбаши[5]. Но и они не отражали реальной действительности. Только в Восточной Бухаре в это время в боевых операциях принимали участие 4—5 тыс. повстанцев, а всего на

---

[1] Иркаев М. Указ. соч. С. 369.
[2] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 171, л. 149.
[3] РГВА, ф. 895, оп. 1, д. 171, л. 7.
[4] Там же, л. 72.
[5] Там же, ф. 28113, оп. 7, д. 90, л. 16.

территории Бухарской республики в рядах освободительного движения было около 10—12 тыс. человек.

В начале 1923 г. в Восточной Бухаре в освободительной борьбе вместе с Салим Пашой участвовали курбаши Курбан Али, Бури Токсаба, Мир Ярмухаммад, Фаррух Афанди, Абдукадыр, Мулла Исса (в Зардоле), Ибрагимбек (в Дагане), Рахманкул Мингбаши, Темир Токсаба (оба в окрестностях Душанбе), Хайит Палван и Мулла Нияз (в Яване), Назарча (в Жилантау), Барот Токсаба (в Балжуване), Фузайл Махдум (в Каратегине), Махсум Ишан (в Гарме), Тогай Сари (в Кулябе) и др.[1].

В вилаятах Бухары и Кармане в это же время в операциях против советских частей участвовали со своими отрядами курбаши Джура Амин (в Джандаре), Остон Караулбеги (в Шафиркане), Мурод Мешкоб (в Ходже Заъфаране), Саид Мансур (в Хатирчи), Азимходжа (в Куйимазаре), Мулла Абдукаххар, Метан Палван, Урман Палван (в Нурате), Наим Палван (в Гишти), Хамра Палван (в окрестностях г. Бухары), Таш Мурдашуй (в Кумушкенте), Ачил Сардар (в Каракуле) и др.[2].

Занятие силами отрядов Салима Паши и Ибрагимбека Куляба, Балжувана и переправы через Вахш, несколько удачных боевых операций в направлении Душанбе весьма позитивно сказались на подъеме морального духа борцов сопротивления. В ряды отрядов Ибрагимбека влились его соплеменники-узбеки из рода лакай, проживавшие в окрестностях Душанбе и Лакая. По советским агентурным данным, курбаши Ибрагимбек в феврале созвал курултай, на котором вместе с его курбаши присутствовали знатные представители Лакая[3]. Здесь было принято решение о совместных действиях с Салимом Пашой. После курултая силы курбаши Ибрагимбека были сосредоточены всего в 20—25 верстах от города Душанбе.

В этом же месяце состоялся курултай лидеров повстанческого движения, на котором был выработан план боевых действий для каждого отряда, определены два основных направления для наступления отря-

---

[1] РГВА, ф. 28113, оп. 7, д. 90, лл. 16, 25, 26.

[2] Т а м ж е, л. 25; Манбалар сузлайди//Узбекистон овози, 1995, 28 ноябрь.

[3] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 171, л. 147.

дов Ибрагимбека и Салима Паши. В соответствии с этим планом Салим Паша должен был развернуть свои основные силы, состоявшие из 6000 человек, в направлении Гузар — Карши — Западная Бухара. Предполагалось, что в дальнейшем он соединится с силами ферганских и самаркандских повстанцев. Ибрагимбек должен был действовать со своими 3000 бойцами в направлении Душанбе — Гиссар — Кобадиан, свергнуть советскую власть в Восточной Бухаре и обеспечить тыл частям Салима Паши.

К весне 1923 г. в Средней Бухаре силы Салима Паши вышли на линию Карши — Керки, Термез — Байсун. 19 марта 1300 его всадников двинулись в направлении Келифа для соединения с туркменскими повстанцами[1]. Отряд курбаши Турди Токсаба и отряды Салима Паши совершили нападение на Карши. 15 курбаши Средней Бухары перешли в подчинение Салима Паши[2].

В начале 1923 г. активизировали свои действия курбаши во главе с Муллой Абдулкаххаром в Западной Бухаре. 17 февраля курбаши Бухарского вилаята: Остон Караулбеги, Мурад Мешкоб, Таш Мурдашой, Файзулла Махсум, Урман Палван, Саид Мансур и другие — съехались на курултай в селении Кумушкент в 10 верстах от Вабкента[3]. На курултае выступил представитель Муллы Абдулкаххара. Он известил присутствующих о деятельности Салима Паши в Восточной Бухаре и ознакомил их с планом боевых действий. Но работа курултая была сорвана. Несмотря на принятые меры предосторожности, советское командование с помощью своей разведки узнало о его местонахождении. В Вабкент были брошены значительные боевые силы, вплоть до самолетов. Бойцы сопротивления стойко отражали натиск советских войск, силы были неравными. Они с боями были вынуждены отступить из Кумушкента в селение Суфидехкан, где были окружены частями 1-го Бухарского кавполка. Судьбу боя решили самолеты. В этом кровавом столкновении погибли 44 повстанца, в том числе шафирканский курбаши Остон Караулбеги, в течение 3 лет успешно сражавшийся с советскими войсками[4].

---

[1] История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. С. 333.
[2] РГВА, ф. 895, оп. 1, д. 12, л. 218.
[3] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 171, л. 148.
[4] Там же, ф. 47, оп. 1, д. 515, л. 9 об.

Но неудачи не сломили духа участников сопротивления. Силу им придавала постоянная поддержка народных масс. В одном из советских документов того периода отмечалось, что «отношение населения к повстанцам сочувственное», а к красноармейцам «не весьма дружелюбное, в особенности по мере удаления от центра, т. е. Бухары»[1].

Беспощадные действия советских вооруженных сил умножали ненависть к ним местного населения. При занятии ими городов и населенных пунктов жители покидали свои жилища и уходили в горы к повстанцам Восточной Бухары, а в Западной Бухаре — в пустыни и пески. Это было вынуждено признать и советское командование. «Характерно, — сообщалось в одном из донесений, — что все крупные города: Денау, Юрчи, Регар, Гиссар, Душанбе, Янгиабад, Файзабад, Баджуван, Куляб... и многие другие — большей частью населения покинуты. При предложении населению вернуться на свои пепелища, таковые не соглашаются, мотивируя тем, что хотя Красная армия и пришла к нам с благими намерениями, но жить рядом с ней невыгодно... ею набиваются цены и занимаются их жилища, не восстанавливаются базары...»[2].

Захваченные советскими частями города и селения подвергались разнузданному террору: красноармейцы арестовывали многих мирных жителей, зачисляя их в «басмачи», сжигали их дома, уводили скот; оказывавших сопротивление расстреливали на месте. Члены семей и родственники повстанцев исчезали бесследно. Это в свою очередь толкало восставших на ответную жестокость. Примечательно в этом плане послание от февраля 1923 г. курбаши Мухаммада Ходжи в адрес ревкома Зандани: «Помните, что мы не басмачи и не воры. Это вы позволяете себе грабить и заниматься басмачеством. Грабеж продолжается уже несколько лет. Мирные жители по несколько лет наживают и приобретают свое добро, а вы делаете обыски, отнимаете и оставляете мирных жителей без ничего... Мы, слава Аллаху, все делаем по шариату, жертвуем своей жизнью и не делаем насилия»[3].

Таким образом, весной 1923 г. на территории Бу-

---

[1] РГВА, ф. 895, оп. 1, д. 12, л. 21.
[2] Там же, лл. 71—72.
[3] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 171, л. 109.

харской республики запылали три очага освободительной борьбы, возглавляли их курбаши Мулла Абдулкаххар в Западной Бухаре (в окрестностях Нураты и Гиждувана); курбаши Ибрагимбек в Восточной Бухаре (в Гиссарской долине), Салим Паша в Средней Бухаре (в направлении Карши)[1].

Единственный выход из создавшейся ситуации советское руководство, как и прежде, видело только в наращивании боевых сил. Последовало распоряжение командующего Туркестанским фронтом А. И. Корка о переброске значительных воинских частей в Бухарскую республику и в особенности в Восточную Бухару. В Бухару прибыли 3-я кавбригада, 11-я кавдивизия и 6-я особая кавбригада. Эти части, общей численностью в 15 тыс. человек, были объединены в 13-й стрелковый корпус под командованием П. А. Павлова[2].

Была проведена перегруппировка советских войск в Восточной Бухаре: они были сведены в две мощные ударные группы. Перед каждой из них командованием Туркфронта специальным приказом были поставлены конкретные задачи: на дорогу к Вахшу выдвигается 3-й стрелковый полк, 1-я отдельная бригада, 10-й кавполк, 1-я и 2-я конно-горные батареи с задачей разгромить организованные силы повстанцев, действующих на левом берегу Вахша, занять Дарвазу, разгромить отдельные отряды в центре повстанцев Калвайи Хумб, Таби-Дара, Чиль-Дара и усилить охрану границы по Пянджу; на правый берег Вахша — 9-й отряд полка, одна бригада 11-й кавдивизии, Отдельный отряд 3-й дивизии, 7-я и 9-я горные батареи с задачей разгромить организованные отряды повстанцев[3].

В намеченных операциях советское командование предполагало широко использовать авиацию: «Действия авиации будут выражаться, главным образом, в бомбометании, в стрельбе с самолета, в разбрасывании прокламаций и в службе связи»[4]. Помимо чисто боевых задач эти «стальные саранчи» призваны были оказать психологическое воздействие на повстанцев и мирное население.

Военные действия реорганизованных и значитель-

---

[1] См.: Ишанов А. Указ. соч. — С. 303—304.
[2] История гражданской войны в Узбекистане. Т. II. — С. 334.
[3] РГВА, ф. 895, оп. 1, д. 171, лл. 70—71.
[4] Там же, л. 72.

но укрепленных новыми силами советских войск против повстанцев развернулись в Восточной Бухаре с начала марта 1923 г., а в Западной Бухаре — в середине марта[1]. Повстанцы не выдерживали столкновения с регулярными, превосходящими их по численности и вооружению силами противника. Отряды Салима Паши, потерпев в ожесточенных боях в районе Карши поражение от превосходящих сил Красной армии, были вынуждены отступить в Восточную Бухару. Салим Паша через Келиф и Денау перебрался в Гиссарскую долину[2]. В Каршинском же вилаяте после неравного боя был разбит отряд самаркандского курбаши Очилбека[3], сам он убит[4].

Однако по мере натиска советских войск и их продвижения в Восточную Бухару на их пути вставали новые отряды повстанцев. В одном из советских документов отмечалось, что к 10 мая 1923 г. в Восточной Бухаре численность этих отрядов достигла 47[5]. В основной своей массе в их рядах была узбекская и таджикская молодежь. Примечательно, что в это время на сторону повстанцев начали переходить многие ответственные работники, милиционеры местной национальности. В еще одном документе, в частности, сообщалось: «Последнее время побеги в басмаческие (повстанческие. — *Ред.*) отряды из милиции Шахрисабза принимают эпидемический характер, за истекшую неделю из Яккабага ушло с оружием 8 милиционеров, один из компартии с лошадью и револьвером — Шамсутдин Ходжа, один служащий из ревкома без оружия»[6].

Однако события весны-лета 1923 г. не принесли повстанческому движению ожидаемых успехов. Хотя

---

[1] РГВА. ф. 895, оп. 1, д. 171, л. 70.

[2] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 182, л. 175.

[3] Как утверждает Али Бадомчи, Очилбек — выходец из узбекского рода найман. Много лет прожил в Ташкенте, здесь изучил русский язык, усовершенствовал свои знания под влиянием джадидов. На службе у дяди эмира Бухарского Сайида Акрама Туры обучился военному делу. В 1921 г. Очилбек вступил в ряды повстанческого движения. Возглавляя отряд более чем в 2 тыс. человек, он участвовал во многих боях с советскими войсками в районе Самарканда. Среди повстанцев он был известен как мужественный и хладнокровный борец (см.: Али Бадомчи. Указ. соч. С. 502; Самарканд-Зарафшон курбошилари//Эрк, № 7, 19—26 февраля 1992.

[4] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 171, л. 117.

[5] Там же, д. 182, л. 170.

[6] Там же, д. 171, л. 117.

Ибрагимбеку, сконцентрировавшему все свои отряды в долине Гиссара (в районе Душанбе), удалось окружить в конце мая в селении Оби Кийик 2-й Туркестанский кавполк, но из-за разногласий, возникших между ним и Салимом Пашой, завершить эту операцию он не смог. В этих боях Ибрагимбек потерял 1300 человек, к середине июня численность повстанцев в Лакае снизилась с 15000 до 350 человек[1]. После ряда неудачных боев Салим Паша 15 июля 1923 г., перейдя реку Пяндж, ушел на территорию Афганистана.

Идентично развивались события и в Бухаре — Кармане. Здесь так же, как и в Восточной Бухаре, советским войскам не удалось полностью сломить сопротивление повстанцев. Последние, перейдя в основном к оборонительной тактике, предпринимали в некоторых районах контрнаступления, добиваясь определенных результатов: 3 июня в селении Узбекон, расположенном в 4 верстах северо-западнее Бухары, отряд курбаши Навруз Ходжи ввязался в бой с советскими частями[2]; 30 июня — 1 июля повстанцы внезапно напали на селение Кухна Масжид (в 1 версте западнее Бухары) и вступили в бой с расположенным здесь советским воинским отрядом и милиционерами[3].

В стане курбаши вынашивался план атаки на город Бухару. Мулла Абдулкаххар провел в начале июля 1923 г. очередной курултай курбаши Бухарского и Карманинского вилаятов. На курултае была дана характеристика сложившимся обстоятельствам, признана в силу превосходства боевой мощи советской армии актуальность перехода к оборонительной борьбе с использованием вылазок с небольшими силами. Из выступления Муллы Абдулкаххара было очевидно, что повстанцы Бухары все еще надеялись на объединение с курбаши Самарканда через Нурату, а с отрядами Восточной Бухары — через Карши и Шахрисабз[4].

Тактические проблемы приковали внимание и советской стороны. На встречах, проводившихся на высоком уровне в Москве, Ташкенте, Бухаре в мае-июне 1923 г., они постоянно ставились в повестку дня. На четвертом совещании ЦК РКП(б) с ответственными

---

[1] Фрезер Г. Басмачи. — С. 14—15.
[2] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 171, л. 185.
[3] Там же, л. 178.
[4] См.: ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 171, л. 174 об.

работниками национальных республик и областей (9—12 июня 1923 г.) генсек ЦК РКП(б) И. В. Сталин обвинил некоторых туркестанских руководителей в тайных сношениях с «басмачами». В их числе были названы видные государственные деятели Туркестанской АССР и БНСР Т. Рыскулов, Ф. Ходжаев, А. Икрамов, С. Ходжанов[1].

В эти же дни политбюро ЦК РКП(б) приняло особое постановление, которым определялись конкретные меры по борьбе с повстанческим движением в Бухаре. В целях активизации действий советских вооруженных сил в Бухаре и срочной ликвидации повстанческого движения постановление обязывало: «1) Для единства руководства действиями против басмачества в Восточной Бухаре создать Реввоенсовет. 2) Карательная работа должна быть строго соподчинена военным действиям, поэтому реввоентрибуналы в Восточной Бухаре подчиняются непосредственно Реввоенсовету. 3) Обязать БухЦИК следить, чтобы Бухправительство аккуратно выполняло свои обязательства в деле своевременного снабжения красноармейских частей в Восточной Бухаре»[2].

12 июня 1923 г. в Москве состоялось особое собрание Реввоенсовета СССР под руководством Л. Троцкого. В его работе приняли участие видные деятели вооруженных сил страны. В работе собрания принимала участие туркестанская делегация в составе И. Хидиралиева, Т. Рыскулова, К. Атабаева, А. Рахимбаева[3]. Л. Троцкий поставил перед делегацией задачу быстрейшего освобождения всего Туркестана от «басмачей». После собрания И. Хидиралиев и И. Любимов были оставлены в Москве для разработки нужных рекомендаций[4].

Для контроля за быстрым и беспрекословным выполнением своих приказов советское правительство направило в Бухару своего представителя — секретаря ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутака. Участвовавший на закрытом пленуме ЦК Бухарской Компартии (23 июня) Я. Рудзутак выдвинул перед руководством Бухарского пра-

---

[1] Об этом см.: Сталин И. Соч., т. 5. — М., Госиздат, 1959. С. 301—312.

[2] РЦХИДНИ, ф. 3, оп. 1, д. 2538, л. 1; Иркаев М., Указ. соч. С. 387.

[3] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 336, л. 252.

[4] Там же, л. 254.

вительства и местными коммунистами ряд конкретных требований. Близкие соратники Ф. Ходжаева — бывшие младобухарцы-джадиды были необоснованно обвинены и выведены из состава правительства. Назир просвещения Фитрат, назир иностранных дел Атаулла Ходжа Пулатов, назир финансов Саттар Ходжаев, председатель ЭКОСО Муинджон Аминов и другие были отстранены от должностей и высланы из пределов Бухарской республики. Бухарское правительство было «усилено опытными советскими работниками». На пленуме ответственным секретарем ЦК БКП был избран А. Рахимбаев[1]. На прошедшем 24 июня заседании Президиума Всебухарского ЦИК требования Рудзутака были утверждены «законным образом»[2]. По указаниям Рудзутака руководство нового правительства Бухары разработало инструкцию «О регистрации басмачей»[3], в которой конкретизировалась позиция относительно добровольно сдавшихся повстанцев и продолжающих сопротивление. Инструкция была направлена всем ревкомам вилаятов и туманов Бухарской республики, от которых требовалось неукоснительное выполнение ее требований.

По свидетельству западных советологов, советское командование весной-осенью 1923 г. сконцентрировало против повстанческого движения в Бухарской республике значительный воинский контингент. По некоторым оценкам, он достигал 100 тыс. человек и был представлен в основном кавалерией, значительно подкрепленной артиллерией, броневиками и аэропланами. Тем не менее задушить повстанческое движение этими силами не удавалось. В ноябре 1923 г. повстанцы предприняли одно из крупнейших за последние годы наступлений в районах Бухары и Самарканда. В нем со своими отрядами участвовали курбаши Западной Бухары — Абдулкаххар, Карши — Берди Додхох, Яккабага — Абдулрахман, Самарканда — Холбутабек, Байсуна — Мустафо Бойбочча, левого берега реки Вахш — Абдуррахим, пустыни Кызылкум — Мулла Абдулкодир[4].

Большевистское руководство Центра и Туркестана,

---

[1] ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 425, л. 309.
[2] Там же, д. 198, л. 64 и об.
[3] См.: ГА Бухарской области, ф. 74, оп. 1, д. 1, л. 28 и об.
[4] См.: Фрезер Г. Басмачи. — С. 18—19.

неудовлетворенное ходом событий в Бухарской республике, в конце 1923 — начале 1924 г. ультимативно потребовало от руководителей бухарского правительства одновременно с форсированием боевых действий подключения всех других мер и способов борьбы с повстанцами. О сущности этих «мер и способов борьбы» свидетельствовали документы, принятые на заседании исполнительного бюро ЦК БКП (22 декабря 1923 г.), посвященного обсуждению вопроса о борьбе с «басмачами» в Западной и Восточной Бухаре. На нем были утверждены: инструкция Средазбюро ЦК РКП о порядке производства условной и безусловной конфискации имущества у басмачей: «Инструкция Средазбюро о пособниках басмачеству»; «Об организации в вилаятах Западной Бухары, а частью и по вилаятам Восточной Бухары совещаний по борьбе с басмачеством»; «О создании Комиссии содействия борьбе с басмачеством по Западной Бухаре»; «О дальнейшем существовании и работе карательных троек»; «О проведении кампании по установлению смычки между Красной армией и трудящимися БНСР»[1].

В борьбе с повстанцами не гнушались использовать влияние религиозных деятелей на население. В кентах, туманах, вилаятах были проведены курултаи духовенства, на которых был поставлен вопрос о «басмачестве». Наконец 28—31 января 1924 г. в Бухаре прошел курултай высшего духовенства. На нем под давлением правительства была принята резолюция «О басмачестве», в которой, как и в партийных документах, повстанцы объявлялись «врагами народа»[2]. Курултай улемов «признал» необходимым обратиться к населению с призывом-декларацией «Воззвание улемов о басмачестве». Под декларацией стояли подписи 113 толкователей шариата[3].

Пятая годовщина повстанческого движения в Бухарской республике начиналась в весьма сложной для него обстановке. Но, несмотря на это, большинство патриотов продолжали борьбу. В это время в Западной Бухаре в отрядах таких курбаши, как Мулла Абдулкаххар (Зандане), Джура Амин (Каракуль), Азим Ходжа

---

[1] История Бухарской Народной Советской Республики. Сб. док. С. 271; ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 262, л. 97.

[2] Об этом см.: ААП РУз, ф. 14, оп. 1, д. 123, л. 11.

[3] Ишанов А. Указ соч. С. 308.

(Джандар), Таш Мурдашой (северо-западная часть Бухары), Кур ата (Вабкент), Ислам Караулбеги (Гиждуван), Урман Палван, Метан Палван, Наим Палван (Шафиркан), Бабаяр Хушвакт и Сиражхужа (Нурата) насчитывалось по 300—400 человек[1]. Кроме того, имелись десятки небольших отрядов в Средней Бухаре: в долине Кашкадарьи действовали отряды Турди Токсаба (Касан), Бури Дадхах и Абдурахмана (Яккабаг), Абдуразика (Сумат); в районе побережья Амударьи (современная Туркмения) — отряды Клич Мергана и Муллы Рузи (Керки), Муллы Махта (Бурдалик)[2]. В целом под руководством Муллы Абдулкаххара в западной Бухаре и Ибрагимбека в Восточной Бухаре действовало почти десятитысячное войско.

Но силы были неравны. Под ожесточенным напором советских вооруженных сил повстанцы несли значительные потери. По советским данным, за период с 19 января по 25 июня 1924 г. было убито 25 курбаши и 474 джигита; ранено — соответственно 2 и 93; захвачено в плен — 12 и 194; добровольно сдались — 59 и 637 человек[3].

И все же советским воинским частям не удавалось окончательно сломить сопротивление повстанцев. В советских разведдонесениях с июня 1924 г. с тревогой сообщалось: «Замечается активность басмачей и по Средней, и по Западной Бухаре»[4]. В это время усилили свои действия и отряды курбаши в Восточной Бухаре.

Озабоченное таким положением дел, советское командование поручило партийным и государственным органам Бухары принять экстренные меры. Бухарское правительство решило провести с 5 июля «месячник борьбы с басмачеством». Правительство планировало в течение месяца уничтожить отряды курбаши, действовавших в Западной и Средней Бухаре. Основной удар намечался по отрядам основных курбаши: Муллы Абдулкаххара, Агзама Ходжи, Турди Токсаба, Клича Мергана и др.[5].

Летом и осенью 1924 г. между отрядами Муллы Абдулкаххара и советскими воинскими частями про-

---

[1] РГВА, ф. 28113, оп. 7, д. 90, лл. 98—99, 164—165.
[2] Там же, л. 164.
[3] Там же, ф.895, оп.1, д.126, лл.100.
[4] Там же, л.101.
[5] Там же, ф. 895, оп. 1, д. 126, лл. 102—103.

изошли ожесточенные столкновения в селениях Гишти и Каттагамхур Гиждуванского тумана, в горах Нураты, Жилване, расположенном в Кызылкумах близ Шафирканского тумана. В этих неравных боях повстанцы потерпели поражение. Были нанесены ощутимые удары по отрядам и других курбаши Западной Бухары. В одном из таких боев в Кызылкумах в конце 1924 г. погиб курбаши Мулла Абдулкаххар. Его два брата — Метан Палван и Наим Палван — были убиты еще раньше[1].

Таким образом, в конце 1924 г. повстанцы, действовавшие на территории Бухарского и Карманинского вилаятов, потерпели поражение. Но повстанческое движение в республике продолжалось. Особенно усилилась борьба в Восточной Бухаре. Здесь советским вооруженным силам во второй половине 1924 г. не удалось добиться ощутимых результатов. Только в отрядах Мирзы Дадха и Муллы Алима Машиначи, действовавших в туманах Ховалинг и Балжуван Кулябского вилаята; Поччахана Эгамберди и Алланазара — в Шуроабадском и Даштижумском туманах; отрядах Артыка, Тогай Сари и Барата курбаши — в Дангаринском и Кизил-Мазарском туманах имелось несколько тысяч бойцов. Большие силы повстанцев располагались в Кургантепе и Гиссарской долине.

В июне 1924 г. отряд из 300 человек под предводительством Акбара Токсаба напал на город Куляб и освободил его[2]. Кулябцы всемерно поддержали повстанцев. И только благодаря переброске сюда новых сил советским частям удалось в августе снова захватить Куляб. Ряд успешных боевых действий провел в Гиссарской долине в июне-августе курбаши Ибрагимбек.

Таким образом, вплоть до национально-территориального размежевания Средней Азии в течение 5 лет в Бухарской республике продолжалось повстанческое движение.

В конце 1924 — начале 1925 г. в современных Бухарском, Навоийском, Кашкадарьинском вилаятах освободительное движение потерпело временное поражение. Тысячи бухарцев погибли, часть оставшихся в живых сдалась представителям советского правитель-

---

[1] Амир Сайид Олимхон. Указ. соч. С. 24.
[2] Об этом см.: Иркаев М. Указ. соч. С. 462—465.

ства, другая часть эмигрировала в Афганистан и другие страны. Вместе с борцами сопротивления навсегда покинули свою Родину десятки тысяч бухарцев. По некоторым данным, численность эмигрантов достигала 400 тысяч человек.

Но на территории бывшей Бухарской республики, в частности в сегодняшнем Сурхандарьинском вилояте и в Таджикистане, борьба против советского режима продолжалась еще десять лет (1925—1935 гг.). Принудительный характер коллективизации, проводимой в Узбекистане в конце 20-х годов, высылка и арест многих необоснованно обвиненных в «кулачестве» снова активизировал борьбу.

2. СОВЕТИЗАЦИЯ БУХАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Общественная жизнь Бухарского государства в начале 20-х годов отражала борьбу народа за самостоятельность и стремление центрального большевистского руководства прочно утвердить привнесенную извне советскую социалистическую модель общественного развития. Прикрываясь лозунгом об освободительной миссии РСФСР в Бухаре, оно проводило масштабную коммунистическую экспансию во всех сферах бухарского общества. «РСФСР дала свободу и независимость Бухаре», — амбициозно заявляли лидеры советской России, — и она «оградит ее суверенитет от империалистических хищников и внутренней реакции»[1].

Проводимая Центром политика нашла четкое выражение в принятом 4 марта 1921 г. «Союзном договоре» между РСФСР и БНСР. В нем российское правительство вновь «признало полную самостоятельность и независимость Бухарской Советской Республики, со всеми вытекающими из такого признания последствиями» и заявило, что «на вечные времена отказывается от тех прав, которые были установлены в отношении Бухары российским царизмом»[2].

За внешними декларациями о «независимости» и «бескорыстной интернациональной помощью» скрывался тонкий политический расчет. Руководство РСФСР, как убедительно показала его политика в

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 10, лл. 332—333.
[2] Союзный договор между РСФСР и БНСР. — М., 1921. С. 3.

ТАССР, отнюдь не желало предоставления реальной самостоятельности народам Востока. По сути «Союзный договор» и экономическое соглашение законодательно закрепили военно-политическую и экономическую зависимость Бухарской республики от РСФСР.

Российская политическая элита использовала широкую палитру средств по утверждению жесткого контроля над БНСР. В первую очередь он осуществлялся через Туркбюро, а затем Средазбюро ЦК РКП(б). Эмиссары Центра бдительно следили за тем, чтобы «обновленческие» процессы строго укладывались в русло ленинской модели социальной революции.

Принципиальное значение придавалось Центром налаживанию действенного идеологического контроля над массовыми общественно-политическими организациями, созданию в городе и на селе отвечающих духу советского режима классово-политических структур. В большевизации Бухары активно использовались политорганы и красноармейские партийные организации, силовой и идеологический потенциал Красной армии.

Учитывая особую значимость красноармейских подразделений в социальном переустройстве бухарского общества, большевистское руководство Центра предприняло энергичные усилия по созданию прочного идеологического ядра не только в дислоцированных в Бухаре российских воинских формированиях, но и в национальных вооруженных подразделениях БНСР. Уже через несколько дней после «сентябрьской революции» было принято решение о создании Бухарской Красной армии. В этих целях ЦК КПТ и РВС Туркфронта направили в «бухарские революционные части» 500 коммунистов[1]. Для проведения идеологически выдержанной политической работы в создаваемых частях Бухарской Красной армии было дополнительно отмобилизовано по 20 коммунистов от каждой местной партийной организации[2]. Одновременно сформировано политическое управление с партийной школой. Военным комиссарам частей вменялось в строгую обязанность поддержание тесных связей с центральными и местными партийными, советскими органами,

---

[1] Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — С. 698.
[2] РГВА, ф. 33987, оп. 2, д. 105, л. 148.

всемерное оказание им помощи в «революционном переустройстве» страны[1].

Любопытно, что в начальный период строительства БКА в воинских частях имелись штатные муллы, ибо абсолютное большинство бойцов были верующими. Но уже вскоре этот идеологический институт оказался ликвидированным[2]. Политическим воспитанием бойцов и командиров занимались исключительно партийные органы. Однако проводимая Красной армией захватническая политика вызвала острое неприятие ее местным населением. Представители коренных национальностей исчислялись в красноармейских частях буквально единицами. Так, к 1922 г. в рядах 40-тысячной Красной армии находилось всего 400 бухарцев[3].

Наряду с красноармейскими подразделениями действенным рычагом укрепления позиций советской власти стала Всебухарская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. БухЧК, укомплектованная главным образом из чекистов, прибывших из Центра, активно боролась с «националистической контрреволюцией», физически уничтожая носителей «несоветской» идеологии.

Опираясь на силовые структуры, политическое руководство центра последовательно расширяло зону своего властного влияния, все более открыто навязывая коммунистические принципы революционного переустройства. Этот курс встречал растущее сопротивление со стороны реформистски настроенных национальных сил. Реалии советского строительства обусловили ускоренную дифференциацию политических и идейных позиций внутри этих слоев. Национальные лидеры с горечью убеждались что их ожидания, связанные с самобытным национальным развитием «суверенного бухарского государства», оказались развеяны суровой действительностью. Фактически стратегия общественного переустройства диктовалась извне. Все нити управления сосредотачивались в Центре, лишь декларативно провозглашавшем право на национальное самоопределение. В результате в среде бухарских руководящих

---

[1] ЦГА РУз, ф. 46, оп. 1, д. 23, л. 15.

[2] Турсунов Х. Т., Макашов А. В. Образование и деятельность Бухарской коммунистической партии. — Т., 1983. С. 87.

[3] Киличев Ф. Бизлар босмачилар эмасмиз // Узбекистон адабиети ва санъати. — 1992, 21 февраль.

работников, большинство которых придерживалось идеологии джадидизма, усиливались оппозиционные настроения.

Политическое руководство Центра, в свою очередь, в полной мере использовав «революционный потенциал» младобухарцев в осуществлении экспансии «пролетарской революции», стремилось нейтрализовать своих политически «неудобных» союзников, вознамерившихся реализовать собственную программу «национального возрождения».

По давно испытанному сценарию основной инструмент оттеснения младобухарцев и иных «сомнительных» политических сил от рычагов управления виделся в «идейном» укреплении Бухарской компартии, представлявшей по ленинской схеме ключевой канал обеспечения стратегии социалистического строительства и усиления властного влияния советской России. Было объявлено, что БКП после слияния с младобухарской организацией, происшедшего 11—14 сентября 1920 г., оказалась «сильно засоренной чуждыми элементами».

Озабоченность центральной большевистской элиты станет понятной, если учесть, что из 14 тыс. бухарских коммунистов 9 тыс. были приняты в ряды БКП после объединения с младобухарцами. При этом в состав ЦК БКП вошли два члена бывшего Центрального бюро «младобухарцев-революционеров» — Файзулла Ходжаев и Кори Юлдаш Пулатов[1].

Относительно укрепив позиции советской власти в БНСР, центральное политическое руководство поспешило уже к декабрю 1920 г. провести масштабную чистку БКП. Только в Старой Бухаре из 10 тыс. членов партии было исключено в ходе перерегистрации 7400 чел.[2].

Пристальное внимание уделялось формированию отвечающего политической линии ЦК РКП(б) руководящего штаба бухарских коммунистов. Надо сказать, что после «сентябрьской революции» в ЦК Бухарской компартии определилось несколько идейных течений. Наиболее сильными позициями обладали «левые коммунисты», выступавшие за «углубление революции» пу-

[1] ААП РУз. ф. 14, оп. 1, д. 2, л. 2.
[2] Бухоро ахбори, 1920, 6, 8 декабрь.

тем незамедлительного перехода от «народно-демократического» этапа к социалистическому.

В основном левые были представлены татарскими и персидскими революционерами, увлеченными идеями «военного коммунизма». В их числе, избранные на IV съезде БКП (сентябрь 1920 г.), председатель Центрального Комитета Бухарской компартии Наджиб Хусаинов, члены ЦК Алимджан Акчурин, Хасан Алиев, Мирза Бахрам и др.

Против политики «углубления революции» с резкой критикой выступили руководители правительства БНСР, ориентирующиеся в своей идейной позиции на курс умеренных реформ. Идейное противостояние привело к разрыву между руководством ЦК БКП и правительством республики при определении общей политической линии партии на ближайший период развития «революции»[1].

Туркбюро ЦК РКП(б) и Туркомиссия обоснованно пришли к выводу, что позиция «левых» в сложившихся условиях неуместна.

Еще 6 октября 1920 г. ЦК БКП сложил свои полномочия[2]. При кадровом контроле В. В. Куйбышева сформировался Временный ЦК, куда вошли: А. Умарходжаев, М. Аминов, М. Саиджанов, А. Миркамилов, Х. Ибрагимов, К. Хакимов, С. Турсунходжаев и А. Акчурин. В ходе подбора нового состава центрального комитета ленинский посланец руководствовался, с одной стороны, стремлением ввести в ЦК достаточно умеренных коммунистов, а с другой — стойких революционеров, способных обеспечить интересы Центра и в случае необходимости «противопоставить демократическому правительству Бухары принципиальную коммунистическую позицию»[3].

Одну из главных причин политических разногласий между ЦК БКП и правительством республики центральное руководство видело в «отсутствии правильного представления о характере бухарской революции»[4]. Специально вопрос о характере и перспективах «бухарской революции» был рассмотрен на состоявшем 26 января 1921 г. пленуме ЦК РКП(б). На нем «бухар-

---

[1] ААП РУз, ф. 14, оп. 1, д. 1, л. 10.
[2] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 12, л. 68.
[3] Там же, л. 67.
[4] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 368, л. 67.

ская революция» характеризовалась как «крестьянская». В соответствии с чем приоритетной задачей ее начального этапа объявлялась необходимость повсеместной ликвидации феодальной системы землепользования и создания материальных предпосылок перехода к социалистическим преобразованиям.

Линия ЦК РКП(б) легла в основу решений I (V) съезда БКП, созванного 23 февраля 1921 г. В работе форума приняли участие представители Туркбюро Коминтерна[1]. Это был первый съезд БКП, состоявшийся после провозглашения советской власти в Бухаре.

Обстановка внутри ЦК БКП и в правительстве БНСР оставалась сложной. Не утихало острое противоборство между группой «правых» (А. Мухитдинов), группой «левых» (А. Акчурин) и «центровиками» (Ф. Ходжаев).

Выступивший на съезде А. Акчурин подверг резкой критике деятельность Временного ЦК БКП, предъявив обвинения его руководителям С. Турсунходжаеву и А. Умарходжаеву в том, что они опираются на «бухарский рынок» (т. е. на купцов) и на «ташкентских эмигрантов», высланных из ТАССР как «буржуазных националистов», вместо того, чтобы интенсивно вовлекать в партию бедноту, практически приступить к развертыванию «аграрной революции», работать среди профсоюзов, союза дехкан и комсомола[2].

В защиту рекомендованного Центром курса выступил полпред РСФСР в Бухаре К. Хакимов. Он особо подчеркнул: «Самый предварительный анализ экономических отношений привел нас к выводу, что к советской власти надо привлекать все частные элементы в Бухаре, а не только коммунистов. Это заставило нас социологически квалифицировать Бухарскую революцию не как коммунистическую (пролетарскую), а как буржуазно-демократическую и отмежеваться от социалистических реформ на первых порах»[3].

Съезд не разделил точку зрения «левых» коммунистов на интенсификацию процессов «социалистического строительства». Вместе с тем в соответствии с ленинскими установками поспешил провозгласить Бухарскую компартию руководящей и направляющей си-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 61, оп. 1, д. 5, л. 25.
[2] Там же, ф. 17, оп. 1, д. 362, лл. 5–6.
[3] Там же, лл. 19–20.

лой общества, претендуя тем самым на роль надгосударственной властной структуры. Объявлялось, что БКП принимает в свои ряды исключительно бедняков, дехкан, ремесленников и рабочих. Для обеспечения идеологического влияния партии и широкого вовлечения «трудящихся масс» в строительство «новой жизни» съезд обязал ЦК БКП организовать и руководить деятельностью профсоюзов, союза дехкан и комитета революционной молодежи, оживить работу местных советов, политически просвещать дехкан путем организации лекций и бесед, а также созыва беспартийных конференций и совещаний по вопросам экономического и культурного строительства[1].

В сформированный на съезде новый состав ЦК БКП не вошел ни один из «левых» коммунистов. Секретарем ЦК БКП был избран С. Турсунходжаев.

Вслед за I съездом БКП в республике развернулась активная работа по формированию политических институтов советского строя, созданию классово-политических организаций, способных проводить линию партии в широкие массы. В частности, пристальное внимание было уделено развертыванию широкой сети профсоюзов прокоммунистической ориентации.

Следует подчеркнуть, что профессиональные союзы в Бухаре, в отличие от России, объединяли не промышленных рабочих, а кустарей, количество которых в 1920 г. достигло 25 тыс. В 1921 г. в республике были организованы профсоюзы, объединяющие 48 различных отраслей кустарно-ремесленного производства и работников, обслуживающих бытовые нужды населения, среди которых наиболее крупной организацией считался союз ткачей[2]. К концу года профсоюзы Бухары объединяли около 35 тыс. рабочих, кустарей, ремесленников, мелких лавочников, служащих и др.[3]. Профсоюзы имели отделения в Чарджоу, Термезе, Керки, Карши, Шахрисабзе, Гиссаре и других городах. Руководил профсоюзами Центральный совет (БСПС), состоявший в своем большинстве из «левых» коммунистов.

Стремление «левых» предельно политизировать деятельность профсоюзов, обратить их в открытую под-

---

[1] Бухоро ахбори, 1921, 13 марта.
[2] Известия ТуркЦИК, 1921, 5 апреля.
[3] РЦХИДНИ, ф.122, оп.1, д.71, лл. 106-113.

порку коммунистической партии и советского режима вызвало противодействие рядовой массы профсоюзных организаций. Как вынужден был признать полпред РСФСР в Бухаре К. К. Юренев, «ввиду малой грамотности левых... их работа в союзах дает скорее отрицательные, чем положительные результаты»[1]. В итоге обозначился отрыв «верхов» от «низов».

Ленинских эмиссаров тревожило, что основная масса «пролетарских и полупролетарских слоев, кустарей и ремесленников» стоит в стороне от «революционного» строительства, не пропитывается «идеалами социализма».

Однако само «пролетарское» население Бухары было далеко от подобных целей. Несмотря на усилия большевистских стратегов, местные профсоюзы тяготели больше к исполнению исконных функций профсоюзного движения: заботе о практических нуждах его членов. Это обуславливалось самим характером социального состава бухарских профсоюзов, представленных преимущественно кустарями-одиночками и кустарями-хозяевами. Попытки же БКП направить профсоюзные организации в русло марксистских схем, хотя и с учетом местной специфики, обернулись растущим сокращением количественного состава. К 1 августа 1923 г. профсоюзы Бухары насчитывали всего 18312 человек[2].

В сельской местности действенный канал соответствующей организации и политического просвещения масс виделся в создании разветвленной сети «Союза дехкан». Его главной задачей объявлялось объединение сельской бедноты и улучшение положения безземельных и малоземельных дехкан путем привлечения их к осуществлению радикальных аграрных преобразований. Руководители Центрального совета «Союза дехкан» Шейх Хасан Алиев, Ш. Хасанов, Ф. Камилов также придерживались левокоммунистических убеждений[3]. По аналогичной с профсоюзами схеме 8 июня 1922 г. руководство «Союза дехкан», преобразованного в декабре 1921 г. в союз «Кошчи», было обновлено. Им стали руководить Ташмухамед Саидбаев (председатель), Саид Аксакал, Хайдар-Амин, Очил

---

[1] Известия ТуркЦИК, 1921, 15 декабря.
[2] Ишанов А. И. Указ. соч. С. 343.
[3] Бухоро ахбори, 1921, 10 июня.

Ширин Аксакал, представлявшие в основном интересы средних слоев дехканства[1].

Еще в январе 1922 г. на пленуме ЦК БКП было утверждено «Положение о «Союзе дехкан» — «Кошчи». Оно было разослано в июне 1922 г. всем местным организациям. Положение признавало «Союз дехкан» общественной организацией беднейших дехкан и середняков. Он ставил своей целью объединение «трудящихся крестьян» во имя их политического просвещения для осознания своих классовых задач, создания смычки между городом и деревней, а также укрепления «революционной солидарности» с городским рабочим классом и кустарями, с одной стороны, и деревенской беднотой, с другой. В задачу «Союза дехкан» входило вовлечение сельских «трудящихся» масс в советские государственные органы и кооперацию[2].

Энергичные усилия предпринимались по созданию «революционных» молодежных структур. Уже 12 мая 1921 г. по решению ЦК БКП был созван I съезд Бухарского коммунистического союза молодежи с участием более 100 делегатов. Съезд принял устав и программу комсомола Бухары, в основу которых легли устав и программа РКСМ. Участники съезда, несмотря на провоглашенный государственный суверенитет Бухарской республики, вопреки очевидной логике, но в канве насаждаемых центральным руководством имперских схем, обратились в ЦК РКСМ с просьбой о принятии БКСМ в состав Российского коммунистического союза молодежи. Съезд избрал руководящие органы комсомольской организации БНСР и выдвинул в числе первоочередных задачу «ликвидации политической неграмотности» молодежи и ее активное вовлечение в советское строительство. Однако молодые бухарцы не проявляли большого желания вступать в ряды «коммунистического союза». К концу 1921 г. в БКСМ насчитывалось всего 980 членов[3].

Теоретические недуги идеологии «скачка» в социализм углублялись живой практикой «бухарской революции». Оскорбительный диктат большевистского руководства Центра; атаки на имущие слои; принудительные конфискации у купцов и землевладельцев за-

[1] Бухоро ахбори, 1921, 10 июня.
[2] Там же, 1922, 25 июля.
[3] Иноятов Х. Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции.— М., 1984. С. 368.

пасов хлопка, каракуля, шерсти, других ценностей; глумление над духовенством и религиозными святынями; удушение инакомыслия — вызывали нарастание оппозиционных настроений в разнообразных слоях общества. Дополнительным фактором недовольства выступала возложенная на население тяжелая повинность содержать крупный воинский контингент Туркфронта, дислоцированный в Бухаре.

Усиление оппозиционных настроений Центр увязывал с «происками национальной буржуазии», которая, по мысли большевистского руководства, с нарастанием классовых противоречий внутри страны «начала проявлять склонность к соглашательству с внутренней и внешней реакцией». Причем организационный очаг сопротивления виделся в правительстве БНСР.

Проводником такой политики в правительстве БНСР считались так называемые «правые», возглавляемые председателем ревкома А. Мухитдиновым. Члены «группы Мухитдинова» действительно решительно противились курсу на «углубление революции», гонений на предпринимательские слои. Отчетливо проявилась политическая платформа «правых» в разработанной А. Мухитдиновым «Инструкции» по выборам на II съезд Советов, разосланной летом 1921 г. во все вилаятские (областные) ревкомы. В ней обоснованно отмечалось: «Требуем национальной независимости в иностранных, экономических и военных делах, требуем от государства бережного отношения к народной копейке, охранять семейную честь, уважать основу нашей религии, сохранять собственность наших граждан и блюсти личную безопасность»[1].

Подобный настрой не устраивал большевистское руководство советской России. В поисках авторитетных национальных лидеров, способных обеспечить интересы Центра, ставка была сделана на Ф. Ходжаева и возглавляемую им группу, высказывающих более «умеренные» взгляды. «Самая сильная группа, — писал В. И. Ленину 21 марта 1921 г. Я. Х. Петерс, — имеющая, безусловно, довольно широкие корни в массе, это группа Файзуллы Ходжаева. Она пытается подхватить лозунги дехканства и организовать их. Сам Файзулла Ходжаев, хотя из богатой купеческой семьи, но благодаря долгому пребыванию в России и тесной связи с

[1] Бухоро ахбори, 1921, 25 сентября.

революцией в Бухаре, стал настоящим вождем революции». Петерс особо подчеркивал, что с Ф. Ходжаевым «мы должны считаться и договориться с ним не трудно. У него отсутствуют стремления к богатству через революцию, он доволен своим положением вождя и всецело ориентируется на Советскую Россию»[1].

Учитывая собственные геополитические интересы, центральное руководство стало всемерно поддерживать «центристов». Надо сказать, что Ф. Ходжаев по ряду пунктов солидаризировался с группой Мухитдинова. Его также заботила проблема национальной самостоятельности. В частности, на состоявшемся 6 апреля 1921 г. в Старой Бухаре специальном совещании правительства БНСР с участием представителей ТуркЦИК, Туркбюро Коминтерна и Туркбюро ЦК РКП(б) Ф. Ходжаев поставил вопрос о резком сокращении российской армии на территории республики, о необходимости установления равноправного товарооборота с РСФСР[2].

Однако «правые» шли гораздо дальше в своих требованиях. Так, на том же совещании военный назир Абдулхамид Арифов заявил, что «русская Красная армия, если переправится в Россию, принесет больше выгоды, чем она останется в Бухаре». Назир иностранных дел Хашим Шейх подчеркнул, что «нахождение Красной армии в Бухаре правительство БНСР считает излишним».

Но большевистское руководство Центра хорошо понимало, что без красноармейских штыков насадить советский строй и держать Бухару в орбите коммунистической России будет невозможно. Поэтому, дав на словах обещание сократить численность российских воинских формирований, центральное руководство стремилось максимально усилить контроль над правительством Бухары. Летом 1921 г. ЦК РКП(б) специально командировал в БНСР с инструкторско-контрольными функциями члена ВЦИК А. А. Иоффе с включением его в состав Туркомиссии. В директиве политбюро ЦК РКП(б), данной Иоффе, указывалось: «Бухара и Хива считаются независимыми и весь мусульманский мир на них смотрит. Независимость Хивы и Бухары должна быть демонстративно соблюдена. Наше решающее влияние на них должно иметь целью

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 369, лл. 5—6.
[2] Там же, ф. 122, оп. 1, д. 71 а, лл. 73—74.

национальное примирение и проведение реформы без устранения купеческих советских правительств, которых нечем заменить»[1].

Иными словами, большевики были озабочены лишь внешней демонстрацией национальной независимости молодых «советско-крестьянских» республик. Было решено действовать, по ленинскому выражению, «тихой сапой»: сохраняя внешнюю видимость независимости и атрибутов демократии, последовательно усиливать в правительственных структурах БНСР прокоммунистические позиции. Одной из важных виделась в этом отношении задача сохранить присутствие в Бухаре РККА и установить жесткий контроль над всеми неподконтрольными воинскими формированиями. Особенно тревожило то, что созданная бухарская народная милиция, насчитывавшая около 20 тыс. чел., имела отдельный штаб, не подчинявшийся штабу Туркфронта. Между тем ее бойцы в принципе враждебно относились к Красной армии.

В целях практического решения данной задачи 3 сентября 1921 г. было созвано специальное заседание Совета народных назиров с участием полпреда РСФСР в Бухаре К. К. Юренева, представителей Реввоенсовета Туркфронта и Наркомата внешней торговли РСФСР. На совещании под предлогом необходимости усиления борьбы с «басмачеством» посланцам Центра удалось добиться согласия правительства БНСР на передачу всех воинских частей республики, в том числе народной милиции, в оперативное подчинение Реввоенсовету Туркфронта. Вместе с тем было обещано, что СНК РСФСР окажет «экстренную помощь БНСР денежными знаками и товарами», предназначенными для «уплаты населению за продовольствие и фураж», идущих на снабжение красноармейских частей[2].

Другим направлением выступила организационно-подготовительная работа по созыву II съезда Советов республики, действуя через который, по мысли Я. Э. Рудзутака, можно будет «демократическим путем» избрать новое, «соответствующее общим требованиям» правительство[3].

II Всебухарский съезд Советов открылся 18 сентяб-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 71 а, лл. 215—216.
[2] Там же, л. 209—216.
[3] Там же, ф. 61, оп. 1, д. 73, л. 47.

ря 1921 г. На нем была принята Конституция БНСР, образцом для которой послужила Конституция РСФСР 1918 года. Первые пункты конституции БНСР гласили: «1. Свергнувший власть эмира революционный бухарский народ устанавливает у себя новый порядок государственного управления, именуемый советской Республикой. 2. С падением эмирской власти и переходом государственного управления непосредственно в руки самого бухарского народа прежнее Бухарское ханство объявляется Бухарской народной советской Республикой»[1].

Конституция БНСР провозгласила ряд демократических принципов, равноправие женщин с мужчинами. Несколько расширились избирательные права населения. Они предоставлялись не только «трудящимся», но и лицам, живущим на «нетрудовые доходы». Однако крупные землевладельцы и купцы, бывшие государственные сановники, представители высшей иерархии духовенства по-прежнему были лишены избирательных прав.

Основной закон БНСР закрепил организацию государственной власти, высшим законодательным органом которой явился Всебухарский курултай, состоящий из 350 депутатов (один представитель от 2000 избирателей), созывающийся один раз в год.

Между съездами высшая законодательная, контролирующая и распорядительная власть принадлежала Всебухарскому Центральному исполнительному комитету (ВсебухЦИК), избирающемуся Всебухарским курултаем народных представителей в составе 85 членов, из которых 40 представляли вилаяты, 30 — Бухарскую компартию и 15 — национальные меньшинства (туркмен, казахов, каракалпаков и др.).

ВсебухЦИК как орган верховного контроля республики осуществлял надзор за деятельностью правительства БНСР — Совета народных назиров. Последний являлся высшим органом государственного управления и облекался всей полнотой исполнительно-распорядительной власти. Он объединял и направлял деятельность отдельных назиров и руководил хозяйственной и культурной жизнью страны.

Согласно Конституции БНСР, органами власти на

---

[1] История Узбекской ССР. Т. 2. — С. 190.

местах выступали вилаятские, туменские, кентские советы и их исполнительные органы.

II съезд Советов особое внимание уделил регулированию национальных взаимоотношений. БНСР была многонациональной республикой. В республике, кроме узбеков, составлявших большинство населения страны (свыше 60%), жили таджики (14%), проживающие преимущественно в Восточной Бухаре, и туркмены (около 10% населения)[1], обитавшие в районах Керки, Чарджоу, а также иные этнические группы.

Председатель Всебухревкома А. Мухитдинов огласил на съезде декларацию правительства об амнистии туркмен, перешедших в первые дни «революции» в Афганистан. Декларация также предоставляла туркменам равные политические права со всеми гражданами республики[2].

II съезд Советов БНСР принял вместе с тем постановление о создании Туркменского отдела при Бухарском ЦИК во главе с членом БухЦИК — туркменом Анна Гельды Амановым. Этот отдел был создан для улучшения экономического, политического и культурного положения туркмен, проживающих в пределах БНСР, и привлечения «трудящихся» этой национальности в органы государственного управления.

На съезде был избран Всебухарский Центральный Исполнительный Комитет в составе 81 члена: 35 от вилаятов, 16 от национальных меньшинств (6 — от туркмен, 2 — от киргизов, 5 — от бухарских иранцев и по одному от других национальностей) и 30 — от БКП[3]. Был утвержден также новый состав революционно-демократического правительства во главе с Ф. Ходжаевым.

Таким образом, как в Основном законе БНСР, так и в решениях II съезда определился противоречивый симбиоз внешне демократических и сугубо партийно-идеологических подходов. В результате БКП законодательно обеспечила себе место во властных структурах. Одновременно от руководящих постов был оттеснен ряд лидеров «правой» оппозиции. Тем не менее в состав БухЦИК, представлявшего высший законодатель-

---

[1] История Узбекской ССР. Т. 2.— С.289.
[2] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 71 а, л. 137.
[3] Ишанов А. И. Указ соч.— С. 260.

ный орган, вошли представители купечества, средней и мелкой буржуазии.

Заметным этапом в дальнейшем развертывании «революционных» процессов явился II съезд БКП (декабрь 1921 г.). На нем была принята программа БКП, составленная на основе программы РКП(б), но с некоторым учетом местной специфики. В программном документе БКП признавалась политической организацией рабочих и беднейших крестьян. Конечная цель определялась в «создании царства труда и коммунизма».

Программа объясняла своеобразие условий работы коммунистов в Бухаре спецификой, вытекающей из скачкообразного развития страны и перехода от феодально-патриархальных форм хозяйства к социализму минуя капиталистическую стадию развития.

В области советского строительства ставилась задача повсеместной организации и укрепления Советов народных (крестьянских) депутатов, «являющихся политической основой, государственной формой революционно-демократической диктатуры народа в условиях Бухары».

В сфере национальных взаимоотношений провозглашалось равенство всех наций, право свободного пользования родным языком в преподавании в школах и ведение дел на языке коренных народностей во всех государственных и общественных организациях республики.

В области экономической политики не выдвигалась в число первоочередных задача национализации заводов и фабрик. Напротив, предлагалось поощрять частнохозяйственную инициативу как в области промышленности, так и в сфере торговли. Объявлялась монополия внешней торговли.

Экономическая политика БКП исходила из курса нэповских реформ и была нацелена на то, чтобы использовать материальные ресурсы предпринимателей и кулачества в интересах подъема экономики республики путем организации частнокапиталистических и промышленных товариществ и компаний. При этом предпочтение отдавалось развитию смешанных обществ, товариществ (ширкатов) и компаний с участием государственного капитала.

Таким образом, в программе БКП содержались отдельные рациональные зерна. Однако в целом сфор-

мированная в ней идеология «народно-демократического развития» предполагала разжигание классовой борьбы в городе и на селе, ускоренную эволюцию в сторону социализма.

Новое руководство БНСР стало проводить курс на закрепление структур советской власти. Вместе с тем оно стремилось обрести реальную самостоятельность. Например, Ф. Ходжаев, выражая стремление бухарского народа к свободе и государственному суверенитету, неоднократно отмечал настойчивую необходимость установления широких дипломатических отношений наряду с Афганистаном, Ираном, Турцией и с западными странами, в частности с Германией. Он подчеркивал: «Германия мощное государство с сильным народом... Если у нас откроется Германское посольство и наладятся связи, это может в дальнейшем подорвать влияние России»[1]. Это вызвало негативную реакцию в Центре. Многие руководящие деятели ЦК РКП(б), в частности И. В. Сталин, считали необходимым объединение военного командования, хозяйственного фронта и внешней политики БНСР и РСФСР. В обеспечение усиления влияния Центра предлагалось сформировать новое правительство из числа бухарских «левых» коммунистов.

Обсуждению данного вопроса было специально посвящено созванное 9 декабря 1921 г. заседание Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Члены комиссии пришли к выводу, что «смену правительственной власти в Бухаре» в настоящее время следует «считать преждевременной в виду отсутствия... подходящих элементов для создания новой власти». Было решено осуществлять «курс на организацию и воспитание масс в интересах создания настоящего советского правительства»[2].

Сталинское предложение не нашло должной поддержки и среди ряда ответственных работников правительственной элиты Центра. 28 декабря 1921 г. народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин внес на рассмотрение политбюро ЦК РКП(б) проект решения по «бухарскому вопросу». Он категорически возражал против реорганизации бухарского правительства,

---

[1] К и л и ч е в Ф. Мустакиллкнинг фожиали йули // Шарк Юлдузи, 1992, № 7. — С. 157.

[2] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 424, лл. 56—57.

аргументируя свою позицию тем, что «правительство БНСР... имеет, хотя и не очень прочные, но все же реальные корни в бухарском обществе...» «Переворот» же, совершенный извне, «приведет к тому, что панисламизм и басмаческое движение получат новые аргументы в борьбе против Советской власти». Чичерин предупреждал, что «левые» коммунисты не имеют опоры в стране, «сближение России с Бухарой» желательно обеспечивать более тонкими средствами[1].

Доводы, приведенные Г. В. Чичериным, были настолько убедительными, что когда 31 декабря 1921 г. вопрос о бухарском правительстве обсуждался на заседании политбюро ЦК РКП(б), то было решено поручить Туркомиссии «обсудить еще раз как можно внимательнее вопрос о правительстве в Бухаре, о рациональности его смены или изменении состава его в какой степени, в какой срок проводить это, в особенности вопрос о политике постоянной подготовки и замене нынешнего правительства рабочим и дехканским».

30 января 1922 г. оргбюро ЦК РКП(б) образовало комиссию в составе И. В. Сталина, Г. В. Чичерина, Ф. Ходжаева и В. В. Куйбышева для изучения материалов, представленных Туркомиссией по бухарскому вопросу. По итогам ее заключения 1 февраля 1922 г. политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление, в котором предлагалось в целях осуществления целенаправленного идейного влияния на БНСР и ХНСР ввести представителей БКП и ХКП в Туркбюро ЦК РКП(б), преобразовав последнее в Средазбюро ЦК РКП(б), а Хорезмскую и Бухарскую компартии включить в состав ЦК РКП(б). В экономическом плане намечалось «сближение» путем расширения «материальной помощи» Бухарской республике и проведения курса на хозяйственную интеграцию БНСР, ХНСР и ТАССР под эгидой РСФСР.

Одновременно в целях подрыва движения сопротивления было решено в соответствии с курсом X съезда РКП(б) осуществить меры по «привлечению к советской работе национальной интеллигенции», усилить «политическую работу среди коренного населения». Особое значение придавалось проведению, как и в Туркестанской республике, программы «политических

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 61, оп. 1, д. 97, лл. 5–6.

уступок». В соответствии с чем рекомендовалось возвратить конфискованные вакфные земли, легализовать казийские суды, амнистировать «умеренные элементы басмачества»[1].

Эта программа получила свое дальнейшее развитие в постановлении политбюро ЦК РКП(б) от 18 мая 1922 г. «О туркестано-бухарских делах», нацеленном на полную ликвидацию антисоветской вооруженной оппозиции и ускоренную советизацию находящихся еще в зоне контроля повстанцев районов, особенно Восточной Бухары.

Для оказания «практической помощи» местным коммунистам в обеспечении планов большевизации БНСР в Бухару был направлен видный деятель ЦК РКП(б) Г. К. Орджоникидзе.

«Новый курс» центрального руководства стал целенаправленно проводиться в жизнь. Прежде всего внимание было сосредоточено на «хозяйственном» объединении трех среднеазиатских республик. 4 февраля 1922 г. в этих целях были созданы специальные подготовительные комиссии. Организационное оформление среднеазиатского экономического объединения предполагалось осуществить путем созыва 10 мая 1922 г. в Ташкенте конференции из представителей Туркестана, Бухары и Хорезма. Однако эти меры встретили противодействие многих руководящих работников среднеазиатских республик, ясно осознававших политическую подоплеку такого объединения. Особенно оппозиционно были настроены представители «правого» крыла в правительстве БНСР. Они требовали рассматривать Бухару как отдельную хозяйственную единицу, ничего общего не имеющую с социалистическим Туркестаном[2].

Средазбюро ЦК РКП(б) на заседании 19 мая 1922 г. решило приступить к безотлагательному претворению в жизнь указаний ЦК РКП(б) по данному вопросу. Несмотря на протесты правительства БНСР Средазбюро приурочило к 15 сентября 1922 г. созыв Среднеазиатской экономической объединительной конференции. Для успешной реализации этой акции органам государственной безопасности было предложено очистить Туркестан, Бухару и Хиву от «антисоветских эле-

[1] РЦХИДНИ, ф. 61, оп. 1, д. 97, лл. 5–6.
[2] ГАРФ, ф. 1318, оп. 1, д. 67а, л. 7.

ментов», а непосредственно в Бухарской республике «очистить правительство БНСР от антинародных элементов» и ввести в его состав просоветски настроенных «представителей трудового народа».

Одновременно в целях стабилизации политической обстановки и укрепления позиций советской власти была объявлена амнистия всем желающим «вернуться к мирному труду» бойцам вооруженного сопротивления, стали возвращаться вакфные земли их бывшим владельцам, легализовываться местные казийские суды[1]. Проводилась активная политическая работа среди местного населения, нацеленная на пропаганду идей «экономической интеграции» и «сближения с РСФСР».

Определились изменения в экономической политике БКП. На III съезде Бухарской компартии, проходившем в ноябре 1922 г., был провозглашен курс на переход к нэпу. Он предполагал расширение частнопредпринимательской инициативы. Вместе с тем упор делался на проведение земельной реформы, призванной обеспечить переход земли из собственности байства «в руки непосредственных производителей — беднейших дехкан»[2].

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, вопрос об экономическом объединении республик Средней Азии решался не столь быстро, как ожидало центральное руководство. Недовольный «медлительностью» Средазбюро, 5 января 1923 г. секретариат ЦК РКП(б) в жесткой форме потребовал от среднеазиатских руководителей ускорить претворение в жизнь указаний ЦК и советского правительства об экономическом объединении Туркестана, Бухары и Хорезма и установления тесной связи между компартиями среднеазиатских республик[3].

29 января 1923 г. по данному вопросу был созван специальный пленум Средазбюро ЦК РКП(б). Пленум осудил «антипартийную линию», проводившуюся рядом руководителей среднеазиатских республик против объединения. В связи с чем была поставлена задача на нейтрализацию оппозиционных сил и скорейший созыв экономической конференции Туркестана, Бухары и Хорезма. 15 мая 1923 г. конференция

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 1, д. 1, л. 2.
[2] Известия БухЦИК, 1922, 9 декабря.
[3] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 401, л. 2.

была созвана. Она провозгласила создание Среднеазиатского экономического объединения (СЭО). Общее руководство по осуществлению интеграционных процессов возлагалось на Среднеазиатский экономический совет — Средаз-ЭКОСО. Он был призван направлять экономическую политику всех трех среднеазиатских республик по единому плану, ставя перед собой задачу проведения реформы в земельно-водных отношениях, финансово-налоговой и кредитной системе, в области урегулирования частной торговли и принятия мер по укреплению и развитию зарождающихся элементов «социалистического хозяйства» в городе и деревне.

В состав СредазЭКОСО наряду с представителями от ТАССР, БНСР и ХНСР вошли также с правом решающего голоса уполномоченные наркоматов СССР по Средней Азии.

«Экономическое объединение» республик советского Востока, безусловно, способствовало более успешному решению восстановительных задач. В то же время оно расширило пространство политического воздействия Центра, содействовало созданию предпосылок их «поглощения» советским унитарным государством. Не менее важно и то, что после «объединения» в ХНСР и БНСР усилилась линия на непосредственное «социалистическое строительство».

Широкий размах приобрела агитационная работа среди масс. Партийные пропагандисты вопреки очевидным фактам «разъясняли» «трудовому» народу «освободительную миссию» Красной армии, ее роль в ликвидации повстанческого движения, несущего, согласно официальной лексике тех лет, «разорение и опустошение стране».

Энергичные усилия предпринимались по советизации «освобожденных» районов. В этих целях 28 июля 1923 г. Реввоенсовет Восточной Бухары, возглавляемый главой правительства БНСР Ф. Ходжаевым, принял решение о созыве в Лакае, во всех вилаятах Восточной Бухары курултаев, на которых предлагалось обсудить вопросы, связанные с борьбой с «басмачеством» и формированием советских управленческих структур. Ф. Ходжаев провел в августе 1923 г. 7 национально-племенных курултаев, в которых приняло участие 4260 чел. Были организованы также 19 вилаятских и туменских курултаев в Сары-Ассийском, Душанбинском, Ку-

лябском, Курган-Тепинском, Байсунском районах, в работе которых приняли участие 6100 человек.

13 сентября 1923 г. в Восточной Бухаре состоялся съезд таджиков, в котором приняло участие 600 делегатов. На съезде от Восточной Бухары было избрано 100 делегатов на IV Всебухарский съезд Советов[1].

9 марта 1924 г. ЦИК БНСР отменил чрезвычайное положение в Восточной Бухаре. «Диктаторская комиссия» была упразднена. В Душанбе был организован Восточно-Бухарский исполком, председателем которого стал Нусратулла Максум[2].

Для усиления партийной работы и создания советского государственного аппарата в городах и кишлаках Восточной Бухары из Ташкента, Самарканда и Бухары были мобилизованы более 100 партийно-советских работников. Тем не менее вплоть до национально-территориального размежевания и образования Таджикской АССР советские органы в Восточной Бухаре оставались слабыми и не пользовались авторитетом у населения.

Изменения в политической ситуации в Бухаре, обозначившиеся с конца 1922 — первой половины 1923 г., когда в силу разнообразных факторов красноармейским частям удалось существенно подорвать военный потенциал повстанческого движения, разромить крупные формирования бойцов за независимость, в совокупности с наметившейся стабилизацией в экономической сфере, вызванной переходом к нэпу, определили поворотный этап в истории Бухарской республики. В условиях, когда возможности политического влияния сил сопротивления оказались подорваны, а позиции «российского присутствия» укрепились, правящая элита Центра посчитала целесообразным направить «общественное развитие» БНСР на рельсы масштабной социализации.

В обеспечении задачи перехода к новому — «социалистическому этапу» заметную роль сыграло постановление политбюро ЦК РКП(б) от 12 июня 1923 г. «По бухарскому вопросу». Оно нацелило на активную «пролетаризацию» органов власти и управления, призвало всемерно интенсифицировать процессы «революционного обновления», сформировать правительство

---

[1] ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 143, лл. 78—81.
[2] Там же, ф. 48, оп. 1, д. 76, л. 52.

республики, способное углубить «бухарскую революцию».

В ходе практического претворения этого постановления развернулась масштабная кампания по соответствующему кадровому «укреплению» центральных и местных органов советской власти, насильственному вытеснению из управленческих структур представителей так называемых «эксплуататорских слоев», уничтожению «островков инакомыслия». Под знаменем «революционного очищения» управленческого аппарата от «эксплуататорских и контрреволюционных элементов» с занимаемых должностей были сняты сотни авторитетных работников, тюрьмы переполнены тысячами национальных патриотов, сопротивляющихся навязываемому Центром курсу «социалистической колонизации».

Старт репрессивно-«очистительной» кампании был дан на состоявшемся 23 июня 1923 г. пленуме ЦК БКП. Выступивший на пленуме с большой речью секретарь ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутак, не скрывая имперских амбиций, заявил: «Центральный комитет нашей партии считает необходимым, чтобы состав правительства в *наших* (выделено нами.— *Ред.*) национальных республиках более соответствовал интересам большинства населения, чтобы в правительство вошли главным образом представители дехкан и рабочих»[1].

Подпущенный Рудзутаком «фразеологический туман» об «интересах большинства населения» носил привычный большевистский ритуальный характер. Ключевой выступала фраза о «наших национальных республиках» и призыв к изменению состава правительства на строго классовой основе. Она свидетельствовала о том, что Центр, не считаясь даже с внешним суверенитетом Бухарского государства, открыто говорил о фактическом «поглощении» Бухары советским унитарным государством и требовал формирования послушного ему местного политического руководства.

Находясь под идеологическим контролем социалистической России, отфильтрованные заранее участники пленума, обсудив постановление политбюро ЦК РКП(б) «По бухарскому вопросу», в большинстве своем с ходу обрушились с резкой критикой на Совет народных назиров и ряд известных государственных

[1] ААП РУз, ф. 14, оп. 1, д. 17, лл. 3—5.

деятелей Бухары, обвинив их в «буржуазном национализме». По итогам «обсуждения» было принято решение об отстранении от должности назиров Атаходжаева, Фитрата, Саиджанова, Саттарходжаева, М. Аминова и др.[1].

Вслед за пленумом во многие города и крупные кишлаки были направлены представители специализированной комиссии ЦК БКП. Они организовывали на местах массовые митинги и собрания, основным политическим мотивом которых выступала «необходимость революционной чистки» управленческого аппарата и органов «народовластия от чуждых элементов». В ходе сдетонированной Центром «охоты на ведьм» были заменены председатели исполкомов в Ст. Бухаре, Чарджоу, Кармане, Шерабаде, Карши, Шахрисабзе, Керки, Байсуне, Нурате и Гузаре[2].

В целях придания внешней законности политической «перетряске» государственно-хозяйственного аппарата и углубления процессов «социалистического обновления» по рекомендации Центра было решено созвать IV Всебухарский курултай народных депутатов. Он должен был обсудить вопрос о деятельности Совета народных назиров, одобрить от имени народа развернувшуюся «охоту на ведьм» и наметить перспективные направления политики масштабного социалистического строительства.

По устоявшейся большевистской традиции предвыборной кампанией по созыву IV съезда руководил ЦК БКП. 30 июля 1923 г., игнорируя демократические процедуры, штаб бухарских коммунистов принял решение о созыве чрезвычайной сессии БухЦИК, призванной внести соответствующие изменения в текст Конституции БНСР, смысл которых сводился к законодательному лишению избирательных прав «эксплуататорских классов» и расширению избирательных возможностей рабочих, батраков, членов союза «Кошчи», лиц, служащих в Красной армии, работников милиции и иных групп «трудового населения», способных стать социальной опорой нового строя. Сессия состоялась 14 августа 1923 г. Она выполнила в основном социальный заказ. Из «нетрудовых элемен-

[1] ААП РУз, ф. 14, оп. 1, д. 17, лл. 3—24.
[2] Ишанов А. И. Указ. соч. С. 356.

чистка. В ходе партийной «переписи и проверки партийных документов» было исключено 13,4% общего состава республиканской парторганизации. В их числе — торговцы (83 чел.), отнесенные к категории «эксплуататорских элементов» (136), представители духовенства (25) и бывшие чиновники (21)[1].

В то же время принимались активные меры по расширению сети партийных структур. Так, в начале 1923 г. БКП состояла из 37 вилаятских, 27 туменских и 59 городских первичных ячеек. В кишлаках партячейки отсутствовали. К моменту созыва IV съезда коммунистов Бухары количество партийных ячеек возросло до 152 и наряду с 87 городскими, 13 красноармейскими возникли 37 кишлачных, 9 транспортных, 6 фабрично-заводских. Особый упор делался на закладке партийных структур в Восточной Бухаре, куда в порядке мобилизации были откомандированы 23 партийца, прибывших из Туркестана[2].

IV съезд БКП проходил с 15 по 20 января 1924 г. К этому времени «партия, — как гордо отмечалось в отчетном докладе ЦК, — в значительной степени очистилась от буржуазных националистов, торговцев и духовенства». Социальный состав БКП, насчитывавшей всего 1248 членов и 165 кандидатов, определялся следующими цифрами: 447 дехкан, 178 рабочих, 108 кустарей, 63 служащих и пр.[3].

На съезде вновь была подчеркнута настойчивая необходимость дальнейшей «пролетаризации» партии и усиления «ее руководящей и направляющей роли» в деятельности советских и хозяйственных органов республики. При этом подразумевалось как само собой разумеющееся, что ничтожная горстка коммунистов присвоила себе право монопольно определять судьбу многотысячного бухарского общества, отвергая иные политические платформы и программы.

Однако надо сказать, что реальное влияние БКП было в принципе незначительным. И это серьезно тревожило партийное руководство Центра и Бухары. Например, как видно из отчета Бухарского обкома БКП на IV съезде партии, в 1923 г. в составе руководящих работников местных советов не было ни одного члена

---

[1] *РЦХИДНИ. ф. 62, оп. 1, д. 98, лл. 58—59.*
[2] Там же, л. 55.
[3] Там же, лл. 55—56.

партии, в 1924 г. из 24 представителей туменских советов лишь 18 были коммунистами.

Многие местные советы, по большевистской терминологии, оказались «сильно засорены классово чуждыми элементами». Они, как с тревогой отмечалось на съезде, «не только не организовывали борьбу народных масс против басмачества, а напротив, своими действиями попустительствовали контрреволюции». Среди таких советских органов, в частности, назывались Вабкентский и Гиждуванский вилаятские исполкомы, члены которых были преданы суду «революционного трибунала».

Приводились на партийном форуме и многочисленные примеры, когда туменские и кентские исполкомы советов частично или полностью подменялись бывшими амлякдарами, аминами, аксакалами, которым принадлежала фактическая власть на местах.

Рассматривая с позиций сегодняшнего дня данные факты, можно заключить, что в принципе советские органы, повсеместно насаждаемые с помощью красноармейских штыков, воспринимались народом Бухары в качестве чужеродных государственных институтов, советская власть не пользовалась авторитетом у основной массы населения. Это была не власть народа, а инструмент насаждения колониально-имперского коммунистического режима.

Подобный настрой особенно тревожил политическую элиту Центра. Поэтому на съезде вопрос о руководстве партии советами, облагораживания в глазах населения имиджа советской власти выступал в числе приоритетных. Стратегия его решения виделась, с одной стороны, в укреплении советов партийными работниками, а с другой — в широком развертывании популистско-репрессивной кампании «борьбы со злоупотреблениями и беззаконием в советском аппарате»[1].

Таким образом, намеченные мероприятия нацеливали на развертывание очередного витка репрессий, на установление под маской борьбы «с беззакониями» тотализированного общества и втягивание в масштабные карательные акции широких «трудящихся масс».

Предложенная на IV партийном курултае программа «углубления бухарской революции» жестко проводилась в жизнь. Как писалось в периодической печати

---

[1] ААП РУз, ф. 16, оп. 1, д. 93, л. 32.

тех лет, «железной рукой партии» изгоняются из государственных и хозяйственных органов, общественных организаций, учреждений контрреволюционеры, буржуазные националисты, политические преступники, вознамерившиеся встать на пути построения социализма»[1].

Массовая чистка охватила все социальные институты и общественные формирования. Так, наряду с советами, государственным аппаратом, комсомолом и другими структурами внедряемой социалистической модели общественного устройства коренной перестройке подвергались профсоюзы.

Выше уже отмечалось, что в силу специфических особенностей республики в состав профсоюзов Бухары входили главным образом кустари. Причем многие из них являлись кустарями-хозяевами, имевшими собственное кустарное производство. Вскоре под партийным нажимом был принят новый устав, согласно которому членами союза могли быть только наемные рабочие и кустари-одиночки. В конце 1923 — начале 1924 г. в профсоюзных рядах была проведена основательная чистка, в результате которой из союза оказались исключены 6 тыс. человек. Одновременно «очищению» от «чуждых элементов и эксплуататорских классов» подверглись ЦК профсоюзов и Центральный Совет профсоюзов Бухары[2]. К середине 1924 г. профсоюзы Бухары объединяли около 20,5 тыс. чел., 17 тыс. из них составляли рабочие (строители, транспортники, печатники, текстильщики, пищевики и др.)[3].

Осуществляемые ЦК БКП меры по «социалистической перестройке» получили высокую оценку центрального партийного штаба и Средазбюро ЦК РКП(б). В своем постановлении от 10 июля 1924 г., принятом по итогам проверки деятельности республиканской партийной организации с 1 октября 1923 г. по 15 апреля 1924 г., Средазбюро с удовлетворением констатировало, что усиленная политработа, совмещаемая с широкой чисткой партийных, государственных и общественных структур от «ненадежных и классово чуждых элементов», способствовала заметному продвиже-

---

[1] Озод Бухоро, 1924, 16 июня.
[2] ААП РУз, ф. 14, оп. 1, д. 134, л. 2.
[3] История Узбекской ССР. Т.3.— С. 288.

нию Бухары по пути «революции и общественного прогресса»[1].

Наглядная советизация Бухарского государства позволила центральному руководству объявить о необходимости перехода Бухары непосредственно к социализму. 19 сентября 1924 г. V Всебухарский курултай советов постановил преобразовать Бухарскую народную советскую республику в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику.

Таким образом, большевистскому правительству социалистической России удалось осуществить стратегическую задачу советизации Бухарской республики. Но «триумф» закрепления советской модели общественного устройства сопровождался бесчисленными человеческими жертвами, губительными репрессиями, национальным унижением. Привнесенная на красноармейских штыках «народная власть» вызвала мощную волну массового сопротивления. Народ не хотел мириться с коммунистической экспансией, насаждением чуждой «социалистической» государственности, с утратой независимости.

3. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Вооруженная экспансия советской власти сдетонировала стремительное нарастание опасных процессов в общественной и экономической жизни Бухары.

Насильственное внедрение чуждой национальному менталитету заемной модели коммунистического переустройства вызвало раскол бухарского общества, толкнуло страну в пекло войны, губительно отразилось на экономике и жизненном уровне народа. Спасаясь от большевистских войск, многие бухарцы вынуждены были покинуть пределы Родины, тысячи повстанцев погибли в сражениях за свободу Отчизны, десятки тысяч умерли от голода и болезней. В результате, как и в Туркестане, местное население оказалось на грани истребления. Так, к 1922 г. численность населения БНСР уменьшилась по сравнению с 1918 г. на 26,1%[2].

Крайне тяжелое положение сложилось в народном хозяйстве. Вследствие разорения дехканства, развала

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 1, д. 98, лл. 131—142.

[2] Народное хозяйство Средней Азии. 1924, № 3. С. 58.

экономики уровень производства в базовой аграрной отрасли упал к 1922 г. по отношению к 1918 г. на 40% в земледелии и на 53% в скотоводстве, посевные площади сократились почти вдвое, производство каракуля — в 20, а хлопка — в 26 раз. За этот же период объем производимой продукции в кустарной промышленности понизился на 50%, торговый оборот упал на 75%[1].

Стремясь закрепить позиции советской власти, втянуть Бухарскую республику в орбиту советского государства, ленинская администрация уделила особое внимание разработке стратегии экономической стабилизации в БНСР.

Экономическое объединение среднеазиатских республик, как отмечалось выше, протекало в остром противоборстве имперских сил и национальных руководителей Бухары, которые объективно были заинтересованы в экономической интеграции, но вместе с тем ощущали скрытую угрозу навязываемого Центром варианта «объединения» под эгидой советской России, направленного на конечную утрату БНСР своей государственной независимости.

С образованием Среднеазиатского экономического объединения (СЭО) в мае 1923 г. общим руководящим хозяйственным органом стал СредазЭКОСО. В соответствии с постановлением Совета народных назиров от 30 мая 1923 г. СТО БНСР реорганизовался в Бухарское экономическое совещание (БухЭКОСО). В его задачу входило рассмотрение и проведение в жизнь единого хозяйственного и финансового плана республики на основе согласования с деятельностью экономических назиратов, работающих в области хозяйственного строительства, и руководящих постановлений СредазЭКОСО[2].

Политическая элита Центра через соответствующие властные структуры ориентировала руководство БНСР, местных коммунистов на первоочередное завоевание на сторону советской власти бухарского дехканства путем радикального преобразования сельского хозяйства. Масштабная аграрная реформа должна была также обеспечить закладку фундамента социалистической экономики.

---

[1] Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. — Старая Бухара, 1923.— С. 115—116.

[2] ЦГА РУз, ф. 49, оп. 1, д. 1, лл. 21—24.

Подобный политический приоритет исходил из реалий социально-экономического положения Бухары как аграрной страны, где доминирующую часть (9/10) населения составляли жители села.

В реформе сельского хозяйства объективно были заинтересованы и младобухарцы, понимающие, что без перестройки устаревших аграрных и экономических отношений на селе невозможно претворить джадидскую модель рыночной модернизации национальной экономики и демократического обновления общества.

Относительное совпадение интересов местных революционных демократов и центральной правящей элиты, накладываясь на очевидную остроту земельного вопроса, обусловило, что с первых дней сентябрьского переворота земельная реформа стала одним из ведущих направлений в деятельности правительства БНСР, возглавляемого Ф. Ходжаевым. Однако неоднозначность концептуально-методологических подходов к перспективам развития страны вызвала острое противоборство по поводу программных положений новой аграрной политики.

«Левые» выступали за тотальную национализацию земли и ускоренное социалистическое переустройство села. Младобухарцы предлагали путь умеренных реформ. Они справедливо полагали, что национализация всех земель, в том числе вакфных и байских, чревата губительным социальным взрывом, углублением раскола бухарского общества, его искусственным размежеванием по классовому признаку. По убеждению национальных демократов, на первом этапе следует конфисковать только земли эмира, членов его семьи и крупных чиновников прежней администрации.

Но столь умеренный подход к стратегии решения земельного вопроса в Бухарской республике, получивший свое воплощение в Законе о земле (ноябрь 1920 г.), вызвал остро негативную реакцию среди ортодоксально мыслящего руководства ЦК БКП. Под давлением «левых» коммунистов Центральный ревком принял 2 февраля 1921 г. новый декрет о земле[1]. Он декларировал широкие революционные преобразования. Все земли, воды, леса и природные богатства

[1] Социалистическое переустройство сельского хозяйства в Узбекистане (1917—1926 гг.). Сб. док. — Т., 1962. С. 125—126.

объявлялись народным достоянием, что означало их национализацию.

Таким образом, намечаемая аграрная реформа должна была проводиться по отработанным коммунистическим образцам. Однако вследствие демократических позиций подавляющей части «младобухарского» правительства намечаемые преобразования проводились в БНСР медленно, многие из них оставались лишь на бумаге. Для их осуществления у «левых» не хватало соответствующих политических сил и возможностей. Сказывался фактор подъема национально-освободительного движения, слабость советских властных структур.

Тем не менее в районах, где находились крупные красноармейские подразделения, «аграрная революция» стала разворачиваться. После принятия декрета «О земле» в них помимо земель эмира и его чиновников начали конфисковываться земли беков, крупных баев, вакфы, наделы «контрреволюционеров», «бежавших» во время «сентябрьского переворота» к эмиру. Отбирались также хозяйства ростовщиков, амлякдаров и аксакалов.

Конфискованная земля частично раздавалась безземельным дехканам в размере от 5 до 20 танапов[1] на каждого, но в большей степени красноармейцам или передавалась в государственный фонд для организации сельхозтовариществ. Вместе с земельными участками беднейшее дехканство и красноармейцы получали экспроприированный рабочий скот, сельхозинвентарь[2]. В целом до весны 1921 г. в Бухарском, Чарджуйском и Каршинском вилаятах, подконтрольных советской власти, было конфисковано 13 тыс. танапов земли и национализировано 126 садов эмира и его администрации[3].

Проводимые аграрно-политические акции нашли поддержку у определенной части малоимущего дехканства, вместе с тем вызвали острое недовольство зажиточных слоев и духовенства, занимающего в Бухаре особое положение.

Несомненным позитивным шагом в характере земельной реформы явилось решение II Всебухарского курултая советов (сентябрь 1921 г.) о корректировке

---

[1] В Бухаре 1 танап равнялся 1/4 дес., в Хорезме — 1/3 дес.
[2] ЦГА РУз, ф. 48, оп. 1, д. 664, л. 25.
[3] Там же, д. 17, лл. 135—138.

земельной политики в соответствии с «народно-демократическими принципами» и национальным менталитетом. Характерно в этом отношении выступление на съезде председателя Ревкома А. Мухитдинова. Он, в частности, особо подчеркнул: «Согласно шариату, никакая собственность мусульманина не может быть отчуждена без его согласия. Я высказываюсь за оставление имеющихся до сего времени земель у владельца в прежнем их виде»[1]. Предложение правительства по земельному вопросу было единогласно принято делегатами съезда, оно отвечало интересам середняка, составляющего основную фигуру в бухарском кишлаке, устоявшимся традициям землепользования. Что же касается наделения безземельных и малоземельных дехкан, то оно должно было производиться за счет конфискованных земель эмира и крупных землевладельцев, а также путем орошения государственного земельного фонда.

Демократический подход отразился и в принятой на съезде Конституции БНСР. В ней отмечалось, что все граждане обладают неограниченным правом распоряжения и пользования недвижимым имуществом, в том числе частной собственности на землю[2].

Тем не менее коммунистическая верхушка настаивала на радикализации аграрных преобразований. На собравшемся через год III съезде БКП (ноябрь 1922 г.) одновременно с призывом интенсифицировать переход к нэпу констатировалось, что «аграрная революция» в бухарском кишлаке осуществляется «черепашьими темпами», что «беднейшее дехканство» до сих пор не получило обещанные им земли, на селе по-прежнему «торжествуют феодально-эксплуататорские слои». В связи с чем съезд постановил активизировать земельную реформу, призванную обеспечить переход земли из «собственности байства в руки непосредственных производителей — беднейших дехкан», и привлечь к ответственности виновных в срыве «революционных аграрных преобразований»[3].

Радикализации аграрной политики в определенной мере содействовал переход к курсу «развернутого со-

---

[1] Бухоро ахбори, 1921, 25 сентября.

[2] Съезды Советов в документах (1917—1922 гг.). Т. 2. — М., 1960. С. 567—568.

[3] РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 1, д. 1674, лл. 15—18.

циалистического строительства», инспирируемого в 1923 г. Так, IV съезд Советов (октябрь 1923 г.), официально провозгласивший переход БНСР от «народно-демократического этапа» к «социалистическому», утвердил новый Земельный кодекс[1]. Согласно ему «все земли, в чьем бы пользовании они не состояли» объявлялись «собственностью рабоче-дехканского государства». Право владения землей предоставлялось тем, кто ее обрабатывает. Предельная земельная норма на одно хозяйство определялась в 30 танапов (7,5 дес.).

К этому времени из 22 млн дес. земли, составлявших общую площадь БНСР, лишь 2250 тыс. десятин были пригодны для обработки (из них 57,5 — поливные и 45,5%— богарные). На 425 тыс. хозяйств в республике в среднем на каждое приходилось 4,8 танапа (1,2 дес.) земли[2]. Около 75% посевных земель было занято зерновыми, под хлопок отводилось 7,5%, под технические культуры (лен) — 4%, люцерну — 6%, бахчевые, фрукты, сады и виноградники — 7% посевных площадей[3].

Новый Земельный кодекс отражал углубление классовой линии в решении аграрного вопроса, усиление курса на ограничение «эксплуататорских» тенденций и подрыв экономической мощи зажиточных слоев. Вместе с тем нельзя не отметить, что реалии нэповского курса наложили отпечаток на закрепляемую Земельным кодексом систему социально-экономических отношений в бухарском кишлаке. В частности, Земельный кодекс предусматривал свободу выбора форм землепользования. Не исключалась возможность применения наемного труда, сдача земли в аренду или использование на началах издольщины.

Несколько либерализировалась вакфная политика. Следует сказать, что вакфный вопрос был одним из самых животрепещущих во всем среднеазиатском регионе. Но особенно остро он стоял в Бухаре, где вакфные земли, принадлежавшие мечетям, мактабам, медресе, религиозным и культурно-просветительным учреждениям, занимали исключительное положение.

По официальным данным на 1 августа 1921 г. только в г. Бухаре было зарегистрировано 200 вакфных

---

[1] ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 553, лл. 150—162.
[2] Народное хозяйство Средней Азии. 1924, № 2—3. — С. 57.
[3] Ишанов А. И. Указ. соч.— С.326.

учреждений, принадлежавших 208 мечетям и 215 медресе. В 1923 г. в БНСР насчитывалось 278,5 тыс. дес. вакфных земель. Кроме того, в ведении религиозных учреждений находилось 2110 торговых ларьков, 134 поместья, 210 жилых домов, 28 мельниц, 50 базарных мест. Доход с вакфных земель составлял 267,8 тыс., а хозяйственных структур — 118,2 тыс. руб. золотом[1]. Он шел на нужды религиозных культурно-просветительных учреждений и содержание служителей религиозного культа.

«Левые» стремились решить вакфный вопрос чрезвычайными мерами — полной конфискацией вакфного имущества. Но высокая духовность народа, его религиозность, традиции ислама определили в общественном мнении твердое убеждение, что вакфное имущество и земли должны оставаться в ведении мусульманских религиозных учреждений, хотя и следовало улучшить условия работы арендаторов.

На IV съезде советов республики вакфный вопрос был выделен в качестве одного из главных. Было решено возвратить часть конфискованных ранее земель. В то же время съезд постановил снизить налог, взимаемый с дехкан, арендующих вакфные земли, до 1/10 доли урожая вместо 40%. Доходы, получаемые с вакфных земель, предлагалось расходовать лишь на содержание школ, медресе, библиотек, читален, курсов муаллимов (учителей), на оплату труда работников назирата просвещения[2]. Иными словами, линия на ограничение влияния духовенства и подрыв экономической основы церкви сохранилась, что соответствовало логике «социалистического строительства».

В силу противодействия широких народных масс в БНСР не удалось провести и радикальную земельную реформу. В отчете ЦК БКП IV съезду партии признавалось: «Для земельной реформы в Бухаре почва еще не созрела, а всякая поспешность может повредить нам. Центр нашей работы на будущее время должен быть устремлен в сторону землеустроительных работ, развития агрономической и семенной помощи малоимущему дехканству и в сторону мелиоративных работ, что постепенно выполняется уже сейчас»[3].

---

[1] Бухоро ахбори, 1923, № 212.
[2] ААП РУз, ф. 14, оп. 1, д. 5, л. 8.
[3] Там же, д. 134, л. 9.

Адекватно противоречивым реалиям рассматриваемого времени развивались сельское хозяйство и вся экономика Бухарской республики. Приоритетное внимание в реализации программы «восстановления сельского хозяйства» Бухарской республики было уделено подъему хлопководства. Еще в ноябре 1920 г. был организован «Бухтекстиль», ведавший хлопково-маслобойной и шерстяной промышленностью. Кроме скупки, очистки хлопка, он занимался также организацией посева хлопчатника, оказывая в этом материальную поддержку дехканам-хлопкоробам. В марте 1921 г. «Бухтекстиль» был реорганизован в хлопковый отдел Народного назирата экономики[1].

С наступлением весны и началом посевной хлопковой кампании хлопковый отдел принял ряд мер по организации посева хлопчатника. Отдел авансировал хлопкоробам деньги и выдавал посевные и кормовые семена, по 5 аршин мануфактуры и 6 фунтов керосина на каждый танап, засеянный хлопчатником. Таким образом были авансированы посевы хлопчатника на площади 25 тыс. танапов. Кроме того, дехкане своими силами засеяли приблизительно 40 тыс. танапов[2]. Тем не менее засеянная под хлопок площадь была незначительной. Для сравнения можно отметить, что в 1914 г. площадь посевов хлопчатника составляла 300 тыс. танапов, из хлопка, выращенного на этой площади, получали 2,2 млн пудов чистого волокна.

В целях стимуляции хлопкового производства правительство РСФСР согласно договору, заключенному 19 июня 1922 г. с Бухарой, предоставило БНСР заем в сумме 50 млрд руб. в совзнаках[3].

Следующим шагом по усилению российских позиций в хлопководстве Бухарской республики явилось создание в 1923 г. русско-бухарского государственного хлопкового товарищества (Буххлопка). Товарищество было учреждено на основе долевого участия Главхлопкома и правительства БНСР в основном капитале[4]. Главная задача Буххлопка заключалась в восстановлении в Бухаре хлопкопроизводства и хлопковой про-

---

[1] Алимов И. А. Узбекское дехканство на пути к социализму. — Т., 1974. С.155.
[2] ЦГА РУз, ф.48, оп.1, д.41, л.2.
[3] ГАРФ, ф.4085, оп.18, д.275, л.9.
[4] ЦГА РУз, ф.48, оп.1, д.113, л.16.

мышленности, оттеснении бухарского хлопкороба от «частника» и индивидуального скупщика. Так, в целях укрепления монопольных позиций Буххлопка Особое бюро по установлению и регулированию цен на хлопок при Бухарском экономическом совете решением от 9 сентября запретило выдачу дехканам-хлопкоробам бунака (задатка) со стороны частного капитала[1].

Главхлопком проводил в БНСР, как и в других среднеазиатских республиках, политику утверждения государственной монополии на хлопок и максимального расширения посевов хлопчатника за счет вытеснения иных сельхозкультур. В русле реализации этой задачи использовались государственные кредиты, разнообразные формы приоритетного финансирования хлопкоробов.

Большое значение в увеличении посевов хлопчатника сыграли льготы, предоставленные правительством дехканам-хлопкоробам. Так, согласно постановлению Совета труда БНСР от 25 февраля 1923 г. дехканам-хлопкоробам предоставлялось первоочередное право получать воду для полива засеянных хлопком полей, они освобождались от ушр — налога с посевов хлопка[2].

В результате принятых мер уже в 1923 г. общая площадь посевов хлопчатника достигла 80 тыс. танапов, с которых было собрано 1,6 млн пудов хлопка-сырца[3].

Определенные позитивные сдвиги наблюдались и по другим отраслям аграрного производства, в частности, последовательно восстанавливалась общая площадь используемых земель. К примеру, если в 1915 г. она составляла 800 330 дес., то к 1924 г. — 704 320 дес.[4].

Сложно решались проблемы животноводства. В 1914 г. численность скота по всей Бухаре исчислялась в 6077 200 голов: из них 194,3 тыс. лошадей, 51,3 тыс. верблюдов, 442,1 тыс. крупного рогатого скота, 153,1 тыс. ишаков, 4480 тыс. овец, 758,4 тыс. коз. В 1922 г. количество скота по всей республике составляло лишь 2276,2 тыс. голов, что равнялось 37,4% «довоенного» уровня[5]. Особенно резко уменьшилось количество лошадей —

---

[1] ЦГА РУз, ф.48, оп.1, д.113, л.30.
[2] Там же, д.176, л.24.
[3] Там же, д.92, л.45.
[4] Алимов И. А. Указ. соч.— С.155.
[5] Ишанов А. И. Указ. соч.— С. 329.

на 62% и поголовье каракулевых овец — на 71%[1]. При этом вследствие военных действий, многочисленных конфискаций лошадей и иного скота для нужд дислоцированных здесь частей Красной армии, экономического притеснения многие кочевники и полукочевники вынуждены были уйти в горы, степи или за рубеж. Все это привело к упадку бухарского животноводства и его богатых традиций.

Для восстановления животноводства, особенно каракулеводства, в продукции которого было чрезвычайно заинтересовано руководство РСФСР, при участии российских представителей правительством Бухарской республики было организовано «II-е товарищество по экспорту» с основным капиталом в 2 млн руб. золотом. Кроме того, Госторгом было отпущено дополнительно товарного кредита на сумму 400 тыс. руб. Все это имело положительное значение для восстановления каракулеводства в БНСР[2].

В интересах подъема животноводства правительство республики 30 марта 1924 г. признало необходимым освободить владельцев скота от всех видов налогов и сборов. Одновременно был отменен внутренний сбор с каракулевых шкурок, сохранились лишь ввозные пошлины. Часть кредита, отпущенного для сельского хозяйства, было решено выделить на восстановление животноводства.

Предпринимаемые меры приносили определенные плоды. Но важно заметить, что по мере восстановления сельского хозяйства Бухары увеличивалось изымаемое советской Россией ценное сельскохозяйственное сырье. Так, в 1924 г. объем отправленного в центральные районы РСФСР хлопка возрос в два раза по сравнению с 1923 г., достигнув 885 тыс. пудов волокна. Вывоз каракуля увеличился в 10 раз по сравнению с 1921 г. и достиг 1 млн штук. В 1923—1924 гг. в Бухарскую республику ввозилось сырье и товарная продукция на 7,5 млн, а вывозилось — на 70,5 млн руб.[3].

Важное значение в решении задач восстановления аграрной отрасли и ее последующего перевода на социалистические рельсы придавалось широкому развертыванию на селе кооперативного движения.

---

[1] Народное хозяйство Средней Азии. 1924. № 3. — С.57.
[2] Туркестанская правда, 1924, 11 марта.
[3] Ходжаев Ф. Указ. соч., т. I.— С.274.

Организационным центром создания в Бухаре кооперации стал учрежденный в декабре 1921 г. «Бухцентросоюз»[1]. Но он сосредоточил внимание на организации потребительско-промысловой кооперации в форме потребительских обществ. Зарождение сельскохозяйственной кооперации в первую очередь было связано с открытием летом 1923 г. Бухарского отделения Средазсельхозбанка[2].

Правительство БНСР и его экономические органы уделяли большое внимание деятельности Бухарского отделения Средазсельхозбанка и оказывали ему посильную помощь, что способствовало развертыванию сельхозкооперации. Уже к ноябрю 1923 г. удалось создать 7 сельскохозяйственных кредитных товариществ. В апреле 1924 г. действовало 57 таких товариществ, объединяющих 7500 дехканских хозяйств[3]. К 1 июля 1924 г. число сельхозтовариществ в Бухарской республике увеличилось до 64, их членами являлись 9688 чел. Общий размер открытого кредита по линии Средазсельхозбанка равнялся 521 тыс. руб. Максимальный размер ссуды на одно хозяйство составлял 75 руб., минимальный — 20 руб.[4].

В системе кооперирования бухарского дехканства особое значение властные органы придавали организации хлопковых товариществ. В 1924 г. в Бухарской республике было создано 26 таких товариществ. Они засеяли хлопком 21912 танапов[5]. Средства на посевы изыскивали следующим образом: Буххлопком передавал свои средства на хлопковые посевы Сельхозбанку, который заключал договоры с товариществами, а те — с каждым посевщиком в отдельности. Бухарское отделение сельхозбанка получало комиссионные в размере 11 коп. с пуда, 6 коп. из которых передавало товариществам[6].

Сумма выданных кредитов достигла весной 1924 г. 80 тыс. руб. золотом. Тем не менее, несмотря на определенное развитие кредитных и комиссионных функций, в 1923—1924 гг. деятельность сельхозкооперации

---

[1] Туркестанская кооперация. 1922. 9 мая.
[2] ЦГА РУз, ф.49, оп.1, д.10, л.60.
[3] Там же, ф.48, оп.1, д.292, л.43.
[4] Там же, д.274, л.131.
[5] Аминова Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане... С.191.
[6] Народное хозяйство Средней Азии. 1924. № 5. — С.77—78.

в Бухаре в значительной мере еще носила потребительский характер.

Серьезное значение для восстановления сельского хозяйства, как и оживления экономической жизни Бухарского государства в целом, имели изменения в налоговой политике.

До экспансии советской власти в Бухару, при эмирском режиме, налогообложение на душу населения в среднем достигало 12 руб. золотом. Всего в эмирате собиралось в виде налогов по разным оценкам от 14 до 50 млн руб.[1]. Налоги носили многообразный характер и собирались как на центральном, так и местном уровне. Наиболее крупным являлся земельный налог — херадж. Кроме того, на дехкан возлагалась повинность, известная под названием караджул (рекрутчина), по которой каждая семья должна была поставлять в армию одного всадника в боевой готовности или заплатить военный налог в сумме 100 тыс. руб. в виде откупа[2]. Военную повинность должны были нести и ремесленники, связанные с обработкой металла (чилангари).

Младобухарцы, выступая за демократическое обновление бухарского общества, в качестве одного из своих программных требований выдвигали необходимость реформы налоговой системы, приведение ее в соответствие с интересами государства и народа.

После формирования народно-демократического правительства был прекращен сбор хераджа, отменены многие прежние подати. В то же время в силу эскалации чуждой национальному менталитету советской власти, экстремистских устремлений местных коммунистов «джадидская программа» реформы налоговой системы не была реализована. Напротив, ситуация усугубилась введением «военно-коммунистических» налоговых акций и поборов. Так, тяжелым бременем на население легла необходимость содержать дислоцированные в Бухаре красноармейские подразделения. Эта «поддержка» осуществлялась методом жестких продразверсточных изъятий, «самообеспечения», конфискаций. У дехкан безвозмездно изымались продовольствие, скот; вводились многочисленные натуральные повинности. К примеру, в 1921 г. только в Восточной Бухаре в

---

[1] ЦГА РУз, ф.72, оп.1, д.260, л.110.

[2] Ишанов А. И. Указ. соч.— С.333.

порядке продразверстки с населения было собрано свыше 1,5 млн пудов хлеба[1]. Правительство БНСР, обеспокоенное сложившейся обстановкой, настойчиво стремилось повернуть налоговую политику в цивилизованное русло, осуществлять ее в соответствии с экономическими принципами, в диалектической взаимосвязи государственных и народных интересов. Определенные возможности реализации этого курса появились после обновления руководством советской России тактики «социалистического строительства» и перехода к нэпу.

26 ноября 1921 г. по предложению Совета народных назиров Президиум Всебухарского ЦИК принял Закон о государственном налоге. В нем отмечалось: «Все виды натуральных и денежных сборов в виде налогов, кроме поименных в настоящем Законе, взимаемые как центральными, так и местными правительственными органами, отменяются»[2].

Было установлено, что с 1 января 1922 г. в пользу государства будут взиматься следующие налоги: 1. Ушр — налог с земледельческого населения в размере 1/10 доли урожая; 2. Зякет-савоим — налог со скота в количестве одной с каждых сорока голов мелкого и крупного рогатого скота; 3. Промысловый налог с купцов и кустарей в размере 1/40 доли основного капитала; 4. Водный налог для поддержания ирригационной сети в размере одного танга (10 копеек) с каждого танапа орошаемой земли; 5. Коммунальный (или городской) налог со строений, доходов бань, караван-сараев, транспортных средств и т. п. в размере 1/40 доли стоимости имущества, ценности и капитала[3].

В 1922 г. доход государства от различных поступлений составил 1 млн руб., в 1923 г.— 3 млн, что составляло 10% довоенного размера налогов, взимаемых с податного населения. Между тем расходы на содержание армии, милиции и госаппарата доходили до 15 млн руб. золотом[4].

В октябре 1923 г. IV съезд советов утвердил бюджет республики на 1924 г. в сумме 4660 тыс. руб. При этом 42,7% составляли административные расхо-

---

[1] РЦХИДНИ, ф.122, оп. 11, д. 710, лл. 216—218.
[2] ЦГА РУз, ф.48, оп.1, д.274, л.331.
[3] Там же, д.165, лл.10—12.
[4] Ишанов А. И. Указ. соч.— С. 333—334.

ды и лишь 21,2% предназначались на нужды народного образования и здравоохранения. Подобный расклад объяснялся чрезмерной громоздкостью советского управленческого аппарата в центре и на местах, прогрессирующим увеличением расходов на содержание армии, милиции, карательных органов, что не позволяло правительству увеличить бюджетные ассигнования на культурно-просветительные и здравоохранительные цели.

Другой характерной особенностью бюджета явилось то, что он формировался на 70% за счет взимания налога ушр (с земледельцев) и зякет-савоим (со скотоводов). Бюджет не предусматривал классового подхода при обложении населения налогами. Это вызвало острую критику со стороны партийного руководства, которое полагало, что основная часть бюджетных поступлений должна лечь на торговцев и иных «эксплуататоров». В отчете ЦК БКП IV съезду партии в этой связи говорилось: «...Органы власти в подходе к налогоплательщикам абсолютно не считаются с их классовой принадлежностью, измеряя бедняков и баев на один аршин»[1].

Стремясь усилить авторитет советской власти среди «трудового дехканства», Средазбюро ЦК РКП(б), поддерживая местных коммунистов, потребовало от правительства БНСР снизить налоги, взимаемые с сельской и городской бедноты, переложив эту сумму на купечество и байство[2].

Исходя из указаний Средазбюро ЦК РКП(б), налог ушр на «трудовых дехкан» был уменьшен на 35%. Но сумма недобираемой части налога компенсировалась за счет имущих слоев сельского населения[3].

Наряду со снижением общего размера сельхозналога от него освобождались некоторые категории дехкан, рассматриваемых в качестве социальной опоры советской власти в кишлаке. В инструкции о порядке раскладки и взимания налога ушр, утвержденной Советом народных назиров БНСР 23 июня 1924 г., указывалось: «Кишлачному или аульному сходу предоставляется право освобождать от налогов беднейших землевладельцев с тем, однако, условием, чтобы пада-

---

[1] ААП РУз, ф.14, оп.1, д.134, л.24.
[2] РЦХИДНИ, ф.62, оп.1, д.53, л.43.
[3] ААП РУз, ф.24, оп.1, д.134, л.23.

ющая на них сумма налога была разложена между более зажиточными дехканами»[1].

В постановлении Всебухарского ЦИК и Совета народных назиров от 8 июня 1924 г. «О порядке взимания ушра и зякета-савоима» подчеркивалось, что от уплаты налога освобождаются хозяйства лиц, члены семей которых состоят на службе в Красной армии, войсках ГПУ, в милиции, а также лиц, погибших за советскую власть, при условии, что «эти хозяйства занимаются сельским хозяйством без эксплуатации наемного труди и без отдачи земли в аренду на чайрикерских началах»[2].

Аналогичный подход наблюдался и при определении налоговых льгот городскому населению.

Таким образом, как аграрная, так и налоговая политика советизируемой Бухары отражала логику движения республики от «народно-демократического» этапа к «социалистическому». В ходе укрепления позиций советской власти и партийных структур она все зримее приобретала классовую окраску, служила целям утверждения антидемократического социалистического строя.

Наряду с сельским хозяйством важное значение для экономического подъема Бухарской республики имело восстановление и дальнейшее развитие промышленного производства.

Ураган социальных потрясений, вызванный вооруженной экспансией советской власти, разрушил и без того слабую промышленность. На 1 июня 1921 г. в БНСР частично работали только 4 маслобойных, 9 кирпичных, 5 кожевенных, 3 кишечных завода, гончарный, завод по переработке солодкового корня, 4 мельницы, 2 бумажные фабрики, механическая мастерская, электростанция и известковое производство, объединяющие около 5 тыс. рабочих[3].

Решая проблемы восстановления народного хозяйства, правительство БНСР сосредоточило усилия на организации учета действующих предприятий, привлечение средств частного капитала для налаживания производственной деятельности неработающих заводов и фабрик. Однако продолжающаяся политическая неста-

---

[1] ЦГА РУз, ф.48, оп.1, д.250, л.75.
[2] Там же, л.72.
[3] РЦХИДНИ, ф.122, оп.4, д.20, л.1.

бильность бухарского общества, острое гражданское противостояние, вызванное его насильственной советизацией, сковывали возможности реанимации отечественной промышленности.

С переходом к этапу «социалистического строительства» по указке Центра был взят курс на ускоренное создание государственного сектора в экономике, призванного стать основой зарождения «социалистического уклада» в хозяйстве республики. С этой целью в 1923 г. были национализированы и переданы под контроль государства 32 промышленных предприятия, из них 25 хлопкоочистительных и маслобойных, кожевенный, кирпичный, винодельческий заводы и завод по переработке солодкового корня, электростанция, механическая мастерская и кишечное заведение[1]. Но производственный потенциал госсектора оставался слабым. Из числа национализированных предприятий по существу работало всего 6. Остальные были разрушены или совершенно выведены из строя[2].

Политическая элита Центра, исходя из стратегии вовлечения Бухарского государства в пространство «красной империи», создания в БНСР прочной социальной опоры советской власти — «социалистического пролетариата» и демонстрации «интернациональной помощи» советской России «колониальным народам», посчитала необходимым направить в Бухару оборудование ряда российских промышленных предприятий. В частности, решениями Политбюро ЦК РКП(б) от 1 февраля и 13 июля 1922 г. ВСНХ РСФСР обязывался передать БНСР оборудование для одной текстильной, бумажной и мыловаренной фабрик. В 1923 г. в распоряжение Бухарской республики перешла Зарайская ткацко-прядильная фабрика, которая была переименована в Бухарское государственно-промышленное объединение прядильно-ткацкой мануфактуры «Красный Восток». Одновременно около 70 бухарских юношей и девушек стали обучаться ткацкому делу на Венюковской ткацкой и ситценабивной фабрике (Московская область)[3].

---

[1] Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. — Ст. Бухара. 1923. С. 120.

[2] Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. — Т., 1961. С.374.

[3] Ишанов А. И. Указ. соч.— С. 340.

В результате принятых мер удалось несколько увеличить объемы промышленного производства. Тем не менее общее состояние бухарской индустрии оставалось вплоть до 1924 г. тяжелым.

Аналогичная ситуация наблюдалась на транспорте. Как и промышленность, транспортная инфраструктура Бухары оказалась разрушенной. Железнодорожная линия имелась всего на протяжении 533 верст. Водный путь по Амударье протяженностью 900 верст считался основным средством связи между Западной и Восточной Бухарой, а также Бухарой и Хивой. В Амударьинской флотилии имелось около 400 каюков общей грузоподъемностью до 600 тыс. пудов, но в 1924 г. работали лишь 40 маленьких каюков грузоподъемностью в 30 тыс. пудов. Караванный путь, связывающий внутренние районы республики, составлял 90 тыс. верст, из которых примерно 2 тыс. были приспособлены для колесного движения, а остальные 88 тыс. — исключительно для вьючного транспорта[1]. Транспортная разруха усугубляла общее экономическое состояние БНСР.

К началу 1921 г. в БНСР скопилась огромная масса ценного товара, в частности, 600 тыс. каракулевых шкурок, 700 вагонов хлопка и много другого экспортного сырья[2]. Правительство Бухарской республики, заинтересованное в финансовых поступлениях и насыщении товарами широкого потребления бухарского рынка, предложило России, с которой имелись многолетние торгово-экономические связи, произвести товарообмен. В результате достигнутого соглашения вновь стала восстанавливаться регулярная торговля между Бухарой и Российской Федерацией. Она осуществлялась первоначально преимущественно на бартерной основе. Так, из БНСР было вывезено 122915 пуд. хлопка, 1387 пуд. шерсти, 47432 шкурок каракуля, а из России в Бухару прибыло миллион аршин мануфактуры, 10 тыс. пуд. металла и металлических изделий, 47829 пуд. керосина и нефти, 8216 пуд. каменного угля, 1200 пуд. машинного масла, миллион коробок спичек[3].

С июня 1921 г. развернулся товарообмен между Бухарой и Московской потребительской кооперацией.

---

[1] ЦГА РУз, ф.49, оп.1, д.2, л.496.
[2] И ш а н о в А. И. Указ. соч.— С. 335.
[3] РЦХИДНИ, ф.122, оп.1, д.71 а, л.125.

В течение двух летних месяцев со станции Карши и Карманы в Москву были отправлены 45 вагонов пшеницы взамен получаемой из российской столицы мануфактуры[1].

На первом этапе восстанавливаемого бухарско-российского экономического сотрудничества проявлялось более или менее равноправное деловое партнерство. Однако со временем оно все зримее принимало политизированный характер и проимперскую со стороны советской России направленность. Это вызывало острую реакцию правительства БНСР. Так, Ф. Ходжаев неоднократно ставил перед российским руководством вопрос о необходимости установления реальных товарных эквивалентов на поставляемые Бухарой товары.

Но спорные вопросы решались лишь частично. Ленинскую администрацию заботило не обеспечение равноправия, а монополизация своего торгового положения на бухарском рынке, особенно в сфере хлопкопоставок. В русле данной задачи 9 августа 1922 г. было заключено «экономическое соглашение» между РСФСР и БНСР. Согласно ему отныне Бухара должна была согласовывать с Россией свои внешнеэкономические связи. 5 ноября 1922 г. на объединенном заседании ЦК БКП, Совета народных назиров и БухЦИК ленинские эмиссары жестко потребовали обеспечения эксклюзивного положения государственных торговых учреждений России на бухарском хлопковом рынке и предельного сокращения возможностей для закупки хлопка-сырца местными «частно-торгашескими» группами[2]. Практическая реализация этого требования позволила Туркхлопкому, являвшемуся одним из подразделений Главхлопкома РСФСР, на выгодных для него условиях закупить у бухарского дехканства к концу 1922 г. хлопок-сырец на сумму 400 млрд руб. (совзнаками). В сезон 1923 г. на передние позиции вышло «Русско-Бухарское хлопковое товарищество», ведущими пайщиками которого являлись Главхлопком СССР и назират торговли и промышленности БНСР. Оно закупило более 60% всего произведенного в республике хлопка-сырца. Туркхлопком скупил около 30% урожая. Лишь незначительная доля — менее 10%— была

[1] ЦГА РУз, ф. Р-9, оп. 1, д. 69, л. 77.
[2] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 71 а, лл. 148—150.

мышленный капитал в действенное средство подъема национальной экономики.

Государственный сектор социалистического типа стал активно закладываться еще с первых дней «сентябрьского переворота», в момент попыток большевистских радикалов перенести «военно-коммунистические» методы переустройства общества в Бухару. В частности, в начале 1921 г. был создан Госторг, представлявший наиболее крупный государственно-социалистический уклад в экономике БНСР. Его основной капитал составил 6,8 млн руб. золотом. Он состоял из конфискованных у эмира и крупных «капиталистов» товаров и ценностей, а также имущества национализированных промышленных предприятий, банков, торговых, почтово-телеграфных учреждений и концессионных обществ, перешедших по договору с РСФСР 1921 г. в распоряжение Бухарской республики ранее непосредственно входивших в состав Российской империи городов: Новая Бухара, Чарджоу, Керки и Термез[1].

Однако в последующем базовый капитал Госторга БНСР стал постепенно сокращаться вследствие того, что он использовался на оборонные мероприятия, покрытие дефицита госбюджета, расходуемого главным образом на содержание громоздкого административно-управленческого аппарата. Из этого же фонда выделялись средства на восстановление сельского хозяйства и транспорта, а также на нужды культурно-просветительных учреждений. В 1923 г. основной капитал Госторга сократился до 4 млн 924 тыс. руб., из которых 1190 тыс. руб. было передано в счет семи смешанных торгово-промышленных обществ в порядке паевого взноса (Госхлопок, Русско-Бухарское акционерное общество)[2].

С переходом к нэпу несколько оживилась деятельность местных предпринимателей и купечества. Так, начали создаваться акционерные общества, активизировалось участие представителей малого и среднего бизнеса в торговой сфере. Правительство БНСР стремилось по возможности интенсифицировать эти процессы. Однако политическая элита Центра и ЦК БКП, как уже говорилось выше, несмотря на относительную

---

[1] РЦХИНДНИ. ф.122. оп.1. д.71 а. л.209—216.
[2] И ш а н о в А. И. Указ. соч.— С. 348.

либерализацию экономических отношений, никогда не забывали о программной цели — построении социалистического общества. Поэтому устойчивое внимание уделялось укреплению позиций государства в торговле, совмещаемому с ее социализацией. Особенно наглядно «поход против частника» проявился с переходом к «социалистическому этапу» советизации Бухары. Но и в расцвет «народно-демократического обновления» административно-идеологическое наступление на частный капитал продолжалось, хотя и в завуалированной форме.

Несмотря на жесткое противодействие радикализированного ЦК БКП и откровенное давление политического руководства социалистической России национальные лидеры Бухарской республики мужественно отстаивали, даже в самых жестких условиях, право на свободное национально-экономическое строительство и частное предпринимательство. К примеру, первый заместитель Совета народных назиров Атаходжаев в течение двух лет противился передаче Госхлопкому РСФСР конфискованных в Бухаре в 1920 г. у местных купцов 132 тыс. тонн хлопка-сырца. Председатель СТО БНСР М. Аминов неоднократно поднимал вопрос о выплате бухарским купцам соответствующей суммы за изъятые у них в первые дни «революции» 200 тыс. пудов хлопка. Укрепив свои позиции, Совет народных назиров поддержал эту инициативу. Распоряжением правительства ограбленным советской властью купцам и хлопкозаготовителям было уплачено 943 тыс. руб. золотом. Но такая акция вызвала раздражение со стороны экстремистски настроенных коммунистов Бухары и Центра. Тем не менее ЦИК Советов БНСР 4 марта 1923 г. вынес постановление, подтверждающее решение Совета народных назиров Бухарской республики о денежной компенсации местным купцам за материальные потери при национализации их товаров[1].

Правительство республики, выражая реальные государственные и общенародные интересы, пыталось, избегая крайностей классового подхода, максимально использовать материальные и финансовые ресурсы деловых кругов бухарского общества, привлечь к делу возрождения национальной экономики самые широ-

[1] ГАРФ, ф.4/с, оп.1, пап. 331, т. 3, д. 55090, л. 33.

кие слои населения. Об этом наглядно свидетельствует, в частности, политика кредитования торгово-промышленных учреждений. Так, в соответствии с постановлением СТО БНСР от 14 декабря 1922 г. 40% кредита выделялось государственным учреждениям, по 15% — комбинированным торговым предприятиям и крупным купцам, 30% — мелким и средним торговцам города и села[1].

В сентябре 1922 г. был открыт Бухарский государственный банк с капиталом в 5 млн руб. золотом (3 млн руб. от назирата финансов и 2 млн руб. от Бухгосторга). Банк в первой половине 1923 г., с учетом реального соотношения государственного и частно-индивидуального сектора в народном хозяйстве страны, выдал кредиты госпредприятиям в размере 17,2 тыс. руб., что составляло 7% от общей суммы банковского кредита, кооперации — 5,5 тыс. руб., т. е. 2% от общей суммы кредита, товариществам и частным лицам, включая дехканство, — 123 тыс. руб. или около 90% всего кредита[2]. Такой подход в очередной раз вызвал недовольство имперских должностных лиц. Спешно созданная под эгидой Центра ревизионная комиссия констатировала: «Та структура банка, которая была в наличии к 1 апреля т. г., не может быть проводником советской власти и ее кредитной политики... Существовал не Государственный банк, а самодовлеющая банкирская контора, которая невольно плыла по течению рыночной жизни, совершенно не пытавшаяся влиять на окружающую торгово-промышленную обстановку»[3].

Летом 1923 г. под нажимом Центра правление Госбанка БНСР было обновлено.

Негативную реакцию российско-союзного политического руководства вызывала надклассовая линия правительства БНСР по отношению к базарам, соотношению государственной и частной торговли в городе и на селе.

Надо сказать, что в «дореволюционное» время в Бухаре действовало около 500 базаров, которые обслуживались 12-тысячным отрядом купцов и торговцев, владевших капиталом в 20 млн руб. золотом. Россий-

---

[1] Бюллетень СТО БНСР. 1923, № 1. 16 апреля. С. 4—5.
[2] ЦГА РУз, ф.49, оп.1, д. 9, лл. 43—54.
[3] Там же, ф.50, оп.1, д. 23, лл.14—18.

ские вожди в соответствии с логикой «социалистического строительства» требовали решительной перестройки по марксистским канонам этого «реакционного» уклада. Но правительство БНСР не спешило огосударствлять традиционные торговые структуры, закрывать базары, ликвидировать частную торговлю, играющие огромную роль в экономической жизни страны и составляющие неотъемлемую ментальную черту национального образа жизни. Радикальное претворение подобного требования тяжело отразилось бы на всех слоях бухарского общества, особенно дехканства, составляющего, как известно, доминирующую часть местного населения. Достаточно отметить, что дехкане-земледельцы и скотоводы в результате реализации на базарах выращенного урожая и скота получали до 15 млн руб., на которые они тут же приобретали необходимые товары широкого потребления.

Экономическая и политическая ущербность курса по тотальному огосударствлению рыночной торговли признавалась даже частью трезвомыслящих посланцев Центра, направленных в Бухару. Так, к примеру, П. А. Мирошников, назначенный летом 1923 г. директором Госбанка БНСР, в своей докладной «О торгово-промышленных группах на бухарском рынке и участии кредита в Бухаре» констатировал: «Если население не может и не привыкло обходиться без рынков, то Бухарскому государству еще рано говорить, что эта группа лавочников, кустарей, чайханщиков, ашханщиков «нетерпимы». Государство должно признать, что эта группа необходима до тех пор, пока кооперация шаг за шагом не отвоюет бесспорную позицию у этих предпринимателей и не заменит их вполне, государство должно признать необходимость этой группы и не создавать особого жесткого для нее режима; пока еще кооперации, долженствующей прийти ей на смену, в сущности еще нет»[1].

К началу 1922 г. кооперация получила некоторое развитие, преимущественно в так называемых «русских городах». В вилаятах, туменах и кентах Бухары она почти отсутствовала. Лишь после учреждения в декабре 1921 г. «Бухцентросоюза» как организационного центра бухарской кооперации кооперативное дви-

[1] ЦГА РУз, ф.49, оп.1, д.9, л.55.

жение стало проникать в среду коренного населения края.

Создаваемые ЕПО (единые потребительские общества) до 1923 г. интегрировали в себе функции потребительской, промысловой и сельскохозяйственной кооперации. В соответствии с наработанной советской практикой они изначально, помимо хозяйственных задач — удовлетворения потребности населения в предметах широкого потребления, заготовки сельскохозяйственных продуктов и сырья, — концентрировали усилия на вытеснении частного торгового капитала. Однако из-за настороженного отношения местного населения к «советским начинаниям», отсутствия у кооперативных организаций достаточных оборотных средств, опытных работников и полноценных товаров развитие кооперации в республике шло медленными темпами. В конце 1923 г. в БНСР действовало всего 7 контор и 3 ЕПО. В начале 1924 г. они были реорганизованы в районные рабоче-дехканские потребительские общества[1].

Правительство БНСР по-прежнему отстаивало линию свободного частного предпринимательства и создания открытой рыночной экономики. Нежелание «купеческого» правительства БНСР «плясать под дудку» Центра, его стремление отстаивать национальные интересы бухарского народа вызывали все большее раздражение центральной власти.

По приказу Центра партийно-карательные органы развернули в Бухаре масштабную клеветническую кампанию против неугодных национальных руководителей: фабриковались «компрометирующие материалы», подготавливались соответствующие документы, построенные на лжи и огульном очернительстве. В концентрированном виде они были представлены на спешно созванном IV съезде советов. На нем партийные функционеры обливали грязью достойных сынов бухарского народа, в течение многих лет стремившихся отстоять его интересы и национальное достоинство. В частности, зампредседателя СТО БНСР Фитрат был огульно обвинен в том, что «расхитил» 15 триллионов руб. (в совзнаках 1922 г.), выделенных на строительство Каганской дороги, а также 2 млн руб. от поступления налогов с вакфных земель, предназначенных для

[1] ААП РУз, ф.14, оп.1, д.177, лл. 2—3.

поддержки культурно-просветительных учреждений БНСР. Государственный банк Бухреспублики был охарактеризован «вотчиной купцов Мансуровых». Осуждена как порочная практика компенсационных выплат за национализированные у купцов ценности и товары[1].

Под прикрытием ложных обвинений во взяточничестве, коррупции, национализме, злоупотреблении властью и хищении государственной собственности Центру удалось отстранить от должности сторонников суверенного национального развития свободных рыночных отношений Атаходжаева, Фитрата, Саиджанова, Саттарходжаева, М. Аминова и других членов бухарского правительства. Кампания борьбы со «скрытыми врагами советской власти» и «буржуазными националистами» развернулась по всей стране. В результате здоровые элементы рыночного реформирования стали последовательно удушаться. Восторжествовал курс ускоренного социалистического строительства.

В соответствии с его установками кредитно-финансовая и торговая политика нового состава правительства БНСР стала приобретать все более отчетливую классовую направленность, ориентироваться на первоочередную поддержку государственного сектора, представлявшегося в качестве ключевой опоры создаваемой социалистической экономики. К примеру, после чистки правления Госбанка уже по состоянию на 1 июня 1923 г. им было выдано кредитов: государственным учреждениям — 51,3%, а частным лицам и предпринимателям — менее 26%[2].

Совет народных назиров обязал БухЭКОСО оказать содействие кооперативным организациям БНСР в усилении их торговой и производственной деятельности. Правительство республики решило передать в ведение кооперации реализацию импортных товаров и операций по закупке и экспорту сырья; предложило развить сеть кооперативных организаций как в центре, так и на местах, приблизив их непосредственно к производителю и потребителю[3].

Вследствие финансовой и организационной под-

---

[1] ААП РУз, ф.14, оп.1, д.5, лл.4—15.

[2] Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг.— С.3—8.

[3] ЦГА РУз, ф.48, оп.1, д.256, л.84.

держки кооперативный оборот в городе и на селе стал возрастать. Тем не менее он был еще ограниченным. К осени 1924 г. кооперация не смогла завоевать даже десятую часть рынка БНСР[1].

Особенно туго шло кооперирование дехкан в потребительские общества. В бухарском кишлаке они не имели такого успеха, как кредитные. Сельское население рассматривало свое вступление в потребительские общества с внесением паевых взносов в качестве своеобразной формы взимания государством особого рода налогов. В конечном счете бухарская потребительская кооперация не завоевала симпатий у сельчан, и дехкане, исключая хлопкозакупки, по-прежнему были связаны крепкими узами с частными торговцами и скупщиками сырья.

На фоне «закручивания гаек» уже в достаточной мере советизированной Центральной Бухаре более «мягкими» подходами отличалась финансово-кредитная и торговая политика в Восточной Бухаре после подавления там российскими красноармейскими частями движения народного сопротивления. Учитывая сложную военно-политическую обстановку в Восточной Бухаре и стремясь закрепить позиции советской власти в районах, еще недавно охваченных мощными антисоветскими выступлениями, Средазбюро ЦК РКП(б) рекомендовало правительству республики активно использовать «местную торговую буржуазию в интересах налаживания экономических связей и развития товарооборота с Центральной Бухарой», а самое главное — создания уверенности у населения, что советская власть крайне заинтересована в экономическом возрождении Восточной Бухары[2].

Весной 1924 г. в Восточную Бухару прибыла экономическая комиссия БухЦИК, возглавляемая А. Мухитдиновым. Комиссия развернула кредитование дехкан путем организации товариществ. Кредит выдавался обычно малоимущим дехканам и ремесленникам (ткачам, кожевникам, кустарям) в размере 100 руб. на каждого работника. Только с 18 июня по 13 июля 1924 г. были организованы сельскохозяйственные кредитные товарищества в Байсуне, Душанбе, Каратаге и Янги-

---

[1] ААП РУз, ф.14, оп.1, д.903, л.17.

[2] РЦХИДНИ, ф.62, оп.1, д.169, лл.65—66.

Базаре. Им был выдан долгосрочный кредит на сумму 36 тыс. руб.[1].

Среднеазиатский коммерческий банк приступил к кредитованию мелких торговцев, обслуживающих товарооборот между вилаятами внутри Восточной Бухары. Сумма кредита составила 1 тыс. руб. на каждого купца. В течение июля 1924 г. 27 купцов получили в виде кредита 57200 руб.[2].

В Душанбе было открыто отделение Госторга, который распространял свое влияние на кишлаки через сотни мелкорозничных торговцев-чарбазаров, которые получали товары в кредит. Одновременно Госторг открыл приемные отделы по заготовке кожсырья в различных городах Восточной Бухары. Отсюда на экспорт шли пшеница, рис, кунжут, фисташки и другие сельхозпродукты, производимые в Шерабаде, Курган-Тюбе и Кулябе. Они вывозились по Амударье вниз каючным транспортом, для восстановления которого правительством БНСР было отпущено 500 тыс. руб. 11 июля 1924 г. Керкинское отделение Госторга кредитовало 12 купцов на сумму 10,5 тыс. руб. для усиления торгового оборота и на постройку 18 новых каюков. Установилось регулярное караванное сообщение между Карши и Душанбе, на восстановление которого было выделено 50 тыс. руб.[3].

Предпринимаемые меры по восстановлению мирной жизни, возрождению народного хозяйства находили позитивное отражение не только в экономике, но и в социальной сфере. Вместе с тем как и экономические, социальные процессы советизируемой Бухары отличались внутренней противоречивостью, растущей идеологической направленностью.

В соответствии с социальной стратегией большевиков радикальные перемены обозначились прежде всего в социальной структуре Бухарской республики. После «сентябрьского переворота» на подконтрольной советской власти территории в короткий срок были ликвидированы высшие слои местной аристократии: эмирский двор, беки, амлякдары, прежний чиновничий аппарат, крупные землевладельцы; утратило руководящие позиции мусульманское духовенство. Одновремен-

---

[1] Народное хозяйство Средней Азии. 1924. № 2—3. С.64.
[2] Там же. С.65.
[3] Ишанов А. И. Указ. соч.— С. 311.

но зародились новые социальные группы — советские партийные работники, красноармейцы, сотрудники «революционных» силовых и карательных органов, культурно-идеологических учреждений, кооператоры и др.

Сложные процессы проявились в традиционных социальных слоях, особенно дехканстве, составляющем доминирующую часть бухарского общества.

Документальные источники показывают, что население Бухары в 1918 г. равнялось 2783 тыс. чел., из которых 2463 тыс., или 88%, составляло сельское, преимущественно дехканское, население. К 1922 г. сельское население БНСР уменьшилось по сравнению с 1918 г. на 25,8%, а городское — на 28,2%.

Показательно при этом, что при уменьшении количества оседлого населения кочевое увеличилось с 67,5 до 118,2 тыс. чел., т. е. на 75%[1]. Подобное положение было связано с разорением земледельческих дехканских хозяйств, растущим потоком беженцев, спасавшихся от советского режима в степях и горных районах. С 1923 г. в связи с наметившейся политической стабилизацией и началом экономического возрождения наблюдается увеличение числа жителей, которые возвращались в родные города и деревни. Общая численность населения республики в 1923 г. достигла 2006 тыс. чел., из которых 91% составляли сельчане, занимающиеся земледелием (85,1%) и скотоводством (5,9%).[2].

В экономическом отношении дехканские хозяйства, как и во всем среднеазиатском регионе, подразделялись на 3 основные группы: крупные хозяйства, экономически состоятельные, нередко прибегающие к найму рабочей силы, середняцкие хозяйства и экономически маломощные бедняцкие. Такое положение за небольшим исключением сохранялось вплоть до национально-территориального размежевания среднеазиатских республик.

Надо сказать, что статистические данные для детальной характеристики социальной структуры бухарского кишлака рассматриваемого времени отсутствуют, ибо, в отличие от Туркестана, в Бухаре не проводились специальные экономические обследования. Из-

---

[1] ГАРФ. ф. 4/ с. оп. 1, пап. 331, т. 1, д. 55088, л. 10.

[2] Бухара в государственном хозяйственном плане на 1923—1924 гг. — С. 54.

вестно только, что в 1921 г. на каждое из 425 тыс. хозяйств в республике в среднем приходилось 1,2 дес. земли[1]. Бухарский кишлак не был резко поляризован по имущественным признакам. Здесь отсутствовали сверхкрупные хозяйства, а группа безземельных была довольно ограниченной. В своей основной массе дехкане обладали средним достатком. Весомое социальное и экономическое значение имели вакфные земли, на которых вели хозяйство дехкане.

Однако насильственная эскалация советской власти существенно подорвала экономическую мощь бухарского кишлака. Спровоцированный Центром пожар вооруженной конфронтации, обрушившиеся на сельчан реквизиции продовольствия и скота, необходимость бесплатно содержать многотысячные советские вооруженные формирования, бесчисленные натуральные повинности привели к развалу сельского хозяйства и дехканских хозяйств. Достаточно отметить, что уровень производства в сельском хозяйстве упал в 1921 г. по отношению к 1918 г. в земледелии на 40%, а скотоводстве на 50%, количество скота сократилось на 63,6%. Остро чувствовался недостаток рабочего скота. В 1922 г. по всей республике имелось всего около 220 тыс. рабочих волов. В среднем на 100 хозяйств приходилось по 51 волу или на 25 дес. земли по 10,9 единиц рабочего скота[2].

Катастрофическое падение аграрного производства привело население Бухары, особенно бухарского кишлака, на грань голодного вымирания. Тем не менее центр требовал все новых и новых продовольственных поставок. Ситуация усугубилась неурожаем 1921 г. в России. В целях оказания помощи голодающему населению Поволжья и других районов РСФСР уже к октябрю 1921 г. из БНСР было отправлено в Россию хлеба на 100 млн руб. Одновременно в Бухару прибыло полторы тысячи голодающих детей Российской Федерации[3]. В конце 1921 — начале 1922 г. неоднократно проводились «недели помощи голодающим». Одной только Башкирской республике дехкане БНСР отправили около 50 тыс. пудов хлеба[4]. Разумеется, эта гу-

---

[1] Народное хозяйство Средней Азии. 1924, № 2—3. — С. 57.
[2] ЦГА РУз, ф. Р-51, оп. 1, д. 95, лл. 300—310.
[3] Известия (Ташкент), 1921, 21 октября.
[4] Там же. 1922, 3 февраля и 9 апреля.

манная акция являлась выражением милосердия бухарского народа. Но объективно она отражалась на и без того предельно низком материальном уровне населения страны.

В начале 20-х годов, несмотря на противодействие демократической части правительства БНСР, мощным социальным потрясениям подверглись и другие слои бухарского общества. Их выражением явились гонения на мусульманское духовенство, конфискация имущества, ценностей и товаров крупных торговцев и купцов, репрессии против национальных патриотов, поддерживающих бойцов сопротивления. Активный социальный протест вызывали насильственное насаждение советского режима, последовательное закрепление Центром нового типа имперских отношений, растущее ущемление национального достоинства и права народа Бухары на свободное самоопределение.

Реализация нэповского курса привела к оживлению торговли. В первой половине 20-х годов доля госторговли и потребкооперации составляла чуть больше 10% общего объема товарооборота. Доминирующее положение занимали частная торговля, торговая деятельность частных фирм, акционерных обществ, а также фирм и товариществ на смешанном государственно-частном капитале. Широкое привлечение частных инвестиций способствовало ускоренному росту объемов товарооборота, насыщению бухарского рынка товарами и услугами, а значит, и улучшению материального положения широких народных масс.

Активные меры предпринимало руководство республики и по другим направлениям социальной напряженности. В частности, социально позитивным был отказ от радикального решения вопроса о вакфах, запрета судов казиев, поощрение традиционной школы (1922). Определенные шаги были сделаны в решении острых проблем охраны здоровья населения. Так, в 1922—1923 гг. правительством БНСР было израсходовано более 1 млн руб. золотом на борьбу с эпидемией малярии, приобретение медикаментов, строительство больниц и профилактических заведений. Все это свидетельствовало о наметившихся благоприятных перспективах развития медицинского обслуживания населения Бухары. К октябрю 1923 г. по всей республике уже действовали 5 народных больниц, рассчитанных на 240 коек,— в городах Бухаре, Карши, Кармане,

шихся к новой власти туркменских родовых вождей и воинов во главе с членом правительства Кошмамедханом. Тогда вождю другого туркменского рода, также члену правительства, Гулямали удалось бежать, но за ним в погоню отправился карательный отряд, который на своем пути стер с лица земли несколько кишлаков. Это событие повлияло на массовую откочевку иомудского населения через пустыню в Персию, вызвало обострение межнациональных отношений и усиление антироссийских настроений в Хорезмской республике, выразившихся в широком развертывании национально-освободительной борьбы под руководством Джунаидхана[1].

Вина за это событие была возложена на младохивинское правительство. Однако непредвзятое прочтение материалов следственной комиссии по этому поводу[2], созданной решением Туркомиссии и СНК Туркреспублики, раскрывает истинных инициаторов этой трагедии. Как выяснилось, ей предшествовали два неудачных похода советских вооруженных сил против Джунаидхана в августе 1920 г. Уже после первого похода, в котором участвовали туркменские отряды, командующий группой советских войск В. Дубянский выразил недоверие Кошмамедхану и Гулямали, обвинив их в неудаче, хотя причиной была его собственная нераспорядительность. И свидетельством этому был второй поход, проходивший уже без участия отрядов Кошмамедхана и Гулямали, но закончившийся также неудачей. Тем не менее в докладе правительству в присутствии полномочного представителя РСФСР в Хорезме Шакирова В. Дубянский обвинил вождей туркменских племен в измене, и на основании его заявления было принято решение о разоружении всех туркменских добровольческих отрядов.

Позже чрезвычайная следственная комиссия, расследовавшая это дело, четко указала на непосредственных виновников принятия решения о разоружении этих отрядов и последовавшей вслед за этим трагедии. В частности, в вину Шакирову вменялось «единоличное распоряжение о расстреле туркменских всадников», а Дубянский обвинялся в бездействии, во вмешатель-

---

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, оп. 1, д. 89, лл. 26—27.
[2] РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 1, д. 14, л. 5.

стве в дела туркменских отрядов, в применении неспровоцированных репрессий и т. д.[1].

Тем не менее вся вина была возложена на младохивинское правительство, и это обстоятельство было использовано Туркомиссией для еще большего вмешательства во внутренние дела Хорезмской республики. Вновь назначенному решением Туркомиссии от 19 октября 1920 г. полномочному представителю РСФСР в Хорезме М. Сафонову были даны широчайшие полномочия по урегулированию межнациональных отношений в республике, резко обострившихся в результате этой трагедии.

Активность, с которой Сафонов развернул деятельность своего представительства в республике, его поездки по всей ее территории, организованные им встречи и митинги, явно свидетельствовавшие об игнорировании им законного правительства республики, граничили с прямым вмешательством в дела.

Это встревожило и отрезвило младохивинское правительство, и оно предпринимает попытки укрепить свои позиции. Уже в ноябре 1920 г. в связи с отъездом председателя ЦК ХКП Акчурина из республики проводятся перевыборы ЦК ХКП и его председателем становится бывший младохивинец Д. Султанмурадов. 22 ноября 1920 г. Совет назиров отменяет прежнее решение об объединенном командовании советскими и хорезмскими войсками. Эти шаги свидетельствовали не только о стремлении младохивинского руководства создать национальную армию — символ государственной независимости Хорезма, но и о намерении проводить самостоятельный курс в руководстве страной. Этим же были продиктованы и предпринятые младохивинским руководством ХКП и правительством неоднократные попытки добиться отзыва Сафонова из Хорезма.

Однако эти действия оказались чреватыми для младохивинского руководства ЦК ХКП и правительства и привели к массированной кампании по их политической изоляции. Туркомиссия и ее полномочный представитель Сафонов делают ставку на политуправление хивинской армии (Пурхив), основное ядро которого составляли политработники советской группы войск в Хорезме, переданные в ноябре 1920 г. в Хо-

[1] РЦХИДНИ, ф. 61, оп. 1, д. 10, л. 57.

резмскую армию. Пурхив, самовольно захвативший руководство всем аппаратом партийно-политической работы в Хорезме, противопоставил себя ЦК ХКП, проводя против него работу в широких массах. В итоге ему удалось в конце декабря 1920 г. на созванной им партийной конференции из представителей воинских частей и районных комитетов ХКП, поддержавших его, провести решение об отстранении ЦК ХКП от руководства партией. Став единоличным руководителем всей партийно-политической жизни, Пурхив распустил неугодные партийные комитеты, организовал новые отчетно-перевыборные собрания в партийных организациях, провел кампанию на селе по созданию комитетов бедноты. В то же время командование советских воинских частей, ликвидировав очаги восстания, провело «мирные переговоры» с вождями туркменских племен, выдвинув им следующие требования: признание советского строя, отказ от подчинения Джунаидхану, прекращение военных действий, выдача лиц, занимающихся «разбоем» (читай: ведущих войну с советскими войсками), сдача туркменами оружия и т. п. По их же инициативе 26 января 1921 г. был созван I Всетуркменский курултай, избравший Туркменское исполнительное бюро.

По всей стране были проведены массовые митинги, на которых с подачи Пурхива и преданных ему коммунистов принимались решения о низложении младохивинского правительства. 6 марта 1921 г. в Хиве решением одного из подобных митингов это правительство было свергнуто и объявлено о создании до созыва II Всехорезмского курултая Ревкома из 5 человек, составленного по списку Пурхива.

Таким образом, в Хорезмской республике силами извне был снова совершен государственный переворот и низложено законно избранное младохивинское правительство.

Свою победу участники государственного переворота поторопились закрепить законодательно. 15 мая 1921 г. в Хиве был созван II Всехорезмский курултай. Его подготовка и работа проходили под непосредственным руководством полномочных представителей России. В Хиву сразу же после переворота, еще в начале апреля, прибыла чрезвычайная миссия Туркомиссии и Туркбюро Коминтерна во главе с Д. Гопнером.

Уже 8 мая 1921 г. Гопнер в своем сообщении Турк-

комиссии высказался против существующей, по сути младохивинской, Конституции Хорезмской республики, затрудняющей, по его мнению, политическую изоляцию «феодальной, торгово-ростовщической верхушки и реакционного духовенства» и развертывание процесса классового расслоения. В ответ 11 мая Туркомиссия сообщила Гопнеру для руководства выработанные ею тезисы о внесении изменений в Конституцию Хорезмской республики, предусматривавшие переименование высшего органа государственной власти республики из «курултая народных представителей» в «курултай Советов трудового народа», включение в Конституцию статьи о лишении избирательных прав приверженцев прежних ханских правительств, служителей религиозного культа и «паразитических элементов» (под этим обобщенным определением понимались, как это показали последующие события, широкие слои населения — состоятельные дехкане и ремесленники, использующие наемный труд, и т. д.).

Эти предложения Туркомиссии полностью вошли в новую Конституцию, утвержденную II курултаем. Они получили отражение и в других решениях курултая. Была предпринята попытка экономического давления на духовенство: под обстрел были взяты вакфы. Хотя курултай и не принял решения о конфискации вакфных земель, однако был введен налог в пользу государства с дехкан, работающих на этих землях[1]. Но это решение, направленное в своей основе против духовенства, не достигло цели, ибо дехкане в силу своих религиозных убеждений и исторических традиций не могли отказаться от взносов вакфам и таким образом оказались под двойным налогообложением.

В целом решения II курултая свидетельствовали об изменении курса в развитии Хорезмской республики: отказ от национально-демократического пути и становление на путь классового расслоения общества. Этот курс был закреплен осуждением на курултае политики младохивинского правительства как антинародной[2].

II курултай избрал новый состав Центрального Исполнительного Комитета во главе с Мухаммадраимом Аллабергеновым и Совет народных назиров, председа-

---

[1] История Хорезмской народной советской республики. Сб. док. С. 97—102.

[2] Там же. С. 87—88.

труда других, не могут избирать и быть избранными в Совет»[1].

По новой Конституции отменялась частная собственность на землю, весь земельный фонд объявлялся общенародным достоянием. На курултае был решен и столь остро стоявший вопрос о вакфах: «все вакфные земли облагаются единым сельскохозяйственным налогом, а крестьяне, сидящие на вакфных землях, не принуждаются к оплате вакфов»[2]. Эти и другие решения курултая, а также принятые вскоре в развитие их новые постановления, вызвали взрыв народного негодования во всех социальных слоях: от имущих слоев и духовенства, вытесненных не только из экономической, но и политической жизни, лишенных всех гражданских прав, до интеллигенции, недовольной выраженным им правительством недоверием; значительной части туркменского населения — недостаточным вниманием к их нуждам; дехканства и ремесленников, мелких и средних торговцев — решением земельного вопроса и новой системой налогообложения, в корне разрушавших прежние экономические отношения и отменявших старые налоги, освещенные не только религией, но и многовековыми привычками.

Все недовольные новым курсом потянулись к Джунаидхану — единственной силе, открыто выступавшей за независимость страны, сохранение ее обычаев и веры. Вооруженное повстанческое движение под руководством Джунаидхана являлось постоянно действующим фактором общественно-политической жизни Хорезма этих лет. Как известно, этот период был ознаменован усилением освободительного движения в Бухарской республике и в Ферганской долине. По свидетельству архивных материалов, главнокомандующий бухарских повстанцев Энвер Паша в это время предпринял решительные шаги по установлению связи с ферганскими и хорезмскими курбаши, объединению их сил под единым командованием. По этому вопросу между Джунаидханом и Энвером Пашой шли активная переписка и обмен доверенными лицами. В итоге весной 1922 г. в Хорезме активизируются военные действия Джунаидхана. Со всеми своими силами, насчи-

---

[1] Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. док. Т. 2.— М., 1960. С. 23.

[2] Там же.— С. 18.

тывающими около 15 тыс. человек, Джунаидхан развертывает наступательные операции против частей советских вооруженных сил. В упорных боях в апреле 1922 г. ему удалось занять город Порсу. Ожесточенное сражение развернулось в кишлаках Куня-Ургенча[1].

Командование Туркфронта пустило в ход все воинские части, дислоцировавшиеся в Хорезме. Кроме того, были приняты меры по ослаблению изнутри повстанческого движения. В результате переговоров с Гулямалиханом, перешедшим еще в 1920 г. к Джунаидхану, его снова удалось перетянуть на сторону большевиков и использовать верные ему туркменские отряды в борьбе против Джунаидхана. Тем не менее, несмотря на все эти ухищрения, командованию Туркфронта не удалось покончить с освободительным движением. Хотя в результате боев, прошедших в мае 1922 г., Джунаидхан был вынужден отступить, потеряв свои отборные части (курбаши Рахман Берди со своим отрядом попал в плен)[2], ряды его войска не поредели и пополнялись новыми добровольцами.

Под нажимом ЦК РКП(б) Исполнительное бюро ЦК ХКП 15 ноября 1922 г. принимает постановление «О чрезвычайных мерах по борьбе с калтаманами и басмачами». Совету народных назиров поручается организовать при ГПУ «Чрезвычайную тройку по борьбе с басмачеством», которая должна была немедленно приступить к работе и в течение 24 часов расстрелять «басмачей» и подозреваемых в оказании им помощи. В состав тройки вошли председатель Политического управления Хивинской армии (Баба Мухамаджанов), председатель Ревтрибунала (Мансуров), Председатель казахского отдела при Хивинском правительстве (Таган Абдуллаев)[3]. Чрезвычайные тройки, созданные в Хорезме, Бухаре и в Туркестанской АССР, оставили кровавый след в истории народов Средней Азии.

Нажим из Центра не прекращался. Под его давлением на сессии ЦИК Хорезмской республики 12 января 1923 г. было «признано», что существующее правительство не в состоянии своими силами бороться с «басмачеством», и решено просить у правительства

---

[1] ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д. 35, л. 1.
[2] См.: История ХНСР.— С. 167—168.
[3] ААП РУз, ф. 361, оп. 1, д. 112, лл. 35—36.

РСФСР «неотлагательной военной помощи»[1]. Документ с такой просьбой был подписан 4 февраля 1923 г. председателем ЦИК Хорезма Абдуллой Хожиевым. В нем открыто признавалось, что борьба с «басмачеством» не дает ожидаемых результатов.

Просьба очень быстро была удовлетворена: в Хорезм из Ашхабада и других городов были направлены самолеты, которые были использованы против Джунаидхана[2]. Одновременно командование Туркфронта стремилось отколоть от Джунаидхана предводителей туркменских родов. На созванном с этой целью 8 августа 1923 г. в крепости Тахта-Базар курултае вождей всех туркменских племен удалось достичь с ними мирного соглашения. Оно было подписано пятнадцатью вождями. Джунаидхан на курултае был объявлен врагом туркменского народа и советской власти[3].

С конца августа в боях против Джунаидхана на стороне войск Туркфронта приняли участие и туркменские отряды. В кишлаках активизировалась борьба против «местных басмачей», особые меры принимались по предотвращению контактов между ними и Джунаидханом[4].

Однако никакие меры не смогли задушить освободительное движение. Оно с новой силой разгорелось после принятия IV Всехорезмским курултаем (октябрь 1923 г.) курса о переходе республики к социалистическому строительству.

Подъем всенародного движения, которое официальными кругами квалифицировалось не иначе, как только «басмаческое», вызвало тревогу правительства. Уже через несколько дней после завершения IV курултая, сообщая Средазбюро ЦК РКП(б) об усилении «басмачества», оно запросило увеличения контингента советских войск в республике.

Несомненно, смысл освободительного движения заключался не столько в борьбе против социально-экономических преобразований, сколько против самой сущности навязываемых народу социалистических устоев, не соответствовавших его нравственным, моральным и духовным ценностям. И это наглядно продемонст-

---

[1] ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д. 4, лл. 273—274.
[2] Там же, д. 25, лл. 282—283.
[3] История ХНСР. — С. 230.
[4] ЦГА РУз, ф. 71, оп. 1, д. 172, лл. 30—40.

рировали предпринятые в конце 1923 г., но окончившиеся неудачей попытки официальных кругов начать мирные переговоры с Джунаидханом. Выдвинутые им условия перемирия сводились к требованиям: 1) вывести советские войска из Хорезма; 2) предоставить полную свободу шариату; 3) всех бывших хакимов и аксакалов восстановить в своих должностях; 4) отменить налоги и патенты и т. д.[1].

Предотвратить народный взрыв не удалось. После неудачных переговоров духовенство от имени Джунаидхана обратилось к населению с воззванием о восстании. Оно началось с выступления Джунаидхана, возглавившего большую часть туркмен на границе Хорезмского оазиса, и восстания в Хазараспе и Питняке — районах, наиболее густо заселенных узбеками, с большим количеством духовенства и обилием вакфных владений.

Движение разрасталось и принимало массовый характер. Средазбюро в письме ЦК РКП(б) от 24 февраля 1924 г. сообщало, что оно захватило сравнительно широкие слои населения[2].

Волны национально-освободительного движения, охватывая всю территорию страны, докатились и до стен Хивы. С 23 по 28 января 1924 г. продолжалась осада города, в которой принимали участие до 10 тыс. вооруженных всадников и пехоты Джунаидхана[3]. Под крепостными стенами Хивы шли ожесточенные кровопролитные бои. Большевистскому руководству для окончательного разгрома «мятежников» пришлось спешно ввести не только дислоцированные в Хорезмской республике военные силы, но и действующие части Туркфронта, вплоть до авиации, которые затем огнем и мечом прошлись по всей территории республики.

---

[1] Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников.— Т., 1957. С. 468—469.

[2] РЦХИДНИ, ф.62, оп.1, д.66/1, л.86.

[3] Данные о численности осаждавших Хиву, приводимые в литературе, весьма противоречивы. Цифра в 10 тыс. чел. приводится в книге «История Хорезма с древнейших времен до наших дней» (Т., 1976. С. 173). Но в ней, тем не менее, отмечается, что к началу осады Хивы у восставших насчитывалось до 4 тыс. вооруженных всадников и пехоты; в работе И. В. Погорельского «История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики» (с. 200) отмечается, что к 23 января Хива была окружена отрядами Джунаидхана и Агаджи Ишана, насчитывавшими в общей сложности от 1500 до 2000 чел.

В последней военной экспедиции против Джунаидхана участвовал 4-й кавалерийский полк Туркестанского фронта с большим караваном вьючных верблюдов (около 3 тыс.) и в сопровождении 9 самолетов, подкрепленных туркменскими всадниками Яхши Гельды. 8 апреля 1924 г., приняв последний бой у железнодорожной станции Кизил Арват, Джунаидхан с остатками отряда перешел персидскую границу.

Острый характер освободительного движения несколько отрезвил коммунистов. Средазбюро ЦК РКП(б) 20 февраля 1924 г. прямо отмечало: «Чисто классовая политическая линия, резко взятая ЦК ХКП... не имела под собой в условиях Хорезма достаточной почвы». По его рекомендации в республике был осуществлен целый ряд мероприятий, свидетельствовавших об отступлении руководства республики от проведения классовой политики, смягчении провозглашенного курса на социалистическое строительство[1]. В Конституцию было внесено дополнение о расширении избирательных прав, которое коснулось зажиточного дехканства, кустарей, применяющих наемный труд и лично участвующих в производстве; также был пересмотрен порядок обложения налогами и их сбора, ликвидировано двойное налогообложение кустарей; заявлено о неприкосновенности вакфных владений; объявлено об амнистии участников повстанческого движения, добровольно сложивших оружие. Были приняты меры и по улучшению хозяйственного положения республики.

Особое внимание было обращено на установление контактов и примирение с повстанческими силами Джунаидхана, который вскоре вновь вернулся в Хорезм. 18 ноября 1924 г. начались переговоры между представителями Джунаидхана и членами чрезвычайной тройки ЦИК Хорезма. Как трезвый, опытный политик, Джунаидхан верно оценивал сложившуюся ситуацию: семь лет неустанной борьбы с большевистским режимом не могли не сказаться на моральном и физическом состоянии участников сопротивления. В целях сохранения их сил он соглашается на прекраще-

[1] *История Хорезмской народной советской республики. Сборник документов*, С. 311—312.

ние борьбы, а сам после долгих переговоров сдается представителям советской власти[1].

Но все это не могло коренным образом изменить политическую ситуацию в стране. Незатухающее народное сопротивление в Хорезме, как и в Бухаре и Туркестане, являясь постоянно действующим фактором их общественно-политической жизни, переросло в широкое освободительное движение в защиту государственности, незыблемости своего образа жизни, веры, исторических традиций, о фронтальном наступлении на которые наглядно свидетельствовала предыдущая практика большевистских преобразований.

2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХОРЕЗМА

Под бдительным идеологическим контролем ЦК РКП(б) Хорезмская компартия, со временем все больше «очищаясь» от «нежелательных элементов», настойчиво внедряла советскую модель общественного развития. С ее помощью развернулась масштабная борьба против местных «национал-уклонистов», стремившихся реализовать обещанное право на «национальный суверенитет». Обеспечению линии на централизацию управления и закрепление зависимости от Центра содействовали также создаваемые в Хорезме представительства союзных наркоматов, СредазЭКОСО.

Однако представители местной национальной интеллигенции, деятели джадидского движения — младохивинцы, входящие на первом этапе в состав формирующихся властных структур, мужественно сопротивлялись этой порочной линии. Даже те из них, кто после разгона джадидских организаций по тем или иным мотивам перешли в ряды ХКП, оставались верны идеям поэтапно-эволюционного проведения назрев-

---

[1] На I съезде Советов Туркменской ССР, состоявшемся в феврале 1925 г., по требованию главы правительства новообразованной республики К. С. Атабаева Джунаидхан был прощен и ему было разрешено проживать в родном ауле. Но 19 сентября 1927 г. Джунаидхан вновь возглавил восстание против советской власти. По решению СНК и ЦИК Туркмении он был объявлен вне закона. Во многих аулах районов Тахта и Куня-Ургенча Ташаузского округа восставшие свергли советскую власть. Но вскоре войска Джунаидхана потерпели поражение.

Продолжавший с некоторыми перерывами до 1931 г. борьбу на территории современных Туркменистана и Каракалпакии, а также Хорезмской области Узбекистана Джунаидхан в конце концов навсегда уходит через территорию Ирана в Афганистан. Умер он в эмиграции в 1938 г.

ших социально-экономических реформ, приоритетного учета в процессе общественного переустройства интересов коренного населения, создания правового демократического государства. В их среде сформировалась оппозиция большевистскому курсу крутой ломки сложившегося уклада жизни местных народов.

Большевистские эмиссары Центра проявили недюжинную энергию при конструировании рычагов коммунизации Бухары и Хорезма. При этом они опирались в первую очередь на боевую мощь Красной армии.

Одним из ключевых направлений «хивинской революции» явилось осуществление соответствующих идеологии социалистического строительства аграрных преобразований. Однако изначально в концептуальных подходах к решению аграрного вопроса определились две методологических линии: «младохивинская» и советская — коммунистическая. На раннем этапе «послефевральского» развития между ними отмечалось определенное сходство, но по мере укрепления позиций советской власти все более отчетливо проявлялись расхождения.

Младохивинцы неуклонно подходили к стратегии модернизации хивинского общества, в том числе аграрной сферы, с позиций сбережения национальных устоев, использования нравственного потенциала исламской религии и законов шариата. Принципиальное значение придавалось ими сохранению частной собственности на средства производства, в том числе землю.

Аграрная программа большевиков, как известно, предусматривала тотальную национализацию всех земель, «освобождение трудового дехканства от всех форм эксплуатации», включая отмену аренды и наемного труда, объединение единоличных хозяйств в коллективные. Вместе с тем особенности стратегии перехода Хорезмской республики к социализму через «народно-демократический этап» определили тот факт, что с подачи Центра аграрная программа хорезмских коммунистов нацеливала на данном этапе лишь на решение локальных задач «социалистического обновления»: национализацию земель хана, его родственников, беков и передачу этих земель безземельным и малоземельным дехканам, освобождение «трудового дехканства» от многочисленных налогов, ограничение «эксп-

луататорских возможностей нетрудовых хозяйств», осторожный переход к социализму.

Однако в рядах ХКП не было идейного единства в подходах к темпам разрешения аграрного вопроса. Здесь сформировались две группы: умеренные и левые. Умеренные, будучи в своей основной массе выходцами из младохивинцев, блокировались с ними на начальном этапе «революции» по многим ключевым направлениям национального развития. Левые же предлагали максимально взвинтить темпы социалистического аграрного реформирования уже на «революционно-демократическом» этапе, осуществив всеобщую национализацию земли, ее конфискацию не только у хана, беков, но и у зажиточных слоев сельского населения, религиозных учреждений. Причем позиции левых предельно радикализированных коммунистов были достаточно сильны. И в принципе они отвечали интересам большевистского руководства Центра.

Тем не менее политическая линия младохивинцев в решении аграрного вопроса нашла отражение в программных документах I Всехорезмского курултая народных представителей (апрель 1920 г.). Так, согласно принятой на курултае Конституции конфискации подлежали недвижимое имущество и земли, принадлежавшие только хану, его потомкам и высшим чиновникам бывшей ханской администрации. Вакфные и «байские» земли охранялись законом. Сохранялась частная собственность на землю и средства производства[1].

На основании решений I курултая народный назират земледелия национализировал земли хана, его семьи и беков. Общая площадь конфискованных земель составила около 200 тыс. танапов[2].

Акции, предпринимаемые «младохивинским» правительством, способствовали росту его авторитета среди коренного населения. Укреплялись позиции младохивинцев, представлявших оформившееся политическое движение и в других властных структурах. Напротив, местные коммунисты, организационно не объединенные в мобильную партию, не обладали заметным политическим весом. Такая ситуация не устраивала большевистское руководство Центра. Ведь младохивинцы имели собственную концепцию национального

---

[1] Съезды Советов в документах. 1917—1936 гг. — М., 1960. С. 507.
[2] ЦГА РУз, ф.71, оп.1, д.164, л.53.

развития, предполагавшую укрепление национального суверенитета, модернизацию экономики, в том числе сельского хозяйства, не на социалистических, а здоровых рыночных началах.

Чтобы радикально изменить сложившуюся расстановку политических сил и обеспечить выполнение программы социалистического строительства, необходимо было, по мнению большевистских вождей, заложить в ХНСР прочные основы советской власти, устранив с политической арены оппозиционеров.

Принципиальное значение придавалось стимуляции классового расслоения кишлаков и аулов. Здесь базисная опора партии виделась в создании организаций типа комбедов. Так, Политуправление при назирате военных дел ХНСР своим письмом от 15 января 1921 г. в адрес ЦК ХКП предложило: «1) Организовать в каждом кишлаке ячейки ХКП и 2) для отделения бедноты от эксплуататоров — баев кишлака и повышения ее классового самосознания во всех кишлаках Хорезмской республики создать комитеты бедноты и оказывать им помощь»[1].

На основании этого письма в январе 1921 г. в ХНСР была создана классовая организация дехкан, которая называлась первоначально дехканским комитетом, затем союзом безземельных и малоземельных дехкан, а позже — союзом «Кошчи». К началу марта 1921 г. удалось организовать 12 районных дехканских комитетов, каждый из которых объединял несколько аульных и кишлачных комитетов. К концу 1921 г. в дехканских комитетах Хорезмской республики было объединено более 2600 батраков и малоземельных дехкан[2].

Классовые крестьянские организации способствовали нагнетанию гражданского противостояния на селе. Они призывали узбекскую, каракалпакскую и казахскую бедноту к разделу вакфных земель и поместий крупных землевладельцев, к изгнанию из местных органов власти бывших «ханских чиновников» и «ставленников младохивинцев».

Эта линия была закреплена на II Всехорезмском курултае Советов. Курултай рассмотрел земельно-водный вопрос. Вакфная собственность, по примеру ТАССР, была объявлена религиозным институтом, от-

---

[1] ААП РУз. ф. 361, оп. 1, д. 60, л. 29.
[2] Алимов И. А. Указ. соч.— С. 85.

деленным от государства, а уплата за арендуемые вакфные земли была признана частным делом граждан. В результате все религиозные культурно-просветительские учреждения оказались фактически лишены источников существования.

На социалистические рельсы ставилась система землепользования, объявлялось, что правом пользования землей обладают только те, кто обрабатывает ее личным трудом.

Пристальное внимание было уделено активизации процессов вовлечения дехканских масс в «социалистическое строительство» на селе и мобилизации их на «борьбу против эксплуататоров». В этих целях в декабре 1921 г. на базе дехканских комитетов был учрежден союз безземельных и малоземельных дехкан. Важнейшей задачей Союза провозглашалось усиление роли «трудового» дехканства в проведении социалистических преобразований в аграрной сфере. К концу 1922 г. союзы безземельных и малоземельных дехкан действовали в 30 районах республики. Они насчитывали в своих рядах около 4,6 тыс. членов[1].

О характере деятельности этой классовой дехканской организации можно судить по материалам проходившего с 25 ноября по 2 декабря II курултая союза безземельных и малоземельных дехкан. В частности, выступивший на съезде председатель ЦК союза Б. Атаджанов в своем докладе указал, что национализированные ханские земли распределяются дехканской организацией совместно с земельными органами только между безземельными и малоземельными дехканами и что выдача этих земель нетрудовым хозяйствам запрещается. Дехкане, получившие земли из государственного земельного фонда, не имели права продавать и сдавать их в аренду. Сдача этих земель в аренду допускалась с разрешения ЦК союза и назирата земледелия государственным служащим и дехканским хозяйствам, ослабленным вследствие отсутствия рабочих рук и сельскохозяйственного инвентаря[2].

Курултай обязал ЦК союза провести наделение безземельных и малоземельных дехкан национализированной ханской землей. В решении курултая по земельно-водному вопросу было указано, что если наци-

---

[1] РЦХИДНИ, ф.17, оп.67, д.202, л.346.
[2] ЦГА РУз, ф. 2580, оп. 1, д. 5, лл. 39—40.

онализированных земель будет недостаточно, то следует конфисковать земли «нетрудовых» хозяйств и передать их нуждающимся «трудовым» дехканским хозяйствам.

Особое внимание на съезде было уделено «освобождению дехкан от эксплуатации ростовщиков». Как и в Туркестане, в хорезмском кишлаке дехкане, нуждающиеся в кредитах, получали денежные ссуды под довольно высокий процент преимущественно у баев и ростовщиков. Выдача ссуды оформлялась казиями, местными судьями и финансировалась в так называемых казы-хатах, представляя собой вполне законную финансовую процедуру. Но курултай посчитал, что она содействует разорению трудового дехканства, и обратился в Президиум ЦИК с просьбой принять соответствующее постановление по данному вопросу. Президиум ЦИК ХНСР 24 декабря 1922 г. рассмотрел вопрос о казы-хатах и запретил оформление и выдачу ссуд на этих условиях[1]. В результате ростовщики стали выдавать ссуду на «теневой» основе и с более высокими учетными ставками.

Важное значение придало руководство курултая идейно-организационному укреплению союза. В принятой по данному вопросу резолюции в качестве первоочередной выдвигалась задача повышения политической активности «трудового» дехканства, всемерного вовлечения его в ряды союза. В контексте ее практического претворения в последующем была проведена энергичная организационная работа. На 1 февраля 1923 г. в республике действовали уже 9 уездно-районных комитетов, 25 волостных комитетов и 50 кишлачных ячеек Союза дехкан[2]. Число членов союза составило около 10 тыс.[3].

В центре внимания Союзов дехкан находилось решение курултая о наделении безземельных и малоземельных дехкан землей и инвентарем. ЦК Союза дехкан в июне 1923 г. отмечал, что 1300 безземельным и малоземельным дехканам передано около 14 тыс. танапов земли. Земля выдавалась из государственного земельного фонда органами назирата земледелия по удостоверениям ЦК Союза дехкан[4]. Эта мера была не

---

[1] ЦГА РУз, ф. 2580, оп. 1, д. 5, л. 3; ф. 71, оп. 1, д. 30, л. 55.
[2] ААП РУз, ф.361, оп.1, д.432, л.1.
[3] Там же, ф.60, оп.1, д.3063, л.4.
[4] Алимов И. А. Указ. соч.— С.88.

случайна. Она обеспечивала, во-первых, государственный контроль за распределением земли, а во-вторых, была призвана содействовать наращиванию рядов союза как классовой организации дехканства, опоры советской власти на селе.

Члены Союза дехкан в традиционном ключе брали на учет «нетрудовые хозяйства», изыскивали «излишки» земли. Так, только весной 1923 г. дехканские классовые организации выявили 5 тыс. танапов земель, «подлежащих национализации и неизвестных земельным органам». Эти земли были учтены властными структурами и включены в государственный земельный фонд.

Однако в целом Союз безземельных и малоземельных дехкан, несмотря на предпринимаемые усилия, не смог превратиться в массовую общественную организацию. Так, на конец 1923 г., по данным ЦК Союза, количество его членов составляло всего 20 тыс. человек. Причем, членов союза, плативших взносы, было лишь около 10 тыс. человек[1]. Подобное положение не удовлетворяло большевистское руководство республики. Кроме того, оно считало, что действующая дехканская организация сильно засорена «классово-чуждыми элементами». В целях политической боеспособности Союз дехкан по решению правительства был реорганизован в конце 1923 г. в союз «Кошчи». Идейное руководство его практической деятельностью возложено на Исполбюро ЦК ХКП[2].

Внутренне противоречивой выглядела экономическая политика. В ней сложно переплетались парадигмы «военно-коммунистического» мышления и принципы нэпа, идеологии «народно-демократических» преобразований и большевистские проекты ускоренного перехода к социалистическому этапу развития.

Между тем в сельской экономике Хорезма начала 20-х годов усилились кризисные явления. Ирригационная сеть оказалась разрушенной. Резко сократились площади посевов и численность скота. К примеру, в 1913 г. производство хлопка составляло до 2 млн пудов, площадь посева хлопчатника — 30% всей пашни и достигала 90 тыс. дес. В 1921 г. площадь посева хлопка упала до 4 тыс. дес., а производство хлопка —

---

[1] ААП РУз, ф.361, оп.1, д.432, лл. 9—10.
[2] Там же, ф. 60, оп. 1, д. 3063, л. 4.

до 25 тыс. пудов. Количество скота уменьшилось более чем в 3 раза[1]. Резко ухудшились условия жизни дехкан. Голод и эпидемии опустошали селения. Пришли в упадок промышленность, кустарные промыслы, транспорт, торговля. В стране ощущался, особенно в кишлаках, острый дефицит самых необходимых товаров широкого потребления.

В подобной обстановке восстановление народного хозяйства, прежде всего его базовой сельскохозяйственной отрасли, приобретало приоритетное значение.

Одним из структурных элементов решения восстановительных задач явилось введение в июле 1921 г. ЦИК Советов ХНСР продовольственного налога. В соответствии с классовым подходом основная его тяжесть возлагалась на зажиточные хозяйства. Маломощные дехкане, обрабатывавшие до 1,5 танапа, и семьи красноармейцев, имевшие до 3 танапов земли, полностью освобождались от уплаты налога. Позднее от внесения продналога были освобождены хлопкосеющие хозяйства.

Энергичные усилия были предприняты по проведению аграрной реформы. Уже в 1921—1922 гг. правительство республики национализировало свыше 400 тыс. танапов земли, принадлежавшей хану и крупным ханским чиновникам. Из национализированного фонда безземельным и малоземельным дехканам стали выделяться участки от 2 до 20 танапов на семью[2]. Подавалась эта акция как реальное выражение справедливого перераспределения земли, умелое решение острого аграрного вопроса. Однако на самом деле маломощные дехкане получили крайне незначительную долю от общей национализированной земельной площади. Так, до середины 1922 г. безземельным и малоземельным дехканам было отведено лишь 20 тыс. танапов. В 1923 г. дополнительно оказалось выдано 9247 танапов земли[3], иными словами, примерно десятая часть национализированного фонда. Основная же часть передана на арендных началах отдельным дехканским хозяйствам и ширкатам (товариществам), призванным стать ячейками зарождения коллективизированного сельского хозяйства. При этом арендная плата, взима-

---

[1] ЦГА РУз, ф.73, оп.1, д.6, л.44; ф.72, оп.1, д.260, л.71.
[2] Там же, д.164, л.53; д.4, л.107.
[3] ААП РУз, ф.361, оп.1, д.432, л.9.

емая государством, составляла одну треть и более урожая.

На восстановление аграрного сектора республики существенное влияние оказали такие нэповские меры, как кредитование крестьян на льготных условиях через специально созданный дехканский банк; содействие в приобретении сельхозинвентаря, скота; предоставление дехканам возможности самостоятельно продавать выращенную сельхозпродукцию. К примеру, в 1921 г. дехканам туркменских районов ХНСР было выделено 1 млн руб. долгосрочной ссуды. В 1922 г. им было роздано более 1,5 тыс. пудов семян. Вместе с тем осуществляемая кредитная политика, как и иные экономические акции, строилась на строгой классовой основе. Помощь государства оказывалась преимущественно «трудовому дехканству» и главным образом через кооперативные организации, получившие широкое распространение в ХНСР.

Предметом особой заботы политического руководства Хорезмской республики выступало хлопководство. Как и в ТАССР, побудительными мотивами обостренного к нему внимания явились политико-экономические интересы российского правительства.

В целях централизованного руководства и развития хлопкового дела в ХНСР постановлением правительства при Хорезмском экономическом совете в июне 1921 г. было организовано специализированное Хлопковое бюро[1]. Его основные задачи сводились к приему национализированных хлопковых и маслобойных заводов РСФСР, подлежащих передаче ХНСР согласно союзному договору, заключенному в сентябре 1920 г. между Россией и Хорезмом; организации посева хлопка, авансированию дехкан, скупке, переработке хлопка-сырца на хлопкозаводах.

Для создания у дехкан материальной заинтересованности в наращивании хлопкопроизводства сеявшим хлопок предоставлялись различные льготы, выдавались под относительно небольшие проценты долгосрочные ссуды, уменьшались или совсем отменялись налоги. Так, за каждые 50 пудов сданного хлопка-сырца, кроме оплаты их стоимости, дехканам выдавалась премия: 2 кетменя, 6 фунтов колесной мази,

[1] ЦГА РУз, ф.73, оп.1, д.1, л.3.

5 пудов семян для посева, 50 фунтов соли, 90 аршин мануфактуры[1].

Активное участие в реализации хлопковой политики в хорезмском кишлаке принимали хлопковые органы РСФСР. В частности, выдачу хлопковых семян и авансов хлопкоробам через кооперативы до организации Хлопбюро проводил в 1921 г. полпред РСФСР в Хорезме. Затем установились тесные связи между Главхлопкомом и Хлопковым бюро. К концу 1921 г. Хлопбюро получило от Главхлопкома и роздало хлопкоробам 97 млн руб. денег, мануфактуры — 95987 аршин, керосина — 1549 пуд., спичек — 100 тыс. коробок, ниток — 6650 катушек[2].

В результате растущего использования механизмов нэповского реформирования в сельском хозяйстве Хорезма обозначились тенденции оживления. Уже в 1922 г. общая посевная площадь республики по сравнению с предыдущим годом расширилась в 4 раза. Тем не менее процесс восстановления протекал неоднозначно. Так, например, несмотря на то, что в феврале 1922 г. ХорЦИК отпустил хлопковому бюро для организации посевной кампании и кредитования дехкан 250 млн руб. (в знаках 1922 г.), посевная площадь под хлопчатником в процентном отношении была увеличена очень незначительно[3].

Как обоснованно заметил И. А. Алимов, главным недостатком хлопковых кампаний 1921 и 1922 гг. была чрезвычайно низкая цена хлопка, установленная наркоматом торговли и промышленности ХНСР. Эквивалентом пуда хлопка был пуд пшеницы, в то время как в «довоенные» годы стоимость пуда хлопка равнялась стоимости 3—3,5 пудов пшеницы[4]. Ошибочная политика Хорназторгпрома, связанная с установлением цен на хлопок, смыкаясь с растущими продовольственными проблемами, побудила дехканство обращаться больше к производству зерновых культур, а не хлопка.

В феврале 1923 г. в целях активизации хлопкопроизводства было учреждено Русско-хорезмское государственное хлопковое паевое товарищество (Хорхлопок).

---

[1] История Узбекской ССР. Т., 1974. С.319.
[2] ЦГА РУз, ф.73, оп.1, д.20, л.35.
[3] Там же, д.6, л.45.
[4] Алимов И. А. Указ. соч.— С.96.

Организаторами Хорхлопка являлись на правах пайщиков Главхлопком и ЭКОСО ХНСР, хотя первый, обладая большими финансовыми возможностями, играл определяющую роль.

Создание Хорхлопка обеспечило хлопководство твердой финансовой базой и расширило масштаб работ по восстановлению хлопкопроизводства. Посевная площадь хлопка в 1923 г., по данным Главхлопкома, составила 9,5 тыс. дес. В 1924 г. она возросла до 18 тыс.[1]. Валовой урожай хлопка увеличился в 1924/25 хозяйственном году по отношению к 1921 г. со 100 тыс. до 800 тыс. пудов[2].

Вместе с тем, говоря о позитивных сдвигах в наращивании объемов хлопкопроизводства, следует отметить, что они сопровождались негативными процессами его государственной монополизации. Главхлопком, верный своей политике, настойчиво требовал от правительства ХНСР монопольных прав. Под административно-экономическим нажимом Совет народных назиров принял ряд декретов, «облегчающих» работу Хорхлопка. Так, постановлением от 20 июня 1924 г. СНН Хорезмской республики запретил всем, за исключением Хорхлопка, заниматься скупкой хлопка. Этим же постановлением были предельно ограничены операции частного капитала по скупке хлопка-сырца[3]. Специальным постановлением ЦИК и СНН Хорезмской республики все хлопкоочистительные заводы на территории Хорезма были национализированы и переданы в ведение товарищества[4].

Подобная противоречивая картина наблюдалась и в других отраслях аграрного производства и всей экономики в целом.

С дистанции времени отчетливо видно, что обозначившиеся к 1923 г. подвижки в народном хозяйстве республики важно было закрепить и умножить дальше на основе нэповского курса и усиления демократических начал во всех сферах общественной жизни. К сожалению, большевистское руководство Центра, неудовлетворенное темпами советизации Хорезма, посчита-

---

[1] Отчет о деятельности Главхлопкома за время с 1 июля 1922 г. по 1 июля 1923 г. — М., 1924. С.33.

[2] ЦГА РУз. ф.73, оп.1, д.13, л.68.

[3] Там же, ф.473, оп.1, д.7, л.128.

[4] Там же, лл. 129—130.

ло, что уже сложились объективные предпосылки перехода от «народно-демократического» этапа к «социалистическому» развитию. Оно было заинтересовано в том, чтобы на базе форсирования процессов становления «социалистического строя» ускорить большевизацию Хорезмской республики и ее вхождение в состав советского унитарного государства.

Под мощным напором союзного правительства и Средазбюро ЦК РКП(б) состоявшийся 20 июня 1923 г. II съезд Хорезмской компартии в своих программных документах зафиксировал, что Хорезм уже якобы успешно прошел этап «революционно-демократического развития» и подготовлен к переходу «от народного советского к советско-социалистическому этапу». Практическую реализацию идейных установок II съезда ХКП на «большой скачок» осуществил IV Всехорезмский курултай Советов (октябрь 1923 г.). Наряду с лишением избирательных прав «нетрудовых элементов» новая Конституция, утвержденная курултаем, отменила частную собственность на землю. Весь земельный фонд, в том числе вакфные земли, объявлялся государственной собственностью.

Правительство Хорезмской ССР, идейно и экономически поддерживаемое Центром, активно приступило к ускоренной перестройке экономической и политической жизни страны на социалистических началах. Прежде всего вновь обрушились гонения на «эксплуататорские слои». Из местных советов решительно изгонялись так называемые «байско-кулацкие» элементы, чиновники бывшей ханской администрации, неугодные советскому режиму лица. Была запрещена деятельность суда казиев и спешно организовывались советские суды, проведена масштабная конфискация вакфов, резко повысилось налогообложение предпринимателей, представителей зажиточных групп населения, торговцев.

Жестокий террор обрушился на духовенство и верующих. Властные органы в погоне за темпами «социализации» фактически прибегли к методам «атеистического экстремизма». Своими действиями они оскорбляли религиозные чувства населения. В частности, во многих местах населению запрещалось отправлять религиозные обряды, женщин насильно заставляли ходить без паранджи, девочек обязывали учиться вместе с мальчиками, закрывались мечети и мазары.

Подобная «социалистическая перестройка» вызвала взрыв возмущения среди разнообразных слоев хорезмского общества, в первую очередь дехканства. Энергия протеста вылилась в невиданную волну национального сопротивления. Оно было жестоко подавлено с помощью красноармейских частей. И хотя политическая ситуация к концу 1924 г. относительно стабилизировалась, тем не менее широкие массы коренного населения, хорезмское дехканство оставались настроены антисоветски. Советская власть была привнесена в Хорезм извне и на всем протяжении существования Хорезмской республики опиралась на красноармейские штыки.

Заключительная глава

НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ. ОБРАЗОВАНИЕ УЗБЕКСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

31 января 1924 г. Оргбюро ЦК РКП(б) на своем заседании среди прочих пунктов повестки дня рассмотрело вопрос о национально-территориальном размежевании Туркестанской, Бухарской, Хорезмской республик и поручило Я. Э. Рудзутаку предварительно обсудить с ответственными работниками этих республик возможность его практического претворения в жизнь[1]. Возникновение этой идеи имеет свою предысторию, тесным образом связанную с событиями первых лет 20-х годов: выступлением Т. Рыскулова и постановлением ЦК РКП(б) от 29 июня 1920 г. о перераспределении административных округов Туркестана в соответствии с его национальным составом. Уже первая попытка претворения в жизнь этого постановления выявила неприятие его коренным населением.

Особенно заметно это мероприятие отозвалось на повстанческом движении. Большевистское руководство Туркестана, отмечая обостренный характер повстанческого движения в Ферганской долине осенью 1920 г., было вынуждено признать основными его причинами осуществление советской властью ярко выраженной классовой политики в кишлаке, а также выдвижение в повестку дня вопроса «о национальном самоопределении коренных народов Туркестана»[2]. В эти годы, с осени 1920 по 1923 г. это движение приняло особый размах как по масштабам вовлеченных в него участников, так и по накалу борьбы. Оно вслед за

---

[1] См.: История коммунистических организаций Средней Азии. — С. 726.

[2] Иностранная военная интервенция... Документы и материалы. Т. 2.— С. 686.

Ферганской долиной охватило Самаркандскую область, перекинулось в Бухарскую и Хорезмскую республики.

Независимость Хорезмской и Бухарской республик носила к концу этого периода весьма призрачный характер. Фактически они ее уже утратили. С экономическим объединением трех республик и созданием Средазэкономсовета, включением коммунистических партий Хорезма и Бухары в состав РКП(б) и образованием Средазбюро ЦК РКП(б), заключением новых экономических соглашений России с Бухарой и Хорезмом, унификацией денежного обращения, основой которого был признан российский червонец, и т. д. — политические, экономические, финансовые рычаги управления этими государствами оказались в руках большевистского руководства Центра.

Идея 1920 г. о размежевании Туркестанской республики, входившей в РСФСР, трансформировалась в более масштабную задачу — включение в размежевание территории не только Туркестанской республики, но и Бухарской и Хорезмской республик, юридически являвшихся еще независимыми суверенными государствами. Постановка вопроса о размежевании Средней Азии не вызвала в Центре никаких сомнений в его правомерности. Она отражала общие тенденции, явно наметившиеся к этому времени в партийном руководстве Центра.

Уже на первом после образования Союза ССР партийном съезде — XII съезде РКП (апрель 1923 г.) — прения по национальному вопросу выявили недовольство практикой союзного строительства: принципами административного устройства, формами государственных взаимоотношений внутри Союза, пределами компетенции Центра, продолжающейся русификаторской политикой и др. Констатируя, что «союзное строительство пошло по неправильному пути», участники прений усматривали основные причины этого в набирающих силу тенденциях администрирования, волюнтаризма, централизаторских устремлениях Центра.

Уже в феврале 1924 г. в Бухару направляется член Средазбюро ЦК РКП(б), ответственный секретарь ЦК КПТ Абдулла Рахимбаев, где он выступил на совещании рукодящих работников БНСР с докладом о национально-территориальном размежевании. Совещание в принципе одобрило проведение размежевания.

25 февраля 1924 г. этот вопрос был поставлен на

обсуждение Пленума ЦК Бухарской компартии. С докладом на пленуме выступил Файзулла Ходжаев. Принятые пленумом за основу тезисы ЦК БКП были затем рассмотрены и доработаны комиссией ЦК БКП и утверждены на заседании его Исполбюро 10 марта 1924 г. В тезисах ЦК БКП признание необходимости и своевременности размежевания и образования «однородных национальных республик» обосновывалось целым рядом доводов:

— Туркестан, Бухара и Хорезм — якобы искусственно сложившиеся государственные образования, отличающиеся особой остротой национальных процессов. Их многонациональность, идентичность по входящим в них национальным общностям Средней Азии негативным образом отражается на состоянии общества. Ибо, с одной стороны, сложное, не поддающееся урегулированию взаимодействие между народностями «с противоположностью интересов, как культурно-национального, так и экономического характера» порождает бесконечные трения и вражду между ними. С другой, сохранение «разделенных» народностей, препятствуя их консолидации, «могло бы лишь задержать развитие сил каждого народа и способствовать их замкнутости и культурной отсталости»';

— укрепление внешнего и внутреннего положения Союза ССР, «рост сознательности и революционности» трудящихся Средней Азии создали предпосылки для ликвидации «искусственно воздвигнутых» границ и объединения однородной «как по национальному признаку, так и формам хозяйства и быта» каждой народности Средней Азии «в отдельную самостоятельную единицу, политически и экономически представляющую одно целое»[2].

Однозначно трактуя национальное размежевание Средней Азии как важный этап претворения в жизнь декларированного Компартией права национальностей на самоопределение, Исполбюро ЦК БКП предложил предварительную, как отмечалось в тезисах, схему размежевания: образование в Средней Азии Узбекской, Туркменской союзных республик, автономной Таджикской области в составе Узбекской республики, а также объединение казахских районов Туркестана с Казахе-

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 4269, л. 41, 42.
[2] Т а м ж е, л. 42.

кой республикой. Особым пунктом оговаривалось вхождение вновь создаваемой Узбекской республики на «добровольной основе» в состав СССР[1].

По подобному сценарию развивались события и в Компартии Туркестана. Предварительно, как и в Бухаре, 10 марта 1924 г. было созвано совещание ответственных работников ЦК КПТ и ТуркЦИК, на котором, по заявлению докладчика А. Рахимбаева, предполагалось в частном порядке выявить мнение ответственных работников о возможности размежевания и образования национальных республик, «какие способы найти с тем, чтобы этот вопрос разрешить более или менее благоприятно, безболезненно»[2].

В своем докладе А. Рахимбаев сделал особый упор на обострении «межнациональных отношений» в регионе. В доказательство был приведен целый ряд фактов: выдвижение в 1921 г. на съезде казахов Туркестанской республики требования о выделении их в отдельную республику; требования руководителей Казахской республики, неоднократно ставившиеся перед ЦК РКП(б), а также на XI съезде РКП(б) в 1922 г., о присоединении к ней казахских районов Туркестана; выраженное съездом туркмен Туркестана стремление к созданию своей республики; подобные же притязания туркменских работников Хорезма и Бухары, в частности острейшие разногласия между туркменскими работниками и правительством Бухары, получившие широкую огласку на XII съезде РКП и вызвавшие, по выражению докладчика, «съездовский скандал».

Но это было не единственной причиной проведения национально-территориального размежевания. Большевистское руководство СССР не могло не тревожить незатухающее пламя так называемого «басмаческого» движения. Однозначно отдавая приоритет социальному фактору в его взаимоотношениях с национальным, игнорируя последнее, оно вместе с тем столкнулось с такой ситуацией, когда решающая роль принадлежала именно этому последнему, как это было в условиях «басмаческого движения», когда было продемонстрировано сложившееся единство разных социальных слоев, разных национальностей. И эта тревога явственно прозвучала в докладе Рахимбаева[1]. И еще раз подтверждая, что размежевание Средней Азии по

АПП РУз, ф. 60: оп. 1, д. 4269, л. 3.

национальному признаку является единственным выходом для укрепления советской власти, Рахимбаев четко сформулировал истинную цель этого мероприятия: «...С точки зрения нашей партии эта организация (создание однородных национальных республик. — *Ред.)* выгодна потому, что если узбекский бедняк будет бороться с узбекским кулаком, туркменский бедняк с туркменским, киргизский — с киргизским, тогда у нас классовая борьба не будет затушевываться национальными моментами»[1].

Прения на совещании по обсуждению доклада Рахимбаева приняли неоднозначное направление. Хотя некоторые национальные партийные руководители (Асфендияров, Айтаков, Джургенов, Аралбаев и др.) поддержали его предложение о национально-территориальном размежевании и образовании национальных республик, однако были и противники. Часть оппонентов считала, что образование национальных республик преждевременно с точки зрения хозяйственной целесообразности. Паскуцкий, Цехер, Ходжанов и др., настаивая на создании соответствующей экономической базы, выступили за политическое объединение Туркестана, Бухары и Хорезма в одну республику по подобию Закавказской федеративной республики. Интересную мысль высказал Мамаев. Выступив против ликвидации исторически сложившихся в регионе государственных образований, он, в частности, особо подчеркнул, почему этого нельзя делать относительно Бухарской республики: «На это сейчас нельзя пойти, потому что Бухара имеет большое значение в мусульманском мире и Бухара в государственном значении имеет весьма устойчивую структуру. Бухарский капитал значительно культурнее и сильнее туркестанского капитала и он имеет вековой опыт, вековые торговые связи и его нельзя так просто разбить, эту мысль нужно будет пока отбросить...»[2].

Отсутствие единства мнений выступавших в прениях, очевидно, сыграло свою роль: совещание не выработало единой позиции. По предложению председательствующего на совещании И. Варейкиса было решено передать стенографическую запись совещания в Исполбюро ЦК КПТ.

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 4260, *л.* 5.
[2] Т а м ж е, л. 28.

Эти материалы были использованы созданной Исполбюро ЦК КПТ комиссией, которая высказалась за проведение национального размежевания. Окончательно этот вопрос был решен на состоявшемся 23—24 марта 1924 г. пленуме ЦК КПТ. На нем также отмечался огромный вред, наносимый национальными конфликтами советскому и партийному строительству. Пленум, признав необходимость национального размежевания, ограничил его, однако, пределами только Туркестанской республики: было намечено создать на ее территории три национальные республики — Узбекскую, Туркменскую и Казахскую. Таким образом, на этом этапе туркестанские партработники, несмотря на неоднократные требования о присоединении казахских областей Туркестана к Казахской республике, склонились в пользу создания еще одной, обособленной Казахской республики. Вместе с тем пленум поручил ЦК КПТ установить связь с партийными органами Бухары и Хорезма и совместными усилиями согласовать вопрос о национальном размежевании Средней Азии[1].

Неоднозначное отношение к национальному размежеванию складывалось у руководства Хорезмской компартии. Еще 3 марта 1924 г. на заседании Исполбюро ЦК партии в информационном порядке был заслушан доклад члена Средазбюро ЦК РКП И. Межлаука о национально-территориальном размежевании. Однако заседание ограничилось указанием о принятии доклада к сведению.

В середине марта в Хиве на собрании партийно-советского актива вновь был поставлен этот вопрос. Сделанный на нем членом Средазбюро ЦК РКП А. Рахимба'евым доклад вызвал широкий обмен мнениями. В принятом собранием постановлении было признано, что «Хорезмская республика размежевывается по национальному признаку, и соответствующие районы входят во вновь образуемые республики Средней Азии (Узбекскую, Туркменскую и пр.), в случае если таковые выделяются»[2].

Таким образом, за два месяца членам Средазбюро ЦК РКП удалось склонить руководство компартий Туркестана, Бухары и Хорезма к необходимости осуще-

[1] См.: История коммунистических организаций Средней Азии. С. 729; Гордиенко А. А. Создание советской национальной государственности в Средней Азии. - М., 1959. С. 156-157.

[2] ААП РУз, ф. 14, оп. I, д. 1229, л. 20.

ствления идеи о размежевании Средней Азии. 5 апреля 1924 г. член Средазбюро А. Рахимбаев доложил об этом на заседании политбюро ЦК РКП. Хотя заседание не приняло окончательного решения по этому вопросу, однако оно заявило, что одобряет предложение коммунистических организаций Средней Азии о национальном размежевании[1].

Так, постановкой доклада Рахимбаева «О Туркестане, Бухаре и Хорезме (об образовании национальной республики)» перед ЦК был создан прецедент: будто инициатива в возникновении идеи о размежевании исходила от самих республик.

Для окончательного решения вопроса политбюро обязало делегации КПТ, ХКП, БКП подготовить и привезти на XIII съезд РКП все необходимые материалы. Средазбюро было поручено представить в политбюро ЦК свои соображения о национально-территориальном размежевании с приложением географических карт[2].

На этом заканчивался первоначальный этап осуществления национально-территориального размежевания Средней Азии. Смысл его видится в том, что большевистское руководство Туркестана, Бухары и Хорезма послушно выполнило волю ЦК РКП и высказалось за размежевание и образование национальных республик.

Подробный анализ партийных документов этого этапа позволяет осмыслить механизм введения в действие идей, спущенных сверху. По совокупности выдвинутых каждым из руководящих органов коммунистических организаций Средней Азии положений по обоснованию необходимости и своевременности этой акции, предложений о формах реализации идеи размежевания, его значимости для последующих судеб среднеазиатских народов, по идентичности самих формулировок чувствовалась единая направляющая воля ЦК РКП, верным проводником которой стал Я. Рудзутак. Хотя он впервые обнародовал свою позицию лишь в мае 1924 г. на состоявшемся в Ташкенте VIII съезде Компартии Туркестана, однако содержание его доклада позволяет судить об истинном источнике идей и

---

[1] ААП РУз, ф. 361, оп. 1, д. 555, лл. 43—44.

[2] *Турсунов* Х. Т. Коммунистические партии Туркестана, Бухары и Хорезма в период национально-государственного размежевания Средней Азии. — Т., 1963. С. 41.

положений, выдвинутых в материалах руководящих партийных органов среднеазиатских республик на этом этапе[1].

И главное, только партийный функционер Центра, слабо знакомый со спецификой края, мог в угоду политическим соображениям содействовать рождению мифа о коренных различиях между народностями Средней Азии в плане устройства их быта, экономики, культуры.

Между тем следует отметить, что к этому времени уже вышли в свет труды, подготовленные специалистами, занимавшимися по заданию Среднеазиатского и Туркестанского экономических советов обследованием и изучением всей совокупности вопросов, связанных с проблемой объединения Бухары, Хорезма и Туркестана в Среднеазиатский экономический район. В одном из этих трудов, подготовленных такими известными учеными, как профессор Н. Димо, Ю. Пославский, Г. Черданцев и др., высказаны интересные положения, прямо относящиеся к рассматриваемой проблеме. В связи с этим представляется необходимым несколько подробнее остановиться на них. Указывая, что различные народности Средней Азии живут чересполосно и эта чересполосность является характерной как для Бухарской и Хорезмской республик, так и для Туркестанской республики, авторы усматривали главные причины этой чересполосности в общих природных условиях Средней Азии, а именно: чередовании орошенных оазисов, удобных для земледения, со степью и пустыней, пригодными только для скотоводов, а также с высокогорными областями, в которых как оседлая, так и кочевая культуры могли уживаться бок о бок. К числу причин были отнесены и происходившие стихийные исторические процессы: передвижение и перемешивание кочевых народностей. По мнению ученых, сильное смешение племен и народностей должно было само по себе вести их к постепенному слиянию и сближению. Поэтому, утверждается в книге, «не смотря на пестроту географического состава *культура Средней Азии* (выделено самими авторами труда. — *Ред.*) является, в сущности, культурой единой. Хотя кочевой быт рез-

---

[1] См.: VIII Всетуркестанский съезд КПТ. Стенографический отчет. — Т., 1924. Бюллетень № 1. С. 13; Бюллетень № 9. С. 10—11.

ко отличается от оседлого, но между ними не существует непроходимой грани, вследствие происходящего оседания кочевников и перехода, в отдельных случаях, оседлого населения к скотоводству (например, в случае уменьшения свободной воды).

Одинаковые природные условия вели к однообразию хозяйственного быта, одинаковым приемам земледелия и ирригационной техники в различных ступенях их развития. Формы материальной культуры, формы жилищ, их внутренность, одежда, домашняя утварь, перевозочные средства, инструменты и оружие,— на всем пространстве Средней Азии представляют незначительные изменения и имеют приблизительно одинаковые формы. Пища и способ ее приготовления, объясняющийся общим недостатком древесного топлива, также одинаковы на пространстве Средней Азии.

Единство материальной культуры дополняется и единством культуры духовной. Продолжительное общение кочевых и оседлых народов привело их к взаимному обмену идеями. Уже более двенадцати веков, как ислам проник в Среднюю Азию и более пяти веков, как исчезли другие религии, когда-то здесь господствовавшие. За этот незначительный промежуток времени ислам успел наложить глубокий отпечаток на сознание и быт среднеазиатского населения. На нем же построены правовые нормы... Распространяется объединяющая идея об общечеловеческом братстве, отчасти подготовленная к усвоению исламом. Другая идея объединения — националистическая осталась, повидимому, пока чуждой народным массам и не привела еще к национальной исключительности»[1].

Однако эти научные обобщения не были востребованы, ибо они не соответствовали в тот период политическим интересам Центра.

В апреле-июне 1924 г.[2] в недрах центральных органов коммунистических организаций Средней Азии и

---

[1] Среднеазиатский экономический район. Очерки по экономике Средней Азии. — Т., 1922. С. 23, 24.

[2] Ход развития событий на этом этапе освещается по исторической литературе: Гордиенко А. А. Создание советской национальной государственности в Средней Азии. С. 158—164; История коммунистических организаций Средней Азии. С. 730—733; Погорельский И. В. История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики. — Л., 1984. С. 217—219 и др.

Средазбюро ЦК РКП шла усиленная работа по подготовке практических предложений по национальному размежеванию, которые затребовало от них заседание политбюро ЦК РКП от 5 апреля 1924 г. Для более детального, углубленного изучения вопросов размежевания при центральных комитетах компартий Туркестана и Бухары были созданы специальные комиссии. Подобная комиссия работала и при Средазбюро, при ней были созданы национальные подкомиссии: узбекская, казахская и туркменская. В состав казахской подкомиссии были введены представители киргизов, в узбекскую — представители таджиков.

Подкомиссии были заняты разработкой практических вопросов размежевания: определением ориентировочных границ будущих республик, выработкой планов создания экономических, партийных и культурных центров новых республик и областей. В ходе работы этих подкомиссий острые прения развернулись вокруг вопроса о характере и принципах строительства новых образований. Снова всплыла идея о создании «Среднеазиатской федерации». Казахские представители, выступившие с этой идеей, предлагали присоединить к ней и Казахскую АССР. Однако большинство членов подкомиссий отстаивали создание самостоятельных национальных республик с вхождением их в СССР.

Доклады подкомиссий были заслушаны на заседании комиссии Средазбюро ЦК РКП(б) 10 мая 1924 г., а 11 мая Средазбюро, обсудив результаты работы специальной комиссии и ее подкомиссий, утвердило разработанный ею конкретный план национально-территориального размежевания Средней Азии. Принятое постановление гласило: «1. Признать необходимым произвести размежевание Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республик по национально-территориальному признаку, не образуя федерации из вновь выделяемых национально-территориальных объединений. 2. Организовать Узбекскую и Туркменскую республики на правах независимых ССР с непосредственным вхождением в СССР, Таджикскую автономную область в пределах Узбекской республики, Киргизскую автономную область, оставив открытым вопрос о том, в состав какой республики последняя войдет. 3. Включить казахов, населяющих Туркреспублику, в ныне существующую Казреспублику».

Однако, принимая это постановление, Средазбюро не учло изменение ситуации. Еще 8 мая 1924 г. члены хорезмской делегации, прибывшие в Ташкент на Среднеазиатскую экономическую конференцию, подали председателю Средазбюро ЦК РКП «Записку о разрешении национального вопроса в Хорезме», которая была подписана ответственным секретарем ЦК ХКП Адинаевым, членом Исполбюро ЦК ХКП Абдусалямовым и рядом членов правительства Хорезмской республики. «Экономическая целесообразность Хорезмского района, — подчеркивалось в записке, — его особенности и отличия от туркестанских районов, отсутствие связи отдельных районов Хорезма с внехорезмскими предполагаемыми центрами национальных республик» настоятельно диктуют оставить Хорезм в качестве самостоятельного административного района в его пределах. Кроме того, предлагалось объединить с Хорезмской республикой Амударьинскую область Туркреспублики.

По сути это был отказ от проведения размежевания Хорезма. Тем не менее Средазбюро проигнорировало это мнение, внеся в первый пункт своего постановления и Хорезмскую республику. 9 июня Исполбюро ЦК ХКП поддержало телеграммой позицию авторов записки. Признавая, что единственным способом решения туркменского вопроса является размежевание, тем не менее Исполбюро настаивало на сохранении Хорезма на федеративных началах его устройства, мотивируя свою позицию тем, что Хорезм — сложившийся экономический район с отдельной системой орошения и т. п.

Заседание политбюро ЦК РКП(б), состоявшееся 12 июня 1924 г., было вынуждено внести соответствующие коррективы в материалы Средазбюро. Хотя в повестке стоял вопрос «О национальном размежевании республик Средней Азии (Туркестан, Бухара и Хорезм)», однако политбюро постановило: из туркменских частей Туркестана, Бухары и Хорезма образовать независимую Туркменскую республику; из узбекских частей Туркестана и Бухары образовать независимую Узбекскую республику; Хорезмскую республику с выделением туркмен оставить в ее прежнем виде. Далее в постановлении говорилось о создании Кара-Киргизской (Киргизской) автономной области, о Таджикской автономной области в составе Узбекской республики,

о присоединении казахских районов Туркреспублики к Казахской АССР. Образование новых республик политбюро приурочило к концу бюджетного года (октябрь). Соответственно намечалась реорганизация коммунистических партий Туркестана и Бухары.

26 июля уже обновленный состав ЦК Хорезмской коммунистической партии отменил решение от 9 июня и признал необходимость национального размежевания и для Хорезма. Политбюро ЦК РКП(б) по предложению Средазбюро вновь вернулось к этому вопросу и включило Хорезм наравне с Бухарой и Туркестаном в процесс национально-территориального размежевания.

По сути, с решения политбюро ЦК РКП от 12 июня 1924 г. процесс подготовки национально-территориального размежевания вошел в новую стадию. 15 июля Средазбюро ЦК создало временное бюро вновь образуемых национальных республик и областей. Предстояло запланированные новые национальные образования наполнить содержанием: уточнить их территорию, разграничить и определить границы. Эта работа была сосредоточена в несколько ранее созданных Средазбюро ЦК РКП(б) Территориальной комиссии, ее национальных подкомиссиях (узбекской, в состав в которой был введен представитель таджиков, туркменской, казахской) и специальных комиссиях, образованных для решения спорных вопросов.

В состав Территориальной комиссии Средазбюро ЦК РКП были включены представители всех вновь образуемых республик и областей. Это были руководители советско-партийных органов Средней Азии и Казахской АССР: Н. Айтаков, К. Атабаев, Ю. Абдурахманов, И. Айдарбеков, И. М. Варейкис, Р. Исламов, Д. И. Манжара, И. И. Межлаук, А. Рахимбаев, Х. Сахат-Муратов, Ф. Ходжаев, С. Ходжанов и др.

Стенографические отчеты заседаний Территориальной комиссии[1] позволяют сегодня по-настоящему оценить сложность и неоднозначность проблем, с которыми столкнулись исполнители этой, по образному выражению одного из них, «национальной разгруппировки населения». Вся совокупность этих проблем обозначилась с особой остротой на втором заседании этой

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 2, д. 100, лл. 9—39; ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 3868, лл. 22—29.

омиссии (4 июня 1924 г.), посвященном обсуждению проектов постановлений национальных подкомиссий збекской, туркменской, казахской) и хорезмской делегации. Прежде всего эти проекты показали, что еще е было достигнуто единства мнений относительно авного вопроса — формы и конструкции размежевания. Если представители узбекской и туркменской подкомиссий стояли в целом на одной позиции — создание на основе размежевания независимых, «национальных советских» республик и автономных областей, а хорезмская делегация продолжала отстаивать в неприкосновенности Хорезмскую республику, то казахская подкомиссия еще раз выдвинула идею создания Советской среднеазиатской федерации.

Еще большее разнообразие позиций обозначилось при разграничении территории Средней Азии между наметившимися национальными образованиями. В оглашенном Рахимбаевым проекте узбекской подкомиссии планировалось создать Узбекскую республику в составе территорий бухарских узбеков за исключением левобережья Амударьи, Чарджуя, Керки; хорезмских узбеков, самаркандских узбеков за исключением пяти кочевых волостей Джизакского уезда; ферганских узбеков за исключением горной части, населенной киргизами; ташкентских узбеков с Ташкентским и Мирзачульским уездами. К таджикской автономной области в составе Узбекской республики отводились территории горной (восточной) части Бухары — Гузара, Куляба, Матчи и др. По мнению узбекской подкомиссии, и Туркменская республика должна была состоять из территорий туркмен Туркменской области Туркестанской республики, Бухарской и Хорезмской республик. Киргизскую автономную область находили целесообразным образовать в составе населенных киргизами районов Семиреченской, Сырдарьинской и Ферганской областей.

Однако оглашенные вслед за узбекским проекты других национальных подкомиссий выявили наличие существенных территориальных претензий: казахские представители настаивали на включении в территорию, отходящую к Казахской республике, некоторых уездов Сырдарьинской области; туркменские представители претендовали на правый берег Амударьи вплоть до Чарджуя; хорезмийцы, заявив о сохранении Хорезма как отдельной самостоятельной единицы, тем не

менее полагали включить в него Амударьинскую область и др.

Едва ли эти территориальные притязания были продиктованы какими-либо экспансионистскими устремлениями. Они были порождены самой объективной реальностью, присущей Средней Азии: чересполосным расселением народов региона, своеобразием их этнического развития и этногенеза, его определенной незавершенностью; исторически сложившимися на пространстве региона экономическими районами тяготения и их центрами, налаженными торгово-хозяйственными взаимосвязями между земледельческим и скотоводческим населением и т. д. Взятые за основу размежевания два принципа — национально-территориальный и экономический — в приложении к существующим в Средней Азии реалиям не срабатывали, выдвигая перед его участниками трудноразрешимые задачи, усугубляя недовольство и распри между ними.

Так при использовании экономического принципа в разграничении отдельных спорных территорий в соответствии со сложившимися локальными районами экономического тяготения приходило большее понимание истинной значимости общего для всех народов Средней Азии фактора — исторически сложившегося экономического единства всего среднеазиатского региона. Степенью его признания или игнорирования можно объяснить многообразную гамму мнений, предложений, высказанных относительно обустройства экономической жизни новых образований. Последовательным сторонником экономического размежевания выступил на заседании Атабаев. По его мнению, «политическая независимость, которую мы объявляем, утрачивает в экономическом объединении всякий смысл». Его позицию определенным образом поддержали и другие участники заседания. Пытаясь «остудить» сторонников широкого толкования понятия «независимость» в тех условиях, осторожный Ф. Ходжаев предупреждал, что «они не должны рассматривать свои территории, как отдельные независимые хозяйственные районы, но как районы, которые составляют единое и цельное с хозяйством СССР».

В споре с оппонентами более последовательно отстаивал свою позицию С. Ходжанов. Исходя из своеобразия исторического развития Средней Азии, он предостерегал: «Экономика не определяется ведь одними

бумажными законодательствами. Поэтому я говорю, сколько бы ни размежевывались, а от экономического единства в Средней Азии мы не отмахнемся». Его проект создания Среднеазиатской федерации как единого сплоченного государственного объединения исходил именно из этой исторически сложившейся территориальной, экономической общности. Поэтому с предложением о выделении казахских территорий Туркестанской республики и присоединении их к Казахской АССР он одновременно настаивал на объединении последней со всеми новыми республиками и автономными областями в единое сплоченное государственное образование. На доводы А. Рахимбаева, что «Советская федерация — это расширение наших национальных трений, перенесение их из туркестанского масштаба в масштаб среднеазиатский» Ходжанов уверенно парировал: «Ведь тут секрет не в юридическом размежевании, фактически мы сразу не размежуемся и не ликвидируем межнациональные трения, поэтому нужно как следует предварительно подготовиться».

Позицию Ходжанова поддержал и киргизский представитель Т. Абдурахманов. «Поскольку наша экономика связывает хозяйство в среднеазиатском масштабе, нельзя от этого отмахиваться росчерком пера и, — призывал он, — нужно найти правильный выход».

И этот выход тут же был предложен председательствующим на этом заседании, членом Средазбюро ЦК РКП О. Карклиным. «Мы должны постановить, — указывал Карклин, — что экономическая связь, существующая между республиками Средней Азии, как бы они не размежевывались, должна быть сохранена в лице ныне существующего Экономического совета».

Так дискутируемый вопрос о возможностях экономической независимости или экономического объединения в пределах самого среднеазиатского региона под руководством представителей ЦК РКП преобразился в вопрос о сохранении представительных органов Центра в Средней Азии как единственно уполномоченных решать эти судьбоносные для народов этого региона вопросы. Об этом с определенным цинизмом на заседании твердо заявил член Средазбюро И. Межлаук: «Раз вы признаете необходимым политический центр в Средней Азии, то верхом наивности будет думать, что не будет экономического центра. Это неизбежно. Не стоит мечтать о том, что может быть иначе»...

Сущность происшедшего сразу же верно была оценена присутствующими. А. Рахимбаев, фактически с самого начала возглавлявший процесс подготовки национально-территориального размежевания, воздержался от голосования по вопросу «о необходимости сохранения экономической связи, существующей в пределах Среднеазиатских республик» в интерпретации представителей Средазбюро ЦК РКП, означавшей сохранение экономического центра — СредазЭКОСО. И все же большинством голосов прошло предложение о сохранении СредазЭКОСО, точно так же, как и о сохранении Средазбюро ЦК РКП.

Таким же образом простым голосованием, не прибегая к более углубленному научному изучению спорных вопросов, участники заседания высказались против образования Среднеазиатской федерации (на что Ходжанов заявил, что оставляет за собой право апелляции), за создание Узбекской, Туркменской республик с их непосредственным вхождением в СССР, формирование Таджикской в составе Узбекской республики и Киргизской автономных областей.

Вообще у участников заседания Территориальной комиссии Средазбюро ЦК РКП было понимание о недостаточной подготовленности основных вопросов национально-территориального размежевания, их ориентировочном решении, потребности в их научном обосновании; указывалось на необходимость привлечения добавочных материалов, статистических данных, желание иметь соответствующие карты. Исходя из этого, в частности, было отложено рассмотрение вопроса о границах новых образований.

Результаты деятельности Территориальной комиссии были обсуждены в Средазбюро и руководящих органах коммунистических организаций Средней Азии. 14 сентября 1924 г. на объединенном пленуме ЦК КПТ, ЦКК КПТ и Ревизионной комиссии с докладом о работе Территориальной комиссии выступил председатель комиссии, ответственный секретарь ЦК КПТ И. Варейкис[1].

В преамбуле доклада привлекают внимание сделанные им два замечания, которые приоткрывают истинный механизм осуществления размежевания. «Разумеется, — утверждал Варейкис, — вопрос о нацио-

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 3866, лл. 5—40.

нальном размежевании существующих ныне государственных единиц Средней Азии подлежит разрешению в конституционном порядке, с соответствующим паритетным участием от отдельных наций, которые размежевываются, от отдельных народностей, подлежащих размежеванию, но мы великолепно понимаем, что *фактически единственным руководителем в данном вопросе* (выделено нами. — *Ред.*) является наша партия — к счастию для этих народов» и, далее, «территориальная комиссия заседала *примерно недели две, занимаясь упорной, длительной работой* (выделено нами.— *Ред.*)[1].

Значительное внимание в докладе было уделено возникшим в Территориальной комиссии разногласиям. Причем оценка этих разногласий на страницах доклада была не всегда адекватной. Если в начале доклада, подчеркивая «упорную, длительную» работу Территориальной комиссии, он отмечал: «Не скрою от пленума, что в работе Территориальной комиссии проявились значительные разногласия, обычные и понятные в таких условиях трения» и что «разногласия были очень большими», то заключил он свой доклад на более оптимистичной ноте: «Эти разногласия по существу не представляют собой разногласий крупного характера, это были разногласия, касающиеся отдельных волостей, частей волостей и т. д. и, понятно, крупного значения они не играли и играть не могли...»[2].

Вообще ознакомление с содержанием работы Территориальной комиссии, итоги которой были изложены в докладе Варейкиса, показывает отсутствие каких-либо отработанных научных методик при подходе к столь сложному вопросу, как национально-территориальное размежевание, и особенно это сказывалось при решении вопросов со спорными территориями.

При определении территорий и границ новых национальных образований в Средней Азии большевистское руководство действительно столкнулось с реальными трудностями. Веками складывавшееся чересполосное расселение различных народов региона, их хозяйственные, чисто житейские связи показывали значимость признания не только национального момента, но и знание исторического развития народов, учета

---

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 3866, л. 18.
[2] Там же, лл. 18, 22, 40.

таких факторов, как хозяйственные, бытовые условия, экономическая целостность территорий, экономическое тяготение территорий и т. д. Несомненно, такая работа требовала более длительной и тщательной подготовки, учета мнений ученых — этнографов, экономистов, историков и др. Между тем ни один из них не был введен в состав Территориальной комиссии.

Деятельность Территориальной комиссии своим непрофессионализмом зачастую приводила к недовольству местных руководителей. В частности, в сентябре 1924 г. председатель ЦИК Восточной Бухары Н. М. Лутфуллаев обратился в ЦК РКП с письмом, в котором просил пересмотреть решение Территориальной комиссии о Таджикской автономной области. Он предлагал: включить в ее границы Ура-Тюбе, Ходжент, Канибадам, Исфару, Сох, Риштан, Уч-Курган и другие прилегающие местности с преобладающим таджикским населением; предоставить новому образованию возможность организоваться в самостоятельную республику на тех же принципах, что и Туркменская и Узбекская республики.

Несовершенство проделанной Территориальной комиссией работы, итоги которой и определили в целом судьбу национально-территориального размежевания, было вынуждено признать и само большевистское руководство. Вскоре после этого акта председатель Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) И. А. Зеленский в одном из докладов отмечал: «Первые шаги, которые мы сделали — это работа по национальному размежеванию, по созданию национальных республик, проделанная нами. Эту работу мы провели вчерне, здесь еще много недоделанного, эта работа проделана топором»[1].

Тем не менее Объединенный пленум ЦК КПТ, ЦКК КПТ и Ревизионной комиссии одобрил в целом план национально-территориального размежевания Туркестана, Бухары и Хорезма, утвердил решения Территориальной комиссии и Средазбюро ЦК РКП и принял решение созвать Чрезвычайную сессию ТуркЦИК для рассмотрения и утверждения этого плана.

Так вопрос о национально-территориальном размежевании в Средней Азии, который до этого времени рассматривался, подготавливался и окончательно решался только партийными органами, было решено пе-

[1] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 2, д. 177, л. 41.

редать на утверждение советским органам. И более того, Объединенный пленум ЦК КПТ в своей резолюции по этом вопросу предложил «открыть широкую кампанию в рабочих и дехканских массах»[1].

Это замечание Варейкиса весьма знаменательно. Действительно, население края до сего времени было отстранено от обсуждения столь важного для его судеб вопроса. Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют несколько уточнить позицию партийных органов относительно самой разъяснительной кампании. Еще 26 июня 1924 г. Средазбюро ЦК РКП(б) после обсуждения постановления политбюро ЦК РКП о размежевании (12 июня) наметило провести в августе 1924 г. широкую агитационную кампанию среди членов партии и беспартийных масс с целью ознакомления их со значением намеченного мероприятия. 15 июля 1924 г. были разработаны и утверждены Средазбюро тезисы о национально-государственном размежевании. 13 августа ЦК КПТ публикует обращение «Всем обкомам, уездкомам, бюро ячеек и всем членам и кандидатам партии», в котором устанавливалась строгая регламентация сроков и порядка обсуждения этого вопроса: до 25 августа оно должно было пройти внутри всех партийных ячеек, а затем с 25 августа по сентябрь включительно агитационно-разъяснительной кампанией предполагалось охватить беспартийные дехканские и рабочие массы путем проведения собраний профессиональных организаций, союзов «Кошчи» и т. д.[2].

Агитационная кампания осуществлялась под строгим контролем руководящих партийных органов и прежде всего Средазбюро ЦК РКП(б). Повсеместно при обкомах партии были созданы комиссии по проведению кампаний в составе ответственных работников областей; проведены инструктивные заседания, партийные собрания, подготовлены планы проведения кампании. В подготовительной, инструкторской работе приняли участие члены Средазбюро ЦК РКП, ЦК КПТ. В частности, в Туркменской области на заседании ответственных работников выступил с докладом представитель Средазбюро О. Карклин, который предупредил, что «до получения директив из ЦК КП приступать (к агитационной кампании. — *Ред.*) нельзя и

---

[1] Туркестанская правда, 1924, 15 сентября.
[2] Там же, 19 августа.

вообще необходима осторожность подхода к этому сложному вопросу». Здесь же побывал и ответственный секретарь ЦК КПТ Варейкис, который непосредственно инструктировал членов обкома партии о методах и порядке проведения кампаний[1].

Сводки обкомов партии о ходе агитационной кампании отсылались в ЦК КПТ и Средазбюро ЦК РКП(б). Жесткость организации кампании свидетельствовала о некоторой неуверенности, тревоге в среде партийного руководства региона. Действительно, уже на этапе обсуждения в партийных ячейках выявились моменты, подтверждавшие наличие почвы для этой тревоги. 31 августа 1924 г. Средазбюро ЦК РКП рассмотрело вопрос о дополнении и уточнении директив Средазбюро о проводимой агитационной кампании по размежеванию среднеазиатских республик. Заседание констатировало, что «проводимая агиткампания по размежеванию среднеазиатских республик в некоторых организациях приобретает неправильный характер, могущий привести и частью приводящий уже к отклонению от тех общих партийных и политических директив, которые даны Среднеазиатским Бюро ЦК РКП». В частности отмечалось, что «исходя из неправильно понимаемых национальных интересов, разжигаются национальные страсти, вследствие этого возникают недопустимые трения, извращение политической линии нашей партии в национальном вопросе. Вместо воспитания и развития беспартийной массы, она скрыто втягивается в межнациональную борьбу, политически развращается».

Средазбюро предложило центральным комитетам КПТ, БКП и ХКП обязать местные парторганизации строго руководствоваться новыми директивами: «При проведении агиткампании по размежеванию, как устной, так и печатной, строго руководствоваться интернациональным коммунистическим моментом и не допускать национального уклона по какому бы то ни было вопросу, возникающему между отдельными национальностями при размежевании. Не допускать публичных дискуссий по линии нацразногласий в такой форме, которые способны лишь обострить национальные взаимоотношения, свести наше решение по национальному вопросу к вульгарному мелкобуржуаз-

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 4270, л. 42.

ному национализму. Каждый член партии должен усвоить и твердо помнить, что он является прежде всего членом Коммунистической партии... При публичном обсуждении вопросов размежевания придерживаться строго постановлений ЦК РКП и Средазбюро о нацразмежевании среднеазиатских республик...»[1].

Стремление свести обсуждение вопроса о национально-территориальном размежевании в строго регламентированные рамки дало свои плоды. Партийному руководству среднеазиатских республик под руководством Средазбюро ЦК РКП удалось избежать серьезных потрясений и добиться от партийных и беспартийных масс одобрения и поддержки партийного плана национально-территориального размежевания и образования новых республик и автономных областей. В принятых резолюциях многочисленных беспартийных собраний, конференций штамповались признания «первостепенной важности» размежевания среднеазиатских республик по национально-территориальному признаку для окончательного изжития «остатков прошлого угнетения народов Востока», создания условий для их приобщения к «великой семье трудящихся Союза Советских Социалистических республик», выступления «по всему фронту на путь классовой борьбы» для завершения своего окончательного освобождения «от всех и всяких притеснителей, угнетателей и эксплуататоров»[2].

15 сентября 1924 г. начала работу внеочередная сессия ТуркЦИК. В ее повестке стоял один вопрос: национально-территориальное размежевание. С докладом выступил Р. Исламов. В целом этот доклад не отличался оригинальностью. По своему содержанию, освещению вопросов: о целях и задачах, своевременности и значимости проведения национально-территориального размежевания, его конкретных формах (союзные и автономные республики и области) и т. д. — он был явным повторением всей совокупности идей и положений, выдвинутых на ранних этапах. Более того, высказанные в нем некоторые положения предвосхитили, предопределили дальнейшие пути формирования концепции национально-территориального размежевания. Прежде всего в преамбуле доклада привлекает внимание тезис, что семилетний опыт советского строитель-

[1] ААП РУз, ф. 60, оп. 1, д. 4270, лл. 8, 9.
[2] См.: Туркестанская правда. 1924. 2, 5, 8 сентября и др.

ства продемонстрировал историческую значимость советской модели разрешения национального вопроса. С созданием Союза ССР, десятков автономных советских республик в бывших колониях царизма «не на словах, а на деле», утверждает Исламов, были осуществлены «принципы полного равноправия всех наций», «полная свобода самоопределения». По мнению докладчика, «национальный вопрос разрешен только потому, что мы свергли власть буржуазии, помещиков, власть капиталистов и баев — завоевали власть»[1].

Докладом было положено начало формированию понимания национально-территориального размежевания как полного осуществления «принципа национального самоопределения», создания новых «национально-государственных образований». Позднее советские обществоведы приложат немалые усилия для разъяснения содержания, сущности таких «марксистско-ленинских» дефиниций, как «национальное самоопределение», «советская национальная государственность». *А пока Исламов, характеризуя экономическую направленность* новых «национально-государственных образований» и подчеркивая, что «Узбекская республика будет чисто земледельческой, Кара-Киргизия (Киргизская республика. — *Ред.*) — земледельческо-скотоводческой, Туркменская — винодельческо-скотоводческой и Кирреспублика (Казахская. — *Ред.*) — скотоводческой», не преминул отметить: «Когда мы рассматривали вопросы экономического размежевания, то решили командные высоты экономики Средней Азии: банки, импортную торговлю, хлопководство и органы водного хозяйства объединить в среднеазиатском масштабе. Все остальное будет размежевано между вновь организуемыми республиками».

И еще: впервые в докладе Исламова появился тезис, что национально-территориальное размежевание есть акт волеизъявления народа: «вместе с народами Туркестана свою волю о национальном размежевании выявили и народы Бухары и Хорезма. Они также стремятся исправить результаты исторической несправедливости путем слияния в единое государство всех узбеков, киргиз и туркмен». Это нашло отражение в принятом 16 сентября 1924 г. сессией постановлении ТуркЦИК о размежевании. В нем было заявлено:

---

[1] Туркестанская правда, 1924, 17 сентября.

«Исходя из принципов, руководимых национальными отношениями и национальным строительством народов Советского Союза, идя навстречу всеобщей воле рабочих и дехканских масс Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики, Центральный Исполнительный комитет ТАССР постановляет:

1. Во исполнение всеобщей воли рабочих и дехканских масс узбекского народа **предоставить право узбекскому народу выйти из состава ТАССР** и образовать независимую Узбекскую Советскую Социалистическую Республику.

2. Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс туркменского народа **предоставить право туркменскому народу выйти из состава ТАССР** и образовать независимую Туркменскую Советскую Социалистическую Республику.

3. Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс киргизского (казахского) народа **предоставить право киргизскому (казахскому) народу выйти из состава ТАССР**, в целях объединения киргизских (казахских) областей ТАССР с Киргизской (Казахской) Советской Социалистической Республикой.

4. Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс кара-киргизского (киргизского) народа **предоставить право кара-киргизскому (киргизскому) народу выйти из состава ТАССР** и образовать Кара-Киргизскую автономную область.

5. Во исполнение выраженной всеобщей воли рабочих и дехканских масс таджикского народа **предоставить право таджикскому народу выйти из состава ТАССР** и образовать Таджикскую автономную область.

6. Внести данное постановление во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики для рассмотрения и утверждения на очередной сессии»[1].

Позже форма национального самоопределения таджиков была несколько изменена. На заседании 4 октября 1924 г. Узбекское бюро по национально-территориальному размежеванию постановило: согласиться с решением Таджикской комиссии об образовании Таджикской автономной республики с вхождением ее в состав Узбекской союзной республики. На этом же

[1] ЦГА РУз, ф. 17, оп. 1, д. 139, лл. 25–27.

заседании после долгих тяжб было решено: не возражать против включения в состав Таджикской республики Пенджикентского и Ура-Тюбинского районов[1].

20 сентября состоялся V Всебухарский курултай Советов. В принятом на нем постановлении отмечалось: «...Всебухарский курултай по докладу Файзуллы Ходжаева о размежевании Средней Азии по национальному признаку постановляет:

1. а) Вручить в собственные руки всем национальностям их жизнь и судьбу, для чего создать Узбекскую республику.

б) В скорейшее время приобщить население Средней Азии к социалистической жизни.

в) В экономических и хозяйственных началах обеспечить им осуществление выраженных пожеланий.

г) В целях возрождения былой великой узбекской культуры из состава узбекского населения Туркестана, Бухары и Хорезма — образовать Великую Узбекскую Социалистическую Советскую Республику, а из населяющих эту область таджиков образовать автономную Таджикскую область...

IV. Признается равноправность населяющих среднеазиатские области казах-киргизов (казахов. — *Ред.*). В интересах туркменского народа курултай находит целесообразным образовать Туркменскую республику.

V. Считать необходимым Узбекской и Туркменской республикам войти в состав Союза Советских Социалистических Республик»[2].

V Всехорезмский курултай Советов, проходивший 29 сентября — 2 октября 1924 г., принял постановление о национально-территориальном размежевании. На основе постановления V Всехорезмского курултая было предоставлено узбекам, туркменам и каракалпакам, проживающим в Хорезме, право выделиться из состава Хорезмской республики и объединиться с соответствующими национальными республиками и автономными областями[3].

14 октября 1924 г. II сессия ВЦИК РСФСР утвердила постановление ЦИК Туркестанской республики о национально-территориальном размежевании с некоторыми изменениями в отношении таджикского на-

---

[1] РЦХИДНИ, ф. 62, оп. 2, д. 1744, л.1414.
[2] ЦГА РУз, ф. 47, оп. 1, д. 563, лл. 7—8.
[3] Там же, ф. 71, оп. 1, д. 31, л. 32.

рода. Было признано целесообразным предоставить таджикскому народу право образовать Таджикскую автономную республику в составе Узбекской республики, а не автономную область, как это было указано в постановлении сессии ТуркЦИК и Всебухарского курултая. Согласно решению сессии ВЦИК РСФСР в Средней Азии образовывались: Узбекская и Туркменская союзные республики, Таджикская автономная республика, Каракалпакская и Киргизская автономные области[1].

27 октября 1924 г. II сессия ВЦИК СССР удовлетворила ходатайство чрезвычайной сессии Центрального Исполнительного Комитета ТАССР, V Всебухарского курултая Советов и V Всехорезмского курултая Советов о национально-территориальном размежевании и образовании новых республик и областей, подтвердив, что «свободное волеизъявление трудового народа является самым высшим законом».

Постановление ЦИК СССР поручило «Президиуму ЦИК СССР осуществить оформление вновь образующихся республик в Средней Азии согласно решения съездов Советов этих республик».

Таким образом, в сентябре-октябре 1924 г. национально-территориальное размежевание получило законодательное оформление в постановлениях высших органов государственной власти среднеазиатских республик, Российской Федерации и Союза ССР.

После постановления II сессии ВЦИК СССР было за короткий срок осуществлено фактическое оформление вновь созданных национальных образований. Специальные сессии ЦИК Туркестанской, Бухарской, Хорезмской республик в ноябре 1924 г. приняли решение о самороспуске. Во вновь образующихся республиках были созданы революционные комитеты, которые возглавили подготовительную работу по созыву учредительных съездов Советов новых республик и автономных областей.

13 февраля 1925 г. открылся I съед Советов УзССР. Съезд Советов 17 февраля принял «Декларацию об образовании Узбекской Советской Социалистической Республики». Декларация законодательно оформила создание УзССР и объявила о добровольном вхождении УзССР в состав СССР. В Декларации отмечалось,

---

[1] Народное хозяйство Средней Азии. 1924. № 4. — С. 208.

что «отныне на территории узбекского народа в составе областей: Ташкентской, Самаркандской, Ферганской, Кашкадарьинской, Зарафшанской, Сурхандарьинской и Хорезмской впервые в истории этого народа учреждается Узбекская Советская Социалистическая Республика рабочих и крестьян с вхождением в нее Таджикской Автономной ССР».

13 мая 1925 г. III съезд Советов Союза ССР удовлетворил «свободное волеизъявление народов» Туркменской и Узбекской республик о их вхождении в состав Союза ССР.

Таким образом завершилось законодательное оформление Узбекской союзной республики, и на карте мира появилась национальная советская республика Узбекистан как союзная республика в составе СССР. Это была многонациональная республика: из 8 131 062 человек, составлявших население Средней Азии, к Узбекской республике отошли 3 963 285 человек, из них узбеков было 3 381 579 человек, т. е. около 3/4 всего населения республики. По сути в Узбекскую республику вошли около 90% всех узбеков, проживавших на территории Средней Азии[1].

* * *

Итак, конец 1924 г. был ознаменован претворением в жизнь политики большевизма по национально-территориальному размежеванию Средней Азии. Это была искусно задуманная акция, продиктованная интересами борьбы с главным идеологическим и политическим противником — национально-освободительным движением, в течение десятилетий остававшимся решающим фактором противодействия имперским устремлениям царизма и большевизма, главной консолидирующей силой в масштабе всего среднеазиатского региона.

Для осуществления этой навязанной народам региона политики потребовалось приложить значительные по времени и средствам усилия. В первый период — с 1920 г., времени появления идеи национального размежевания, до 1924 г., начала ее практического претворения в жизнь — был запущен механизм ее

[1] Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. — С. 398—399.

идеологического, политического, культурно-духовного обоснования и подготовки почвы для последующих действий.

В течение четырех лет проводилось широкомасштабное давление на самосознание народов вначале Туркестанской, а позже и Бухарской и Хорезмской республик, искусственное форсирование интеграции, национальных идентичностей.

Второй период — 1924 г. — это непосредственно само размежевание, проведенное от начала до конца партийными функционерами Средней Азии под руководством ЦК РКП и его полномочных представителей при полном отсутствии каких-либо механизмов волеизъявления народов.

Претворение в жизнь идеи размежевания народов явилось удачно осуществленным тактическим маневром большевиков. Прежде всего ощутимый урон был нанесен по идеологии и практике национально-освободительного движения. С созданием национально-территориальных образований, приданием им статуса «национальной государственности» Центру удалось направить внимание народов региона с внешнего врага, каковым для них являлся он сам, на внутренние проблемы, что не замедлило сказаться на состоянии национально-освободительного движения в Средней Азии. С середины 20-х годов оно пошло на убыль. Многие идеологи и руководители движения (А. Валидий, Шермухаммадбек и др.), признав бесперспективность в сложившихся условиях продолжения освободительной борьбы в самом регионе, эмигрировали за границу с твердым намерением перенести борьбу на международную арену с целью привлечения внимания международной общественности к проблемам среднеазиатских народов[1].

Но, и это самое главное, этой акцией большевики добились существенных успехов и в своих стратегических геополитических замыслах. Вовлечением в национально-территориальное размежевание одновременно с Туркестанской автономной республикой РСФСР также Бухарской и Хорезмской республик — юридически независимых государств, их переделом и образованием на их основе новых национально-территори-

[1] См.: Ахмад Закий Валидий Тўғон. Бўлинганни бўри ер.— С. 200.

альных образований с их вхождением в состав СССР эти два древних среднеазиатских государства исчезли с политической карты мира. Большевики еще раз подтвердили свою верность имперской политике царизма, его геополитическим притязаниям на среднеазиатский регион.

Осуществление размежевания и образование новой «национальной государственности» привнесли новые нюансы в дальнейшее развитие самих народов Средней Азии. Была прервана тысячелетняя история развития среднеазиатской государственности. При всей частоте смены господствующих династий, подвижках пространственно-территориальных параметров неизменной оставалась главная составляющая среднеазиатской государственности — исторически сложившаяся полиэтничность ее населения и его чересполосное расселение с присущей ему общностью хозяйственной, бытовой, религиозной, духовно-культурной жизни[1]. Каждый этнос, занимая свою определенную нишу, оставался составной, неизменно равноценной частью этой общности. Теперь, с образованием союзных республик, автономных республик и областей, вводилось ранжирование, дифференциация этносов. И не только в связи со статусом их образования, но и внутри него: титульный этнос, давший название этому образованию, и «национальные меньшинства». Таким образом, часть населения, продолжая жить и трудиться на земле своих предков, превращалась, по официальному определению, в «нацменьшинство», что не могло не накладывать соответствующий отпечаток на их сознание, порождать убеждение в некоей ущербности своих прав, что, несомненно, отражалось на этнонациональных процессах внутри образований. Конфликтность ситуации еще более усугублялась проблемой «разделенных этносов», ибо новые национально-территориальные образования, концентрируя основную часть «титульной» национальности, тем не менее в связи с чересполосицей продолжали оставаться также полиэтническим обществом с идентичным набором этносов в каждом из них. По сути, под будущие этнонациональные процессы и взаимоотношения между народами Средней Азии были заложены мины замедленного дей-

---

[1]См.: Ислам Каримов. Узбекистан на пороге XXI века. — Т., 1997. С. 73, 97, 101, 145—148.

ствия, способные в чрезвычайных ситуациях взорваться всевозможными конфликтами и обострениями.

И далее, едва ли правомерно новые образования оценивать как создание «национальной государственности» народов Средней Азии. Ибо со вступлением в состав СССР и подписанием Договора об образовании СССР, с сохранением здесь Средазбюро ЦК РКП, СредазЭКОСО и других подобного рода всесоюзных институтов все свойственные государству властные функции и полномочия оказались в распоряжении Центра. По образному определению Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова, эти образования являлись протогосударствами (подобием государства)[1]. При полном отсутствии суверенности и независимости этих образований они, по сути, были низведены до уровня административно-экономических районов СССР, которым уже при их создании была определена роль сырьевых придатков, обслуживающих интересы Центра.

---

[1] Ислам Каримов. Указ. соч. — С. 59.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Раздел I. ТУРКЕСТАН В 1917—1920 ГОДАХ

Глава I. ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

1. Туркестан накануне февральской революции. 9
2. Политическое пробуждение. 18
3. Зарождение и оформление идеологии движения за автономию Туркестана. 33

Глава II. ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ. ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ ТУРКЕСТАНА ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

1. Вооруженный большевистский переворот в Ташкенте. . . 61
2. III краевой съезд советов. Установление власти советов на местах. 70
3. IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд. Образование Туркистон мухторияти 80
4. Разгром Туркистон мухторияти. 95

Глава III. ФОРМИРОВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ТУРКЕСТАНЕ

1. Провозглашение советской автономии Туркестана. 113
2. Политический кризис. 123
3. Становление централистских тенденций в руководстве Туркреспубликой. 139

Глава IV. ИСТИКЛОЛЧИЛАР ҲАРАКАТИ — ДВИЖЕНИЕ БОРЦОВ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ТУРКЕСТАНА

1. Возникновение движения борцов за независимость и его сущность. 164
2. Развертывание движения. 192
3. Консолидация сил Ферганской вооруженной оппозиции. 208
4. Усиление движения борцов за независимость в Фергане. 225

Глава V. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В КРАЕ В КОНЦЕ 1917—1920 Г.

1. Первые экономические преобразования советской власти в крае. 244

2. Хозяйственное строительство в Туркестане в условиях «военного коммунизма». 254
3. Продовольственная политика советской власти. 269

Глава VI. БУХАРА И ХИВА В 1917—1920 ГГ.

1. Обострение политической обстановки в ханствах. 285
2. Ликвидация Хивинского ханства и образование Хорезмской Народной советской республики. 297

3. Крушение эмирата и провозглашение Бухары Народной советской республикой. 310

4. Хозяйственная жизнь Бухарского и Хивинского государств в 1917—1920 гг. 335

Раздел II. ТУРКЕСТАН В 1921—1924 ГОДАХ

Глава I. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ТУРКЕСТАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. Усиление вооруженного противостояния в Туркестанской республике. 363
2. Тактическое обновление национальной политики большевиков в начале 20-х годов. 379
3. Тотальная советизация Туркестана. 389
4. Рост национальной оппозиции в эшелонах власти. 413

Глава II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ТУРКЕСТАНЕ

1. Введение нэпа 429
2. Народное хозяйство в условиях нэповского реформирования 436

3. Социальные аспекты «нового курса» 488

Глава III. БУХАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 1921—1924 ГГ.

1. Развертывание освободительного движения 522

2. Советизация Бухарской республики. 553
3. Тенденции изменений в социально-экономической сфере. 581

Глава IV. ХОРЕЗМСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 1921—1924 ГГ.

1. Общественно-политическая обстановка. 612
2. Социально-экономическое положение Хорезма. 628

Заключительная глава

Национально-территориальное размежевание Средней Азии. Образование Узбекской советской республики. 641

ТУРКЕСТАН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: К ИСТОРИИ ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Ташкент
Главная редакция
издательско-полиграфического
концерна «Шарк»
2000

Редактор *Клюева О. Н.*
Художественный редактор *Самойлов М. Н.*
Технический редактор *Хижова Л. Ю.*
Набор и верстка *Ахмамова М. А.*
Корректор *Русакова Л. М.*

Сдано в набор 13.07.2000. Подписано в печать 4.10.2000. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Гарнитура Таймс. Усл.п.л. 35,3. Уч.-изд. л. 36,2. Тираж 5000 экз. Заказ № 831.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфического концерна «Шарк».
700083, г. Ташкент, ул. Буюк Турон, 41.